

Словарь клляйнианского психоанализа

A Dictionary of Kleinian Thought

R. D. HINSHELWOOD

Free Association Books
London

Словарь клянианского психоанализа

Р. Д. Хиншелвуд

Перевод с английского
под общей редакцией
И. Ю. Романова

Когито-Центр
Москва • 2007

УДК 159.9
ББК 88
Х 47

Перевод с английского
З. Баблояна
Научная редакция
И. Ю. Романова

Х 47 **Роберт Д. Хиншелвуд**. Словарь кляйнианского психоанализа / Пер. с англ. — М.: Когито-Центр, 2007. — 566 с. (Библиотека психоанализа)

УДК 159.9
ББК 88

«Словарь кляйнианского психоанализа» Р. Хиншелвуда является выдающимся по охвату и содержанию обзором психоаналитической теории школы Мелани Кляйн. «Словарь» включает в себя как базовые, классические понятия («Супер-Эго», «депрессивная позиция», «проективная идентификация» и т. д.), так и более современные концепции кляйнианских аналитиков («психическое изменение», «патологическая организация»).

Книга Р. Хиншелвуда переведена на многие языки и признана одним из лучших руководств по кляйнианскому психоанализу. Рекомендуется психоаналитикам, психотерапевтам, психологами и всем тем, кто интересуется психоанализом и историей психоаналитической мысли.

ISBN 0-946960-83-6 (англ.)
ISBN 5-89353-203-1 (рус.)

Содержание

Кляйнианская мысль на русском языке: предисловие научного редактора

Выдающаяся книга Роберта Хиншелвуда «Словарь кляйнианского психоанализа» (в оригинале — «A Dictionary of Kleinian Thought») теперь существует и на русском языке. Все слова о значении этого труда уже сказаны, и можно лишь присоединиться к хору восторженных голосов (см. предисловие Р. Янга, отзывы Х. Сигал, Э. Ботт Спиллиус, Р. Бриттона и другие). Мы действительно имеем дело с замечательным научным свершением, результатом грандиозных усилий — систематическим описанием развития идей кляйнианской школы психоанализа от пионерских работ Мелани Кляйн и ее соратников до трудов британских аналитиков 1990-х годов. И именно потому, что речь идет о развитии, эволюции некоего теоретического и практического подхода, «систематичность» данного изложения имеет весьма специфический вид. Вот об этой стилистической особенности «Словаря» Хиншелвуда, столь трудно поддающейся переводу, мне бы и хотелось сказать несколько слов.

Через всю книгу Р. Хиншелвуда, на мой взгляд, проходят две сквозные идеи. Одна, *метапсихологическая*, заключается в том, что кляйнианская теория шаг за шагом отказывается от фрейдовской экономической модели психики, причем отказ этот намного более радикальный, хотя и более тонкий, чем в широко известных «теориях объектных отношений» Фэйрберна или Винникотта (см. главы ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ; ИНСТИНКТ; ЛЮБОВЬ; ФЭЙРБЕРН и др.). Кляйн пересматривает само понятие инстинкта, сосредоточиваясь на тревоге и лежащих в ее основе бессознательных фантазиях (включающих представления об объектных отношениях), выводит на первый план агрессию и инстинкт смерти, рассматривает психическую структуру как подвижную и непрерывно взаимодействующую с внутренними и внешними объектами (через процессы проекции и интроекции). Все это закономерно приводит к техническим новациям: главенствующей роли анализа переноса, нарастающему вниманию к контрпереносу, интерпретативной активности аналитика с опорой на принцип «ведущей тревоги» (и в целом — его активному участию в переработке трудновыносимых психических состояний пациента), отслеживанию хитросплетений защит и тревог в аналитических отношениях: в мельчайших отыгрываниях, уходах, псевдоаналитических альянсах и т. д. В результате в кляйнианских описаниях мы встречаемся с весьма изменчивой картиной внутреннего мира, в котром

защита оборачивается исполненной смысла фантазией, а вчерашний инсайт — терапевтическим тупиком.

И здесь возникает новый вопрос — и новая сквозная тема книги Р. Хиншелвуда: а как можно описать этот многомерный субъективный мир, как передать это знание другим? Этот вопрос *методологический*: как возможна наука о субъективном? Он отсылает нас к дискуссиям о научном статусе психоанализа, сопровождающим его со времени возникновения. Является ли психоанализ герменевтической наукой, близкой истории, искусствознанию и некоторым социальным дисциплинам? Входит ли он в число наук о природе, как физика или физиология? Сочетает ли в себе черты обеих методологий? Представляет ли собой нечто третье, вроде конструирующей собственный предмет нарративной науки? Все эти вопросы не рассматриваются в «Словаре» детально, однако свое понимание автор обозначает достаточно ясно. Кляйнинский подход, по его мнению, предлагает версию психоанализа, упраздняющую дихотомию объективного и субъективного, принадлежащего природе и присущего человеческой душе. Он является наукой о субъективном, высказывающейся на языке личностных смыслов и фантазий, в которой «объективное» и «субъективное» измерение чередуются и взаимообратимы (см. главы СУБЪЕКТИВНОСТЬ, ВНУТРЕННЯЯ РЕАЛЬНОСТЬ; ВНЕШНИЙ МИР; ПРОБЛЕМА ДУША–ТЕЛО; БЕССОЗНАТЕЛЬНАЯ ФАНТАЗИЯ и др.).

Кляйн часто обвиняли в том, что она путает языки объективного (научного) описания и субъективного переживания. Например, в своих работах (особенно ранних) она легко могла писать о проекции или экстернализации ребенком своего Эго или Ид в ходе игры. У многих аналитиков это могло вызывать раздражение, поскольку термины, «объективно» описывающие некоторые структуры, теперь использовались для передачи субъективного опыта. Должно было пройти достаточно много лет, чтобы из того, что казалось путаницей, возник метод. «Фантазия — это и функция, и фикция», — писала С. Айзекс. На примере фундаментального психического явления — бессознательной фантазии — она показала, как процесс, описываемый объективно (например «интроекция»), всегда переживается субъективно («инкорпорация» как поглощение, поедание и т. д.) и, переживаемый таким образом, приводит к *объективным* изменениям (меняются поведение, черты характера, физиологические функции).

В результате в средоточии кляйнианского мышления оказываются некие синтетические, принципиально двусоставные понятия. Так, «бессознательная фантазия» объединяет в себе физическое (инстинкт) и психическое (представление), индивидуальное (желание) и социальное (объект). То же можно сказать о «позиции», «зависти» и большей части других понятий, составляющих первую часть «Словаря» Р. Хиншелвуда. Эта особенность кляйнианской теории зачастую приводит к непреодолимому непониманию со стороны тех аналитических школ, что стремятся к научной точности. Вместе с тем это создает ощутимые трудности при восприятии

кляйнианских текстов неподготовленным читателем и, на чем мне бы хотелось остановиться подробнее, при их переводе.

Важнейшая особенность «Словаря кляйнианского психоанализа» состоит в том, что он является словарем по жанру, но не по стилю. Создавая своего рода энциклопедию кляйнианских терминов и понятий, живых или уже сошедших с научной арены, Р. Хиншелвуд, очевидно, не стремился к излишней строгости. Активное использование множества синонимов для одного и того же термина, «разговорный» стиль определений, намеки и сокращения — все это создает трудно передаваемое ощущение присутствия при рождении, развитии или угасании живой мысли. Само английское название — «Словарь кляйнианской мысли» — очень точно[1]. Язык и речь имеют свои четко очерченные единицы (слова, предложения), но если мы говорим о мысли, ее элементы текучи и переменчивы. Автору удается ухватить и передать читателю смысл, но переводчика здесь подстерегают ловушки. Одна из них — стремление однозначно выразить то, что по сути своей не является однозначным. Так, например, на первых порах мы пытались найти точные русские эквиваленты всем английским синонимам одного термина: «harsh» — «жесткое», «severe» — «суровое», «строгое», «tough», «hard» — ?? — все это в отношении Супер-Эго. Однако затем стало понятно, что подобная строгость искажает замысел автора, превращает его книгу в то, чем она не является, — сухой академический глоссарий. Подобным образом недолго просуществовала идея переводить повторяющееся выражение «kleinian thought» как «кляйнианская система взглядов». Приходилось бороться со стремлением систематизировать мысль, как раз систематизации-то и противящуюся (см. критические замечания автора в главе ЭГО-ПСИХОЛОГИЯ).

С другой стороны, некоторые фразы, на первый взгляд, случайно брошенные автором, зачастую представляли собою настоящие теоретические сгущения и требовали к себе предельно внимательного отношения. В такой работе необычайно помогало общение с автором, вначале очное, а затем посредством Интернета. Сам Р. Хиншелвуд отмечает, что нет ничего более странного, чем излагать кляйнианские идеи чисто теоретически. Кляйнианский подход вырабатывался внутри клинической практики, и в отрыве от этой живой субстанции интерсубъективного взаимодействия он может быть совершенно непонятен. Именно поэтому Б. Джозеф предлагает придерживаться в его изложении *индикативного метода*: для человека, который никогда не видел красного цвета, никакое теоретическое описание не заменит *указания* на красный предмет. Опираясь на эту максиму, Р. Хиншелвуд написал еще одну книгу, что-то вроде второго тома «Словаря» — «Кляйнианский клинический практикум» (*Clinical Klein*, 1994).

---

[1] Мы отказались от него в связи с малой известностью определения «кляйнианский» для русскоязычного читателя; была необходима отсылка к психоанализу.

Вся эта работа состоит из прокомментированных клинических примеров известных аналитиков-кляйнианцев. Будем надеяться, что она также будет переведена.

Но научное знание выковывается не только в исследовательских лабораториях и практических занятиях. Не менее важную роль играют дискуссии с близкими по духу или, напротив, критически настроенными коллегами. И в этом книга Р. Хиншелвуда, стремящаяся реконструировать «чистую» традицию кляйнианской мысли, оказывает научному сообществу неоценимую услугу. Сегодня, когда, по словам самого автора, кляйнианские идеи все больше отрываются от родной почвы и интегрируются в иные психоаналитические культуры, такая восстанавливающая контекст работа чрезвычайно важна. Ее можно поставить в один ряд с переизданием трудов основоположников кляйнианского психоанализа (см. Spillius, ed., 1988), а также с классическими и современными изложениями данного подхода (см. Segal, 1973; Likierman, 2001; Bronstein, ed., 2001). Однако от всех других работ эту книгу отличает выразительный след «мысли Роберта Хиншелвуда», превращающий «Словарь» в неповторимое авторское творение.

В заключение мне бы хотелось поблагодарить людей, помогавших этой книге увидеть свет. Прежде всего это Р. Хиншелвуд, написавший ее и оказавший неоценимую помощь при переводе. Также я хочу высказать благодарность издательству «Free Association Books» и лично Кити Миллер за содействие в получении авторских прав. Самоотверженный труд переводчика З. Баблояна и литературного редактора Е. Донской сделал эту книгу тем, что она есть. Я хочу поблагодарить Г. Голдсмита за его всегда своевременные и исчерпывающие консультации при переводе трудных английских терминов и транскрибировании имен. Существенную техническую помощь при подготовке текста оказала В. Науменко. И, конечно же, этой книги не было бы без поддержки и организаторских усилий А. Поршенко, которому я выражаю свою искреннюю признательность.

И. Ю. Романов
Харьков, 23 июля 2006 г.

Hinshelwood, R.D. (1994) *Clinical Klein.* London: Free Association Books.

Spillius, E. Bott (ed.) (1988) *Melanie Klein Today: Developments in Theory and Practice*, Volume 1, Mainly Theory; Volume 2, Mainly Practice. London, Routledge.

Segal, H. (1973) *Introduction to the Work of Melanie Klein.* London, Hogarth.

Likierman, M. (2001) *Melanie Klein: Her Work in Context.* London & New York, Continuum.

Bronstein, C. (ed.) (2001) *Kleinian Theory. A Contemporary Perspective.* Whurr publishers, London & Philadelphia.

Предисловие английского издателя

Уже в течение довольно долгого времени я ощущаю, что психоанализ многое теряет из-за отсутствия ясного и доступного описания кляйнианских и посткляйнианских понятий, а также достижений главных представителей этой традиции. Особенно выиграли бы при этом работы самой Кляйн, поскольку их часто считают трудными для понимания, как и работы Биона. Нередко говорят, что кляйнианские идеи легче всего уяснить в ходе супервизии, когда они излагаются в свете клинического материала.

И однажды мне подумалось, что труд Раймонда Уильямса «Ключевые слова» (Raymond Williams, *Keywords*. Fontana, 1976), в котором прослеживается историческое развитие культурологических понятий, мог бы послужить моделью для такой книги — наряду с «Языком психоанализа» Лапланша и Понталиса (J. Laplanche and J.-B. Pontalis, *The Language of Psycho-Analysis*. Hogarth, 1983). В тот же день я поделился этой идеей с Бобом Хиншелвудом; нас объединяла совместная работа: я направлял его в изучении истории идей, а он осуществлял супервизию моих клинических случаев. На следующий день он позвонил мне и согласился взяться за этот проект. Я и не представлял, какую честолюбивую задачу он перед собой поставил и сколь всестороннюю и основательную книгу напишет.

Невозможно выразить, как я горд тем, что отредактировал и опубликовал эту книгу, которая, я уверен, станет вехой в развитии психоанализа. Я думаю, теперь уже никто не сможет игнорировать кляйнианские идеи лишь потому, что их трудно понять, зато многие, как это произошло со мной, обнаружат, что их собственный опыт и опыт их пациентов заиграет новыми гранями в потоке яркого света. Как я и предполагал, при подготовке второго издания некоторые очерки потребовалось переработать, хотя в целом книга получила горячее одобрение аудитории. В ней заложена основа для ясного понимания и большей доступности кляйнианских идей. Я благодарен автору и восхищаюсь им.

Роберт М. Янг

Предисловие автора к русскому изданию

Когда больше пятнадцати лет назад я составлял свой «Словарь», меня вдохновлял «Язык психоанализа» Лапланша и Понталиса (Laplanche and Pontalis, 1967). Но было понятно, что я должен сделать что-то иное, непохожее на этот труд. Вместо утверждения идей Фрейда мне нужно было проследить их развитие. На работу Мелани Кляйн и ее последователей влияли разные факторы, которые привели к соответствующим изменениям в психоаналитической теории, и не последнюю роль здесь сыграли открытия, касающиеся детства и младенчества, сделанные в анализе маленьких детей.

Первое издание моей работы вышло в 1989 году. Критические отклики на нее (Britton, 1989; Spillius, 1989) очень помогли мне в подготовке второго издания, вышедшего в 1991 году (Segal, 1993). С тех пор «Словарь» был переведен на разные языки. Этот перевод седьмой по счету, и ожидаются еще два. Таковы свидетельства начавшегося взлета кляйнианских идей.

Со времени первой публикации «Словаря» произошло стремительное развитие кляйнианских идей — они оторвались от родной почвы и распространились далеко за пределами британского психоанализа. В 1991 году еще можно было думать об отдельной совокупности кляйнианских текстов. В большинстве случаев была возможность достаточно ясно видеть, что находится внутри, а что вне границ данного подхода. Но сегодня уже невозможно сделать то, что я сделал тогда, и достаточно четко сконструировать некий корпус кляйнианской литературы. Сейчас она слишком разнообразна, в ней слишком много попыток сравнения и объединения с другими школами психоаналитической мысли. Ко времени первого издания пристальный интерес к кляйнианскому психоанализу по особым причинам существовал в Южной Америке и Италии. Культура Южной Америки долго стремилась обрести голос, отличный от голоса Северной Америки. Преобладание классической эго-психологии на Севере, без сомнения, привлекло внимание к Мелани Кляйн в качестве некой оппозиции традиционным взглядам (и несколько позже — к Лакану, страстно выступавшему против биологизма эго-психологии). В 1970-х годах эго-психология исчерпала свой ресурс, и в США, где психоанализ был столь предан медицине, перед ним встали новые проблемы. С тех пор психология самости, психоанализ отношений, учения Лакана и Мелани Кляйн добились столь многого, что вряд ли сегодня в США можно найти человека, который объявил бы себя эго-психологом.

Современный интерес к психоанализу в России развивается в контексте этих радикальных перемен в мировом психоанализе, когда влияние классической венской школы угасло и возникли новые парадигмы, стремящиеся и конкурировать, и понимать друг друга. Наблюдая этот плавильный тигель, российские психоаналитики, безусловно, могут оказаться несколько обескураженными.

Истоки психоанализа в России относятся ко времени начала советской эры, когда психоанализ укоренялся в большинстве европейских стран. В России он ассоциировался с Троцким из-за его личных связей, близкого знакомства с некоторыми первыми венскими аналитиками. Разумеется, психоанализ не пережил падения и изгнания Троцкого, хотя, возможно, есть нечто специфически русское в мрачном духе психоанализа, что Фрейд находил у Достоевского (Freud, 1928).

В психоаналитическом мире Мелани Кляйн вновь завоевала популярность, и растущая волна интереса к ней, без сомнения, подхватила и данный «Словарь». В 2001 году я провел недельный семинар в Украине и увидел живую реакцию и энтузиазм людей, свободных от старой советской системы. Один из лидеров харьковской группы, Игорь Романов, инициировал перевод «Словаря» на русский язык, что свидетельствует о серьезной научной работе данной группы, а также о многообещающем будущем психоанализа в Восточной Европе.

Когда в 1960 году Кляйн умерла, ее подход оставался маргинальным. Но ее последователи продолжали развивать теоретические идеи, на которые Кляйн лишь намекнула или которые затронула вскользь. Многие аналитики (Jaques, 1955; Money-Kyrle, 1956; Brenman-Pick 1985) продолжали линию осмысления техники, которую Бион назвал «контейнированием» (Bion, 1962). Сигал (Segal, 1957) придала точность понятию образования символов и описала нарушения этого процесса (символические равенства), на что Кляйн лишь кратко указала (Klein, 1930). Примерно так же гораздо позднее О'Шонесси (O'Shaugnessy, 1999) пересмотрела кляйновское понятие Супер-Эго и морали.

Десятилетие, последовавшее за написанием этой книги, стало периодом все большего укрепления кляйнианской группы. Часть этой работы заключалась в пересмотре трудов основателей школы (Britton, Feldman and O'Shaugnessy, 1989; Anderson, 1992), а часть — в изучении консолидирующей работы современных кляйнианцев (Bell, 1997; Shafer, 1997). Не менее важной, хотя и менее заметной, была работа, направленная на понимание подробностей разыгрывания, в котором бессознательно объединяются аналитик и пациент, — начало ей положили Бетти Джозеф (Joseph, 1989; Hargreaves and Varchevker, 2004) и Джон Стайнер (Steiner, 1993). Определенный интерес привлекло исследование вопроса о том, существуют ли более общие констелляции патологической организации, согласующиеся с диагностическими типами (см., например, Britton, 1995; Sodré, 1994). Это продолжающееся прояснение и развитие идей открыло доступ к несомненным достижениям

и результатам творчества Кляйн в тот период, когда международный психоанализ искал новые модели.

Я должен поблагодарить очень многих людей за помощь в построении исходной концепцию этой книги. Не в последнюю очередь это Боб Янг, с которым я обсуждал множество вопросов, в том числе — истоки и достижения западной мысли. Именно в одном из таких обсуждений возникла идея «Словаря». В то время в издательском доме Боба, *Free Association Books*, работал, как Боб его называл, «книжный доктор». Это был Карл Фиглио. Благодаря его усилиям мой текст определенно избавился от части своих недугов, хотя, увы, не от всех. Мой собственный импульс был задан десятилетием преподавания кляйнианской теории людям, получавшим в 1980-х годах в Британии новую, развивающуюся профессию психоаналитического психотерапевта. У них я научился задавать кляйнианским текстам правильные вопросы, и им должна адресоваться благодарность моя и читателей «Словаря». С тех пор многие рецензенты, комментаторы, переводчики и читатели дали мне немало пищи для размышлений над текстом, который я написал так давно! Хочу сказать спасибо Тревору Брауну, сегодняшнему владельцу *Free Association Books*, за то, что книга остается в продаже. За появление русского издания я прежде всего многим обязан Игорю Романову и его группе.

Роберт Хиншелвуд
Декабрь 2005 г., Норфолк

Anderson, Robin (1992) (ed.) *Clinical Lectures on Klein and Bion*. London: Routledge.

Bell, David (1997) (ed.) *Reason and Passion*. London: Tavistock Clinic.

Bion, W.R (1962) *Learning from Experience*. London: Heinemann.

Brenman Pick, Irma (1985) Working through in the countertransference. *International Journal of Psychoanalysis 66*: 157–166.

Britton, Ronald (1989) Book review: A Dictionary of Kleinian Thought. British Journal of Psychotherapy 6: 112–114.

Britton, Ronald, Feldman, Michael and O'Shaughnessy, Edna (1989) *Oedipus Complex Today*. London: Karnac.

Britton, Ronald (1995) Psychic reality and unconscious belief. *International Journal of Psycho-Analysis 76*: 19–23.

Freud, Sigmund (1928) Dostoyevsky and parricide. *The Standard Edition of the complete Psychological Works of Sigmund Freud, Volume 21*: 177–194.

Hargreaves, Edith and Varchevker, Arturo (2004) *In Pursuit of Psychic Change*. London: Brunner-Routledge.

Jaques, Elliott (1955) The social system as a defence against persecutory and depressive anxiety. In In Melanie Klein, Paula Heimann and Roger Money-Kyrle, eds. *New Directions in Psycho*-Analysis. London: Tavistock, pp. 478–98.

Joseph, Betty (1989) *Psychic Change and Psychic Equilibrium*. London: Routledge.

Klein, Melanie (1930) The importance of symbol-formation in the development of the ego. *International Journal of Psychoanalysis 11*: 24–39.

Laplanche, Jean and Pontalis, J.-B. (1967) *Vocabulaire de la Psychanalyse*. Paris: Presse Universitaire de France. English Edition 1973 *The Language of Psycho-Analysis* London: Hogarth.

Money-Kyrle, Roger (1956) Normal counter-transference and some of its deviations. *International Journal of Psychoanalysis 37*: 360–366.

O'Shaugnessy, Edna (1999) Relating to the superego. *International Journal of Psychoanalysis 80*: 861–870.

Segal, Hanna (1957) Notes on symbol formation. *International Journal of Psychoanalysis 38*: 391–397.

Segal, Hanna (1993) Book review: *A Dictionary of Kleinian Thought*. *International Journal of Psychoanalysis 74*: 417–419.

Shafer, Roy (1997) (ed.) *The Contemporary Kleinians of London*. New York: International Universities Press.

Sodré Ignes (1994) Obsessional certainty a versus obsessional doubt: from 2 to 3. *Psychoanalytic Inquiry 14*: 379–392.

Spillius, Elizabeth (1989) The language of Kleinian thought. *Free Associations 18*: 90–110.

Steiner, John (1993) *Psychic Retreats*. London: Routledge.

Предисловие ко второму изданию

Исправленное издание «Словаря кляйнианского психоанализа» дает мне счастливую возможность учесть в книге тот шквал откликов, который вызвало первое издание. Ничто не вдохновляет сильнее, чем столь многочисленные и в подавляющем большинстве благожелательные отклики.

Но не все, кто отозвался на мою книгу, согласны друг с другом, и это заставило меня задуматься над географией данной области знаний. В результате я добавил новый материал и переписал некоторые места. К счастью, объем переписанных фрагментов и необходимых изменений весьма невелик, чему я рад вдвойне: во-первых, это означает, что мое изложение кляйнианской теории оказалось в целом приемлемым; во-вторых, тот, кто изучил первое издание, не потратит много времени и усилий, чтобы ознакомиться со вторым. Наиболее важным отличием второго издания является добавленный материал.

Основная часть критики касалась двух тем: определенных аспектов инстинкта смерти и зависти и связанной с именем Бетти Джозеф модификации техники.

Критика в связи с первым вопросом побудила меня несколько переделать статьи ИНСТИНКТ СМЕРТИ, ЗАВИСТЬ, АГРЕССИЯ и ПЕРВЕРСИЯ.

Сложнее было определиться со вторым направлением критики — с указанием, что я недооценил и недостаточно осветил деятельность Бетти Джозеф. Публикация в 1989 году собрания ее статей под редакцией Майкла Фельдмана и Элизабет Спиллиус поставила этот вопрос более остро. Данная книга — замечательное собрание статей о выдающихся результатах работы влиятельной группы лондонских кляйнианцев, работы, одобренной и признанной всей Кляйнианской группой. Она связана с феноменом «отыгрывания внутри», как обозначила его Бетти Джозеф. Джозеф описывает этот феномен как клиническое проявление, в наиболее выраженной форме встречающееся в аналитическом лечении трудных пациентов определенного типа, тех, кого, по ее выражению, «трудно достичь». «Отыгрывание внутри» в клинической практике соответствует теоретическому описанию тех проблем, которые другие аналитики-кляйнианцы называют «патологическими организациями». В настоящем издании я больше внимания уделил этой работе, добавив новые статьи: ПАТОЛОГИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ и, чтобы осветить деятельность Бетти Джозеф, ПСИХИЧЕСКОЕ ИЗМЕНЕНИЕ

и ПСИХИЧЕСКОЕ РАВНОВЕСИЕ (термины, принятые Фельдманом и Спиллиус ради придания работам Бетти Джозеф большей технической ясности), ПСИХИЧЕСКАЯ БОЛЬ и ОТЫГРЫВАНИЕ ВНУТРИ. Это повлекло за собой некоторую модификацию уже существовавших статей, ПЕРЕНОС и КОНТРПЕРЕНОС. Я получил возможность полнее изложить свое мнение о значении работы Бетти Джозеф в рецензии на ее книгу для журнала «Свободные ассоциации» (*Free Associations,* 22).

Кроме того, чтобы подчеркнуть важный аспект кляйнианской техники, добавлена еще одна маленькая статья — ПАМЯТЬ И ЖЕЛАНИЕ. Я дополнил библиографию изданиями, вышедшими между 1987 и 1989 годом включительно[1], а также попытался отследить переиздание ранее опубликованных работ кляйнианцев, которое, похоже, перерастает сейчас в самостоятельную и масштабную индустрию.

Я исправил несколько небольших ошибок преимущественно орфографического характера, за указание на которые благодарен друзьям и коллегам. К чести редактора *Free Association Books* Селины О'Греди, лишь немногие из этих ошибок ускользнули от ее бдительного ока. Я благодарен Ханне Сигал за время, потраченное ею на комментарии и обсуждение первого издания книги, а также Элизабет Ботт Спиллиус: она вела со мной обстоятельную переписку, последовавшую за ее рецензией на первое издание (On Kleinian language, *Free Associations* 18: 90–110). И как всегда, в моей работе меня всячески поддерживал и помогал мне принимать решения Боб Янг.

Роберт Хиншелвуд
Август 1990 г.

---

[1] В русском переводе книга содержит библиографию вплоть до 1995 года. — *Примеч. науч. ред.*

*Моему отцу, который не слишком хорошо
понимал такой тип мышления,
но гордился бы моими усилиями*

Введение

Кляйнианские понятия описывают чрезвычайно примитивные элементы человеческой психики, далекие от здравого смысла и скорее напоминающие неуловимые частицы ядерной физики. Этих основных строительных блоков немного, но они составляют фантастически сложную структуру. Однако, в отличие от элементарных частиц, психическая материя в принципе может быть познана отдельным человеком. Он *является* душой совсем не в том смысле, в котором является массивным комплексом электронов и протонов. В какой-то мере психика доступна познанию тех, кто способен исследовать себя с помощью аналитика или без его помощи. На письме невозможно передать чувство понимания — но только *знание о* тех понятиях, в которые читателю предстоит вникать наедине с самим собой.

Труднодоступность кляйнианского мышления обусловлена не только тем, что оно укоренено в переживаниях пациента, но и тем, что сами эти переживания чрезвычайно далеки от осознанного и вербального мышления и их очень трудно сообщить так, чтобы они сохраняли смысл вне конкретного партнерства аналитика и пациента. «Описание подобных примитивных процессов сталкивается с серьезным препятствием, поскольку эти фантазии возникают тогда, когда ребенок еще не начал мыслить словами» (Klein, 1946, p. 8n). С этими проблемами приходится бороться любому автору психоаналитического текста. Данный словарь — не исключение, и я попытался приступить к описанию понятий, не закрывая глаза на их чрезвычайную сложность и отдаленность от обыденного мышления.

В некоторой степени определениям можно придать жизнь, передавая ход тех дискуссий, в которых они возникли, но облекать в плоть и кровь психоаналитические понятия таким образом затруднительно, особенно понятия кляйнианские, которые максимально тесно связаны с клиническими основаниями психоанализа. Кляйнианская теория – *клиническая* теория, и ее основой являются собственные теории пациентов об их психике. Это стремление принимать всерьез субъективный опыт пациента зачастую может приводить к путанице, в частности, потому, что язык субъекта и язык наблюдателя в «научной» психологии традиционно разделены.

Кляйнианскому подходу присущи следующие основные характеристики:

1. Кляйн начала профессиональную деятельность и занятия психоанализом в достаточно зрелом возрасте и поэтому — а также, вероятно, вследствие личностных своих особенностей — постоянно стремилась достичь безопасного положения в психоаналитическом сообществе, что ей никогда полностью не

удавалось. Кляйнианский психоанализ остается корпусом знаний, которые бережно сохраняются группой людей («Кляйнианской группой»), столь же отстраненно настороженных и столь же обеспокоенных проблемой, как с данным знанием могут поступить те, кто им завладеет. В течение долгого времени полемика с другими психоаналитическими школами либо отсутствовала, либо, если все же происходила, вырождалась в перепалку с переходом на личности.

2. Тем не менее Кляйн, как всем новаторам, посчастливилось пережить радость открытия новой техники, позволяющей продвинуться в своей области исследований гораздо дальше предшественников. Кляйн восхищали возможности разработанной ею игровой техники, и она очень хотела показать другим ее полезность. Но новизна и сила этого подхода не смогли обеспечить Кляйн ту надежную позицию, к которой она стремилась; наоборот — из-за своих исключительных достижений она становилась в ортодоксальном психоаналитическом сообществе нелепой и маргинальной фигурой.

3. Другой важный компонент мышления Кляйн — то особое значение, которое она придавала «объектным отношениям». Оно было обусловлено постепенно возрастающим вниманием к особому измерению аналитических отношений — переносу. Профессиональная деятельность Кляйн пронизана медленным осознанием конкретной реальности внутренних объектных отношений, процессом их постижения в игре детей и безумии психотиков и, в качестве результата этих открытий, — радикальным пересмотром природы и использования переноса.

Развитие теории Кляйн не всегда шло в одном направлении. Его стадии можно перечислить в приблизительном хронологическом порядке:

1919	Значимость содержания тревоги (а не ее инстинктивного источника)
1922	Игровая терапия
1923	Бессознательная фантазия
1923	Насилие и садизм в фантазийной жизни
1925	Отказ от расписания фаз развития
ок. 1925	Персекуторные циклы
1926	Внутренние объекты
1926	Вина и раннее Супер-Эго
1927	Интроекция фантастических образов родителей
1928	Символизация, персонификация и экстернализация
1930	Примитивные защитные механизмы
1933	Инстинкт смерти
1935	Значимость любимого объекта
1935	Депрессивная позиция

1946 Персекуторные состояния и защиты до депрессивной позиции (параноидно-шизоидная позиция)
1957 Зависть.

Я счел некоторые из этих понятий настолько важными, что первый раздел данного словаря («А») составлен из тринадцати «Основных статей», посвященных вышеперечисленным базовым понятиям. Эти главные статьи выстроены в хронологическом порядке. Некоторые понятия возникают и исчезают (такие, как «Фаза женственности»); другие прочно занимают центральное место (в частности, «Бессознательная фантазия» и «Внутренние объекты»); одно («Техника») относится к важному инструменту, благодаря которому совершены открытия. Эти тринадцать статей вполне можно воспринимать как главы своего рода «Введения в кляйнианский психоанализ».

Последняя из «Основных статей» («Проективная идентификация») посвящена понятию, с которым в наибольшей степени связано развитие кляйнианского психоанализа коллегами Кляйн в последний период ее работы (1945–1960) и позднее.

Вторая часть словаря («Б») состоит из «Общих статей», упорядоченных в алфавитном порядке. Здесь мы намеревались путем перекрестных ссылок сделать доступной всю матрицу понятий, и настойчивый читатель сможет выбрать тот путь, который более всего отвечает его интересам. В «Общих статьях» также подробно рассматриваются достижения последователей Кляйн. Подобно Фрейду, Кляйн оставила наследие с огромным потенциалом развития. На его основе позднее возникло множество разработок, в частности:

(i) Развитие концепции проективной идентификации: различение нормальной проективной идентификации и патологической (Bion, 1959); образование символов и его аномалии (Segal, 1957); теории контейнирования и мышления (Bion, 1962, 1970); введение понятия контрпереноса в теорию терапевтического действия (Money-Kyrle, 1956).

(ii) Клинические манифестации инстинкта смерти: исследование негативного нарциссизма (Rosenfeld, 1971); патологическое структурирование личности (Meltzer, 1968; Joseph, 1975).

(iii) Непосредственное наблюдение за младенцами на самых ранних стадиях жизни: кожа и адгезивная идентификация (Bick, 1968; Meltzer, 1975); аутизм (Meltzer *et al.*, 1975; Tustin, 1981).

В процессе написания этого словаря я еще более уверился в том, что понятия Кляйн вытекают из контекста фрейдовской мысли. Поэтому было важно дать некоторое ее описание, и мне пришлось определяться с тем, насколько объемлющим должно быть разъяснение этого теоретического фундамента.

Наверное, некоторым читателям мое описание покажется слишком развернутым, повторяющим то, что им уже известно; другим — слишком кратким, им могут потребоваться более подробные сведения, и в этом случае я могу только посоветовать им обратиться к «Языку психоанализа» Лапланша и Понталиса (J. Laplanche and J.-B. Pontalis, *The Language of Psycho-Analysis*) и превосходному в своей простоте «Критическому словарю психоанализа» Чарльза Райкрофта (Charles Rycroft, *Critical Dictionary of Psycho-Analysis*).

Для кляйнианской традиции всегда был характерен акцент на клинической работе, и можно сказать, что практически в каждой кляйнианской статье мы находим внушительный объем клинического материала, подкрепляющего аргументацию автора. Поэтому Кляйн, выдающийся наблюдатель-практик, всегда отступала, когда чувствовала (как это было в период разногласий, между 1926 и 1946 годами), что ей нелегко обосновать свои доводы. Она всегда опиралась на то психологическое содержание, которое проявлялось в материале ее пациентов. Странновато создавать внеклиническое изложение кляйнианской системы взглядов, однако цель данного словаря в значительной мере заключается в том, чтобы свести вместе различные теоретические нити.

Хотя кляйнианские понятия обязаны своим происхождением предшествовавшему им классическому психоанализу, сегодня они далеко отстоят от эго-психологии, доминирующей на текущий момент традиции, исходящей из классического психоанализа Фрейда. Везде, где возможно, я указываю на расхождение путей этих двух школ.

Наконец, работая над данным словарем, для собственных целей я составил достаточно полную библиографию, и, поскольку налицо весьма четкая граница между теми, кто работает строго в рамках кляйнианского психоанализа, и всеми остальными, кажется разумным включить эту библиографию в словарь.

Я столкнулся с затруднениями в использовании местоимений третьего лица. Местоимение среднего рода (*it*) звучит, по-моему, неприятно безлично в описании столь выраженно человеческого, личностного материала. Если же постоянно определять местоимение сочетанием слов «он или она» или «его или ее», это приводит к утяжелению стиля. Поэтому иногда я пишу «он» или «его» там, где подразумеваю как мужскую, так и женскую идентичность, и никого этим не хочу обидеть. Фактически я считаю (и в этом следую психоаналитическому подходу), что гендер — поверхностный феномен: все мы представляем собой амальгаму обоих гендерных стереотипов, и употребление местоимений «он» или «она» сводит идентичность к частичному объекту; это утверждение, возможно, станет более понятным после прочтения статьи «Отец».

Я хочу поблагодарить своего аналитика-кляйнианца, своих учителей-психоаналитиков и своих пациентов, которые научили меня обращению с этими сложными понятийными инструментами, а также тех, кто помог мне написать мою книгу: Джиллиан Бомон, Джо Берке, Сюзен Айзекс Элмхерст,

Карла Фиглио, Селину О'Грейди, Фрэнка Орфорда, Ханну Сигал, Элизабет Спиллиус, Виктора Волфенстайна и Боба Янга. Особенно должен отметить ту постоянную поддержку, которую я с благодарностью принимал от Боба Янга; и то строгое интеллектуальное испытание, которому подверг мою рукопись Карл Фиглио, что помогло мне отнестись к работе гораздо более тщательно, чем было бы возможно без его участия.

Наконец, мне бы хотелось выразить признательность одному человеку, который не имел никакого отношения к этому словарю,— за исключением того, что дал следующий важный совет:

> «Есть люди, которые, увидев слово, сразу стремятся дать ему определение. Изготавливаются словари, и с авторитетностью безапелляционной — столь ограниченной в пространстве и времени — к слову привязывается то, что называют его правильным значением. И хотя это более или менее удовлетворительно можно проделывать с некоторыми простыми наименованиями вещей и воздействий, в случае более сложных идей это не просто невозможно, но и неуместно. Ведь важно в них не "правильное значение", но история и сложность значений: сознательные изменения, бессознательно различающиеся употребления — и столь же часто те изменения и различия, которые, под маской неизменности именования, начинают выражать радикально иные и зачастую сначала не замечаемые изменения в опыте и истории» (Williams, 1972, pp. 67–68).

Я старался — возможно, не всегда достаточно твердо — помнить об этом предупреждении, касающемся сложных идей. Если мне удалось проявить их сложность, то я сделал это благодаря совету Раймонда Уильямса, а если не удалось, то я могу лишь направить читателя к первоисточникам для самостоятельного исследования.

Bick, Esther (1968) 'The experience of the skin in early object relations', *Int. J. Psycho-Anal.* 49: 484–6; republished (1987) in Martha Flarris and Esther Bick, *The Collected Papers of Martha Harris and Esther Bick*. Perth: Clunie, pp. 114–18.

Bion, Wilfred (1959) 'Attacks on linking', *Int. J. Psycho-Anal.* 40: 308–15; republished (1967) in W. R. Bion, *Second Thoughts*. Heinemann, pp. 93–109.

Bion, Wilfred (1962) *Learning from Experience*. Heinemann.

Bion, Wilfred (1970) *Attention and Interpretation*. Tavistock.

Joseph, Betty (1975) 'The patient who is difficult to reach', in Peter Giovacchini, ed. *Tactics and Techniques in Psycho-Analysis*, vol. 2. New York: Jason Aronson, pp. 205–16.

Klein, Melanie (1946) 'Notes on some schizoid mechanisms', in *The Writings of Melanie Klein*, vol. 3. Hogarth, pp. 1–24.

Meltzer, Donald (1968) 'Terror, persecution, dread', Int. J. Psycho-Anal. 49: 396–400; republished (1973) in Donald Meltzer, *Sexual States of Mind*. Perth: Clunie, pp. 99–106.

Meltzer, Donald (1975) 'Adhesive identification', *Contemporary Psycho-Analysis* 11: 289–310.

Meltzer, Donald, Bremner, John, Hoxter, Shirley, Weddell, Doreen and Wittenberg, Isca (1975) *Explorations in Autism*. Perth: Clunie.

Money-Kyrle, Roger (1956) 'Normal counter-transference and some of its deviations', *Int. J. Psycho-Anal.* 57: 360–6; republished (1978) in *The Collected Papers of Roger Money-Kyrle*. Perth: Clunie, pp. 330–42.

Rosenfeld, Herbert (1971) 'A clinical approach to the psycho-analytical theory of the life and death instincts: an investigation into the aggressive aspects of narcissism', *Int. J. Psycho-Anal.* 52: 169–78.

Segal, Hanna (1957) 'Notes on symbol-formation', *Int. J. Psycho-Anal.* 38: 391–7; republished (1981) in *The Work of Hanna Segal*. New York: Jason Aronson, pp. 49–65.

Tustin, Frances (1981) *Autistic States in Children*. Routledge & Kegan Paul.

Williams, Raymond (1972) 'Ideas of nature', in (1980) *Problems in Materialism and Culture*. Versa, pp. 67–85.

A. Основные статьи

1. Техника
(Technique)

ОПРЕДЕЛЕНИЕ. В работах Кляйн по детскому психоанализу подчеркивалась функция фантазии, а соответствующая техника включала использование игрушек в психоаналитическом сеттинге для усиления выражения фантазий. Игра так же, как свободные ассоциации, сны и отыгрывания, рассматривалась в качестве выражения фантазии. Кляйн показала, что техника ранней и глубокой интерпретации приводит к модификации тревоги, и это открытие существенно укрепило аргументы в пользу подобного типа интерпретаций и, кроме того, подчеркнуло «мутационный» (mutative) потенциал интерпретаций переноса.

Весь материал, пациента на аналитическом сеансе, даже свободно ассоциирующего взрослого, отсылает к различным сторонам отношений переноса. Ассоциации, которые указывают на фигуры из внешней жизни пациента, рассматриваются в связи с аспектами переноса, отщепленными для ослабления (до приемлемого уровня) тревоги, возникающей в момент непосредственного общения с аналитиком.

Кляйн (как и Фрейд) всегда относилась к контрпереносу с некоторым недоверием; однако предложенная Бионом модель взаимодействия мать – ребенок помещает контрперенос в центр психоаналитической техники. Понимание контрпереноса эквивалентно пониманию матерью телесных нужд младенца, оно укрепляет способность пациента/младенца понимать самого себя. Аналитики-кляйнианцы не интерпретируют контрпереносное чувство само по себе; переживание аналитика интерпретируется *в свете* взаимоотношений, описанных в материале пациента.

ХРОНОЛОГИЯ

1918 Работа с детьми.

1919 Использование интерпретаций бессознательных вопросов о сексуальности.

1921 Применение игрушек и разработка игровой техники (Кляйн М. «Развитие одного ребенка», 1920; Кляйн М. «Психоаналитическая игровая техника: ее история и значение», 1955).

1926 Противостояние с Анной Фрейд (Кляйн М. «Психологические принципы раннего анализа», 1926).

1934 Выделение значения переноса в работе Дж. Стрэйчи (Стрэйчи Дж. «Природа терапевтического действия психоанализа», 1934).

1956 Выделение значения контрпереноса и описание циклов проективной и интроективной идентификаций (Мани-Кёрл Р. «Нормальный контрперенос и некоторые его отклонения», 1956; Бион У. «Нападения на связь», 1959).

Фрейд совершил открытия в области детской психологии (особенно это относится к фазам детской сексуальности и теории вытесненной травмы), опираясь на психоанализ взрослых [см. 3. АГРЕССИЯ; ЛИБИДО]. Когда ему захотелось проверить, справедливы ли эти теории в отношении реальных детей, он попросил знакомых и коллег накапливать наблюдения за их сыновьями и дочерьми. Возникшая в результате «история случая» Маленького Ганса (Freud, 1909) — это анализ стенографических заметок отца, посвященных ежедневному общению с Гансом, которому было четыре с половиной года. Этот «анализ» сработал двояко. Он подтвердил, во-первых, теории Фрейда о детском развитии и, во-вторых,— его пессимизм в отношении непосредственной работы с детьми и, похоже, отпугнул остальных аналитиков от такой работы как в терапевтических, так и в исследовательских целях. Прошло пятнадцать лет, прежде чем снова возник интерес к изучению детей, на этот раз ради проверки новых теорий нарциссизма (Freud, 1914) [см. НАРЦИССИЗМ]. Это привело к попыткам разработать в большей степени терапевтическую (а не исследовательскую) форму детского анализа. Данный проект был связан на первых порах с воспитанием (Hug-Hellmuth, 1921; Pfister, 1922; Hoffer, 1945). Хуг-Хельмут считала, что лучше всего использовать психоанализ для воспитания детей, готовя учителей-психоаналитиков. Однако первым аналитиком, попытавшимся разработать строгую форму детского психоанализа, избавленную от всех педагогических элементов, была Мелани Кляйн.

ВКЛАД КЛЯЙН В РАЗВИТИЕ ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ. Все достижения Кляйн в области техники и практики стали следствием ее исходного интереса к тревоге и, в частности, к *содержанию* тревоги:

> «Для нее тревога навсегда осталась пробным камнем, путеводной нитью, что вывела ее из лабиринта. /.../ Сам Фрейд придавал тревоге очень большое значение: /.../ он рассматривал тревогу в определенной степени с физиологической точки зрения как состояние напряженности, которое необходимо исследовать и понять, и он не уделял столько внимания психологическому содержанию страха (фантазии), как Мелани Кляйн» (Riviere, 1952, p. 8).

Техника Кляйн была направлена на *содержание* психики [см. 2. БЕССОЗНАТЕЛЬНАЯ ФАНТАЗИЯ] в большей мере, чем на лежащие в ее основе движущие силы — инстинкты, — которые до того изучал психоанализ. Это привело к серьезным модификациям, которые и сегодня обозначают различие между кляйнианским и ортодоксальным психоанализом (эго-психологией):

I. Игровая техника

(1) игра детей считается эквивалентом свободных ассоциаций у взрослых;

(2) интерпретации бессознательной тревоги очевидным образом ее модифицируют;

(3) игровая деятельность является формой экстернализации в психоаналитическом сеттинге внутреннего беспокойства, в частности, беспокойства в отношениях с объектами, которые, по представлению ребенка, существуют внутри него.

II. Психоанализ взрослых

(1) свободные ассоциации взрослых стали рассматриваться как игра с объектами (с аналитиком или частями его психики);

(2) перенос стал пониматься как бессознательная фантазия (подчеркивалось наличие *ребенка во взрослом пациенте*);

(3) было выделено особое значение негативного переноса;

(4) возникла идея о том, что «тотальная ситуация» (то есть все ассоциации) отсылает к переносу на аналитика;

(5) отмечалось, что аналитик, части его тела и функции его психики могут восприниматься как частичные объекты;

(6) внимание стало направляться на «младенца в пациенте».

I. ИГРОВАЯ ТЕХНИКА. Мелани Кляйн впервые увидела Фрейда в 1918 году во время Международного конгресса в Будапеште, где он читал доклад «Пути психоаналитической терапии» (Freud, 1919). Этот доклад наверняка вдохновил Кляйн и дал импульс развитию ее работы. Кляйн начала практиковать детский психоанализ по совету своего психоаналитика, Ференци, в Будапеште, вероятно, в 1917 году — и первым ее пациентом стал собственный ребенок (Petot, 1979). Сегодня это нас несколько шокирует, но тогда подобное было в порядке вещей: вспомним анализ Маленького Ганса, проведенный его отцом, фрейдовский анализ его дочери Анны (Young-Bruehl, 1989), анализ Абрахамом своей дочери. Первые пробы со временем привели Кляйн к специализации в детском психоанализе.

Развитие техники. На протяжении приблизительно пяти лет Кляйн развивала особый подход, который назвала *игровой техникой*. С ее помощью Кляйн могла анализировать детей моложе трех лет, и она чувствовала, что сможет углубиться в сумерки раннего детства дальше, чем ее коллеги.

Игровая техника возникла не сразу и целиком, а поэтапно. Кляйн начала с того, что оставляла время на разговоры с детьми, отвечала на их вопросы, особенно — касающиеся сексуальной жизни родителей. Она была честной и открытой и следовала принципам, с которыми Фрейд подходил к решению проблем в случае Маленького Ганса (Freud, 1909). Кляйн обнаружила, что общение с открытым и абсолютно честным взрослым оказывает на ребенка в целом позитивный эффект, так что его игра и фантазийная жизнь явно обогащаются.

Но, когда она доложила о своей работе на собрании Венгерского психоаналитического общества в Будапеште в 1919 году, ее коллега, Антон фон Фройнд, заметил, что она затрагивает только сознательные вопросы, озадачивающие ребенка, но не бессознательные. Ее интерпретации, отметил он, не являются психоаналитическими, хотя она излагает свои наблюдения в психоаналитическом ключе.

После этого Кляйн стала обращать внимание на бессознательные вопросы [см. 2. БЕССОЗНАТЕЛЬНАЯ ФАНТАЗИЯ]. Сначала она давала такие интерпретации крайне осторожно, но даже при этом подходе ее поразил масштаб происходивших перемен. Возник просто удивительный всплеск фантазий и игры: «... Вполне спонтанно он заговорил и впоследствии продолжал рассказывать более или менее длинные фантастические истории. /.../ До того ребенок был столь же мало склонен рассказывать истории, как и играть» (Klein, 1920, p. 31). Кажется, она была почти обескуражена неожиданным бесконечным производством фантазий — не в последнюю очередь, вероятно, потому, что очень часто они были бурными и жестокими. Однако возможности данной техники она осознала сразу же.

Введение игрушек (1923). Чтобы способствовать выражению этих фантазий, Кляйн стала предлагать детям набор игрушек, каждому ребенку — исключительно его собственный:

> «На одном из сеансов, когда девочка снова замкнулась в себе, я ее оставила, сказав, что вернусь через минуту. Я прошла в нашу детскую, собрала несколько игрушек, машинок, фигурок, несколько кубиков и поезд, сложила их в коробку и возвратилась к пациентке. Девочка, которую не увлекало ни рисование, ни другие виды деятельности, заинтересовалась игрушками и сразу начала играть» (Klein, 1955, p. 125).

Кляйн взяла за образец интерпретации Фрейда в отношении полуторагодовалого ребенка, игравшего с катушкой ниток (Freud, 1920).

(1) Игра как свободные ассоциации. Подход Кляйн к анализу детей очень раннего возраста был простым и новаторским: свободная игра способна за-

менить свободные ассоциации и выражаемые фантазии — «это тот же язык, тот же архаический, филогенетически обретенный способ выражения, с которым мы знакомы по сновидениям» (Klein, 1926, p. 134). У каждого ребенка был свой собственный ящичек с замком, что остается важной характеристикой игровой техники. В ящичке хранились маленькие игрушки, вода и миска, бумага, ножницы, клей и т. д. Кляйн наблюдала и по необходимости принимала участие в игре ребенка.

Новый сеттинг. Это был *новый сеттинг*, включающий в себя игрушки и реальные объекты. Поэтому в перенос включались все объекты сеттинга, а не только аналитик [см. ниже раздел «Тотальная ситуация»]. Кляйн использовала строгий ортодоксальный метод. Это значило, что она только интерпретирует бессознательное и воздерживается от иных вмешательств, которые в то время пропагандировали Хуг-Хельмут и Анна Фрейд.

Кляйн интерпретировала элементы игры и видела их символическое значение, как если бы они были элементами сновидения. Она пользовалась теми словами, которыми обычно пользуются дети, но говорила прямо и откровенно о сексуальности, о частях тела и о заметных агрессивных и садистических отношениях так же, как и об отношениях любовных и сексуальных. Похоже, Кляйн довольно активно играла со своими маленькими пациентами: она хотела принимать участие в их фантазиях, разыгрывая с ними те же драмы, что были представлены с помощью игрушек. Она интерпретировала *отношения между объектами* как психологическое содержание психики. Оглядываясь назад, она противопоставила этот подход стандартной технике:

> «... согласно общепринятому принципу, интерпретации давались очень скупо. Лишь очень немногие аналитики исследовали глубокие слои бессознательного — подобная работа с детьми считалась опасной» (Klein, 1955, p. 122).

Игра и объектные отношения. Объекты маленького пациента в рамках аналитического сеттинга оставляли свой след не только на технике детского психоанализа, но и на типах наблюдений, которые стала накапливать Кляйн, и впоследствии — на разрабатываемых ею теориях. Комната для игр — это сцена, где манипулируют игрушками, и они неизбежно вступают в пространственные отношения друг с другом. Ощущение набора активных отношений между объектами в рамках четко размеченного пространства уже присутствует в изобретенном Кляйн сеттинге. Сам выбор сеттинга уже наводил на идею внутреннего мира [см. 5. ВНУТРЕННИЕ ОБЪЕКТЫ]. По счастливой случайности, Кляйн натолкнулась на среду, идеально подходящую для развития подхода к человеческой психике в духе объектных отношений [см. ОБЪЕКТНЫХ ОТНОШЕНИЙ ШКОЛА].

(2) Интерпретация как модифицирование тревоги. Кляйн обнаружила, что интерпретация модифицирует тревогу. В анализе, датируемом 1924 годом, Руфь (возраст — четыре года и три месяца) отказывалась реагировать на аналитика и оставалась в комнате только вместе со своей старшей сестрой. В течение многих сеансов Кляйн не удавалось установить положительный контакт с ребенком: «Поэтому я почувствовала себя вынужденной предпринять другие меры — меры, которые снова убедительно подтвердили эффективность интерпретации в ослаблении тревоги пациента и негативного переноса». Далее идет описание того, как она использовала материал нескольких предыдущих сеансов для формулирования интерпретаций тревоги ребенка, относящейся к внутреннему содержанию тела матери, и страха появления новорожденного. Кляйн поразила мгновенная перемена: «Эффект моей интерпретации был удивительным. Впервые Руфь обратила на меня внимание и стала играть иначе, не столь скованно» (Klein, 1932, pp. 26–27).

Тревога и негативный перенос. Негативные аспекты отношений ребенка с аналитиком (негативный перенос) имели существенное значение, поскольку наблюдаемая Кляйн игра была переполнена агрессивными фантазиями, страхом и смятением, которое они, по-видимому, вызывали. Ей стало ясно: акт интерпретации в первую очередь затрагивает негативные аспекты фантазий ребенка, потому что здесь располагается точка максимальной тревоги и потому, что Кляйн установила: в результате подобной интерпретации чувства к аналитику определенно сдвигаются в позитивном направлении. Айзекс (Isaacs, 1939) подтвердила эффект интерпретирования *в точке максимальной тревоги.* Однако другие детские аналитики того времени, напуганные откровенными и глубокими интерпретациями, этот подход категорически не одобряли (Anna Freud, 1927) [см. ниже; также ДЕТСКИЙ АНАЛИЗ].

(3) Игра как исторжение (expulsion). Значимость игры привела Кляйн к рассмотрению ее природы: путем исторжения внутренние конфликты экстернализуются и таким образом становятся лучше переносимыми. Сёрл (Searl, 1929) отмечала, что «фантазии всегда лучше или хуже реальности» (p. 289); так что, поскольку мы склонны осознавать те, что лучше (грезы), те, что хуже, скорее будут экстернализованы ради их смягчения. Таким образом, в игре присутствует аспект отчаяния, и фактически она является формой защиты — исторжением или проекцией [см. ПРОЕКЦИЯ].

Эта функция игры довольно мрачная и пессимистическая. Здесь нет радости. Она призвана обеспечивать избавление от преследующих внутренних состояний:

> «Распределением ролей ребенок добивается выталкивания отца и матери, которых в ходе переработки Эдипова комплекса он абсор-

> бировал в себя, — и теперь они мучают его изнутри своей суровостью. Результатом такого исторжения становится облегчение, что в немалой степени обусловливает удовольствие от игры» (Klein, 1926, p. 133).

Экстернализация и бессознательная вина. Фрейд (Freud, 1916) показал, каким образом экстернализуют персекуторное состояние преступники, испытывающее сильное бессознательное чувство вины. Это было связано с завершением разработки его позднейшей теории Супер-Эго. Фрейд рассматривал и детскую игру и описывал ее сходным образом: «Когда ребенок переходит от пассивности переживания к активности игры, он передает неприятное переживание одному из своих товарищей по игре» (Freud, 1920, p. 17). Кляйн считала, что значительно продвинулась в понимании экстернализации бессознательной вины, поскольку она анализировала детей в том возрасте, когда, по мнению Фрейда, формируется Супер-Эго (от четырех до шести лет), а также более раннем [см. СУПЕР-ЭГО].

II. КЛЯЙНИАНСКАЯ ТЕХНИКА РАБОТЫ СО ВЗРОСЛЫМИ.

В кляйнианской технике психоанализа взрослых пришедшая из детского анализа идея экстернализации внутреннего состояния получила дальнейшее развитие. Применение Кляйн игровой техники и сами ее предпосылки повлияли на развитие техники психоанализа взрослых.

(1) Свободные ассоциации как игра. Игра ребенка первоначально понималась как эквивалент свободных ассоциаций взрослого, затем она получила новое значение, когда свободные ассоциации взрослых стали рассматриваться, обратно, как аналогичная игре экстернализация при участии аналитика. Сами свободные ассоциации могут быть формой отыгрывания (исторжения) внутренних конфликтов, состояний психики и частей самости.

Акт интерпретации сам по себе может дать пациенту возможность использовать защитные маневры, на этот процесс кляйнианцы стали обращать все больше внимания в последнее время (Joseph, 1975; O'Shaughnessy, 1981; Riesenberg-Malcolm, 1981; Brenman, 1985) [см. СТРУКТУРА; ПЕРВЕРСИЯ]. Это отыгрывание в ситуации переноса — функция проективной идентификации, при которой определенные аспекты переживаний и импульсов пациента проецируются в аналитика, на что аналитик может откликаться, либо (а) на них реагируя, либо (б) их вербализуя. Исследования этой стороны контрпереноса продолжились и существенно повысили чувствительность аналитика к невербальным аспектам сообщений пациента [см. КОНТРПЕРЕНОС; также см. ниже].

(2) Перенос как бессознательная фантазия. Кляйн сформулировала гораздо более строгое, чем было ранее, понимание переноса:

> «Мои наблюдения и выводы при работе с детьми в некоторой степени повлияли на мою технику анализа взрослых. Обратимся сначала к переносу. Я обнаружила, что у детей перенос (позитивный или негативный) вступает в силу с самого начала анализа, поскольку, например, даже безразличная установка скрывает тревогу и враждебность. И у взрослых, по моим наблюдениям, ситуация переноса так или иначе представлена с самого начала, и поэтому я решила применять интерпретации переноса сразу же, как только приступаю к анализу» (Klein, 1943).

Отношение к аналитику рассматривается как значимое для пациента в соответствии с теми активными импульсами, которые в нем действуют в данный момент [см. 2. БЕССОЗНАТЕЛЬНАЯ ФАНТАЗИЯ].

Экстернализация бессознательной фантазии. Таким образом, это не просто воспроизведение старых установок, событий и травм прошлого; это экстернализация бессознательной фантазии «здесь и сейчас». Первичность (проективных) процессов экстернализации привносит как пространственное, так и временное значение в понятие переноса, в отличие от сугубо временного его понимания [см. ПЕРЕНОС].

Кляйнианская традиция подчеркивает важную роль в переносе тревоги и негативных установок «здесь и сейчас». На основании теории внутренних объектов и Супер-Эго Стрэйчи (Strachey, 1937) дает этому теоретическое обоснование [см. 5. ВНУТРЕННИЕ ОБЪЕКТЫ; 7. СУПЕР-ЭГО].

> «Предположим, что аналитик дает пациентке такую интерпретацию: в некоторых случаях она хочет смерти своего мужа. Результатом (согласно нашей теории интерпретации) должно стать следующее: пациентка, которой помогли осознать этот конкретный импульс Ид, окажется в состоянии распознать свой актуальный объект (вероятно, имаго отца) и потому сможет откорректировать свою установку по отношению к внешней реальности и в конечном итоге произвести внутреннюю перестройку (readjustment). Но *в действительности* происходит нечто совсем иное. После интерпретации весь конфликт в целом переносится с ситуации, о которой говорит аналитик, на другую ситуацию, о которой он *не* говорит. Пациентка действительно может согласиться, что хочет смерти своего мужа, но эмоционально она автоматически переключится на другую проблему — на этот раз касающуюся аналитика и его интерпретации. Теперь ее наполняют противоречивые чувства по отношению к *аналитику* — гнев, страх, настороженность,

благодарность и многое другое. И этот новый конфликт в целом теперь оказывается вне зоны ви́дения и досягаемости аналитика» (Strachey, 1937, pp. 142–143).

Эти взгляды в свою очередь усилили внимание Кляйн к внутренним объектам и совпали с ее пониманием депрессивной позиции [см. 10. ДЕПРЕССИВНАЯ ПОЗИЦИЯ].

(3) Значимость негативного переноса. Насколько важны текущие конфликты в отношениях с аналитиком, дополнительно прояснилось позднее, когда в 1940-х годах была разработана техника психоанализа шизофреников. Розенфельд (Rosenfeld, 1947) и другие обнаружили, что при работе с психотиками можно применять подлинно психоаналитическую технику, если переносу, особенно в негативных фазах, немедленно и достаточно серьезно уделять должное внимание.

Негативный перенос настолько явно проявлялся у детей, что Кляйн обеспокоил его зачастую скрытый характер у взрослых, на что время от времени обращали внимание Абрахам (Abraham, 1919) и другие. Негативный перенос также важен с теоретической точки зрения. Поскольку дериваты инстинкта смерти представляют собой существенную проблему, агрессию и деструктивность необходимо вовлечь в перенос для исследования и интерпретации.

(4) Тотальная ситуация как ситуация переноса. Внимание к скрытым проявлениям как глубоко негативных, так и позитивных его сторон раскрывает перенос в целом:

> «Мы привыкли говорить о *ситуации* переноса. Но всегда ли мы помним о фундаментальной значимости этого понятия? На своем опыте я убедилась, что для выявления всех деталей переноса важно мыслить в терминах *тотальных ситуаций*, переносимых из прошлого в настоящее, а также в терминах эмоций, защит и объектных отношений» (Klein, 1952, p. 55).

Кляйн утверждала, что все свободные ассоциации пациента в целом можно относить к переносу, сколь бы эта связь ни была далека от сознания:

> «На протяжении многих лет под переносом понимались прямые указания на аналитика в материале пациента. Моя концепция переноса, согласно которой он уходит корнями в ранние стадии развития и глубокие слои бессознательного, гораздо шире и влечет за собой технику, с помощью которой из всего представленного

> материала выводятся *бессознательные элементы* переноса» (Klein, 1952, p. 55).

Это привело к акценту на тотальной ситуации. Классический анализ, наоборот, осторожен в отношении подобных «глубоких» интерпретаций [см. ниже].

Здесь кроется важная особенность подхода Кляйн, к которой она возвращалась снова и снова:

> «Данный принцип сводится к фундаментальному, решающему постулату о значимости бессознательного в сознательной жизни. Выявив это базовое различие во взглядах, мы начинаем понимать, почему некоторые аналитики видят так мало в материале своих пациентов, столь скупо интерпретируют и даже не распознают ситуацию переноса, пока пациент сам ее не выразит в какой-то степени путем осознанного и непосредственного упоминания аналитика» (Riviere, 1952, p. 17).

Кляйн отмечает, как пациент уводит от аналитика свои агрессивные и негативные импульсы и фантазии и обращает их на другие фигуры, которые в его описании (или игре) оказываются внешними:

> «... пациенту приходится справляться с конфликтами и тревогами (вновь переживаемыми — теперь по отношению к аналитику) с помощью тех же методов, что он применял в прошлом. То есть он как бы отворачивается от аналитика, стремясь отвернуться от своих первичных объектов; он пытается расщепить свое отношение к аналитику, фиксируя его либо как хорошую, либо как плохую фигуру: он перенаправляет некоторые чувства и тревоги, переживаемые по отношению к аналитику, на других людей в своей текущей жизни, что составляет часть “отыгрывания”» (Klein, 1952, pp. 55–56).

Таким образом воспроизводится первичная расщепляющая деятельность инфантильного Эго [см. РАСЩЕПЛЕНИЕ]. Поэтому все фигуры, возникающие в игре или свободных ассоциациях, следует рассматривать как аспекты аналитика, от него отщепленные и спроецированные [см. ПРОЕКЦИЯ]; это расщепление призвано отрегулировать отношение с аналитиком, сведя тревогу к контролируемому уровню. В этом заключается значимость понимания переноса как *тотальной ситуации* (Joseph, 1985).

(5) Частичные объекты в переносе. Многие стороны переноса, особенно его бессознательные элементы, можно упустить, если не интерпретировать весь материал пациента в целом как существенное высветление переноса: «мы не

слишком далеко продвинемся, если выясним, что аналитик заменяет собой реального отца или мать, но не разберемся, какие аспекты родителей воскрешает пациент» (Klein, 1952, p. 54). На самых глубоких уровнях психики ребенок переживает обособленные друг от друга материнские функции — кормление, уход, поддержка и т. д. — так, как будто они осуществляются обособленными друг от друга объектами [см. ЧАСТИЧНЫЕ ОБЪЕКТЫ]. И в частности хорошие аспекты матери (которая, например, кормит) и ее плохие аспекты (например, она удерживает ребенка в состоянии отчаянного желания пищи) приписываются обособленным друг от друга объектам. Какую функцию мать выполняет или не выполняет в каждый конкретный момент, проясняется в переносе. Аналитик «заменяет собой не только реальных людей в настоящем и прошлом пациента, но и те объекты, которые пациент интернализовал за все время своей жизни» (Klein, 1943). Интернализованный родитель искажается в психике пациента вследствие «проекции и идеализации и зачастую во многом сохраняет фантастический характер» (Klein, 1952, p. 54).

Именно благодаря технике восприятия каждой ассоциации в цепи мыслей пациента как бессознательного указания на аналитика, кляйнианцы совершили прорыв в области лечения шизофреников. Фрейд полагал, что шизофреники не поддаются лечению анализом, поэтому он пытался анализировать Шрёбера на основании его опубликованных мемуаров (Freud, 1911). Фрейд так считал, поскольку не возникало ситуации, когда он мог бы осмыслить идею отщепленных аспектов переноса. Феномен расщепления он по-настоящему осознал гораздо позже. Но и Кляйн до 1946 года не говорила, насколько этот феномен важен для понимания шизофреников [см. ПСИХОЗ].

(6) Младенец в пациенте. Эти идеи стали более ясными, когда Бион (Bion, 1959; 1962) ввел различие между нормальной и анормальной проективной идентификацией [см. 13. ПРОЕКТИВНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ; КОНТЕЙНИРОВАНИЕ] и показал, что «отыгрывание» в переносе соотнесено с контейнированием инфантильных страхов и зависимости. В нормальной форме проективная идентификация выполняет коммуникативную функцию на несимволическом уровне. Этот подход к драме переноса как к отношениям, разыгрывающимся между матерью и младенцем, в последние годы привлек внимание к контрпереносу [см. ниже и КОНТРПЕРЕНОС]. Благодаря материнскому пониманию и контейнированию, младенец (и пациент) способен накапливать опыт понимания его кем-либо, и это, как формулирует Сигал, «становится началом психической стабильности» (Segal, 1975, p. 135). Модель материнского контейнера, описывающая терапевтическое действие психоанализа, отдает предпочтение пониманию младенца во взрослом пациенте [см. РЕБЕНОК].

ТЕРАПЕВТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ. Кляйн обосновывала свой метод поразительными результатами его применения, что выражалось в ослаблении тревоги — устранении торможений в игре, ослаблении непосредственной тревоги, переходе к более позитивному отношению к аналитику:

> «Снова и снова я наблюдаю, насколько быстро интерпретации оказывают свое воздействие, /…/ хотя налицо многочисленные безошибочные признаки этого воздействия: развитие игры, укрепление переноса, ослабление тревоги и т. д., — все же довольно длительное время ребенок сознательно не перерабатывает интерпретации. /…/ У меня создается впечатление, что интерпретации усваиваются в первую очередь бессознательно. Лишь позже это отношение к реальности постепенно проникает в понимание ребенка, /…/ первое, что происходит в анализе, — это улучшение эмоциональной связи с родителями; сознательное понимание приходит только после этого» (Klein, 1926, p. 137).

Кляйн отмечает, что *реакции* пациента более значимы, чем его *сознательный* отклик. Бессознательное значение ассоциаций, приходящих сразу после интерпретации, важнее, чем сознательное согласие или возражение.

Кляйн постепенно определила терапевтические эффекты следующим образом:

(i) развитие понимания субъектом его психической реальности; и

(ii) уравновешивание в нем потоков любви и ненависти.

Она выражала это в терминах тех тревог, от которых страдает субъект:

> «… мой подход к проблеме завершения как детского, так и взрослого анализа можно определить так: персекуторные и депрессивные тревоги должны быть в достаточной мере ослаблены, и таким образом — на мой взгляд — появляется условие для анализа первых переживаний скорби» (Klein, 1950, p. 45).

В терминах ее позднейших теорий депрессивной и параноидно-шизоидной позиций это означает установление более надежного внутреннего хорошего объекта.

Мутационная интерпретация. Стрэйчи (Strachey, 1934) значительно повлиял на развитие идеи о том, что причиной терапевтического эффекта является удовлетворительная интернализация хорошего объекта. Вследствие расщепления аналитик может оказаться одной из двух архаических фигур — исключительно хорошей или же фантастически плохой. Интроекция аналитика в какой-либо из этих форм не оказывает терапевтическо-

го воздействия. Она усиливает расщепление внутренних объектов на эти *исключительно* и *нереалистично* хорошие или плохие формы.

Стрэйчи разработал теорию непосредственной интерпретации «здесь-и-сейчас», выводящей аналитика за рамки этих искажений переноса и позволяющей пациенту интроецировать более реальный образ — смесь хорошего и плохого. Так аналитик посредством интерпретации начинает оказывать смягчающее воздействие, что способно улучшить внутреннюю ситуацию и стать связующим звеном между нереалистическими архаическими внутренними объектами, закладывая основание нового внутреннего объекта: менее архаического, более реального. Эти интерпретации мутационны.

В сущности, Стрэйчи принадлежит идея того, каким образом внешний объект может модифицировать первичную суровость Супер-Эго: фактически он указывает на аналитика как на «вспомогательное Супер-Эго». Это *структурная* модель внутрипсихического изменения, противостоящая модели экономической [см. СТРУКТУРНАЯ МОДЕЛЬ].

Подход Стрэйчи целиком и полностью вписывается в рамки идей Кляйн и демонстрирует, как сильно Кляйн повлияла на аналитиков Британского психоаналитического общества. Фактически его статья является существенным вкладом в систематизацию кляйнианской теории и в некотором роде сравнима с теорией депрессивной позиции, над которой Кляйн размышляла в это же время. Эта работа до сих пор считается одной из основ понимания терапевтического действия психоанализа (Rosenfeld, 1972; Etchegoyen, 1983).

Контрперенос. Внимание к переносу набирало силу долгие годы, получая поддержку и подкрепление со стороны растущего понимания контрпереноса. Джозеф (Joseph, 1985) в своем исследовании *тотальной* ситуации переноса раскрыла значимость реакций аналитика на пациента — она описала даже реакции участников аналитического семинара на пациента, о котором им рассказали!

Кляйн не разделяла этот интерес к контрпереносу, но тем не менее теория контрпереноса базируется на ее описаниях параноидно-шизоидной позиции и проективной идентификации в особенности. Аналитик, находящийся в контакте с пациентом, в большинстве случаев принимает проекции переживаний пациента в себя и затем переживает либо спроецированные чувства, либо результаты своих защит от таких чувств. Например, если пациент проецирует вину, аналитик может сам ощущать вину, ответственность, неадекватность или, поскольку действуют его защиты, заниматься самооправданием и протестовать [см. КОНТРПЕРЕНОС].

Аналитик имеет возможность «из первых рук» получать знание о переживаниях своего пациента, хотя оно легко затуманивается его собственными защитными искажениями:

> «На протяжении последних пятидесяти лет психоаналитики изменили отношение к своему методу. Теперь многие признают,

что интерпретации не должны сосредоточиваться на внутрипсихической динамике пациента, а должны быть направлены на *взаимодействие* пациента и аналитика *на внутрипсихическом уровне*» (O'Shaughnessy, 1983, p. 281) [см. КОНТРПЕРЕНОС]

Аналитическая ситуация переноса и контрпереноса заключается во взаимодействии отдельных внутрипсихических процессов путем интроекции и проекции. В этом смысле аналитик выполняет функцию принятия переживаний пациента и потому в большей степени является *вспомогательным Эго* (в отличие от подхода Стрэйчи, когда он описывает новый интернализованный объект, внутреннего аналитика, как вспомогательное Супер-Эго). Начало этому пониманию положила Хайманн (Heimann, 1950): «Мой тезис заключается в том, что эмоциональный отклик аналитика на пациента в аналитической ситуации представляет собой один из наиболее важных инструментов его работы /.../ — инструмент исследования бессознательного пациента» (p. 81; с. 241). Она возражает тем аналитикам, которые убеждены, что должны оставаться абсолютно незатронутыми отношениями с пациентом.

Психика аналитика является элементом окружения пациента, возможно, наиболее важным:

«Понимание [аналитиком] первопричин тревоги в начале всегда очень приблизительное, но восприятие тревоги как таковой должно быть отчетливым. Именно благодаря готовности войти в контакт с тревогами пациента, не стать ими затопленным, работать с ними аналитик выстраивает рабочие терапевтические отношения» (Jaques, 1982, p. 503).

Психика пациента стремится включить *контейнирующую функцию* аналитика, который, испытывая переживания и прорабатывая их в своей психике, является важным аспектом «тотальной ситуации». Поэтому психика аналитика, со всеми ее возможностями и слабыми местами, становится в анализе главным контейнирующим объектом, который, будучи ре-интроецирован пациентом в его собственную психику, формирует внутренний объект, функционирующий как основание ментальной стабильности [см. КОНТЕЙНИРОВАНИЕ]. Интерпретация мутационна настолько, насколько аналитик выполняет психическую работу контейнирования *себя*, а не разыгрывает роль той или иной архаической фигуры (Elmhirst, 1978).

Нормальный и анормальный контрперенос: Мани-Кёрл (Money-Kyrle, 1956) и Бион (Bion, 1959) обрисовали наиболее отчетливую картину проективного и интроективного контейнирования переживаний пациента. Мани-Кёрл (Money-Kyrle, 1956) развивал теорию Стрэйчи. Тогда как Стрэйчи рассматривал проблему интроекции пациентом аналитика и описывал, каким обра-

зом проекции пациента приписывают примитивные качества объекта аналитику, Мани-Кёрл описывал ситуацию с двух внутрипсихических точек зрения — пациента и аналитика. Если пациент проецирует на аналитика и затем ре-интроецирует аналитика в виде, искаженном проекцией, возникает также ситуация, в которой аналитик интроецирует проекцию пациента и что-то делает с ней внутри себя, прежде чем вернуть пациенту для ре-интроецирования. В этом нормальном процессе аналитик принимает сказанное пациентом и в форме интерпретации, в спокойной манере проецирует модифицированную версию сообщения пациента [см. ПАМЯТЬ И ЖЕЛАНИЕ]. Преобразование проекции пациента, пока она находится внутри аналитика, должно в нормальных обстоятельствах осуществляться, согласно Стрэйчи, так, чтобы интерпретация представляла аналитика не в качестве одного из двух поляризованных архаических объектов («хорошего» или «плохого»). Мани-Кёрл называет это *нормальным контрпереносом*. Но не все так просто. Причиной «анормального» использования аналитика становится нарушение данного процесса, возникающее с увеличением интенсивности проекций в аналитика [см. КОНТРПЕРЕНОС; СВЯЗЬ].

Возникают ситуации, когда процесс интроецирования чего-либо, спроецированного пациентом, вызывает проблемы в психике аналитика, и обратное проецирование на пациента блокируется. Аналитик может страдать от длительных состояний «зацикленности» на интроецированном пациенте (непрерывно размышлять о нем после сеанса и т. д.) или от состояний проецирования, когда его собственная инфантильная самость преувеличенно приписывается пациенту. Тогда от аналитика требуется проделать внутреннюю работу, чтобы разблокировать ситуацию. Фактически ему необходимо обнаружить нарушения в себе из-за того, что́ пациент в него проецирует [см. КОНТРПЕРЕНОС].

Предостережение! Кляйн, как и Фрейд, возражала против такого использования контрпереноса, поскольку оно дает возможность аналитику в порядке защиты спроецировать любое свое чувство в пациента, как бы «порицая» того за «помещение своих чувств в аналитика». Об этой ошибке необходимо помнить (Finell, 1986). Собственные чувства аналитика только указывают путь к переживаниям пациента. Затруднение, с которым аналитик неминуемо сталкивается при отграничении своей собственной бессознательной инвестиции в психоаналитическую ситуацию, означает, что ему необходимо проверять свои чувства при помощи деталей ассоциаций пациента, чтобы *придать смысл* своему восприятию пациента.

Подобным же образом оказываются возможными интервенции аналитика, которые звучат как интерпретации переноса, но выполнены механически и

> «соотносят весь представленный ему неопределенный материал с переносом в форме “Вы чувствуете в отношении меня то-то и то-то”,

> или "Вы делаете в отношении меня то-то и то-то", или буквально воспроизводят слова пациента, относя их к текущему сеансу. Я полагаю, такие стереотипные интерпретации ситуации здесь-и-сейчас, мнимые интерпретации, превращают ценную разработку Стрэйчи о мутационных интерпретациях в нечто абсурдное» (Rosenfeld, 1972, p. 457).

Пациент переживает такую механическую форму интерпретирования как защиту аналитика от пациента и проецируемых им тревог.

Современная кляйнианская техника. Сегодня кляйнианская техника подчеркивает (i) непосредственную ситуацию «здесь-и-сейчас», (ii) тотальность всех аспектов сеттинга, (iii) значимость понимания содержания тревоги и (iv) последствия интерпретирования тревоги, а не только защит (так называемая глубокая интерпретация). Эти фундаментальные принципы возникли из практики детского анализа и были подкреплены анализом шизофреников в 1940-х и 1950-х годах. В то время осознание значимости расщепления и проективной идентификации оказало существенное теоретическое влияние на практику, усилило технику прямого и широкого использования слов, обозначающих частичные объекты (указывающих на грудь, пенис, сосок и т. д.). Модификации же техники (за последние два десятилетия), основанные на понимании проективной идентификации и отыгрывания в переносе [см. ОТЫГРЫВАНИЕ ВНУТРИ; ПСИХИЧЕСКОЕ ИЗМЕНЕНИЕ], касались того, как эти процессы в аналитическом сеттинге защищают пациента от переживания зависимости и зависти здесь-и-сейчас (Spillius, 1983):

> «Постепенно, и довольно неровно, в 1960-х и 1970-х годах /.../ возникли четыре тенденции изменения [техники. – Прим. перев.]. (1) Деструктивность начали интерпретировать более сбалансированно. (2) Непосредственное называние частичных объектов стали понемногу заменять более плавным, поэтапным подходом к телесным выражениям бессознательной фантазии. (3) При анализе переноса начали более явно применять понятие проективной идентификации. (4) В связи с третьей тенденцией возникло все возрастающее внимание к отыгрыванию в переносе и к тому давлению, которое оказывает пациент на аналитика, чтобы заставить его примкнуть к отыгрыванию» (Spillius, 1983, p. 325).

Классическая техника и техника кляйнианская. Интерес Кляйн к тревоге привел ее к интерпретациям, описывающим ранние ситуации тревоги [см. 8. РАННИЕ СИТУАЦИИ ТРЕВОГИ] и потому оказывающимся глубокими в том смысле, что они пытаются затронуть тревогу, лежащую под защитами. Классическая же техника, разработанная в Вене, от этого подхода весьма отличалась. Она была направлена, во-первых, на идентификацию импуль-

сов, возникавших в предсознательном в качестве дериватов бессознательных влечений. Во-вторых, на то, чтобы указать пациенту непосредственный импульс — находящийся почти на поверхности, — который стремится *прорваться в сознание*. В-третьих, на интерпретацию последних защит, сопротивляющихся его проникновению в сознание. Поэтому аналитики классической школы, описывая наиболее поверхностные дериваты инстинктов, еще не вполне сознательные, полагали, что поддерживают сотрудничество, основанное на позитивном переносе (позднее названное «лечебным альянсом» (Zetzel, 1956)). Эти аналитики не превышали определенный минимальный, контролируемый уровень «нагрузки» на защиты, чтобы не вызвать разрушительный негативный перенос (см. Fenichel, 1941). Классический метод интерпретирования, «начиная с поверхности», с очень осторожным систематическим продвижением вглубь сквозь слои психики, основан на «физиологическом» подходе Фрейда к психической энергии [см. ЛИБИДО; ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ]. Расхождения между двумя данными техниками четко изложены в работе Пэйн (Payne, 1946).

ПОЛЕМИКА С АННОЙ ФРЕЙД. В 1926 году Анна Фрейд прочитала в Вене серию лекций, посвященных ее опыту анализа детей. Основой этих лекций послужила критика работы Кляйн и ее игровой техники (Anna Freud, 1927). Хотя эта критика впоследствии была несколько смягчена, она дала толчок к образованию глубокой пропасти между той техникой, которая описана в данной статье, и техникой классической, которая была принята школой психоанализа, известной под названием эго-психологии [см. ЭГО-ПСИХОЛОГИЯ].

В 1927 году, через год после серии лекций Анны Фрейд, на 10-м Конгрессе психоанализа в Инсбруке, состоялся симпозиум, на котором Анна Фрейд кратко изложила свои лекции, а Кляйн (Klein, 1927) подробно, пункт за пунктом, ответила на ее критику.

Ранняя критика Анны Фрейд. Анна Фрейд выдвинула целый ряд критических замечаний, сформулированных в безапелляционной манере. Идея их заключалась в том, что Кляйн допускает серьезные ошибки в теоретическом обосновании своего подхода. Эти замечания можно разделить на несколько групп: (i) подготовительная фаза; (ii) измененная аналитическая ситуация; (iii) перенос у детей; (iv) игра и свободные ассоциации.

(a) Подготовительная фаза. Анна Фрейд начала с указания на то, что ребенок не обращается к анализу по собственной воле, его направляют другие — семья, школа — те, кому его симптомы причиняют неудобства. Ребенок начинает анализ, не понимая, для чего это нужно, и аналитик должен ребенка заинтересовать, так или иначе показать ему, что может оказаться полезен

своему маленькому пациенту в качестве союзника. Анна Фрейд говорит о пользе «подготовительной фазы», когда у ребенка появляется эмоциональная привязанность к аналитику — симпатия. Здесь есть возражение против идеи Кляйн о том, что необходимо придерживаться основной психоаналитической стратегии интерпретации бессознательного.

(b) Измененная аналитическая ситуация. Анна Фрейд полагала, что аналитик не может быть для пациента-ребенка смутной фигурой и становится полноценной личностью, если ребенок устанавливает с ним позитивную эмоциональную связь: «Соответственно, аналитик сочетает в себе две трудные и диаметрально противоположные функции: он должен и анализировать, и воспитывать» (Anna Freud, 1927, p. 49). Поскольку в то время общая практика состояла в том, что аналитик представляет собой чистый экран, чтобы не вмешиваться в развитие переноса пациента, получалось, что в детском анализе не может возникнуть правильный перенос и потому неприменима классическая аналитическая техника интерпретации сопротивлений переноса.

(c) Перенос у детей. Согласно теории переноса того времени, ребенок все еще находится на попечении своих первичных объектов (отца или матери), и поскольку у него существуют отношения с такими объектами, он не переносит аффекты и импульсы с этих отношений на другие, то есть не формирует их «новое издание» с аналитиком. Чтобы возник перенос, необходимо забрать ребенка из дома и поместить в некий интернат. Фактически, такой шаг был предпринят, например, при создании Ортогенической школы в Чикаго, организованной Б. Беттельхаймом для детей с серьезными аутистическими расстройствами (Bettelheim, 1975; Sanders, 1985).

(d) Игра и свободные ассоциации. Особенно остро Анна Фрейд критиковала идею Кляйн о том, что игра ребенка эквивалентна свободным ассоциациям взрослого. Ребенок не играет с этой целью. Поэтому Анна Фрейд считала кляйновский метод интерпретации «диким»: здесь отсутствуют ассоциации, которые подтверждали бы усматриваемые в игре смыслы. В 1937 году Уэлдер все еще критически относился к подходу Кляйн и полагал, что ее результаты получены путем применения ошибочной техники. Впоследствии эту критику повторил Гринсон (Greenson, 1974).

Опровержения Кляйн. Кляйн (Klein, 1927) исчерпывающе ответила на все пункты этой критики. В ее доказательствах, оспаривающих доводы Анны Фрейд, можно расслышать некоторое раздражение и сарказм:

> «На опыте я убедилась, что если истолковываю неприязнь прежде всего как тревогу и как негативные переносные чувства и интерпре-

тирую ее в этом духе в связи с материалом ребенка, а затем прослеживаю ее обратно к исходному объекту — матери, я тут же наблюдаю ослабление тревоги. Это проявляется в развитии более позитивного переноса и вместе с тем — более энергичной игры. /…/ Разрешая определенную часть негативного переноса, мы получаем, как и со взрослыми, увеличение позитивного переноса, и это, вследствие амбивалентности в детском возрасте, вскоре приводит к повторному возникновению негатива» (Klein, 1927, pp. 145–146).

Она безжалостно указывает на непоследовательность попыток Анны Фрейд справиться с негативным переносом.

«Насколько я могу понять из ее [Анны Фрейд] книги, /…/ она пытается всеми способами вызвать позитивный перенос, чтобы выполнить условие, которое полагает необходимым для своей работы, — условие привязанности ребенка к ней как личности. /…/ [Но] мы располагаем другим, лучшим и многократно проверенным средством, которое используем аналогично его применению в анализе взрослых. /…/ Я имею в виду интерпретации» (Klein, 1927, pp. 145–146).

Кляйн заявила, что метод Анны Фрейд не является аналитическим, и затем высказала самое страшное обвинение, какое только может быть предъявлено аналитику: «В приводимых Анной Фрейд примерах мы по сути не усматриваем никакого анализа Эдипова комплекса» (Klein, 1927, p. 141). Поскольку Эдипов комплекс является ядром психоаналитической теории и практики, Кляйн тем самым показывает, что технику Анны Фрейд нельзя отнести к психоанализу. Кляйн возражала столь резко, потому что Анна Фрейд заявляла о своей большей приверженности классической традиции.

Коротко, взгляды Кляйн на подход Анны Фрейд можно разделить на те же группы:

(a) Подготовительная фаза. Кляйн доказывала, что детей не нужно упрашивать или убеждать, — они сами тотчас понимают (бессознательно) пользу психоанализа после первой же интерпретации. Она утверждала, что бессознательное ощущение пациентом чьего-то понимания становится его мотивацией.

(b) Измененная аналитическая ситуация. Кляйн (Klein, 1927) приводила подробные клинические отчеты для демонстрации того, что нет необходимости изменять сеттинг по сравнению с таким, который основан на интерпретации бессознательного. Интерпретация негативного переноса (враждебных чувств), когда они проявляются, приводит к результатам просто удивительным, которые позволяют ребенку сразу же испытать большее доверие к аналитику. Кляйн настаивает, что не нужно изменять аналитическую ситуацию

по сравнению с ситуацией интерпретативной, включать в нее обучение или упрашивать пациента принять позитивную установку.

(с) Перенос у детей. Также Кляйн описывала клинические примеры, в которых аналитик или игрушки особо связаны с родителями и их репрезентируют. Доказательство того, что первичные объекты [см. ЧАСТИЧНЫЕ ОБЪЕКТЫ] всегда представлены таким образом, в конечном итоге побудило ее признать их в качестве внутренних объектов, постоянно экстернализуемых на внешние объекты, в том числе на реальных родителей. *На практике*, какова бы ни была теория, разрешение конфликтов в аналитическом переносе приводит к улучшению отношений с родителями. Не существует, как предполагала Анна Фрейд, конфликта между анализом и домом. Кляйн соглашалась с тем, что аналитик, пытающийся установить личные отношения с ребенком, не сможет сформировать перенос. Она и другие английские аналитики с холодной иронией указывали на некоторое внутреннее противоречие: сначала Анна Фрейд отходит от классической техники, а затем жалуется, что не может применять интерпретации переноса.

(d) Игра и свободные ассоциации. Кляйн отрицала, что дает «дикие» интерпретации смысла символов в игре, заявляя, что всегда располагает свидетельством связи между фигурой в игре и первичным объектом, прежде чем приступать к интерпретации, хотя в статьях зачастую и не описывает актуальные связи, проявившиеся на сеансе.

Острый критический характер этой дискуссии вел к поляризации мнений по каждому из перечисленных выше пунктов, и каждая из сторон укреплялась в своих собственных взглядах.

Позднейшая техника Анны Фрейд. Лекции Анны Фрейд, прочитанные в 1926 году, не публиковались в Британии вплоть до 1946 года, что вызывало определенную горечь и подозрение, что англичане бойкотируют венцев. Но к моменту их публикации техника Анны Фрейд претерпела некоторые изменения — в направлении техники Кляйн. Анна Фрейд прокомментировала данный факт в предисловии к английскому изданию своей книги, и Кляйн с торжеством отметила это в последовавшем (1948) переиздании ее статьи 1927 года. Гелирд (Geleerd, 1963) также подтверждала, что «подготовительная фаза» более не требуется и в воспитательной роли аналитика нет заметной необходимости. Она признавала, что многие замечания Кляйн

> «в адрес Анны Фрейд сегодня выглядят правомерными: например, манипулятивная подготовка ребенка к детскому анализу, которую рекомендовала Анна Фрейд, теперь вышла из употребления. Ее место занял систематический анализ защит и аффектов» (Geleerd, 1963, p. 496).

Уровни и глубина. Тем не менее, Гелирд весьма критически относилась к кляйнианскому методу интерпретации, при котором постоянно осуществляются переходы с уровня на уровень, или же уровень интерпретации выбирается как будто случайно. В классической же технике уровень активного импульса — оральный, анальный или генитальный — необходимо устанавливать однозначно [см. ЛИБИДО].

Хотя в ранних работах Кляйн целый массив клинических свидетельств указывает на то, что фазы либидо (оральный, анальный или генитальный уровень) на самом деле не имеют четких границ, забота об *уровнях интерпретации* [см. 4. ЭДИПОВ КОМПЛЕКС] остается неизменной. Гринсон (Greenson, 1974) очень критически отнесся к утверждению кляйнианцев (например Розенфельда — Rosenfeld, 1965), что шизофреников можно анализировать, не отходя от классической техники, — при том, что кляйнианская техника как будто отвергает классическую технику вообще. Работы Кёрнберга показывают, что он согласен с критикой Гринсона (например, Kernberg, 1969; 1980). Эти авторы весьма язвительны в отношении интерпретаций, которые считаются глубокими, поскольку существует опасность, что пациент воспримет их как вмешательство. Неудивительно, заявляют они, что кляйнианцы так часто сталкиваются с персекуторной тревогой у своих пациентов — ее провоцируют их интерпретации. В ответ Розенфельд (Rosenfeld, 1987) старается отделить в клиническом материале те случаи, когда пациент оказывается болезненно задет неправильной интерпретацией, от параноидных откликов, имеющих другие причины. Он также подчеркивает существенное облегчение параноидных чувств, которое приносит правильная «глубокая» интерпретация.

Природа игры. Поскольку Анна Фрейд критиковала допущение Кляйн об эквивалентности игры и свободных ассоциаций, Кляйн на долгое время занялась изучением природы символизации. Она постоянно возвращалась к значимости экстернализации как символизации содержания тревожных фантазий и как формы обращения к новым объектам [см. ОБРАЗОВАНИЕ СИМВОЛОВ]. Аналитики-венцы, поддерживающие Анну Фрейд, наоборот, считали игру более невинной деятельностью — несмотря на то, что Уэлдер (Waelder, 1933), вслед за Фрейдом (Freud, 1920), видел в игре повторение, в котором ребенок вновь и вновь проигрывает болезненную ситуацию или случай, для того чтобы в итоге смириться с этой травмой. Ситуация тревоги контролируется путем переключения с одной роли на другую, так что субъект оказывается уже не пассивным, но исполняет активную роль. Анна Фрейд (Anna Freud, 1936) позднее назвала этот процесс «идентификацией с агрессором» [см. также 13. ПРОЕКТИВНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ]. Таким образом, игра призвана заменить болезненное завершение события — доставляющим удовольствие. Коренное различие подходов состоит в том, что для Кляйн экстернализация фантазии является

защитным маневром, а в классическом психоанализе принято считать, что сама фантазия используется для проработки травмы [см. ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ЗАЩИТА].

ВЫВОДЫ. Когда Кляйн сталкивалась с внешней критикой, характер побуждал ее подкреплять свои взгляды наблюдениями, сделанными в клинической ситуации, а не теоретическими доводами. Этому способствовал ее природный дар проницательного наблюдателя-практика и то, что ей посчастливилось натолкнуться на мощную технику работы с детьми. Эта техника стала прочным основанием в аргументации ее взглядов, но стала также и тяжелым грузом, когда Кляйн занялась совершенно новым направлением работы, обладая лишь статусом начинающего. Это неизбежно противопоставило ее подход взглядам многих более опытных аналитиков. Кляйн никогда не стеснялась иметь собственное мнение, что привнесло в ее профессиональную карьеру немало обиды, горечи и боли, от чего страдала и она сама, и ее коллеги (Grosskurth, 1986). Между работами Анны Фрейд и Мелани Кляйн есть заметное различие. Если первая выстраивала свою работу с детьми на основании теории детского развития, принятой в то время, Кляйн просто наблюдала клинические ситуации и отслеживала последствия своих интерпретаций.

Эффективность самобытной техники Кляйн в детском психоанализе дала импульс всему дальнейшему развитию ее теории, а также ее технике психоанализа взрослых. При этом работы кляйнианцев продолжают демонстрировать особое внимание к клинической практике; почти все они снабжены подробными клиническими отчетами для обоснования того или иного утверждения.

Abraham, Karl (1919) 'A particular form of neurotic resistance against the psychoanalytic method', in Karl Abraham (1927) *Selected Papers on Psycho Analysis*. Hogarth, pp. 303–11.

Bettelheim, Bruno (1975) *Home for the Heart*. Thames & Hudson.

Bion, Wilfred R. (1959) 'Attacks on linking', *Int. J. Psycho-Anal.* 40: 308–15; republished (1967) in W. R. Bion, *Second Thoughts*, Heinemann, pp. 93—109.

Bion, Wilfred R. (1962) *Learning from Experience*. Heinemann.

Brenman, Eric (1985) 'Cruelty and narrow-mindedness', *Int. J. Psycho-Anal.* 66: 273–81.

Brenman Pick, Irma (1985) 'Working through in the counter-transference', *Int. J. Psycho-Anal.* 66: 157–66.

Elmhirst, Susanna Isaacs (1978) 'Time and the pre-verbal transference', *Int. J. Psycho-Anal.* 59: 173–80.

Etchegoyen, Horatio (1983) 'Fifty years after the mutative interpretation', *Int. J. Psycho-Anal.* 64: 445–59.

Fenichel, Otto (1941) *The Psycho-Analytic Theory of the Neuroses*. New York: Norton.

Finell, Janet (1986) 'The merits and problems with the concept of projective identification', *Psychoanal. Rev.* 73: 103–20.

Freud, Anna (1927) *The Psycho-Analytic Treatment of Children*, English edn, 1946. Imago.

Freud, Anna (1936) *The Ego and the Mechanisms of Defence*. Hogarth.

Freud, Sigmund (1909) 'Analysis of a phobia in a five-year-old boy', in James Strachey, ed. *The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud*, 24 vols. Hogarth, 1953–73. vol. 10, pp. 1–149.

Freud, Sigmund (1911) 'Psycho-analytic notes on an autobiographical account of a case of paranoia'. *S.E.* 12, pp. 1–82.

Freud, Sigmund (1914) 'On narcissism'. *S.E.* 14, pp. 67–102.

Freud, Sigmund (1916) 'Some characters met with in psycho-analytic work: III Criminals from a sense of guilt'. *S.E.* 14, pp. 332–3.

Freud, Sigmund (1919) 'Lines of advance in psycho-analytic therapy'. *S.E.* 17, pp. 157–68.

Freud, Sigmund (1920) *Beyond the Pleasure Principle*. *S.E.* 18, pp. 1–64.

Freud, Sigmund (1926) *Inhibitions, Symptoms and Anxiety. S.E.* 20, pp. 77–175.

Gedo, John (1986) *Conceptual Issues in Psycho-Analysis*. New York: Analytic Press.

Geleerd, Elisabeth R. (1963) 'Evaluation of Melanie Klein's Narrative of a Child Analysis', *Int. J. Psycho-Anal.* 44: 493–506.

Greenson, Ralph (1974) 'Transference: Freud or Klein?', *Int. J. Psycho-Anal.* 55: 37–48.

Grosskurth, Phyllis (1986) *Melanie Klein*. Hodder & Stoughton.

Heimann, Paula (1950) 'On counter-transference', *Int. J. Psycho-Anal.* 31: 81–4.

Hoffer, Willi (1945) 'Psycho-analytic education', *Psychoanal. Study Child* 1: 293–307.

Hug-Hellmuth, Hermine (1921) 'On the technique of child analysis', *Int. J. Psycho-Anal.* 2: 287–305.

Isaacs, Susan (1939) 'Criteria for interpretation', *Int. J. Psycho-Anal.* 20: 148–60.

Jaques, Elliott (1982) 'Review of The Work of Hanna Segal', *Int. J. Psycho-Anal.* 63: 502–4.

Joseph, Betty (1975) 'The patient who is difficult to reach', in Peter Giovacchini, ed. *Tactics and Techniques in Psycho-Analytic Therapy*, vol. 2. New York: Jason Aronson, pp. 205–16.

Joseph, Betty (1985) 'Transference: the total situation', *Int. J. Psycho-Anal.* 66: 447–54.

Kernberg, Otto (1969) 'A contribution to the ego-psychology critique of the Kleinian school', *Int. J. Psycho-Anal.* 50: 317–33.

Kernberg, Otto (1980) *Internal World and External Reality*. New York: Jason Aronson.

Klein, Melanie (1920) 'The development of a child', in *The Writings of Melanie Klein*, vol. 1. Hogarth, pp. 1–53.

Klein, Melanie (1926) 'The psychological principles of early analysis', *The Writings of Melanie Klein*, vol. 1. Hogarth, pp. 128–38.

Klein, Melanie (1927) 'Symposium on child analysis', *The Writings of Melanie Klein*, vol. 1. Hogarth, pp. 139–69.

Klein, Melanie (1932) The Psycho-Analysis of Children, *The Writings of Melanie Klein*, vol. 2. Hogarth.

Klein, Melanie (1943) 'Psycho-analytic technique', paper presented to the Training Committee, Institute of Psycho-Analysis, London (unpublished).

Klein, Melanie (1950) 'On the criteria for the termination of a psychoanalysis', *The Writings of Melanie Klein*, vol. 3. Hogarth, pp. 43–7.

Klein, Melanie (1952) 'The origins of transference', *The Writings of Melanie Klein*, vol. 3. Hogarth, pp. 48–56.

KLEIN, MELANIE (1955) 'The psycho-analytic play technique: its history and significance', *The Writings of Melanie Klein*, vol. 3. Hogarth, pp. 122–40.

MONEY-KYRLE, ROGER (1956) 'Normal counter-transference and some of its deviations', *Int.J. Psycho-Anal.* 37: 360–9; republished (1978) in *The Collected Papers of Roger Money-Kyrle*. Perth: Clunie, pp. 330–42.

O'SHAUGHNESSY, EDNA (1981) 'A clinical study of a defence organization', *Int.J. Psycho-Anal.* 62: 359–69.

O'SHAUGHNESSY, EDNA (1983) 'On words and working through', *Int.J. Psycho-Anal.* 64: 281–9.

PAYNE, SYLVIA (1946) 'The theory and practice of psycho-analytical techniques', *Int.J. Psycho-Anal.* 27: 12–19.

PETOT, JEAN-MICHEL (1979) *Melanie Klein: Premieres Découvertes et premier système* 1919–1932. Pans: Bourdas/Dunod.

PFISTER, OSCAR (1922) *Psycho-Analysis in the Service of Education*. George Allen & Unwin.

RIESENBERG-MALCOLM, RUTH (1981) 'Technical problems in the analysis of a pseudo-compliant patient', *Int.J. Psycho-Anal.* 62: 477–84.

RIVIERE, JOAN (1952) 'General introduction', in Melanie Klein, Paula Heimann and Joan Riviere, eds *Developments in Psycho-Analysis*. Hogarth, pp. 1–36.

ROSENFELD, HERBERT (1947) 'Analysis of a schizophrenic state with depersonalization', *Int. J. Psycho-Anal.* 28:130–9; republished (1965) in Herbert Rosenfeld, *Psychotic States*. Hogarth, pp. 13–33.

ROSENFELD, HERBERT (1965) *Psychotic States*. Hogarth.

ROSENFELD, HERBERT (1972) 'A critical appreciation of James Strachey's paper on the nature of the therapeutic action of psycho-analysis', *Int.J. Psycho-Anal.* 53: 455–61.

ROSENFELD, HERBERT (1987) *Impasse and Interpretation*. Hogarth.

SANDERS, JACQUI (1985) 'The Sonia Shankman Orthogenic School', *Int. J. Therapeutic Communities* 6: 181–9.

SEAN, MINA (1929) 'The flight to reality', *Int.J. Psycho-Anal.* 10: 280–91.

SEGAL, HANNA (1972) 'The role of child analysis in the general psycho-analytic training', *Int.J. Psycho-Anal.* 53: 157–61.

SEGAL, HANNA (1975) 'A psycho-analytic approach to the treatment of schizophrenia', in Malcolm Laden, ed. *Studies in Schizophrenia*. Ashford: Headley Brothers, pp. 94—7.

SPILLIUS, ELIZABETH BOTT (1983) 'Some developments from the work of Melanie Klein', *Int. J. Psycho-Anal.* 64: 321–32.

STRACHEY, JAMES (1934) 'The nature of the therapeutic action of psycho analysis', *Int. J. Psycho-Anal.* 15: 127–59; republished (1969) *Int.J. Psycho-Anal.* 40: 275–92.

STRACHEY, JAMES (1937) 'The theory of the therapeutic results of psycho-analysis', *Int. J. Psycho-Anal.* 18: 139–45.

WAELDER, ROBERT (1933) 'The psycho-analytic theory of play', *Psychoanal. Q.* 2: 208–24.

WAELDER, ROBERT (1937) 'The problem of the genesis of psychical conflict in earliest infancy', *Int.J. Psycho-Anal.* 18: 406–73.

WINNICOTT, DONALD (1971) *Playing and Reality*. Tavistock.

YOUNG-BRUEHL, ELISABETH (1989) *Anna Freud*. Macmillan.

ZETZEL, ELISABETH (1956) 'Current concepts of transference', *Int.J. Psycho-Anal.* 37: 369–76.

2. Бессознательная фантазия
(Unconscious phantasy)

ОПРЕДЕЛЕНИЕ. Бессознательные фантазии лежат в основании каждого психического процесса и сопровождают всякую психическую деятельность. Они являются психической репрезентацией тех соматических событий в теле, которые включают в себя инстинкты и представляют собой физические ощущения, интерпретируемые как отношения с объектами, вызывающими эти ощущения. Возникая из биологических побуждений, бессознательные фантазии медленно трансформируются двояким образом: (i) изменяются вследствие развития органов удаленного восприятия внешней реальности и (ii) проникают в символический мир культуры из первичного мира тела. Фантазии могут продуцироваться для смягчения внутренних состояний психики путем либо манипуляций с телом и его ощущениями (мастурбационные фантазии), либо непосредственного фантазирования. Фантазия является психическим выражением инстинктивных импульсов, а также защитных механизмов, направленных против инстинктивных импульсов.

ХРОНОЛОГИЯ

1920 Сознательная фантазия и сексуальное любопытство (Кляйн М. «Развитие одного ребенка», 1920)

1921 Прегенитальные фантазии (Кляйн М. «Роль школы в либидинозном развитии ребенка», 1923).

1925 Мастурбационные фантазии (Кляйн М. «К вопросу о психогенезе тиков», 1925).

1948 Инстинкт и фантазия (Айзекс С. «Природа и функция фантазии»,1948).

Идея фантазии как бессознательной деятельности присутствует у Кляйн с самого начала ее работы. Проявляя интерес к *содержанию* тревоги, она с необходимостью вывела игру фантазий на первый план. Значимость фантазии в системе взглядов Кляйн подкрепили два фактора.

(1) Исключительная склонность детей к продуцированию фантазий в игре и в особенности их отмеченное беспокойством конструирование сексуальных теорий о взаимоотношениях между их собственными органами и между родителями [см. 3. АГРЕССИЯ]. Кляйн поразила эта форма нарративного

объектного мышления, и она оспорила теорию первичного нарциссизма. Ференци (Ferenczi, 1921) усматривал в физиологическом симптоме тика клиническое свидетельство первичного нарциссизма. Двигательная активность при тике, с его точки зрения, является просто разрядкой психической энергии. В отличие от Ференци, Кляйн (Klein, 1925) стремилась показать, что даже этот типичный образец безобъектного импульса сопровождается подспудными фантазиями в бессознательной части детской психики [см. НАРЦИССИЗМ].

(2) Поразительный эффект, который интерпретация оказывает на продуцирование фантазий [см. 1. ТЕХНИКА]. Кляйн ошеломил размах фантазий, возникающих после снятия торможения, но она обладала достаточной проницательностью, чтобы понять: высвобождение фантазии и ослабление напряжения при переходе к более позитивной установке по отношению к аналитику являются ключевыми терапевтическими показателями и представляют собой важный признак выздоравливающей психики. Базовая клиническая значимость бессознательной фантазии оставалась неоспоримой в ходе всего развития кляйнианского подхода.

Однако понимание ее теоретической значимости происходило в несколько этапов: (I) фантазийная деятельность на прегенитальных фазах и, фактически, с рождения; (II) фантазия как психическая репрезентация биологических инстинктов; (III) бессознательная фантазия и защиты; (IV) отход от классической фрейдовской теории фантазии (фантазия и реальность); и (V) роль бессознательной фантазии в развитии ребенка.

I. РАННЯЯ ФАНТАЗИЙНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. В подтверждение статьи Фрейда (Freud, 1914) о нарциссизме, Абрахам (Abraham, 1921) и Ференци (Ferenczi, 1921) описали психоаналитические случаи лечения тика, в которых никакой сексуальный объект не был связан с двигательной разрядкой. Тик таким образом оказывался простым заместителем мастурбации. Либидинозные импульсы всего лишь получают разрядку и удовлетворение. Было подтверждено представление о фазе первичного нарциссизма или аутоэротизма, в которой не устанавливается никакое отношение с объектами.

Кляйн была поражена формой нарративного объектного мышления, выявленной в массиве фантазийной продукции, выявленной с помощью новой игровой техники, и оспорила теорию первичного нарциссизма. Кляйн продемонстрировала, что даже тик, очевидный образец безобъектного импульса, сопровождается подспудными фантазиями в бессознательной части детской психики (Klein, 1925). Кляйн обнаружила, что может интерпретировать фантазийную деятельность, символически представленную тиком: фантазии делания чего-то с объектами или пассивные фантазии о чем-то, что происходит с субъектом. Эти фантазии, сопровождающиеся непроизвольным

действием тика, были описаны как мастурбационные фантазии [см. МАСТУРБАЦИОННЫЕ ФАНТАЗИИ] и считались *бессознательными*, хотя сам термин «бессознательная фантазия» кажется почти противоречием. О подобных фантазиях (в литературе обозначаемых написанием через “ph” — “phantasy”, а не через “f” — “fantasy”) свидетельствуют их дериваты того или иного вида, так же, как и о самом бессознательном. Их существование устанавливают путем заключений на основании клинических данных.

Прегенитальные фантазии. Уверенности здесь прибавил тот факт, что у детей, анализируемых Кляйн, были оральные и анальные фантазии о половом акте. Фрейдовская теория первичного нарциссизма, согласно которой до генитальной фазы не существует истинных других (объектов), не объясняла подобные прегенитальные фантазии. Эти фантазии, выражающие ужасающие садистические импульсы, исходящие из прегенитальных источников, свидетельствуют против теории первичного нарциссизма.

II. ИНСТИНКТ И БЕССОЗНАТЕЛЬНАЯ ФАНТАЗИЯ. Отчетливей всего со стороны Кляйнианской группы сформулировала понятие бессознательной фантазии С. Айзекс в 1943 году, в статье, целью которой было изложение противоречий между взглядами Кляйн и венских психоаналитиков классического направления. Суть своей статьи Айзекс выразила так: «Фантазия является первичным содержанием бессознательных психических процессов» (Isaacs, 1948, p. 82). Из этой идеи следует, что вся психическая деятельность осуществляется на основании представленных в фантазии отношений с объектами, в том числе деятельность восприятия, представленная в фантазии как конкретная инкорпорация посредством аппарата восприятия, и мышление, в котором мысли представлены как объекты [см. БИОН]. Бессознательная фантазия, будучи психической репрезентацией инстинктивных импульсов, является ближайшим биологической природе человека психологическим явлением.

Первичные фантазии. Врожденные, инстинктивного происхождения фантазии исходно бессознательны. Они содержат в себе знание о соске и рте, от рождения заложенное в младенце, чтобы он был способен сосать. Айзекс так отвечает на обычное возражение, выдвигаемое против данного постулата:

> «Иногда полагают, что бессознательные фантазии, например фантазии “разрывания на части”, не возникают в психике ребенка, прежде чем он обретет осознаваемое знание о том, что разрывание человека на части означает убийство этого человека. Такое мнение несостоятельно. В нем не учитывается тот факт, что подобное знание *внутренне присуще* телесным импульсам как проводник

> инстинкта, присуще *цели* инстинкта — возбуждению органа, т. е. в данном случае рта» (Isaacs, 1948, pp. 93–94) [см. ВРОЖДЕННОЕ ЗНАНИЕ].

Соматические источники. Бессознательное состоит из отношений с объектами. Бессознательная фантазия — это вера в деятельность конкретно ощущаемых «внутренних» объектов [см. 5. ВНУТРЕННИЕ ОБЪЕКТЫ]. Эту концепцию нелегко понять. Соматическое ощущение влечет за собой психическое переживание, интерпретируемое как взаимоотношение с объектом, который стремится причинить данное ощущение и к которому субъект испытывает любовь или ненависть в соответствии с тем, благожелателен или злонамерен объект (т. е. возникает ли ощущение приятное или неприятное). Так, неприятное ощущение психически репрезентируется как взаимоотношение с «плохим» объектом, стремящимся причинить субъекту боль и нанести ущерб. Например, голодный ребенок испытывает неприятные ощущения голода в желудке. Психической репрезентацией этого становится ощущение ребенком реального и конкретного злонамеренно настроенного объекта в его животе, желающего причинить ему дискомфортное ощущение голода. Когда мы говорим: «меня гложет голод», — мы возвращаемся к этой примитивной анимистической и конкретной форме переживания, хотя и не теряем своего знания о том, что голод каким-то образом соотносится с нашей физиологией. У ребенка нет подобного сложного знания, он погружен в примитивные интерпретации своей реальности [см. ВНУТРЕННЯЯ РЕАЛЬНОСТЬ]. И наоборот, когда младенца кормят, он воспринимает объект, который *мы* можем идентифицировать как мать или ее молоко, но *сам младенец* идентифицирует его как объект в своем животе, благожелательно стремящийся доставить ему приятные ощущения. После кормления весь комплекс ощущений создает блаженную фантазию, что в животе обитает чудесный благожелательный объект.

Рефлексы и фантазии. Мы видим, что уже в первые минуты жизни младенец поворачивает голову и совершает сосательные движения, если мы касаемся его щеки, и можем считать это биологическим достоянием — проявлением инстинкта и, вероятно, рефлексом, основанным на ранних нейронных связях в его маленькой нервной системе. Однако можно задать вопрос, *переживает* ли ребенок это событие так, будто оно происходит с кожей его щеки, губами и объектом, вступающим с ними в контакт. Если да, какого рода ощущения у него возникают? Таким образом, биологическое и психологическое объединены в этом событии, хотя концептуально они различимы. Айзекс описывает этот опыт как «единое нерасчленимое переживание сосания и фантазирования» (Isaacs, 1948, p. 92n).

Нарастание у ребенка гнева и страха при неудовлетворенном голоде обусловливается, разумеется, инстинктивными реакциями, но сам ребенок

переживает это по-своему, как возрастающую угрозу со стороны все более враждебного преследователя, которому удается атаковать его живот и причинять все более сильную боль. Это пугающая ситуация, и дети, по-видимому, способны испытывать страх и гнев с самого рождения. Именно вера в то, что внутри живота находится нечто, злонамеренно пытающееся причинить ущерб и разрушение, является содержанием гнева. Эти страшные фантазии ближе всего подходят к прямому проявлению инстинкта смерти, отклоненному в таком переживании на объект [см. ИНСТИНКТ СМЕРТИ].

III. БЕССОЗНАТЕЛЬНЫЕ ФАНТАЗИИ И ЗАЩИТЫ

Продуцируемые фантазии. С самого рождения младенец постоянно сталкивается с ситуациями, когда он боится получить повреждения со стороны чего-то, находящегося внутри него. В результате он будет пытаться предпринимать какие-то меры, чтобы избежать этих повреждений и таких ситуаций. Он может сделать не так уж много и в основном зависит от своей матери, которая облегчает ситуацию, представляя себя в качестве столь же фантастического «хорошего» объекта [см. 5. ВНУТРЕННИЕ ОБЪЕКТЫ]. Однако ребенок может начать фантазировать и фантазии могут функционировать как защиты [см. ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ЗАЩИТА; 9. ПРИМИТИВНЫЕ ЗАЩИТНЫЕ МЕХАНИЗМЫ]. Сигал (Segal, 1964) указывала, что фантазия является не только психической репрезентацией инстинкта, но и может вырабатываться с целью репрезентации защитных действий против тревоги [см. 8. РАННИЕ СИТУАЦИИ ТРЕВОГИ]. Бессознательная фантазия младенца связана с телесными ощущениями, но посредством телесных ощущений и манипуляций с ними ребенок может начать стимулировать трансформацию своего фантазийного мира к более приемлемым ситуациям. Экстернализация «плохого» объекта [см. ПРОЕКЦИЯ] и интернализация «хорошего» объекта [см. ИНТРОЕКЦИЯ] являются прототипическими защитными механизмами и относятся к процессам, где материальные субстанции преодолевают границы Эго. Например, исторжение экскрементов вызывает ощущения в анусе и уретре, которые интерпретируются как объекты, выходящие из внутреннего мира во внешний. Позднее фантазии перестают быть столь непосредственно связанными с телесными ощущениями, когда — с переходом к депрессивной позиции — внутренний мир оказывается населенным более символическими, а не конкретными актуальными объектами [см. 10. ДЕПРЕССИВНАЯ ПОЗИЦИЯ]. Однако остатки примитивных конкретных объектов выживают и время от времени переживаются как соматизации и психосоматические состояния. Тревога все еще выражается и даже переживается как «дрожь в животе» [букв. «бабочки в животе». – *Примеч. перев.*], а печаль — как «комок в горле».

Возникает весьма сложная структура, в которой первичные инстинктивные импульсы и защитные механизмы представлены подобными фантазиями в бессознательном [см. ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ЗАЩИТА; 9. ПРИМИТИВНЫЕ ЗАЩИТНЫЕ МЕХАНИЗМЫ].

IV. БЕССОЗНАТЕЛЬНАЯ ФАНТАЗИЯ И ФРЕЙДОВСКАЯ ТЕОРИЯ ФАНТАЗИИ. Фрейд понимал описанное ранее галлюцинаторное исполнение желаний как психическую деятельность младенца в состоянии фрустрации. Кляйн это понимание модифицировала и заявила, что данное явление постоянно сопровождает всякую деятельность ребенка. Таким образом, кляйновская теория бессознательной фантазии радикально расширяет теорию Фрейда, или — как язвительно заметил Гловер (Glover, 1945) — ее ниспровергает. Фрейд считал, что, когда инстинктивные импульсы не находят прямого удовлетворения, замещением удовлетворения служат фантазии. При нарастании фрустрации и напряжения энергия разряжается обратно в направлении памяти и аппарата восприятия, а не в мышечную разрядку и действие. Поэтому фантазия вступает в силу только тогда, когда удовлетворение не достигается, — этот подход гораздо более ограничен, чем подход Кляйн.

Почти с самого начала своей работы Кляйн описывала чрезвычайно яркую фантазийную жизнь, сопровождающую, тем не менее, ориентированное на реальность поведение. Символические элементы игры и разыгрывание выражали все типы отношений между всеми типами объектов и людьми:

> «Когда Фриц писал, линейки в тетради означали для него дороги, а буквы ехали по ним на мотоциклах — на ручке. Например, “i” и “е” ездили вместе на мотоцикле, которым обычно управляла “i”, и они любили друг друга с нежностью, в реальном мире неслыханной. Поскольку они всегда ездили вместе, они стали очень похожими, так что между ними почти не было разницы, ведь начало и конец у буквы “i” и у буквы “е” одинаковые, только в середине у “i” штришок, а у “е” — дырочка» (Klein, 1923, p. 64).

Эти фантазии о мужских и женских гениталиях, соединенных в любви, являются всего лишь частью опыта пребывания в школе. Конечно, особо страшные фантазии могут вести к нарушениям в обучении. Описывая один случай, Айзекс (Isaacs, 1943b) подчеркивает, «сколь плотно переплетаются внешняя и внутренняя реальность в симптомах, истории развития и реакциях в анализе» (p. 31). Придерживаясь своего представления о бессознательной фантазии, Кляйн и ее последователи утверждали, что признают фрейдовскую концепцию бессознательного, дополняя и развивая ее.

Бессознательные фантазии повсеместны и представляют собой совершенно отдельную категорию событий. Различие в подходах к фантазии

радикально, и каждый аналитик вынужден определиться в этом вопросе. С одной стороны, существует точка зрения традиционного психоанализа, где есть *либо* реальность, *либо* фантазия; с другой стороны, существует подход, согласно которому бессознательная фантазия сопровождает весь опыт реальности. Вся деятельность и Кляйн, и ее коллег связана с исследованием того, как внутренняя бессознательная фантазия проникает во внешний мир и наделяет смыслом происходящие в нем «реальные события»; но также и того, как внешний мир порождает смысл в форме бессознательных фантазий.

Фрейдовская теория соблазнения. Теория соблазнения была попыткой придать анормальности психологического невроза физиологическую форму (Freud, 1896). Детская травма причиняла *физическую* травму участку электрических цепей мозга, с последующим накоплением напряжения. Заменив эту теорию другой, в которой причиной травмы было *воображаемое* (искаженное) событие, Фрейд ввел понятие бессознательной фантазии. Травмой, приводящей к расстройству, стала детская фантазия о соблазнении, а не реальное материальное событие, произошедшее с телом ребенка. (Идея Фрейда о некоем физическом вмешательстве в электрические цепи мозга продолжила свое существование в сфере общей психиатрии в форме электрических и других физических лечебных мер даже после того, как психоанализ от нее отказался (Caper, 1986).)

Фантазия или реальность. Недавняя дискуссия, начатая Мэссоном (Masson, 1984), основывается на утверждении, что Фрейд на самом деле рано оставил свою теорию физического соблазнения, приводящего к неврологической травме. Здесь предполагается, что «реальное событие» необходимо спасти от забвения. Поэтому дилемма «или — или» (реальное соблазнение или фантазия), исходно выражавшая конфликт между физиологией и психологией, перешла на конфликт между внешней реальностью и внутренним миром (фактически это противопоставление социологии и психологии) [см. ПРОБЛЕМА ДУША—ТЕЛО; СУБЪЕКТИВНОСТЬ] в сопровождении идеи о тонкой интерпретации внешнего и внутреннего миров.

V. БЕССОЗНАТЕЛЬНАЯ ФАНТАЗИЯ И РАЗВИТИЕ. Еще одна обескураживающая проблема заключается в том, что определенные механизмы, особенно интроекция и идентификация, приводят к наращиванию в Эго новых навыков и свойств. Как и все остальные психические процессы, такие интроекции и идентификации также репрезентируются фантазиями (инкорпорацией и ассимиляцией) лежащими в основании защитных механизмов и примитивных оральных импульсов. Таким образом, бессознательные фантазии об инкорпорации или исторжении оказывают влияние на переживание того, что содержит субъект, с чем идентифицируется и на что действи-

тельно становится похожим. В этом смысле фантазия ощущается как актуальная реальность и по сути ее последствия вполне реальны. Бессознательная фантазия в этом смысле всемогуща [см. ВСЕМОГУЩЕСТВО].

Философская проблема того, как биологическое существо может трансформироваться из мира телесных удовольствий и нужд в мир символических удовлетворений и смыслов, остается нерешенной [см. ПРОБЛЕМА ДУША—ТЕЛО]. Ключевое положение бессознательной фантазии на границе между физиологическим инстинктом и психологической репрезентацией заставила кляйнианцев стремиться к лучшему пониманию символов в их клинической работе [см. ОБРАЗОВАНИЕ СИМВОЛОВ]. Фантазии о телесном содержимом символизируют актуальные первичные телесные ощущения. Позднее ребенок входит в социальный мир символов, где фантазии составлены из нетелесных и нематериальных объектов [см. ОБРАЗОВАНИЕ СИМВОЛОВ]. Движение от переживаемого конкретно объекта, который сконструирован в бессознательной фантазии, к нефизическому символическому объекту — это большой шаг в развитии; он представляет собой расставание с идиосинкратическими и врожденными формами репрезентации посредством бессознательной фантазии и инвестирование смыслов в предлагаемые социумом объекты (символы).

Это движение включает в себя и другую перемену: переход от всемогущества фантазии к признанию объекта как отдельного и отличного от того, что он символизирует (Segal, 1957) [см. СИМВОЛИЧЕСКОЕ РАВЕНСТВО].

Сюзен Айзекс, с ее прекрасной академической подготовкой и выдающейся способностью к интеллектуальному спору, обратилась к исследованию *природы* бессознательной фантазии. Она показала, что концепция фантазии дает возможность совершенно по-новому посмотреть на природу психики — как на малое сообщество отношений с объектами. Будучи тесно связанной с биологической природой человека, бессознательная фантазия представляет собой доступный для клинического использования мост к проблеме душа — тело [см. ПРОБЛЕМА ДУША—ТЕЛО].

ДИСКУССИИ О ПРОТИВОРЕЧИЯХ 1943–1944 гг. Ни одна тема не потребовала столько времени — и не вызвала таких волнений — в ходе Дискуссий о противоречиях в Британском психоаналитическом обществе, как тема бессознательной фантазии [см. ДИСКУССИИ О ПРОТИВОРЕЧИЯХ]. Первый раунд, состоящий из пяти дискуссий, был откликом на доклад Сюзен Айзекс «Природа и функция фантазии» (опубликован позднее, Isaacs, 1948). В нем содержалось ясное изложение концепции, хорошо подкрепленное цитатами из Фрейда и некоторыми интересными комментариями, почерпнутыми из последних работ Анны Фрейд, в которых, как утверждалось, произошло явное сближение с позицией Кляйн по сравнению с дискуссией о детском анализе (1926–1927).

В этой напряженной эмоциональной атмосфере был поставлен ряд вопросов, которые можно разделить на семь групп: (1) метод заключений; (2) первичный нарциссизм; (3) сложность психических процессов на первом году жизни; (4) вторичный процесс; (5) путаница в терминах; (6) понятия и фантазии; (7) регрессия.

(1) Метод заключений. Один из аргументов против позиции Кляйн был таким: не существует метода исследований или проверки существования фантазий на первом году жизни — то есть с самого начала жизни, как считала Кляйн (Waelder, 1937). Айзекс привела детальный обзор имевшихся на тот момент психологических исследований, относящихся к первому году жизни, особо подчеркнув работу Мидлмора (Middlemore, 1941). По мнению Айзекс, эти исследования показывают, что признаки тревоги и дистресса у новорожденного более разнообразны и встречаются чаще, чем признаки наслаждения и удовлетворенности. Последние возникают только после кормления. Айзекс утверждала, что это соотношение меняется после третьего-четвертого месяца жизни, указывая на переход от параноидной фазы к депрессивной позиции по мере усиления любви к объекту. Эти наблюдения были оспорены: (i) соотношение моментов тревоги и моментов удовлетворенности установлены неправильно: поскольку кормление занимает много времени в ходе первых месяцев жизни, периоды удовлетворенности превосходят периоды тревоги; (ii) прямые наблюдения за эмоциональными состояниями младенцев не могут подкрепляться психоанализом, который применим только к детям гораздо более старшего возраста. Айзекс отвечала (в развернутом виде ее ответ был опубликован в 1948 году), что всякое научное знание добывается путем умозаключений и что такой метод вполне успешно применялся Фрейдом при описании детского развития. Айзекс считала, что психоаналитические выводы можно и нужно проверять с помощью непосредственного наблюдения за младенцами.

Но это не устранило серьезных сомнений относительно метода, на основании которого кляйнианцы выводят свои теории, и подозрений, что сам метод глубокой интерпретации индуцирует ложные феномены при наблюдении.

(2) Первичный нарциссизм. По мнению ортодоксальных аналитиков, первые годы жизни отданы аутоэротическому и нарциссическому удовлетворению, при котором любой объект является лишь инструментом инстинктивной разрядки. Есть только «удовольствие без значения». Объектная любовь не возникает в возрасте до трех-пяти лет, и только тогда могут появиться фантазии об отношениях с объектами: «Фантазия как следствие инстинкта в сфере воображения занимает место сенсорного следствия (боли и удовольствия)» (A. Freud, 1943). Этот подход в ортодоксальной манере выводится из идеи Фрейда о том, что младенец может оценивать лишь

качественную характеристику ощущения, удовольствие или боль, и не способен воображать источники боли или удовольствия. Барбара Лантос (Lantos, 1943) оспорила приводимые Айзекс доказательства действия бессознательной фантазии на первом году жизни:

> «То, что младенец способен узнавать людей, что он воспринимает их приближение или удаление, боится утратить их и реагирует соответственно, связано, на наш взгляд, с развитием сенсорного и психического аппарата и не предполагает существования фантазий».

Видимо, спор здесь разворачивался вокруг различения, с одной стороны, регистрации объектов на основании лишь восприятия и памяти, и, с другой стороны, способности осознавать желаемые действия объектов или с объектами. Затем эта проблема превратилась в обсуждение того, в каком возрасте ребенок начинает устанавливать связи между такими воспринимаемыми и запоминаемыми образами и эмоциональным распознаванием их как любимых или ненавидимых источников удовольствия или боли.

(3) Сложность психических процессов на первом году жизни. Острую полемику вызвал вопрос о возрасте, в котором начинает действовать такая сложная функция, как фантазирование.

Ретроспективная сложность. Утверждалось, вопреки мнению Айзекс, что, если у детей старшего возраста наличествуют подобные фантазии, Эдипов комплекс затронут регрессией. Ребенок трех-четырех лет, испытывая тревоги, связанные с отношением родителей, и находясь под давлением фрустрации, регрессирует к оральным желаниям и импульсам, которые затем окрашивают его теории о том, чем совместно занимаются его родители. Это форма «ретроспективной сложности». Таким был один из самых сильных аргументов против концепции Кляйн в том, что касается фантазии на первом году жизни. Уэлдер (Waelder, 1937) эффектно комментирует позицию Кляйн: «эти доказательства мне кажутся не убедительнее утверждения, что “Гамлет” или “Король Лир” должны были существовать в психике Шекспира уже в детстве» (p. 429). Однако Эрнест Джонс (Jones, 1943) саркастически отвечает:

> «Регрессия к столь давнему времени мне не кажется осмысленной идеей. Когда Уэлдер говорит о том, что выраженные каннибалистические фантазии известны в возрасте трех-четырех лет, но приписывает их регрессии, в этом, по-моему, не содержится вообще никакой информации, если не считать, что происходит воскрешение соответствующих оральных фантазий, присущих ребенку в возрасте, скажем, полугода; почему желание взять грудь должно впервые охватывать ребенка в возрасте *четырех* лет — ускользает от моего понимания».

Здесь Джонс указывает на то, что регрессия к оральным фантазиям такого рода предполагает существование оральных фантазий в оральной фазе, к которым и происходит регрессия.

Когнитивная сложность. Утверждалось, что фантазии разрывания зубами на части, убийства, затопления матери и так далее слишком сложны для психики младенца первого года жизни. Не представляется вероятным, чтобы ребенок в этом возрасте мог знать, что значит убийство и смерть. Айзекс (Isaacs, 1948) потратила много усилий, описывая примитивность фантазий — невербальной, невизуальной, соматически переживаемой фантазии, — и утверждала, что существует филогенетически обусловленное знание. Под этим она подразумевала, что в строении тела и его импульсов уже заложено внутренне присущее или врожденное знание: телесные ощущения являются формой постулирования в форме действия [см. ВРОЖДЕННОЕ ЗНАНИЕ].

После яростных дебатов 1940-х вопрос о способности младенца к когнитивной деятельности интересовал одних лишь академических психологов, и было проведено немало исследований в области психологии детей первого года жизни (Trevarthen, 1980; Chamberlain, 1987). Процессы, которые Тревартен называет «первичной интерсубъективностью», явно указывают на существование очень ранней и сложной когнитивной деятельности в отношениях с объектами, а это опровергает мнение противников Кляйн. Эти исследования также выявили, что в эмоциональном контексте взаимоотношений между младенцем и матерью наличествует весьма адекватное чувство реальности. Это не согласуется с описаниями Кляйн почти солипсических отношений с объектами фантазии. Мы располагаем свидетельством того, что младенцам на самом деле присуща большая сложность психических процессов, чем предполагала и Кляйн, и ее венские критики. Лихтенберг (Lichtenberg, 1983) и Стерн (Stern, 1985) начали изучать эту тему в ее психоаналитическом преломлении.

(4) Вторичный процесс. Ортодоксальные психоаналитики определяют психическую активность бессознательного как первичный процесс — то есть процесс, зависящий от сгущения и смещения, подобно логике и символизму сновидений. Они заявляют, что в кляйнианской концепции бессознательной фантазии обнаруживаются признаки отрицания (negation), понятие времени и взаимодействие импульсов — все это характеристики психической активности вторичного процесса, возникновение которой не предполагается в бессознательном, и уж точно не на первом году жизни. Анна Фрейд возражает против интегрированного «Эго раннего удовольствия», которое как будто бы подразумевается в теории бессознательной фантазии, поскольку существование Эго является логической предпосылкой существования фантазий. В ответ Айзекс цитирует высказывания Фрейда, поддерживающие ее точку зрения, что психический аппарат, в котором

происходит лишь первичный процесс, является фикцией (Freud, 1900) и существует определенная организация функционирования бессознательного. Она заявляет это, признавая существование оральных желаний на первом году жизни, сопровождаемых сознательной памятью об этих переживаниях, как описывала Анна Фрейд в своих работах, но при этом отрицает, что функция фантазии теоретически противоречит данному описанию. Похоже, эта дискуссия свелась к бесплодному выяснению того, что Фрейд действительно сказал и что он на самом деле имел в виду.

(5) Путаница в терминах. Немало внимания было уделено тому, что размывается точность устоявшейся психоаналитической терминологии: примером служит описанная выше критика Анны Фрейд относительно первичного процесса и природы бессознательного. Гловер (Glover, 1945) отвергал теорию бессознательной фантазии, поскольку она сводит несколько более или менее известных аналитических терминов в один, тем самым превращая аналитическую теорию в ничто. При этом, по его мнению, теряются понятия последовательности либидинозных фаз, регрессии, фиксации и Эдипова комплекса.

Вступила в дискуссию также Мэрджори Брайерли. Хотя она признавала, что ссылка Айзекс на генетическую непрерывность убедительна, распространение термина «фантазия» на все аспекты психической деятельности в прошлом и на основания психической деятельности пациентов в настоящем, на ее взгляд, нивелирует важные отличия между ранними и поздними стадиями — например, между ранними и поздними стадиями Эдипова комплекса [см. 4. ЭДИПОВ КОМПЛЕКС].

Айзекс возражала, что открытие факторов, значимых в развитии каждого отдельного психического состояния или организации, такой, как Эдипов комплекс, не умаляет значимость концепции Эдипова комплекса; эти открытия, наоборот, укрепляют понимание концепции. По мнению Айзекс, Кляйн существенно усилила значимость Эдипова комплекса, показав, что его действие начинается раньше, чем предполагалось, и что важные аспекты психики ребенка на прегенитальных стадиях развития соотносятся с Эдиповым комплексом.

(6) Понятия и фантазии. Гловер описывает обнаруженное им у Кляйн «пристрастие /.../ к некоему психическому антропоморфизму, /.../ а именно — к смешению концепций психического аппарата и психических механизмов» (Glover, 1943). Если механизмы интроекции и проекции также передают значение фантазий (инкорпорации и исторжения), происходит объединение объективного наблюдения с субъективным опытом пациента.

Брайерли также обеспокоило слияние переживаний с понятиями, и она всячески поддерживала «разграничение описания собственно пережива-

мого опыта и выводимого из опыта описания его объективного обусловливания» (Brierly, 1943). Эта проблема, лишь однажды возникшая в ходе Дискуссий о противоречиях, глубоко затрагивает многие вопросы философии науки и указывает на особое положение тех наук, предметом изучения которых являются люди, т. е. субъекты, а не неодушевленные объекты. Хайманн (Heimann, 1943), например, указывает, что работа, которой занимается аналитик, относится к особому типу; это объективная наука о субъективном [см. СУБЪЕКТИВНОСТЬ].

Брайерли хотела предложить альтернативный термин — “значение”, он должен был внести ясность в различение объективных и субъективных описаний, которые термин “фантазия” спутывает. Термин “значение” фиксирует свойство субъективности бессознательной фантазии и обособляет его от инстинктивных и объективных аспектов (см. также Rycroft, 1966). Айзекс с этим не согласилась и решила придерживаться термина “фантазия” отчасти потому, что эффективность этого понятия заключается, по-видимому, именно в том, что оно охватывает как биологические, так и психологические аспекты основания психических функций. Однако Мельтцер (Meltzer, 1973) указал на необходимость обратить внимание на эту перемену в метапсихологии:

> «Поскольку исходная нейропсихологическая система координат Фрейда сменилась на сугубо психологическую, следовало бы заменить квази-психологическую идею “психической энергии” понятиями исключительно ментального характера, такими как “значение” и “жизненность”» (p. 131).

(7) Регрессия. До Кляйн фантазия означала регрессию либидо, наступающую вследствие фрустрации, которая возбуждает аппарат восприятия, вызывая галлюцинации или развивая фантазии, подлежащие осмыслению. Айзекс признавала, что теория бессознательной фантазии ведет к пересмотру значения регрессии, если бессознательные фантазии раннего периода жизни остаются непрерывно активными и становятся основой всех позднейших стадий развития (и придают им значение). Хотя с точки зрения Фрейда, Абрахама и классического психоанализа в целом, ранние инстинктивные влечения оказывают свое влияние впоследствии в результате регрессии, Айзекс подчеркивала, что признает сохраняющееся повсеместное влияние этих ранних стадий и видит в позднейших повторениях функционирование и контекст очень ранних защитных механизмов [см. 9. ПРИМИТИВНЫЕ ЗАЩИТНЫЕ МЕХАНИЗМЫ]. Поэтому значимость регрессии заключается в учете защитных конфигураций на ранних стадиях, к которым осуществляется регрессия.

Гловер настаивал на том, что распространение термина «фантазия» за рамки регрессивного и галлюцинаторного удовлетворения обессмысливает

другие термины. Постоянно активная бессознательная фантазия примитивного характера как будто устраняет понятие о точках фиксации, а также о регрессии либидо или регрессии объектных отношений от поздних форм к более ранним.

Постоянная фиксация. Говорилось, что метапсихология Кляйн сводится к постоянной фиксации на самых ранних стадиях развития: в ней подчеркивается значимость на каждой стадии бессознательной фантазии и особо — первичные фантазии оральной фазы (инкорпорация, интроекция). Критики полагали, что возникновение фантазий, связанных с оральными, анальными и генитальными импульсами, устраняет регрессию вообще, поскольку Кляйн отбросила идею о продвижении от фазы к фазе [см. ЛИБИДО].

Идея о том, что одни фантазии могут использоваться против других — например, в связи с развитием генитальных фантазий как способа справиться с прегенитальным садизмом [см. РАЗВИТИЕ], — в результате устраняет экономическую модель количественного сохранения энергии [см. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ].

«Анклав» Гловера. Гловер настаивал на том, что идея непрерывно активных фантазий примитивного характера в бессознательном противоречит системе взглядов Фрейда. Он полагал, что эта идея предполагает *анклав* примитивной психической деятельности, обособленно продолжающей существовать в бессознательном. Гловер считал эту идею еретической: если преимущество отдается этому первичному анклаву, Эдипов комплекс автоматически лишается своей ключевой позиции в психоанализе. Эта критика недооценки Эдипова комплекса была рассмотрена позднее [см. 4. ЭДИПОВ КОМПЛЕКС]. Ни один аналитик не поддержал данный тезис, и кляйнианцы — участники Дискуссий о противоречиях — уделили мало времени серьезному спору с Гловером и сочли его критику в целом «переходом на личности», недостойным рассмотрения.

Однако похоже, что время, не без иронии, оказалось к Гловеру добрее. Идея об обособленном (отщепленном) анклаве вернулась — в кляйнианскую литературу. Сама Кляйн в итоге приняла предположение о существовании чрезвычайно примитивной области архаических объектов (Klein, 1958) [см. 7. СУПЕР-ЭГО]. Впоследствии Розенфельд (Rosenfeld, 1971), исследуя клинические манифестации инстинкта смерти, описал некую внутреннюю «мафиозную банду», не интегрированную с остальной частью личности. Этот тип структурирования личности сегодня привлекает пристальное внимание британских кляйнианцев [см. СТРУКТУРА].

Несмотря на весь пыл, уязвленную гордость и мстительный «подсчет очков», в этих спорах были затронуты многие основополагающие вопросы. Обращаясь к работам, возникшим в ходе Дискуссий о противоречиях, можно заключить, что с помощью своего острого, академически закаленного метода ведения спора Айзекс в общем и целом добилась преимущества над

своими оппонентами, но фактически эти вопросы разрешены не были. Как хорошо известно, Британское психоаналитическое общество изобрело «Джентльменское соглашение» о распределении своих членов по отдельным группам (в конечном итоге сформировались Кляйнианская группа, Независимая группа и Группа «В» ортодоксальных фрейдистов) и их равном представительстве во всех комитетах Общества (Steiner, 1985; Grosskurth, 1986). А Дискуссии просто похоронили «научные» споры между группами, поскольку практически не имели продолжения. Поэтому многие вопросы, как будто надежно забытые каждой из сторон, и сегодня остаются причиной расхождения между кляйнианцами и психоаналитиками классического или эго-психологического направления.

Abraham, Karl (1921) 'Contribution to a discussion on tic', in Karl Abraham (1927) *Selected Papers on Psycho-Analysis.* Hogarth; pp. 323–5.

Balint, Michael (1943) 'Contribution to the Controversial Discussions 1943–1944 of the British Psycho-Analytical Society' (unpublished).

Brierley, Marjorie (1943) 'Contribution to the Controversial Discussions 1943–1944 of the British Psycho-Analytical Society' (unpublished).

Brierley, Marjorie (1951) *Trends in Psycho-Analysis.* Hogarth.

Caper, Robert (1988) *Immaterial Facts: Melanie Klein's Development of Psycho-Analysis.* New York: Jason Aronson.

Chamberlain, David (1987) 'The cognitive newborn', *Br. J. Psychother.* 4: 30–71.

Ferenczi, Sandor (1921) 'Psycho-analytic observations on tic', in S. Ferenczi, *Further Contributions to the Theory and Technique of Psycho-Analysis.* Hogarth.

Freud, Anna (1943) 'Contribution to the Controversial Discussions 1943–1944 of the British Psycho-Analytical Society' (unpublished).

Freud, Sigmund (1896) 'The aetiology of hysteria', in James Strachey, ed. *The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud*, 24 vols. Hogarth, 1953–73. vol. 3, pp. 189–221.

Freud, Sigmund (1900) The Interpretation of Dreams. vol. 4, 5.

Freud, Sigmund (1914) 'On narcissism'. *S.E.* 14, pp. 67–107.

Freud, Sigmund (1915) 'The unconscious'. *S.E.* 14, pp. 159–215.

Freud, Sigmund (1926) Inhibitions, Symptoms and Anxiety. *S.E.* 20, pp. 77–175.

Freud, Sigmund (1943) 'Contribution to the Controversial Discussions 1943–1944 of the British Psycho-Analytical Society' (unpublished).

Freud, Sigmund (1945) 'An examination of the Klein system of child psychology', *Psychoanal. Study Child* 1: 3–43.

Glover, Edward (1932) 'On the aetiology of drug addiction', *Int. J. Psycho-Anal.* 13: 300–7.

Grosskurth, Phyllis (1986) *Melanie Klein.* Hodder & Stoughton.

Heimann, Paula (1943) 'Contribution to the Controversial Discussions 1943–1944 of the British Psycho-Analytical Society' (unpublished).

Isaacs, Susan (1943a) 'Contribution to the Controversial Discussions 1943–1944 of the British Psycho-Analytical Society' (unpublished).

Isaacs, Susan (l943b) 'An acute psychotic anxiety occurring in a boy of four years', *Int. J. Psycho-Anal.* 24: 13–32.

Isaacs, Susan (1948) 'The nature and function of phantasy', in Melanie Klein, Paula Heimann, Susan lsaacs and Joan Riviere, eds (1952) *Developments in Psycho-Analysis*. Hogarth, pp. 67–221; originally read in 1943 in the Controversial Discussions of the British Psycho-Analytical Society 1943–44; published *Int. J. Psycho-Anal.* 29: 73—97.

Jones, Ernest (1943) 'Contribution to the Controversial Discussions 1943–1944 of the British Psycho-Analytical Society' (unpublished).

Klein, Melanie (1920) 'The development of a child', in *The Writings of Melanie Klein*, vol. 1. Hogarth, pp. 1–53.

Klein, Melanie (1923) 'The role of the school in the libidinal development of the child', *The Writings of Melanie Klein*, vol. 1, pp. 59–76.

Klein, Melanie (1925) 'A contribution to the psychogenesis of tics', *The Writings of Melanie Klein*, vol. 1, pp. 106–27.

Klein, Melanie (1929a) 'Personification in the play of children', *The Writings of Melanie Klein*, vol. 1, pp. 199–209.

Klein, Melanie (1929b) 'Infantile anxiety-situations reflected in a work of art and in the creative impulse', *The Writings of Melanie Klein*, vol. 1, pp. 210–18.

Klein, Melanie (1958) 'On the development of mental functioning', *The Writings of Melanie Klein*, vol. 3, pp. 236–46.

Lantos, Barbara (1943) 'Contribution to the Controversial Discussions 1943–1944 of the British Psycho-Analytical Society' (unpublished).

Lichtenberg, J. D. (1983) *Psycho-Analysis and Infant Research*. Hillsdale, NJ: Analytic.

Masson, Jeffrey (1984) *Freud: The Assault on Truth*. Faber & Faber.

Meltzer, Donald (1973) *Sexual States of Mind*. Perth: Clunie.

Middlemore, Nerrell (1941) *The Nursing Couple*. Hamish Hamilton.

Rosenfeld, Herbert (1971) 'A clinical approach to the psycho-analytical theory of the life and death instincts: an investigation into the aggressive aspects of narcissism', *Int. J. Psycho-Anal.* 52: 169–78.

Rycroft, Charles (1966) 'Introduction: causes and meaning', in Charles Rycroft, ed. *Psycho-Analysis Observed*. Constable, pp. 7–21.

Segal, Hanna (1957) 'Notes on symbol-formation', *Int. J. Psycho-Anal.* 38: 391–7; republished (1981) in *The Work of Hanna Segal*. New York: Jason Aronson, pp. 49–65.

Segal, Hanna (1964) *Introduction to the Work of Melanie Klein*. Heinemann; republished (1973) Hogarth.

Steiner, Riccardo (1985) 'Some thoughts about tradition and change arising from an examination of the British Psycho-Analytical Society's Controversial Discussions 1943–1944', *Int. Rev. Psycho-Anal.* 12: 27–71.

Stern, Daniel (1985) *The Interpersonal World of the Infant*. New York: Basic.

Trevarthen, C. (1980) 'The foundations of intersubjectivity: development of interpersonal and co-operative understanding in infants', in Olson, ed. *The Social Foundations of Language and Thought*. New York: Norton.

Waelder, Robert (1937) 'The problem of the genesis of psychical conflict in earliest infancy', *Int. J. Psycho-Anal.* 18: 406–73.

3. Агрессия, садизм и компонентные инстинкты
(Aggression, sadism and component instincts)

ОПРЕДЕЛЕНИЕ. Согласно фрейдовской теории сексуальности, существует несколько компонентов либидо: оральная, анальная и генитальная любовь; гетеросексуальность и гомосексуальность; садизм и мазохизм; вуайеризм и эксгибиционизм. Либидинозные импульсы являются сложной смесью этих составляющих, с акцентом на той или иной из них на различных стадиях развития. Кляйн показала, что последовательный ход развития, который просматривается в анализе взрослых,— это сильное преувеличение, и на первых годах жизни все компоненты плотно переплетены. Это не исключает преобладания какого-то компонента на определенной фазе, но Кляйн описывает ситуацию, где практически все типы импульсов представлены почти на всех стадиях.

Кляйн также показала, что садизм ребенка имеет чрезвычайно большое значение. В этом она следовала Абрахаму, который изучал агрессивные фазы начала жизни. Кляйн считала агрессию в конечном итоге *решающим* фактором в развитии или в его торможении. Она пришла к выводу, что агрессия является манифестацией инстинкта смерти. Другим важным компонентным инстинктом ей стали представляться эпистемофилические импульсы (связанные с вуайеризмом и эксгибиционизмом).

ХРОНОЛОГИЯ

1920 Обнаружение явно выраженного садизма у маленького ребенка (Кляйн М. «Торможения и затруднения в пубертате», 1922; Кляйн М. «Криминальные наклонности у нормальных детей», 1927).

1927 Ранние истоки Супер-Эго, вины и раскаяния (Кляйн М. «Раннее развитие совести у ребенка», 1933).

1929 Инфантильные ситуации тревоги (Кляйн М. «Инфантильные ситуации тревоги, отраженные в произведении искусства и творческом импульсе», 1929).

1932 Садизм как манифестация инстинкта смерти (Кляйн М. «Психоанализ детей», 1932).

1935 Депрессивная позиция (Кляйн М. «К вопросу о психогенезе маниакально-депрессивных состояний», 1935).

Когда Кляйн начинала свою работу в 1918–1919 годах, ортодоксальная теория Фрейда твердо придерживалась модели развития, построенной на прохождении ребенком последовательности фаз сексуального развития. Согласно этой теории, существует несколько компонентных сексуальных инстинктов и несколько фаз сексуального развития ребенка (Freud, 1905).

(а) Компоненты: оральная, анальная и генитальная любовь; гетеросексуальность и гомосексуальность; садизм и мазохизм; вуайеризм и эксгибиционизм. Все эти группы могут сливаться друг с другом, и каждая может находиться в активном и пассивном состоянии.

(b) Фазы: (a) первый год — оральность; (b) второй год — анальность; (c) возраст от двух до четырех-шести лет — генитальность; (d) от шести лет до пубертата — латентная фаза, и (e) от пубертата до взрослого возраста — подростковый возраст. Переход от одной любовной фазы либидо к другой происходит естественным образом. Остальные компоненты либидо проявляются поверх этой базовой хронологии. Особое значение придается компонентам садизма/мазохизма, которые Абрахам пытался распределить по всем фазам. Фазы садизма накладывались на оральную, анальную и генитальную фазы, фактически расщепляя каждую из них на две и тем самым формируя то, что Абрахам называл «расписанием» развития либидо (Abraham, 1924) [см. САДИЗМ; ЛИБИДО].

ВКЛАД КЛЯЙН В ТЕОРИЮ ИНСТИНКТОВ. В начале своей деятельности Кляйн признавала теорию компонентных инстинктов, но затем по ходу работы она выявила отклонения от расписания развития, разработанного на основе анализа взрослых пациентов. Основные ее модификации теории инстинктов таковы:

(1) Во-первых, она отметила проблему, которую ставит перед ребенком его собственное любопытство (которое она назвала эпистемофилическим компонентом — эквивалентом пары вуайеризм/эксгибиционизм в теории Фрейда). Она полагала, что это любопытство касается в первую очередь первичной сцены, сексуальности родителей и их половых органов.

(2) Второй момент, тесно связанный с первым, — садистический компонент. Это шокирующее проявление ужасающей детской фантазии, по-видимому, обязано своим возникновением фрустрированному сексуальному любопытству. Оно чревато глубокими последствиями, в том числе формирует определяющий фактор при паранойе и психозе. Первоначально термин «садизм» в работах Кляйн получил свое значение от Фрейда и особенно от Абрахама. В то время (1923 год) считалось, что садизм восходит к перверсивному сексуальному импульсу, особенно на

оральном и анальном уровне. Постепенно в системе взглядов Кляйн слово «садизм» стало синонимом всякой крайней формы агрессии.

(3) В отличие от Абрахама, который все более точно устанавливал расписание либидинозных фаз, Кляйн в ходе непосредственного наблюдения за развитием детей обнаружила, что фазы упорядочены нечетко и фактически зачастую перекрываются.

(4) Наконец в 1932 году Кляйн расшифровала садистические фантазии, столь сильно ее шокировавшие, что привело к противоречиям с Фрейдом. Садизм больше не рассматривался как компонент либидо, но как отдельный инстинкт, данный от рождения. Таким образом, Кляйн приняла фрейдовскую теорию инстинкта смерти. Однако Фрейд считал инстинкт смерти в клиническом отношении «немым», а Кляйн полагала, что именно садистическая фантазийная жизнь детей служит клинической манифестацией инстинкта смерти.

(1) Эпистемофилия. В своих ранних работах Кляйн показала, как интерпретации вопросов ребенка и фантазий, относящихся к первичной сцене, приводят к мощному всплеску фантазии. Она расценивала это как высвобождение заторможенной фантазии, касающейся первичной сцены. Желание знать, любопытство выглядело мощным примитивным и первичным влечением [см. ЭПИСТЕМОФИЛИЯ]. Интерес Кляйн к этой проблеме объясняется двумя причинами теоретического характера. Во-первых, техника Кляйн, в которой игрушки и игра используются как символы, побудила ее сосредоточить внимание на природе символизма [см. 1. ТЕХНИКА; ОБРАЗОВАНИЕ СИМВОЛОВ]. Во-вторых, в некоторых случаях Кляйн сталкивалась с почти полным отсутствием действия символической функции (Klein, 1930); это заставило ее предположить, что она нащупала нечто, объясняющее природу психоза [см. ПАРАНОЙЯ; ПСИХОЗ].

Торможение любопытства было особенно сильным у детей-психотиков и близких к психотическому состоянию. Это открытие, казалось, давало важный ключ к пониманию сопровождающих психоз расстройств, которые, как было известно, включают в себя затруднения в надлежащем формировании символов. Фрейд отличал словесные репрезентации от предметных репрезентаций (Freud, 1915), объясняя это различение с помощью гипотезы, касающейся шизофренических расстройств:

> «Если теперь мы сопоставим эти данные [необычайно конкретную форму символов у шизофреников] с той гипотезой, что при шизофрении происходит отказ от объектных катексисов, нам придется модифицировать данную гипотезу, добавив, что сохраняется катексис *словесных* репрезентаций» (Freud, 1915, p. 201).

Кляйн поняла, что она может проследить корни этой проблемы у ребенка непосредственно при ее возникновении.

Процесс экстернализации происходит при стремлении выразить фантазии того или иного типа в игре или любой другой символической деятельности. Экстернализация связана с процессом исторжения, или проекцией как защитой от невыносимых внутренних конфликтов и наказания садистического Супер-Эго. Насколько отчетливо Кляйн осознавала жестокость внутренней ситуации такого рода, мы видим из следующего ее высказывания:

> «Эта защита, соответствуя степени садизма [во внутренней ситуации], имеет насильственный характер и фундаментально отличается от более позднего механизма вытеснения. По отношению к собственному садизму субъекта эта защита предполагает исторжение, а по отношению к объекту — разрушение. Садизм же становится источником опасности, поскольку дает шанс высвобождения тревоги, а также потому, что субъект ощущает средства, необходимые для разрушения объекта, как нацеленные также и на него самого. /.../ Совершенно неразвитое Эго сталкивается с задачей, на этой стадии находящейся целиком за пределами его возможностей» (Klein, 1930, p. 220).

(2) Садизм. «Ранняя связь между эпистемофилическим импульсом и садизмом очень важна для психического развития в целом. Этот инстинкт /.../ первоначально в основном направлен на материнское тело, которое предполагается сценой всех сексуальных процессов и эволюций. У ребенка все еще преобладает анально-садистическая позиция либидо, что подталкивает его к желанию присвоить содержимое этого тела. Соответственно, ребенок начинает интересоваться, на что оно похоже, каково его содержимое и т. д. Поэтому эпистемофилический инстинкт и желание обладать весьма рано оказываются теснейшим образом связанными друг с другом» (Klein, 1928, p. 188).

Изучение чего-либо, утверждала Кляйн, представляет собой вторжение в материнское тело (Klein, 1930) и потому затрагивает тревоги, вызванные фантазией садистического проникновения внутрь матери [см. 8. РАННИЕ СИТУАЦИИ ТРЕВОГИ]:

> «Ребенок ожидает, что обнаружит внутри матери (а) отцовский пенис, (б) экскременты и (в) детей, и все это он приравнивает к съедобным веществам. Согласно самым ранним фантазиям (или “сексуальным теориям”) ребенка о родительском совокуплении, отцовский пенис (или все тело отца целиком) оказывается инкорпорированным внутрь матери в ходе полового акта. Таким образом, объектом садистических атак ребенка становятся как отец, так

> и мать, которых в фантазии кусают, разрывают, разрезают или растаптывают на части. Эти нападения вызывают тревогу, связанную с ожиданием наказания со стороны объединенных родителей, и эта тревога также интернализуется вследствие орально-садистической интроекции объектов и таким образом оказывается уже направленной на раннее Супер-Эго» (Klein, 1930, p. 219).

Отчетливое свидетельство младенческой агрессии вызывает у Кляйн беспокойство:

> «Идея о том, что младенец в возрасте шести-двенадцати месяцев пытается разрушить свою мать всеми способами, которые доступны его садистическим устремлениям, — зубами, ногтями, испражнениями и всем своим телом, и они в фантазии превращаются в оружие всех видов, — эта идея представляется нам картиной ужасающей, если не сказать невероятной. И очень трудно (знаю на собственном опыте) заставить себя признать, что столь отвратительная идея соответствует истине» (Klein, 1932, p. 130).

Поскольку это открытие оказалось для Кляйн совершенно непредвиденным, по сути исключительно на нем она и сосредоточилась в ходе первых пятнадцати лет своей клинической практики.

Порочный круг. Особая поглощенность агрессией и ожидание расплаты, вызывающие страх и еще большую агрессию, воспроизводят сами себя. Нападения на преследователей делают их более, а не менее вредоносными, поскольку в фантазии предполагается, что преследователи разъяряются еще больше и отвечают насилием на насилие: «когда объекты интроецированы, предпринятые против них атаки с помощью всех орудий садизма вызывают ужас субъекта перед аналогичными атаками на него самого со стороны внутренних и интернализованных объектов» (Klein, 1929, p. 212). Порочный круг такого типа представляет собой параноидное состояние враждебности, сопровождаемое глубокими подозрениями ко всяким «хорошим» фигурам [см. ПАРАНОЙЯ].

(3) Прегенитальные фазы. Сначала Кляйн следовала Абрахаму, приписывая садизм периоду окончания первого года жизни, и была склонна относить фантазии, которые она обнаруживала у детей более старшего возраста, именно к этому времени как точке фиксации. Затем она пришла к заключению, что все разнообразные либидинозные импульсы совмещены во времени, хотя в каждый момент может преобладать тот или иной из них: «Либидинозные фазы перекрываются начиная с самых первых месяцев жизни. Позитивные и инвертированные Эдиповы тенденции с самого

начала пребывают в тесном взаимодействии» (Klein, 1945, p. 416). Садистические фантазии в основном соотносятся с оральной и анальной фазами, и вначале прегенитальные импульсы преобладают над генитальными. Таким образом, ребенок с первых моментов жизни вынужден бороться с тревогой, вызываемой садистическими импульсами. Кляйн выяснила, что происходит некоторое смешение генитальных импульсов (т. е. они направлены на обоих родителей как пару) начиная с первого года жизни, но позднее генитальные импульсы крепнут и усиливают любовь ребенка.

Зачастую кажется, что Кляйн противопоставляет прегенитальные (садистические) импульсы генитальным, любовным:

> «... садизм преодолевается, когда субъект поднимается на генитальный уровень. Чем устойчивее эта ситуация, тем более ребенок становится способным к объектной любви, тем больше у него возможностей победить свой садизм с помощью жалости и симпатии» (Klein, 1929, p. 214).

Кляйн полагала, что агрессивные импульсы влияют на развитие, в частности, способствуя продвижению Эго вперед к генитальным импульсам (стимуляциям), направленным на мобилизацию любовных чувств. Поэтому агрессивные чувства могут не только тормозить, но и подстегивать ход развития; а временами движение вперед вызывается преждевременно, и это приводит к различным последствиям. Так Кляйн пришла к небесспорному мнению, что как раз воздействие агрессивных импульсов и определяет течение или торможение развития на этих чрезвычайно ранних его стадиях [см. ЛИБИДО; РАЗВИТИЕ].

Именно на основании данных о прегенитальных фантазиях Кляйн начала пересматривать классическое представление об Эдиповом комплексе и происхождении Супер-Эго [см. 4. ЭДИПОВ КОМПЛЕКС; 7. СУПЕР-ЭГО].

(4) Инстинкт смерти. Позднее (начиная с 1932 года) Кляйн рассматривала весь первый год жизни как период максимального садизма. Такое расширение временного диапазона концепции было обусловлено тем, что в 1932 году Кляйн признала инстинкт смерти в качестве первичного источника агрессивных импульсов с самого начала жизни: «отклонение инстинкта смерти вовне воздействует на отношения ребенка с его объектами и приводит к полномасштабному развитию садизма» (Klein, 1932, p. 128). Кляйн также писала о маленьком ребенке:

> «... его деструктивные инстинкты вызывают у него тревогу уже в первые месяцы жизни. Вследствие этого его садистические фантазии становятся связанными с тревогой, и такая связь между ними порождает специфические ситуации тревоги. /.../ Либидинозное удовлетворение, как выражение Эроса, укрепляет его веру в свои

образы-помощники и ослабляет опасности, угрожающие ему со стороны инстинкта смерти и Супер-Эго» (Klein, 1932, p. 128) [см. ИНСТИНКТ СМЕРТИ].

С этого момента Кляйн рассматривала человеческую психику и ее развитие в свете фундаментального конфликта между инстинктом смерти и либидо (инстинктами жизни), а также того, как внешний мир может способствовать развитию осознания внешней и внутренней реальностей. Когда превалирует инстинкт смерти, смешение (или слияние) инстинктов приводит к возникновению зависти, мазохизма и других форм перверсии и иных состояний патологической агрессии. Здоровье и нормальное развитие базируются на преобладании инстинктов жизни [см. ИНСТИНКТ СМЕРТИ].

С рождения ребенок реагирует на переживание своих нужд, требуя их удовлетворения, и в конечном итоге — поиском дающих удовлетворение объектов и любовью к ним (инстинкты жизни); или же — устраняя данное переживание (или восприятие желанного объекта) или устраняя аппарат восприятия, который поставляет переживание или восприятие объекта (инстинкт смерти) [см. 12. ЗАВИСТЬ]. Во избежание последствий ранней деструктивности, инстинкт смерти обычно проецируется (Фрейд использовал термин «отклонение», а не проекция) во внешний объект, который воплощает деструктивную угрозу самости; элемент деструктивности также удерживается внутри и обращается на внешний угрожающий объект.

Депрессивная позиция. Исходно обнаруживаемый между прегенитальными и генитальными импульсами конфликт чувств стал рассматриваться как конфликт между позитивным и негативным Эдиповым комплексом, который представлен в бессознательных фантазиях как в генитальной, так и в прегенитальной формах [см. 4. ЭДИПОВ КОМПЛЕКС]. Это обескураживающее слияние теоретических категорий стало вызывать меньше проблем, когда Кляйн, развивая свою теорию, в 1935 году сформулировала идею депрессивной позиции. Постепенно она стала привлекать больше внимания Кляйн, чем Эдипов комплекс и последовательность фаз [см. 10. ДЕПРЕССИВНАЯ ПОЗИЦИЯ], поскольку именно депрессивная позиция формирует то основание, на котором осуществляются эти классические этапы развития.

Шизоидная аннигиляция. В 1946 году Кляйн пересмотрела свою теорию интенсивно садистического и параноидного периода начала жизни (к тому времени получившего название *параноидной позиции*). Она обнаружила, что агрессивные импульсы воздействуют не только на объекты, но и на Эго субъекта. Эта само-деструктивность давала основание полагать, что инстинкт смерти (способствующий соскальзыванию индивида в распад и смерть) от рождения не направлен вовне должным образом [см. 7. СУПЕР-ЭГО]. В своей теории инстинкта смерти Кляйн следовала подходу

Фрейда: по Фрейду, инстинкт смерти отклоняется вовне. При шизоидных состояниях можно предположить исходную неудачу такого отклонения [см. 11. ПАРАНОИДНО-ШИЗОИДНАЯ ПОЗИЦИЯ; 12. ЗАВИСТЬ]. Поэтому шизоид боится силы внутри себя, которая угрожает аннигиляцией, опасается за себя, опасается распада на фрагменты своего Эго и своей личности (Klein, 1946). В это время Кляйн описывает *прототип агрессивного объектного отношения*, где эти фрагменты Эго могут выталкиваться во внешние объекты [см. 13. ПРОЕКТИВНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ].

Зависть. Последнее дополнение к своей теории Кляйн сделала в 1957 году. Как и ее самые ранние теоретические работы, это исследование касалось необычайного размаха садистической агрессии у человеческих существ. Кляйн не только обнаружила на первых этапах своей деятельности агрессию в огромных объемах у детей, занятых игрой, но и позднее смогла подтвердить чрезвычайный садизм и агрессию на клиническом материале, полученном от взрослых пациентов-психотиков. Первичная зависть — это врожденные агрессия и садизм, направленные на хорошие объекты или их хорошие качества, в отличие от более параноидной агрессии, направленной на плохие объекты, которые как будто бы угрожают субъекту [см. 12. ЗАВИСТЬ]. Зависть и инстинкт смерти подобны в том, что они атакуют жизненные и любимые объекты. В зависти импульсы инстинкта смерти слиты с инстинктами жизни, и при этом инстинкт смерти преобладает. Это патологическая форма слияния, при которой (a) объект подвергается нападению ради удовлетворения инстинкта смерти, и (b) в то же время он подвергается нападению в порядке защиты от зависти — эта защита устраняет объект, вызывающий потребность. Деструктивность направлена на объект, который возбуждает потребность (и поэтому любовь) и предлагает удовлетворение этой потребности.

Первичная форма зависти кажется одним из наиболее примитивных проявлений агрессивных импульсов, и Кляйн полагала, что ребенок от рождения наделен инстинктами жизни и смерти в разном объеме, а шизофреникам присущи и другие дефекты, особенно трудно им отделить агрессивные импульсы от либидинозных (также они слабо переносят фрустрацию и неблагоприятное для развития окружение и т. д.).

СПОРЫ ОБ ИНСТИНКТЕ СМЕРТИ. Существование садистических фаз развития в детском возрасте как таковое сомнений не вызывало, но была развернута дискуссия относительно того, обязаны ли они своим происхождением инстинкту смерти. Против понятия «инстинкт смерти», с указанием на его бесполезность, было выдвинуто четыре основных возражения: (a) описания Фрейда носили по большей части спекулятивный характер, и он называл инстинкт смерти клинически «немым»; (b) нет необходимости полагать проекцию инстинкта смерти источником агрессии, поскольку фрустрация либидо является вполне адекватным объяснением ее при-

чины; (c) нет свидетельств направленной на самость деструктивности, действующей внутри личности; и (d) значение, которое Кляйн придает инстинкту смерти, принижает центральное значение понятия либидо в психоаналитической теории.

(a) Немой инстинкт. Широко распространено мнение, что на идею об инстинкте смерти Фрейда навели примеры из области биологии, размышления о смертности организмов и об универсальных тенденциях живой материи к возврату в неодушевленное состояние, а неодушевленной материи — к деградации на более низкие уровни организации. Устанавливая связь между вторым законом термодинамики, или энтропией, и фрейдовской моделью психики, мы рискуем внести в психоанализ оттенок мистицизма. Соответственно, большинство психоаналитиков не отводило инстинкту смерти какого-либо значительного места в своих клинических воззрениях. Оказалось возможным предать инстинкт смерти забвению, поскольку Фрейд назвал его «немым и беззвучным инстинктом». Эта неслышность проявлений инстинкта смерти послужила Фрейду объяснением того, почему он игнорировал его в своей предшествующей работе.

Однако Кляйн решительно настаивала на том, что понятие «инстинкт смерти» клинически оправдано, поскольку Фрейд предваряет свои доводы данными, почерпнутыми в клинической работе над переносом (навязчивое повторение), из сновидений пациентов, страдающих травматическим неврозом, и из наблюдений за играющими маленькими детьми. Именно клиническая проблема навязчивого повторения заставила Фрейда выбрать заглавие для работы 1920 года — «По ту сторону принципа удовольствия». Поскольку пациенты были словно вынуждены повторять болезненные переживания, принцип удовольствия нарушался. Значит, должно было быть что-то по ту сторону удовольствия.

(b) Фрустрированное либидо. Точно так же в своей спроецированной форме инстинкт смерти далеко не беззвучен — он весьма громогласен и неприятен на слух [см. ИНСТИНКТ СМЕРТИ]. Часто отмечают, что агрессивные импульсы сами по себе не являются свидетельством инстинкта смерти, поскольку могут оказаться производными от фрустрированных либидинозных импульсов. Самая сильная сторона этого аргумента заключается в том, что с помощью психоаналитического исследования невозможно обособить различные инстинктивные компоненты. Споры между аналитиками относительно инстинкта смерти изобилуют изобретательными доводами апостериори с обеих сторон [см. 2. БЕССОЗНАТЕЛЬНАЯ ФАНТАЗИЯ; ГЕНЕТИЧЕСКАЯ НЕПРЕРЫВНОСТЬ].

(c) Внутренняя деструктивность. Кляйн продемонстрировала: по крайней мере, у детей инстинкт смерти не является «немым и беззвучным»; в определенном смысле Эго, или некоторая его часть, остается внутри, чтобы

оказывать смертоносное воздействие на личность. Это «плохие» внутренние объекты, в ходе развития порождающие жесткое Супер-Эго [см. 7. СУПЕР-ЭГО]. У взрослых переживание деструктивного объекта внутри Эго сообщается, например, пациентом с фобией ракового заболевания, которое является репрезентацией внутреннего пожирающего объекта. Всеобщий страх перед раком подобным же образом связан с бессознательными фантазиями о «плохом» объекте, воспринимаемом в орально-садистическом ключе. Равноценными иллюстрациями могут быть другие формы ипохондрии.

Проявляющаяся клинически внутренняя деструктивность была исследована Розенфельдом (Rosenfeld, 1971) и в последнее время многими другими в ответ на замечание, что кляйнианцы не реагируют на критику относительно применения ими понятия «инстинкт смерти». Структура личности пациентов в пограничных состояниях включает в себя организацию «плохих» частей самости, атакующих «хорошую» самость, используя стратегии соблазнения или запугивания [см. СТРУКТУРА].

(d) Сравнительная значимость инстинкта смерти и либидо. Были нарекания и с другой стороны: якобы Кляйн настаивает на том, что инстинкт смерти оказывает большее влияние, чем либидо, и влечение к объектам обязано своим происхождением инстинкту смерти! Это бы весьма противоречило теории Фрейда. Обвинения в том, что Кляйн игнорирует фрейдовскую теорию последовательности либидинозных фаз, достигли своего пика, когда аналитики-венцы прибыли в Лондон в 1939 году [см. ДИСКУССИИ О ПРОТИВОРЕЧИЯХ]. Обвинения эти были несколько преувеличены, но Кляйн действительно связывала проблемы и торможения в развитии либидо (а также интеллекта) с тревогой, порождаемой агрессивными импульсами. На самом деле она не пренебрегала теорией либидо и представлением о последовательности сексуальных фаз в раннем детстве. Формально она придерживалась этих взглядов, но в то же время указывала, что фазы не следуют друг за другом, как поезда согласно железнодорожному расписанию (аналогия Абрахама). Они все время плотно переплетены, но все же демонстрируют последовательность превалирования импульсов — вначале оральные импульсы доминируют над анальными, а затем анальные импульсы отстаивают свои права и берут верх над оральными и генитальными. Кляйн подчеркивала *вмешательство* в развитие либидо садизма, который отмечает точки фиксации либидо.

Поэтому проблема остается. Для кляйнианцев инстинкт смерти не беззвучен, но является активным фактором, который существенно нарушает и видоизменяет естественный ход либидинозного развития на ранних фазах; аналитики же классического толка считают *клиническую* значимость инстинкта смерти минимальной и подчеркивают эпигенетический характер развития либидо и Эго [см. ЭГО-ПСИХОЛОГИЯ]. Вопрос о том, какие показательные ситуации в клинической практике смогли бы прояснить эти моменты, все еще ждет серьезного внимания.

Abraham, Karl (1924) 'A short study of the development of the libido', in Karl Abraham (1927) *Selected Papers on Psycho-Analysis*. Hogarth, pp. 418–501.

Freud, Sigmund (1905) *Three Essays on Sexuality*, in James Strachey, ed. *The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud*, 24 vols. Hogarth, 1954–73, vol. 7, pp. 125–245.

Freud, Sigmund (1915) 'The unconscious'. *S.E.* 14, pp. 159–215.

Freud, Sigmund (1920) *Beyond the Pleasure Principle*. *S.E.* 18, pp. 3–64.

Klein, Melanie (1922) 'Inhibitions and difficulties in puberty', in *The Writings of Melanie Klein*, vol. 1. Hogarth, pp. 54–8.

Klein, Melanie (1927) 'Criminal tendencies in normal children', *The Writings of Melanie Klein*, vol. 1, pp. 170–85.

Klein, Melanie (1928) 'Early stages of the Oedipus complex', *The Writings of Melanie Klein*, vol. 1, pp. 186–98.

Klein, Melanie (1929) 'Infantile anxiety-situations reflected in a work of art and in the creative impulse', *The Writings of Melanie Klein*, vol. 1, pp. 210–18.

Klein, Melanie (1930) 'The importance of symbol-formation in the development of the ego', *The Writings of Melanie Klein*, vol. 1, pp. 219–32.

Klein, Melanie (1931) 'A contribution to the theory of intellectual inhibition', *The Writings of Melanie Klein*, vol. 1, pp. 236–47.

Klein, Melanie (1932) *The Psycho-Analysis of Children, The Writings of Melanie Klein*, vol. 2.

Klein, Melanie (1933) 'The early development of conscience in the child', *The Writings of Melanie Klein*, vol. 1, pp. 248–57.

Klein, Melanie (1935) 'A contribution to the psychogenesis of manic-depressive states', *The Writings of Melanie Klein*, vol. 1, pp. 262–89.

Klein, Melanie (1945) 'The Oedipus complex in the light of early anxieties', *The Writings of Melanie Klein*, vol. 1, pp. 370–419.

Klein, Melanie (1946) 'Notes on some schizoid mechanisms', *The Writings of Melanie Klein*, vol. 3, pp. 1–24.

Klein, Melanie (1957) 'Envy and gratitude', *The Writings of Melanie Klein*, vol. 3, pp. 176–235.

Rosenfeld, Herbert (1971) 'A clinical approach to the psycho-analytical theory of the life and death instincts: an investigation into the aggressive aspects of narcissism', *Int. J. Psycho-Anal.* 52: 169–78.

Segal, Hanna (1987) 'The clinical usefulness of the concept of the death instinct' (unpublished).

4. Эдипов комплекс
(Oedipus complex)

ОПРЕДЕЛЕНИЕ. Клинические исследования Кляйн в конечном итоге модифицировали фрейдовскую теорию Эдипова комплекса. Подчеркивая фантазийное содержание инстинктивных импульсов, Кляйн особенно выделяла прегенитальные компоненты (оральные и анальные) эдипальных фантазий. Она считала их наличие доказательством раннего, прегенитального происхождения Эдипова комплекса. Кляйн никогда не разделяла идею Фрейда о том, что Супер-Эго является «преемником Эдипова комплекса», поскольку ее клинические наблюдения указывали на другие временные рамки этого феномена, и в конце концов ей пришлось выступить с опровержением Фрейда.

Под классическим Эдиповым комплексом «залегают» очень ранние пугающие и «психотические» фантазии ребенка, и Кляйн особое внимание уделяла *ранним стадиям Эдипова комплекса*. Она думала, что, демонстрируя интенсивность базовых, ранних стадий Эдипова комплекса, подчеркивает его значимость.

Кляйн также подчеркивала значимость негативного (инвертированного) Эдипова комплекса и сложное взаимодействие между позитивным и негативным комплексами; позже эти наблюдения вошли в ее теорию амбивалентности на депрессивной позиции. Впоследствии развитие ее собственной теории амбивалентности и депрессивной позиции привело к неявной переформулировке теории Эдипова комплекса в терминах сближения «хороших» и «плохих» фантазийных фигур («хороших» и «плохих» частичных объектов). В ситуации переноса это часто вызывает зависимость пациента от соединения вместе различных частей психики аналитика.

ХРОНОЛОГИЯ

1920 Классический Эдипов комплекс у детей (Кляйн М. «Развитие одного ребенка», 1920).

1928 Прегенитальные формы Эдипова комплекса и инвертированный Эдипов комплекс (Кляйн М. «Ранние стадии Эдипова комплекса», 1928).

1932 Отделение Супер-Эго от Эдипова комплекса (Кляйн М. «Психоанализ детей». Часть II, 1932; Кляйн М. «Раннее развитие совести у ребенка», 1933).

1935 Эдипов комплекс и депрессивная позиция (Кляйн М. «Скорбь и ее отношение к маниакально-депрессивными состояниями», 1940; Кляйн, М. «Эдипов комплекс в свете ранних тревог», 1945).

К тому времени, когда Кляйн начала свою работу, ортодоксальный психоанализ установил, что центральная, основная проблема всех неврозов — Эдипов комплекс. Кляйн никогда не подвергала это сомнению. Однако она рассматривала Эдипов комплекс с иной точки зрения, которая все более отличалась от ортодоксальной.

Эдипов комплекс в 1920-х годах. Согласно классическому фрейдистскому подходу, младенец получает от своего тела сексуальные ощущения, которые он стремится разрядить в виде желаний, направленных на родителей, но безуспешно: он сталкивается с запретом. Это приводит к мастурбации, которая вызывает сходные запреты. Фрейд описывал такие процессы на генитальном уровне и исследовал детские сексуальные теории (фантазии). Он выделил кастрационную тревогу маленького мальчика, возникающую как следствие ощущения угрозы со стороны отца; маленькая же девочка испытывает зависть к пенису.

В статье, которую Фрейд опубликовал в 1918 году — примерно в это время Кляйн приступила к анализу детей, — он тщательно описывает идентификации, устанавливаемые очень маленьким ребенком (в возрасте всего лишь восемнадцати месяцев) с каждым из родителей, осуществляющих половой акт. Он пытался клинически разработать некоторые выводы из своих идей, описанных годом ранее в работе «Скорбь и меланхолия» (Freud, 1917), где он впервые показал механизм идентификации (путем интроекции). Эти работы, разумеется, вызвали бурные и напряженные дискуссии во всех психоаналитических обществах — как раз тогда, когда Кляйн представила свои первые психоаналитические случаи.

ВКЛАД МЕЛАНИ КЛЯЙН В ТЕОРИЮ ЭДИПОВА КОМПЛЕКСА. Работа Кляйн с детьми в ходе игры продемонстрировала ей разнообразие фантазий, подобных тем, которые были описаны Фрейдом, а также множество способов, с помощью которых дети, по-видимому, идентифицируются с игрушечными фигурами. Множественная идентификация такого рода, вероятно, и обеспечивает творческую полноту самой игры, когда ребенок рассматривает события в игре с точки зрения то одной, то другой фигуры [см. 1. ТЕХНИКА]. Кляйн также придавала особое значение идентификациям с каждым из родителей, а также простой форме Эдиповой пары, с ненавистью к одному родителю и любовью к другому:

> «Я узнала, что Вернер называл своими “беспокойными мыслями”. Он сказал мне, что беспокоится о животных Тарзана. Обезьяны гуляют в джунглях; в своей фантазии он следует за ними и приноравливается к их походке. Ассоциации ясно продемонстрировали его восхищение отцом, совокупляющимся с матерью, и его желание стать третьим участником этого совокупления. Данная идентификация,

> снова как с матерью, так и с отцом, также формировала основу для его других многочисленных “беспокойных” мыслей — все они могут быть признаны мастурбационными фантазиями» (Klein, 1925, p. 118).

Изучая подобные инфантильные *фантазии*, в период с 1919 по 1935 годы Кляйн совершила четыре клинических открытия в отношении Эдипова комплекса. Каждый из этих шагов был столь значительным, что в итоге сама теория очень сильно изменилась — она стала теорией депрессивной позиции.

Шаги эти таковы:

(1) обнаружение особого характера садизма, связанного с фантазиями об эдипальной паре и вызывающего большую тревогу [см. 8. РАННИЕ СИТУАЦИИ ТРЕВОГИ];

(2) клиническое доказательство существования прегенитальных фантазий и, таким образом, прегенитального происхождения Эдипова комплекса (существенное отличие от положения Фрейда: по Фрейду, Эдипов комплекс развивается на генитальной фазе на третьем-пятом годах жизни) [см. ЛИБИДО; 7. СУПЕР-ЭГО];

(3) выявление понимания эдипальных родителей в терминах индивидуальных органов — пениса в вагине (соска в груди), — которое вызывает страшную фантазию о родителях, навечно соединенных в комбинированную родительскую фигуру [см. КОМБИНИРОВАННАЯ РОДИТЕЛЬСКАЯ ФИГУРА]; и

(4) открытие двусмысленности позитивного и инвертированного Эдиповых комплексов, которые, существуя совместно, создают амбивалентные чувства по отношению к каждому из родителей [см. 10. ДЕПРЕССИВНАЯ ПОЗИЦИЯ].

(1) Тревога. Кляйн модернизировала ортодоксальную теорию Эдипова комплекса, сосредоточив внимание на *содержании* тревог, возникающих в результате фантазий об эдипальных объектах (матери и отце):

> «Маленький мальчик, ненавидящий отца как соперника в борьбе за любовь матери, наполнен ненавистью, агрессией и фантазиями, происходящими из его орально-садистических и анально-садистических фиксаций. /.../ В данном случае [случае Жерара] пенис отца должен был быть откушен, сварен и съеден» (Klein, 1927, p.172).

Кляйн отмечает, что «за такой манифестацией примитивных тенденций неизбежно следует тревога» (Klein, 1927, p. 175). Эти садистические импульсы вызывают сильный страх и раскаяние у маленьких детей, которые боятся как того, что все это произойдет с родителями в реальности, так и возмездия родителей, направленного на детей [см. 3. АГРЕССИЯ; ПАРАНОЙЯ].

(2) Ранние источники Эдипова комплекса. Фрейд считал, что прегенитальные импульсы просто подлежат разрядке, а истинные эдипальные фантазии начинаются только в генитальной фазе (в возрасте трех-пяти лет). Однако Кляйн продемонстрировала наличие эдипальных фантазий в прегенитальном возрасте: «дети часто выказывают, причем уже в начале второго года жизни, явное предпочетние родителю противоположного пола и другие признаки появляющихся Эдиповых тенденций» (Klein, 1926, p. 129). Прегенитальные импульсы возникают в реакциях детей на родителей и родительские сексуальные отношения, детская игра обращается вокруг идей, фантазий и тревог, связанных с первичной сценой; поскольку ребенок не знает, что происходит в реальности, фантазии эти основываются на интерпретации его собственных потребностей (оральных или анальных) и жестокой их фрустрации:

> «Согласно орально- и анально-садистической стадии, на которой он сам сейчас находится, сношение начинает означать для ребенка действо, в котором поедание, приготовление, обмен фекалиями и садистические акты всех типов (избиение, разрезание и т. д.) играют принципиальную роль» (Klein, 1927, p. 175).

Имея множество клинических свидетельств прегенитальных фантазий, Кляйн должна была прийти к тому, что Эдипов комплекс начинается *до* генитальной фазы.

Итак, по мнению ребенка, родители кормят друг друга, проглатывают друг друга, раскусывают друг друга на куски, пачкают друг друга изнутри, контролируют друг друга, и все это происходит наряду с генитальными фантазиями проникновения, пореза, заботы и защиты друг друга:

> «... ранний анализ показывает, что ребенок развивает подобные теории гораздо раньше, когда картину все еще определяют в основном прегенитальные импульсы, хотя его пока еще скрытые генитальные импульсы тоже на нее влияют. Эти теории значат примерно то, что в совокуплении мать постоянно проглатывает пенис отца, так что ее тело наполнено большим количеством пенисов и детей. Всех их ребенок желает съесть и разрушить. Таким образом, нападая на внутреннее содержимое матери, ребенок нападает на большое число объектов» (Klein, 1933, p. 254).

(3) Частичные объекты. Бóльшая часть фантазийной жизни ребенка воспринимается им в терминах частичных объектов: то есть он представляет отношения органов друг с другом — отношения трудно визуализируемых воображаемых объектов, каждый из которых обладает единственной функцией, но сходится с другими в совокуплении. В частности, это материнская грудь, которая соединяется с отцовским пенисом, или же отцовский пенис внутри

материнской вагины: «на этой ранней стадии развития действует принцип “часть вместо целого”, и пенис представляет также отца лично» (Klein, 1932, p. 132) [см. ЧАСТИЧНЫЕ ОБЪЕКТЫ]. В этом мире органов, кроме того, находятся дети, которых также вмещает творящее тело матери, и это порождает другие фантазии, снова по большей части агрессивные. Все эти примитивные представления об органах, еще не соединенных вместе, вероятно, являются врожденной предрасположенностью к воображению подобных вещей — бессознательными фантазиями [см. 2. БЕССОЗНАТЕЛЬНАЯ ФАНТАЗИЯ; ВРОЖДЕННОЕ ЗНАНИЕ].

Комбинированная родительская фигура. На ранних стадиях Эдипова комплекса центральным является изображение родителей в виде устрашающей соединенной пары, сцепленной в насильственном совокуплении, которое разрушит как их самих, так и ребенка (Klein, 1932). Таким образом, комбинированные родители (или их органы) разрушают друг друга в мировой (для ребенка) катастрофе, ничего ему не оставляя; в то же время эта фигура захватывает и его вследствие его всемогущих фантазий, нацеленных против родителей, и подвергает его воздействию тех самых разрушительных сил, которые, как он верит, родители направляют друг на друга [см. КОМБИНИРОВАННАЯ РОДИТЕЛЬСКАЯ ФИГУРА].

(4) Инвертированный Эдипов комплекс. Поскольку Кляйн анализировала очень маленьких детей, у нее была исключительная возможность показать, что Эдипов комплекс не является всего лишь любовью к родителю противоположного пола и ненавистью к родителю-сопернику одного с ребенком пола. Фактически она обнаружила очень смешанные чувства, и потому стала уделять особое внимание инвертированному Эдипову комплексу, когда маленькие девочки любят мать и идентифицируются с ней, а мальчики любят отца и идентифицируются с ним, исключая родителя противоположного пола. Такой подход согласуется с фрейдовским представлением о врожденной бисексуальности. Колебания между позитивным и инвертированным эдипальными комплексами приобретают для Кляйн все большее значение и в итоге начинают играть свою роль в развитии ею концепции депрессивной позиции [см. 10. ДЕПРЕССИВНАЯ ПОЗИЦИЯ].

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ СЛЕДСТВИЯ НАБЛЮДЕНИЙ КЛЯЙН. Практические наблюдения Кляйн вели в нескольких направлениях:

(1) новый источник Супер-Эго;

(2) «вторичный» характер классических тревог, связанных с *кастрацией* и *завистью к пенису*;

(3) теория депрессивной позиции — утраты любимого объекта;

(4) несколько позднее самый оригинальный последователь Кляйн, Бион (Bion, 1962), развил важное понятие об объединении частичных объектов в пару, подобную паре контейнера с его содержимым [см. КОНТЕЙНИРОВАНИЕ].

Затруднение Кляйн заключалось в том, что ее клинические наблюдения за детьми имели далеко идущие последствия, которые противоречили клиническим наблюдениям психоаналитиков, занимающихся взрослыми пациентами. Всякий, кто оспаривал сделанные Фрейдом лично выводы, сталкивался с проблемой. В 1920-х годах психоаналитический мир не отличался толерантностью. Только в 1930-х Кляйн смогла разработать собственные теории, независимые от фрейдовских. К тому времени ее взгляд на тревогу и эдипальную ситуацию изменился, поскольку она включила фрейдовскую концепцию инстинкта смерти в свое понимание клинических данных, что привело ее к теории депрессивной позиции.

(1) Раннее Супер-Эго. Агрессия, возникшая на этих прегенитальных фазах комплекса, создает изначально запутанные отношения с первичными фигурами еще до вступления в силу генитальных импульсов. Эти сложные, двусмысленные и устрашающие фигуры, будучи интроецированными, становятся внутренними преследователями. Кляйн доказывала, что интернализованные версии родителей, атакующие Эго, безусловно являются феноменами той же категории, что и Супер-Эго, как его описал Фрейд. Следовательно, Супер-Эго также должно возникать в возрасте гораздо более раннем, чем указанный Фрейдом (в 1923 году), когда он обозначил Супер-Эго в качестве «преемника Эдипова комплекса» и тем самым — в качестве его главного итога. Соответственно, раннее происхождение Супер-Эго предполагает более раннее происхождение его предшественника — Эдипова комплекса. Кляйн была убеждена (поскольку это согласовывалось с открытыми ею прегенитальными фантазиями об эдипальной паре), что клинические факты демонстрируют возможность сохранения заданной Фрейдом общей последовательности событий, если мы отнесем ее всю к более раннему возрасту в развитии. Следуя своим наблюдениям, Кляйн обнаружила, что она относит появление как Супер-Эго, так и Эдипова комплекса ко все более и более раннему сроку. Сначала она держалась фрейдовской последовательности: Супер-Эго является результатом Эдипова комплекса. Однако (и это не согласуется с мнением Фрейда) процессы проработки Эдипова комплекса и формирования Супер-Эго не вполне строго следуют друг за другом, поскольку «анализ очень маленьких детей показал, что как только возникает Эдипов комплекс, они тут же начинают его прорабатывать и тем самым развивать Супер-Эго» (Klein, 1926, p. 133).

Затем, в конечном итоге, оба процесса оказались настолько рядоположенными на первом году жизни или около того, что Кляйн решилась расцепить их и сделать независимыми — в сущности, сдвигая возникновение Супер-Эго к самым первым моментам жизни [см. 7. СУПЕР-ЭГО].

(2) Кастрационная тревога и зависть к пенису. Кляйн прилагала максимум усилий для того, чтобы подтвердить все аспекты ситуации и тревоги, описанные в классической теории Эдипова комплекса, и постоянно заявляла, что ее открытие ранних фантазий служит всего лишь наполнением принятой теории. Поэтому она могла заявлять, что описываемые ею сильнейшие тревоги на глубоком уровне поддерживают устрашающий характер «ортодоксальных» тревог. Итак, кастрационная тревога укрепляется и умножается фантазиями мальчика о насильственном нападении на тело матери с целью уничтожения обитающего в нем пениса, и эти фантазии сопровождают страх увечащего возмездия, которое осуществляется подобным же образом и направлено на его собственный пенис. Зависть к пенису у маленькой девочки более очевидным образом соотносится с тревогой, описываемой Кляйн как результат нападения, которое девочка совершает на тело матери в качестве вместилища отцовского пениса и тех детей, которых он там вызвал к жизни. Зависть к пенису — концепция более узкая, чем кляйновские описания набора фантазий, осаждающих маленькую девочку [см. 6. ФАЗА ЖЕНСТВЕННОСТИ].

Несмотря на заявление, что она наполняет теории Фрейда более подробными фантазиями, которые можно наблюдать, работая с детьми в период максимального развития Эдипова комплекса, фактически описываемые Кляйн тревоги не совпадают с теми, что описывал Фрейд. В 1920-х годах она описала новую тревогу — тревогу насильственного захвата материнского тела — и страх аналогичного возмездия, направленного на собственное тело ребенка. Однако ее преданность Фрейду требовала, чтобы она поддержала его взгляд на первичные тревоги, представляя результаты собственных изысканий в качестве базовых усилителей кастрационной тревоги и зависти к пенису.

(3) Утрата любимого объекта. Фрейд полагал, что эдипальные родители в конечном итоге должны быть оставлены и что эта утрата достигается так же, как и другие утраты (согласно его описанию 1917 года), путем интроекции объекта. В 1923 году он определяет появляющийся в результате внутренний объект как Супер-Эго. Однако к концу 1920-х годов, освоившись в дружественном окружении Британского психоаналитического общества, Кляйн обрела свободу, достаточную для того, чтобы позволить себе собственные теоретические заключения.

Внутренние объекты, остающиеся от эдипальных родителей, становятся, согласно Кляйн, важными психологическими фигурами, более важными, чем внешние, от которых, разумеется, эти внутренние и происходят. Она

считала, что колебания между позитивным и негативным Эдиповыми комплексами в ходе развития ребенка порождают как любимые, так и ненавидимые внутренние объекты. Впоследствии любимые и ненавидимые фигуры сливаются, порождая внутренний объект (родителя), как любимого, так и ненавидимого. Это слияние любви с садистическими атаками приводит к возникновению особой констелляции аффектов, установок, объектных отношений, тревог и защит, которую Кляйн назвала депрессивной позицией [см. 10. ДЕПРЕССИВНАЯ ПОЗИЦИЯ].

ДЕПРЕССИВНАЯ ПОЗИЦИЯ. Появление понятия депрессивной позиции в системе взглядов Кляйн перестроило ее теории. Во-первых, она уже не ссылалась столь уверенно на отлучение от груди как на самую значимую фрустрацию, вместо этого подчеркивая превратности *внутреннего* объекта и его ожидаемой со страхом утраты, а не судьбы внешнего объекта (реальной груди). Во-вторых, обращение к отцу, которое ранее связывалось с реакцией, направленной против матери при отлучении от груди, теперь стало рассматриваться как присущее неизбежным фрустрациям и конфликтам изначально амбивалентного отношения к матери. Этот конфликт рассматривается как неотъемлемый, неизбежный и встроенный в конфликтный характер инстинктов — конфликт между позитивным эдипальным комплексом (потребностью в любви со стороны родителя противоположного пола на фоне соперничества с родителем своего пола) и инвертированным Эдиповым комплексом (любовью к родителю своего пола и идентификации с ним и неприязнью к родителю противоположного пола). Таким образом, есть некоторое соответствие между соединением родителей в эдипальной ситуации и соединением «хорошего» частичного объекта с «плохим»:

> «Следовательно, каждому объекту в свою очередь надлежит становиться то хорошим, то плохим. Это колебательное движение между различными аспектами первичных имаго [т. е. родительских фигур] предполагает тесное взаимодействие на ранних стадиях инвертированного и позитивного Эдипова комплекса» (Klein, 1945, p. 409) [см. 10. ДЕПРЕССИВНАЯ ПОЗИЦИЯ].

Репарация. Значимость репарации также проявляется в некоторых эдипальных фантазиях. Репарация задействована в усилении любовных аспектов Эдиповой ситуации. Генитальные эдипальные импульсы означают движение к укреплению любовных чувств; последние играют важную роль в актах репарации, уменьшая вероятность всемогущей триумфальной репарации, основанной на маниакальных механизмах [см. РЕПАРАЦИЯ].

Параноидно-шизоидная позиция. С пониманием расщепления психики младенца на части или фрагменты, а также сопутствующего расщепления

объектов, сближение этих частей и фрагментов берет на себя роль классического эдипального объекта [см. РАСЩЕПЛЕНИЕ; 11. ПАРАНОИДНО-ШИЗОИДНАЯ ПОЗИЦИЯ]. Когда младенец не удовлетворен, из его опыта исчезает хорошая, приносящая удовлетворение мать, но вторгается иной объект. В его лишь частично воспринимаемом внешнем мире отец, брат или сестра, гость, домашняя собака и вообще что угодно начинают представлять эту вторгающуюся и наносящую ущерб третью фигуру. Однако на данной стадии эти фигуры изолируются друг от друга во времени, чтобы минимизировать опыт триангулярной конфигурации. В моменты переживания своего хорошего объекта младенец всецело им обладает — и внутри, и вовне себя. Однако с развитием когнитивного и эмоционального потенциалов объекты сходятся, и начало депрессивной позиции создает ситуацию, в которой ребенок более не обладает «хорошим» объектом, но *наблюдает*, как два объекта обладают друг другом (Britton, 1989).

В таком варианте Эдипов комплекс мало что говорит о *реальных родителях и их реальном* сношении, поскольку основан он на *том, как ребенок использует* реальные объекты, «вслушиваясь» в собственный фантазийный мир и манипулируя ими (в защитных целях), чтобы облегчить свое существование [см. ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ЗАЩИТА].

Способность оставаться в стороне и следить за отношениями между двумя объектами требует способности выдерживать чувство оставленности и, таким образом, классическую эдипальную боль в полном ее объеме. Именно этот момент, когда к способности к любви и ненависти присоединяется способность к наблюдению и познанию, является одной из замечательных характеристик депрессивной позиции [см. СВЯЗЬ; 10. ДЕПРЕССИВНАЯ ПОЗИЦИЯ]. Итак, депрессивная позиция — это больше, чем всего лишь достижение Эдипова комплекса. Она формирует способность вырабатывать лучшее знание о внутреннем и внешнем мирах:

> «Более сильное и более согласованное Эго /.../ снова и снова сводит вместе и синтезирует отщепленные аспекты объекта и самости. /.../ Все эти шаги в развитии приводят к росту адаптации к внешней и внутренней реальности» (Klein, 1952, p. 75).

«Материнская» и «отцовская» части психики аналитика. В клинической ситуации на использование такой «частично-объектной» интерпретации Эдипова комплекса оказывает большое влияние понимание контрпереноса [см. ТЕХНИКА]. Постижение пациентом душевного состояния аналитика зачастую включает в себя ощущение пациентом частей психики аналитика как обособленных или же, наоборот, взаимосвязанных. Таким образом, аналитик может восприниматься как сочувствующий пациенту, но при этом его другая часть (более строгая, анализирующая, которая, по ощущениям пациента, подвергнет его критике) отщепляется. Такие аспекты психики аналитика могут переживаться пациентом (в гендерных терминах) как матерын-

ская и отцовская части, которые пациент стремится удерживать в изоляции друг от друга. Или, подобным же образом, может ощущаться отсутствие чувствующей и интуитивной части, поскольку пациент убежден, что аналитик дает интерпретации, используя собственные интеллектуальные функции. Соединение вместе частей психики аналитика может вызывать сильное сопротивление — и навлечь на себя неистовые атаки пациента.

РАННИЕ СТАДИИ ИЛИ ЖЕ ПРЕДШЕСТВЕННИКИ? Выводы Кляйн о том, что Эдипов комплекс начинается до генитальной фазы (фазы примата гениталий), принимались с неохотой [см. также 7. СУПЕР-ЭГО]. Отчетливей всего это выразил Фенихель:

> «Вне всякого сомнения, ребенок развивает привязанность к родителю противоположного пола и чувствует ревность и ненависть к другому родителю гораздо раньше. Но в определенных характеристиках этих предварительных фаз наблюдается фундаментальное отличие от Эдипова комплекса в его кульминационный период. Содержание предварительных фаз (не генитальное) отличается от содержания истинного Эдипова комплекса: они все еще соперничают с аутоэротическими тенденциями, окрашенная ревностью ненависть все еще бесконфликтно сосуществует бок о бок с любовью к родителю того же пола» (Fenichel, 1931, pp. 141–142).

Аргумент основан на том, что не наблюдается никакой связи между ревностью и любовью. Фактически, Фенихель описал несколько отдельных и различных прегенитальных ситуаций: запрет на аутоэротические импульсы; усиление кастрационной тревоги вследствие утраты материнской груди (отлучение от груди); прегенитальные любовные импульсы; приравнивание пениса к груди или фекалиям; приравнивание детей матери к груди или фекалиям; приравнивание коитуса к оральной инкорпорации. Все эти компоненты после достижения генитальной фазы влияют на Эдипов комплекс и выглядят скорее опровергающими доводы Фенихеля и подтверждающими значимость самых ранних стадий Эдипова комплекса.

Это противоречит кляйнианскому подходу к контрастирующим эмоциональным состояниям (например ревности и любви), в котором их разделение рассматривается как вторичная (расщепление объектов и отношений), а не первичная неинтегрированность, предшествующая периоду, когда Эго начинает функционировать как интегрирующая сила. Аналитики, следующие классическому фрейдистскому подходу, считали, что прегенитальные фантазии о родительском сношении и эдипальная ситуация возникают ретроспективно вследствие позднейшей переработки в генитальной фазе эдипальной пары *в терминах* преэдипальных импульсов, проявившихся благодаря регрессии. Кляйнианское же утверждение о том, что импульсы

всех фаз (оральной, анальной, генитальной) имеют тенденцию совпадать, по-видимому, упраздняет психоаналитический феномен регрессии.

Ответом с кляйнианской стороны стало подчеркивание принципа генетической непрерывности [см. ГЕНЕТИЧЕСКАЯ НЕПРЕРЫВНОСТЬ]; феномены взрослого возраста, или даже и детского, неизбежно происходят от чего-то, им предшествовавшего по времени, — этот аргумент выдвигался также и в пользу *раннего Супер-Эго*. Регрессия же должна быть регрессией *к* чему-то; то есть ранние оральные или анальные фантазии о родительском сношении должны были существовать, чтобы оказалась возможной регрессия к ним. Вопрос выбора между регрессией к фантазийной активности ранней стадии и ретроспективной переработкой предшествовавших импульсов трудно решать на основании клинических данных, и, как это свойственно очень многим дискуссиям, данный вопрос скорее просто выпадал из обсуждения, чем приближался к своему разрешению.

Пикировки, обидные оценки и вооруженная защита своих позиций в Дискуссиях о противоречиях 1943 года показывают, насколько сложно придерживаться сугубо научного отношения к этим темам [см. ДИСКУССИИ О ПРОТИВОРЕЧИЯХ]. Особенно кипели страсти вокруг ключевой концепции Эдипова комплекса, в то время занимавшей центральное место в классической теории Фрейда. Высказанное Кляйн (в 1927 г.) обвинение в адрес Анны Фрейд в том, что она не интерпретирует Эдипов комплекс [см. 1. ТЕХНИКА], вызвало душераздирающие страдания и горечь, с болезненной тщательностью выразившиеся в переписке самого Фрейда и Эрнеста Джонса, — уважаемых патронов непримиримых женщин (Steiner, 1985) [см. 1. ТЕХНИКА].

Однако развитие теории Эдипова комплекса действительно увело Кляйн от классического представления о «реальных» родителях и погрузило в фантазийный мир частичных объектов параноидно-шизоидной позиции. На практике, в рабочем кабинете, наиболее значимые пары, на которые реагирует пациент, образуют преданность аналитика его браку с психоанализом, или же соединение мыслей аналитика или частей его психики. Для некоторых (аналитиков классического направления) теория стала неузнаваемой; для кляйнианцев здесь важнее *непрерывность* перехода от фантазий о частичных объектах на *ранних стадиях Эдипова комплекса* к позднейшей (классической) эдипальной стадии [см. ГЕНЕТИЧЕСКАЯ НЕПРЕРЫВНОСТЬ].

Bion, Wilfred (1962) *Learning from Experience*. Heinemann.

Brierley, Marjorie (1934) 'Present tendencies in psycho-analysis', *Br. J Med. Psychol.* 14: 211–29.

Brinon, Ronald (1989) 'The missing link: parental sexuality in the Oedipus complex', in Ronald Britton, Michael Feldman and Edna O'Shaughnessy *The Oedipus Complex Today: Clinical Implications*. Karnac, pp. 83–101.

Fenichel, Otto (1931) 'The pre-genital antecedents of the Oedipus complex', *Int.J. Psycho-Anal.* 12: 138–70.

Freud, Sigmund (1917) 'Mourning and melancholia', in James Strachey, ed. *The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud*, 24 vols. Hogarth, 1953–73. vol. 14, pp. 67–107.

Freud, Sigmund (1918) 'From the history of an infantile neurosis', *S.E.* 17, pp. 3–123.

Freud, Sigmund (1923) *The Ego and the Id. S.E.* 19, pp. 3–66.

Glover, Edward (1933) 'Review of Klein's Psycho-Analysis of Children', *Int.J. Psycho-Anal.* 14: 119–29.

Glover, Edward (1943) 'Contribution to the Controversial Discussions 1943–1944 of the British Psycho-Analytical Society' (unpublished).

Glover, Edward (1945) 'An examination of the Klein system of child psychology', *Psychoanal. Study Child* 1: 1–43.

Isaacs, Susan (1943) 'Contribution to the Controversial Discussions 1943— 1944 of the British Psycho-Analytical Society' (unpublished).

Klein, Melanie (1920) 'The development of a child', in *The Writings of Melanie Klein*, vol. 1. Hogarth, pp. 1–53.

Klein, Melanie (1925) 'A contribution to the psychogenesis of tics', *The Writings of Melanie Klein*, vol. 1, pp. 106–27.

Klein, Melanie (1926) 'The psychological principles of early analysis', *The Writings of Melanie Klein*, vol. 1, pp. 128–38.

Klein, Melanie (1927) 'Criminal tendencies in normal children', *The Writings of Melanie Klein*, vol. 1, pp. 170–85.

Klein, Melanie (1928) 'Early stages of the Oedipus complex', *The Writings of Melanie Klein*, vol. 1, pp. 186–98.

Klein, Melanie (1932) *The Psycho-Analysis of Children, The Writings of Melanie Klein*, vol. 2.

Klein, Melanie (1933) 'The early development of conscience in the child', *The Writings of Melanie Klein,* vol. 1, pp. 248–57.

Klein, Melanie (1940) 'Mourning and its relation to manic-depressive states', *The Writings of Melanie Klein*, vol. 1, pp. 344–69.

Klein, Melanie (1945) 'The Oedipus complex in the light of early anxieties', *The Writings of Melanie Klein*, vol. 1, pp. 370–19.

Klein, Melanie (1952) 'Some theoretical conclusions regarding the emotional life of the infant', *The Writings of Melanie Klein*, vol. 3, pp. 61–93.

Kohut, Heinz (1971) *The Analysis of the Self*. New York: International Universities Press.

Rosenfeld, Herbert (1971) 'A clinical approach to the psycho-analytic theory of the life and death instincts: an investigation into the aggressive aspects of narcissism', *Int. J. Psycho-Anal.* 52:1 69–78.

Steiner, Riccardo (1985) 'Some thoughts about tradition and change arising from an examination of the British Psycho-Analytical Society's Controversial Discussions 1943–1944', *Int. Rev. Psycho-Anal.* 12: 27–71.

Winnicott, Donald (1962) 'Providing for the child in health and crisis', in (1965) *The Maturational Processes and the Facilitating Environment*. Hogarth, pp. 64–72.

5. Внутренние объекты
(Internal objects)

ОПРЕДЕЛЕНИЕ. Данный термин обозначает бессознательное переживание конкретного объекта или фантазию о нем, причем объект этот обладает собственными мотивами и намерениями по отношению к Эго и другим объектам и ощущается физически расположенным внутри Эго (тела). Существуя внутри Эго, внутренний объект более или менее идентифицирован с ним (фантазия абсорбции или ассимиляции в Эго). Переживание внутреннего объекта в большой степени зависит от переживания объекта внешнего — и внутренние объекты являются своего рода зеркалами реальности. Но также они значительно влияют (посредством проекции) на восприятие и переживание самих внешних объектов.

ХРОНОЛОГИЯ

1927 Исторжение как средство управления внутренним миром (Кляйн М. «Криминальные наклонности у нормальных детей», 1927). Множественные внутренние объекты (имаго, составляющие Супер-Эго) (Кляйн, М. «Персонификация в детской игре», 1929).

1935 Утрата хорошего внутреннего объекта (Кляйн М. «К вопросу о психогенезе маниакально-депрессивных состояний», 1935).

1946 Расщепление объектов и самости (Кляйн, М. «Заметки о некоторых шизоидных механизмах», 1946).

Понятие о внутреннем объекте — одно из самых важных и одновременно самых загадочных открытий Кляйн. Переживание субъектом объекта внутри себя дает ему ощущение существования и идентичности. Наши отношения с объектами и есть мы сами. Кляйн начала понимать это очень рано. Однако углубление ее теории стало длительным процессом, состоявшим из ряда концептуальных шагов:

(1) интроецированный объект (сам термин «объект» и его использование кляйнианцами и другими психоаналитиками школы объектных отношений мы описываем в другой статье [см. ОБЪЕКТЫ]);

(2) экстернализация;

(3) внутренний мир;

(4) Супер-Эго;

(5) помогающие фигуры;

(6) внутренняя реальность объектов;

(7) всемогущество и конкретность.

(1) Интроецированный объект. В своем анализе Риты, датируемом 1923 годом, Кляйн осознала значимость интроецированного объекта, который стал терроризировать ребенка. Это осознание пришло, когда была прояснена фантазия, входящая в ритуал отхода ко сну, — «страх, что мышь или “подружка” может пролезть в окно и откусить ее [девочки] “подружку” (гениталии)» (Klein, 1926, p. 132). Этот страх внутреннего преследующего объекта был выражением строжайшего запрета, исходящего «не от ее *реальной* матери, но от матери интроецированной» (Klein, 1926, p. 132). Кляйн обнаружила, что во время ритуала отхода ко сну возле кровати клали слона, символизирующего отца:

> «Слон (имаго отца) должен был исполнять роль преграды. Эту роль интроецированный отец играл внутри нее, начиная с того времени, когда [в возрасте пятнадцати месяцев] она хотела узурпировать место матери рядом с отцом, украсть у матери ребенка, которым та была беременна, и травмировать и кастрировать родителей» (Klein, 1926, p. 132).

(2) Экстернализация. Далее Кляйн описывала, как «ролевая игра может обособить различные идентификации» и «ребенок добивается выталкивания отца и матери, которых, в ходе переработки Эдипова комплекса, он абсорбировал в себя, — и теперь они мучают его изнутри своей суровостью» (Klein, 1926, p. 133).

(3) Внутренний мир. Понятие Фрейда о внутреннем мире (как и его понятие о Супер-Эго) своим значительным развитием обязано Кляйн. В необычной статье, материалом которой стала газетная рецензия на оперетту Равеля, поставленную в Вене (Klein, 1929b), Кляйн пыталась проиллюстрировать драматические события, разворачивающиеся в психике ребенка. Мир кошмаров ребенка порождает некое повествование, полное преследователей, которых он боится и на которых нападает сам, — это повествование разыгрывается на сцене и завершается чувством острой жалости. Кляйн также увидела здесь связь с процессом изобразительного творчества — с историей рождения художника. Она стремится воссоздать драматический эффект, чтобы передать характер всего мира фантазии, куда вовлечен ребенок.

Уже в 1923 году Кляйн уловила, каким образом для детей такую значимость получает внутреннее содержимое тел — собственного и материнского:

> «У девочки было садистическое желание, возникшее на ранних стадиях Эдипова конфликта, — украсть содержимое материнского

> тела, а именно пенис отца, фекалии, детей, и разрушить саму мать. Это желание породило тревогу, что мать в свою очередь ограбит девочку, отняв у нее содержимое ее тела (особенно детей), и что ее тело будет разрушено или изуродовано» (Klein, 1929b, p. 217).

Таким образом, объекты внутри тела девочки, согласно Кляйн, воспринимаются ею как ее дети. Это касается не только девочек — о маленьком мальчике она пишет:

> «Однако он чувствует, что должен оберегать не только свой пенис, но и хорошее содержимое своего тела: хорошие фекалии и мочу — детей, которых он, находясь в позиции женственности, хочет вырастить, и детей, которых он (идентифицируясь с хорошим и созидающим отцом) хочет произвести, находясь в позиции мужественности» (Klein, 1945, p. 412).

Учитывая такое внимание к внутреннему содержимому тела матери, Кляйн назвала это состояние фазой женственности [см. 6. ФАЗА ЖЕНСТВЕННОСТИ]. Она считала, что дети с самого раннего возраста испытывают непреодолимый интерес к внутреннему содержанию своего тела, где, по их ощущениям, находятся хорошие, ценные и полезные объекты, но они подвергаются угрозе нападения и зачастую повреждаются при нападении плохих объектов — как изнутри самих детей, так и извне.

(4) Супер-Эго. В то время, когда Кляйн исследовала идеи детей о мире внутри них, Фрейд разработал свою теорию структуры личности — Ид, Эго и Супер-Эго. По сути, Фрейд описал единственный интроецированный внутренний объект — Супер-Эго. После этого Кляйн стремилась связать свои наблюдения над интроецированными объектами у детей с новой моделью психики Фрейда. Вот как она описывает игру одной маленькой девочки:

> «Эрна часто отводила мне роль ребенка, а сама становилась матерью или учителем. Затем я должна была претерпевать фантастические пытки и унижения. /.../ За мной постоянно следили, люди угадывали мои мысли, а отец или учитель заключали союз с матерью против меня — фактически меня постоянно окружали преследователи. И я сама в роли ребенка вынуждена была следить за другими и истязать их. /.../ В фантазиях этого ребенка вся совокупность ролей описывалась одной формулой, состоящей из двух основных частей: преследующее Супер-Эго и Ид или же Эго (в зависимости от обстоятельств), подвергающееся угрозе, но ничуть не менее жестокое» (Klein, 1929a, pp. 199–200).

Таким образом, разыгрываемые в игровой комнате драмы, согласно Кляйн, это и драмы, происходящие в психике ребенка, и она изобретательно связывала их со структурой, недавно описанной Фрейдом.

(5) Помогающие внутренние объекты. Однако обнаруживалось не одно лишь запугивающее и суровое Супер-Эго — Кляйн заметила и фигуры, оказывающие помощь:

> «Джордж всегда осознанно ощущал себя в окружении и под угрозой (со стороны волшебников, ведьм и солдат), но [также] /.../ пытался защищать себя от них при поддержке помогающих фигур. /.../ В его играх были представлены три основных роли: роль Ид и роли Супер-Эго в его преследующих и помогающих аспектах» (Klein, 1929a, p. 201).

«Таким образом придуманные помогающие фигуры больше всего относятся к чрезвычайно фантастическому типу» (Klein, 1929a, p. 203). Первые впечатления, полученные Кляйн в детском анализе, указывали на ужасающие схватки со страшными преследователями — искаженными образами родителей, но теперь она «стала понимать, что функционирование таких фантастически хороших и фантастически плохих имаго является общим механизмом — как у детей, так и у взрослых» (Klein, 1929a, p. 203).

На этом этапе Кляйн полагала, что фигуры-помощники вызываются в воображении в качестве защиты от преследователей. И она продолжала, исследуя эти имаго, указывать на проблемы, возникающие вследствие «чрезвычайно сильного влияния имаго таких экстремальных типов, крайней необходимости в добрых фигурах, противостоящих запугиванию, скорости, с которой союзники превращаются во врагов» (Klein, 1929a, p. 204). Это мнение Кляйн о большом разнообразии «имаго» резко контрастирует с показанными Фрейдом весьма малочисленными отношениями между Супер-Эго, с одной стороны, и Эго и Ид, с другой. Позднее Кляйн стала описывать эти помогающие фигуры как «хорошие» объекты, в особенности как хороший внутренний объект.

Множественные внутренние объекты. Понимание двух сторон Супер-Эго — жестокой и приходящей на помощь, — выраженных как различные объекты и затем как объекты разных либидинозных уровней — орального, анального и генитального, — привело к представлению о внутреннем мире, населенном большим количеством разнообразных объектов, источником которых является актуальное окружение и история ребенка. Сохраняя верность Фрейду, Кляйн писала: «Супер-Эго как целое составлено из различных идентификаций, принятых на различных уровнях [фазах] развития» (Klein, 1929a, p. 204). И чтобы внутренне согласовать свои наблюдения с концепцией Фрейда о монолитной амальгаме отца и матери, она описывала процесс «синтеза идентификаций в единое Супер-Эго». Однако затем в кляйнианском анализе

утвердилось представление о внутреннем мире как о большем скоплении разнообразных объектов, находящихся в различной степени слияния и обособленности в разных контекстах и в разное время.

(6) Внутренняя реальность объектов. Понятие о внутреннем объекте впоследствии стало предметом значительного заблуждения — и попыток его прояснить. Затруднение состоит в том, что внутренние объекты, описываемые на основании клинических данных о детской игре (а затем и анализа шизофреников), носят очень конкретный характер. Несомненно, у детей (и у взрослых) фантазии о том, что находится внутри тела, весьма конкретны. Однако *бессознательные* фантазии о телесном содержимом очень своеобразны. Внутренние объекты не являются «репрезентациями», в качестве которых они могут выступать в воспоминаниях или в осознаваемых фантазиях (грезах). Они ощущаются как то, что составляет субстанцию тела и души.

В 1930-х и 1940-х годах несколько психоаналитиков-кляйнианцев сформировали группу с целью прояснить это загадочное понятие. Они так и назвали ее – «Группа по внутренним объектам». Сёрл (Searl, 1932, 1933) и Шмидеберг (Schmideberg, 1934) попытались дать описательные отчеты. Кэрин Стивен четко и недвусмысленно заявила: «источником веры в эти фантастические внутренние объекты являются действительные телесные переживания очень раннего детства, связанные с интенсивными, зачастую неконтролируемыми, разрядками эмоционального напряжения» (Stephen, 1934, p. 321). Айзекс привела случай из своей практики (Isaacs, 1940) как клиническое свидетельство существования внутренних объектов; Хайманн (Heimann, 1942) подробно описала случай, в котором клинический материал указывал на интроекцию враждебного материнского объекта, который блокировал способности Эго; пациент вновь обрел творческие навыки, когда оказалось возможным установить идентификацию с объектом (его ассимилировать).

Внутренний объект и идентификация. Интернализованный объект обычно (но не всегда) ощущается принадлежащим Эго. Например, если мы в целях иллюстрации расширим границы Эго, можно будет сказать, что в границах моего дома находятся «моя жена» или «мой квартирант». Эти объекты не теряют своей собственной идентичности, но фактически составляют и мою идентичность — как мужа, как хозяина квартиры, — будучи частью моего домохозяйства. Тут есть различие с другими объектами, попадающими в мой дом, — я бы не сказал «мой грабитель» или «мой пчелиный рой», даже если бы эти объекты в мой дом проникли. Хотя они оказались внутри границ моего дома, они не ощущаются ему принадлежащими.

То же самое верно и в отношении границ Эго: как правило, объекты ощущаются ему принадлежащими (с ним идентифицированными), но могут находится внутри него и как объекты ему чуждые [см. ниже; см. АССИМИЛЯЦИЯ].

(7) Всемогущество и конкретность. Объект в первую очередь является объектом *эмоциональным* — ведь он возникает благодаря телесным ощущениям удовольствия или боли. Но поскольку эти ощущения телесны, младенец переживает такие объекты как актуальные конкретные сущности — столь же конкретные, как и само тело: если налицо ощущения, должны существовать объекты, их вызывающие. В самом начале ребенку неизвестны физические свойства объектов, что никоим образом не мешает ему верить в их реальное физическое присутствие. Ведь ребенку «известны» последствия этого присутствия: доказательством служат его собственные телесные ощущения.

Хайманн (Heimann, 1949) так описывает телесное отношение к внутренним объектам:

> «... инстинкт нуждается в объекте. /.../ Исходя из этого, ситуация видится следующей: охваченный голодом и оральными желаниями, младенец создает в воображении объект, который удовлетворил бы эти импульсы. Когда такой объект, материнская грудь, предлагается ему в реальности, он принимает ее и инкорпорирует в своей фантазии» (Heimann, 1949, p. 10).

Переживание ощущается как конкретное в своей реальности; фантазия всемогуща и результаты ее деятельности в самом деле отражаются на Эго, изменяют его и формируют основания для его развития.

Мир репрезентаций и внутренний мир. На самый ранний и наиболее конкретный уровень фантазии при дальнейшем развитии накладывается мир репрезентаций объектов и репрезентаций самости, но он никогда не замещает этот уровень полностью. Конкретный мир внутренних объектов сохраняется в качестве базового слоя личности и выходит на поверхность в сновидениях, в бреде, галлюцинациях, при ипохондрии и при не столь нарушенных состояниях предубежденности и предпочтения. Метафора «комка в горле» в эмоциональной ситуации печали соответствует реальности, сформированной действительным телесным переживанием ощущений в горле [см. ОБЪЕКТЫ].

Понятие Фрейда о репрезентациях (Freud, 1900) состоит в том, что они функционируют как персональные символы, поскольку их отличают от настоящих внешних объектов. Когда же такие репрезентации *не* отличают от внешнего объекта в результате действия всемогущей фантазии, этому соответствует переживание совершенно реального объекта, существующего внутри субъекта (Rosenfeld, 1964). То же самое относится к *репрезентации самости*: если фантазия всемогуща, самость также оказывается фактически слитой с объектом или от него неотличимой [см. АССИМИЛЯЦИЯ].

Внутренние объекты возникают на вполне обособленном (и раннем) уровне развития и основываются на всемогущей фантазии инкорпорирования объекта в Эго и идентификации с ним. Последняя приводит к радикальным изменениям в Эго в результате спутанности внешнего объекта с тем, что на самом деле

интроецировано, — таковы последствия всемогущества примитивной фантазии. Подобным же образом всемогущая проекция приводит к переживанию реальной утраты частей внутреннего мира или самости, которые обнаруживаются во внешнем объекте [см. 13. ПРОЕКТИВНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ].

ВНУТРЕННИЕ ОБЪЕКТЫ И ТЕЛО. Кляйнианцы используют термин «внутренний объект» в основном для этого чрезвычайно примитивного переживания объектов как конкретно реальных. Шильдер и Вехслер (Schilder and Wechsler, 1935) в своем пилотном эмпирическом исследовании узнавали у детей, что, по их мнению, находится внутри их тел, и показали поразительное разнообразие конкретным образом воображаемых объектов. Шмидеберг (Schmideberg, 1934) описывает случай, когда телесные симптомы выводились из психологических причин (конверсионные симптомы и ипохондрия): «ее конверсионные симптомы и тревога больше всего были обусловлены страхом перед инкорпорированным объектом. Она чувствовала, что опасный объект внутри нее противостоит ее Эго» (р. 263); но когда состояние пациентки улучшилось, «контраст между инкорпорированным объектом и Эго стал менее резким, и она идентифицировала себя с объектом внутри нее» (р. 263).

Этот режим переживания внутренних объектов поддерживается в ходе развития и всей жизни; однако на него накладывается более прогрессивный набор дополнительных способов переживания. Телесные ощущения при развитии органов удаленного восприятия обретают возможности более объективной оценки. Это приводит к тому, что называется «репрезентациями» внутренних и внешних объектов в психике. Таким образом, репрезентации являются достигнутой в результате развития способностью ребенка. Позднее возникает замещение первичного объекта другими, в чем заключается развитие способности образования символов. Мани-Кёрл (Money-Kyrle, 1968) описал этот пошаговый прогресс переживания объектов и выделил три его стадии: (i) убежденность в конкретном физическом присутствии объекта; (ii) репрезентации объекта в психике и в памяти; (iii) символическая репрезентация в словах и других символах [см. ОБРАЗОВАНИЕ СИМВОЛОВ]. Переход от конкретного переживания объектов к большему использованию репрезентаций дополняет взгляды Пиаже (Piaget, 1954; см. также Matthews, 1980) и связан с феноменом, который Бион называет альфа-функцией [см. МЫШЛЕНИЕ; АЛЬФА-ФУНКЦИЯ].

ПЕРЕЖИВАНИЕ ОБЪЕКТОВ. Собственно переживание таких конкретно ощущаемых примитивных внутренних объектов от нас скрыто, но для понимания его рассмотрим, например, голодного младенца. Телесные ощущения, поставляемые его физиологией, переживаются также ментально — как отношения с объектом. Дискомфорт приписывается мотивации злонамеренного объекта, как будто бы расположенного в животе младенца и стремящегося причинить неприятное ощущение голода. Бион двусмыс-

ленно называет такой объект «нет-груди», признавая, что объективно младенец имеет дело с отсутствием, но для него отсутствия не существует, а есть только присутствие чего-то, что причиняет боль.

В этом примере объект находится внутри Эго — в животе ребенка. Этот *внутренний объект* «хороший», когда ребенок переживает состояние сытости и чувствует, как теплое молоко дает чувство удовлетворения в его животе [см. 2. БЕССОЗНАТЕЛЬНАЯ ФАНТАЗИЯ]. Внутренние объекты получают свои характеристики от тех инстинктивных импульсов, которые активны (фрустрирующие или «плохие» объекты) или удовлетворяются (приносящие удовлетворение или «хорошие» объекты), в зависимости от актуальных в данный момент телесных ощущений. Такой объект сводится к одному-единственному качеству, связанному с ощущениями в данный момент — с ощущениями от поглощения пищи, тепла, комфорта, запачканности, сырости и т. д., а также с тем, допускает ли объект некоторое удовлетворение соответствующих импульсов или же фрустрирует. Каждый объект представляет собой лишь маленький участок мира младенца и лишь один аспект человека, который о нем заботится («матери») и находится во внешнем мире. Технически такое явление описывается как *частичный объект*. Лишь позднее ребенок может пробиться к более целостной картине своих объектов благодаря развитию восприятий, и затем его объекты обретают множественность намерений и разнообразие чувств наряду с физическими свойствами и связностью во времени.

Итак, основная характеристика объекта — его мотивация: какое телесное ощущение он приносит. Эти объекты полностью сводятся к неким сущностям, причем каждая — лишь с одним мотивом, и с объективной точки зрения они являются в лучшем случае частичными. Они известны как *частичные объекты* [см. ЧАСТИЧНЫЕ ОБЪЕКТЫ; 11. ПАРАНОИДНО-ШИЗОИДНАЯ ПОЗИЦИЯ].

У первых конкретных объектов есть лишь эмоциональные свойства. Это создает анимистический мир, где все обладает чувствами и намерениями. Лишь позднее, с развитием сложных навыков восприятия, особенно органов удаленного восприятия, ребенок овладевает набором объективных свойств и приписывает их уже реальным, эмоционально существующим объектам. Лишь приобретя большую сложность восприятия и мышления, ребенок сможет окончательно и точно разделить мир одушевленных и мир неодушевленных объектов, и тогда репрезентация в памяти — а затем и в символах — станет возможной.

ПЕРВЫЕ ОБЪЕКТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ. Кляйн считала, что с самого рождения ребенок вступает в отношения с объектами, которые он примитивным образом отличает от Эго. «Объектные отношения существуют с рождения». Эти отношения возникают из врожденной способности младенца интерпретировать телесные ощущения. Хорошие объекты — те, что стремятся

доставить удовольствие, приятные чувства (скажем, чувство полноты связано с соском, заполняющим рот; или животом, наполненным теплым молоком); плохие объекты стремятся доставить неприятные чувства (например, кусачий объект, причиняющий боль во рту при прорезывании зубов; или объект, изнутри грызущий живот ребенка и тем вызывающий чувство голода).

В 1935 году Кляйн пришла к выводу, что интроективные процессы вступают в силу и создают внутренние объекты с самого рождения: «с самого начала Эго интроецирует “хорошие” и “плохие” объекты, и для тех и других прототипом служит материнская грудь» (Klein, 1935, p. 262). Она более не считала, что интроекция объектов вызывается утратой любимого объекта или зависит от разрешения Эдипова конфликта. Интроекция и достижение «хорошего» объекта внутри Эго является защитой от инстинкта смерти. Однако наводящие ужас имаго —

> «это фантастическим образом искаженная картина реальных объектов [внешних родителей], от которых имаго произведены. Они закрепляются не только во внешнем мире, но и через инкорпорацию, внутри Эго. /.../ Но очень скоро Эго пытается защитить себя от интернализованных преследователей с помощью процессов исторжения и проекции» (Klein, 1935, p. 262).

Это происходит как с пугающими (теперь мы называем их «плохими») объектами, так и с помогающими («хорошими»). Состояния отношений с фантастически плохими или хорошими объектами создаются в порочных или благотворных циклах повторяющейся проекции фантастического внутреннего объекта на внешний объект и ре-интроекции этого искаженного объекта, что усиливает объект внутренний: «Похоже, мы имеем дело с двумя циклами, благотворным и порочным, и оба они основаны на взаимодействии внешних факторов, связанных с окружением, и внутренних психических факторов» (Klein, 1936, p. 292). Утверждение понятия фантастических внутренних объектов, появляющихся с рождения, привело к тому, что Кляйн больше не пыталась согласовать свои наблюдения с фрейдовским представлением о Супер-Эго. Фактически это позволило ей гораздо более свободно исследовать эволюции внутренних объектов, и в 1935 и 1940 годах она в общих чертах формулирует концепцию депрессивной позиции [см. 10. ДЕПРЕССИВНАЯ ПОЗИЦИЯ].

Нарциссизм. Одним из результатов работы Группы по внутренним объектам стал новый взгляд на нарциссизм, развитый Хайманн (Heimann, 1952). Хайманн опиралась на идею Шмидеберг (Schmideberg, 1931) и Ривьер (Riviere, 1936) о том, что нарциссизм означает отведение либидо от внешнего объекта *на внутренний объект*, идентифицируемый с Эго [см. НАРЦИССИЗМ], но не на Эго само по себе.

Однако еще в 1925 году Кляйн опубликовала очень важную статью, посвященную случаям анализа двух мальчиков, страдающих от тиков, которые ранее считались

> «симптомом первичного нарциссизма. /.../ Опыт убедил меня, что тик не поддается терапевтическому воздействию, пока аналитик не раскроет объектные отношения, на которых этот тик базируется» (Klein, 1925, p. 121).

Тик не является всего лишь аутоэротическим удовлетворением, подобным мастурбации, но «с ним также связаны мастурбационные фантазии» (Klein, 1925, p. 124). Кляйн утверждает, что мастурбационные фантазии охватывают подверженные тику части тела ребенка, и эти части идентифицируются с тем или другим родителем, который был интроецирован и с которым затем произошла идентификация. Это эмоционально насыщенное отношение, составленное из интроекции и идентификации с объектами, существует уже на самых ранних этапах развития — фактически с рождения. Например, сосание пальца представляет собой психологически сложное явление. Младенец уже интроецировал кормящую грудь таким образом, что она, по крайней мере частично, сохраняется внутри посредством идентификации с частью его тела. В этом случае грудь идентифицирована с его пальцем. Поэтому, когда младенец сосет палец, он вступает во взаимоотношение с интернализованной грудью, идентифицированной с частью его Эго (Heimann, 1952).

Ассимиляция объекта. Одно из затруднений концепции внутренних объектов — изображение актуальных отношений между интроецированным объектом, Эго и другими внутренними объектами. В 1917 году Фрейд допустил, что интроекция предполагает идентификацию объекта с Эго. По сути, с помощью термина «идентификация» он описывал интернализацию маниакально-депрессивным пациентом объекта его амбивалентной любви. Позднее, в 1923 году, он описывал интернализацию Супер-Эго, которая вела к иным последствиям, поскольку Супер-Эго оставалось обособленным или само обособлялось от Эго. В этом было некое противоречие, отмеченное другими психоаналитиками (например, Rado, 1928) [см. АССИМИЛЯЦИЯ]. Однако кляйновские описания детской игры показали, что ребенок может сейчас идентифицироваться с одной частью отношения (скажем, с Супер-Эго), а в следующую минуту начинает ощущать себя виноватым, негодным, порицаемым Супер-Эго. Эта подвижная система идентификаций (интроективная идентификация) предполагает, что внутренние объекты *доступны* для идентификаций Эго, что они представляют собой репертуар идентичностей, установок, ролей для Эго в каждый момент времени или в каждом данном контексте.

Но есть и некоторые другие, более патологические типы внутренних объектов, которые, по-видимому, существуют в виде вторгшихся чужаков

(подобно внутренним объектам, описанным Шмидеберг (Schmideberg, 1934) и Хайманн (Heimann, 1942)). Хайманн (Heimann, 1942) описывает их как инородные тела, которые невозможно *ассимилировать*. Позднее эту проблему упоминает Кляйн (Klein, 1946), рассматривая клинический материал Хайманн. Кляйн описывает Эго как ослабленное чрезмерной проективной идентификацией: большое количество фрагментов самости помещается во внешние объекты, и Эго ощущает себя как истощенную — и даже деперсонализованную — самость, слабую и уязвимую. Когда Эго находится в таком состоянии, интроецированные объекты, даже если они ощущаются хорошими, переживаются как перегрузка; идентификация с ними невозможна, и потому невозможна их ассимиляция в Эго.

ОБЪЕКТЫ НА ДЕПРЕССИВНОЙ ПОЗИЦИИ. Таким образом, достижение депрессивной позиции — это нечто большее, чем завоевание лучшей способности восприятия. Здесь начинается интенсивная эмоциональная ситуация, связанная с объединением *эмоциональных частичных объектов*, и возникает особое эмоциональное изменение и смятение, которое и называют депрессивной позицией.

Изменение в объекте. Исходное кляйновское описание депрессивной позиции было основано на различении частичных и целостных объектов:

> «... утрата любимого объекта происходит на той фазе развития, когда Эго совершает переход от частичной к тотальной инкорпорации объекта. /.../ Процессы, которые позже проявляются как "утрата любимого объекта", обусловлены ощущением субъекта, что ему не удается (при отлучении от груди и в периоды до и после этого) сохранить свой "хороший, интернализованный" объект. /.../ Одна из причин такой неудачи – неспособность субъекта преодолеть свой параноидный страх перед интернализованными преследователями» (Klein, 1935, p. 267).

Депрессивная позиция наступает, когда объект провоцирует слияние любви и ненависти. Таким образом, ей способствует интеграция хороших объектов с плохими, так что страдание, вызываемое ненавистью к любимому объекту, подвергает риску объект в целом. «Не раньше, чем объект будут любить как целостный, — говорит Кляйн, — эта утрата сможет переживаться как целостная» (Klein, 1935, p. 264). Она имеет в виду, что раньше утрата переживалась как активное *действие* лишения, совершаемое плохим объектом, — т. е. хороший объект становится преследователем, — а на депрессивной позиции объект ощущается как некая целостность, которая отсутствует, утрачена, повреждена, о которой «тоскуют».

Внутренние объекты и внешний мир. С началом восприятия внешнего объекта как «целостного объекта» ребенку приходится изменить мнение о природе объекта на более реалистическое. Мир одушевленных конкретных внутренних объектов отступает, и внутренний мир постепенно все точнее обособляется. Конкретная идентификация частей самости и объектов уступает способности к репрезентации объектов, и депрессивная позиция вызывает явное изменение в точности восприятия внешнего объекта [см. ВНЕШНИЙ МИР].

Связь конкретного внутреннего объекта с внешним объектом продолжает существовать благодаря проекции и под воздействием телесных нужд. Внешний объект остается частично сконструированным из внутренних источников; эта часть конструкции постепенно уменьшается, но нельзя сказать, что в итоге она исчезает совершенно. Точно так же продолжается конструирование внутреннего мира объектов с помощью интроекции внешних объектов — продолжается всю жизнь, хотя интенсивность этого процесса падает.

Значимость хорошего объекта. До 1935 года Кляйн подчеркивала значимость преследующего объекта, который создает порочные параноидные циклы [см. ПАРАНОЙЯ]. Но с возникновением концепции депрессивной позиции она переключила внимание на хороший объект, в котором нуждаются, от которого зависят и который любят, который необходимо сохранять. При нормальном развитии индивид защищен от прямых и параноидных отношений с преследующим плохим объектом, поскольку внутри него есть хороший объект, оказывающий ему поддержку. Ощущение, что внутри имеется хороший объект, — это основа уверенности в себе, и ее нарушения вызваны проблемами сохранности внутреннего хорошего объекта. Вот как комментирует Кляйн ход анализа Ричарда:

> «Наибольшую поддержку ему оказывала вера во внутреннюю хорошую мать. Когда эта вера укреплялась, появлялись надежда, уверенность и чувство большей безопасности. Когда же это чувство уверенности отступало — из-за болезни или по другим причинам — усиливались депрессия и ипохондрические тревоги» (Klein, 1945, p. 391).

Сохранность внутреннего объекта. В последующих своих работах Кляйн уделяла все больше внимания внутреннему объекту, поскольку считала, что основу стабильной личности, способной переносить значительные эмоциональные нагрузки, составляет успешная борьба за поддержание безопасности и стабильности хорошего внутреннего объекта, с которым можно идентифицироваться. Абрахам широко использовал концепции Фрейда, относящиеся к скорби и маниакально-депрессивным заболеваниям, и показал, насколько непрочным является обладание интроецированными в Эго объектами при патологических состояниях. Эта непроч-

ность лежит в основе многих психологических заболеваний и расстройств. Внутренний хороший объект нужно защищать от фантазий нападения и повреждения, вызываемых нежелательной «плохой» стороной «целостного объекта».

Скорбь. Открытие депрессивной позиции позволило Кляйн значительно продвинуться в рассмотрении природы скорби. В более поздней статье 1940 года, посвященной депрессивной позиции, она пишет:

> «Острота действительной утраты любимого человека, на мой взгляд, существенно усиливается бессознательными фантазиями скорбящего об утрате также и его “внутренних хороших” объектов. Он чувствует, что его внутренние “плохие” объекты берут верх, и его внутренний мир находится под угрозой разрушения. Мы знаем, что утрата любимого человека вызывает в скорбящем импульс, направленный на восстановление утраченного любимого объекта (Фрейд, Абрахам). Однако, на мой взгляд, скорбящий не только помещает в себя (ре-инкорпорирует) человека, которого он только что утратил, но также восстанавливает свои интернализованные хорошие объекты (в конечном итоге — любимых родителей). /.../ При переживании утраты любимого человека они тоже ощущаются как потерпевшие крах, разрушаемые. В связи с этим актуализируется ранняя депрессивная позиция, вместе с тревогами, виной и чувствами утраты и горя. Если, например, у женщины умирает ребенок, вместе с печалью и болью вновь вступает в силу и получает подтверждение ее детский ужас, что “плохая” мстящая мать ее ограбит» (Klein, 1940, p. 353) [см. ДЕПРЕССИВНАЯ ПОЗИЦИЯ].

ВНУТРЕННИЕ ОБЪЕКТЫ И ПАРАНОИДНО-ШИЗОИДНАЯ ПОЗИЦИЯ. Тревога параноидно-шизоидной позиции относится в основном к страху фрагментации и утраты Эго. Это тесно связано с судьбой внутреннего объекта — частичного объекта, чрезвычайно нестабильного: то «хорошего», то «плохого». Если на этой позиции объект подвергается нападению, он оказывается фрагментированным; таким же фрагментированным ощущается и Эго [см. 11. ПАРАНОИДНО-ШИЗОИДНАЯ ПОЗИЦИЯ]. В описаниях параноидно-шизоидной позиции видна исключительная чувствительность к судьбе объектов, как внутренних, так и внешних. Страхи, что хороший внутренний объект будет утрачен из-за энергичных проекций, как бы по ошибке (ребенка выплеснут вместе с водой), или что плохие объекты будут интроецированы вместе с хорошими (Троянский конь), постоянно поддерживают тревожность на этих ранних стадиях развития.

РАЗЛИЧНЫЕ ПОПЫТКИ ПОНЯТЬ ФЕНОМЕН ВНУТРЕННИХ ОБЪЕКТОВ. Не все аналитики, интересовавшиеся внутренними объектами, были согласны с Кляйн в том, что внутренние объекты характеризуют нормальное развитие Эго, связанное с важным значением хорошего внутреннего объекта, его утратой и его восстановлением на депрессивной позиции. Брайерли обнаружила другой сценарий: «Интернализованные объекты как таковые возникают в клинической практике только в тех случаях, когда нормальный синтез Эго очевидно нарушен» (Brierly, 1939, p. 241). Она считала, что появление внутреннего объекта указывает на серьезную психопатологию, и в сущности говорила о том, что это следует из анализа маниакально-депрессивных и других психозов. Она обосновывала свою идею теорией ядер Эго, предложенной Гловером (Glover, 1932). Гловер описывал формирование Эго из ядер, каждое из которых сформировано вокруг отдельных фрагментов телесных ощущений, переживаемых младенцем. Эти ядра Эго постепенно сближаются и объединяются в Эго в ходе развития. Однако при состояниях серьезного расстройства некоторые ядра избегают объединения или же рост напряжения может вызывать регрессию к менее интегрированному состоянию Эго, когда оставшиеся обособленными ядра порождают, согласно теории Брайерли, внутреннее ощущение чего-то обособленного. Стремясь подкрепить эту теорию, Брайерли отмечала, что Кляйн одобрила гловеровскую теорию ядер Эго. Однако позднее Кляйн (Klein, 1946) изменила свое мнение [см. 10. ДЕПРЕССИВНАЯ ПОЗИЦИЯ]. Брайерли же развивала идеи об анормальных состояниях Эго и практически игнорировала понятие объекта, выдвинутое Кляйн.

В статье, где серьезно обсуждалась работа английских аналитиков (а они эту статью проигнорировали), Фукс (Fuchs, 1937) развивал в чем-то похожую идею. Он пытался разобраться в феномене внутренних объектов, различая две формы идентификации в зависимости от характера процессов интернализации. С одной стороны, существует прегенитальная форма идентификации с объектом, основанная на интроекции и служащая защитой от действительной утраты внешнего объекта, которая приводит к *нарциссической* идентификации. С другой стороны, частичная идентификация с объектом, вызванная генитальными импульсами и сохраняющая внешний объект, приводит к *истерической* идентификации.

В рамках подобной теории Мате-Бланко (Matte-Blanco, 1941) предположил, что внутренний объект не удается ассимилировать, если он расщеплен агрессией; в противном случае объекты ассимилируются Эго гармоничным и незаметным образом.

Различные варианты теоретического решения проблемы не привели к общему признанию кляйнианской позиции, как она была определена Кляйн (Klein, 1935, 1946), Айзекс (Isaacs, 1940) и Хайманн (Heimann, 1942, 1952). Фактически эта ситуация смешения разных подходов была показана Аликс Стрэйчи (Alix Strachey, 1941), которая выделила

три различных употребления термина «внутренний» для обозначения объекта (a) психического, (b) воображаемого и (c) находящегося внутри. Кляйнианские работы в течение десяти лет указывали, что кляйнианцы склоняются к третьему значению термина — вере в нечто, находящееся внутри; но Брайерли в 1942 году все еще в этом сомневалась и требовала от кляйнианцев остановиться на одном из описанных Аликс Стрэйчи значений.

Эндопсихическая структура. В серии своих статей, публиковавшихся в 1940-х годах и собранных вместе в 1952 году, Фэйрберн стремился описать новую структурную модель психики, в которой три части Эго состояли в обособленных внутренних отношениях с тремя внутренними объектами [см. ФЭЙРБЕРН]. Согласно Фэйрберну, интроецируется только «плохой» объект, и интернализация является средством установить над ним контроль. Затем эта структура описывалась в стабильной форме таким образом, каким достигается устойчивость структурной модели Фрейда. В обеих ее версиях структурная модель Фэйрберна резко отличалась от подвижной и субъективно описываемой модели Кляйн.

Внутренние объекты и репрезентации. Фрейд, работая над теорией сновидений, описал возникновение репрезентаций (Freud, 1900). В классической психоаналитической теории единственным внутренним объектом является Супер-Эго. Все другие объекты «репрезентированы» в восприятии или в памяти. Поэтому многие аналитики решили, что понятие Кляйн о внутренних объектах — лишь перевод классического термина «репрезентация объекта»; однако это не так. Между конкретным объектом, в фантазии переживаемым как действующий внутри личности (тела), и репрезентацией объекта в памяти — существенная разница. Она состоит в том, что в первом случае существует всемогущая вера в конкретное присутствие объекта, а во втором репрезентация символизирует объект для Эго, но не смешивается с ним [см. ВНУТРЕННЯЯ РЕАЛЬНОСТЬ]. Это различие соответствует различию между символическим равенством и истинными символами [см. ОБРАЗОВАНИЕ СИМВОЛОВ; СИМВОЛИЧЕСКОЕ РАВЕНСТВО]. Сандлер и Джофе (Sandler and Joffe, 1969), воспользовавшись разграничением понятий «Эго» и «репрезентация самости», проведенным Хартманном (Hartmann, 1950) и Джейкобсон (Jacobson, 1954) [см. ЭГО-ПСИХОЛОГИЯ], развили концепцию мира репрезентаций (Sandler and Rosenblatt, 1962) в качестве модели для упорядочивания различных концептуальных систем наряду с классической психоаналитичесокй теорией. Позднее Сандлер (Sandler, 1989) применил эту модель для «расшифровки» термина «внутренний объект». Сандлер предположил, что этот термин должен означать созданную аналитиком теоретическую конструкцию базовой психической структуры пациента (а не некоторый аспект опыта пациента).

Концепции «внутреннего объекта» и «бессознательной фантазии» выразили наиболее оригинальные и новаторские аспекты деятельности Кляйн и углубили предложенный Фрейдом подход к бессознательному. Концепция «внутреннего объекта» остается мощным средством для понимания самых тяжелых психических расстройств и не менее мощной преградой для понимания в тяжелых дискуссиях между кляйнианцами и представителями других психоаналитических школ.

Сегодня ситуация такова: загадки «внутренних объектов», столь занимавшие аналитиков в 1930-е и 1940-е годы, не разрешены, но в 1970-х и 1980-х их затмили загадки «проективной идентификации». Возможно, при попытке оценить сравнительные достоинства кляйнианской школы и эгопсихологии было бы полезнее поставить в центр внимания различие между внутренними объектами и репрезентациями, а не устраивать, как это часто происходит, теоретические состязания на тему эффективности понятия «проективная идентификация».

Brierley, Marjorie (1939) 'A prefatory note on "internalized objects" and depression', *Int. J. Psycho-Anal.* 20: 241–7.

Brierley, Marjorie (1942) '"Internalized objects" and theory', *Int.J. Psycho-Anal.* 23: 107–12.

Fairbairn, Ronald (1952) *Psycho-Analytic Studies of the Personality*. Routledge & Kegan Paul.

Freud, Sigmund (1900) The Interpretation of Dreams, in James Strachey, ed. *The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud*, 24 vols. Hogarth, 1953–73. vols 4, 5.

Freud, Sigmund (1917) 'Mourning and melancholia', *S.E.* 14, pp. 237–60.

Freud, Sigmund (1923) *The Ego and the Id. S.E.* 19, pp. 3–66.

Fuchs (Foulkes) S.H. (1937) 'On introjection', *Int.J. Psycho-Anal.* 18: 269–93.

Glover, Edward (1932) 'A psycho-analytical approach to the classification of mental disorders', *Journal of Mental Science* 78: 819–42.

Hartmann, Heinz (1950) 'Comments on the psycho-analytic theory of the ego', *Psycho-Analytic Study of the Child* 5: 74–96.

Heimann, Paula (1942) 'A contribution to the problem of sublimation and its relation to processes of internalization', *Int.J. Psycho-Anal.* 23: 8–17.

Heimann, Paula (1949) 'Some notes on the psycho-analytic concept of introjected objects', *Br.J. Med. Psychol.* 22: 8–17.

Heimann, Paula (1952) 'Certain functions of projection and introjection in early infancy', in Melanie Klein, Paula Heimann, Susan Isaacs and Joan Riviere, eds (1952) *Developments in Psycho-Analysis*. Hogarth, pp. 122–68; originally read 1943 in the Controversial Discussion, British Psycho-Analytical Society.

Isaacs, Susan (1940) 'Temper tantrums in early childhood and their relation to internal objects', *Int.J. Psycho-Anal.* 21: 280–93.

Jacobson, Edith (1954) 'The self and the object world', *Psycho-Analytic Study of the Child* 9: 75–127.

Klein, Melanie (1925) 'A contribution to the psychogenesis of tics', in *The Writings of Melanie Klein*, vol. 1. Hogarth, pp. 106–27.

Klein, Melanie (1926) 'The psychological principles of early analysis', *The Writings of Melanie Klein*, vol. 1, pp. 128–37.

Klein, Melanie (1927) 'Criminal tendencies in normal children', *The Writings of Melanie Klein*, vol. 1, pp. 170–85.

Klein, Melanie (1929a) 'Personification in the play of children', *The Writings of Melanie Klein*, vol. 1, pp. 199–209.

Klein, Melanie (1929b) 'Infantile anxiety-situations reflected in a work of art and in the creative impulse', *The Writings of Melanie Klein*, vol. 1, pp. 210–18.

Klein, Melanie (1935) 'A contribution to the, psychogenesis of manic-depressive states', *The Writings of Melanie Klein*, vol. 1, pp. 262–89.

Klein, Melanie (1936) 'Weaning', *The Writings of Melanie Klein*, vol. 1, pp. 290–305.

Klein, Melanie (1940) 'Mourning and its relation to manic-depressive states', *The Writings of Melanie Klein*, vol. 1, pp. 344–69.

Klein, Melanie (1945) 'The Oedipus complex in the light of early anxiety', *The Writings of Melanie Klein*, vol. 1, pp. 370–419.

Klein, Melanie (1946) 'Notes on some schizoid mechanisms', *The Writings of Melanie Klein*, vol. 3, pp. 1–24.

Matte-Blanco, Ignacio (1941) 'On introjection and the processes of psychic metabolism', *Int. J. Psycho-Anal.* 22: 17–36.

Matthews, Gareth (1980) *Philosophy and the Young Child*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Money-Kyrle, Roger (1968) 'Cognitive development', *Int. J. Psycho-Anal.* 49: 691–8; republished (1978) in *The Collected Papers of Roger Money-Kyrle*. Perth: Clunie, pp. 416–33.

Piaget, Jean (1954) *The Construction of Reality in the Child*. Routledge & Kegan Paul.

Rado, S. (1928) 'The problem of melancholia', *Int. J. Psycho-Anal.* 9: 420–38.

Riviere, Joan (1936) 'On the genesis of psychical conflict in earliest infancy', *Int. J. Psycho-Anal.* 17: 395–422; republished (1952) in Melanie Klein, Paula Heimann, Susan Isaacs and Joan Riviere, eds *Developments in Psycho-Analysis*. Hogarth, pp. 37–66.

Rosenfeld, Herbert (1964) 'On the psychopathology of narcissism: a clinical approach', *Int. J. Psycho-Anal.* 45: 332–7; republished (1965) in Herbert Rosenfeld, Psychotic States. Hogarth, pp. 169–79.

Sandler, Joseph (1989) 'Internal relationships and their externalization', paper given to *Conference on Transference and Internal Object Relationships*, University College, London, April 1989.

Sandler, Joseph and Joffe, Walter (1969) 'Towards a basic psycho-analytic model', *Int. J. Psycho-Anal.* 50: 79–90; republished in Sandler (1987) *Safety and Superego*. Karnac, pp. 235–54.

Sandler, Joseph and Rosenblatt, Bernard (1962) 'The concept of the representational world', *Psycho-Analytic Study of the Child* 17: 128–45; republished in Sandler (1987) *Safety and Superego*. Karnac, pp. 58–72.

Schilder, Paul and Wechsler, David (1935) 'What do children know about the interior of their body?', *Int. J. Psycho-Anal.* 16: 355–60.

Schmideberg, Melitta (1931) 'A contribution to the psychology of persecutory ideas and delusions', *Int. J. Psycho-Anal.* 12: 331–67.

Schmideberg, Melitta (1933) 'Play, reality and aggression', *Int. J. Psycho-Anal.* 14: 310–20.

Schmideberg, Melitta (1934) 'The play analysis of a three-year-old girl', *Int. J. Psycho-Anal.* 15: 245–64.

Sean, M.N. (1932) 'A note on depersonalization', *Int. J. Psycho-Anal.* 13: 329–47.

Stephen, Karin (1934) 'Introjection and projection: guilt and rage', *Br. J. Med. Psychol.* 14: 316–31.

Strachey, Alix (1941) 'A note on the use of the word "internal"', *Int. J. Psycho-Anal.* 22: 37–43.

6. Фаза женственности
(Femininity phase)

ОПРЕДЕЛЕНИЕ. Согласно Кляйн, раннее отношение к груди изначально эмоционально нагружено. Вначале оно обладает оральными характеристиками, и фантазии — садистические и параноидные фантазии сосания, кусания или чьих-то укусов — приводят к возникновению тревоги в самой первой ее форме. Как девочки, так и мальчики обращаются от первого объекта (матери) к отцу и его пенису. В этом смысле они занимают позицию *женственности*.

Обращение от первичного объекта, матери — или, на примитивном уровне, ее груди — исходно полагалось откликом на отлучение от груди. Позднее Кляйн стала считать его более фундаментальным феноменом и пришла к выводу, что человеческой природе свойственна глубокая амбивалентность, проявляющаяся в отличительных чертах депрессивной позиции. При отклонении интереса ребенка от одного объекта к следующему происходит шаг в развитии — возрастает значимость отца, что было важно для теории Фрейда. В противном случае степень амбивалентности может оказаться столь высокой, что произойдет торможение дальнейшего развития. Кляйн считала, что ее наблюдения не противоречат взглядам Фрейда, но обосновывают их и наполняют новым смыслом.

ХРОНОЛОГИЯ

1928 Тревога, связанная с нападениями на материнское тело (Кляйн М. «Ранние стадии Эдипова конфликта», 1928; Кляйн М. «Психоанализ детей», 1932)

1945 Фаза женственности и депрессивная позиция (Кляйн М. «Эдипов комплекс в свете ранних тревог», 1945).

В середине 1920-х годов Кляйн убедилась, что ее техника дает новое понимание процессов в человеческой психике, поскольку позволяет непосредственно наблюдать маленьких детей, а не экстраполировать данные психоанализа взрослых или старших детей. Однако она не решалась вносить поправки в ортодоксальную психоаналитическую теорию Эдипова комплекса, а позднее — в теорию Супер-Эго. Кляйн вынуждена была проявлять несвойственную ей сдержанность, но в одном из направлений могла внести свой вклад — это был возникший тогда интерес к женской психологии.

ВЗГЛЯДЫ КЛЯЙН НА РАННЮЮ СЕКСУАЛЬНОСТЬ. В то время, в 1920-х годах, данное поле исследований было совершенно новым. Ничто не вынуждало Кляйн сомневаться в своих результатах, и она не сомневалась. Ее открытия представлялись ей равными по значимости открытию кастрационной тревоги у мальчиков.

Кляйн совершила два важных открытия:

(1) она выяснила, что свирепость и частота предпринимаемых в фантазии *нападений на материнское тело* со стороны маленькой девочки (и мальчика) приводит к страху утраты матери и к страхам перед ее возмездием;

(2) она исследовала важный процесс поиска новых объектов для установления отношений с ними с целью избежать болезненного сочетания амбивалентности и страха, которое развилось в связи со старым объектом. Обращение к отцу как новому объекту представляет собой нормальную фазу развития, в которой возникает *женственная установка* по отношению к отцу.

(1) Нападения на мать. Уже первые проведенные Кляйн курсы анализа указывали на существование особой фантазии насилия:

> «Затем она выходила из того угла, который называла своей комнатой, подкрадывалась ко мне и начинала всячески угрожать. Она грозила перерезать мне горло, выбросить во двор, сжечь или сдать в полицию. Она пыталась связать мне руки и ноги, поднимала сиденье раскладного дивана и говорила, что делает "по-каки-куки" [ягодицы/фекалии]. /.../ К этому времени она уже прошла стадию, когда испытывала желание украсть у своей беременной матери ее детей, убить ее и занять ее место в коитусе с отцом. Этот сдвиг в сторону ненависти и агрессии послужил причиной ее фиксации на матери, а также чувств тревоги и вины» (Klein, 1926, p. 131).

Все открытие в целом было изложено позднее с большей четкостью:

> «Наблюдения над Труди, Руфью и Ритой /.../ привели меня к признанию существования тревоги, или точнее — ситуации тревоги, специфической для девочек и эквивалентной кастрационной тревоге у мальчиков. Ситуация тревоги завершается возникновением у девочки идеи, что мать разрушит ее тело, уничтожит его содержимое и извлечет оттуда детей. /.../ Она основана на агрессии девочки к матери, на ее желаниях убить и обокрасть мать, источником чего являются ранние стадии Эдипова конфликта» (Klein, 1932, p. 31).

Благодаря проведенным ею в 1923–1924 годах курсам анализа, Кляйн стала первым психоаналитиком, обнаружившим эти тревожные фантазии. Нападение на материнское тело и его содержимое живо проявлялось в манипуляциях с игрушками. Ривьер описывает последствия отлучения от груди так:

> «Из-за разочарования или фрустрации при сосании или отлучении от груди, а также переживаний, связанных с первичной сценой, истолкованной в оральном ключе, по отношению к обоим родителям возникает чрезвычайно интенсивный садизм. Желание откусить сосок сменяется желаниями разрушить, выпотрошить мать, проникнуть в нее, поглотить ее и содержимое ее тела. Это содержимое включает в себя пенис отца, фекалии и внутренности матери — все объекты, которые мать любит и которыми обладает, помещаемые воображением ребенка внутрь ее тела. Желание откусить сосок также превращается, как мы знаем, в желание кастрировать отца, откусив его пенис» (Riviere, 1929, pp. 309–310).

(2) Новые объекты. В результате агрессии по отношению к матери ребенок обращается к отцу, принимая женственную установку: наступает *фаза женственности*. Сначала Кляйн думала, что при этом ребенком движет реальная обида, которую наносит мать при отлучении от груди: «Я считаю, что отсутствие у ребенка доступа к груди становится наиболее фундаментальной причиной обращения к отцу» (Klein, 1928, p. 193). Но позже она пришла к выводу, что такой причиной является врожденная амбивалентность по отношению к объектам.

Обращение к новым объектам — это начало одного из самых важных этапов в развитии: обретения способности замещать символами первичные объекты интереса [см. ОБРАЗОВАНИЕ СИМВОЛОВ]. Стремление к исследованию новых объектов и расширению своего мира возникает у младенца из-за ощущений ущерба, утраты и сопутствующих им страшных фантазий. Следовательно, символы могут защищать ребенка от тревог, вызываемых ранней агрессивностью, и формируют часть процесса проработки депрессивной позиции [см. 10. ДЕПРЕССИВНАЯ ПОЗИЦИЯ].

ЖЕНСКАЯ СЕКСУАЛЬНОСТЬ. В 1920-е годы интерес к теме развития девочек был очень высок. После Первой мировой войны набирала силу женская эмансипация, женщины овладевали все большим количеством профессий и могли оспорить взгляды Фрейда на «туманную область» сексуального развития девочки:

> «Заключение, столь смело выводимое из этих исследований — и доходящее до того, что половина рода человеческого недовольна

> определенным ему полом и может преодолевать это недовольство лишь при благоприятных обстоятельствах, — заключение это совершенно не согласуется не только с феноменом женского нарциссизма, но и с биологической наукой» (Horney, 1924, p. 52).

Хорни бросила вызов, и затем ее взгляды все резче и резче расходились с психоаналитическими воззрениями на женскую психологию, где основное внимание уделялось мужчине (Horney, 1926). Фрейд (Freud, 1925, 1931) и Джонс (Jones, 1927) пытались не отставать, но темп задавали аналитики-женщины (Lampl de Groot, 1928; Riviere, 1929; Deutsch, 1930; Klein, 1932; Horney, 1932, 1933).

В 1930 году Дойч прочитала серию лекций «Психическое развитие женщины» в Венском психоаналитическом институте, а Хорни (Horney, 1933) дерзко и независимо объявила о своем согласии с открытием Кляйн окрашенного гневом и возмездием отношения к внутреннему содержимому тела матери. Ривьер (Riviere, 1934) воспользовалась публикацией «Продолжения лекций по введению в психоанализ» Фрейда и выступила с критикой его подхода к женской психологии (другие отклики на эту работу были восторженными). Джонс (Jones, 1935) прочел в Венском психоаналитическом обществе лекцию о «новом понимании» женской психологии. С нее начался обмен лекциями между Лондоном и Веной в связи с теоретическими расхождениями между этими двумя основными центрами психоанализа того времени. Показательно, что Джонс, рассматривая усугубление различий и опасность раскола, выбрал в качестве центральной темы женскую сексуальность. Он осмелился представить в Вене одно из самых важных воззрений, что расходились со взглядами Фрейда, но еще оставались в рамках психоанализа [см. ДИСКУССИИ О ПРОТИВОРЕЧИЯХ].

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ДЕВОЧКИ. Для дальнейшей деятельности Кляйн решающим стал этап ее интереса к развитию ребенка женского пола. Она была согласна с обширной критикой представлений Фрейда о роли зависти к пенису в развитии девочки. С его точки зрения, женщина — это не более чем мужчина с неким недостатком, и развитие девочки определяется болезненным презрением к себе при исследовании своего тела, а затем — поиском объекта для обвинений, которым, как правило, становится мать.

Критика Фрейда. Взгляды Фрейда на женскую психологию были исторически обусловлены, они определялись общественными отношениями в девятнадцатом веке. В общественной среде женщины считались низшими существами в социальном, моральном, экономическом и анатомическом смысле.

Выразительный хор голосов обвинял Фрейда в том, что он преуменьшил осведомленность девочки о ее внутреннем пространстве и о способности ее тела творить жизнь, — т. е. в «отрицании вагины».

Первостепенное значение отношений с матерью. Кляйн особенно настойчиво стремилась показать истинно психоаналитический подход к вопросу о развитии женственности. Именно становление женственности, по мнению Кляйн, составляет содержание тревог девочки в сложном периоде развития влечений, особенно на прегенитальных фазах. Кляйн первой указала на значимость отношений с матерью, более ранних, чем отношения с отцом, и некоторые авторы стали противопоставлять Кляйн Фрейду (см., напр., Chodorow, 1978). Однако в действительности позиция Кляйн более сложная: Кляйн не отрицает очерняющую установку Фрейда в отношении женщин, но приписывает ее фантазиям пациентки, которая оказывается словно в ловушке между своими деструктивными импульсами, направленными на матерей и женщин, с одной стороны, и импульсами любви и идентификации, с другой.

Сам Фрейд в одной из поздних статей признал:

> «Обнаружение этой ранней, преэдиповой фазы у девочек становится для нас неожиданностью, подобной открытию, в другой области, Крито-Микенской цивилизации, предшествующей цивилизации греческой. Мне казалось, что все в этой сфере первой привязанности к матери с таким трудом ухватывается в анализе — столь истерто временем, туманно, почти не поддается оживлению, — как будто подверглось особенно безжалостному вытеснению. Но возможно, у меня возникло такое впечатление, потому что женщины, анализом которых я занимался, настойчиво придерживались той самой привязанности к отцу, в которой они нашли спасение от этой ранней фазы» (Freud, 1931, p. 226).

Здесь Фрейд любезно признает свою готовность по меньшей мере допустить, что перед аналитиками-женщинами в этой сфере открывается больше возможностей, чем перед аналитиками-мужчинами. Он признает важным обращение к фазе женственной привязанности к отцу.

Ужасающему конфликту кастрационной тревоги, который запускает процессы созревания, а также приводит к возникновению инфантильной амнезии у мальчика, есть эквивалент в развитии девочки. Кляйн совершила это открытие еще в начале своей работы с детьми и решительно назвала в лондонских лекциях 1925 года данный феномен «эквивалентом кастрационной тревоги у мальчика» (см. «Психоанализ детей» — Klein, 1932). По ее мнению, для девочки чрезвычайно важен вопрос о том, что находится внутри материнского тела, к чему ее подталкивают очевидное подтверждение материнской способности рожать детей и наблюдение за изменени-

ями формы и размера живота матери во время беременности. Интерес к материнскому телу обусловлен многими факторами, и Кляйн принимает теоретический постулат о врожденном знании о пребывании отца внутри матери [см. КОМБИНИРОВАННАЯ РОДИТЕЛЬСКАЯ ФИГУРА]. Эти сложные фантазии приводят к возникновению отношений с частями тел матери и отца, а также между ними: грудью, животом, задом и пенисом [см. ЧАСТИЧНЫЕ ОБЪЕКТЫ]. Это не просто восприятия или грезы, но переживания, обладающие интенсивностью очень неоднородной эмоции. Фантазия об отцовском пенисе внутри живота матери или ее груди создает у ребенка чрезвычайно мощные чувства исключенности и гнева, что переживается как отношение ненависти и взаимного причинения ущерба. Чувства девочки выливаются в желание проникнуть в живот матери, ограбить и разрушить его, разрушить также творящую способность матери и существующие в привязке к животу отношения с отцовским пенисом. И эта примитивная, обескураживающая бессознательная фантазия соответствует страху, что мать, а также поврежденные и разгневанные остатки содержимого ее тела, ее детей и отцовского пениса вернутся к девочке, чтобы разрушить ее тело, ее детей, совершив нападение точно такого же типа. Девочка боится матери, наполненной поврежденными и враждебными теперь объектами; в то же время она чувствует, что утрачивает мать, горячо ее любящую, своего надежного защитника.

Именно фантазии девочки о взаимном разрушении внутреннего содержимого тел друг друга создают чрезвычайно сложные отношения с матерью. В результате девочке, как и мальчику, нужно удерживать за пределами памяти данный период детского развития, и начинается длительная проработка враждебных чувств к матери и объединенным родителям. Здесь закладываются семена тревог взрослой женщины по поводу привлекательности своего тела, ее утраты и разрушительного действия процесса старения.

Причины зависти к пенису. Эти пугающие тревоги становятся основанием веры в поврежденность своего тела, которая со временем выражается в классической проблеме зависти к пенису. Девочка испытывает страх, что с ее телом не все в порядке (из-за маленького размера наружных половых органов), позже это проявляется в сопровождающих беременность страхах рождения уродливых детей, где каждое уродство соответствует виду ущерба, какой девочка нанесла детям и пенису внутри матери, когда атаковала их в своей фантазии.

РАЗВИТИЕ МАЛЬЧИКА. Учитывая свои открытия о развитии девочки и о зависти к пенису, Кляйн применила новую теорию и к вопросу о развитии мальчиков. Поскольку Фрейд признал сложность раскрытия в анализе первой привязанности девочки к матери, можно было предположить, что ранняя привязанность мальчика к матери столь же игнорировалась

в классической психоаналитической теории — и оказывалась столь же туманной областью сомнений.

Кляйн так описывает фазу женственности:

> «Ее основание находится на анально-садистическом уровне и наделяет этот уровень новым содержанием: фекалии теперь приравнены к вожделенному ребенку, и желание ограбить мать касается теперь как фекалий, так и ребенка. Здесь можно выделить две цели, которые сливаются друг с другом. К первой ребенка влечет желание иметь детей, намерение их присвоить, другая мотивирована ревностью к будущим братьям и сестрам, чье появление предчувствуется, и стремлением разрушить их внутри матери. (Третий находящийся внутри матери объект орально-садистических тенденций мальчика — это пенис отца.)» (Klein, 1928, pp. 189–190).

Итак, мальчик тоже проходит фазу женственности:

> «В основании как кастрационного комплекса девочек, так и комплекса женственности мальчиков, лежит фрустрированное желание особого органа. Тенденции украсть и разрушить касаются органов зачатия, беременности и родов, которые, как предполагает мальчик, находятся внутри матери, а затем — вагины и грудей, источника молока. /.../ Мальчик страшится наказания за разрушение, которое он причинил материнскому телу, но его страх имеет и более общий характер, и здесь мы видим аналогию с тревогой, связанной с кастрационными желаниями девочки. Мальчик боится, что его тело будет изувечено и расчленено, и этот ужас также означает кастрацию. /.../ Ужас перед матерью столь силен, потому что он сопровождается глубоким ужасом перед кастрацией со стороны отца. Деструктивные тенденции в отношении матки во всей их орально- и анально-садистической интенсивности направлены также на отцовский пенис, который, как предполагает мальчик, находится там же, в матке. /.../ Итак, фаза женственности характеризуется тревогой, относящейся к матке и пенису отца, и эта тревога подчиняет мальчика тирании Супер-Эго, которое пожирает, расчленяет и кастрирует его и сформировано из образов как отца, так и матери» (Klein, 1928, p. 190).

Причины кастрационной тревоги. С этих позиций Кляйн исследовала причины кастрационной тревоги. Однако она практически не замечала, что обрывает связь понятия кастрационной тревоги с теорией Эдипова комплекса. Ее гипотезы все сильнее подталкивали ее к видоизменению концепции Эдипова комплекса [см. 4. ЭДИПОВ КОМПЛЕКС].

Фаза женственности насыщена особым вниманием к внутреннему содержимому и включает особую потребность мобилизовать компенсаторную

солидарность с женщинами, любовь к ним, идентификацию с ними и всем, что их касается. Сосредоточенность на внутреннем было важным направлением кляйнианской мысли, что привело к созданию полномасштабной теории внутреннего мира и его объектов. Теория эта включала в себя также понимание характерологического развития интереса женщины — и, кроме того, мужского интереса — к тому, что находится внутри ее тела.

РАННИЕ СТАДИИ ЭДИПОВА КОМПЛЕКСА. Когда Кляйн описала депрессивную позицию, феномен фазы женственности постепенно потерял для нее свою значимость. Интерес Кляйн к последствиям амбивалентности в отношениях уже не столь сильно зависел от ее попыток следовать классическим теориям. Болезненное переживание атак со стороны матери, ее грудей, ее тела и всего, в нем находящегося, перешло в тревогу более общего характера, связанную с нападениями на любимый объект и с его повреждением.

Обращение к отцу представляет собой фазу женственности и у мальчиков, и у девочек, и обращенное к отцу отношение наделено врожденной амбивалентностью. Поэтому боль и страдание депрессивной позиции здесь также присутствуют.

Тревоги [см. ДЕПРЕССИВНАЯ ТРЕВОГА] на «ранних стадиях Эдипова комплекса» — мощные силы, способствующие развитию и одновременно затрудняющие и задерживающие взросление (фиксации):

> «Удовлетворение, получаемое от материнской груди, позволяет младенцу обратить свои желания к новым объектам, прежде всего к пенису отца. Однако особенно выраженный импульс придает новому желанию фрустрация в отношениях с грудью» (Klein, 1945, p. 408).

Отношение к груди двояко. Позитивный аспект побуждает к новым переживаниям и отношениям и подкрепляет следующий шаг в развитии, негативные же аспекты делают то же самое, но преждевременно, насыщая этот шаг тревогами [см. РАЗВИТИЕ]. Эта двойственная (амбивалентная) установка в конечном итоге переносится и на пенис:

> «Фрустрация и удовлетворение с самого начала формируют отношение младенца к любимой хорошей груди и ненавидимой плохой груди. Необходимость справляться с фрустрацией и порождаемой ею агрессией — один из факторов, которые ведут к идеализации хорошей груди и хорошей матери и, соответственно, — к интенсификации ненависти и страхов перед плохой грудью и плохой матерью, которые становятся прототипом всех преследующих и запугивающих объектов. Две эти конфликтующие установки к материнской груди переходят и в новое отношение к пенису отца.

> Фрустрация, характерная для предыдущего отношения, усиливает требования и ожидания от этого нового источника и стимулирует любовь к новому объекту» (Klein, 1945, p. 408).

Две эти конфликтующие установки по отношению к матери — вместе с отношением к третьему объекту (отцу) — включаются в сложную совокупность сосуществующих позитивного и инвертированного Эдиповых комплексов [см. 4. ЭДИПОВ КОМПЛЕКС].

АНОРМАЛЬНОЕ СЕКСУАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ. Развитие сексуальной идентичности зависит от успешного преодоления этих ранних персекуторных тревог. Отклонения от развития по гетеросексуальному пути, согласно Кляйн, происходят из-за сохранения интенсивной персекуторной и параноидной тревоги. Этот ее подход стал развитием идей классического психоанализа. Фрейд связывал гомосексуальность с отказом со стороны любимого родителя противоположного пола, за чем следовало обращение к родителю одного с ребенком пола как любимому объекту. Абрахам начал рассматривать гомосексуальность в терминах идентификаций, основанных на интроекциях родителей. Кляйн же рассматривала гомосексуальность с обеих точек зрения. Ее вклад в данную теорию — гипотеза, что обращение ребенка к новому объекту и удовлетворительная интроекция объекта в целях идентификации с ним вызываются балансом сил садистического и любовного происхождения в сложном взаимодействии с реальными внешними объектами: «Когда его страх перед кастрирующим отцом смягчается доверием к хорошему отцу, он оказывается способным выдерживать свою эдипальную ненависть и эдипальное соперничество» (Klein, 1945, p. 411). Здесь Кляйн имеет в виду, что мальчик стремится найти хорошего отца, которого он мог бы интроецировать в качестве внутренней поддержки, и это укрепило бы его уверенность в себе как мужчине и помогло бы ему выдерживать свою собственную ненависть к отцу. Такая возможность, в свою очередь, очень зависит от способности реального отца выдерживать ненависть сына, не лишая его своей поддержки.

Не соглашаясь с Фрейдом, который видел в основании паранойи латентную гомосексуальность — см., например, его анализ случая Шрёбера (Freud, 1911),— Кляйн указывала на вероятность того, что гомосексуальность обусловливается параноидными страхами. Розенфельд посвятил проверке этого утверждения специальное исследование (Rosenfeld, 1949).

Сексуальные перверсии, даже садо-мазохистического характера, кляйнианцы изучали очень мало. Хантер (Hunter, 1954) и Джозеф (Joseph, 1971) проводили анализ фетишистов и показали обращение к замещающему объекту, который, будучи неодушевленным, в некоторой мере возрождает болезненную амбивалентность любимого объекта-человека. Джозеф с особой

тщательностью исследовала потребность в замещающем объекте и определила ее как возбужденное стремление проникнуть непосредственно внутрь объекта, иначе говоря, как конкретную форму проективной идентификации. В целом, как правило, при рассмотрении перверсий придерживаются модели Розенфельда (Rosenfeld, 1949), согласно которой обращение к сексуальным замещающим объектам вызвано параноидной персекуторной тревогой. Поэтому интерес аналитика направлен не столько на конкретную форму перверсивной сексуальности, сколько на обусловливающую ее паранойю или зависть, к которой восходит конфликт (Gallwey, 1979) [см. ПЕРВЕРСИЯ].

Представление о фазе женственности у девочек и мальчиков, характеризуемой выраженными ревностью и агрессией, было важным для Кляйн в 1920-е и 1930-е годы. Ведь именно такая гипотеза демонстрировала способность ее игровой техники чрезвычайно подробно отслеживать сексуальное развитие детей и его отклонения, вызывающие психопатологии у детей (и взрослых), а это находилось в центре внимания аналитиков. Но после того как Кляйн признала, что инстинкт смерти не менее важен, чем сексуальное либидо (Klein, 1932), ее интерес к развитию сексуальных объектов и идентификаций несколько угас, а на первый план вышла значимость первичной агрессии. Вместе с тем особая фантазия о проникновении внутрь объекта с причинением ему ущерба снова напомнила о себе. В 1957 году в теории первичной зависти [см. 12. ЗАВИСТЬ] ей было уделено особое внимание как врожденной фантазии, репрезентирующей инстинкт смерти; однако же специфические коннотации, связывающие ее с сексуальным развитием, исчезли.

Chodorow, Nancy (1978) *The Reproduction of Mothering*. Berkeley: University of California Press.

Deutsch, Helene (1930) 'The significance of masochism in the mental life of women', *Int. J. Psycho-Anal.* 11: 48–60.

Freud, Sigmund (1911) 'An autobiographical account of a case of paranoia', in James Strachey, ed. *The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud*, 24 vols. Hogarth, 1953–73. vol. 12, pp. 3–82.

Freud, Sigmund (1925) 'Some psychical consequences of the anatomical distinction between the sexes'. *S.E.* 19, pp. 243–58.

Freud, Sigmund (1931) 'Female sexuality'. *S.E.* 21, pp. 223–43.

Gallwey, Patrick (1979) 'Symbolic dysfunction in the perversions', *Int. Rev. Psycho-Anal.* 6: 155–61.

Horney, Karen (1924) 'On the generation of the castration complex in women', *Int. J. Psycho-Anal.* 5: 50—65.

Horney, Karen (1926) 'The flight from womanhood', *Int. J. Psycho-Anal.* 7: 324–9.

Horney, Karen (1932) 'The dread of women', *Int. J. Psycho-Anal.* 13: 348–66.

HORNEY, KAREN (1933) 'The denial of the vagina', *Int. J. Psycho-Anal.* 14: 57–70.

HUNTER, DUGMORE (1954) 'Object relation changes in the analysis of fetishism', *Int. J. Psycho-Anal.* 35: 302—12.

JONES, ERNEST (1927) 'The early development of female sexuality', *Int. J. Psycho-Anal.* 8: 459–72.

JONES, ERNEST (1935) 'Early female sexuality', *Int. J. Psycho-Anal.* 16: 263–73.

JOSEPH, BETTY (1971) 'A clinical contribution to the analysis of a perversion', *Int. J. Psycho-Anal.* 52: 441–9.

KLEIN, MELANIE (1926) 'The psychological principles of early analysis', in *The Writings of Melanie Klein*, vol. 1. Hogarth, pp. 128–38.

KLEIN, MELANIE (1928) 'Early stages of the Oedipus conflict', *The Writings of Melanie Klein*, vol. 1, pp. 186–98.

KLEIN, MELANIE (1932) *The Psycho-Analysis of Children, The Writings of Melanie Klein*, vol. 3.

KLEIN, MELANIE (1945) 'The Oedipus complex in the light of early anxieties', *The Writings of Melanie Klein*, vol. 1, pp. 370–419.

KLEIN, MELANIE (1957) *Envy and Gratitude, The Writings of Melanie Klein*, vol. 3, pp. 176–235.

LAMPL DE GROOT, J. (1928) 'The evolution of the Oedipus complex in women', *Int. J. Psycho-Anal.* 9: 332–45.

RIVIERE, JOAN (1929) 'Womanliness as a masquerade', *Int. J. Psycho-Anal.* 10: 303–13.

RIVIERE, JOAN (1934) 'Review of Freud's New Introductory Lectures', *Int. J. Psycho-Anal.* 15: 329–39.

ROSENFELD, HERBERT (1949) 'Remarks on the relation of male homosexuality to paranoia, paranoid anxiety and narcissism', *Int. J. Psycho-Anal.* 30: 36–57; republished (1965) in Herbert Rosenfeld, *Psychotic States*. Hogarth, pp. 34–51.

7. Супер-Эго

(Superego)

ОПРЕДЕЛЕНИЕ. В своей работе Кляйн оспорила классическую теорию, согласно которой Супер-Эго состоит из интернализованных родителей (их имаго), представляющих социальные нормы, способность к самооценке и источник таких специфических душевных состояний, как чувства вины, собственного ничтожества и самоуважения. С точки зрения Кляйн, Супер-Эго можно анализировать как набор внутренних фигур, называемых внутренними объектами, которые находятся в некотором отношении друг с другом, а также с Эго. В ходе первого этапа своей деятельности (1920–1932) Кляйн очень много внимания уделяла Супер-Эго и его истокам, которые обнаруживались в гораздо более раннем возрасте, чем то допускала теория Фрейда. Наконец после долгого и нелегкого периода лояльности в отношении классической теории Фрейда Кляйн выработала свою собственную, радикально иную точку зрения, согласно которой Супер-Эго обязано своим происхождением изначальному отклонению инстинкта смерти.

ХРОНОЛОГИЯ

1926 Бессознательная вина и жесткое Супер-Эго (Кляйн М. «Криминальные наклонности у нормальных детей», 1927).

1929 Множественные внутренние объекты.

1932 Супер-Эго и инстинкт смерти (Кляйн М. «Ранние стадии Эдипова конфликта и формирование Супер-Эго», глава 8 «Психоанализ детей», 1932); Кляйн М. «Раннее развитие совести у ребенка», 1933).

1935 Вина и депрессивная позиция (Кляйн М. «К вопросу о психогенезе маниакально-депрессивных состояний», 1935).

Сначала своей деятельности и до 1932 года Кляйн стремилась осмыслить переживания раскаяния и вины, возникающие у ее пациентов-детей. Однако с 1923 года, когда Фрейд предложил свою теорию Супер-Эго как источника вины, Кляйн оказалась в оппозиции к ортодоксальным взглядам. Она постоянно пыталась вписать полученные ею результаты в теоретические рамки «правильной» концепции Супер-Эго, но со все меньшим успехом. В итоге Кляйн отошла от ортодоксальных взглядов, приняв в 1932 году концепцию Супер-Эго как манифестации инстинкта смерти,— эта точка зрения противоречила классическому психоанализу тогда и противоречит сейчас. Однако значимость Супер-Эго в кляйнианской системе взглядов пошла на убыль с 1935 года, когда Кляйн ввела понятие депрессивной позиции и развила полномасштабную теорию вины.

Проблема. Главная проблема заключалась в том, что с самого начала своей работы в 1918 году Кляйн обнаружила интенсивные чувства раскаяния у детей в возрасте всего лишь двух лет и нескольких месяцев. Но пятью годами позже, в 1923 году, Фрейд в качестве источника вины указал на Супер-Эго, которое формируется *после* Эдипова комплекса на генитальной позиции, и датировал появление Супер-Эго возрастом около четырех-пяти лет. Взгляды Кляйн расходились с этой теорией в трех главных пунктах: (i) ранние формы Супер-Эго; (ii) множественность его составляющих; (iii) специфический путь развития Супер-Эго от жестких форм к более мягким.

РАСКАЯНИЕ. Кляйн впервые осознала значимость чувства вины в 1923 году (Klein, 1955), когда анализировала Риту, ребенка в возрасте всего лишь двух лет и девяти месяцев: «причина этих широко распространенных феноменов заключалась в особенно сильном чувстве вины, лежащем в основании *pavor nocturnus* [ночных страхов]» (Klein, 1926, p. 131). Рита была обеспокоена своей собственной агрессией; раскаяние и вина начали терзать ее уже в возрасте пятнадцати месяцев, когда впервые появились ее симптомы.

В том же 1923 году Фрейд описал чувство вины как результат внутреннего конфликта между инстинктами «Ид» и «Супер-Эго». К тому моменту Фрейда уже некоторое время занимал феномен, который он называл бессознательным чувством вины или бессознательной потребностью в наказании (Freud, 1916, 1920). С возникновением в этом же году теории Супер-Эго (Freud, 1923) вина стала предметом оживленного обсуждения в психоаналитическом сообществе [см. БЕССОЗНАТЕЛЬНАЯ ВИНА].

Фрейдовская теория вины и Супер-Эго. В то время Фрейд ничего не слышал о Кляйн и ее наблюдениях, свидетельствующих о существовании раннего чувства раскаяния. Наверное, Кляйн была обрадована и обескуражена новой теорией Фрейда: обрадована, потому что ее работа обретала теоретическое обоснование и значимость, а клинические наблюдения могли стать доказательством правильности выводов великого учителя; а обескуражена, потому что данная теория категорически утверждала, что внутренняя моральная инстанция, Супер-Эго, формируется в возрасте четырех-пяти лет. Значение своих взглядов Фрейд подтвердил в следующем году в статье о распаде Эдипова комплекса (Freud, 1924b). Таким образом был задан стандарт новой психоаналитической ортодоксии, сохраняющейся по сей день.

Преемник Эдипова комплекса. Согласно этой точке зрения, Супер-Эго является «преемником Эдипова комплекса» (Freud, 1923, p. 48). Оно формируется посредством интроекции эдипальных объектов любви (матери и отца) — интроекции «первичных идентификаций». Они помещаются

внутрь Эго (внутрь личности) и устанавливаются там как часть внутренней наблюдающей инстанции, ответственной за самокритику личности. Фрейд построил концепцию Супер-Эго на результатах своего исследования скорби (Freud, 1917), описав разрешение Эдипова комплекса как процесс интроецирования детских объектов (сексуальной) любви в акте отказа от них, вызванном кастрационной тревогой. Вследствие этого возникает внутреннее взаимоотношение с фигурой, сформированной по модели родителей, которая исполняет роль некоего опекуна/цензора. Таким выводам предшествовало длительное сотрудничество с Абрахамом (работавшим в Берлине), который изложил свои взгляды в большой статье в 1924 году — в том же году, когда у него проходила психоанализ Мелани Кляйн.

Борьба Кляйн. Закончив разработку теории Супер-Эго, Фрейд предложил гораздо более глубокое толкование бессознательной вины, связав ее также с мазохизмом (Freud, 1924a). Благодаря новой теории феномены бессознательной вины и потребности в наказании вызвали значительный интерес и смятение в среде психоаналитиков (см., например, Glover, 1926; Fenichel, 1928). Когда в мире психоанализа возникало недоумение и замешательство, Кляйн всегда оказывалась впереди, демонстрируя, как детский психоанализ может пролить свет на самые темные вопросы. Впервые она упомянула Супер-Эго в 1926 году, а уже в следующем обратилась к предложенной Фрейдом теории (Freud, 1917), гласящей, что движущей силой криминального поведения является бессознательная вина (Klein, 1927).

Однако фрейдовская концепция Супер-Эго вызвала у Кляйн определенные затруднения — в то самое время, когда она также проходила анализ у ближайшего соратника Фрейда, Абрахама. Кляйн никогда не подвергала сомнению существование Супер-Эго; проблема заключалась в датировке. Согласно теории Фрейда, вина возникает как следствие разрешения Эдипова комплекса в возрасте четырех-пяти лет, тогда как Кляйн наблюдала вину и раскаяние у своих пациентов в возрасте значительно моложе двух лет.

Положение Кляйн в Берлинском психоаналитическом обществе было весьма шатким. Это было положение молодого, неопытного и, возможно, неуживчивого новичка. Ситуация усугубилась после смерти в 1925 году ее наставника и аналитика Абрахама. Поэтому Кляйн отчаянно настаивала на том, что не вступает в конфликт с Фрейдом. При первом своем обращении к понятию Супер-Эго она с надеждой писала:

> «В проанализированных мною случаях тормозящий эффект чувства вины отчетливо проявлялся в очень раннем возрасте. Мы сталкиваемся здесь с аналогом того, что у взрослых нам известно как Супер-Эго. Допущение, что Эдипов комплекс достигает своего зенита примерно на четвертом году жизни ребенка, и признание того, что развитие Супер-Эго является конечным результатом этого

> комплекса, на мой взгляд, никоим образом не противоречит данным наблюдениям» (Klein, 1926, p. 133).

До 1932 года Кляйн утверждала, что между ней и Фрейдом на самом деле нет никаких разногласий, и это мнение горячо оспаривала Анна Фрейд в ходе своей жаркой полемики с Кляйн (1926–1927) [см. АННА ФРЕЙД; ДЕТСКИЙ АНАЛИЗ; 1. ТЕХНИКА].

Как Кляйн ни открещивалась от этого, она все же существенно изменила и дополнила теорию Фрейда:

> «Те четко выраженные, типические феномены, существование которых в наиболее явной и развитой форме мы обнаруживаем, когда Эдипов комплекс достигает своего зенита, и которые предшествуют его затуханию, являются лишь завершением развития, которое занимает *годы*. Анализ очень маленьких детей показывает, что как только возникает Эдипов комплекс, они начинают его прорабатывать и тем самым развивать Супер-Эго» (Klein, 1926, p. 133).

Здесь Кляйн указывает на то, что с высот психоанализа взрослых должным образом распознается только полностью оформившееся Супер-Эго, но находясь на более выгодной позиции анализа детей, можно гораздо точнее описать ранние процессы образования Супер-Эго. На самом деле еще до возникновения новой структурной теории Фрейда делались намеки на существование ранних «моральных» инстанций в психике: Абрахам (Abraham, 1924) описывал внутреннее торможение оральной жадности, а Ференци (Ferenczi, 1925) ввел понятие «морали сфинктера», восходящей к анальной фазе.

Поддержка Британского психоаналитического общества. Но увы, в 1925 году Абрахам умер, и Берлинскому психоаналитическому обществу предстояло либо принять взгляды Кляйн — дерзкого, но пока еще не завоевавшего авторитет молодого аналитика, — либо игнорировать ее и ее непроверенные работы, посвященные детям. Она уже представила Обществу довольно вызывающие и непопулярные доклады, например доклад о тиках (Klein, 1925) [см. 2. БЕССОЗНАТЕЛЬНАЯ ФАНТАЗИЯ]. Берлинское общество не дало Кляйн того немедленного признания и поддержки, к которым она стремилась и в которых нуждалась, поэтому она оказалась открытой для предложений из Британии. Кляйн решила анализировать ранние формы психической жизни и тревоги и, чтобы беспрепятственно посвятить себя этому занятию, переехала в Лондон (1926), где в своих изысканиях получила значительную поддержку (Jones, 1926, 1927; Isaacs, 1929).

Не вполне понятно, почему Эрнест Джонс, обладавший высоким, международного уровня авторитетом в психоаналитических кругах, направил свои предложения малоизвестной «выскочке». Может быть, дело заключа-

лось в его тайном желании в некоторой степени перехватить научную инициативу у Вены и усилить позиции Лондона; может быть, он искал кого-то, кто занялся бы лечением юного члена его семьи. Продолжая свою линию развития под защитным прикрытием Ла-Манша, Кляйн через весь европейский континент спровоцировала конфликт со своей соперницей, Анной Фрейд [см. АННА ФРЕЙД]. Конфликт между ними достиг максимальной силы в период с 1926 по 1943 год и касался в первую очередь природы и датировки происхождения Супер-Эго.

Сам Джонс довольно критически относился к данной концепции Фрейда и вскоре после опубликования новой структурной модели Фрейда (Freud, 1923) писал, сочетая верноподданнические интонации с острой критикой:

> «Однако же когда мы оставляем эти ценные широкие обобщения и переходим к более детальному исследованию затронутых проблем, возникает изрядное количество неудобных вопросов. Назовем сейчас лишь немногие из них. Каким образом одну и ту же институцию можно полагать и объектом, который предлагает себя *Ид*, чтобы быть любимым взамен родителей, и деятельной силой, критикующей Эго? Если Супер-Эго возникает вследствие инкорпорации покинутого объекта любви, как может быть, что фактически оно чаще всего восходит к родителю одного с ребенком пола? Если оно составлено из элементов, взятых у «моральных» несексуальных инстинктов Эго, откуда, исходя из его роли в вытеснении инстинктов сексуальных и инцестуозных, оно получает свой садистический, то есть сексуальный характер?» (Jones, 1926, p. 304).

ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ ПОДХОДА КЛЯЙН. Точка зрения Кляйн на Супер-Эго отличалась от фрейдовской в трех основных пунктах:

(1) происхождение Супер-Эго датируется гораздо более ранним временем, чем предполагал Фрейд;

(2) составляющие Супер-Эго множественны и разнообразны и не являются однородным сплавом интроецированных эдипальных родителей;

(3) поскольку Супер-Эго проходит куда более долгий путь развития, чем это описано в концепции Фрейда, оно претерпевает различные модификации, в частности, происходит смягчение его жесткости и интеграция его несовместимых частей.

(1) Происхождение Супер-Эго. Хотя Кляйн принимала предложенное Фрейдом описание Супер-Эго, она была не согласна с датировкой его происхождения четвертым или пятым годом жизни; полученные ею четкие

доказательства существования раннего чувства вины показывали, что источники Супер-Эго возникают никак не позднее второго года жизни. Каковы же были эти доказательства?

(а) Непосредственное доказательство. Анализ маленьких детей младше четырех-пяти лет давал прямое доказательство существования чувств раскаяния и вины.

(b) Доказательство, выводимое из продолжительных симптомов. Можно предположить, что основополагающие бессознательные фантазии, включенные в определенные симптомы, действуют с момента появления последних, например:

> «Случай Риты отчетливо демонстрировал, что *pavor nocturnus* [ночной страх], возникший в возрасте восемнадцати месяцев, был невротической переработкой ее Эдипова комплекса /.../ [и был] очень тесно связан с сильными чувствами вины, порожденными ранним Эдиповым конфликтом» (Klein, 1932, p. 4).

Эту логику четко выражает Мелитта Шмидеберг:

> «Я полагаю, что детерминанты симптомов, обнаруженных мной у ребенка в возрасте трех лет, постоянно действовали с того времени, когда симптомы возникли впервые. Проверить это невозможно. Но такое же допущение делал Фрейд, когда использовал факторы, раскрытые в анализе взрослых, для объяснения симптомов, возникавших в детстве» (Schmideberg, 1934, pp. 257–258).

(с) Жесткость Супер-Эго ребенка. Кляйн не уставала указывать на *качество* вины ребенка, которое предполагает чрезвычайную суровость Супер-Эго, существенно превышающую таковую у взрослого, — единственное упоминание Кляйн у Фрейда связано именно с этим ее наблюдением (Freud, 1930). Например, Эрну начали приучать к горшку очень рано, в возрасте двенадцати месяцев, что «в реальности происходило без какой-либо строгости», но девочка переживала это «как наижесточайший акт насилия», и это вызвало развитие у нее симптомов, указывающих на «ее чувствительность к порицанию и на преждевременное и выраженное развитие у нее чувства вины» в этом возрасте (Klein, 1926, p. 136n).

Фактически, Кляйн продемонстрировала, что чем младше ребенок, тем жестче его Супер-Эго, и предположила, что развитие сопровождается постоянной модификацией и смягчением садистического Супер-Эго предшествующего периода, которое неотступно преследует ребенка идеями об ужасных наказаниях. Здесь подразумевается, что суровое Супер-Эго соот-

носится с прегенитальными фазами садизма, как они описаны и датированы Абрахамом (Abraham, 1924).

В 1927 году Кляйн укрепила свою точку зрения на жесткое Супер-Эго, вслед за Фрейдом (Freud, 1916) заинтересовавшись криминальными чертами у детей и их связью с чувством вины и садизмом, который этим чувством вины вызывается (Klein, 1927) [КРИМИНАЛЬНОСТЬ].

(d) Прегенитальное Супер-Эго. Доказательством четвертого рода является прегенитальный характер действующих фантазий, указывающий на то, что их источник относится к прегенитальным фазам. Особая суровость Супер-Эго у некоторых детей (например Эрны) «несет на себе отпечаток прегенитальных импульсов» (Klein, 1929, p. 204):

> «... затем ребенок страшится наказания, соответствующего его собственному нападению: Супер-Эго начинает кусать, пожирать и резать. Связь между образованием Супер-Эго и прегенитальными фазами развития очень важна с двух точек зрения. С одной стороны, чувство вины прикрепляется к орально- и анально-садистическим фазам, которые до сих пор доминируют; с другой стороны, Супер-Эго появляется, когда эти фазы господствуют, что объясняет его садистическую активность» (Klein, 1928, p. 187).

(2) Составляющие Супер-Эго. Формирование Супер-Эго в контексте оральных и анальных импульсов приводит к возникновению различных интернализованных фигур, основой которых служат как отец, так и мать:

> «анализ маленьких детей демонстрирует, что структура Супер-Эго строится на идентификациях, восходящих к очень разным периодам и пластам психической жизни. Эти идентификации удивительно противоречивы по своему характеру, чрезвычайная доброта и чрезвычайная жестокость сосуществуют бок о бок» (Klein, 1928, p. 187).

Следовательно, эти имаго (интернализованные фигуры, основой которых стали родители) репрезентируют для ребенка оральную или анальную активность, направленную на него самого. Такие внутренние отношения могут отображаться фантазиями, в которых ребенка кормят, пожирают, кусают, или же он кормит объект и т.д. («угрызения совести», например); так же обстоит дело с анальными импульсами. Кляйн с поразительными подробностями выписывает этот каталог отношений, проявляющихся в детской игре со всеми типами объектов.

Начиная с этого времени, Кляйн рассматривает Супер-Эго как целый набор внутренних объектов, каждый из которых наделен в фантазии особыми функциями [см. 2. БЕССОЗНАТЕЛЬНАЯ ФАНТАЗИЯ], а кляйни-

анский анализ все больше становится анализом этих интернализованных объектов. Такое стремление расширить данную концепцию было противоположно намерениям Фрейда, который, заменив «понятие Эго-идеала понятием Супер-Эго, стремился свести внутрипсихические объектные отношения к отношению между Эго и Супер-Эго» (Heimann, 1955, p. 251).

Внутреннее сообщество объектов. В психике ребенка действует множество «объектов», каждый из которых можно назвать «Супер-Эго» [см. 5. ВНУТРЕННИЕ ОБЪЕКТЫ]. Кляйн обозначает их как имаго, и их разнообразием обусловлено большое богатство характеристик психики. В игре Джорджа присутствовали:

> «два основных “персонажа”: кукла, которая воплощала Ид, и устрашающий слон, что представлял собой Супер-Эго. /.../ Эти “персонажи”, как в случае Джорджа, выполняют три основные роли: роль Эго или Ид, роль фигуры-помощника и роль фигуры, запугивающей или фрустрирующей» (Klein, 1929, pp. 202–203).

Это разнообразие усиливается различением хорошего и плохого: «я стала понимать, что функционирование таких имаго, обладающих фантастически хорошими и фантастически плохими характеристиками, является общим механизмом». Эти имаго также различаются в отношении того, какой прегенитальный уровень они представляют: «Имаго, принятые психикой на данной ранней фазе развития Эго, несут на себе отпечаток прегенитальных инстинктивных импульсов, хотя на самом деле они сконструированы на основании реальных Эдиповых объектов», — лояльно добавляет Кляйн и продолжает:

> «Эти ранние уровни ответственны за фантастические имаго, которые пожирают, разрывают на куски и подавляют и в которых мы видим за работой смесь различных прегенитальных импульсов. Следуя эволюции либидо, данные имаго интроецируются под влиянием либидинозных точек фиксации. Но Супер-Эго как целое составлено из различных идентификаций, принятых на разных уровнях развития, чей отпечаток они несут на себе» (Klein, 1929, p. 204).

Помогающие фигуры. Кляйн все чаще отмечала, что среди этих фигур наряду с запугивающими, садистическими встречаются и помогающие фигуры. Эти помощники соответствуют тем фигурам, что удовлетворяют прегенитальные импульсы. Однако помогающим фигурам в системе взглядов Кляйн на данном этапе уделялось мало внимания, поскольку наблюдения над агрессивностью в детской игре, виной и раскаянием были убедительными и шокирующими. Только в 1935 году оказывающие поддержку внутренние фигуры вышли на первый план, и затем, с введением понятия

депрессивной позиции, хороший внутренний объект и его сохранение стали восприниматься как существенный фактор [см. 5. ВНУТРЕННИЙ ОБЪЕКТ].

(3) Модификация Супер-Эго. Жесткость Супер-Эго подвергается все большей модификации главным образом под воздействием актуального внешнего объекта:

> «По сравнению с предыдущей стадией, на которой игра была полностью заторможена, наблюдался прогресс, поскольку теперь Супер-Эго не просто запугивало бессмысленным и ужасающим образом, но пыталось посредством угроз предотвратить запрещенные действия» (Klein, 1929, p. 202).

Вступают в силу и помогающие фигуры. Они «в основном оказываются чрезвычайно фантастического типа» (Klein, 1929, p. 203) и появляются, по крайней мере частично, вследствие продвижения к генитальным импульсам, которые предоставляют доступ к более позитивным чувствам и позволяют большему числу помогающих фигур смягчать жесткость Супер-Эго.

Синтез внутренних объектов. Кляйн очень хорошо понимала, что ее взгляды расходятся с взглядами Фрейда. Фрейд описывал относительно единый объект, появляющийся в возрасте четырех-пяти лет, и Кляйн согласовывала свою теорию с этим представлением, рассуждая об объединении различных имаго в некий унитарный объект, который позже наблюдается как Супер-Эго, описанное Фрейдом: «Необходимость синтеза Супер-Эго является следствием затруднения, с которым сталкивается субъект, пытаясь прийти к соглашению с Супер-Эго, составленным из многих имаго столь противоположной природы» (Klein, 1929, p. 205). Эта идея об Эго, подталкиваемом к объединению внутренних объектов, по-видимому, была обусловлена в то время (1929) обеспокоенностью Кляйн по поводу расхождения во взглядах с Фрейдом. Однако идея об объединении возвращается в совершенно другой и весьма действенной форме в 1935 году, описывая часть той стадии в развитии, которую Кляйн назвала депрессивной позицией [см. 10. ДЕПРЕССИВНАЯ ПОЗИЦИЯ].

Внешний объект. Подытоживая свои взгляды на том этапе, Кляйн писала:

> «У взрослого мы в самом деле обнаруживаем действующее Супер-Эго, гораздо более суровое, чем были родители субъекта в реальности. /.../ У маленького ребенка мы сталкиваемся с Супер-Эго совершенно невероятного и фантастического характера. /.../ Мои аналитические наблюдения не оставляют мне ни малейшего сомне-

> ния в том, что реальные объекты, соответствующие этим воображаемым ужасным фигурам, — это родители ребенка и что эти страшные формы так или иначе отображают черты его отца или матери, сколь бы искаженным и фантастическим ни оказывалось подобие» (Klein, 1933, p. 249).

Здесь Кляйн старается следовать классической теории, согласно которой происхождение Супер-Эго обусловлено характером родителей. Однако ее беспокоила крайняя степень искажения этих фигур; изучение процессов, участвующих в этом чрезвычайно сильном искажении, стало одной из отличительных черт кляйнианского психоанализа.

Рассматривая Супер-Эго как взаимодействие внешних фигур, интроецированных под искажающим влиянием ранних садистических импульсов, Кляйн углубила теорию источников Супер-Эго и вывела ее за рамки простого соответствия между неким внешним объектом и итоговой интроекцией.

Супер-Эго и терапевтический эффект. Джеймс Стрэйчи (Strachey, 1934) обрисовал формальную теорию терапевтического действия психоанализа, основываясь на той идее, что внешний объект, аналитик, интроецируется, для того чтобы стать *вспомогательным Супер-Эго*. Особое преимущество этого нового внутреннего объекта заключается в том, что посредством функции интерпретации переноса аналитик избегает искажения примитивной бессознательной фантазией и потому не идентифицируется с примитивно хорошим внутренним объектом или примитивно плохим (примитивными имаго). В этом случае пациент впоследствии оказывается способным поддерживать внутреннее объектное отношение, которое не основано на ужасающем самоосуждении или крайней идеализации [см. 1. ТЕХНИКА].

ОТХОД ОТ КЛАССИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ. Знаменитая статья Стрэйчи была написана в переломный момент для системы взглядов Кляйн. Идеи Стрэйчи частично соотносились с радикальной сменой направления, предпринятой Кляйн: (1) в 1932 году она отошла от ортодоксальной теории Супер-Эго и стала считать его клиническим и внутрипсихическим проявлением инстинкта смерти; (2) в 1935 году она обнародовала свою теорию депрессивной позиции, трактующую историю развития примитивных имаго (ее пытался осмыслить и Стрэйчи).

(1) Супер-Эго и инстинкт смерти. Несмотря на свою преданность классической теории, Кляйн постоянно от нее отдалялась. Ее “небольшая” модификация взглядов Фрейда на источники Супер-Эго — касающаяся того, что история Супер-Эго начинается с момента возникновения Эдипова ком-

плекса, — на самом деле обладала гораздо более глубоким смыслом, чем сама Кляйн в то время признавала [см. 4. ЭДИПОВ КОМПЛЕКС]. В частности, она полагала, что интроекция родителей не вытекает из “утраты любимых объектов” раннего детства, но является процессом, протекающим в ходе (и фактически с самого начала) активного взаимоотношения с ними. Это предположение гораздо лучше согласуется со взглядами Абрахама, согласно которым интроекция и проекция — это постоянно действующие процессы, связанные с оральными и анальными импульсами, и их действие длится непрерывно всю жизнь с самого ее начала [см. 9. ПРИМИТИВНЫЕ ЗАЩИТНЫЕ МЕХАНИЗМЫ].

К 1932 году Кляйн укрепилась в своих воззрениях, а вероятность того, что она сойдется во взглядах с Анной Фрейд, стала минимальной. Под покровительством Эрнеста Джонса Кляйн чувствовала себе в безопасности; очень интересна переписка между Джонсом и Фрейдом, касающаяся конфликтов между их протеже (Steiner, 1985). Все меньше факторов удерживало Кляйн от решающего шага — отказа от классической теории Супер-Эго в том виде, как она была изложена Фрейдом. Ее книга «Психоанализ детей», опубликованная в 1932 году, была собранием клинических докладов (Часть 1), прочитанных в виде лекций в 1925 году, и теоретических глав (Часть 2), посвященных выводам из клинических наблюдений, относящимся к теориям Эдипова комплекса, раннего развития мальчиков, девочек, а также Супер-Эго, — в основу этих глав легли лекции 1927 года. Теоретическая часть подверглась пересмотру и содержала некоторые противоречия: «Это самое полное описание первой серии ее открытий и концепций, но оно сделано в переходный момент. Здесь предложены взгляды, лишь частично согласующиеся с главным их теоретическим обоснованием» (Melanie Klein Trust, 1974). Одной из наиболее важных новых разработок, то тут, то там фрагментарно появляющихся в тексте, стало совершенно новое указание на инстинкт смерти как источник Супер-Эго.

Супер-Эго и инстинкт смерти. Более систематически Кляйн развила теорию происхождения Супер-Эго из инстинкта смерти в 1933 году. Порывая с классическими взглядами, она изобретательно отыскивала у Фрейда пассажи, которым, по ее утверждениям, она следовала. Опираясь на данные Фрейдом описания инстинкта смерти в работе «По ту сторону принципа удовольствия» (Freud, 1920), она обратилась к его идее, что самой ранней функцией Эго является отклонение инстинкта смерти вовне, на объект во внешнем мире. Это первое действие и вызывает появление Эго:

> «Чтобы избежать разрушения собственным инстинктом смерти, организм использует нарциссическое, или обращенное на себя, либидо для выталкивания этого инстинкта во внешний мир и направления его на другие объекты. /.../ Более того, я полагаю, что параллельно этому отклонению инстинкта смерти вовне, на объекты,

> осуществляется внутрипсихическая реакция защиты, направленная на ту часть инстинкта смерти, которая не может быть экстернализована таким образом. Это происходит, на мой взгляд, потому, что опасность разрушения организма этим инстинктом агрессии вызывает в Эго значительное напряжение, которое ощущается как тревога. /.../ В Ид, или на инстинктивных уровнях психики, происходит разделение, посредством которого одна часть инстинктивных импульсов направляется на другую. Эта, по-видимому, самая ранняя мера защиты со стороны Эго составляет, я думаю, фундамент для развития Супер-Эго, чью крайнюю жестокость на данной ранней стадии можно, следовательно, объяснить его родством с чрезвычайно интенсивными деструктивными инстинктами» (Klein, 1933, p. 250) [см. 3. АГРЕССИЯ; ИНСТИНКТ СМЕРТИ].

Таким образом, опираясь на теории Фрейда (тщательно отобранные), Кляйн продемонстрировала раннее происхождение Супер-Эго (фактически, уже с рождения), причины его чрезвычайной суровости и необходимость пересмотра отношения Супер-Эго к Эдипову комплексу. Оказывалось, что Супер-Эго возникает *раньше* Эдипова комплекса.

Запутанность аргументации Кляйн призвана была прикрывать ее от критики, которая отрицала психоаналитический характер ее теории на основании того, что та отклоняется от учения Фрейда. Фактически, описываемые ею подробности формирования Супер-Эго столь же спекулятивны, как и теории Фрейда, и, отделив Супер-Эго от Эдипова комплекса, она почти никогда не возвращалась снова к этим аргументам — за исключением того случая, когда в 1958 году она предприняла исследование определенных явлений, наблюдаемых у шизофреников [см. ниже]. По сути, однажды отойдя от классической теории Супер-Эго, Кляйн уделяла этому понятию все меньше внимания в своих теориях. Оно утратило почти всю свою значимость. Вместо него Кляйн гораздо больше сосредоточилась на идее внутренних объектов — гораздо более богатом мире, который она стала целенаправленно изучать [см. 5. ВНУТРЕННИЕ ОБЪЕКТЫ].

(2) Депрессивная позиция. Утратив точность, термин «Супер-Эго» продолжал использоваться в качестве общего обозначения внутренних объектов, отличающихся суровостью и критическим отношением к самости. Часто его использовали скорее как прилагательное: «суперэгоистичный» (superegoish). С точки зрения Кляйнианской группы, «можно сказать, что Супер-Эго так и не формируется окончательно» (Segal, 1987). Во-первых, оно означает интеграцию идеала и преследующих объектов. Во-вторых, «оно означает тот аспект внутренних объектов, который оказывает моральное давление; например, совокупляющихся внутренних родителей. Мы не знаем, как это сказывается на Супер-Эго: возможно, влияет на способы полового поведения» (Segal, 1987).

Сёрл (Searl, 1936), которая одно время поддерживала Кляйн, предприняла попытку спасти понятие Супер-Эго, введя структуру двух идеалов, частично основанную на данном Стрэйчи (Strachey, 1934) описании хороших и плохих объектов. Она предложила считать термин «Супер-Эго» относящимся к «негативному идеалу» (императив «ты не смеешь»), а «Эго-идеал» — к позитивному («ты должен»). В это время Сёрл уже отдалялась от Кляйнианской группы и вскоре после опубликования данной работы вышла из Британского психоаналитического общества. Ее идея впоследствии была воскрешена в работах Мельтцера (Meltzer, 1967) и Мансии и Мельтцера (Mancia and Meltzer, 1981) с целью отличения депрессивной позиции (при которой превалирует движение от внутренних преследующих фигур к фигурам помогающим) от зависти (которая служит причиной «застревания» в отношениях с преследующим Супер-Эго).

Самым значительным следствием отхода от классической теории Супер-Эго стало открытие совершенно иных направлений развития психоанализа: так, например, в 1935 году было предложено понятие депрессивной позиции [см. 10. ДЕПРЕССИВНАЯ ПОЗИЦИЯ]. Это дало Мани-Кёрлу (Money-Kyrle, 1951) возможность воспользоваться различением депрессивной позиции и параноидно-шизоидной позиции для разделения двух широких категорий Супер-Эго. Он приложил эту психоаналитическую формулировку к ситуации в Германии после Второй мировой войны, пытаясь прогнозировать, кто из нацистов подлежит реабилитации и способен выполнять работу, предполагающую ответственность (люди с более благотворным, поддерживающим Супер-Эго — в депрессивной позиции), а кто обладает садистическим и авторитарным Супер-Эго и потому преуспевал при нацистском режиме, основанном на повиновении и преследовании, а не на личностной ответственности (параноидно-шизоидное функционирование). Гринберг (Grinberg, 1978) выделял разные типы вины: персекуторную (или жестоко карательную) и депрессивную (допускающую возможность репарации). Характерным для этих работ является акцент на последовательной смене аффекта в ходе развития: (i) преследование; (ii) персекуторная вина; (iii) вина и репарация [см. ДЕПРЕССИВНАЯ ТРЕВОГА].

ДАЛЬНЕЙШИЕ РАЗРАБОТКИ

(1) Ассимиляция. Хайманн уделила особое внимание интересному вопросу о том, интроецируется внешний объект в Эго или же в Супер-Эго (Heimann, 1952) [см. АССИМИЛЯЦИЯ]. В позднем и редком для нее обзоре, посвященном источникам Супер-Эго, Кляйн писала:

> «Эго, поддержанное интернализованным хорошим объектом и укрепленное идентификацией с ним, проецирует некоторое количество инстинкта смерти в ту свою часть, которую оно отщепило, —

> часть, которая оказывается противостоящей остальному Эго и формирует основу Супер-Эго» (Klein, 1958, p. 240).

Это важный фрагмент, поскольку интроекция описывается в нем как процесс, идентифицирующий внешний объект с Эго. Но Хайманн (Heimann, 1955) исследовала другой процесс, изложив случай пациента-мазохиста, чье возбуждение от битья по ягодицам объяснялось интроекцией ненавидимого и враждебного имаго отца, которое было идентифицировано с частью Эго, получающей побои, — с ягодицами. Внешний объект идентифицируется лишь с частью Эго, которая таким образом как бы отчуждается, и этот объект не ассимилируется должным образом с Эго, но, наоборот, его истощает. Таким образом можно описать в терминах внутренних отношений особую природу и развитие суровой формы Супер-Эго.

Совершенно иным процессом является «постепенная ассимиляция Супер-Эго, осуществляемая Эго» (Klein, 1952, p. 74). Кляйн высказывается о нем туманно: «возрастающая способность Эго принимать стандарты внешних объектов /.../ связана с большей степенью синтеза внутри Супер-Эго и усиливающейся ассимиляцией Супер-Эго, производимой Эго» (Klein, 1952, p. 87). И Кляйн, и Хайманн дают описание неассимилированного объекта: «внутренние объекты функционируют как чужеродные тела внутри самости» (Klein, 1946, p. 9n). Это происходит вследствие ослабления Эго (обусловленного чрезмерной проективной идентификацией), которому уже не хватает сил для ассимиляции объекта без того, чтобы быть парализованным и порабощенным им. Ризенберг-Малькольм (Riesenberg-Malcolm, 1981) описала возникающую в результате этого процесса форму псевдо-уступчивости. Однако независимый, чужеродный объект чем-то напоминает Супер-Эго, как оно исходно было описано Фрейдом.

(2) Супер-Эго и шизофрения. В 1940-х и 1950-х все более частым явлением становилась психоаналитическая работа с шизофрениками, которую проводили представители нового поколения психоаналитиков, обладающие медицинской квалификацией (Скотт, Розенфельд, Сигал, Бион), — примером служит статья Розенфельда о Супер-Эго шизофреника (Rosenfeld, 1952), — что побудило Кляйн вернуться к проделанной ею ранее работе с детьми-шизофрениками. Она описала то, что ранее осталось ею незамеченным.

Отщепленные преследователи. Теперь Кляйн описала чрезвычайно враждебные объекты, поглощающие внимание шизофреников:

> «Эти чрезвычайно опасные объекты порождают в раннем детстве конфликт и тревогу в Эго; под давлением острой тревоги они, как и другие наводящие ужас фигуры, отщепляются, но иным способом, чем тот, посредством которого формируется Супер-Эго, и низ-

> водятся к более глубоким слоям бессознательного. /.../ В норме Супер-Эго устанавливается в тесной связи с Эго и разделяет с ним различные аспекты одних и тех же хороших объектов. Поэтому для Эго оказывается возможным в большей или меньшей степени интегрировать и принять Супер-Эго» (Klein, 1958, p. 241).

Эти особенно яростные фигуры сохраняются даже в течение латентного периода и после него:

> «организованная часть Супер-Эго, хотя она зачастую очень сурова, гораздо сильнее оторвана от его бессознательной части, /.../ когда мы проникаем в более глубокие слои бессознательного, мы обнаруживаем, что опасные, преследующие фигуры все еще сосуществуют с фигурами идеализированными» (Klein, 1958, p. 242).

Хотя был установлен факт сохранности глубоко бессознательного набора первичных объектов у шизофреников, это открытие нельзя назвать совершенно новым, поскольку оно похоже на возврат к описаниям детей (некоторые из них находились в латентном периоде) на раннем этапе работы Кляйн; и Стрэйчи, например (Strachey, 1934), пользовался понятием архаических объектов, преследователей и идеализированных имаго.

Сохранность, в отделенном состоянии, отношений с особенно архаическими объектами для Биона стала признаком различения психотических и не-психотических частей личности [см. 13. ПРОЕКТИВНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ]. Розенфельд также подхватил эту идею и разработал ее в терминах внутреннего господства над личностью жестоких, отщепленных частей, которые терроризируют хорошие части личности, подобно мафиозной банде (Rosenfeld, 1971); похожий подход развивал Сидни Кляйн, описывая инкапсулированные аутистические аспекты невротических личностей (Sidney Klein, 1980) [см. СТРУКТУРА].

КРИТИКА ПРЕДЛОЖЕННЫХ КЛЯЙН МОДИФИКАЦИЙ ТЕОРИИ СУПЕР-ЭГО. С самого начала Анна Фрейд (Anna Freud, 1927) на теоретических основаниях оспаривала данное Мелани Кляйн описание Супер-Эго на ранних стадиях развития. Это создало арену для продолжительной дискуссии между кляйнианцами и ортодоксальными фрейдистами, ведущими свою родословную от аналитиков-венцев [см. 1. ТЕХНИКА]. Фенихель (Fenichel, 1928, 1931) проводил различие между Супер-Эго, как оно было описано Фрейдом, и предшественниками Супер-Эго, которых можно обнаружить на прегенитальных уровнях, что напоминало его же критику предпринятой Кляйн модификации теории Эдипова комплекса [см. 4. ЭДИПОВ КОМПЛЕКС]. Оральная и анальная жестокость и садизм, полагал он, могут порождать мазохистическое самонаказание, но их нельзя

путать с полностью сформированным Супер-Эго, обладающим «моральным» компонентом, который вызван генитальной любовью к родителям. Аргументы Фенихеля, относящиеся к «предшественникам Супер-Эго», согласуются с подобными же его аргументами, которые касаются ранних, прегенитальных компонентов Эдипова комплекса [см. 4. ЭДИПОВ КОМПЛЕКС]. Некоторые объекты прегенитальных фаз, которые Фенихель был склонен признавать, входят в состав Супер-Эго, оказываясь интегрированными только тогда, когда возникает Эго и начинает действовать его интегрирующая функция. Эта картина сильно отличается от точки зрения Кляйн, где Эго, обладающее функциями и управляющее защитами, активно обособляет ранние компоненты друг от друга и манипулирует ими.

Это же различие во взглядах относится к явлению раннего функционирования Эго на первом году жизни. Фенихель полагал, что Супер-Эго возникает уже после появления Эго и его интегративных функций; Кляйн же датировала возникновение Супер-Эго первым актом расщепления, когда Эго приходится справляться с инстинктом смерти. Уэлдер (Waelder, 1937) воспроизвел эту критику, но, подобно многим разногласиям между кляйнианцами и психоаналитиками классического направления, этот вопрос канул в небытие, не дождавшись своего разрешения.

Другая проблема касалась особой жесткости Супер-Эго, наблюдающейся даже у взрослых и типичной для людей с криминальным характером. Фрейд считал, что эта жесткость является результатом интроекции родительских Супер-Эго, а не целостных личностей родителей. Однако такое объяснение просто игнорировало вопрос о природе Супер-Эго в связи с развитием импульсов Ид, и позднее точка зрения Фрейда сблизилась с кляйновской (см. сноску Klein, 1933, p. 250). Но здесь идет речь об объяснении жестокости как ретроспективного искажения в памяти детей старшего возраста и взрослых родительского с ними обращения, в противоположность прямому наблюдению таких фантазий и раскаяния у детей в возрасте уже двух лет. Этому вопросу было уделено много внимания в ходе Дискуссий о противоречиях, при обсуждении концепции бессознательной фантазии [см. 2. БЕССОЗНАТЕЛЬНАЯ ФАНТАЗИЯ], а также того, чем являются фантазии детей старшего возраста и взрослых: сохранились ли они в неприкосновенности со времени очень ранних стадий развития Эго (первые шесть месяцев), или же это ретроспективное усложнение, вызванное регрессией поздней враждебности к оральным и анальным фантазиям.

Свидетельства, которые давал анализ очень маленьких детей, были убедительными, и Уэлдер (Waelder, 1937) признал, что жесткость Супер-Эго частично обусловлена внутренними источниками, хотя продолжал отрицать, что это указывает на раннее происхождение Супер-Эго. И все равно данные разногласия в целом не получили должного разрешения, но просто вышли из поля зрения, отчасти потому, что кляйнианцы стали уделять меньше внимания Супер-Эго, поскольку их интересы сосредоточились

на исследовании депрессивной позиции, а затем параноидно-шизоидной позиции и проективной идентификации.

История понятия Супер-Эго вплетена в историю жизни и творчества Мелани Кляйн. Данное понятие поставило Кляйн в оппозицию ортодоксальному мнению — в этом положении она стремилась остаться верной своим открытиям и в то же время не отказывала себе в удовольствии слегка поскандалить. Она не смогла сохранить преданность ортодоксальной фрейдовской теории тех лет (1930-е годы) и страдала от этого. Разрабатывая собственные теории, она более или менее игнорировала фрейдовскую структурную теорию Ид, Эго и Супер-Эго. Не будет преувеличением назвать предпринятое Кляйн развитие идеи Супер-Эго новой структурной теорией. Разворачивается картина целого набора внутренних объектов, что создает настоящий внутренний мир, населенный имаго внешних фигур. Со временем это приводит к пониманию скрытых организаций личности (психотическая часть, перверсивная часть и т. д.), вовлеченных во внутренние отношения, которые постоянно разрушают или извращают переживания Эго [см. СТРУКТУРА].

В истории концепции Супер-Эго встречаются многие темы, которые кляйнианская теория трактует не так, как классический психоанализ: наложение ранних либидинозных фаз на поздние против их четко расписанной последовательности; манифестация инстинкта смерти внутри личности против его безмолвия в клинической практике; начинающееся с рождения функционирование Эго против развития Эго в гораздо более позднем возрасте; совершаемый Эго первый акт расщепления и отклонения (проекции) против его изначальной интегративной функции; феноменология и субъективное переживание конкретно ощущаемых объектов различных типов против переживания символических репрезентаций в психике. Эти разногласия раскалили атмосферу дискуссий между Мелани Кляйн и Анной Фрейд, Британским и Венским психоаналитическими обществами, и в конечном итоге — между различными группами в рамках Британского общества. Такая атмосфера не способствовала разрешению споров, поэтому проблемы остались, и сегодня новое поколение аналитиков их зачастую даже не распознает, унаследовав, похоже, напряженность дебатов, но не их содержательную часть. Дальнейшие споры больше относились к позднейшим разработкам теории с обеих сторон [см. 13. ПРОЕКТИВНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ; ЭГО-ПСИХОЛОГИЯ] без отслеживания их корней в более ранних и неразрешенных проблемах 1920-х и 1930-х годов.

Abraham, Karl (1924) 'A short study of the development of the libido', in Karl Abraham (1927) *Selected Papers on Psycho-Analysis*. Hogarth, pp. 418–501.

Fenichel, Otto (1928) 'The clinical aspect of the need for punishment', *Int. J. Psycho-Anal.* 9: 47–70.

Fenichel, Otto (1931) 'The pregenital antecedents of the Oedipus complex', *Int. J. Psycho-Anal.* 12: 412–30.

Ferenczi, Sandor (1925) 'Psycho-analysis of sexual habits', in (1950) *Further Contributions to the Theory and Technique of Psycho-Analysis.* Hogarth, pp. 259–97.

Freud, Anna (1927) *Psycho-Analytic Treatment of Children*, English edn, 1946. Imago.

Freud, Sigmund (1916) 'Some character-types met with in psycho-analytic work: III Criminals from a sense of guilt', in James Strachey, ed. *The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud*, 24 vols. Hogarth, 1953–73. vol. 14, pp. 332–3.

Freud, Sigmund (1917) 'Mourning and melancholia'. *S.E.* 14, pp. 237–60.

Freud, Sigmund (1920) *Beyond the Pleasure Principle. S.E.* 18, pp. 3–64.

Freud, Sigmund (1923) *The Ego and the Id. SE.* 19, pp. 3–66.

Freud, Sigmund (1924a) 'The economic problem of masochism'. *S.E.* 19, pp. 157–70.

Freud, Sigmund (1924b) 'The dissolution of the Oedipus complex'. *S.E.* 19, pp. 173–9.

Freud, Sigmund (1930) *Civilization and its Discontents. S.E.* 21, pp. 59–145.

Glover, Edward (1926) 'The neurotic character', *Int. J. Psycho-Anal.* 7: 11–29.

Grinberg, Leon (1978) 'The "razor's edge" in depression and mourning', *Int. J. Psycho-Anal.* 59: 145–54.

Heimann, Paula (1952) 'Certain functions of introjection and projection in early infancy', in Melanie Klein, Paula Heimann, Susan Isaacs and Joan Riviere, eds *Developments in Psycho-Analysis.* Hogarth, pp. 122–68.

Heimann, Paula (1955) 'A combination of defence mechanisms in paranoia', in Melanie Klein, Paula Heiniann and Roger Money-Kyrle, eds *New Directions in Psycho-Analysis.* Tavistock, pp. 240–65.

Isaacs, Susan (1929) 'Privation and guilt', *Int. J. Psycho-Anal.* 10: 335–47.

Jones, Ernest (1926) 'The origin and structure of the superego', *Int. J. Psycho-Anal.* 7: 303–11.

Jones, Ernest (1927) 'The early development of female sexuality', *Int. J. Psycho-Anal.* 8: 459–72.

Klein, Melanie (1925) 'A contribution to the psychogenesis of tics', in *The Writings of Melanie Klein*, vol. 1. Hogarth, pp. 106–27.

Klein, Melanie (1926) 'The psychological principles of early analysis', *The Writings of Melanie Klein*, vol. 1, pp. 128–37.

Klein, Melanie (1927) 'Criminal tendencies in normal children', *The Writings of Melanie Klein*, vol. 1, pp. 170–85.

Klein, Melanie (1928) 'Early stages of the Oedipus complex', *The Writings of Melanie Klein*, vol. 1, pp. 186–98.

Klein, Melanie (1929) 'Personification in the play of children', *The Writings of Melanie Klein*, vol. 1, pp. 199–209.

Klein, Melanie (1932) *The Psycho-Analysis of Children, The Writings of Melanie Klein*, vol. 2.

Klein, Melanie (1933) 'The early development of conscience in the child', *The Writings of Melanie Klein*, vol. 1, pp. 248–57.

Klein, Melanie (1935) 'A contribution to the psychogenesis of manic-depressive states', *The Writings of Melanie Klein*, vol. 1, pp. 262–89.

Klein, Melanie (1946) 'Notes on some schizoid mechanisms', *The Writings of Melanie Klein*, vol. 3, pp. 1–24.

Klein, Melanie (1952) 'Some theoretical conclusions regarding the emotional life of the infant', *The Writings of Melanie Klein*, vol. 3, pp. 61–93.

KLEIN, MELANIE (1955) 'The psycho-analytic play technique: its history and significance', *The Writings of Melanie Klein*, vol. 3, pp. 122–40.

KLEIN, MELANIE (1958) 'On the development of mental functioning', *The Writings of Melanie Klein*, vol. 3, pp. 236–46.

KLEIN, SIDNEY (1980) 'Autistic phenomena in neurotic patients', *Int.J. Psycho- Anal.* 61: 393–402.

MANCIA, MAURO AND MELTZER, DONALD (1981) 'Ego ideal functions and the psycho-analytical process', *Int.J. Psycho-Anal.* 62: 243–9.

MELANIE KLEIN TRUST (1974) 'Explanatory note to *The Psycho-Analysis of Children* in *The Writings of Melanie Klein Volume 2*'. Hogarth, pp. 283–5.

MELTZER, DONALD (1967) *The Psycho-Analytic Process.* Heinemann.

MONEY-KYRLE, ROGER (1951) 'Some aspects of state and character in Germany', in George B. Wilbur and Warner Muensterberger, eds *Psycho-Analysis and Culture.* New York: International Universities Press; republished (1978) in *The Collected Works of Roger Money-Kyrle.* Perth: Clunie, pp. 229–44.

RIESENBERG-MALCOLM, Ruth (1981) 'Technical problems in the analysis of a pseudo-compliant patient', *Int.J. Psycho-Anal.* 62: 477–84.

ROSENFELD, HERBERT (1 952) 'Notes on the psycho-analysis of the superego conflict in an acute schizophrenic patient', *Int.J. Psycho-Anal.* 33: 111–31; republished (1955) in Melanie Klein, Paula Heimann and Roger Money Kyrle, eds *New Directions in Psycho-Analysis.* Tavistock, pp. 180—219; and (1965) in *Psychotic States.* Hogarth, pp. 63–103.

ROSENFELD, HERBERT (1971) 'A clinical approach to the psycho-analytical theory of the life and death instincts: an investigation into the aggressive aspects of narcissism', *Int.J. Psycho-Anal.* 52:169–78.

SCHMIDEBERG, MELITTA (1934) 'The play analysis of a three-year-old girl', *Int.J. Psycho-Anal.* 15: 245–64.

SEAN, M. N. (1936) 'Infantile ideals', *Int.J. Psycho-Anal.* 17: 17–39.

SEGAL, HANNA (1987) personal communication.

STEINER, RICCARDO (1985) 'Some thoughts about tradition and change arising from an examination of the British Psycho-Analytical Society's Controversial Discussions (1943–1944)', *Int. Rev. Psycho-Anal.* 12: 27–71.

STRACHEY, JAMES (1934) 'On the therapeutic effect of psycho-analysis', *Int.J. Psycho-Anal.* 15: 127–59.

WAELDER, ROBERT (1937) 'The problem of the genesis of psychical conflict in earliest infancy', *Int.J. Psycho-Anal.* 18: 406–73.

8. Ранние ситуации тревоги
(Early anxiety situations)

ОПРЕДЕЛЕНИЕ. Кляйн использовала этот термин Фрейда (он упоминал ранние ситуации тревоги или опасности для ребенка) в отношении открытых ею страхов, порождаемых садистическими фантазиями нападения на материнское тело и ожиданием возмездия за это с его стороны. Было установлено, что такая тревога очень интенсивна и ее испытывают дети обоих полов. Это привело к открытию фазы женственности и у мальчиков, и у девочек. В 1935 году Кляйн ввела понятие депрессивной позиции; здесь она вернулась к представлению Фрейда об утрате любимого объекта как решающей ситуации тревоги, однако существенно эту идею видоизменила. Кляйн сосредоточилась на утрате *внутреннего* любимого объекта. Позднее, в 1946 году, описание параноидно-шизоидной фазы очень раннего расщепления указало на другую ситуацию тревоги — страх аннигиляции Эго (вследствие действия во внутреннем мире врожденного инстинкта смерти). Последователи Кляйн тревогу понимали преимущественно в этом смысле (персекуторная тревога).

ХРОНОЛОГИЯ

1927 Нападения на материнское тело с ожиданием возмездия (Кляйн М. «Ранние стадии Эдипова конфликта», 1928; Кляйн М. «Инфантильные ситуации тревоги, как они отражены в произведении искусства и творческом импульсе», 1929).

1935 Непараноидная тревога, связанная с утратой внутреннего хорошего объекта (Кляйн М. «К вопросу о психогенезе маниакально-депрессивных состояний», 1935; Кляйн М. «Эдипов комплекс в свете ранних тревог», 1945).

1946 Страх аннигиляции Эго вследствие действующего внутри инстинкта смерти (Кляйн М., «Заметки о некоторых шизоидных механизмах», 1946).

Одним из важнейших качеств уникального подхода Кляйн к психоанализу было ее особое внимание к тревоге, а не к дериватам инстинктов. Психоанализ начинался с интереса к симптомам, который затем переместился на защитные механизмы. Путь Кляйн был иным: «С самого начала психоаналитической работы мой интерес был сосредоточен на тревоге, ее причинах и следствиях» (Klein, 1948, p. 41). Кляйн понимала, что

оказалась близка к исключению из числа психоаналитиков за ересь: «Я отклонилась от некоторых правил, принятых на тот момент, поскольку интерпретировала то, что, на мой взгляд, было самым актуальным в материале, поставляемом мне ребенком, и обнаружила, что мое внимание сфокусировано на тревогах и защитах от них» (Klein, 1955, p. 122).

Работа Фрейда «Торможения, симптомы и тревога» 1926 года оказала значительное и глубокое влияние на развитие теоретических взглядов Кляйн. Она постоянно обращалась к этой работе за помощью в поиске собственных теоретических формулировок. Оттуда она почерпнула четыре главные для себя идеи:

(a) Фрейд ввел термин «инфантильные ситуации опасности и тревоги», что для Кляйн подтверждало справедливость ее внимания к *содержанию* тревоги, а не к более традиционному предмету — трансформации либидо.

(b) Фрейд размышлял о травме рождения и глобальном характере «утраты любимого объекта», что позже стало важным теоретическим основанием кляйновской теории депрессивной позиции [см. 10. ДЕПРЕССИВНАЯ ПОЗИЦИЯ].

(c) Наконец, замечания Фрейда об особом характере защит по отношению к инстинкту смерти поддерживали Кляйн в ее наблюдениях за детьми. Опираясь на его взгляды, она вскоре смогла отойти от классических теорий Супер-Эго и Эдипова комплекса [см. 7. СУПЕР-ЭГО; 4. ЭДИПОВ КОМПЛЕКС].

(d) Кляйн трактовала образование Супер-Эго как следствие отклонения инстинкта смерти вовне и разделения Ид, как «первую меру защиты со стороны Эго» (Klein, 1933, p. 250) [см. 7. СУПЕР-ЭГО; ИНСТИНКТ СМЕРТИ].

Итак, именно под влиянием этой работы Фрейда произошел радикальный взлет мысли Кляйн, когда она рассмотрела Супер-Эго как клиническую манифестацию инстинкта смерти, развила концепцию депрессивной позиции, что и привело к теоретическому расколу с ортодоксальным психоанализом в 1932 году. К этому пути, требующему недюжинной уверенности в себе, Кляйн подтолкнула заинтересованность в *содержании*, которую она находила в трудах Фрейда и которая прямо вела к радикальной перемене во взглядах на природу тревоги — от объяснений в терминах физиологической трансформации к изучению психологического содержания. В этом заключается одно из наиболее важных по сей день различий между Кляйнианской школой и другими психоаналитическими течениями.

ТОЧКА ЗРЕНИЯ КЛЯЙН НА ТРЕВОГУ. Вышедшая в 1926 году работа Фрейда не могла не оказать значительного и глубокого влияния на развитие теоретических взглядов Кляйн. Предложив термин «инфантильные ситуации опасности и тревоги», Фрейд, по мнению Кляйн, подтвердил справедливость

ее подхода к *содержанию* тревоги. Фактически, Фрейд отвечал на книгу Ранка, в которой доказывалось, что причина всякой тревоги одна — травма рождения. Фрейд, наоборот, доказывал, что на разных стадиях жизни ситуация тревоги различна. Таким образом он, по сути, своим авторитетом подтверждал значимость *содержания* фантазии или реальности, дающей тревоге смысл.

Неортодоксальный подход Кляйн, которая отдавала приоритет содержанию тревоги, привел к рассмотрению следующих тем, относящихся к тревоге:

(1) тревога у детей, связанная с проявляющейся в игре агрессией;

(2) тревога как конфликт инстинктов;

(3) фантазийное содержание тревоги;

(4) нападения на материнское тело;

(5) психотические тревоги;

(6) техника.

(1) Игра и садизм. Кляйн обнаружила, что жестокость и агрессия игры приводит к чрезвычайно суровым формам раскаяния и вины, порожденных агрессией. Она сама была шокирована насилием, пронизывающим детские фантазии: «очень трудно — знаю на собственном опыте — заставить себя признать, что столь отвратительная идея соответствует истине» (Klein, 1932, p. 130).

Для Кляйн становилось все более очевидным, что собственный садизм пугает маленьких детей и заставляет их бояться столь же садистической кары. Хотя сначала Кляйн считала, что тревога и вина своим происхождением обязаны сексуальному либидо и Эдипову комплексу, она, несомненно, интерпретировала попытки детей контролировать свою агрессию, а не просто сексуальность. В 1927 году (особенно в статье о криминальных наклонностях) ее внимание к агрессии и садизму возросло. Кляйн обнаружила, насколько глубокое влияние могут оказывать вина и тревога на игру детей, приводя к сильным торможениям фантазии, что соответствует столь же серьезным торможениям развития в целом (Klein, 1930) и интеллекта в частности (Klein, 1931) [см. 1. ТЕХНИКА].

(2) Конфликт инстинктов. В начале ее работы интерпретации Кляйн, подобно интерпретациям Фрейда, касались того, как фантазийная жизнь тормозится вытеснением либидо, вызванным, в частности, фрустрациями при стремлении обрести знание о первичной сцене. Классическая точка зрения на тревогу в 1920 годы была такой: тревога соответствует основному конфликту, который вызывают сексуальные инстинкты ребенка, возникшие в слишком раннем возрасте, в обществе, что запрещает свободное удовлетворение сексуальных импульсов.

Предложенная Фрейдом в 1926 году версия этой теории была для Кляйн очень важна [см. (3) ниже], и около 1932 года ее взгляды радикально изменились. Она стала признавать клиническую полезность концепции инстинкта смерти [см. ИНСТИНКТ СМЕРТИ]. Опираясь на клиническую практику, она поняла, что тревога у маленьких детей относилась к очень примитивному конфликту между агрессией и реакцией раскаяния, следующей за агрессией. Внезапно она довольно далеко вышла за рамки своей предыдущей теории тревоги, описав предрасположенность инстинкта смерти (в его спроецированной форме — агрессии) вступать в конфликт с любовными инстинктами. Такой конфликт неизбежен, поскольку вызван внутренне противоречивым унаследованным достоянием ребенка — инстинктами жизни и смерти. Идея изначального конфликта этих инстинктов вполне сопоставима со взглядом Кляйн на психотическую тревогу как повторяющийся порочный круг агрессии и страха. Классическая точка зрения на тревогу, по мнению Кляйн, относится к более поздней форме, которая возникает на основании предшествующего конфликта между инстинктами.

(3) Инфантильные ситуации опасности и тревоги. Уделять внимание *психологическому содержанию* тревоги начал Фрейд (Freud, 1926). То есть тревога представляла собой психологически переживаемую ситуацию опасности, реальной или воображаемой (ситуацию тревоги). В 1926 году Кляйн активно дискутировала с Анной Фрейд [см. ДЕТСКИЙ АНАЛИЗ] и с благодарностью использовала труды Фрейда для доказательства своих взглядов. Она с энтузиазмом подхватила термин «ранние ситуации тревоги», поскольку считала, что он укрепит ее позицию в классической психоаналитической теории.

В общем и целом, по мнению Фрейда, в различные периоды развития наблюдаются особые, специфические ситуации тревоги. Кляйн представила свои результаты, стремясь наполнить набросок Фрейда детализированным психологическим содержанием. Впервые она употребила фрейдовский термин «ситуация тревоги» в 1929 году в удивительной статье по поводу напечатанной в берлинской газете рецензии на венскую постановку оперетты Равеля, причем сама Кляйн на этом представлении не была. Пользуясь фрейдовским термином, чтобы ее не обвинили в отклонении от учения Фрейда (обычное обвинение со стороны венцев), Кляйн писала:

> «Я хотела рассказать вам о своих концепциях, потому что могу связать их с концепцией Фрейда — одним из наиболее важных выводов работы «Торможения, симптомы и тревога» (1926), а именно с гипотезой о ранних инфантильных ситуациях тревоги или опасности» (Klein, 1929, p. 212).

Она развивает свою мысль:

> «Фрейд полагает, что инфантильные ситуации опасности можно в конечном итоге свести к утрате любимого (желанного) человека. У девочек, считает он, утрата такого объекта является ситуацией опасности, которая оказывает наиболее сильное воздействие; у мальчиков это кастрация. На основании клинических данных могу утверждать, что обе эти ситуации опасности являются модификацией ситуаций еще более ранних. Я обнаружила, что у мальчиков страх кастрации со стороны отца связан с очень специфической ситуацией — вообще самой ранней, на мой взгляд, ситуацией тревоги. Как я уже писала, нападение на материнское тело, которое психологически соотносится по времени с зенитом садистической фазы, предполагает также борьбу с отцовским пенисом, находящимся внутри матери» (Klein, 1929, p. 213) [см. 6. ФАЗА ЖЕНСТВЕННОСТИ; КОМБИНИРОВАННАЯ РОДИТЕЛЬСКАЯ ФИГУРА].

(4) Нападения на материнское тело. Важную роль сыграло то, что первой описанной Кляйн ситуацией тревоги стали нападения младенца на материнское тело, сопровождаемые страхом равноценного возмездия [см. 6. ФАЗА ЖЕНСТВЕННОСТИ]. Кляйн уже обнаружила специфическую тревогу в нескольких случаях — в анализе Риты (1923), Труди и Руфь (1924):

> «Мои наблюдения в анализе Труди, Руфь и Риты вместе с идеями последних лет привели меня к признанию существования тревоги или скорее ситуации тревоги, характерной для девочек и эквивалентной кастрационной тревоге мальчиков. /.../ Она основывается на импульсах агрессии девочки против матери и ее желаниях убить и обокрасть мать, обусловленных ранними стадиями Эдипова конфликта. Эти импульсы приводят не только к тревоге или страху быть атакованной матерью, но и к страху, что мать покинет девочку или умрет» (Klein, 1932, p. 31).

Эта ситуация тревоги возникает вследствие эдипальной провокации сильнейшей агрессии, направленной на внутреннее содержимое материнского тела. Затем идет страх возмездия со стороны матери или отца; отец тоже оказывается атакованным, поскольку его пенис обитает внутри атакованного тела матери. Эти инфантильные фантазии необычайно богаты (Searl, 1929). Сильное стремление дополнить таким образом фрейдовскую теорию было обречено натолкнуться на столь же сильное сопротивление со стороны Анны Фрейд и континентальных аналитиков, которые этому подходу противостояли [см. ДИСКУСИИ О ПРОТИВОРЕЧИЯХ].

Разрушение преследователей. Одна из защит от этих ужасающе суровых родительских имаго (таких как комбинированные родители) — начать атако-

вать их, чтобы разрушить. В результате объект будет вызывать еще больший страх из-за добавочной энергии ответного насилия с его стороны. Так возникает порочный круг паранойи [см. ПАРАНОЙЯ]. Интенсивность страха может нарастать и достигает такой степени, что Кляйн называет эту тревогу психотической и в итоге пересматривает свою теорию об истоке тревог в Эдиповом комплексе.

(5) Психотические тревоги. В статье 1935 года Кляйн показала значительную модификацию тревоги при вступлении ребенка в депрессивную позицию. На этом этапе развития (в возрасте от четырех до шести месяцев) хороший и плохой объект оказываются не столь строго обособленными, и один начинает заражать другой своими качествами. В частности, хороший объект уже не полностью хороший. Такой *целостный объект* является новым переживанием [см. ЦЕЛОСТНЫЙ ОБЪЕКТ]. Его менее чем абсолютная хорошесть порождает серьезный страх *за* него и его выживание, а также острое ощущение ответственности за него и за возможность его порчи или повреждения. Это самые ранние манифестации чувства ответственности и вины, и они служат основанием идеи Кляйн, что Супер-Эго наблюдается в очень раннем возрасте [см. 7. СУПЕР-ЭГО; ДЕПРЕССИВНАЯ ТРЕВОГА]. Такая вина особенно болезненна — она как бы беззащитна перед преследующими чувствами параноидно-шизоидной позиции. Она обладает выраженно преследующим характером и порождает чувства отчаяния от того, что повреждение невозможно исправить [см. РЕПАРАЦИЯ].

Либидо и депрессивная позиция. Характерная тревога депрессивной позиции — страх за любимый объект — в 1935 году оценивается уже как *ситуация* тревоги. В это время Кляйн осознает, что депрессивная тревога во многих отношениях влияет на развитие либидо: вообще говоря, (i) представляя собой невыносимо болезненное внутреннее состояние, она тормозит развитие либидо и в целом личности, которая зависит от процесса развития либидо; (ii) депрессивная позиция может смягчаться движением к генитальной стадии, когда любовные чувства к объекту усиливаются и умеряют садистические импульсы, что иногда приводит к преждевременной эротизации и последующим эротическим перверсиям.

Параноидно-шизоидная позиция. В 1946 году Кляйн вернулась с новыми открытиями к фрейдовскому постулату об инстинкте смерти. Новые открытия смещали центр внимания от депрессивной позиции и значимости хорошего объекта опять к паранойе, деятельности плохого объекта и соответствующих импульсов [см. 11. ПАРАНОИДНО-ШИЗОИДНАЯ ПОЗИЦИЯ]:

> «Фрейд утверждал, что в бессознательном не существует никакого страха смерти; но это не согласуется с его открытием опасностей,

> порождаемых внутренним действием инстинкта смерти. Как мне кажется, первейшая тревога, с которой сражается Эго, — это угроза, исходящая от инстинкта смерти» (Klein, 1958, p. 237).

Первое проявление инстинкта смерти наблюдается с рождения как страх преследования со стороны плохого объекта и мобилизация ненависти против этого объекта, что создает первую парадигму «плохого объектного отношения»: «часть инстинкта смерти проецируется в объект, и таким образом объект становится преследователем; при этом часть инстинкта смерти, которая удерживается в Эго, является источником агрессии, направляемой на этот персекуторный объект» (Klein, 1958, p. 238n). Параноидный элемент таких плохих объектных отношений очевиден, Кляйн и ее близкие соратники (Сигал, Розенфельд) исследовали их, работая с пациентами-параноиками, шизофрениками и детьми.

Тревога этого типа — персекуторная тревога — представляет собой отличительный признак того, что в конечном итоге было осмыслено как параноидно-шизоидная позиция [см. 11. ПАРАНОИДНО-ШИЗОИДНАЯ ПОЗИЦИЯ]. В 1946 году ранняя ситуация тревоги была описана как новый страх, страх *аннигиляции Эго*, фрагментации — следствие внутренней работы инстинкта смерти.

Внутренний мир. Депрессивная тревога (связанная с утратой *внутреннего* любимого объекта) и персекуторная тревога (связанная со страхом аннигиляции Эго) — это глубоко личностные проблемы, они соотносятся с исполненными беспокойства фантазиями человека о том, чем он/она является сам/сама в себе, что находится внутри, из чего он/она состоит. Начиная с 1935 года «ситуации тревоги» оцениваются как *внутренние* ситуации.

Примитивные защитные механизмы (или механизмы психотические) направлены в первую очередь на смягчение страхов, касающихся этих внутренних состояний, и по сути кладут начало Эго как функции контроля над этим внутренним миром. Защиты от психотических тревог — это расщепление, отрицание (denial), проекция, интроекция, идентификация и идеализация [см. 9. ПРИМИТИВНЫЕ ЗАЩИТНЫЕ МЕХАНИЗМЫ], и по мере изменения тревог и выхода на первый план более зрелых защит они постепенно теряют свое значение. Вытеснение занимает место расщепления, обсессивные защиты — место защит маниакальных и т. д.

Первичная зависть. Завершая развитие своей системы взглядов в 1957 году теорией первичной зависти, Кляйн описала особое фантазийное отношение с объектом. Она вернулась к специфической фантазии вторжения в «хороший» объект и порчи его внутреннего содержимого. В исходной концепции Кляйн нападение на материнское тело рассматривалось как эдипальный феномен. В 1957 году эта идея вернулась как понятие первичной зависти, возводимой к врожденному конфликту, конфликту инстинктов [см. 12. ЗАВИСТЬ].

(6) Техника. Кляйн начинала с наблюдений за изменением тревоги в результате интерпретативных вмешательств. Такое изменение осталось важным показателем аналитической работы. Джозеф (Joseph, 1978, 1981) убедительно показала, насколько важно следовать за переменами в тревоге, возникающими в ходе психоаналитического сеанса. По ее мнению, перемещения от персекуторной тревоги к депрессивной и обратно важнее, чем ее общее ослабление. Кляйн убедилась, что эти перемещения между параноидно-шизоидной и депрессивной позициями являются важными этапами созревания [см. 1. ТЕХНИКА; ПАРАНОИДНАЯ ЗАЩИТА ОТ ДЕПРЕССИВНОЙ ТРЕВОГИ]. На основании колебаний между депрессивной и параноидно-шизоидной позициями Бион разработал масштабную теорию развития и мышления [см. Ps-D; БИОН].

СПОРЫ ВОКРУГ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ КЛЯЙН О ТРЕВОГЕ. Эго-психологи продолжают придерживаться классического воззрения на тревогу. Для них тревога — это сигнал предупреждения о либидинозном конфликте, который приведет к тому, что заблокированные заряды психической энергии найдут себе выход в неспецифических состояниях телесной и душевной напряженности. Точка зрения Кляйн, заключающаяся в том, что тревога — это состояние напряженности между любовью и агрессией (инстинктами жизни и смерти), предполагает радикальный пересмотр фрейдовской «экономической модели» психики [см. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ]. На последствия теории Кляйн для концепции психической энергии и экономической модели ни сама Кляйн, ни ее последователи должного внимания не обратили. Однако кажется очевидным, что физическая аналогия, предлагаемая экономической моделью, на практике не совместима с психологическим рассмотрением фантазийного содержания тревоги.

Тревога и развитие. Анна Фрейд (Anna Freud, 1927) и Гловер (Glover, 1945) полагали, что кляйновская теория тревоги как напряжения между инстинктами противоречит фрейдовской теории развития либидо, придает первостепенное и главное значение агрессии (инстинкту смерти) и принижает роль и значимость либидо. Если тревога — это взаимодействие между садизмом и либидо, и потому либидо и агрессия занимают равное по значимости положение, либидо больше не выглядит решающим элементом на уровне инстинктов. И если чрезмерная тревога тормозит или искажает развитие посредством вмешательства в естественный прогресс либидо, истинным двигателем развития оказывается агрессия [см. 3. АГРЕССИЯ; ЛИБИДО]. Анна Фрейд пришла к выводу, что естественное развертывание (эпигенез) фаз либидо является врожденным свойством организма, что приводит к нормальному влечению к адаптации и образованию аспектов Эго, которые не конфликтуют с другими инстанциями психики [см. ЭГО-ПСИХОЛОГИЯ]. Таким образом, развитие можно рассматривать с двух различных точек

зрения: эго-психологической — как естественное развитие и адаптацию, и кляйнианской — как беспокойное продвижение вперед, побуждаемое происходящей от инстинктов тревогой.

Инстинкт смерти. Внимание Кляйн к манифестациям инстинкта смерти постоянно критикуют со следующих основных позиций:

(a) согласно Фрейду, инстинкт смерти, как правило, является «клинически немым» (Freud, 1920);

(b) нет необходимости считать агрессию манифестацией инстинкта смерти (посредством проекции), поскольку предложенного Фрейдом ранее (Freud, 1915) описания агрессии как фрустрации инстинктов жизни вполне достаточно;

(c) предоставляемые кляйнианцами доказательства внутреннего процесса направленной на себя деструктивности — теория Супер-Эго (Klein, 1933) и позднейшие теории структуры пограничных личностей (Heimann, 1952; Rosenfeld, 1971) [см. СТРУКТУРА] — являются спорными [см. ИНСТИНКТ СМЕРТИ].

Тревога и техника. Интерес Кляйн к содержанию тревоги привел к возникновению техники глубоко проникающих интерпретаций. Классическая же техника, которой пользуются эго-психологи, сосредоточена на анализе защитных механизмов Эго (и механизмов адаптации). С этих позиций Кляйн критиковали за то, что ее глубокие интерпретации сами вызывают тревогу, поскольку должны переживаться пациентами как вторжения и потому вызывать персекуторную окраску. В результате этого, по мнению эго-психологов, кляйнианцы и сталкиваются с изобилием персекуторной тревоги (Geleerd, 1963; Greenson, 1974) [см. 1. ТЕХНИКА].

Freud, Anna (1927) *The Psycho-Analytical Treatment of Children*, English edn, 1946. Hogarth.

Freud, Sigmund (1915) ‘Instincts and their vicissitudes’, in James Strachey, ed. *The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud*, 24 vols. Hogarth, 1953–73 vol. 14, pp. 109–40.

Freud, Sigmund (1916) ‘Some character-types met with in psycho-analytic works: III Criminals from a sense of guilt’. *S.E. 14*, pp. 332–3.

Freud, Sigmund (1920) *Beyond the Pleasure Principle*. *S.E.* 18, pp. 13–64.

Freud, Sigmund (1924) ‘The economic problem of masochism’. *S.E.* 19, pp. 157–70.

Freud, Sigmund (1926) Inhibitions, Symptoms and Anxiety. *S.E.* 20, pp. 77–175.

Geleerd, Elizabeth (1963) ‘Evaluation of Melanie Klein’s Narrative of a Child Analysis’, *Int. J. Psycho-Anal.* 44: 493–506.

Glover, Edward (1945) 'An examination of the Klein system of child psychology', *Psychoanal. Study Child* 1: 3–43.

Greenson, Ralph (1974) 'Transference: Freud or Klein?', *Int. J. Psycho-Anal.* 55: 37–48.

Grosskurth, Phyllis (1986) *Melanie Klein.* Hodder & Stoughton.

Heimann, Paula (1952) 'Notes on the theory of the life and death instincts', in Melanie Klein, Paula Heimann, Susan lsaacs and Joan Riviere, eds *Developments in Psycho-Analysis.* Hogarth, pp. 321–37.

Joseph, Betty (1978) 'Different types of anxiety and their handling in the analytic situation', *Int. J. Psycho-Anal.* 59: 223–8.

Joseph, Betty (1981) 'Towards the experiencing of psychic pain', in James Grotstein, ed. *Do I Dare Disturb the Universe?* Beverly Hills: Caesura.

Klein, Melanie (1927) 'Criminal tendencies in normal children', in *The Writings of Melanie Klein*, vol. 1. Hogarth, pp. 170–85.

Klein, Melanie (1928) 'Early stages of the Oedipus conflict', *The Writings of Melanie Klein*, vol. 1, pp. 186–98.

Klein, Melanie (1929) 'Infantile anxiety -situations as reflected in a work of art and in the creative impulse', *The Writings of Melanie Klein*, vol. 1, pp. 210–18.

Klein, Melanie (1930) 'The importance of symbol-formation in the development of the ego', *The Writings of Melanie Klein*, vol. 1, pp. 219–32.

Klein, Melanie (1931) 'A contribution to the theory of intellectual inhibition', *The Writings of Melanie Klein*, vol. 1, pp. 236–47.

Klein, Melanie (1932) *The Psycho-Analysis of Children, The Writings of Melanie Klein*, vol. 2.

Klein, Melanie (1933) 'The early development of conscience in the child', *The Writings of Melanie Klein*, vol. 1, pp. 248–57.

Klein, Melanie (1935) 'A contribution to the psychogenesis of manic-depressive states', *The Writings of Melanie Klein*, vol. 1, pp. 262–89.

Klein, Melanie (1945) 'The Oedipus complex in the light of early anxieties', *The Writings of Melanie Klein*, vol. 1, pp. 370–419.

Klein, Melanie (1946) 'Notes on some schizoid mechanisms', *The Writings of Melanie Klein*, vol. 3, pp. 1–24.

Klein, Melanie (1948) 'On the theory of anxiety and guilt', *The Writings of Melanie Klein*, vol. 3, pp. 25–42.

Klein, Melanie (1955) 'The psycho-analytic play technique: its history and its significance', *The Writings of Melanie Klein*, vol. 3, pp. 122–40.

Klein, Melanie (1957) *Envy and Gratitude, The Writings of Melanie Klein*, vol. 3, pp. 176–235.

Klein, Melanie (1958) 'On the development of mental functioning', *The Writings of Melanie Klein*, vol. 3, pp. 236–46.

Rosenfeld, Herbert (1971) 'A clinical approach to the psycho-analytical theory of the life and death instincts: an investigation into the aggressive aspects of narcissism', *Int. J. Psycho-Anal.* 52: 169–78.

Searl, M. N. (1929) 'Danger situations of the immature ego', *Int. J. Psycho-Anal.* 10: 423–35.

9. Примитивные защитные механизмы
(Primitive mechanism of defences)

ОПРЕДЕЛЕНИЕ. Примитивные (или психотические) защитные механизмы направлены против тревог, возникающих из-за действия инстинкта смерти; их нужно отличать от невротических защит, особенно вытеснения, направленных против либидо. Они определяют характер психотических (депрессивной и параноидно-шизоидной) позиций и включают в себя отрицание, расщепление, чрезмерные проекцию и интроекцию, связанные с ними идентификации, а также идеализацию. По большей части эти механизмы были описаны психоаналитиками классической школы, но Кляйн придала им особое значение, поскольку они характеризуют самые ранние фазы развития, заполняя период, который в противном случае рассматривается как безобъектная фаза первичного нарциссизма.

Вначале Кляйн, следуя Фрейду, рассматривала главным образом обсессивные защиты, которые она считала направленными против садизма. Но клинические наблюдения подталкивали ее больше заниматься примитивными механизмами, влияющими на характер объектных отношений и закладывающими основы идентичности. Так примитивные защитные механизмы заняли место обсессивных в качестве типичных защит от садизма и деструктивности. В частности, раннюю и мощную (всемогущую) проекцию Кляйн сочла проявлением гипотетически описанного Фрейдом процесса, посредством которого Эго защищает себя от инстинкта смерти.

Психотические тревоги двух типов, депрессивного и персекуторного, порождают различные наборы защит, чьими компонентами являются примитивные защитные механизмы. Наиболее ранние (от персекуторной тревоги) включают в себя аннигиляцию преследователей, исторжение (проекцию, в том числе проективную идентификацию), отрицание, бегство к хорошему объекту и расщепление. На депрессивной позиции характерны маниакальные защиты: всемогущество, отрицание, триумф и окрашенный презрением контроль.

ХРОНОЛОГИЯ

1895 Фрейд (проекция).
1911 Ференци (интроекция).
1924 Циклы интроекции — проекции, описанные Абрахамом.
1930 Понимание Кляйн исторжения и инкорпорации как (a) развития Эго и (b) восприятия и действия (Кляйн М. «Значение формирования символа в развитии Эго», 1930).

1932 Первичная проекция инстинкта смерти (Кляйн М. «Психоанализ детей», 1932).

1946 Проективная идентификация и расщепление Эго (Кляйн М. «Заметки о некоторых шизоидных механизмах», 1946; Бион У. «Различие психотических и непсихотических личностей», 1957).

Примерно в 1930 году Кляйн заинтересовалась психологическими защитами и разделила их на две категории: «психотические» и «невротические». Она стала заниматься только защитами первого типа и уделяла им тем больше внимания, чем глубже вникала в проблематику тяжелых расстройств и первых стадий развития ребенка. В развитии ее взглядов на защиты можно вычленить несколько фаз:

(i) 1930–1935: специфические защиты, направленные против агрессии;

(ii) 1935–1946: особая совокупность защит на депрессивной позиции;

(iii) 1946 и далее: особые защиты от страха аннигиляции на параноидно-шизоидной позиции, в первую очередь — проективная идентификация;

(iv) 1957: защиты от зависти.

Поскольку Кляйн открыла метод модификации тревоги с помощью прямой интерпретации на уровне максимальной тревоги, она меньше интересовалась защитами от тревоги, чем содержанием тревожных фантазий. По сути, это стало предметом спора между ней и Анной Фрейд, которая больше интересовалась защитами, чем лежащей за ними тревогой.

ОСОБЫЕ ЗАЩИТЫ ОТ АГРЕССИВНЫХ ИМПУЛЬСОВ. Тем не менее, в 1930 году Кляйн обратила внимание на психотические проявления у детей и поняла, что защиты при этом чрезвычайно сильны. Обнаружив у Фрейда (Freud, 1926) фрагмент, где он размышлял о вероятном существовании особых ранних защит, Кляйн решила показать, что ее игровая техника может прояснить этот вопрос относительно детского развития:

> «Может оказаться, что до своего явного раскола на Эго и Ид и до формирования Супер-Эго психический аппарат использует методы защиты, отличные от тех, что применяются после достижения этих стадий организации» (Freud, 1926, p. 164).

Актуальные клинические данные анализа детей позволили Кляйн заполнить пробел в знаниях об этом раннем периоде развития. «Эта защита, — пишет Кляйн в связи с цитированным фрагментом работы Фрейда, — соответствуя степени садизма, носит насильственный характер и фундаментально отличается от более позднего механизма вытеснения» (Klein, 1930, p. 220). Она связывает особый характер детских параноидных тревог с особыми защитами, действующими в раннем детстве, — защитами, сильно отличающимися от вытеснения, с которым в основном имеет дело анализ взрослых:

> «Только на поздних стадиях Эдипова конфликта становится заметной защита от либидинозных импульсов, на ранних же стадиях защита направлена против сопровождающих этот конфликт деструктивных импульсов. /.../ Эта защита носит насильственный характер, отличающий ее от механизма вытеснения» (Klein, 1930, p. 232).

Это важный момент в развитии теории Кляйн.

С этого времени Кляйн много занимается самыми ранними защитами и все так же относительно мало интересуется вытеснением и «невротическими защитами». В противовес им она называет очень ранние защиты «психотическими защитами» или *примитивными защитными механизмами*. Кляйн связывает их с открытыми ею у некоторых детей тревогами, которые по интенсивности приближаются к психотическим и обладают психотическим качеством — параноидностью [см. ПАРАНОЙЯ]. Примитивные защиты начинают интересовать Кляйн еще больше, когда она приходит к пониманию, что идеи Фрейда о раннем действии проекции могут разрешить проблему происхождения Супер-Эго, которая потребовала столь тщательного изучения и в связи с которой ее столько критиковли. Исследования Супер-Эго позволили Кляйн описать проекцию как «очевидно, самую раннюю меру защиты со стороны Эго» (Klein, 1930, p. 232) [см. 7. СУПЕР-ЭГО].

Всемогущество. Одна из наиболее важных характеристик примитивных защитных механизмов — качество всемогущества, приводящее к серьезным изменениям в структуре психики и личности. Эти механизмы связаны с воздействием примитивных и бессознательных фантазий на содержание самости и внешнего мира, как это происходит при отрицании, проекции и интроекции [см. ВСЕМОГУЩЕСТВО].

ПСИХОТИЧЕСКАЯ ТРЕВОГА. Кляйн рано обнаружила, что фантазии, воплощаемые в игре, восходят к ранним фазам (особенно к оральной), где превалирует садизм. Это помогло ей открыть у детей параноидные состояния, которые наполнены тревогой (связанной с примитивным внутренним насилием) и родственны по своему характеру и последствиям психотичес-

ким состояниям у взрослых [см. ПАРАНОЙЯ; 8. РАННИЕ СИТУАЦИИ ТРЕВОГИ]. Кляйн дала описание порочных кругов, формирующих основание паранойи. Ответные нападения на преследователей делают их более, а не менее вредоносными, поскольку в фантазии предполагается, что ответное насилие еще больше их распаляет. Порочный круг такого типа представляет собой параноидное состояние враждебности, сопровождаемое чрезвычайной подозрительностью к любым «хорошим» фигурам. Действие этих механизмов вызывает дальнейшее чрезмерное использование примитивных защитных механизмов, истощение Эго и фиксацию на этой структуре защит, что приводит к постоянному риску регрессии к психозу.

Особые защиты. Вначале вслед за Абрахамом (Abraham, 1924) Кляйн считала *обсессивные механизмы* наиболее подходящими для защиты от садистических импульсов [см. ОБСЕССИВНЫЕ ЗАЩИТЫ]. Клинические наблюдения показывали, что маленькие пациенты Кляйн прибегали к обсессивным формам контроля и управления своими тревогами и импульсами с помощью разнообразных ритуалов. Но довольно скоро за этими обсессивными симптомами она увидела психотичность. Например, об анализе маленькой Эрны, который проводился примерно в 1925 году, Кляйн пишет: «в ходе анализа я обнаружила, что тяжелый обсессивный невроз маскировал паранойю» (Klein, 1927, p. 160n). Поэтому она стала больше интересоваться механизмом проекции, который, как показал Фрейд, используется при паранойе (Freud, 1911), а также механизмом интроекции (Abraham, 1924).

Ранние психические процессы. Тогда как обсессивные механизмы обеспечивают контроль, механизмы проекции и интроекции играют важную роль в развитии чувства самости и идентичности и фактически в самом образовании внутреннего мира [см. ПРОЕКЦИЯ; ИНТРОЕКЦИЯ]. Кляйн опиралась на фрагмент работы Фрейда, где было кратко описано развитие чувства самости и природа обоих механизмов — проекции и интроекции:

> «Функция суждения в основном касается двух типов решений. Она подтверждает или отрицает, что вещь обладает тем или иным конкретным атрибутом; и она декларирует или оспаривает, что представление существует в реальности. Атрибут, о котором выносится суждение, может исходно быть хорошим или плохим, полезным или вредоносным. На языке наиболее древних — оральных — импульсов влечений, суждение гласит: “Мне хотелось бы это съесть”, или “Мне хотелось бы это выплюнуть”; или, в более общем виде: “Мне хотелось бы это поместить в себя, а это оставить снаружи”. То есть: “Это должно быть внутри меня” или “это должно быть снаружи”. Как я уже показал, исходное Эго удовольствия стремится интроецировать все хорошее и вытолкнуть из себя все плохое» (Freud, 1925, p. 237).

Суммарное действие механизмов проекции и интроекции способствует построению внутреннего мира объектов [см. ВНУТРЕННЯЯ РЕАЛЬНОСТЬ] и возникновению чувства самости.

ПРИМИТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ЗАЩИТЫ. Кляйн была не единственным аналитиком, кто вслед за Абрахамом изучал проекцию и интроекцию (см., например, Hárnik, 1932). Но идеи Кляйн были очень своеобразны и в итоге отклонились от классических концепций. Кляйн подчеркивала связи между механизмами и фантазиями, и, подытоживая эти исследования, Стивен (Stephen, 1934) описывала в большей степени отношение защитных механизмов к эмоциональным состояниям и объектам, чем к импульсам.

Проекция. Термин «проекция» используется по-разному [см. ПРОЕКЦИЯ]: в частности, в значении экстернализации внутреннего конфликта или экстернализации смертельно опасного враждебного объекта, при которой агрессия обращена вовне:

(i) Следуя Фрейду, Кляйн приписывала главную роль в существовании Эго проекции: «Проекция /.../ происходит из отклонения инстинкта смерти вовне и, на мой взгляд, помогает Эго преодолеть тревогу посредством избавления его от опасности и плохости» (Klein, 1946, p. 6). Таким образом, проекция имеет решающее значение в исходной защите Эго от тревоги, которая с самого начала возникает в отношении выживания.

(ii) В ходе исследований символизации Кляйн открыла, что к игре побуждает, в частности, облегчение от экстернализации болезненных внутренних ситуаций. Вначале эти ситуации теоретически рассматривались как отношения взаимного мучения Эго и Супер-Эго:

> «Распределением ролей ребенок добивается выталкивания отца и матери, которых, в ходе переработки Эдипова комплекса, он абсорбировал в себя и которые теперь мучают его изнутри своей суровостью» (Klein, 1926, p. 133).

Понимание проекции как экстернализации внутренних конфликтов (Klein, 1927) опиралось на идею Фрейда о происхождении криминальных наклонностей от чувства вины (Freud, 1916). Экстернализация внутреннего конфликта (в игру, например) позволяет избежать истязающей жестокости внутренних объектов [см. 7. СУПЕР-ЭГО]:

> «Его [ребенка. — *Прим. перев.*] тревога усиливает компульсивное повторение, а потребность в наказании содействует компульсивности (которая теперь очень возрастает) в получении реального на-

казания, чтобы тревога могла быть смягчена взысканием менее суровым, чем ожидаемое из-за ситуации тревоги» (Klein, 1929, p. 214).

Интроекция. Ференци (Ferenczi, 1909) полагал, что интроекция осуществляется *посредством* идентификации, и это представление Фрейд как будто бы воспроизвел в своей работе о скорби (Freud, 1917), где он использовал термин «идентификация» для обозначения того, что мы бы сейчас назвали интроекцией. Сегодня интроекция и идентификация рассматриваются как независимые механизмы, которые иногда действуют совместно. Но попытки развести интроекцию и идентификацию иногда оказывались внутренне противоречивыми, а иногда — сугубо идиосинкразичными (Fuchs, 1937; de Saussure, 1939; Alice Balint, 1943). В кляйнианской традиции развитие внутреннего мира как пространства, в которое объекты попадают, которое покидают и в котором устанавливают самостоятельные отношения друг с другом, достигло высокой степени формализации [см. 5. ВНУТРЕННИЕ ОБЪЕКТЫ] (Klein, 1935, 1940).

Фрейд описал защитную функцию интроекции в 1917 году, когда показал, что внешний объект может оказываться идентифицированным с Эго, или частью Эго, и таким образом может установиться внутреннее с ним отношение. Тогда Фрейд называл это явление идентификацией, хотя сейчас мы назвали бы его *интроективной идентификацией*. Это один из видов интроекции, когда интернализованный объект идентифицируется с частью Эго. Однако существует и альтернативная ситуация, при которой объект остается отделенным от внутреннего мира «как инородное тело» (Klein, 1946, p. 9n). Здесь нужно не забывать о важном различении внутреннего (то есть интроецированного) объекта, который прошел ассимиляцию, и того, который не прошел [см. ИНТРОЕКЦИЯ; АССИМИЛЯЦИЯ].

Кроме того, как пишет Кляйн, «тесно связаны с проекцией и интроекцией некоторые другие механизмы /.../: расщепление, идеализация и отрицание» (Klein, 1946, p. 6).

Расщепление. Расщепление имеет ряд форм. Этот механизм изначально был определен неточно, но сегодня его можно систематически описать при помощи двух критериев: (i) происходит ли расщепление объекта или расщепление Эго; (ii) является ли расщепление согласованным (например, на хорошее и плохое) или же фрагментирующим. Таким образом, имеем четыре возможных типа расщепления: согласованное расщепление объекта, согласованное расщепление Эго, фрагментация объекта и фрагментация Эго [см. РАСЩЕПЛЕНИЕ]. На практике разграничение этих форм может быть менее четким, поскольку, как говорит Кляйн: «Эго не способно к расщеплению объекта без соответствующего расщепления, происходящего внутри Эго» (Klein, 1946, p. 6) [см. РАСЩЕПЛЕНИЕ].

Идеализация. Идеализация состоит из нескольких шагов:

> «Как правило, мы обнаруживаем, что при идеализации хорошего объекта он удерживается как можно дальше от преследующего плохого объекта, чтобы их нельзя было спутать. Этому защитному процессу сопутствует механизм отрицания, который, в свою очередь, поддерживается всемогуществом: именно всемогущее отрицание способно полностью отвергать существование плохих объектов. /.../ В бессознательном этот процесс эквивалентен уничтожению беспокоящего объектного отношения целиком, и потому очевидно, что он включает в себя отрицание не только плохого объекта, но также важной части Эго, вовлеченной в отношения с этим объектом» (Rosenfeld, 1983, p. 262) [см. ИДЕАЛЬНЫЙ ОБЪЕКТ].

Одна из проблем — невозможность для идеального объекта оставаться совершенным. Всякое возникающее несовершенство (ощущение боли или фрустрации) приводит к резкому его превращению в «плохой» объект. Относительная устойчивость возникает только с приближением депрессивной позиции, когда развивается некоторая терпимость к несовершенству «хорошего» объекта.

Отрицание. Как часть идеализации отрицание представляет собой важный механизм. Но у него есть и независимая функция. На очень ранних стадиях Эго отрицание выступает фантазией уничтожения восприятия и частей Эго [см. СВЯЗЬ].

Идентификация. Этот механизм чрезвычайно важен в формировании ощущения личного мира, внутреннего и внешнего. Способность переживать личную идентичность, принадлежность объектов к Эго — это основа психологического существования и чувства самости. Идентификация, согласно Кляйн, может происходить благодаря связанным с ней механизмам интроекции или проекции [см. ИДЕНТИФИКАЦИЯ; 13. ПРОЕКТИВНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ].

ЗАЩИТЫ ОТ ПАРАНОЙИ. До 1946 года Кляйн опиралась на идею о параноидной позиции и считала основной защитой от тревоги, возникающей вследствие угроз со стороны плохих объектов, импульсы, направленные на разрушение объекта: «защитами от этих страхов преимущественно является разрушение преследователей насильственными или скрытыми и коварными методами» (Klein, 1940, p. 348) [см. 8. РАННИЕ СИТУАЦИИ ТРЕВОГИ]. Кляйн описывала мощную агрессию в детской игре и попытки детей с ней справиться как проявление отношений с плохим объектом. Сама агрессия,

однако, влекла за собой дальнейшие тревоги — как правило, связанные с возмездием, — и вызывала дальнейшие ожидания возрастания насилия со стороны объектов, что приводило к нагнетанию враждебности:

> «Эта защита, соответствуя степени садизма, носит насильственный характер. /.../ По отношению к собственному садизму субъекта эта защита предполагает исторжение, а по отношению к объекту — разрушение. /.../ Объект нападения становится источником опасности, поскольку субъект боится подобных — ответных — атак с его стороны» (Klein, 1930, p. 220).

Это закладывает основание порочного круга, в котором враждебные отношения порождают страх и агрессию, грозя возмездием и усилением страха: «Таким образом, совершенно неразвитое Эго сталкивается с задачей, на этой стадии находящейся целиком за пределами его возможностей, — задачей преодоления тяжелейшей тревоги» (Klein, 1930, p. 220).

Враждебное нападение, направленное на аннигиляцию преследователя, может усиливаться путем выталкивания внутреннего состояния во внешний мир, с целью аннигилировать объект (теперь уже внешний): «У ребенка в процессах интроекции и проекции /.../ превалируют укрепляющие друг друга агрессия и тревоги» (Klein, 1940, p. 348); это вызывает дальнейшие попытки защититься от подобных фантазийный ситуаций: «различные типы защит, присущие раннему Эго, — как, например, механизмы расщепления объекта и импульсов, идеализации, отрицания внутренней и внешней реальности, сдерживания эмоций» (Klein, 1946, p. 2). Все эти потенциально насильственные защитные механизмы в очень раннем возрасте фактически обостряют чувство преследования, что приводит к возникновению порочного круга.

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРИМИТИВНЫХ ЗАЩИТ. После 1932 года теория Кляйн обрела бóльшую стройность благодаря определению направленности примитивных защитных механизмов против инстинкта смерти. Как правило, тревоги, вызванные инстинктом смерти, могут обретать следующие формы: (1) депрессивные тревоги, связанные с депрессивной позицией и включающие в себя острое чувство вины; (2) параноидные тревоги перед нападением и распадом на части (шизоидные). От каждой из этих тревог есть особые защиты и совокупности защит (позиции). Кроме того, существует тревога, исходящая от зависти — агрессии, направленной на *хороший* объект, в противоположность параноидной агрессии, направленной на плохой объект. В последнее время интерес к структуре защит стал возрастать, благодаря включению в анализ пограничных, нарциссических или шизоидных личностей [см. СТРУКТУРА].

Защиты на депрессивной позиции. Интерес Кляйн к очень ранним параноидным страхам ослабел в 1935 году, когда она осознала значение «хорошего» внутреннего объекта и его судьбы. Центральным моментом ее описания внутреннего мира, населенного внутренними объектами [см. ВНУТРЕННЯЯ РЕАЛЬНОСТЬ; 5. ВНУТРЕННИЕ ОБЪЕКТЫ], была необходимость поддержания хорошего и надежного внутреннего объекта [см. 10. ДЕПРЕССИВНАЯ ПОЗИЦИЯ] (Klein, 1935). Тревога утраты любимого внутреннего объекта провоцирует особые формы защиты — в частности, параноидную защиту от депрессивной тревоги, маниакальные защиты и репарацию.

Тревога депрессивной позиции соотносится «с опасностями, которые поджидают объект внутри Эго» (Klein, 1935, p. 265), поскольку «Эго становится идентифицированным с его хорошими интернализованными объектами». Более того, «Эго больше использует интроекцию *хорошего* объекта в качестве механизма защиты. Это связано с другим важным механизмом — механизмом репарации», и попутно «механизмы исторжения и проекции теряют свое значение». Таким образом, для этой фазы характерна *интроекция*, а также решающее побуждение к восстановлению объекта — *репарация*.

Параноидная защита от депрессивной позиции. Кляйн убедилась, что депрессивная позиция возникает в очень тесной связи с предшествующими состояниями паранойи и из них вытекает, и затем пришла к выводу о существовании неустойчивости, при которой вновь и вновь происходит бегство от депрессивной позиции, когда депрессивные тревоги становятся слишком сильными. В этом случае «параноидные страхи и подозрения укрепляются в качестве защиты от депрессивной позиции» (Klein, 1935, p. 274) [см. ПАРАНОИДНАЯ ЗАЩИТА ОТ ДЕПРЕССИВНОЙ ТРЕВОГИ]. А затем снова наступает продвижение к депрессивной позиции и способности переносить депрессивную тревогу (Joseph, 1978, 1981) [см. Ps-D].

Самоубийство — это радикальная форма «защиты», направленная на «разрушение /.../ части Эго, которая идентифицирована с плохими объектами и Ид» (Klein, 1935, p. 276). В свете дискуссии с психоаналитиками классических взглядов о направленной на себя деструктивности как доказательстве существования инстинкта смерти несколько удивляет, что кляйнианцы столь мало уделяют внимания суицидальным идеям, фантазиям и поведению.

Маниакальные защиты. Маниакальная защита (подобно параноидной) — это попытка избежать исключительно болезненного чувства вины на начальном этапе депрессивной позиции. Фактически, маниакальная защита представляет собой собрание защит: отрицание физической реальности и потому значимости любимых и принятых внутрь объектов, опорочивающее презрение к любимым объектам, для того чтобы их утрата не переживалась как значимая, триумфальная и всемогущая форма всеобщего исправления. Все это средства минимизации чувств утраты и вины [см. МАНИАКАЛЬНЫЕ ЗАЩИТЫ].

Репарация. Концепция репарации в системе взглядов Кляйн во многом наследовала понятию обсессивных защит, в частности, защиты, известной как «уничтожение сделанного» («undoing»), когда предпринимается попытка в точности компенсировать разрушительное действие (реальное или воображаемое) и таким образом восстановить ранее существовавшую ситуацию. Репарация в известной мере заняла место понятия сублимации — то есть здоровой разрядки инстинктов в измененной форме по социально принятым, предусмотренным обществом каналам. Иначе говоря, репарация для Кляйн является важной формой сублимации: «сублимацией» вины в конструктивное действие [см. РЕПАРАЦИЯ].

Защиты на параноидно-шизоидной позиции. В 1946 году Кляйн описала параноидно-шизоидную позицию [см. 11. ПАРАНОИДНО-ШИЗОИДНАЯ ПОЗИЦИЯ]. В качестве первичной тревоги она выделила страх аннигиляции — страх перед инстинктом смерти, функционирование которого внутри субъекта направлено на аннигиляцию Эго. Происходит сбой в отклонении инстинкта смерти на внешний объект, и результатом становится страх внутреннего преследователя, изнутри добивающегося смерти субъекта. Вследствие этих фантазий — когда они особенно сильны и когда защиты неспособны адекватно справляться с тревогой — возникают разнообразные переживания распада на части и фрагментации самости или ипохондрические страхи перед смертоносным объектом внутри, например, канцерофобия. Преобладающим защитным маневром служит проекция, стремящаяся довершить отклонение инстинкта смерти, а затем разместить преследователя во внешнем мире — в отличие от депрессивной позиции, когда на первый план выходит интроекция.

Кляйн подчеркивала значение расщепления на параноидно-шизоидной позиции, но в его специфической форме — расщепления Эго. Такое расщепление отличается от расщепления объектов [см. РАСЩЕПЛЕНИЕ], при котором объект сводится к единственной функции (тогда это частичный объект) или ему приписываются только хорошие (или только плохие) характеристики — тогда это идеализированный объект (или объект-преследователь). В какой-то мере проблемы этого раннего периода только усугубляются использованием процессов расщепления:

> «... раннее Эго активно расщепляет объект и отношение к нему, и это может подразумевать некоторое активное расщепление самого Эго. Поэтому одним из последствий становится переживание Эго фрагментации, распада на куски» (Klein, 1946, p. 5).

Многие из этих защитных процессов приводят к ослаблению или фрагментации самого Эго, особенно такие:

(i) расщепление и руководящие им импульсы, происходящие от оральных импульсов кусания и жевания;

(ii) идеализация хороших сохранившихся фрагментов, сопровождаемая отрицанием и уничтожением плохих объектов и их исторжением:

> «Всемогущее отрицание /.../ в бессознательном эквивалентно уничтожению посредством деструктивного импульса. Но при этом подвергаются отрицанию и уничтожению не только ситуация и объект — та же судьба ожидает *объектное отношение* и, следовательно, — часть Эго, из которой исходили чувства к объекту» (Klein, 1946, p. 7);

(iii) проективная идентификация, приводящая к утрате частей самости:

> «Вместе с этими вредоносными экскрементами, исторгнутыми в ненависти, на мать, или, я скорее сказала бы, *внутрь* матери, также проецируются и отщепленные части Эго. Предназначение этих экскрементов и плохих частей самости — не только повреждать, но также контролировать объект и овладевать им» (Klein, 1946, p. 8) [см. 13. ПРОЕКТИВНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ].

Другие защиты на параноидно-шизоидной позиции связаны с проективной идентификацией — в частности, расщепление объекта и Эго. С этим связано и первичное расщепление на плохой и хороший объект. Чтобы возникли такие поляризованные состояния любви и ненависти, первичные инстинкты (либидо и инстинкт смерти) подвергаются расслоению (defused). В примитивном механизме *идеализации* происходит разделение объекта на предполагаемо хорошие и плохие части. Плохие части затем проецируются и/или отрицаются, так что для Эго сохраняется только хороший объект, лишенный каких бы то ни было плохих аспектов (идеализированный объект), а угроза Эго со стороны какого-либо плохого объекта устраняется (отрицание и проекция) (Rosenfeld, 1983) [см. ИДЕАЛИЗАЦИЯ].

Защиты от зависти. В 1957 году Кляйн ввела свое последнее значительное теоретическое понятие — зависть [см. 12. ЗАВИСТЬ]. Она разработала его благодаря своему интересу к шизофреникам и изучению чрезвычайно примитивных форм агрессии против хорошего (или идеализированного) объекта [см. ОБЪЕКТЫ]. Кляйн интересовали манифестации защит, которые ребенку надлежит использовать с самого начала образования Эго. Зависть возникает потому, что ребенку от рождения даны либидо и инстинкт смерти, а также из-за их некоторой спутанности. Младенцу нужно немедленно обособить эти два полярных импульса, и он добивается этого с помощью наиболее раннего процесса расщепления. Здесь возникает тот первый момент, когда что-то может сложиться неправильно и где берут начало определенные формы патологии [см. ПСИХОЗ; СОСТОЯНИЯ СПУ-

ТАННОСТИ; НАРЦИССИЗМ]. Среди используемых защит наиболее заметно быстрое обособление двух данных типов инстинктивных импульсов, что равнозначно нормальной форме расщепления, существенно важной для выживания.

Кляйн (Klein, 1957, pp. 216–219) подробно описала другие защиты [см. 12. ЗАВИСТЬ]: всемогущество, отрицание и расщепление, спутанность (confusion); бегство от первичного объекта, обесценивание объекта и, парадоксальным образом, обесценивание самости; жадная интернализация объекта, возбуждение зависти в других, сдерживание чувства любви и соответствующая интенсификация ненависти; и, наконец, особая форма отыгрывания вовне, впоследствии исследованная Розенфельдом (Rosenfeld, 1952). С последним феноменом в какой-то мере соотносится защита, описанная Сигал (Segal, 1962) как отщепление первичной зависти в неинтегрированное состояние [см. 12. ЗАВИСТЬ]. В этом списке защит Кляйн перечислила характерные организации типических примитивных защитных механизмов, которые можно обнаружить на депрессивной или параноидной позициях.

ФИКСАЦИЯ И РАЗВИТИЕ. Кляйн часто говорила, что действие защитных механизмов может иметь вредные последствия. Она отмечала порочные круги, особенно в отношении очень ранних параноидных состояний, когда враждебные действия Эго для избежания опасности только усиливали ее [см. 8. РАННИЕ СИТУАЦИИ ТРЕВОГИ; ПАРАНОЙЯ].

Защиты и импульсы. Более сложная проблема кроется в том, что процессы, которые выглядят как нормальное выражение инстинктивных импульсов, могут также быть описаны как защиты от инстинктивных импульсов. Это отношение между защитами Эго и импульсами Ид чрезвычайно значимо в некоторых направлениях психоанализа, но не для кляйнианской школы. Термины «проекция» и «интроекция» используются без уточнения, указывают ли они на проявление нормального процесса (инкорпорацию или исторжение, которые обнаруживаются в нормальных процессах восприятия), или на защитные проявления, «злоупотребления», как называл это Фрейд.

Подобная установка усложняется, в частности, еще и тем, что психоаналитические теории «нормальной» психологии вытеснены из поля зрения теориями анормального. Хотя в эго-психологии существует теория нормальной адаптации, такая адаптация все еще видится как бесконфликтная и потому выходит за пределы интересов психоанализа. Разведение нормального и ненормального остается камнем преткновения и для кляйнианских теорий, и для других психоаналитических школ. Бион ввел важное различение всемогущих механизмов и более умеренного функционирования механизмов защиты [см. ВСЕМОГУЩЕСТВО].

Установить, используется ли тот или иной психический механизм в целях защиты или удовлетворения импульсов, возможно лишь с опорой на клинический материал. Например, проекция внутреннего преследователя во внешний мир игровой комнаты, с точки зрения Кляйн, является важной защитой, поскольку превращает внутреннюю угрозу во внешнюю, с которой легче справиться. Однако в то же время проекция сама по себе может быть нападением на внешнего преследователя.

Защиты и развитие. Вдобавок эти механизмы и как инстинктивные импульсы, и как защиты являются строительными блоками в развитии Эго. Интроекция, например, — это важнейший, единственный в своем роде, механизм развития, поскольку представляет собой способ, благодаря которому хороший объект «становится центральным узлом в Эго и способствует общей связности Эго» (Klein, 1946, p. 9):

> «Но орально-садистические желания младенца, действующие с начала его жизни и легко возбуждаемые фрустрацией, исходящей от внешних и внутренних источников, неизбежно вновь и вновь вызывают чувство, что грудь разрушена и ее фрагменты находятся внутри него, и это стало результатом его жадных, поглощающих атак. Эти два аспекта интроекции существуют бок о бок» (Klein, 1952, p. 67).

Эти интроекции по сути выстраивают Эго на основании накопления атрибутов объектов в самости; а проекция лишает Эго в фантазии (и потому в реальности) определенных атрибутов, не признаваемых своими.

Нормальная и анормальная проективная идентификация. Позднее Бион (Bion, 1959) исследовал проективную идентификацию, стремясь выявить нормальную и анормальную ее форму в зависимости от степени враждебности и деструктивности, свойственных тому психическому состоянию, в котором проективная идентификация совершается. В своей более нормальной форме проективная идентификация устанавливает основу для сообщения объекту состояния души субъекта. Это имеет большое значение в интерперсональном поле младенца и матери, а также пациента и аналитика [см. 13. ПРОЕКТИВНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ].

Таким образом, данные примитивные защитные механизмы выполняют четыре функции Эго:

(i) защиты от тревоги и боли;

(ii) разрядки прегенитальных импульсов, оральных и анальных;

(iii) шага в развитии Эго благодаря интроективной идентификации с объектом, зачастую сформированным проективными процессами;

(iv) невербальной коммуникации эмоциональных состояний.

Вытеснение. Время от времени Кляйн подчеркивала различие между примитивными защитными механизмами и вытеснением. Она считала вытеснение позднейшей модификацией механизма расщепления, отщеплением сознания от бессознательного. В одной работе она описывает варьирующиеся степени этого расщепления, приводящие к более или менее проницаемым формам вытеснений [см. ВЫТЕСНЕНИЕ]. На одном конце спектра — горизонтальная форма расщепления психики, при котором каждая часть обладает элементом Эго, находящимся в частичном взаимоотношении с частичным объектом, на другом — вертикальное разделение психики на бессознательный, предсознательный и сознательный слои (топографическая модель) [см. ВЫТЕСНЕНИЕ].

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ КРИТИКИ КЛЯЙНИАНСКОЙ ТЕОРИИ ЗАЩИТ. Внимание к этим примитивным механизмам зависит от признания значимости первичной деструктивности как определяющего фактора (a) в создании тревоги, и (b) в торможении или преждевременном ускорении нормального поступательного развития либидо.

Раннее Эго. Поставив перед собой задачу анализировать структуры и функции Эго (Anna Freud, 1936; Hartmann, 1939), эго-психологи со временем обнаружили, что кляйнианцы, сосредоточившись на ранних функциях Эго, их в какой-то степени опередили. Представленные Кляйн описания наиболее ранних аспектов Эго в отдаленный и туманный период первого года жизни обесценивали сосредоточенность эго-психологов на позднейших фазах, когда Эго больше проявляется в поведении [см. ЭГО-ПСИХОЛОГИЯ].

Эго-психологи доказывают, что первый год жизни характеризуется аутоэротическими и нарциссическими состояниями, в которых функции Эго более или менее отсутствуют. Поэтому не может быть никаких объектных отношений, никаких интегративных функций Эго, и не может начаться никакая фантазийная жизнь; Эго не существует.

Отстаивать отрицательное суждение было сложно. Научные психологические исследования первых недель и месяцев жизни склоняли скорее к выводам о рано проявляющейся сложности когнитивных процессов младенца (Chamberlain, 1987). Немало было известно об этом уже в 1940-х годах (Middlemore, 1941; см. также примечание 2 к главе 3 в Isaacs, 1952). Известно обширное исследование Малер и ее сотрудников, основанное на психо-

аналитическом подходе (Mahler at al., 1975), хотя их интерпретации своих наблюдений вызвали затем сомнения (Stern, 1985). Все это не обязательно подтверждает кляйнианскую точку зрения, поскольку теория бессознательной фантазии больше касается развития эмоционального отношения к объекту, чем сложности когнитивных или перцептивных процессов. Массу литературы следует пересмотреть и истолковать, прежде чем она может пригодиться при решении вопроса, лишен объектов мир младенца или же наоборот. Работы Мюррей об аффективных пертурбациях взаимоотношений мать — младенец (см., например, Murray and Trevarthen, 1985; Murray, 1987) обещают внести ясность в этот вопрос.

Недооценка позднейшего развития. От эго-психологов исходят упреки в недооценке и пренебрежении позднейшими защитными механизмами и позднейшими аспектами развития Эго, его структуры и функций, вследствие постоянного сведения всех позднейших процессов к формам ранних механизмов. При акценте на этих примитивных функциях Эго возникает опасение, что психоаналитическая теория и терминология в целом может рассыпаться в прах, поскольку все подвергается переформулировке в терминах ранних процессов. Немало упреков связано со слиянием терминов, когда все в конечном итоге объясняется примитивными процессами. Гловера (Glover, 1945) особенно раздражало, что процесс, вызывающий возникновение Эго и запускающий его развитие (интроекция), сам оказывался функцией Эго, и он насмехался над внутренней противоречивостью такого подхода.

Младенец-психотик. Шмидеберг (Schmideberg, 1931) считала, что примитивные защитные механизмы — это наблюдаемые у пациентов-психотиков (например, страдающих от маниакально-депрессивных расстройств, по определению Абрахама [Abraham, 1924]) пережитки ранних механизмов, которые в норме абсорбируются позднейшими функциями Эго и теряют все свое значение. Возникало подозрение, что психотические по сути процессы кляйнианцы приписывают психически нормальным младенцам; более того, откровенно психотический характер приписывался бессознательному взрослых: характер остаточного, неприкосновенного психотического «анклава» (Glover, 1945).

Кляйн (Klein, 1946) отрицала обвинения, что она смешивает «примитивное» с «психотическим» и всех детей считает психотиками (Klein, 1929, 1930). Ее описания совокупностей примитивных защит на депрессивной и параноидно-шизоидной позициях оставались уязвимыми перед обвинениями в том, что все дети рассматриваются как психотики, пока Бион и другие кляйнианцы не разграничили психотическое и непсихотическое использование этих примитивных механизмов [см. ВСЕМОГУЩЕСТВО; СВЯЗЬ; 13. ПРОЕКТИВНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ].

Abraham, Karl (1924) 'A short study of the development of the libido', in Karl Abraham (1927) *Selected Papers on Psycho-Analysis*. Hogarth, pp. 418–501.

Balint, Alice (1943) 'Identification', *Int. J. Psycho-Anal.* 24: 97–107.

Bion, Wilfred (1957) 'Differentiation of the psychotic from the non-psychotic personalities', *Int. J. Psycho-Anal.* 38: 266–75; republished (1967) in W. R. Bion, Second Thoughts. Heinemann, pp. 43–64.

Bion, Wilfred (1959) 'Attacks on linking', *Int. J. Psycho-Anal.* 40: 308–15; republished (1967) in *Second Thoughts*, pp. 93–109.

Bion, Wilfred (1962) *Learning from Experience*. Heinemann.

Chamberlain, David (1987) 'The cognitive newborn: a scientific update', *Br. J. Psychother.* 4: 30–71.

Ferenczi, Sandor (1909) 'Introjection and transference', in Ferenczi (1952) *First Contributions to Psycho-Analysis*. Hogarth, pp. 35–93; previously published (1908) as 'Introjektion und Ubertragung', *Jahrbuch der Psychoanalytische und Psychopathologische Forschung* 1: 422–57.

Freud, Anna (1936) *The Ego and the Mechanisms of Defence*. Hogarth.

Freud, Sigmund (1911) 'Psycho-analytic notes on an autobiographical account of a case of paranoia', in James Strachey, ed. *The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud*, 24 vols. Hogarth, 1953—73. vol. 12, pp. 3–82.

Freud, Sigmund (1916) 'Some character-types met with in psycho-analytic work: III Criminals from a sense of guilt'. *S.E.* 14, pp. 332–3.

Freud, Sigmund (1917) 'Mourning and melancholia'. *S.E.* 14. pp. 237–60.

Freud, Sigmund (1925) 'Negation'. *S.E.* 19, pp. 235–9.

Freud, Sigmund (1926) *Inhibitions, Symptoms and Anxiety. S.E.* 20, pp. 77–175.

Fuchs (Foulkes), S.H. (1937) 'On identification', *Int. J. Psycho-Anal.* 18: 269–93.

Glover, Edward (1945) 'An examination of the Klein system of child psychology', *Psychoanal. Study Child* 1: 3–43.

Hárnik, J. (1932) 'On introjection and projection in the mechanism of depression', *Int. J. Psycho-Anal.* 13: 425–32.

Hartmann, Heinz (1939) *Ego Psychology and the Problem of Adaptation*. New York: International Universities Press.

Heimann, Paula (1955) 'Certain functions of introjection and projection in early infancy', in Melanie Klein, Paula Heimann, Susan Isaacs and Joan Riviere, eds *Developments in Psycho-Analysis*. Hogarth, pp. 122–68.

Isaacs, Susan (1952) 'On the nature and function of phantasy', in Melanie Klein, Paula Heimann, Susan Isaacs and Joan Riviere, eds *Developments in Psycho-Analysis*. Hogarth, pp. 67–121; previously published (1948) *Int. J. Psycho-Anal.* 29: 73–97.

Joseph, Betty (1978) 'Different types of anxiety and their handling in the analytic situation', *Int. J. Psycho-Anal.* 59: 223–8.

Joseph, Betty (1981) 'Toward the experiencing of psychic pain', in James Grotstein, ed. (1981) *Do I Dare Disturb the Universe?* Beverly Hills: Caesura, pp. 93–102.

Klein, Melanie (1926) 'The psychological principles of early analysis', in *The Writings of Melanie Klein*, vol. 1. Hogarth, pp. 128–38.

Klein, Melanie (1927) 'Symposium on child analysis', *The Writings of Melanie Klein*, vol. 1, pp. 139–69.

Klein, Melanie (1929) 'Infantile anxiety-situations reflected in a work of art and in the creative impulse', *The Writings of Melanie Klein*, vol. 1, pp. 210–18.

Klein, Melanie (1930) 'The importance of symbol-formation in the development of the ego', *The Writings of Melanie Klein*, vol. 1, pp. 2 19–32.

Klein, Melanie (1932) *The Psycho-Analysis of Children, The Writings of Melanie Klein*, vol. 2.

Klein, Melanie (1933) 'The early development of conscience in the child', *The Writings of Melanie Klein*, vol. 1, pp. 248–57.

Klein, Melanie (1935) 'A contribution to the psychogenesis of manic-depressive states', *The Writings of Melanie Klein*, vol. 1, pp. 262–89.

Klein, Melanie (1940) 'Mourning and its relation to manic-depressive states', *The Writings of Melanie Klein*, vol. 1, pp. 344–69.

Klein, Melanie (1946) 'Notes on some schizoid mechanisms', *The Writings of Melanie Klein*, vol. 3, pp. 1–24.

Klein, Melanie (1952) 'Some theoretical conclusions regarding the emotional life of infants', *The Writings of Melanie Klein*, vol. 3, pp. 61–93.

Klein, Melanie (1955) 'On identification', *The Writings of Melanie Klein*, vol. 3, pp. 141–75.

Klein, Melanie (1957) *Envy and Gratitude, The Writings of Melanie Klein*, vol. 3, pp. 176–235.

Mahler, Margaret, Pine, Fred and Bergman, Anni (1975) *The Psychological Birth of the Human Infant*. Hutchinson.

Middlemore, Merrell (1941) *The Nursing Couple*. Hamish Hamilton.

Murray, Lynne (1987) 'Effects of post-natal depression on infant development: direct studies of early mother–infant interactions', in I.F. Brockingham and R. Kumar, eds (1982) *Motherhood and Mental Illness*, vol. 2. Academic.

Murray, Lynne and Trevarthen, Colin (1985) 'Emotional regulation of interactions between two-month-olds and their mothers', in Tiffany Field and Nathan Fox, eds *Social Perception in Infants*. Norwood, NJ: .Ablex, pp. 177–97.

Rosenfeld, Herbert (1952) 'Notes on the psycho-analysis of the superego conflict in an acute catatonic schizophrenic', *Int. J. Psycho-Anal.* 33: 457—64; republished (1955) in Melanie Klein, Paula Heimann and Roger Money-Kyrle, eds *New Directions in Psycho-Analysis*. Tavistock, pp. 180—219; and (1965) in Herbert Rosenfeld *Psychotic States*. Hogarth, pp. 52–62.

Rosenfeld, Herbert (1983) 'Primitive object relations and mechanisms', *Int. J. Psycho-Anal.* 64: 261–7.

de Saussure, R. (1939) 'Identification and substitution', *Int. J. Psycho-Anal.* 20: 465–70.

Schmideberg, Melitta (1931) 'A contribution to the psychology of persecutory ideas and delusions', *Int. J. Psycho-Anal.* 12: 331–67.

Segal, Hanna (1962) 'Curative factors in psycho-analysis', *Int. J. Psycho-Anal.* 43: 212–17; republished (1971) in *The Work of Hanna Segal*. New York: Jason Aronson, pp. 69–80.

Stephen, Karin (1934) 'Introjection and projection: guilt and rage', *Br. J. Med. Psychol.* 14: 316–31.

Stern, David (1985) *The Interpersonal World of the Infant*. New York: Basic.

10. Депрессивная позиция
(Depressive position)

ОПРЕДЕЛЕНИЕ. Слияние ненависти и любви к объекту вызывает особенно острую печаль, которую Кляйн назвала депрессивной тревогой (или «тоской» — «pining»). Так выражается самая ранняя и наиболее мучительная форма вины, возникающая как следствие амбивалентных чувств по отношению к объекту. Младенец на определенной стадии развития (в норме — в возрасте от *четырех до шести месяцев*) оказывается достаточно физически и эмоционально зрелым, чтобы интегрировать свое фрагментированное восприятие матери, свести воедино хорошие и плохие ее версии (имаго), переживавшиеся им ранее обособленно. Когда такие частичные объекты сводятся воедино, в одно целое, есть опасность, что сформируется испорченный, поврежденный или мертвый целостный объект.

Депрессивная тревога является исключительно важным элементом зрелых взаимоотношений, источником благородных и альтруистических чувств, поддерживающих благополучие объекта. На депрессивной позиции мобилизуются усилия, направленные на максимальное укрепление любовного аспекта амбивалентных отношений с поврежденным «целостным объектом» (репарация). Но здесь же мобилизуются и защитные механизмы. Так складывается констелляция параноидных защит (сначала Кляйн называла их «параноидной позицией», но потом отказалась от этого термина) и маниакальных защит.

ХРОНОЛОГИЯ

1935 Зафиксировано и определено изменение, сопровождающее переход к целостным объектам (Кляйн М. «К вопросу о психогенезе маниакально-депрессивных состояний», 1935).

1945 Скорбь об утрате *внутреннего* любимого объекта (Кляйн М. «Скорбь и ее отношение к маниакально-депрессивным состояниям», 1940).

Примерно в 1932 году Кляйн наконец смирилась с тем, что все больше расходится с классическим психоанализом, хотя продолжала справедливо утверждать, что ее взгляды хорошо согласуются с поздними работами Фрейда. Тогда же она поддержала позднюю фрейдовскую теорию инстинкта смерти. Самостоятельные теоретические изыскания она начала

в 1935 году, радикально пересматривая представления о вине [см. БЕССОЗНАТЕЛЬНАЯ ВИНА] с опорой на достижения Абрахама и Фрейда, предшествовавшие описанию Супер-Эго и структурной модели психики. Для Кляйн важно было открытие Фрейдом (Freud, 1917, 1921) способности Эго интернализовать внешний объект и наблюдения Абрахама (Abraham, 1924) за судьбой объекта в меланхолических и навязчивых состояниях.

Предшествующие наблюдения. Кляйн знала о депрессии у детей и ее связи с их агрессией и чувством вины: «После того как ее [девочки. — *Прим. пер.*] садизм растрачивал себя в этих фантазиях, не сдерживаемых, по-видимому, никаким торможением, наступала реакция в форме глубокой депрессии, тревоги и телесного истощения» (Klein, 1929a, p. 200). Так же, как и Фрейд, Кляйн понимала, что вина и депрессия должны соотноситься с утратой объекта амбивалентной любви и скорбью о нем: «На позднейшей стадии развития содержание ужаса меняется: раньше это был ужас перед атакующей матерью, теперь это ужас утраты реальной, любящей матери, из-за чего девочка останется одинокой и брошенной» (Klein, 1929b, p. 217):

> «...как только садизм ребенка ослабевает и характер и функция Супер-Эго меняется, так что теперь оно вызывает меньшую тревогу, но большее чувство вины, активируются те защитные механизмы, которые формируют основание моральной и этической установки, и ребенок начинает заботиться о своих объектах и становится способным испытывать дружеские чувства» (Klein, 1933, p. 252).

Это переход от садизма [см. САДИЗМ] к депрессии, к страху утраты любимой матери, и этот переход порождает моральную и этическую установки.

ВЕЛИКИЙ ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ПРОРЫВ. В 1935 году Кляйн сформулировала, что в момент, когда начинается разрешение длительной фазы детского садизма, возникает новый тип объектных отношений — *отношение к целостным объектам.* Затем появляются любовные импульсы, и чувства глубокого раскаяния и заботы наполняют ребенка. Кляйн поняла, что забота становится результатом слияния любви и ненависти (инстинктивных и врожденных) к одному и тому же человеку (объекту), обладающему как «хорошими», так и «плохими» сторонами.

Отличительные черты депрессивной позиции. Концепция депрессивной позиции стала первой из крупных теоретических разработок Кляйн. В ней можно отметить пять важных моментов:

(1) она замечательным образом объединила все важные теоретические аспекты предыдущих этапов работы Кляйн;

(2) ядром этой новой концепции стало понятие об объединении частичных объектов, которые в переживании развивающегося ребенка в возрасте от четырех до шести месяцев заменяются целостными объектами;

(3) в противоположность прежнему устойчивому интересу к отношениям с плохим объектом и к параноидной тревоге, Кляйн неожиданно и по-новому подчеркнула значимость хорошего объекта и любовных импульсов;

(4) выяснилось, что утраченный хороший объект — это объект *внутренний*;

(5) концепция депрессивной позиции представляет собой переключение внимания с той роли, которую в предшествующих параноидных состояниях играла проекция, на интроекцию.

(1) Интеграция теории. Внимание Кляйн к фантазийной жизни, направленное в разрез с классической психоаналитической экономикой инстинктивной энергии, открыло новый мир: мир объектов, переживаемых в качестве конкретно локализованных внутри личности. Рассмотрение садистических и агрессивных фантазий способствовало появлению новой теории Эдипова комплекса и сосредоточило психоаналитические споры на проблематике первого года жизни. Развитие концепций слияния либидинозных фаз, Эдипова комплекса и формирования Супер-Эго оказалось взаимосогласованным. В итоге возникло представление о конкурирующих аспектах Супер-Эго (преследующие и помогающие фигуры), Эдипова комплекса (позитивный и обратный (негативный) комплексы), а также о напряжении между либидинозными инстинктами (которые считались преимущественно генитальными) и агрессивными инстинктами (преимущественно прегенитальными). Теоретическое выражение эти представления ранее находили в концепциях фазы женственности и особых ситуаций тревоги, когда ребенок нападает на материнское тело и отцовский пенис, находящийся внутри этого тела, загрязняет, обкрадывает и разрушает их [см. 6. ФАЗА ЖЕНСТВЕННОСТИ; 8. РАННИЕ СИТУАЦИИ ТРЕВОГИ].

Однако Кляйн все лучше понимала, насколько важно для ребенка то, что находится внутри других людей, и придавала все большее значение процессам проекции и интроекции и происходящему в фантазии постоянному перемещению между внутренним и внешним мирами. Кляйн осознала значимость хорошего объекта и наносимого ему ущерба и смогла рассмотреть внутренний мир как центрированный вокруг внутреннего хорошего объекта. Предметом ее внимания стали и те проблемы, с которыми сталкивается младенец, обнаруживая как свою любовь к этому объекту, так и агрессивные импульсы, направленные на него же. Таким образом, понятие депрессивной позиции формировалось на основе растущего признания остроты амбивалентных импульсов [см. ЛЮБОВЬ; БЛАГОДАРНОСТЬ], значимости внутреннего мира в формировании оснований самой личности и развивающегося понимания внутреннего мира хороших и плохих объектов и импульсов.

(2) Целостные объекты. По различным причинам, в том числе из-за слабой развитости восприятия, очень маленький ребенок сначала распознает объекты лишь весьма поляризованным образом, как плохих и хороших людей. Более того, вследствие такой недостаточности восприятия младенец даже не распознает людей целостно, но только части людей — в особенности грудь, а со временем лицо матери: «Утрата любимого объекта происходит в ходе той фазы развития, когда Эго совершает переход от частичной к полной инкорпорации объекта» (Klein, 1935, p. 267). Кляйн ссылается на слова Фрейда об «утрате любимого объекта» — в статье о тревоге (Freud, 1926), где он определяет такую утрату как типичную первичную ситуацию тревоги, с которой сталкивается каждый ребенок. Кляйн совершенно оригинальным образом связывает эту концепцию с теорией Абрахама о частичных и целостных объектах [см. ЦЕЛОСТНЫЙ ОБЪЕКТ]. Такая ключевая утрата любимого объекта — это переживание младенцем потери замечательно совершенного, идеального объекта (матери), когда он обнаруживает ее несовершенства. Грудь, которая его питает, — это также мать, заставляющая его ждать.

Эти ранние объекты в очень малой степени обладают физической данностью или другими материальными атрибутами просто потому, что младенец не в состоянии распознавать такие атрибуты [см. 5. ВНУТРЕННИЕ ОБЪЕКТЫ]. В ходе развития младенец обретает способность воспринимать людей как целостные объекты, особенно когда начинает использоваться аппарат визуального восприятия. Это не только способность аппарата восприятия, но и эмоциональное достижение ребенка. Поскольку отдельные объекты определяются для ребенка в основном в терминах их благожелательных или недоброжелательных чувств и намерений, сведение этих частей вместе в нечто более целостное означает слияние воедино объекта, намерения которого не однородны.

Эта новая способность (в возрасте примерно четырех-шести месяцев) вызывает совершенно новые и весьма болезненные эмоциональные проблемы. Можно выделить две из них:

(a) Теперь хороший объект заменяется в психике ребенка на нечто более реалистическое (в объективном смысле) и более подозрительное. Это новое отношение к матери, когда чрезвычайно и исключительно хорошая и целиком благонамеренная мать (частичный объект) становится фигурой смешанного характера, в частности, враждебной и потому загрязненной, поврежденной и более не являющейся совершенным воплощением желаний ребенка. Это новое отношение к матери — ядро депрессивной позиции, источник многих болезненных фантазий: что же с мамой произошло. Она может казаться потерявшей огромную часть своей «хорошести», или загрязненной «плохостью», или же поврежденной, подвергшейся вредоносному воздействию или зверски изувеченной. Все эти фантазии, основанные на импульсах тех типов, которые ребенок знает по себе, приводят к сильному чувству

ответственности и острой печали [см. ДЕПРЕССИВНАЯ ТРЕВОГА]. Младенцу приходится бороться с тем, что он со всей необузданной и параноидной силой ненавидит мать, — как он теперь видит того самого человека, которого он любил: ведь она кормила его, заботилась о нем и его любила [см. ЛЮБОВЬ].

Итак, объект–мать становится должным образом обособленным и потенциально может обладать собственным характером. Всемогущество фантазии ослабляется, и Эго мучительно ищет для себя меньшее место в собственном растущем мире. Объекты появляются и исчезают независимо от него.

(b) С этим шагом появляется новая способность любить. Забота и печаль о целостном объекте, любовь к нему направлены на *сам* объект, а не на только на доставляемое им удовлетворение. Первым «истинную объектную любовь» описал Абрахам (Abraham, 1924), отличая ее от желания, направленного на частичные объекты. Эта новая форма любви не проходит без последствий для ненависти и утраты [см. ЛЮБОВЬ]. Кляйн считает этот момент важным в понимании психотических состояний: «Я полагаю, что основное различие между инкорпорацией при паранойе и при меланхолии связано с переменами в отношении субъекта к объекту» (Klein, 1935, p. 263). На депрессивной позиции объект любят, несмотря на его плохие части, в отличие от параноидно-шизоидной позиции, когда осведомленность о плохих частях резко превращает хороший объект в преследователя. Соответственно, на депрессивной позиции может поддерживаться любовь, дающая начало стабильности.

Такое слияние эмоций — серьезное испытание для психики, и данный шаг вперед от параноидного состояния может сопровождаться сопротивлением, так что ребенок растет с необычайно сильной склонностью к параноидным отношениям (то есть психотический потенциал закрепляется в личности). Кляйн описывала возврат к параноидным отношениям как *параноидную защиту от депрессивной тревоги*.

(3) Значимость хорошего объекта. Вплоть до этого времени (1935 года) внимание Кляйн всегда было приковано к параноидным отношениям — страху и ненависти — и объекту этих импульсов — плохому объекту. Именно плохой объект, с точки зрения Кляйн, доминирует в мире ребенка и во внутреннем мире, управляя нормальным и анормальным развитием либидо. Но затем Кляйн начинает осознавать значимость хорошего объекта, потребность сохранять его и отношения с ним, остроту и болезненность любви к нему.

Осознав значимость взаимоотношений с хорошим объектом, Кляйн полностью переосмыслила борьбу, которая сопровождает развитие ребенка. Теперь основанием этой борьбы она считает не описываемые Фрейдом конфликты, связанные с контролем над либидо, и не попытки контролировать агрессивные импульсы, но стремление защитить и восстановить

хороший объект. Незащищенность она считает особенно важным свойством *внутреннего* хорошего объекта. Ощущение младенцем хорошего объекта — хорошей, помогающей фигуры, которая будто бы живет внутри, и любовь к ней отличается таким чувством близости, что создает базовую первичную идентификацию, становящуюся центром формирования всей идентичности в целом. Хороший внутренний объект обеспечивает тот непрекращающийся внутренний диалог одобрения и самоуважения, на котором основываются уверенность в себе и психологическая устойчивость.

(4) Внутренний объект. Разработав теорию внутренних объектов, Кляйн смогла определить, какая утрата объекта важна. Как и во фрейдовской теории меланхолии, важной оказывается внутренняя утрата хорошего объекта. Утрата внутреннего хорошего объекта тесно связана с внешней потерей. Внешний категорический отказ или лишение также могут поколебать фантазию о хорошем внутреннем объекте, который своей психологической поддержкой подпитывает человека изнутри. Кляйн считала скорбь о потере близкого всего лишь масштабной и открытой манифестацией того процесса, что постоянно осуществляется — внутренне и с меньшим размахом — на протяжении жизни всякий раз, когда человек сталкивается с менее существенными отказами и утратами.

Скорбь. Кляйновская концепция депрессивной позиции прямо продолжает открытия Фрейда (Freud, 1917) и Абрахама (Abraham, 1924), касающиеся меланхолии и той центральной роли, которую играет в развитии и опыте человека «страх утраты любимого объекта».

Фрейд выявил связь между скорбью (утратой внешнего объекта) и меланхолией, при которой вследствие амбивалентности устанавливается анормальное и преследующее отношение к «внутреннему объекту». Позднее Абрахам обнаружил, что скорбь и меланхолия являются частью одного и того же феномена. Кляйн определила, что здесь важен баланс: при меланхолии более выражена тенденция ненавидеть, чем любить; в скорби — больше любить, чем ненавидеть.

Младенец постоянно вынужден совершать работу скорби. Согласно Кляйн, работа депрессивной позиции — это работа скорби: «Я считаю, что ребенок проходит через душевные состояния, сравнимые со скорбью у взрослых» (Klein, 1940, p. 344). Однако она высказывает совершенно новую точку зрения на саму скорбь: «эта ранняя скорбь возобновляется всякий раз, когда в дальнейшей жизни человек переживает горе» (Klein, 1940, p. 344). Скорбь — это внутренняя скорбь о чем-то мертвом внутри (о мертвом или умирающем внутреннем объекте) и повторение неисчислимых предшествующих случаев ее возникновения.

Кляйн подчеркивает, что здесь важно соответствие между внешним и внутренним объектами, особенно в терминах страхов утраты одного или

другого: «С самого начала психического развития существует постоянная соотнесенность реальных объектов с теми, что установлены в Эго» (Klein, 1935, p. 266). Выходя из состояния скорби, скорбящий «не только помещает в себя (вновь инкорпорирует) человека, которого он утратил, но также заново восстанавливает хорошие объекты (в конечном счете, любимых родителей)» (Klein, 1940, p. 353).

Это важное добавление к взглядам Фрейда на работу скорби, в ходе которой скорбящий интроецирует утраченного реального человека и идентифицируется с ним. Теперь Кляйн считает это действие неотъемлемой частью процесса восстановления *первичного объекта*, родителя, ощущаемого как поврежденный, разрушенный и утраченный, что соответствовало смерти внешнего объекта.

«Многие скорбящие медленно возобновляют связи с внешним миром, потому что они сражаются с внутренним хаосом. /…/ Постепенность развития объектных отношений ребенка /…/ также объясняется хаотическим состоянием его внутреннего мира» (Klein, 1940, p. 361). Младенец ощущает внутри себя беспорядок и хаос. Дело не в том, что его чувства попросту хаотически перемешаны. Поскольку его чувства всегда представлены в психике как фантазии, он убежден: объект находится конкретно внутри него, или в его теле, так что это его внутреннее состояние оказывается спутанным и перемешанным — там смешаны «хорошие» и опасные «плохие» объекты, любимые и ненавидимые разом. В частности, он чувствует, что его ненависть повреждает его любимую реальную мать. Это отображается в переживании того, что объект внутри него также поврежден или мертв, и ребенок может идентифицироваться с этой внутренней безжизненностью. Внутренний хаос возникает вследствие интроекции объекта, уже поврежденного или мертвого во внешнем мире. По сути, Кляйн идет еще дальше: «всякая боль, причиненная негативными переживаниями, какова бы ни была их природа, имеет нечто общее со скорбью» (Klein, 1940, p. 360).

Гораздо позднее, когда было достигнуто лучшее понимание неинтегрированных состояний Эго [см. 11. ПАРАНОИДНО-ШИЗОИДНАЯ ПОЗИЦИЯ], Гринберг (Grinberg, 1978) отметил, что скорбь об утрате любимого объекта должна включать в себя в некотором виде скорбь о части самости, связанной с этим объектом.

(5) Баланс проекции и интроекции. Достижение депрессивной позиции — это шаг в развитии, шаг неопределенный, который поэтому становится задачей всей жизни. Он приходит на смену предшествующим параноидным состояниям и параноидно-шизоидной позиции. В этих предыдущих состояниях Эго поддерживает разделенность хорошего и плохого в объекте и в себе самом путем постоянного использования механизма проекции для совладания с плохим. Но когда Эго вступает в депрессивную позицию, баланс меняется. Проекция сама порождает страхи, например, того, что хороший внутрен-

ний объект будет утрачен при проецировании его вовне (как в клинических описаниях, представленных Абрахамом). В результате больше внимания уделяется интроецированию хорошего во внутренний мир, а импульс проецировать плохое наружу ослабевает. Когда на проекцию начинают полагаться все меньше, возникает большая возможность понять состояние внутреннего мира, и затем — мира внешнего. Первое влечет за собой признание собственных нежелательных аспектов, второе — хороших качеств внешнего мира.

ДЕПРЕССИВНАЯ ТРЕВОГА. Первые тревоги вызваны страхом перед агрессивными импульсами, в конечном счете — перед инстинктом смерти. Это *психотические тревоги*, их два вида — персекуторные и депрессивные: (i) страх за себя и (ii) страх за любимый объект, соответственно. При изменении в отношении к объекту (в возрасте от четырех до шести месяцев) изменяется и доминирующая тревога: «Ужас перед преследованием, которое ощущалось как угроза Эго, теперь относится также и к хорошему объекту» (Klein, 1935, p. 264). Фантазийная жизнь младенца пронизана идеей, что ненависть причиняет реальный вред любимому человеку, и он погружается в состояние, которое Кляйн называет (вслед за Фрейдом и Абрахамом) *утратой любимого объекта*. Это беспорядок в эмоциях из-за мысли, что замечательного «хорошего» объекта (матери, груди) больше нет [см. ДЕПРЕССИВНАЯ ТРЕВОГА]. Джозеф кратко и емко прослеживает развитие этих взглядов:

> «Фрейд (Freud, 1926) /.../ свел вместе различные типы тревоги, возникающие по отношению к импульсам и к Супер-Эго, и в качестве одной из них упомянул тревогу, вызываемую чувством вины. Помимо этого, он подчеркивал, что само наличие инстинктов жизни и смерти и знание об их сосуществовании в форме амбивалентности приводят к тому, что он описал как “фатальную неизбежность чувства вины”. Работа Кляйн согласуется с этими выводами. По мнению Кляйн, как только индивид осознает, что объект, который он любит, тот же самый, что вызывает у него ярость и гнев, чувство вины становится фатально неизбежным. Она отмечала боль и тревогу, вызываемые этим чувством вины и порицанием со стороны объектов (внутренних и внешних), перед которыми ощущается вина на депрессивной позиции. С ее точки зрения, до момента достижения этой позиции инстинкт смерти порождает тревоги персекуторного характера» (Joseph, 1978, pp. 223–224).

Ребенок боится, что любимая мать убита или разрушена:

> «... только когда Эго интроецировало объект как целое /.../ оно способно в полном масштабе постичь катастрофу, причиненную его

> садизмом и в особенности его каннибализмом. /…/ Итак, Эго сталкивается с психической реальностью того, что его любимые объекты находятся в состоянии распада, они разъяты на куски, — и возникает тревога, как правильно сложить эти куски вместе и покончить с плохими кусками, как вернуть объект к жизни, когда он будет собран воедино, и тревога за то, что плохие объекты и собственная ненависть ребенка помешают ему выполнить эту задачу, и т. д.» (Klein, 1935, p. 269).

Ядро этой ситуации составляет стремление восстановить нечто непоправимо поврежденное или мертвое: «Процессы, которые впоследствии проявляются как “утрата любимого объекта”, определены чувством субъекта, что он не смог сберечь свой хороший, интернализованный объект, то есть не смог стать его обладателем» (Klein, 1935, p. 267) [см. ЛЮБОВЬ].

В самые первые моменты восприятия целостного объекта боль особенно сильна. Она накладывается поверх старых параноидных тревог:

> «… Эго постоянно чувствует угрозу своему обладанию интернализованными хорошими объектами. Оно исполнено тревоги, что такие объекты должны погибнуть. Как у детей, так и у взрослых, страдающих от депрессии, я обнаружила ужас перед тем, что внутри них находятся умирающие или мертвые объекты (особенно родители), и идентификацию Эго с объектами в этом состоянии» (Klein, 1935, p. 266).

Страдание субъекта является личностным: это страх за свое выживание без поддерживающей матери, а также подлинная забота о ней [см. 8. РАННИЕ СИТУАЦИИ ТРЕВОГИ; ЛЮБОВЬ].

В своих ранних работах Кляйн говорила о «тревоге и чувстве вины», но в 1935 году провела четкое различие между параноидной тревогой преследования и чувством вины, связанным с депрессивной позицией, которое она назвала депрессивной тревогой. Персекуторная тревога — это страх за Эго; депрессивная тревога — это страх за выживание объекта любви:

> «Итак, существует два набора страхов, чувств и защит, которые, как бы ни были они разнообразны и сколь бы тесно ни были связаны друг с другом, можно, на мой взгляд, в целях теоретической ясности считать обособленными друг от друга. В первый набор входят персекуторные чувства и фантазии, характеризуемые страхами, относящимися к разрушению Эго внутренними преследователями. Защитами от этих страхов преимущественно является разрушение преследователей насильственными или скрытыми и коварными методами. /…/ Второй набор чувств /…/ приводит к тому, что складывается депрессивная позиция» (Klein, 1940, p. 348).

Но на практике тревога оказывается смешанной. Взаимодействие персекуторной тревоги и чувства вины (теперь обозначаемого как «депрессивная тревога») отличается чрезвычайной сложностью и управляется оно замысловатым переплетением комбинаций интроекций и проекций объектов, происходящих между внутренним и внешним мирами. Прежние параноидные тревоги не исчезают, но сохраняются в качестве заметной фоновой окраски депрессивной позиции, включающей в себя

> «депрессивное состояние как результат смешения параноидной тревоги и тех мучительных чувств, содержаний тревоги и защит, которые связаны с надвигающейся утратой целостного любимого объекта» (Klein, 1935, p. 275).

Персекуторная и депрессивная тревоги взаимодействуют — в частности, на депрессивную позицию накладываются те порочные круги, которые создают персекуторную тревогу посредством проекции и ре-интроекции: «Одна из причин его [ребенка. — *Прим. пер.*] неудачи заключается в том, что он оказался неспособным преодолеть свой параноидный ужас перед интернализованными преследователями» (Klein, 1935, p. 267). Чувство вины становится термином, указывающим на комбинацию этих двух тревог в самых различных пропорциях.

Интенсивность чувства вины меняется со временем. Если внешний объект оказывается достаточно стойким, развивается некоторая уверенность в восстановлении и исправлении. Преследующее, наказующее чувство вины постепенно уступает место форме, которая в большей степени способствует реалистическим усилиям [см. ДЕПРЕССИВНАЯ ТРЕВОГА; ВИНА].

ЗАЩИТЫ ОТ ДЕПРЕССИВНОЙ ТРЕВОГИ. У младенца есть и другие средства для своих попыток справиться с тягостными чувствами на депрессивной позиции. Иными словами, он может выработать психологические защиты. С появлением новой формы отношений (с целостным объектом) возникает новая тревога (депрессивная тревога), и это вызывает новые защиты. Существуют две основные формы уклонения от депрессивной тревоги (параноидные и маниакальные защиты). Кляйн полагала, что в норме наблюдаются постоянные колебания как (i) между депрессивной позицией и параноидными состояниями, так и (ii) между депрессивными и маниакальными защитами. Поэтому сначала она говорила о трех позициях — депрессивной, параноидной и маниакальной. Однако позднее она сохранила термин «позиция» для позиции депрессивной, тогда как две другие на самом деле являются совокупностями защит [см. ПОЗИЦИЯ].

Параноидная защита. Во-первых, мы имеем дело с защитным отступлением от депрессивной позиции назад к более прямолинейным параноидным формам отношений: «Я обнаружила, что параноидные страхи и подозрения укрепляются в качестве защиты от депрессивной позиции» (Klein, 1935, p. 274). При этом обеспечивается видение объектов как объектов частичных — целиком хороших или целиком плохих [см. ПАРАНОИДНАЯ ЗАЩИТА ОТ ДЕПРЕССИВНОЙ ТРЕВОГИ]. Ради того чтобы избежать слияния ненависти с любовью, происходит зачастую произвольное расщепление объекта. Этим достигается ограждение от депрессивной тревоги (чувства вины).

Самоубийство. Кляйн лишь очень коротко писала о самоубийстве. Об этой теме аналитики обычно не говорят. Однако она посвятила ей один абзац:

> «... в некоторых случаях фантазии, лежащие в основании самоубийства, направлены на сохранение интернализованных хороших объектов и части Эго, идентифицированной с хорошими объектами, а также на разрушение другой части Эго — идентифицированной с плохими объектами и Ид. Таким образом Эго оказывается способным объединиться со своими любимыми объектами. В других случаях /.../ те же самые фантазии /.../ обращены на внешний мир и реальные объекты, частично в качестве заместителей объектов внутренних» (Klein, 1935, p. 276).

Маниакальная защита. Основную роль в маниакальной защите играет всемогущее представление, что данные объектные отношения не слишком важны. Эго говорит себе: любимый объект, который ощущается мертвым или поврежденным, внутри или снаружи, на самом деле не так уж важен. Эго может вполне нормально существовать без всякой зависимости от кого бы то ни было:

> «... в этом состоянии источник конфликта заключается в нежелании и неспособности Эго отречься от своих хороших внутренних объектов. И тем не менее Эго стремится избежать риска зависимости от них, как и от плохих объектов. /.../ Этого компромисса оно достигает, *отрицая значимость* хороших объектов, а также тех опасностей, которые ему угрожают со стороны плохих объектов и Ид» (Klein, 1935, p. 277).

Маниакальная защита фактически является собранием защит, куда входят отрицание психической реальности и потому значимости любимых и принятых внутрь объектов, опорочивающее презрение к любимым объектам (чтобы их утрата не переживалась как значимая) и триумфальная и всемогущая форма тотального исправления. Все это средства минимиза-

ции чувств утраты и вины [см. 9. ПРИМИТИВНЫЕ ЗАЩИТНЫЕ МЕХАНИЗМЫ; МАНИАКАЛЬНЫЕ ЗАЩИТЫ].

Кляйн подчеркивала, что маниакальные защиты направлены и на депрессивные, и на параноидные чувства, которые есть на депрессивной позиции: «При мании Эго стремится укрыться не только от меланхолии, но также и от параноидного состояния, с которым оно не в состоянии совладать» (Klein, 1935, p. 277).

Обсессивные защиты. Поскольку тревоги депрессивной позиции на ранних стадиях столь тесно связаны с параноидными тревогами, специфические для депрессивной позиции защиты смешаны с защитами от персекуторной тревоги, порождаемой садистическими фазами. Сюда входят особая защита разрушения преследователей, а также обсессивные защиты. В разные периоды своей работы Кляйн описывала различные взаимосвязи между маниакальными и обсессивными защитами [см. ОБСЕССИВНЫЕ ЗАЩИТЫ]. Оба типа предполагают власть и контроль над объектами. Это проявляется, в частности, в типах предпринимаемых попыток репарации. Зачастую субъект в своих фантазиях исправляет объект, но если фантазии слишком близко подходят к защитам от преследования (маниакальным или обсессивным), репарация будет производиться с ненавистью, характерной для параноидного состояния, — власть и контроль приобретут оттенок злобности, ненависти и приведут к тревоге, так что объекты получат дальнейшие повреждения в процессе репарации.

РЕПАРАЦИЯ. Репарация не является отдельной позицией; это последовательная модификация депрессивной тревоги. Это и не защитный механизм, поскольку здесь мы имеем дело с модификацией тревоги, а не с уклонением от нее. Ее можно считать, наряду с сублимацией, методом управления импульсами, а не защиты от них — по терминологии Гротстайна, это «механизм принятия» (“acceptance mechanism”) (Grotstein, 1983).

Кляйн впервые рассмотрела данную идею в заметке о художественном творчестве (Klein, 1929b). В том же году, как мы видим, об этом размышляла Ривьер (Riviere, 1929). Другая их коллега того периода, Элла Фриман Шарп (Sharpe, 1930), изучала репарацию, следуя концепции Кляйн и трактуя материал пациентов как драматизацию конфликтов и объектных отношений, похожую на драматизацию ребенка в игре.

Переживание репарации — это терпимость к утрате и чувству вины, это чувство ответственности за утрату и в то же самое время — ощущение, что утрачено не все. Возможность ликвидации последствий катастрофы дает надежду. Она опирается на ощущение внутреннего мира, где выживает некоторая «хорошесть», сколь бы мощные пароксизмы плохих чувств ни бушевали вокруг. Это уверенность в том, что всегда есть повод для оптимизма.

Кляйн поняла, что в норме чувство вины порождает заботу и что это самая обнадеживающая реакция на депрессивную позицию. Забота стимулирует попытки все исправить, и Кляйн начинает пользоваться термином «репарация»:

> «Через мгновение после того, как мы наблюдали наиболее садистические из всех импульсов, мы сталкиваемся с действиями, демонстрирующими самую высокую способность к любви и желание принести все возможные жертвы ради того, чтобы быть любимым. /.../ Глубокое впечатление оставляет наблюдение в анализе за тем, как эти деструктивные наклонности могут использоваться для сублимации, /.../ как подобные фантазии могут высвобождаться для самой художественной и творческой работы» (Klein, 1927, p. 176).

Позднее Кляйн отошла от классической теории, и идея сублимации в некоторой степени стушевалась, а идея репарации получила развитие, и репарация стала основой процессов созревания, подготавливающих выход из депрессивной позиции [см. ЛЮБОВЬ].

Репарация вызывается именно тревогами депрессивной позиции и вместе с проверкой реальности (reality-testing) формирует один из двух основных методов преодоления депрессивной тревоги. Кляйн подчеркивает, что забота — это нечто большее, чем просто потребность ребенка обеспечить свое выживание посредством сохранения матери, которая будет его поддерживать и заботиться о нем,— хотя это один из аспектов тревоги. Репарация также становится результатом подлинной заботы об объекте, тоски по нем и может повлечь за собой немалое самопожертвование. Например, Кляйн так описывает материнские чувства:

> «... мать в состоянии поставить себя на место ребенка, /.../ способность сделать это с любовью и сочувствием тесно связана, как мы видели, с чувством вины и стремлением к репарации /.../ [и] может приводить к установке на полное самопожертвование» (Klein, 1937, p. 318).

Однако тема эта сложная, поскольку, согласно теории депрессивной позиции, забота в той же мере направлена на внутренний объект, который долгое время остается идентифицированным с Эго. Поэтому побочным следствием репарации, стремящейся восстановить хорошую мать (внешний объект), становится восстановление внутреннего состояния в субъекте [см. НАРЦИССИЗМ].

РАЗВИТИЕ. Каким образом ребенок добивается установления надежного интернализованного хорошего объекта? Здесь есть четыре основных фактора.

(i) Характер реальной матери решающим образом содействует ребенку в преодолении боли депрессивной позиции.

(ii) Способность восстанавливать, исправлять (см. выше) появляется, когда ребенок настолько успешно выдерживает болезненное чувство вины и раскаяния, что находит способ осуществить репарацию.

(iii) Склонностью чувствовать себя в безопасности ребенок обязан предыдущей фазе, которая обеспечивает ему поддержку при первом приближении к депрессивной позиции. Кляйн не уделяла этому внимания вплоть до позднего периода теоретической проработки своего клинического материала, когда в 1946 году она тщательно рассмотрела самую раннюю фазу психической жизни [см. 11. ПАРАНОИДНО-ШИЗОИДНАЯ ПОЗИЦИЯ].

(iv) Депрессивная позиция в некотором смысле является выходом из параноидной позиции, но боль и неразбериха депрессивной позиции выглядят не слишком вдохновляюще. То, как ребенок справляется с ними, зависит от его способности выстроить и поддержать собственную способность любить, уравновешивающую его ненависть. Но младенца подталкивает к депрессивной позиции все большая зрелость его восприятия внешнего объекта, а также естественное развертывание фаз либидо. Мобилизация генитальных импульсов по отношению к целостному объекту придает новые силы любви и стремлению все исправить. Коротко говоря, это означает способность поддерживать чувство любви к хорошему «объекту» — что ощущается как конкретно находящийся внутри ребенка объект, составляющий часть его личности. Прочная уверенность в себе, говорит Кляйн, сводится к чувству надежного любящего ядра личности.

Кляйн считала, что депрессивная позиция запускает реализацию грандиозного потенциала развития, поскольку основана на возникающем распознании реальности объектов. Сколь бы фантастическими ни были хорошие и плохие компоненты, если поддерживается развитие восприятия, то достигается различение объектов такими, какими они действительно являются в реальности, и затем — растущее знание о внутренней реальности, самопознание и самопонимание. Далее возникает также истинная оценка внутренней реальности (способность к честной самооценке). Способность заботиться глубоко стимулируется депрессивной тревогой и вызывает стремление к установлению социального и межличностного контакта с другими реальными людьми. Потенциал развития, обеспечиваемый заботой, у Кляйн замещает собой Супер-Эго: в отличие от истинной заботы, Супер-Эго вводит субъекта в общество, угрожая наказанием; а забота, стремление восстановить и исправить — это акт любви, вызванный печалью.

ПОЗДНЕЙШИЕ МОДИФИКАЦИИ. Как и Фрейд, Кляйн постоянно размышляла над новыми идеями и модифицировала старые. Концепция депрессивной позиции, как и многое в ранней системе ее взглядов, была несколько отодвинута на второй план развитием концепций параноидно-шизоидной позиции и особенно проективной идентификации. В течение ряда лет после введения Кляйн понятия депрессивной позиции многие коллеги (в том числе Гловер и ее дочь — Мелитта Шмидеберг) не соглашались с Кляйн, и это принесло ей много волнений. Эту идею почти никто не пытался развивать, хотя Скотт (Scott, 1947) опубликовал весомое и подробное описание соответствующего случая.

Ривьер была одним из немногих аналитиков, немедленно подхвативших идею депрессивной позиции. Она опиралась на эту идею, пытаясь разобраться в том, как депрессия и чувство вины, включающие в себя переключение внимания с внешнего мира на внутренние объекты (нарциссизм), могут выражаться в качестве негативной терапевтической реакции на анализ:

> «На мой взгляд, именно *его [пациента. — Прим. пер.] любовь к своим внутренним объектам*, что служит причиной и основанием невыносимого чувства вины и боли, потребности пожертвовать своей жизнью ради них и потому перспективы смерти, придает его сопротивлению такое упорство. И противодействовать данному сопротивлению мы можем лишь путем демонстрации этой любви и вместе с ней — вины. Для подобных пациентов аналитик представляет собой внутренний объект. Поэтому мы должны добиваться возникновения у пациента позитивного переноса; именно этому они сопротивляются более всего, хотя прекрасно знают, как симулировать суррогатную “дружественность”» (Riviere, 1936, p. 319) [см. НЕГАТИВНАЯ ТЕРАПЕВТИЧЕСКАЯ РЕАКЦИЯ].

Помимо этого, к теории депрессивной позиции было сделано два небольших, хотя и важных дополнения [см. ДЕПРЕССИВНАЯ ТРЕВОГА]. В 1948 году Кляйн описала возможность интеграции объектов на частично-объектном уровне, хотя, добавляла она, такая интеграция является временной,

> «поскольку с начала жизни Эго имеет склонность к интеграции себя и к синтезу различных аспектов объекта. Даже у маленьких детей, похоже, бывают такие состояния временной интеграции — и они становятся более частыми и длительными в ходе развития» (Klein, 1948, p. 34).

Этим Кляйн объясняла клинические наблюдения над шизоидными пациентами, которые как будто демонстрировали последствия необходимости защищать себя от депрессивной тревоги.

Подобным было и второе усовершенствование теории. Ханна Сигал накопила некоторый материал в своем новаторском анализе тяжело больного

шизофреника (Segal, 1956). Она показала, что у шизофреника наблюдаются определенные признаки депрессии, им самим не ощущаемой. Вместо этого происходит процесс, в котором депрессия ощущается другими людьми, в курсе анализа — аналитиком. Кляйн высоко оценила эту работу одной из своих молодых учениц (Klein, 1960) [см. ПСИХОЗ].

ВОСПРИЯТИЕ ТЕОРИИ ДЕПРЕССИВНОЙ ПОЗИЦИИ. Грандиозный рывок психоаналитической теории, воплощенный в описании депрессивной позиции, установил значительную дистанцию между Кляйн и ее критиками. Лишь немногие аналитики вне кляйнианского круга были в состоянии как-то его комментировать. Остальные были ошеломлены внезапным выдвижением концепции внутренних объектов из полутени на центральное место в теории и практике Кляйн. Поэтому большая часть критики данной области кляйнианской теории приводится в других статьях [см. 5. ВНУТРЕННИЕ ОБЪЕКТЫ].

На уровне обобщений Брайерли (Brierly, 1950), стремясь дать всесторонний обзор собрания статей Кляйн (опубликованного под названием «Вклад в психоанализ», 1948), высказала замечания относительно понятия депрессивной позиции по двум пунктам. Во-первых, поскольку Брайерли не признавала колебания между позитивным и инвертированным Эдиповым комплексом прототипом соединения хороших и плохих объектов на депрессивной позиции, это понятие сталкивает, по ее мнению, концепцию Эдипова комплекса с центральной оси психоаналитической теории. Во-вторых, Брайерли пеняла на то, что идея депрессивной позиции преуменьшает значение регрессии, выводя на первый план значение «прогрессивного» движения к большему пониманию реальности (как внешней, так и внутренней) и развитию репарации.

Репарация. Гловер (Glover, 1945) считал репарацию сугубо обсессивным механизмом, который в действительности уже был описан ранее,— в идее о попытках уничтожить (undo) сделанное неправильно. Однако, как указывала Кляйн, обсессивное уничтожение сделанного обладает магическими свойствами и заключается в точном обращении действия (закрыть кран, который был открыт) [см. МАНИАКАЛЬНАЯ РЕПАРАЦИЯ], тогда как репарация исправляет ситуации с бо́льшим привлечением воображения, очень часто в символической форме, что иногда запускает ярко выраженные творческие и художественные процессы [см. ОБРАЗОВАНИЕ СИМВОЛОВ].

Указывалось на сходство репарации и реактивного образования, но опять-таки репарация отличается своей опорой на реальность. Всемогущая (или магическая) репарация действительно включает в себя фантастические цели и иллюзорные достижения, сравнимые с обсессивным уничтожением или реактивным образованием, что зачастую называют «маниакальной репарацией». Хотя и предлагали ввести другой термин, термин «репарация» обладает тем

преимуществом, что он помещает эти различные механизмы, реалистические и нереалистические, в общий контекст.

Отношение между репарацией и защитными механизмами, такими как уничтожение сделанного и реактивное образование, подобно отношению между репарацией и сублимацией. В обоих случаях это различие между управлением импульсом (аннулирование, реактивное образование и сублимация) и любовью к объекту. Собственно, это два новообразующихся словаря, между которыми нет четких правил перевода. Согласно Кляйн, связь между ними в том, что репарация родственна примитивным защитным механизмам и депрессивной тревоге, которые являются почвой для развития личности в дальнейшем, и это может затем быть описано ортодоксальной фрейдистской терминологией.

Депрессивная тревога. Ключевая особенность депрессивной позиции — мучительное беспокойство о состоянии объекта — критиковалась Гротстайном (Grotstein, 1983) с позиций психологии самости:

> «Кляйн придавала слишком большое значение обеспечению младенцем благополучия объекта и, по-видимому, жертвовала правом младенца обладать собственной “самостью” и/или правом на признание нужд самости, независимых от учета благополучия объекта» (p. 529).

Однако то, что описывает Гротстайн, как раз и является болью депрессивной позиции на ее ранних стадиях, когда чувство вины имеет выраженную персекуторную окраску, требующую полного самопожертвования и рабства [см. ДЕПРЕССИВНАЯ ТРЕВОГА]. Именно из-за этого качества депрессивной позиции, свойственного ей на ранних этапах развития, ребенок стремится от нее уклониться, включая защиты от нее или отступая на параноидно-шизоидную позицию. Только путем проработки этой боли младенец и более взрослые индивиды могут достичь лучшей согласованности между заботой об объекте и нормальной степенью чувства собственного достоинства (некоторого нормального нарциссизма), необходимого, чтобы заботиться о себе (см. Rosenfeld, 1987).

Фэйрберн и понятие тщетности (futility). Наиболее действенная критика понятия депрессивной позиции была, фактически, сочувствующей, и Кляйн, что для нее было нехарактерно, отнеслась к этой критике всерьез. Фэйрберн (Fairbairn, 1941) считал концепцию депрессивной позиции лишь логическим развитием взглядов Фрейда, установившихся после переключения его и Абрахама внимания с истерии на меланхолию. Фэйрберн полагал, что это ошибка, и доказывал, что структура, описанная как Супер-Эго, является фактически защитной организацией Эго и скрывает под собой фундаментально иную структуру, с расщеплениями внутри Эго и объекта. Возвращаясь к изучению истерии, состояний диссоциации и шизоидных индивидов, утверждал

Фэйрберн, мы получаем возможность исследовать эту предшествующую позицию, которую он называл шизоидной. Ключ к ней следовало искать в аффектах.

Фэйрберн указывал, что зачастую депрессией называют по сути совершенно другой аффект, который он обозначал термином «*тщетность*». Этот аффект он связывал с истерическими душевными состояниями, в типичном случае — с состоянием лишенного эмоций *belle indifférence* (прекрасного безразличия), характеризующегося мнимым отсутствием аффекта. Фэйрберн объяснял такую эмоциональную пустоту расщеплением психики и горячо призывал уделять больше внимания диссоциативным феноменам. Что Кляйн и исполнила достаточно прилежно (Klein, 1946) [см. 11. ПАРАНОИДНО-ШИЗОИДНАЯ ПОЗИЦИЯ]. Фэйрберн считал: депрессивные явления маскируют те, что относятся к шизоидным состояниям, в частности, маскируют расщепление Эго и последующий страх за самость, и эти положения Кляйн восприняла всерьез.

Для Кляйн и ее ближайших последователей понятие депрессивной позиции сразу же заняло центральное место и далее менялось лишь незначительно. Достижение депрессивной позиции, со сбалансированным взглядом на реальность объектов, до сих пор считается признаком психологического прогресса. Джеймс Стрэйчи (Strachey, 1934) в своей теории модификации нереалистически хороших и плохих архаических объектов как основного терапевтического фактора психоанализа шел буквально следом за Кляйн. Стивен (Stephen, 1934), без сомнения благодаря близкому знакомству с теорией Кляйн, также исследовал связь между интернализацией объектов, деструктивностью и чувством вины.

Однако после публикации статей, посвященных депрессивной позиции (Klein, 1935, 1940), психоаналитический мир оказался втянутым в политическую ситуацию в Европе, а потом в распри, бушевавшие в Британском психоаналитическом обществе. Кляйн, когда все это происходило, уже перешла к исследованию параноидно-шизоидной позиции.

Abraham, Karl (1924) 'A short study of the development of the libido', in Karl Abraham (1927) *Selected Papers on Psycho-Analysis.* Hogarth, pp. 418–501.

Brierley, Marjorie (1950) 'Review of Klein's Contributions to Psycho-Analysis', *Int. J. Psycho-Anal.* 31: 209–11.

Fairbairn, Ronald (1941) 'A revised psychopathology of the psychoses and psychoneuroses' in Ronald Fairbairn (1952) *Psycho-Analytic Studies of the Personality*. Routledge & Kegan Paul.

Freud, Sigmund (1917) 'Mourning and melancholia', in James Strachey, ed. *The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud*, 24 vols. Hogarth, 1953–73. vol. 14, pp. 237–60.

Freud, Sigmund (1921) *Group Psychology and the Analysis of the Ego. S.E.* 18, pp. 67–143.

Freud, Sigmund (1926) *Inhibitions, Symptoms and Anxiety. S.E.* 20, pp. 77–175.

Glover, Edward (1945) 'An examination of the Klein system of child psychology', *Psychoanal. Study Child* 1: 3–43.

Grinberg, Leon (1978) 'The "razor's edge" in depression and mourning', *Int. J. Psycho-Anal.* 59: 245–54.

Grotstein, James (1983) 'The significance of Kleinian contributions to psycho analysis: IV Critiques of Klein', *Int. J. Psycho-Anal. Psychother.* 9: 511–35.

Joseph, Betty (1978) 'Different types of anxiety and their handling in the analytic situation', *Int. J. Psycho-Anal.* 59: 223–8.

Klein, Melanie (1927) 'Criminal tendencies in normal children', in *The Writings of Melanie Klein*, vol. 1. Hogarth, pp. 170–85.

Klein, Melanie (1929a) 'Personification in the play of children', *The Writings of Melanie Klein*, vol. 1, pp. 199–209.

Klein, Melanie (1929b) 'Infantile anxiety-situations reflected in a work of art and in the creative impulse', *The Writings of Melanie Klein*, vol. 1, pp. 210–18.

Klein, Melanie (1933) 'The early development of conscience in the child', *The Writings of Melanie Klein*, vol. 1, pp. 248–57.

Klein, Melanie (1935) 'A contribution to the psychogenesis of manic-depressive states', *The Writings of Melanie Klein*, vol. 1, pp. 262–89.

Klein, Melanie (1936) 'Weaning', *The Writings of Melanie Klein*, vol. 1, pp. 290–305.

Klein, Melanie (1937) Love, Guilt and Reparation, *The Writings of Melanie Klein*, vol. 1, pp. 306—43.

Klein, Melanie (1940) 'Mourning and its relation to manic-depressive states', *The Writings of Melanie Klein*, vol. 1, pp. 344–69.

Klein, Melanie (1945) 'The Oedipus complex in the light of early anxieties', *The Writings of Melanie Klein*, vol. 1, pp. 370–419.

Klein, Melanie (1946) 'Notes on some schizoid mechanisms', *The Writings of Melanie Klein*, vol. 3, pp. 1–24.

Klein, Melanie (1948) 'On the theory of anxiety and guilt', *The Writings of Melanie Klein*, vol. 3, pp. 25–42.

Klein, Melanie (1960) 'A note on depression in the schizophrenic', *The Writings of Melanie Klein*, vol. 3, pp. 264–7.

Riviere, Joan (1929) 'Magical regeneration by dancing', *Int. J. Psycho-Anal.* 10: 340.

Riviere, Joan (1936) 'A contribution to the analysis of the negative therapeutic reaction', *Int. J. Psycho-Anal.* 17: 304–20.

Rosenfeld, Herbert (1987) *Impasse and Interpretation*. Tavistock.

Scott, W. Clifford M. (1947) 'On the intense affects encountered in treating a severe manic-depressive disorder', *Int. J. Psycho-Anal.* 28: 139–45.

Segal, Hanna (1956) 'Depression in the schizophrenic', *Int. J. Psycho-Anal.* 37: 339–43; republished (1981) in *The Work of Hanna Segal*. New York: Jason Aronson, pp. 121–9.

Sharpe, Ella Freeman (1930) 'The technique of psycho-analysis: seven lectures', in (1950) *Collected Papers on Psycho-Analysis*. Hogarth.

Stephen, Karin (1934) 'Introjection and projection: rage and guilt', *Br. J. Med. Psychol.* 14: 316–31.

Strachey, James (1934) 'The nature of the therapeutic action of psycho analysis', *Int. J. Psycho-Anal.* 15: 127–59.

11. Параноидно-шизоидная позиция
(Paranoid-schizoid position)

ОПРЕДЕЛЕНИЕ. Психическое состояние самого раннего возраста отмечено персекуторной тревогой, которая сопровождается процессами, угрожающими психике фрагментацией (и в действительности приводящими к ней). Эта тревога настолько сильна, что затрудняет переход на депрессивную позицию, поскольку целостность психики оказывается серьезно нарушенной. Процессы расщепления, как правило, приводят к проецированию частей самости или Эго (проективной идентификации) в объекты, и это вызывает истощение самости. А истощенная самость испытывает вследствие этого трудности с интроекцией и интроективной идентификацией. Эта позиция была описана Кляйн в 1946 году, что существенно модифицировало предшествовавшие описания параноидных и персекуторных состояний. Работа 1946 года подтолкнула коллег Кляйн и ее учеников к дальнейшим разработкам (особенно в отношении проективной идентификации).

ХРОНОЛОГИЯ

1929 Ранние предварительные идеи.

1946 Параноидно-шизоидная позиция (Кляйн М. «Заметки о некоторых шизоидных механизмах», 1946; Розенфельд Г. «Анализ шизофренических состояний, сопровождающихся деперсонализацией», 1947).

Параноидные состояния младенчества давно интересовали Кляйн, но с 1935 по 1946 годы она и ее сотрудники занимались исследованиями бессознательной фантазии, внутренних объектов и особенно — важной роли хорошего внутреннего объекта на депрессивной позиции [см. 10. ДЕПРЕССИВНАЯ ПОЗИЦИЯ]. Концепция депрессивной позиции еще не заслужила признания и не была достаточно развита самими кляйнианцами, когда в 1946 году на Кляйн повлияли идеи Фэйрберна, отнюдь не входившего в круг ее ближайших соратников.

Фэйрберн поставил следующий вопрос: почему одни люди оказываются в состоянии более-менее успешно справиться со вспышкой чувства вины на депрессивной позиции, а другие — нет? Он отвечал таким образом:

> «Возникающая в результате моральная ситуация, конечно, относится к более высокому уровню психического развития, чем ситуация исходная, /.../ и вину мы считаем составляющей природы защиты. Одним словом, *в психотерапии вина действует как сопротивление*» (Fairbairn, 1943, pp. 68–69).

Он рассматривал исходную ситуацию как переживание «не столько своей виновности, сколько просто-напросто “плохости”» (Fairbairn, 1943, p. 63). Кляйн сочла, что такое различение справедливо:

> «Если страхи преследования чрезвычайно сильны, и по этой причине (а также по некоторым другим) ребенок не в состоянии проработать параноидно-шизоидную позицию, в свою очередь затрудняется и проработка депрессивной позиции» (Klein, 1946, p. 2).

Шизоидные состояния. Фэйрберн жил и работал вдалеке от психоаналитического сообщества, в Шотландии, но на него оказали влияние работы Кляйн, посвященные параноидным состояниям [см. ФЭЙРБЕРН]. Однако он доказывал, что параноидная позиция выполняет не одну лишь функцию защиты от депрессивной позиции [см. ПАРАНОИДНАЯ ЗАЩИТА ОТ ДЕПРЕССИВНОЙ ТРЕВОГИ]. Он говорил о важности процессов, расщепляющих Эго, и указывал на относительное пренебрежение со стороны аналитиков истерией и диссоциативными механизмами, исследование которых заложило основы психоанализа. Фэйрберн призывал уделять внимание не только маниакально-депрессивным расстройствам (Abraham, 1911, 1924; Freud, 1917), но обратить его на шизофреников и шизоидные состояния.

> «Читатель отметит, что в этой работе часть выводов согласуется с положениями Фэйрберна, а другая часть расходится с ними принципиально. Фэйрберн главным образом рассматривает развитие Эго по отношению к объектам, а меня интересуют в основном тревоги, их чередование и видоизменение. /.../ Совершенно оправдано особое значение, которое он придает изначальной связи истерией с шизофренией. Предлагаемый им термин “шизоидный” вполне приемлем, если понимать, что он охватывает как шизоидные механизмы, так и страх преследования» (Klein, 1946, p. 3).

Фэйрберн утверждал, что шизофрению можно понять лучше, рассматривая ее в более тесной связи с истерией и диссоциативными явлениями. Шизофрения подразумевает расщепленную на фрагменты психику, и поэтому Фэйрберн ввел понятие шизоидной позиции, которая предшествует — и является основанием — депрессивной позиции, описанной Кляйн. Шизоидная позиция объясняет и определяет будущую патологию

личности, и Фэйрберн разрабатывает систематическую классификацию ее условий по признаку расщепления внутри Эго и объекта. Кляйн принимает эту точку зрения, она понимает, что шизофрения относится к переживанию психики, распавшейся на части. Безусловно, Кляйн должна была спросить себя, каким образом психика приходит к переживанию себя как разделенной на части? Она была глубоко впечатлена подходом Фэйрберна, однако решила инкорпорировать его в собственную систему понятий. Кляйн осознает, что пока не была достаточного внимательной к первым месяцам жизни, поскольку датировала начало депрессивной позиции второй четвертью первого года жизни.

Кляйн в каком-то смысле выдержала атаки на свою систему взглядов в начале 1940-х годов [см. ДИСКУССИИ О ПРОТИВОРЕЧИЯХ], результатом которых стала безрадостная, но стабильная патовая ситуация. Ждать, пока остальные аналитики, не входящие в ее группу, дорастут до ее взглядов, смысла не было; она просто двинулась дальше, вернувшись к своему старому интересу — психозу. В прошлом ее внимание было направлено на детей и их состояния заторможенного и фрагментированного мышления (Klein, 1930, 1931). Кляйн всегда особо отмечала параноидный страх, тормозящий развитие мышления и символизации. Таким образом, не упуская из виду важного значения депрессивной позиции, она согласилась с Фэйрберном, что начало этой позиции определяется адекватной предшествующей проработкой тревоги другого типа, не депрессивной. Также Кляйн согласилась, что здесь действуют шизоидные механизмы, в первую очередь — механизм расщепления. Впоследствии она признала вклад Фэйрберна, объединив его термин «шизоидная позиция» с собственным «параноидная позиция» и получив точный, но несколько громоздкий термин «параноидно-шизоидная позиция».

ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ ПАРАНОИДНО-ШИЗОИДНОЙ ПОЗИЦИИ. На клиническом материале Кляйн описала ряд отличительных черт данной позиции:

(1) Фрагментация и инстинкт смерти. Кляйн смогла принять критику Фэйрберна, поскольку ей пришла в голову изящная идея: переживание разделенности на части может как-то соотноситься с работой инстинкта смерти внутри Эго. Таким образом, она могла рассчитывать на более основательное клиническое доказательство существования инстинкта смерти в анализе пациентов с самыми серьезными нарушениями — шизофреников с распадом личности. Она принялась исследовать эту гипотезу с помощью своих учеников, которые занимались лечением шизофреников [см. КЛЯЙНИАНСКАЯ ГРУППА; ПСИХОЗ].

(2) Раннее Эго. На первых порах Эго колеблется между состояниями интеграции и дезинтеграции: «раннее Эго испытывает значительную нехватку связности, а тенденция к интеграции чередуется с тенденцией к дезинтеграции, распаду на части» (Klein, 1946, p. 4). Позднее эта ситуация была описана Бик (Bick, 1968) на материале непосредственных наблюдений за младенцами в первую неделю жизни [см. АДГЕЗИВНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ]. Тогда как классический психоанализ концентрируется на Эго как органе, стремящемся к разрядке инстинктивных напряжений под давлением Ид, Супер-Эго и реальности, и который можно описать в терминах его структуры и функций, Кляйн рассматривает Эго под другим углом: как функцию, посредством которой субъект осознает свои собственные состояния и процессы[1]. Характерным образом Кляйн описывает эту функцию на основе фантазий Эго по поводу его борьбы с тревогами, которые Эго испытывает в процессе отношений с объектами.

Довольно рано персекуторные состояния и паранойя у маленьких детей стали рассматриваться как исключительно значимые в относительно спокойном (или наоборот) ходе развития. Сёрл (Searl, 1932), на то время одна из ближайших коллег Кляйн, описывала, каким образом подобные психические состояния могут формировать, например, у преждевременно развившегося ребенка, «побуждение к ранним и весьма совершенным образованиям Эго, обедняющим либидинозную жизнь именно потому, что они служат редукции чувств и ощущения напряжения» (Searl, 1932, p. 346). Она описывает ребенка, который избавился от эмоциональных состояний, «стал тихим и бесчувственным» (p. 334). Подобные случаи Кляйн описала в 1946, а Бик — в 1968 году.

(3) Тревога. Эго борется за сохранение своей интегрированности, преодолевая болезненное переживание им объектов, угрожающих аннигиляцией. Поэтому Кляйн начала с *переживания* расщепленного Эго, с тревоги перед раскалыванием на куски. Взгляды Кляйн существенно отличаются от точки зрения Фрейда, рассматривавшего отклонение инстинкта смерти как первое действие Эго. Хотя внешне Кляйн эту концепцию признавала, она указывала, что адекватную проекцию инстинкта смерти может осуществлять только Эго, уже сформированное на основании надежного внутреннего хорошего объекта и опирающееся на его помощь. Поэтому отклонение инстинкта смерти не является тем первым событием, что приводит к возникновению Эго; скорее, оно является постоянным процессом: отклонения и расщепления повторяются вновь и вновь, и процесс этот иногда терпит неудачу.

---

[1] По согласованию с автором данная фраза изменена в сравнении с английским оригиналом. – *Прим. науч. ред.*

Ранее Кляйн следовала гипотезе Фрейда о первичном отклонении инстинкта смерти, сопровождающемся расщеплением Ид [см. 7. СУПЕР-ЭГО], что позволило ей отойти от классического психоанализа и при этом остаться верной Фрейду. Этот хитрый трюк ей удалось проделать, когда она нашла клиническое доказательство существования инстинкта смерти. Описание параноидно-шизоидной позиции давало дальнейшие доказательства, подробно освещая первые моменты жизни Эго. Ранняя тревога — это «страх аннигиляции (смерти), [она] принимает форму страха преследования, /…/ переживается как страх перед неконтролируемым подавляющим объектом, /…/ как тревога разрушения изнутри» (Klein, 1946, pp. 4–5).

Переживание разделенности психики на части, указывала Кляйн, соотносится с действием инстинкта смерти во внутреннем мире. Оно может быть связано с недостаточно успешным первичным отклонением инстинкта смерти вовне. Наконец Кляйн стала утверждать, что это — первичная тревога, лежащая в основе всех остальных тревог, по сути, именно та, что вызывается действием инстинкта смерти: внутренний объект сейчас уничтожит Эго [см. 8. РАННИЕ СИТУАЦИИ ТРЕВОГИ].

Сначала Кляйн описывала ранние ситуации тревоги иначе: она с энтузиазмом подхватила идею Фрейда и для ее подтверждения использовала свой клинический материал. Тогда (в 1927 году) она считала, что тревога возникает из-за осуществляемых в фантазии нападок на материнское тело и страха перед похожим возмездием со стороны матери или поврежденного содержимого ее тела. Именно таким Кляйн виделось специфическое содержание данной тревоги, которую она считала связанной с генитальными импульсами и являющейся частью Эдипова комплекса в его традиционном толковании. В 1932 году Кляйн приняла гипотетическое описание Фрейдом отклонения инстинкта смерти вовне и пугающей ре-интроекции внутреннего преследователя. В описании параноидно-шизоидной позиции 1946 года Кляйн подробно проследила *переживание* инстинкта смерти в терминах фантазий об объектах, угрожающих смертью *изнутри*. Важно, что фантазиям были присущи как эдипальные, так и прегенитальные садистические черты.

(4) Отсутствие тревоги. Зачастую пациент-шизоид или шизофреник, в большей или меньшей мере застрявший на параноидно-шизоидной позиции, как будто почти или вообще не испытывает тревоги или каких бы то ни было иных чувств. Кляйн (Klein, 1946) показала, что это не значит, что таких чувств действительно нет; здесь мы сталкиваемся с особым методом совладания с тревогой. Последняя словно проецируется в другое место, а субъект остается по видимости безучастным и эмоционально обедненным. Это мнение было подтверждено наблюдениями Сигал (Segal, 1956), которая показала, как депрессия шизофреника чаще всего разворачивается не *в* нем самом, но неизбежно переходит *в* аналитика (Klein, 1960). Понимание состояния, в котором теряются аффекты и подобным же образом те-

ряются признаки переноса, сыграло важную роль в развитии кляйнианской техники анализа взрослых с психотическими и пограничными нарушениями [см. 1. ТЕХНИКА], а также теории психодинамики групп, особенно больших [см. СОЦИАЛЬНЫЕ ЗАЩИТНЫЕ СИСТЕМЫ].

Совладание с персекуторной тревогой. Параноидно-шизоидная позиция — это борьба за достижение и поддержание адекватного отклонения инстинкта смерти, которое необходимо, чтобы с уверенностью чувствовать себя не распадающимся на части. Кляйн описывала различные состояния Эго, при которых основное внимание направлено на то, распалось Эго на куски или нет. Она предполагала, что Эго активно себя расщепляет:

> «... некоторые активные процессы расщепления внутри Эго [могут] возникать на очень ранней стадии [и приводят к] /.../ первичной тревоге аннигиляции деструктивной силой изнутри, сопровождающейся специфическим откликом Эго, который заключается в распаде на части или расщеплении себя самого» (Klein, 1946, p. 5).

Самоубийство может представлять собой действие инстинкта смерти, при котором Эго нападает на самое себя. Это также защита от внутренних плохих объектов и от плохой самости путем разрушения их посредством разрушения всего Эго в целом.

Позднее Бион (Bion, 1957) показал активные процессы расщепления на клиническом материале анализа шизофреников; в частности, он увидел активное разрушение их аппарата восприятия из-за того, что этот аппарат открывает их боль, которую они не в состоянии выносить (гонца с плохими вестями убивают) [см. ПСИХОЗ; МЫШЛЕНИЕ; СВЯЗЬ]. Введенное Розенфельдом понятие негативного нарциссизма, который он клинически описывает как манифестацию смертоносного, подобного мафиозной банде внутреннего объекта, демонстрирует аналогичную исходящую изнутри активную угрозу (Rosenfeld, 1971) [см. НАРЦИССИЗМ; ПЕРВЕРСИЯ].

(5) Первая интроекция. До 1946 года Кляйн вслед за Фрейдом считала первым действием Эго проекцию: инстинкт смерти проецируется вовне, что чревато риском интроецирования терзающего и запугивающего преследователя. Но в 1946 году она описала первые интроекции в другом ключе, как гораздо более примитивные. Опираясь на представление о значимости хорошего внутреннего объекта, появившееся у нее при исследовании депрессивной позиции, Кляйн описала интроекцию хорошего и любимого объекта как первичную деятельность. Эта деятельность направлена на создание внутреннего хорошего объекта и этот объект становится средоточием хрупкого Эго, вокруг которого оно может интегрироваться:

> «Первый внутренний хороший объект действует как центральная точка Эго. Он противодействует процессу расщепления и рассеивания, способствует связности и интеграции и служит инструментом построения Эго» (Klein, 1946, p. 6).

Интегрирующий внутренний объект. Чередующиеся состояния интеграции и дезинтеграции связаны с появлением и исчезновением внешнего хорошего объекта. Состояния фрустрации развиваются, сопровождаясь утратой интроецированного хорошего объекта, и смягчаются, лишь когда младенец вновь располагает внешним хорошим объектом для продолжения интроекции. С самого начала младенец нуждается в объекте, способном удерживать или *контейнировать* его переживания [см. КОНТЕЙНИРОВАНИЕ; МЕЧТАНИЕ]. Бик (Bick, 1968) еще категоричнее настаивала на том, что первое действие Эго есть интроекция — интроекция объекта, дарующего способность удержания чего-либо вместе внутри, что дает первичное ощущение самости [см. КОЖА].

Всемогущая интроекция на параноидно-шизоидной позиции. Следует различать интроекцию хорошего объекта на параноидно-шизоидной позиции (объекта, что становится ядром Эго, собирая его вместе) и интроекцию хорошего объекта на депрессивной позиции (*по отношению к нему* Эго испытывает любовь и беспокойство). Это различие устанавливается характером интроекции. Когда в фантазии она осуществляется с определенной долей всемогущества (Rosenfeld, 1964), граница между Эго и внутренним объектом разрушается и Эго завладевает объектом просто как частью самости. Депрессивная позиция отмечена упадком такого всемогущего нарциссического устранения границ Эго, и объекты переживаются более реалистическим образом, как обладающие собственной целостностью [см. НАРЦИССИЗМ].

Зачастую Эго существенно ослаблено расщеплением и неспособно к полноценной интроекции и идентификации, из-за чего внутренние объекты оказываются не ассимилированными [см. АССИМИЛЯЦИЯ]; кроме того, всемогущие фантазии инкорпорации могут сопровождаться значительной агрессией и приводить к тому, что внутри не остается никакого неповрежденного объекта [см. ЖАДНОСТЬ]. Фактически, интроекция на этой позиции может существенно нарушаться вследствие страха помещения хороших объектов в катастрофически деструктивный внутренний мир.

ЗАЩИТНЫЕ МЕХАНИЗМЫ НА ПАРАНОИДНО-ШИЗОИДНОЙ ПОЗИЦИИ. Фэйрберн критиковал Кляйн за то, что она уделяла слишком много внимания депрессии и следовала за Абрахамом в его заинтересованности обсессивными механизмами и маниакально-депрессивными состояниями. Приняв в своих ранних работах (в 1920-х годах), что специфические защиты от садизма и параноидной тревоги являются обсессивными,

Кляйн постепенно стала осознавать существование целого класса примитивных защитных механизмов совершенно иного характера [см. 9. ПРИМИТИВНЫЕ ЗАЩИТНЫЕ МЕХАНИЗМЫ]. В 1940 году она все еще пыталась найти место для обсессивных механизмов в своей схеме депрессивной позиции. Но затем Кляйн, по-видимому, вообще разуверилась в их значимости, и в дальнейшем кляйнианцы стали считать невроз навязчивых состояний частным и поздним проявлением некоторых маниакальных защит посредством власти и контроля.

Фундаментальным для всей параноидно-шизоидной позиции является механизм расщепления [см. РАСЩЕПЛЕНИЕ], но Кляйн в связи с расщеплением особенно интересовали проекция и интроекция:

> «Осуществляемые в фантазиях нападения на мать следуют двум основным направлениям. Одно — это преимущественно оральный импульс высасывания, выкусывания, вычерпывания, кражи хорошего содержимого материнского тела. Другое направление задается анальными и уретральными импульсами и предполагает выталкивание опасных субстанций (экскрементов) из самости внутрь матери» (Klein, 1946, p. 8).

Это механизмы интроекции и проекции, выраженные в терминах переживаний, испытываемых в фантазии.

Проективная идентификация. Более всего Кляйн интересовало насильственное исторжение экскрементов. Вследствие таких насильственных проекций расщепление Эго сопровождается выталкиванием отторгнутых, плохих частей самости:

> «Вместе с этими вредоносными экскрементами, исторгнутыми в ненависти, на мать, или, я скорее сказала бы, *внутрь* матери, также проецируются отщепленные части Эго. Предназначение этих экскрементов и плохих частей самости — не только повреждать, но также контролировать объект и овладевать им. Поскольку мать становится вместилищем плохих частей самости, она не ощущается как отдельная индивидуальность, но как *сама эта* плохая самость. /…/ Это приводит к особой форме идентификации, которая устанавливает прототип агрессивного отношения» (Klein, 1946, p. 8).

В этом месте в 1952 году к тексту была добавлена фраза: «Я предлагаю использовать для обозначения этих процессов термин “проективная идентификация”». Цель такой формы проекции может меняться, но она неизменно активизирует насильственный контроль над объектом; результатом становятся тяжелые психотические симптомы и глубокое чувство истощен-

ного или ослабленного Эго, приводящее к деперсонализации [13. ПРОЕКТИВНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ].

Такая прототипическая агрессия осложнена тем, что «если этот проективный процесс имеет слишком сильный размах, хорошие части личности ощущаются утраченными» (Klein, 1946, p. 9). Если утрачены хорошие части самости, «ослабление и обеднение Эго» происходит особенно интенсивно. Это специфическая дилемма шизоидной личности, которую любовь истощает из-за неизменного использования проективной идентификации.

Исторжения нацелены на объект, и «снаряд» (projectile), составленный из внутреннего объекта и части самости, насильственно внедряется прямо во внешний объект. Кляйн говорит об исторжении *внутрь* объекта, и это связано с прошлым ее интересом к ранним ситуациям тревоги, что включают в себя вторжение в материнское тело в фантазиях агрессивного контроля, ограбления и порчи [см. 6. ФАЗА ЖЕНСТВЕННОСТИ].

Таким образом, Эго расщеплено и рассеяно не только в своем собственном внутреннем мире, но также и во внешнем. Впоследствии в фантазии возникает вера, что объекты содержат часть самости, в них ранее исторгнутую, и эти объекты теперь оказываются похожими на Эго. Такой объект атакуется с ненавистью, и потому Эго ощущает свои части находящимися в опасности, что усиливает состояния тревоги. В результате этой фрагментации Эго чувствует себя очень слабым. Хотя данные процессы происходят в фантазии, убежденность, с которой они осуществляются, и отсутствие у младенца возможностей каким-либо образом провести проверку реальности себя и других, приводит к тому, что фантазия воздействует на Эго так, как если бы все происходило на самом деле — Фрейд назвал это «модификацией Эго» (“alteration of the ego”) (Freud, 1940) [см. ВСЕМОГУЩЕСТВО]. Поэтому рассеяние в фантазии становится, по сути, реальностью, реальностью психической или эмоциональной. Эго ослабевает вследствие утраты своих частей, что может приводить к затруднению в совладании с интроекциями. Иногда они кажутся полностью господствующими над ослабленным теперь Эго в его собственном внутреннем мире. При этом Эго может ощущать себя всего лишь оболочкой для находящегося внутри него чужеродного объекта, когда оно чувствует себя подавленным даже хорошим внутренним объектом и ему «принудительно подчиненным». При этом многие процессы отчетливо напоминают те причудливые состояния идентичности, которые испытывает пациент-шизофреник [см. ПСИХОЗ].

ПОЗДНЕЙШИЕ РАЗРАБОТКИ. Последние сорок лет немало усилий тратится на то, чтобы сохранить термин «проективная идентификация» живым и осмысленным. Хотя Кляйн полагала признаком параноидно-шизоидной позиции персекуторную тревогу, теперь эта роль практически полностью возложена на проективную идентификацию. Это особенно важно, поскольку проективная идентификация указывает на странные состояния спутанной идентично-

сти и деперсонализации, которые обнаруживаются в психотических или пограничных случаях. Причудливые переживания шизофреников — не только их дезинтеграция, но также и экстернализация частей их психики в галлюцинациях и бредовых идеях отношений, — охватываются термином «проективная идентификация». Она описывается все чаще и чаще, причем следует отметить небеспочвенное утверждение, что проективная идентификация является основным механизмом, отвечающим за способность к эмпатии (способность ставить себя на место другого). Таким образом, история кляйнианского мышления с середины 1950-х годов в основном связана с развитием концепции проективной идентификации [см. 13. ПРОЕКТИВНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ] и в меньшей степени — концепции зависти [см. 12. ЗАВИСТЬ].

Другие формы идентификации. В середине семидесятых на основании подробных, поминутных наблюдений за взаимодействием матери и ребенка с момента его рождения было разработано понятие адгезии или адгезивной идентификации (Bick, 1986; Meltzer, 1975) [см. АДГЕЗИВНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ].

Блегер, кляйнианец из Южной Америки, описал (Bleger, 1971) позицию, предшествующую параноидно-шизоидной и депрессивной (единственное на данный момент изложение взглядов Блегера на английском языке см. в (Amati, 1987)), но сохраняющуюся в виде ядер (*агглютинированных ядер*). «Агглютинированными», т. е. склеенными, они называются потому, что конфликтующие аффекты и импульсы в них неразделимы и вследствие этого не вступают в конфликт. Подобные агглютинированные ядра могут помещаться во внешний мир — не в объект, поскольку нет должным образом вычленяемого объекта, хотя, по-видимому, существует мир вне самости. Такое размещение не вполне является проективной идентификацией, поскольку не существует объекта, в который могла бы производиться проекция и с которым могла бы происходить идентификация. Это несколько напоминает утечку в пустое пространство, описанную Бик (Bick, 1968), а идея о неразделимых аффектах напоминает приведенные Розенфельдом описания спутанности либидо с деструктивными импульсами в первичной зависти.

ОТКЛИКИ НА ТЕОРИЮ ПАРАНОИДНО-ШИЗОИДНОЙ ПОЗИЦИИ.

Большинство критиков перестали отслеживать развитие взглядов Кляйн ко времени разработки ею понятия депрессивной позиции. Поэтому, когда она подошла к описанию параноидно-шизоидной позиции, очень немногие аналитики не из группы Кляйн могли как-то это прокомментировать. Но Фэйрберн, который открыл обсуждение данной позиции, оказался на это способен. Ранее Фэйрберн последовательно утверждал, что понятие депрессивной позиции является логическим выводом из фрейдовской цепочки рассуждений, но ведет в ложном направлении. Оральная организация структуры Супер-Эго маскирует предшествующую депрессивной позицию, которая характеризуется расщеплением, и является защитой от нее.

В отличие от Кляйн, Фэйрберн считал интроективные процессы нужными только для защиты; а значит, интернализуется только «плохой» объект. Кроме того, он подчеркивал значимость судьбы этого внутреннего плохого объекта, которую определяет ход расщеплений. Все это радикально отличается от точки зрения Кляйн: для нее развитие Эго – процесс, целиком зависящий от циклов проекции–интроекции как «хорошего», так и «плохого» объектов.

По мнению Фэйрберна, проблемы процессов раннего расщепления связаны с неблагоприятным окружением, что полностью расходится с представлением Кляйн о врожденном и потому в первую очередь внутреннем конфликте инстинктов. Оно побудило Кляйн уделять гораздо больше внимания фантазии; это направление анализа Фэйрберн игнорировал.

Некоторые участники группы Кляйн не приняли ее теоретические разработки и вышли из состава группы. Например, Винникот, признавая значимость депрессивной позиции (Winnicott, 1945), развил совершенно иной взгляд на раннее младенчество, вернувшись к классическому представлению о периоде аутоэротизма, на протяжении которого невозможно разграничить самость и объект. Он называл это первичным инфантильным всемогуществом, когда всякое столкновение с окружением создает глубокое расстройство самости.

Другой важной потерей для лагеря кляйнианцев стала Паула Хайманн: в середине пятидесятых она отошла от Кляйн примерно так же, как двумя десятилетиями ранее это сделала Мелитта Шмидеберг, дочь Кляйн. Хайманн никогда не поддерживала представления о проективной идентификации, и, похоже, имела совершенно другие взгляды на разделения Эго. Взгляды Хайманн опирались на ее идеи, касающиеся ассимилированных и неассимилированных объектов (упомянуты в Heimann, 1955).

Проективная идентификация. В последние годы наблюдается значительный интерес к проективной идентификации среди аналитиков, не входящих в Кляйнианскую группу. Как и следовало ожидать, это привело к масштабным концептуальным разногласиям и тривиальной путанице. Попытка разобраться в данном вопросе предпринята в другой статье настоящего словаря [см. 13. ПРОЕКТИВНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ].

Abraham, Karl (1911) 'Notes on the psycho-analytical investigation and treatment of manic-depressive insanity and allied conditions', in Karl Abraham (1927) *Selected Papers on Psycho-Analysis.* Hogarth, pp. 137–56.

Abraham, Karl (1924) 'A short study of the development of the libido', in *Selected Papers on Psycho-Analysis*, pp. 418–501.

Amati, Sylvia (1987) 'Some thoughts on torture', *Free Associations* 8: 94–114.

Bick, Esther (1968) 'The experience of the skin in early object relations', *Int.J. Psycho-Anal.* 49: 484–6.

Bick, Esther (1986) 'Further considerations on the function of the skin in early object relations', *Br. J. Psychother.* 2: 292–9.

Bion, Wilfred (1957) 'Differentiation of the psychotic from the non-psychotic personalities', *Int. J. Psycho-Anal.* 38: 266–75.

Bleger, J. (1971) *Simbiosis y Ambiguedad*. Buenos Aires: Paidos.

Fairbairn, Ronald (1943) 'The repression and the return of bad objects', *Br. J. Med. Psychol.* 19: 327–41; republished, with amendments (1952) in Ronald Fairbairn, *Psycho-Analytic Studies of the Personality*. Routledge & Kegan Paul, pp. 59–81.

Freud, Sigmund (1917) 'Mourning and melancholia', in James Strachey, ed. *The Standard Edition of tile Complete Psychological Works of Sigmund Freud*, 24 vols. Hogarth, 1953–73. vol. 14, pp. 237–60.

Freud, Sigmund (1940) 'Splitting of the ego in the process of defence'. *S.E. 23*, pp. 271–8.

Heimann, Paula (1955) 'A combination of defences in paranoid states', in Melanie Klein, Paula Heimann and Roger Money-Kyrle, eds *New Directions in Psycho-Analysis*. Tavistock.

Klein, Melanie (1927) 'Criminal tendencies in normal children', in *The Writings of Melanie Klein*, vol. 1. Hogarth, pp. 170–85.

Klein, Melanie (1930) 'The importance of symbol-formation in the development of the ego', *The Writings of Melanie Klein*, vol. 1, pp. 219–32.

Klein, Melanie (1931) 'A contribution to the theory of intellectual inhibition', *The Writings of Melanie Klein*, vol. 1, pp. 236–47.

Klein, Melanie (1932) *The Psycho-Analysis of Children, The Writings of Melanie Klein*, vol. 2.

Klein, Melanie (1940) 'Mourning and its relation to manic-depressive states', *The Writings of Melanie Klein*, vol. 1, pp. 344–69.

Klein, Melanie (1946) 'Notes on some schizoid mechanisms', *The Writings of Melanie Klein*, vol. 3, pp. 1–24.

Klein, Melanie (1960) 'A note on depression in the schizophrenic', *The Writings of Melanie Klein*, vol. 3, pp. 264–7.

Meltzer, Donald (1975) 'Adhesive identification', *Contemporary Psycho-Analysis* 11: 289–310.

Rosenfeld, Herbert (1947) 'Analysis of a schizophrenic state with depersonalization', *Int. J. Psycho-Anal.* 28: 130—9; republished (1965) in Herbert Rosenfeld, *Psychotic States*. Hogarth, pp. 13–33.

Rosenfeld, Herbert (1954) 'Considerations regarding the psycho-analytic approach to acute and chronic schizophrenia', *Int. J. Psycho-Anal.* 35: 138—40; republished (1965) in *Psychotic States*, pp. 117–27.

Rosenfeld, Herbert (1964) 'On the psychopathology of narcissism: a clinical approach', *Int. J. Psycho-Anal.* 45: 332–7; republished (1965) in *Psychotic States*, pp. 169–79.

Rosenfeld, Herbert (1971) 'A clinical approach to the psycho-analytical theory of the life and death instinct: an investigation into the aggressive aspects of narcissism', *Int. J. Psycho-Anal.* 52: 169–78.

Searl, Mina (1932) 'A note on depersonalization', *Int. J. Psycho-Anal.* 13: 329–47.

Segal, Hanna (1956) 'Depression in the schizophrenic', *Int. J. Psycho-Anal.* 37: 339–43; republished (1981) in *The Work of Hanna Segal*. New York: Jason Aronson, pp. 121–9.

Winnicott, D. W. (1945) 'Primitive emotional development', *Int. J. Psycho-Anal.* 26: 137–43.

12. Зависть
(Envy)

ОПРЕДЕЛЕНИЕ. Зависть в отчетливой форме была описана Кляйн и ее сотрудниками на основании анализа шизофреников. Это деструктивное нападение на источники жизни, на *хороший*, а не на плохой объект, и ее следует отличать от амбивалентности и от фрустрации. Считается, что по своему происхождению зависть — явление врожденное, часть инстинктивного достояния, и она требует с самого начала функционирования механизма расщеплениияв качестве исходной защиты.

ХРОНОЛОГИЯ

1952 Клинические описания Розенфельда (Розенфельд Г. «Заметки о психоанализе конфликта Супер-Эго в случае острой шизофрении»,1952).

1957 Теоретическое изложение Кляйн (Кляйн М. «Зависть и благодарность», 1957).

1971 Зависть и структура Эго (Розенфельд Г. «Клинический подход к психоаналитической теории инстинктов жизни и смерти: исследование агрессивных аспектов нарциссизма», 1971).

У термина «зависть» в психоанализе долгая история, но значение его менялось. Фрейд ввел это понятие вместе с концепцией «зависти к пенису» как специфической проблемы психологического развития женщин. Однако затем многие аналитики (и не аналитики) не соглашались с фрейдовскими описаниями женской психологии [см. 6. ФАЗА ЖЕНСТВЕННОСТИ].

Оральная зависть. Кляйн (Klein, 1929) датировала ее происхождение очень ранними стадиями развития как мальчиков, так и девочек и описывала ее в оральной фазе: «Оральная зависть — одна из сил, побуждающих детей обоих полов к проникновению в материнское тело и к получению связанного с ним знания» (Klein, 1932, p. 131).

В результате приложения концепций параноидно-шизоидной позиции и проективной идентификации возникла новая возможность понимания переноса у шизофреников, что позволило уделять больше внимания материалу, связанному с завистью. У таких пациентов фантазия *вхождения в «хороший» объект и порчи его и его содержимого* весьма распространена. Эта фантазия является первичным выражением инстинкта — инстинкта смерти.

Ранее предполагалось, что инстинкт смерти отклоняется вовне на объект, возможно, произвольно выбираемый в качестве «плохого» (т. е. такого, чьи намерения направлены против субъекта), но теперь Кляйн описала другое развертывание импульсов инстинкта смерти. Теперь они рассматривались как направленные на «хороший» объект, из-за чего возникает некая спутанность «хороших» и «плохих» импульсов и «хороших» и «плохих» объектов. Младенец приходит в мучительное состояние, с которым стремится немедленно справиться, но попытки совладать с ним превращаются в длящиеся всю жизнь усилия различения хорошего и плохого в себе и в окружающем мире.

ПЕРВИЧНАЯ ЗАВИСТЬ. Когда аналитики только начинали работать со взрослыми шизофрениками (в конце 1930-х и в 1940-х годах), казалось, что обнаруживаемые проблемы и переносы – следы самых ранних стадий психической деятельности, первых моментов жизни. Кляйн в то время соглашалась с фрейдовскими гипотетическими описаниями отклонения инстинкта смерти при рождении, но группа аналитиков, связанных с Кляйн в 1940-х годах, столкнулась с как будто бы врожденной предрасположенностью к конфликту и спутанности, вследствие которой хороший объект подвергается нападению за свою «хорошесть». Этот феномен снова и снова повторялся в самых примитивных формах в переносах взрослых пациентов, страдающих хронической шизофренией (Rosenfeld, 1947, 1952; Segal, 1950) [см. ПСИХОЗ].

Особенности первичной зависти. Кляйн выделяла такие характерные черты, отличающие первичную зависть от близких душевных состояний фрустрации или соперничества:

(i) соответствующая фантазия является врожденной;

(ii) «хороший» объект подвергается нападению за свою «хорошесть»;

(iii) вследствие этого понимание отделенности от «хорошего» объекта, возбуждающего зависть, оказывается невыносимым.

Такая совокупность черт приводит еще к двум особенностям:

(iv) возникает насущная и безотлагательная потребность удерживать «хорошие» объекты и «плохие» объекты обособленными друг от друга, то же самое относится к хорошим и плохим импульсам младенца. Эта форма «нормального» расщепления нарушается при шизофренических расстройствах;

(v) невыносимость зависимой отдельности приводит к тенденции спутанности с «хорошим» объектом (или поглощения им) и к процессу проективной идентификации. Этот процесс актуализирует характерные черты параноидно-шизоидной позиции: затруднения в достижении чувства реальности и потенциально нарциссическую структуру личности.

Зависть и фрустрация. Важно отличать эту фантазию нападения на хороший объект, проникновения в него и его порчи *за то, что он хороший*, от других форм нападения и ненависти. Это не ненависть, направленная на фрустрирующий объект, отказывающий в том, чем он владеет, и не яростные чувства, направленные на соперника, монопольно завладевшего хорошим объектом.

Предварительные наблюдения. Абрахам (Abraham, 1919) давал клинические описания раздражительных пациентов, неспособных откликаться на усилия и мастерство аналитика и упорно не принимавших помощи, а Кляйн (Klein, 1929) изначально теоретически рассматривала зависть как проявление орального садизма. Ривьер (Riviere, 1932) в исследовании ревности описывала «зависть и повреждение объекта», не отличая их в полной мере от ревности. Хорни (Horny, 1936) достаточно подробно описала зависть, считая ее частью негативной терапевтической реакции [см. НЕГАТИВНАЯ ТЕРАПЕВТИЧЕСКАЯ РЕАКЦИЯ].

Это понятие было популярным среди членов Кляйнианской группы еще до появления книги «Зависть и благодарность» (Klein, 1957). В 1952 году изучать зависть начал Розенфельд. У него был обстоятельный клинический материал, демонстрирующий первичную зависть у пациента-шизофреника:

> «Затем он сказал: “Мир круглый, — и продолжил четко и вдумчиво: — Я ненавижу его, потому что чувствую из-за него, что сгорел изнутри”. После чего добавил, словно поясняя сказанное: “Желтое — зависть”. Я интерпретировал , что круглый мир представляет меня, ощущаемого как хорошая грудь, и он ненавидит внешнего меня за то, что я возбуждаю его зависть, поскольку зависть заставляет его чувствовать, что он хочет меня убить и сжечь меня внутри себя. Поэтому он не мог самостоятельно поддерживать меня хорошим и живым и ощущал меня внутри себя плохим и сгорающим» (Rosenfeld, 1952, p. 92).

В 1952 году Кляйн, исследуя жадность, писала:

> «Моя аналитическая работа продемонстрировала мне, что зависть (чередующаяся с чувствами любви и благодарности) вначале направлена на кормящую грудь. К этой первичной зависти с возникновением Эдиповой ситуации прибавляется ревность» (Klein, 1952a, p. 79).

Кляйн также отметила, что зависть, будучи характерной для самых ранних фаз (орально-садистических), тем не менее, определяет формы проекции в объекты, и объяснила,

> «каким образом внутренние преследования влияют, посредством проекции, на отношение к внешним объектам. Интенсивность ее [Эрны] зависти и ненависти безошибочно указывала на их источник в орально-садистическом отношении к материнской груди». (Klein, 1955a, p. 135)

В другой статье того же года Кляйн описывала зависть как одну из движущих сил агрессивных фантазий: «эти эмоции побуждают Фабиана хвататься за то, что есть у других, как в материальном, так и в духовном смысле; они неодолимо влекут его к тому, что я назвала проективными идентификациями» (Klein, 1955b, p. 154). Кляйн придавала зависти большое значение как фактору, содействующему проективной идентификации [см. 13. ПРОЕКТИВНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ].

Инстинкт смерти. Концепция зависти относительно поздно вошла в теоретическую систему Кляйн. Ее основание — работа, посвященная параноидно-шизоидной позиции (Klein, 1946), а также стремление Кляйн разобраться с понятием инстинкта смерти. Кляйн переняла идею отклонения инстинкта смерти у Фрейда (Freud, 1926) и построила на ней новую теорию Супер-Эго; суровость Супер-Эго у очень маленьких детей стала клиническим свидетельством проявления инстинкта смерти в качестве садистической совести (Klein, 1933) [7. СУПЕР-ЭГО]. Интроекция хорошего объекта, последовательно обеспечивая базовое удовлетворение либидинозных импульсов, становится стабилизирующим ядром Эго. Эго интегрирует себя, принимая в самый свой центр хороший объект и выталкивая вовне инстинкт смерти, который трансформируется в образ преследователя [см. 11. ПАРАНОИДНО-ШИЗОИДНАЯ ПОЗИЦИЯ]. Кляйн было понятно — и она охотно делилась этим пониманием, — что в данном процессе многое может происходить неправильно. Различные формы неравновесия систем проекции и интроекции могут оставлять после себя пагубную предрасположенность личности распадаться на фрагменты или впадать в психоз в дальнейшей жизни (Klein, 1946).

Концепция зависти нужна была для объяснения того, почему у некоторых младенцев интеграция вызывает множество проблем. Причина, как обнаружила Кляйн, заключается во врожденной спутанности (confusion) переживаний, так что ребенок оказывается не в состоянии правильно их разделить. Зависть — это склонность к установлению враждебных отношений с хорошим объектом, а не с плохим, вызывающим страх преследователем. Объект, удовлетворяющий либидинозные импульсы, оказывается атакованным как будто бы по ошибке, но на самом деле потому, что является хорошим.

Слияние инстинктов (fusion of instinct). Не так давно Сигал (Segal, 1987) пересмотрела отношение между завистью и инстинктом смерти [см. ИНСТИНКТ СМЕРТИ]. От рождения инстинкт смерти проявляется в различ-

ных формах, включая такую проекцию (в исходных терминах Фрейда — «отклонение») инстинкта смерти, при которой внешний объект начинает восприниматься как угрожающий самости; как элемент деструктивности, сохраняющийся внутри и обращенный на внешний угрожающий объект; как элемент, угрожающий изнутри и разрушающий воспринимающую самость или восприятия объектов.

Хотя и зависть, и инстинкт смерти атакуют как инстинкты жизни, так и объекты соответствующих импульсов, в состоянии зависти инстинкт смерти сплавлен с инстинктами жизни. Деструктивность направлена на объект, который возбуждает потребность и поэтому любовь. Он ненавидим за эту свою способность, но он также является удовлетворением вызванной потребности. Поэтому зависть включает в себя как инстинкты жизни (признание потребностей и тяги к объекту), так и инстинкт смерти (нападение на объект и способность его воспринимать).

Это слияние инстинктов при стойкой зависти, где преобладает инстинкт смерти, разительно отличается от более нормальных и здоровых форм интеграции, где преобладают инстинкты жизни. В последнем случае либидинозные побуждения ведут к успешному установлению любовных объектных отношений [см. ЛЮБОВЬ] и поддерживают развитие, проходящее череду либидинозных фаз [см. ЛИБИДО].

Зависть является одной из форм слияния инстинктов при преобладании инстинкта смерти, но есть и другие формы — мазохизм и прочие перверсии [см. ПЕРВЕРСИИ, НЕГАТИВНЫЙ НАРЦИССИЗМ, ПАТОЛОГИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ].

Борьба за хороший объект. Кляйн, исследуя человеческую склонность нападать на хороший объект, установила, что первым и необходимым действием Эго является различение хорошего и плохого душевных состояний и хороших и плохих объектов. Эта форма расщепления выглядит здоровой, когда с ней не связана слишком сильная ненависть. Если же ненависти слишком много, данная форма расщепления оказывается нарушенной и хорошие и плохие импульсы и объекты остаются частично спутанными.

Если младенец не может допустить, чтобы хороший объект не подвергался нападению, он не может должным образом его интроецировать в целости и сохранности. Он не может отделить его от плохих объектов, которых должен избегать, и обречен с самого начала на фундаментальную неспособность упорядочить свои переживания наиболее простым образом. При нормальном развитии нормальная форма расщепления обособливает хороший объект от плохого, так что может начаться процесс интеграции Эго, в основании которого — любимый и защищенный хороший объект. Элементы зависти, нападение на людей с особыми преимуществами и качествами лишь из-за их «хорошести», постепенно превращаются в ревность, а в конечном итоге — в более честное состояние соперничества.

Зависть и персекуторная тревога. Зависть порождает различные параноидные тревоги посредством характерных порочных кругов, описания которых Кляйн приводила уже в ранних своих работах [см. ПАРАНОЙЯ]:

(i) Насильственная интроекция. В результате завистливого вталкивания (проекции) самости в объект для его захвата и порчи (когда младенец уже понимает, что объекты существуют отдельно, и он не обладает ими и не контролирует их всемогущественно) могут появляться столь же страшные фантазии ответного вторжения в младенца с целью его порчи. Эта пугающая ответная насильственная интроекция ощутимо затормаживает возникающее признание собственной отдельности.

(ii) Жадность. Зависть — это фантазия насильственного проникновения (с помощью проективных методов) в *хороший* объект и деструктивных нападений на него лишь потому, что он хороший. Когда зависть сильна, может появляться столь же всемогущая фантазия *интроективной* агрессии — вбирание в себя с приложением повреждающего усилия, так что объект подвергается порче посредством насильственной формы обладания и контроля. При этом сохраняется внутреннее состояние ненакормленности, отмеченное постоянным голодом. Жадность может приводить к накоплению внутри поврежденных объектов; каждый из них провоцирует рост «голода» и нужды в хорошем объекте, который необходимо вобрать для облегчения все ухудшающегося внутреннего состояния.

Благодарность и удовлетворение. Зависти Кляйн противопоставляла чувство благодарности. Благодарность — это особое чувство к объекту, источнику удовлетворения[1] (gratification). По мнению Фрейда, инстинкты находят удовлетворение посредством объекта; сам объект остается всего лишь побочным дополнением к удовлетворению, пока ему не препятствуют. Благодарность — не то же самое, что удовлетворение (satisfaction) и наслаждение, но ими вызвана:

> «Если наслаждение от кормления не нарушается и в таком виде переживается часто, то происходит достаточно прочная интроекция хорошей груди. Полное удовлетворение от груди означает, что младенец чувствует: он получил от своего объекта исключительный дар, который хотел бы сохранить. Это и составляет основу благодарности». (Klein, 1957, p. 188)

---

[1] Автор использует два разных слова, соответствующих русскому слову «удовлетворение»: «gratification» и «satisfaction». Первое имеет общий корень со словом «благодарность» — «gratitude» и чаще употребляется в контексте отношений с объектом. Второе в большей степени соотносится с влечением и удовольствием. — *Примеч. науч. ред.*

Кляйн считала объект по меньшей мере столь же важным, как и влечение, — фактически она полагала, что объект неотъемлем от влечения [см. 2. БЕССОЗНАТЕЛЬНАЯ ФАНТАЗИЯ]. В результате, с ее точки зрения, объект переживается совершенно по-разному. Ощущение наличия и доступности объекта может порождать заботу, уважение и благодарность к самому объекту как части инстинкта жизни [см. ЛЮБОВЬ]. Зависть же направлена на объект, доставляющий удовлетворение, и потому существенно отличается от нападения на объект фрустрирующий.

Отличительной чертой теории объектных отношений служит концепция особого ощущения благодарности объекту, составляющего чувство любви и признательности; это ощущение становится особенно сильным на депрессивной позиции, в отношениях с *целостным объектом* [см. 10. ДЕПРЕССИВНАЯ ПОЗИЦИЯ; ЛЮБОВЬ].

Защиты от зависти. Защитные механизмы от зависти были специально описаны Кляйн; к их числу относятся встречающиеся в описаниях параноидно-шизоидной позиции — всемогущество, отрицание, расщепление и идеализация. Разглядеть их бывает нелегко: «Зачастую наблюдается смесь действительного выражения зависти и защит от нее. Не всегда оказывается возможным сказать, имеем мы дело с атакой зависти или же с защитой» (Joseph, 1986, p. 18). Кляйн описала ряд других защит, присущих именно зависти: (i) одной из наиболее важных является *спутанность:* «Спутанность в отношении того, является ли данный заместитель исходной фигуры хорошим или плохим, создает некий противовес преследованию и вине по поводу порчи первичного объекта и нападения на него посредством зависти» (Klein, 1957, p. 216); (ii) «*Бегство от матери к другим людям,* кем восхищаются и кого идеализируют, чтобы избежать враждебных чувств к наиболее важному, вызывающему зависть объекту — груди» (Klein, 1957, p. 217); (iii) *обесценивание объекта:* «Обесцененному объекту можно больше не завидовать» (Klein, 1957, p. 217); (iv) *обесценивание самости:* «когда есть опасность соперничества с важной фигурой /.../ обесценивая свои таланты, можно одновременно отрицать зависть и наказывать себя за нее» (Klein, 1957, p. 218); (v) *интернализация груди с такой жадностью*, что «в душе младенца она становится его исключительной собственностью и контролируется им, и он чувствует: все хорошее, что он приписывает ей, будет принадлежать ему» (Klein, 1957, p. 218); (vi) *зависть может проецироваться:* «Частый способ защиты — пробуждение зависти в других людях с помощью своих собственных успехов, удач или того, чем человек обладает, и это приводит к обращению ситуации» (Klein, 1957, p. 218); (vii) *удушение чувств любви и соответствующая интенсификация ненависти*, что «менее болезненно, чем выносить вину из-за сочетания любви, ненависти и зависти. Все это может не выражать себя как ненависть, а принимать вид безразличия» (Klein, 1957, p. 219); (viii) наконец, защита, прямо направленная на то, чтобы избежать преодоления расщепления, которое не давало проявиться зависти.

Такая защита первоначально была описана Розенфельдом (Rosenfeld, 1952) и представляет собой «*отыгрывание* с целью избежать интеграции» (Klein, 1957, p. 219, см. также Rosenfeld, 1955). Несколько позднее Сигал (Segal, 1962) подробно описала (ix) *отщепление* зависти, приводящее к истощению Эго: по сути, проективную идентификацию.

ПОЗДНЕЙШИЕ РАЗРАБОТКИ. В дальнейшем обсуждении кляйнианской теории понятие зависти отступило на второй план по сравнению с понятием проективной идентификации. Тем не менее, оно получило существенное развитие, хотя практически все уместные комментарии исходили от членов Кляйнианской группы. Статья Джофе (Joffe, 1969) касается только работ самой Кляйн и игнорирует дальнейшие разработки.

Спутанность самости и объекта. Одним из наиболее примитивных и непосредственных последствий спутанности импульсов, направленных на «хороший» объект, является исчезновение границы между отдельным объектом и самостью. Фантазия зависти включает в себя проникновение в объект и овладение им в целях порчи (проективная идентификация). Включенное в эту фантазию всемогущество разрушает отдельность объекта и боль, причиняемую завистью к нему. Розенфельд (Rosenfeld, 1965) описывал эту вызванную всемогуществом спутанность самости и объекта при различных формах тяжелых нарушений.

При осуществлении в фантазии деструкции отношений с внешним «хорошим» объектом возникает всемогущее нарциссическое состояние, которое может затянуться, перейдя в нарциссическую структуру личности (Rosenfeld, 1987) [см. НАРЦИССИЗМ; СТРУКТУРА]. Розенфельд (Rosenfeld, 1987) считал спутанность в объектных отношениях, наблюдающуюся с самого начала жизни, врожденным качеством. Подобная точка зрения на особый унаследованный потенциал спутанности инстинктивных импульсов хорошо согласуется с доказательствами значимости генетического фактора при шизофрении, накопленными в психиатрии [см. КОНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ФАКТОР].

Таким образом, зависть оказывается одним из факторов, которые Кляйн считала конституциональными. Это не значит, что зависть не поддается модификации, хотя в адрес концепции зависти высказывалась и такая критика. В психической жизни шизофреника мы наблюдаем ситуацию, когда зависть действительно не претерпела модификации, но при нормальном ходе развития младенец по сути в достаточной степени модифицирует ее, чтобы питаться и формировать нормально развивающуюся психику. Модификация не происходит только в случае тяжелых психических расстройств; кроме того, зависть продолжает функционировать на примитивном уровне в некоторых отщепленных состояниях.

Зависть и нарциссизм. В своей работе о зависти (Klein, 1957) Кляйн мало говорит о структуре нарциссизма и соответствующих системах фантазий. Однако она подчеркивает детали наблюдения защит, и становится понятно, что здесь описывается переработка параноидно-шизоидной позиции. Поскольку это касается состояния Эго, такая позиция является нарциссической (фактически Сигал (Segal, 1983) и называла ее «нарциссической позицией»):

> «Нахождение объекта становится фундаментально фрустрирующим переживанием только тогда, когда субъект стремится *быть* объектом, а не *обладать* им. /.../ Непереносимость объектных отношений предполагает зависть, и всякая теория, определяющая объектные отношения как фрустрирующие, неявным образом подразумевает понятие зависти» (Etchegoyen *et al.*, 1987, pp. 54–55).

Зависть по существу является нападением на объектные отношения в целях сохранения всемогущества и само-идеализации [см. НАРЦИССИЗМ], а не просто нападением на объект из-за его фрустрирующего поведения. «Зависть и нарциссизм тесно связаны, как две стороны одной медали» (Etchegoyen *et al.*, 1987).

Негативный нарциссизм. В 1971 году Розенфельд предложил подробное *клиническое* доказательство существования инстинкта смерти во внутренних объектных отношениях [см. НАРЦИССИЗМ]. Он описал внутренний объект, подобный мафиозной банде, господствующий над лучшими частями личности, запугивающий их и идеализирующий агрессию и деструкцию. Розенфельд обнаружил внутренний объект (структуру) такого типа у пограничных пациентов и обрисовал связанную с внутренним конфликтом фантазийную жизнь. В ней инстинкт смерти остается мощной силой, идеализирующей плохие части самости, ее импульсы и плохие объекты. Такие отщепленные состояния, подобные психотическим феноменам, тщательно изучал Сидни Кляйн (Sidney Klein, 1980), который описал аутистические явления даже у пациентов-невротиков и проследил их происхождение от внутренних объектов, ощущаемых как выжившие в состоянии отгороженности, словно бы заключенные в панцирь [см. СТРУКТУРА]. Эту внутреннюю психотическую структуру впоследствии вновь описал Стайнер (Steiner, 1982), показав перверсивность подобных внутренних отношений.

С помощью подобного подхода Джозеф (Joseph, 1971; 1975) описывала клинические манифестации инстинкта смерти в форме перверсий или, точнее, в форме перверсии характера (в отличие от сексуальных перверсий), когда деструктивные аспекты изощренно утаиваются, часто под маской хороших аспектов самости и хороших объектных отношений. Такая перверсивность наполняет перенос, и ее понимание чрезвычайно важно в работе с пациентами, страдающими от тяжелых нарушений.

КРИТИКА КЛЯЙНИАНСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ЗАВИСТИ. Критика, которая высказывалась в отношении понятия инстинкта смерти в целом, касается и концепции зависти [см. 3. АГРЕССИЯ]. Упрек в том, что кляйнианцы на эту критику не ответили, — «то, что они не ответили на критику, свидетельствует либо об их неспособности это сделать, либо об их догматизме» (Kernberg, 1980, p. 41) — на самом деле несправедлив. Клинические свидетельства взяты из наблюдений за детьми (Klein, 1952b; Bick, 1964, 1968, 1986), а также из психоаналитического опыта (наиболее показательны работы Riviere, 1936; Meltzer, 1963, 1973; Rosenfeld, 1971, 1987), особенно касающегося негативной терапевтической реакции [см. НЕГАТИВНАЯ ТЕРАПЕВТИЧЕСКАЯ РЕАКЦИЯ].

Искушение относить все неблагоприятные реакции на счет обусловленной завистью негативной терапевтической реакции, которому часто поддаются неопытные аналитики, на что язвительно указывали Кёрнберг (Kernberg, 1969) и Гринсон (Greenson, 1974), здесь ни при чем. Кёрнберг (Kernberg, 1980, p. 49) саркастически высказывался по поводу перверсивного переноса, являющегося прямым следствием кляйнианской техники. В ответ Розенфельд (Rosenfeld, 1987) опубликовал подробные клинические данные, позволяющие, на его взгляд, отличить негативные реакции, вызванные ошибочной интерпретацией и неправильной техникой от порождаемых ответным действием зависти.

Тщательное исследование зависти предпринял Джофе (Joffe, 1969), описывая данную концепцию с клинической точки зрения. Он показал, что представление о конституциональной зависти было выдвинуто уже в 1921 году. Айслер (Eisler, 1921), признавал существенное влияние в этом вопросе Абрахама (Abraham, 1919). Однако Джофе настаивал, что в рамках его собственного подхода эта концепция оказывается несостоятельной. Он отвергал воззрения Кляйн, поскольку «зависть предполагает существование объектных отношений и должна появляться после первичной фазы нарциссизма». Зависть не первична и является, фактически, комплексом аффектов, а не единым влечением, от рождения свойственным Ид. «Хотя определенные элементы Ид — это необходимые компоненты зависти, особый ее характер обусловлен действием Эго» (Joffe, 1969, p. 540) — и Эго возникает лишь после завершения нарциссической стадии (в возрасте двух лет, предполагал Джофе). Он выделял четыре Эго-компонента: (i) способность различать самость и объект; (ii) некоторую способность фантазировать; (iii) способность различать осуществление желаний в фантазии и галлюцинаторное удовлетворение (т. е. внутреннюю реальность и внешний мир); и (iv) достаточную длительность ощущений во времени. «Наверное, следует говорить об “организации зависти” постоянного или полупостоянного типа» (p. 540).

Было бы неправильным утверждать, что Джофе критиковал данную концепцию Кляйн. Он неверно ее понял, считая, что зависть связана с фрустрацией инстинктивных импульсов, поскольку зависть вызывает, по его мнению, «кормящая грудь, /.../ которая *с рождения* воспринимается как

намеренно удерживающая удовлетворение для собственного блага» (p. 538). На самом деле зависть — это порча чего-то хорошего, потому что оно хорошее, а не потому, что оно фрустрирует индивида удержанием своей «хорошести»: в анализе зависть зачастую вызвана тем, что аналитик *не* удерживает при себе интерпретацию, но предоставляет ее пациенту. Именно эту идею спутанности эмоций, когда плохие чувства направлены на хороший объект, Джофе и не уловил.

Джофе, безусловно, продемонстрировал, что кляйнианское понятие зависти несовместимо с системой понятий эго-психологии, но он не смог предложить критику, которая бы позволила выявить эти разногласия. Его критика заключалась просто в выборе между двумя данными системами в целом. Фактически, начиная примерно с 1946 года, кляйнианская теория настолько далеко отошла от эго-психологии, что тем, кто принадлежит к одному лагерю, стало очень сложно осознавать важные особенности и нюансы концептуальной системы другого лагеря и правильно выделять моменты, породившие расхождения между школами. Поэтому продуктивный диалог между этими направлениями анализа постепенно сходил на нет.

Для тех, кто не входил в Кляйнианскую группу, концепция зависти служила подтверждением мнения о глубоком пессимизме кляйнианского психоанализа. Поскольку зависть определяется конституционально, предполагается, что она не поддается изменениям, и это вызывает попытки свести ее к более концептуально близким не-кляйниацам понятиям. Никому не нравится беспощадное осознание того, что агрессия и необузданная деструктивность столь основательно укоренены в человеческой природе. По сути, мнение, что Кляйн пессимистически относилась к работе с ними, в чем-то справедливо:

> «Как она, так и я пришли к осознанию важности ее деструктивной зависти ко мне; и всегда, когда мы достигали этих глубоких уровней, оказывалось, что какими бы ни были деструктивные импульсы, они переживались как всемогущие и поэтому неотменяемые и неисправимые» (Klein, 1957, p. 207).

Те же, кто был в состоянии предложить содержательную критику кляйновской концепции зависти — особенно Хайманн и Винникотт, — уже достаточно далеко отошли от кляйнианского подхода после появления теории параноидно-шизоидной позиции. Хайманн никогда не прибегала к концепции проективной идентификации или к представлениям о расщеплении, связанным с понятием параноидно-шизоидной позиции, и мы не располагаем документальным свидетельством ее отношения к понятию зависти. Винникотт, признав важное значение депрессивной позиции и любви к хорошему объекту, не разделял внимания Кляйн к деструктивности на параноидно-шизоидной позиции, крайне ограничено пользовался понятием проективной идентификации, и, похоже, совершенно расходился с Кляйн во мнениях от-

носительно зависти, как она ее описывала. Ни в одном из его трудов мы не найдем критики в адрес этой концепции, но, по-видимому, представление о врожденной зависти перечеркивало, с его точки зрения, значимость окружения и уникальную связь между матерью и младенцем (упомянуто в Grosskurth, 1985, p. 417).

Abraham, Karl (1919) 'A particular form of neurotic resistance against psycho-analytic method', in Karl Abraham (1927) *Selected Papers on Psycho Analysis*. Hogarth, pp. 303–11.

Bick, Esther (1964) 'Notes on infant observation in psycho-analytic training', *Int. J. Psycho-Anal.* 45: 558—66; republished (1987) in Martha Harris and Esther Bick, *The Collected Papers of Martha Harris and Esther Bick*. Perth: Clunie, pp. 240–56.

Bick, Esther (1968) 'The experience of the skin in early object relations', *Int. J. Psycho-Anal.* 49: 484–6; republished (1987) in *The Collected Papers of Martha Harris and Esther Bick*, pp. 114–18.

Bick, Esther (1986) 'Further considerations of the function of the skin in early object relations', *Br. J. Psychother.* 2: 292–9.

Eisler, M.J. (1921) 'Pleasure in sleep and the disturbed capacity for sleep', *Int. J. Psycho-Anal.* 3: 30–42.

Etchegoyen, Horatio, Lopez, Benito and Rabih, Moses (1987) 'Envy and how to interpret it', *Int. J. Psycho-Anal.* 68: 49–61.

Freud, Sigmund (1926) *Inhibitions, Symptoms and Anxiety* in James Strachey, ed. *The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud*, 24 vols. Hogarth, 1953—73. vol. 20, pp. 77–175.

Greenson, Ralph (1974) 'Transference: Freud or Klein?', *Int. J. Psycho-Anal.* 55: 37–48.

Grosskurth, Phyllis (1985) *Melanie Klein*. Hodder & Stoughton.

Horney, Karen (1936) 'The problem of the negative therapeutic reaction', *Psychoanal. Q.* 2: 29–44.

Joffe, Walter (1969) 'A critical review of the envy concept', *Int. J. Psycho-Anal.* 50: 533–45.

Joseph, Betty (1971) 'A clinical contribution to the analysis of a perversion', *Int. J. Psycho-Anal.* 52: 441–9.

Joseph, Betty (1975) 'The patient who is difficult to reach', in Peter Giovacchini, ed. *Tactics and Techniques in Psycho-Analytic Therapy*, vol. 2. New York: Jason Aronson, pp. 205–16.

Joseph, Betty (1986) 'Envy in everyday life', *Psycho-Analytic Psychotherapy* 2: 13—30.

Kernberg, Otto (1969) 'A contribution to the ego-psychological critique of the Kleinian School', *Int. J. Psycho-Anal.* 50: 317–33.

Kernberg, Otto (1980) *Internal World and External Reality*. New York: Jason Aronson.

Klein, Melanie (1929) 'Personification in the play of children', in *The Writings of Melanie Klein*, vol. 1. Hogarth, pp. 199–209.

Klein, Melanie (1932) *The Psycho-Analysis of Children, The Writings of Melanie Klein*, vol. 2.

Klein, Melanie (1933) 'The early development of conscience in the child', *The Writings of Melanie Klein*, vol. 1, pp. 248–57.

Klein, Melanie (1946) 'Notes on some schizoid mechanisms', *The Writings of Melanie Klein*, vol. 3, pp. 1–24.

Klein, Melanie (1952a) 'Some theoretical conclusions regarding the emotional life of infants', *The Writings of Melanie Klein*, vol. 3, pp. 61–93.

Klein, Melanie (1952b) 'On observing the behaviour of young infants', *The Writings of Melanie Klein*, vol. 3, pp. 94–121.

Klein, Melanie (1955a) 'The psycho-analytic play technique: its history and significance', *The Writings of Melanie Klein*, vol. 3, pp. 122–40.

Klein, Melanie (1955b) 'On identification', *The Writings of Melanie Klein*, vol. 3, pp. 141–75.

Klein, Melanie (1957) *Envy and Gratitude, The Writings of Melanie Klein*, vol. 3, pp. 176–235.

Klein, Sidney (1980) 'Autistic phenomena in neurotic patients', *Int. J. Psycho-Anal.* 61: 395–402.

Meltzer, Donald (1963) 'A contribution to the metapsychology of cyclothymic states', *Int. J. Psycho-Anal.* 44: 83–96.

Meltzer, Donald (1973) *Sexual States of Mind*. Perth: Clunie.

Riviere, Joan (1932) 'Jealousy as a mechanism of defence', *Int. J. Psycho-Anal.* 13: 414–24.

Riviere, Joan (1936) 'A contribution to the analysis of the negative therapeutic reactions', *Int. J. Psycho-Anal.* 17: 304–20.

Rosenfeld, Herbert (1947) 'Analysis of a schizophrenic state with depersonalization', in Herbert Rosenfeld (1965) *Psychotic Stales*. Hogarth, pp. 13–33; originally published *Int. J. Psycho-Anal.* 28: 130–9.

Rosenfeld, Herbert (1952) 'Notes on the psycho-analysis of the superego conflict in an acute schizophrenic', in *Psychotic States*, pp. 63—103; originally published *Int. J. Psycho-Anal.* 33: 111–31; republished (1955) in Melanie Klein, Paula Heimann and Roger Money-Kyrle, eds *New Directions in Psycho-Analysis*. Hogarth, pp. 180–219.

Rosenfeld, Herbert (1955) 'An investigation of the need of neurotic and psychotic patients to act out during analysis' [quoted in Klein, 1957], in *Psychotic States*, pp. 200–16.

Rosenfeld, Herbert (1965) *Psychotic States*. Hogarth.

Rosenfeld, Herbert (1971) 'A clinical approach to the psychoanalytic theory of the life and death instincts: an investigation into the aggressive aspects of narcissism', *Int. J. Psycho-Anal.* 52: 169–78.

Rosenfeld, Herbert (1987) *Impasse and Interpretation*. Tavistock.

Segal, Hanna (1950) 'Some aspects of the analysis of a schizophrenic', *Int. J. Psycho-Anal.* 31: 268–78; republished (1981) in *The Work of Hanna Segal*. New York: Jason Aronson, pp. 101–20.

Segal, Hanna (1962) 'The curative factors in psycho-analysis', *Int. J. Psycho-Anal.* 43: 212–17; republished (1981) in *The Work of Hanna Segal,* pp. 69–80.

Segal, Hanna (1983) 'Some clinical implications of Melanie Klein's work', *Int. J. Psycho-Anal.* 64: 321–32.

Segal, Hanna (1987) 'The clinical usefulness of the concept of the death instinct' (unpublished).

Steiner, John (1982) 'Perverse relationships between parts of the self', *Int. J. Psycho-Anal.* 63: 241–52..

13. Проективная идентификация
(Projective identification)

ОПРЕДЕЛЕНИЕ. В 1946 году Кляйн определила проективную идентификацию как прообраз агрессивных объектных отношений в виде анальной атаки на объект посредством насильственного внедрения в него *частей Эго*. Цель такого внедрения — овладение содержимым объекта или установление контроля над ним, что характерно для параноидно-шизоидной позиции с момента рождения. Эта «далекая от сознания фантазия» влечет за собой веру в то, что определенные аспекты самости располагаются вне ее; вслед за этим проявляется истощение и ослабление ощущения самости и идентичности, вплоть до деперсонализации, что может привести к глубокому чувству оставленности или заточения.

Возрастающее упорство попыток внедрения (без сопутствующей интроекции объектом направленных на него проекций) приводит к чрезмерным формам проективной идентификации. Эти чрезмерные процессы ведут к серьезным искажениям идентичности и болезненным переживаниям шизофрении.

В 1957 году Кляйн предположила сильное действие зависти в проективной идентификации, и в этом случае зависть представляет собой насильственное проникновение в другого с целью разрушения его лучших качеств. Немногим позже Бион (Bion, 1959) провел различие между нормальной и патологической формой проективной идентификации, а другие авторы детально разработали этот класс «множества различающихся, но все же связанных процессов». Углубленное понимание проективной идентификации стало основным полем деятельности в последующих разработках кляйнианцев.

ХРОНОЛОГИЯ

1946 Классическое описание Кляйн (Кляйн М. «Заметки о некоторых шизоидных механизмах», 1946).

1957 Посткляйнианское развитие концепции проективной идентификации как контейнирования и т. д. (Сигал Х. «Заметки об образовании символов», 1957; Бион У. «Различие психотических и непсихотических личностей», 1957; Бион У. «Нападения на связь», 1959; Бион У. «Научение из опыта», 1962).

Ранее Кляйн уже описывала расположение во внешнем мире частей самости и ее импульсов: «Жерар предложил отнести его [игрушечного тигра] в другую комнату, осуществляя свои агрессивные желания по отношению к отцу. /.../ Эта примитивная часть его личности в данном случае была представлена тигром» (Klein, 1927, p. 172). Однако только в 1946 году концепция была окончательно сформулирована и помещена в соответствующие теоретические рамки [см. 11. ПАРАНОИДНО-ШИЗОИДНАЯ ПОЗИЦИЯ]. В то время Кляйн описывала грубую патологию развития Эго при шизофрении.

Когда Кляйн повторно опубликовала свою статью 1946 года в книге «Развитие в психоанализе» (1952 год), она сделала дополнение, где предложила обозначать данный процесс термином «проективная идентификация». С этого времени концепция «проективной идентификации» занимала все более важное место в кляйнианском психоанализе. После смерти Кляйн в 1960 году ее последователи осознали огромную значимость этого понятия и со временем достигли более глубокого его понимания. Его происхождение и рамки обсуждаются в другом месте [см. 11. ПАРАНОИДНО-ШИЗОИДНАЯ ПОЗИЦИЯ; ПРОЕКЦИЯ]. В этом разделе будут описаны проблемы дефиниции термина, основные достижения в использовании понятия проективной идентификации (со ссылками на более подробное обсуждение в соответствующих разделах второй части книги), а также некоторые не-кляйнианские способы использования и критики данной концепции.

ПРОЕКЦИЯ И ПРОЕКТИВНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ. Из-за длительного использования терминов «проекция» и «проективная идентификация» в психоанализе произошла путаница. Различие между этими терминами зачастую неясно, в особенности для тех, кто обращается к данной теме впервые. Дело в том, что исторически оба термина перекрывали друг друга, поскольку использовались для обозначения не вполне отличаемых друг от друга явлений [см. ПРОЕКЦИЯ].

Первоначально Фрейд применял термин «проекция» к «злоупотреблению механизмом проекции в целях защиты» (Freud, 1895, p. 209); он описал, как идеи одного человека могут быть приписаны кому-то другому, что вызывает состояние паранойи. Очень похожая концепция обнаруживается у Розенфельда (Rosenfeld, 1947) в описании проекции сексуальных импульсов пациентки:

> «Вся ее тревога обратилась на то, может ли она контролировать *его* желания и доводы. Она повторяла некоторые его доводы, и мне стало ясно, что Денис представлял ее собственные жадные сексуальные желания, с которыми ей трудно было совладать и которые она поэтому проецировала на него» (Rosenfeld, 1947, p. 18).

Между тем появлялись и другие значения термина «проекция».

Абрахам. В 1924 году Абрахам сформулировал представление о маниакально-депрессивных состояниях на основе клинических данных о циклах, где за проекцией следует восстановительная интроекция объектов. Анальное устранение объектов (обычно фекалий и того, что они представляют) стало важным аспектом развивающегося представления об объектных отношениях. Это представление особенно продвинулось в Англии, поскольку многие аналитики из Лондона бывали в Берлине с целью личного анализа у Абрахама (Джеймс и Эдвард Гловеры, Аликс Стрэйчи, и сама Кляйн приехала в Лондон после смерти Абрахама). И поскольку в 1920-х и 1930-х годах развивалось всестороннее понимание объектных отношений, закрепилось абрахамовское представление о проекции: *проецирование во внешний мир внутреннего объекта.*

Проекция Супер-Эго. Кляйн значительно усовершенствовала этот подход, рассмотрев природу игры и символизма [см. 1. ТЕХНИКА; ОБРАЗОВАНИЕ СИМВОЛОВ]. Экстернализация в окружающий мир первоначально была выражена в терминах экстернализации Супер-Эго или его частей, поскольку в то время психоаналитический мир осваивал новую теорию Супер-Эго Фрейда (Freud, 1923) [см. 7. СУПЕР-ЭГО]. Например, о Джордже (шести лет) Кляйн писала: «В его играх были представлены три основных роли: роль Ид и роли Супер-Эго в его преследующих и помогающих аспектах» (Klein, 1929, p. 201).

Самость или объект. На этой стадии Кляйн безуспешно пыталась согласовать идею Абрахама о выталкивании объектов изнутри с теорией Супер-Эго Фрейда (Фрейд признавал только этот внутренний объект). Однако ее клинический материал не был столь приглаженным: «подобным выбрасыванием их [некоторых игрушек] из комнаты он показывал исторжение как поврежденного объекта, так и собственного садизма» (Klein, 1930b, p. 226). Таким образом, мы видим, проекции подлежали и объект, и часть самости (собственный садизм).

До 1946 года в центре всей работы Кляйн находилась судьба объекта. В 1935 году существенным подкреплением в этой работе стала теория депрессивной позиции [см. 10. ДЕПРЕССИВНАЯ ПОЗИЦИЯ]. Судьба частей самости не была важной для Кляйн, пока на это не указал Фэйрберн. Тогда Кляйн сосредоточила внимание на фрагментации Эго в шизоидных процессах и проективной судьбе этих фрагментов [см. 11. ПАРАНОИДНО-ШИЗОИДНАЯ ПОЗИЦИЯ]. Можно было считать, что они идентифицированы с внешними объектами через проекцию определенного рода, которую она назвала «проективной идентификацией». Она выбрала этот термин, поскольку долгое время кляйнианцы обсуждали отношения между интроекцией и формой идентификации, основанной на инкорпорации

[см. АССИМИЛЯЦИЯ]. Понятие проективной идентификации, казалось, предлагало возможность симметричного значения. Однако его последующее разветвление не оправдало такой надежды.

На этом этапе могло показаться привлекательным использование термина «проекция» в смысле Абрахама для обозначения проецирования объектов, а термина «проективная идентификация» в смысле Кляйн — для проецирования частей самости. Но вновь такое изящное решение потерпело неудачу.

Прежде всего, согласно вышесказанному (Klein, 1930b, p. 226), части Эго (самости) проецируются *вместе с* внутренним объектом. Кляйн отметила это в своем определении проективной идентификации: «Вместе с вредоносными экскрементами, исторгнутыми в ненависти, проецируются и отщепленные части Эго» (Klein, 1946, p. 8). В более поздних идеях о проективной идентификации проекция объекта, допускающего контейнирование проекции, также является предпосылкой к проецированию части самости во внешний объект [см. КОЖА].

Во-вторых, трудно понять, как *психологически* сконструированы объекты и Эго.

Конструирование Эго и объектов. Развитие Эго главным образом происходит посредством интроекции в него объектов, что приводит к более или менее стабильной интеграции этих объектов, ассимилированных в Эго (Эго в большой мере структурировано ими) и ощущаемых как ему принадлежащие. В то же время внешние объекты конструируются при помощи проецирования в окружающий мир объектов, полученных частично из бессознательной фантазии и частично из предыдущих переживаний объектов. Таким образом, эти объекты внешнего мира построены отчасти за счет врожденных аспектов Эго (бессознательная фантазия), а отчасти за счет действительных характеристик объектов настоящего и прошлого. Подобная смесь в случае интроецирования может ассимилироваться в качестве части Эго [см. АССИМИЛЯЦИЯ] либо может остаться внутренним объектом, очевидно, отделенным от Эго и даже ему чужеродным.

Значит, как Эго, так и его объекты создаются из различных степеней смешения и интеграции самости с окружающим миром. Если переживания то являются частью самости, то отделены от нее как объекты (внутренние или внешние), они очень подвижны и переменчивы во времени, и это требует постоянного анализа процесса внутренних и внешних объектных отношений.

В итоге невозможно установить ясное различие между проекцией и проективной идентификацией:

> «Я не считаю важным проводить различия между проекцией и проективной идентификацией. Кляйн, на мой взгляд, добавила глубину и содержательность к фрейдовской концепции проекции, под-

> черкнув, что проецирование импульсов невозможно без проецирования части Эго. Это предполагает расщепление, и далее эти импульсы не исчезают после проецирования; они проникают в объект и искажают восприятие объекта» (Spillius, 1983, p. 322).

Тем не менее, Фрейд иногда обращался к этому более глубокому аспекту проецирования. В работе о детской игре, в замечании, которое, несомненно, повлияло на Кляйн в начале ее работы, он описал, как дети пытаются проработать травматические переживания: «Когда ребенок переходит от пассивности переживания к активности игры, он передает неприятное переживание одному из своих товарищей по игре и таким образом мстит за себя заместителю» (Freud, 1920, p. 17). Фрейд демонстрирует, как переживание субъекта переносится, с тем чтобы стать переживанием объекта (в замещении).

Проективная идентификация и контрперенос. Собственнические притязания кляйнианцев на термин «проективная идентификация» противоречат отсутствию ясности в том, как ее распознать при встрече: «Описание подобных примитивных процессов сталкивается с серьезным препятствием, поскольку эти фантазии возникают, когда ребенок еще не начал мыслить словами» (Klein, 1946). Джозеф, например, во множестве статей (Joseph, 1975, 1981, 1982) отказывается от попыток вывести определение, а описывает проявление процесса в клиническом материале: никакие определения красного цвета кому-то, кто никогда его не видел, не заменят указания на какой-нибудь предмет красного цвета. Она описывает, каким образом пациент может *использовать* аналитика и то возбуждение, которое ему приносит успешное использование. Аналитик используется не для репрезентации чего-либо — родительской фигуры и т. п., но с целью уклонения от тесной связи с ним, в которой пациент подвергается риску болезненных переживаний и дестабилизации личностной структуры. После сообщения о взаимодействии с пациентом в некотором клиническом материале Джозеф делает следующий комментарий:

> «Я думаю, что, вероятно, допустила техническую ошибку, интерпретируя фантазию о корове слишком исчерпывающе, или, скорее, преждевременно, в терминах материнского тела, и это поощрило моего пациента к бессознательному ощущению, что ему фактически удалось втянуть меня в возбуждающий мир его фантазии, и таким образом подтолкнуло его к дальнейшему продуцированию фантазий» (Joseph, 1975, p. 215–216).

Аналитик на мгновение был застигнут врасплох и невольно начал действовать *подобно* аналитику, в чем пациент незамедлительно находит наслаждение власти, поскольку чувствует, что аналитик действует под его контролем. Подобные оплошности аналитика приводят к подыгрыванию фантазиям

пациента и могут без труда провоцироваться пациентом, который хорошо знает своего аналитика. Проблема в том, чтобы определить, что же происходит с аналитиком и пациентом помимо слов. Субъективный опыт аналитика трудно «ухватить»:

> «Переживание контрпереноса, как мне кажется, обладает одним весьма определенным качеством, которое должно позволить аналитику отделить случаи, когда он является объектом проективной идентификации, от случаев, когда он таковым не является. Аналитик чувствует, что им манипулируют таким образом, чтобы он играл некую роль (несмотря на то, насколько трудно ее распознать) в чужой фантазии. Или он чувствовал бы это, если бы не то, что по собственным воспоминаниям я могу назвать только временной потерей инсайта, – то есть переживание сильных чувств и одновременно вера, что их наличие вполне оправдано сложившейся объективной ситуацией. С точки зрения аналитика, это переживание состоит из двух взаимосвязанных фаз. В первой чувствуешь: ты сделал что угодно, кроме предоставления правильной интерпретации; во второй появляется ощущение, что ты особый человек в особой эмоциональной ситуации. Я думаю, совершенно необходимо стряхнуть с себя оцепеняющее чувство реалистичности, сопутствующее этому состоянию» (Bion, 1961, p. 149).

Хотя Бион говорит это об аналитике, работающем в группе, он пробует передать интенсивное и парализующее ощущение, возникающее в результате принятия мощной проективной идентификации. Хотя его попытка является одной из лучших в описании проективной идентификации, все равно на эту субъективную характеристику легче указать, чем ее определить.

НОРМАЛЬНАЯ И АНОРМАЛЬНАЯ ПРОЕКТИВНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ. Бион (Bion, 1959, 1962a, b) установил, что понятие проективной идентификации является составным и может быть разделено на нормальную и анормальную проективную идентификацию. Различие зависит от степени насилия в реализации механизма. Есть две альтернативных цели проективной идентификации:

(i) интенсивная эвакуация болезненного душевного состояния для достижения непосредственного облегчения, что ведет к принудительному вторжению в объект (в фантазии), часто с целью запугивающего контроля над ним [см. ПРИЧУДЛИВЫЕ ОБЬЕКТЫ; ПСИХОЗ];

(ii) внедрение в объект некоего душевного состояния как способ коммуникации с объектом об этом душевном состоянии [см. КОНТЕЙНИРОВАНИЕ].

Различие между эвакуацией и коммуникацией является решающим. Хотя не исключено, что происходит смешение этих целей, и на практике важно различать эти два *мотива*.

Всемогущество и слияние. Эвакуация и коммуникация связаны с различными защитными функциями и различными воздействиями (в фантазии) на объект и Эго. Патологическую форму характеризует выраженное насилие и всемогущество, с которым она осуществляется:

> «Когда Мелани Кляйн говорит о “чрезмерной” проективной идентификации, я думаю, это следует понимать не только по отношению к частоте использования проективной идентификации, но и к чрезмерности веры во всемогущество» (Bion, 1962a, p. 114).

Объект прекращает быть независимым (Rosenfeld, 1964b). Происходит слияние самости с объектом, что представляет собой, среди прочего, защиту от разделенности, нужды и зависти [см. 12. ЗАВИСТЬ].

Проективная идентификация как коммуникация. Разрабатывая созданную Кляйн теорию развития Эго через повторяющиеся циклы интроекции и проекции, Бион вывел ее на новый уровень, обнаружив, что эти циклы включают в себя проективную идентификацию и интроективную идентификацию. Он представил свою модель в работе 1959 года:

> «В ходе анализа пациент обращался к проективной идентификации с упорством, наводящим на мысль, что это был механизм, который он никогда не был способен успешно использовать, и анализ предоставил ему такую возможность. /.../ Были сессии, подводящие меня к предположению, что пациент ощущает существование некого объекта, который не позволяет ему использовать проективную идентификацию. /.../ Пациент чувствовал, что части его личности, которые он желал поместить в меня, мною не приняты. /.../ Когда пациент стремился избавиться от страхов смерти, которые ощущал как слишком мощные, чтобы он мог их сдерживать (contain), он отщеплял их и помещал в меня. Идея, очевидно, заключалась в том, что, если бы им было позволено находиться там достаточно долго, моя психика их бы модифицировала, и тогда их можно было бы безопасно ре-интроецировать. Пациент чувствовал, /.../ что я эвакуировал его чувства слишком быстро и они не были изменены, но стали еще более болезненными. /.../ Он стремился внедрить их в меня с возрастающим отчаянием и насилием. Вне контекста анализа его поведение могло бы показаться выражением первичной агрессии. Чем более насильственными были его фантазии проективной идентификации, тем больше он меня боялся. Были сессии, когда такое поведение

> выражало неспровоцированную агрессию, но я описываю именно эту серию: она показывает пациента в ином свете, а его насилие как реакцию на то, что он ощущал как мою враждебную защищенность. /.../ Аналитическая ситуация вызвала у меня ощущение наблюдения за чрезвычайно ранней сценой. Я чувствовал, что в младенчестве пациент столкнулся с матерью, которая реагировала на его эмоциональные проявления из чувства долга. Эта ответственная реакция включала в себя элемент нетерпеливого "я не знаю, что происходит с ребенком". Мой вывод был таков: чтобы понять, чего хочет ребенок, мать должна была оценивать крик как нечто больше, чем требование ее присутствия. С точки зрения младенца, она должна была взять внутрь себя и таким образом пережить страх, что ребенок умирает. Это был тот страх, который ребенок не мог выдержать (contain). Он старался отщепить его вместе с той частью личности, в которой этот страх находился, и спроецировать в мать. Понимающая мать способна переживать ужас, с которым этот ребенок пытался справиться путем проективной идентификации, и при этом сохранять равновесие. Этому пациенту пришлось иметь дело с матерью, которая не могла переносить такие чувства и реагировала либо закрываясь от проекций, либо становилась жертвой тревоги, вызванной интроекцией плохих чувств ребенка. /.../ Некоторым эта реконструкция покажется неоправданно прихотливой, но для меня это /.../ ответ возражающим по поводу столь пристального внимания к переносу вместо разъяснения ранних воспоминаний. /.../ Итак, связь между аналитиком и пациентом, или младенцем и грудью, — это механизм проективной идентификации» (Bion, 1959, p. 103–104).

Если аналитик закрыт или невосприимчив, «результатом является чрезмерная проективная идентификация пациента и ухудшение его процессов развития» (p. 105).

У шизофреника

> «расстройство двоякое. С одной стороны, врожденная предрасположенность к чрезмерной деструктивности, ненависти и зависти; с другой — окружение, которое, проявляя себя с худшей стороны, мешает пациенту использовать механизмы расщепления и проективной идентификации» (p. 106).

Бион описывает и врожденные, и приобретенные расстройства механизма нормальной проективной идентификации.

Важным было различение между психотиком и непсихотиком. Кляйн часто критиковали за утверждение, что дети в норме проходят период психоза в своем развитии (Waelder, 1937; Bibring, 1947; Kernberg, 1969). Данное различение ясно опровергало эту критику и описывало клинические

особенности, отграничивающие (i) использование психотических механизмов в «нормальном» развитии от (ii) психотического характера их использования. Признаки *анормального*, патологического использования проективной идентификации (называемой иногда «массивной» или «чрезмерной») таковы:

a) высокая степень ненависти и насилия в расщеплении и вторжении;

b) всемогущество как характеристика контроля, и отсюда — слияние с объектом;

c) значительная часть утраченного Эго;

d) особая цель разрушения понимания, особенно осознания внутренней реальности. По контрасту, «нормальная» проективная идентификация имеет целью коммуникацию и эмпатию, и существенно важна для участия индивида в социальной реальности [см. ЭМПАТИЯ].

ФАНТАЗИИ ПРОЕКТИВНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ. Кляйн осознавала проблему поиска термина: «Описание подобных примитивных процессов сталкивается с серьезным препятствием, поскольку эти фантазии возникают, когда ребенок еще не начал мыслить словами» (Klein, 1946, p. 8n). В последующем аналитики возвращались к этой проблеме: как писал Мельтцер, проективная идентификация «может в итоге оказаться вынужденной перейти во что-то вроде “вторгающейся идентификации”, если только можно найти слово для выражения функции фантазии, столь далекой от сознания, — за исключением волшебных сказок» (Meltzer, 1967, p. xi).

Позднее проблема была определена по-другому, возможно, более продуктивно: «проективная идентификация — это общее название для множества различных процессов, связанных как между собой, так и с механизмами расщепления и проекции» (O’Shaughnessy, 1975, p. 325). Розенфельд (Rosenfeld, 1983) на основе своего большого опыта составил каталог типов фантазий, относящихся к проективной идентификации. Приведем его.

(i) Проективная идентификация для защитных целей, таких как избавление самости от нежелательных частей:

- (a) Всемогущее вторжение, ведущее к слиянию или спутанности с объектом
- (b) Конкретная фантазия пассивной жизни внутри объекта (паразитизм)
- (c) Вера в единство переживаний с объектом (симбиоз)
- (d) Исторжение напряжения кем-то, кто был травмирован в детстве посредством насильственных вторжений.

(ii) Проективная идентификация, используемая для коммуникации:

(a) Метод достижения объекта, который воспринимается как отчужденный.

(b) Инверсия отношений ребенок/родитель.

(c) Идентификация с похожими качествами объекта в нарциссических целях.

(iii) Проективная идентификация с целью понимания объектов и идентификации с ними (эмпатия).

Последствия фантазии. Проективные идентификации, будучи функцией фантазии, вовлеченной в конструирование идентичности самости и объектов, имеют важные последствия для переживаний индивида. Дезорганизация самости переживается в нескольких направлениях:

i) основополагающее расщепление приводит к чувству раздробленности на части [см. РАСЩЕПЛЕНИЕ];

ii) переживание истощенного и ослабленного Эго ведет к жалобам на отсутствие чувств или влечений, к ощущению пустоты;

iii) утрата, которую претерпевает Эго, может переживаться как чувство отсутствия личности вообще (деперсонализация);

iv) идентификация с объектом ведет к путанице между собой и кем-то другим;

v) Эго может чувствовать, что его части насильственно удалены, заблокированы и контролируются (клаустрофобия);

vi) идентификация может приводить к стойкому прилипанию к объекту, в котором расположены части самости;

vii) возникают тревоги, связанные с повреждением объекта в результате вторжения и контроля;

viii) могут появиться сильные тревоги, связанные с возмездием со стороны объекта за насильственное вторжение;

ix) судьба объекта в патологической проективной идентификации — это судьба утраченной самости, которая может ощущаться как чужеродная и преследующая [см. СТРУКТУРА].

ПОЗДНЕЙШИЕ РАЗРАБОТКИ: 1952–1987 годы. Понимание проективной идентификации привело к гораздо лучшему пониманию психотических феноменов. Розенфельд (Rosenfeld, 1952) подробно описал сеансы с больным шизофренией и множество фантазий пациента на тему вторжения в аналитика. Эти же идеи были подхвачены в детском анализе (Rodrigue, 1955). Однако с середины 1950-х годов проективная идентификация вызвала обширное и радикальное развитие кляйнианской психоаналитической теории.

Масштаб этих открытий отодвинул в тень и даже затмил другие исследования. Весьма заметно относительное пренебрежение некоторыми интроективными процессами (насильственной интроекцией, например). Рассмотрим по очереди главные пункты данного развития теории:

(i) психоз;

(ii) связь;

(iii) мышление;

(iv) образование символов;

(v) контейнеры и изменение;

(vi) контрперенос;

(vii) адгезивная идентификация;

(viii) структура;

(ix) социальный контейнер.

(i) Психоз [см. ПСИХОЗ]. Кляйн начала интересоваться психозами почти случайно. Требование обосновать технику игры и природу свойственного игре процесса символизации привело Кляйн к изучению детей, не умеющих играть и с заторможенной способностью формировать и использовать символы. Так она столкнулась с психозами у детей и отметила их частоту (Klein, 1930a). И другие авторы интересовались этой проблемой. Мелитта Шмидеберг, дочь Кляйн, рано попала под ее влияние и оставила собственный след в этой области (Schmideberg, 1931).

Однако новые идеи расщепления и проективной идентификации простирались намного дальше. Розенфельд впервые описал анализ шизофреника в 1947 году. Анализ был начат в 1944–1945 годах, когда Кляйн исследовала шизоидные механизмы (Klein, 1946) и когда Розенфельд проходил у нее личный анализ. Розенфельд и Сигал (Segal, 1950) демонстрировали в клинической ситуации процессы расщепления Эго, в результате чего различные функции и части знания не входили в контакт друг с другом. В одном из случаев знание о том, как долго нужно добираться до дома аналитика, не было связано со знанием о времени начала сеанса, так что пациентка не могла выйти из дому заблаговременно, чтобы не опоздать на сеанс. В другом (упомянутом выше) случае сексуальные импульсы пациентки обнаруживались ею у сексуального партнера и контролировались таким образом в большей степени, чем если бы они ощущались ею как свои.

В 1956 году Сигал описала проекцию депрессии шизофреника в аналитика и других людей, приводящую к характерному ощущению безнадежности у тех, кто ухаживает за больными шизофренией. С 1953 году Бион начал изучать шизофреников с точки зрения нарушения их мышления. Он показал, что шизофреник расщепляет определенную часть Эго, перцептивный аппарат.

Это ведет к патологической форме проективной идентификации, в которой функции восприятия, как представляется пациенту, выполняются внешними объектами вокруг него [см. ПРИЧУДЛИВЫЕ ОБЪЕКТЫ].

(ii) Связь [см. СВЯЗЬ]. Бион расширил теорию шизофрении, включив в нее описание генерализованных атак на понимание, особенно на осознание внутренней реальности. Разорванность мыслей, описанная Розенфельдом и Сигал, — это результат активных атак на связи психических содержаний. Бион уподобил это эдипальной связи: нападения на связь психических содержаний — это нападение на родительскую пару, воспринимаемую как частичные объекты. В самой основной форме это связь рта с грудью или вагины с пенисом.

Бион смог выдвинуть общую теорию связи как теорию психики, где высшие функции мышления составлены из основополагающих эмоциональных строительных блоков, ядром которых является эдипальная связь. Таким образом, мышление базируется на телесно переживаемых фантазиях сосания и полового акта [см. ВРОЖДЕННОЕ ЗНАНИЕ]. Опираясь на одно из ключевых свойств этой связи — помещение одного элемента в другой, — Бион говорил о ней как об отношении контейнер – контейнируемое. Сосредоточив внимание на объединении в пару двух объектов, один внутри другого, он начал расширять идею проективной идентификации до масштабов практически вездесущей функции [см. КОНТЕЙНИРОВАНИЕ].

Здесь Бион дал развернуться своему теоретическому призванию, что привело его к широкому исследованию множества проблем в психологической, философской, религиозной и социальной сферах [см. БИОН; АЛЬФА-ФУНКЦИЯ; КОНТЕЙНИРОВАНИЕ]. Наиболее значительными его достижениями стали теории мышления и отношений контейнер – контейнируемое.

(iii) Мышление [см. МЫШЛЕНИЕ]. Бион использовал понятие «нормальной» проективной идентификации в качестве обозначения основного строительного блока для продуцирования мыслей из переживаний и восприятий.

В работах Кляйн рассматриваются теории знания, включая понятие врожденного знания, особенно знания о соединяющейся эдипальной паре [см. КОМБИНИРОВАННАЯ РОДИТЕЛЬСКАЯ ФИГУРА]. Существует врожденное ожидание того, что союз двух объектов производит третий, который является большим, чем сумма двух частей. При образовании мыслей из опыта врожденная *преконцепция*, подобная невральному и анатомическому ожиданию ртом соска, встречается с *реализацией* (реальный сосок входит в рот), и результатом становится концепция. Концепции появляются в результате удовлетворяющих соединений (conjunctions), когда преконцепция встречает адекватную реализацию (Bion, 1959). После этого концепции становятся доступными для мышления.

Это одна из моделей мышления, предложенных Бионом, но он на этом не остановился. В целом, по-видимому, он предложил три модели мышления (Spillius, 1988).

Во второй модели Бион рассматривает ситуацию, когда преконцепция не встречает актуальной реализации. Преконцепция тогда вынуждена сочетаться с фрустрацией; проделывается эмоциональная работа. В этом случае концепция является мыслью, обдумывание которой полезно, поскольку может привести к планированию рационального действия для поиска удовлетворения. Мышление более высокого уровня повторяет эту модель, принимая концепции как новые преконцепции для соединения с новыми реализациями. Например, «факты» (реализации) порождают теорию (концепцию), которая затем может функционировать как новая преконцепция в поисках дальнейших «фактов» (реализаций) для создания более общей теории.

В третьей модели обретение смысла является функцией, которую Бион хотел исследовать без каких-либо предшествующих ожиданий, подобно изучению математических функций. Поэтому он нашел «нейтральный» термин — *альфа-функция* [см. БИОН; АЛЬФА-ФУНКЦИЯ] — и обозначил им разделение элементов восприятия на две группы: одни могут использоваться для мышления и сновидений (Бион назвал их альфа-элементами), другие — бессознательные (unconsciousness) и неассимилируемые необработанные данные (он назвал их бета-элементами) [см. БЕТА-ЭЛЕМЕНТЫ]. Впервые эта функция выполняется для младенца матерью, которая находится в восприимчивом душевном состоянии, называемом *мечтанием*, и контейнирует невыносимый опыт младенца, пропуская его через собственную альфа-функцию и облекая его в подходящее действие или слова [см. МЕЧТАНИЕ; КОНТЕЙНИРОВАНИЕ]. Эта поздняя модель контейнирования и альфа-функции является наиболее завершенной:

> «Бион не очень старался связать эти три модели. Безусловно, именно повторяющиеся ощущения переключения между позитивными и негативными реализациями стимулируют развитие мыслей и мышления» (Spillius, 1998, p. 156).

(iv) Образование символов [см. ОБРАЗОВАНИЕ СИМВОЛОВ]. Подход Фрейда к символизации, основанный на концепции сублимации, остался относительно неразработанным. Развитие он получил в работах Джонса (Jones, 1916) и других исследователей. Однако они не слишком затронули сложную проблему особого видоизменения биологического организма на пути из мира материальных удовлетворений в символический мир человеческого общества. Сама Кляйн особенно не углублялась в понимание различия между двумя этими мирами, но неявным образом указывала на важность изучения мышления и особенно образования символов как уникального человеческого достижения. Как писала ее коллега Сёрл, «Кляйн со всей возможной

ясностью показала, что символизм играет важнейшую роль в возведении либидинозного моста, на котором Эго может строить отношения и знакомиться с материальным миром» (Searl, 1932, p. 330).

Однако именно последователи Кляйн разработали теорию образования символов как таковую. Они опирались на предложенное Кляйн описание проективной идентификации. Бион исследовал различие между патологической и нормальной проективной идентификацией, а Сигал – другое подобное различие, проясняя природу «символического равенства» в отличие от собственно символов. В *символическом равенстве* «не существовало различия между символом и символизируемой вещью. /…/ Это [действие пациента. — *Прим. пер.*] не было просто символическим выражением желания принести мне свой стул. Он чувствовал, что действительно его мне предложил» (Segal, 1950, p. 104). Позднее (Segal, 1957) Сигал систематизировала собственные исследования и показала, что смешение символа и символизированного объекта — следствие проективной идентификации. Это согласуется с тем типом проективной идентификации, которая осуществляется со всемогуществом и насилием, нацеленными на устранение разделенности [см. СИМВОЛИЧЕСКОЕ РАВЕНСТВО].

(v) Контейнер и изменение [см. КОНТЕЙНИРОВАНИЕ]. Теория контейнера–контейнируемого — это попытка поднять концепцию проективной идентификации до уровня общей теории человеческого функционирования: взаимоотношений между людьми и между группами, отношений с внутренними объектами, отношений в символическом мире между мыслями, идеями, теориями, опытом и т. д. Отношение контейнер–контейнируемое установлено между двумя элементами, один из которых содержит внутри себя другой, что сопровождается созданием третьего элемента, или же каким-то иным взаимодействием. Свойства этого отношения различны (им было посвящено масштабное исследование Биона) (Bion, 1970). Прообраз его — сексуальный союз, когда одна часть заключена (contained) внутри другой. Однако это отношение не ограничивается сексуальным союзом, но в типичном случае является браком, который *включает в себя* (contains) сексуальную активность. К нему относится также содержание (containing) смысла в языке.

Бион выделил различные типы отношения контейнер – контейнируемое и пользовался (не очень понятным образом) двумя отдельными наборами категорий без какой-либо закономерности.

а) Первая группа состоит из отношений, которые наносят повреждение одному или другому элементу отношения. Либо контейнируемое столь сильно, что разрывает контейнер; либо контейнер настолько мощный и жесткий, что сдавливает «путем сжатия или оголения» контейнируемый объект. Это противопоставляется отношению, в котором элементы обеспечивают друг другу взаимный рост.

b) Независимо от такой классификации, Бион делил отношения контейнер – контейнируемое на *комменсальные, симбиотические* или *паразитические*. Вкратце он определяет их так:

> «Под “комменсальным” отношением я подразумеваю такое, в котором два объекта совместно пользуются третьим к пользе всех трех. Как “симбиотическое” я понимаю такое отношение, в котором один объект зависит от другого к взаимной пользе. “Паразитическим” я называю отношение, в котором один объект зависит от другого для производства третьего, разрушительного для всех трех» (Bion, 1970, p. 95).

Бион уделял много внимания тому факту, что и терапия, и мышление зависят от изменений в психике. Психоанализ должен обеспечивать возможности и условия для таких изменений. Психическая активность контейнируется в рамках мыслей и ожиданий, которые он называл соединениями (conjunctions). Поэтому изменения требуют деструкции существующих, внутренних, контейнирующих теорий и установления новых соединений. Бион предпочитал думать об этом процессе как о процессе малого психического распада («катастрофического изменения»), за которым следует восстановление. Деструкция — это процесс фрагментации, схожий с описанными Кляйн проблемами шизоидно-параноидной позиции, тогда как реструктуризация соответствует депрессивной позиции. Эти постоянные колебания Бион обозначил термином *Ps-D* [см. Ps-D].

(vi) Контрперенос [см. КОНТРПЕРЕНОС]. Представление о нормальной проективной идентификации способствовало пониманию эмпатии и терапевтического эффекта психоанализа. «Влезть в чужую шкуру» — это описание эмпатии, но также фантазия типа проективной идентификации: помещение себя в позицию другого.

Хайманн в своей классической статье (Heimann, 1950) убеждала аналитиков, что к контрпереносу следует относиться серьезно. Контрперенос — это *специфическая* реакция на пациента и поэтому может служить уникальным инструментом для исследования его психики. Сама Кляйн отвергла эту знаменательную идею, поскольку относилась с подозрением к аналитикам, которые в таком случае могут все свои чувства приписывать пациенту. Тем не менее концепция контрпереноса стала краеугольным камнем кляйнианской техники после Кляйн [см. 1. ТЕХНИКА]. Целью такого изменения техники было добиться, чтобы аналитик начал *принимать* проективные идентификации пациента (Money-Kyrle, 1956).

Однако данная теория идет дальше, рекомендуя аналитику модифицировать ту часть пациента, которую он теперь контейнирует, с помощью непосредственной психической деятельности, происходящей в нем самом. Затем, в конечном итоге, он вновь проецирует (высказывая интерпретацию)

модифицированную форму проекции обратно в пациента. Тем самым пациент получает пользу от интроецирования не только этой части себя, но и некоего аспекта аналитика, понимающей части его психики, которая может стать *внутренним* ресурсом для осмысления пациентом самого себя.

Этот описанный Мани-Кёрлом процесс, очевидно, обладает элементами цикла: проективная идентификация в аналитика, за которой следует ее модификация аналитиком и ре-интроекция пациентом в форме интерпретации. Таким образом, концепция проективной идентификации проясняет взаимодействие между пациентом и аналитиком. Сама Кляйн эту идею не развивала, и сложно понять, кого за нее благодарить, поскольку Хайманн, которая первой выступила в защиту контрпереноса, идею проективной идентификации не поддержала. Идея эта появляется у Розенфельда в клинической работе 1952 года, но явно в ней не формулируется; явным образом она высказана, хотя и в несколько ином контексте, в статье Джейкса (Jaques, 1953), посвященной проецированию в социальные группы [см. СОЦИАЛЬНЫЕ ЗАЩИТНЫЕ СИСТЕМЫ; и ниже].

Когда аналитику не удается контейнировать проективную идентификацию пациента, он может ответить реактивной проективной идентификацией в пациента, что происходит не так уж редко [см. Money-Kyrle, 1956; Brenman Pick, 1985; и 1. ТЕХНИКА]. Этому печальному, но довольно распространенному случаю Гринберг (Grinberg, 1962) дал название *проективной контридентификации.*

(vii) Адгезивная идентификация [см. КОЖА]. Поскольку в 1930-х и 1940-х годах велись споры о достоверности выводов Кляйн относительно первого года жизни (Waelder, 1937; Isaacs 1948), в начале 1950-х были сделаны попытки получить непосредственные данные об этом периоде развития. Кляйн (Klein, 1952) сообщала о некоторых наблюдениях за младенцами, но интерес к этой теме наталкивался на отсутствие строгой методики вплоть до 1948 года, когда Бик приступила к систематическим еженедельным наблюдениям за младенцами и их матерями (Bick, 1964). Она обнаружила, что первый объект дает младенцу чувство его собственного существования, обладания идентичностью. Личность пассивно удерживается собранной воедино этим первым объектом (Bick, 1968).

Бик была убеждена, что борьбе за поддержание внутреннего хорошего объекта предшествует *интроекция способности к интроекции*. Она показала, что ребенок стремится получить способность к интроекции, которая является функцией кожи, точнее, функцией кожных ощущений, вызывающих фантазии о контейнирующем объекте.

Ребенок должен развить концепцию ограниченного пространства, куда что-то может быть помещено и откуда что-то может быть удалено. Первым достижением становится обретение понятия о пространстве, которое что-то содержит. Это понятие ребенок получает в форме переживания объекта, удерживающего его личность собранной воедино. Когда сосок попада-

ет в его рот, младенец получает опыт обретения такого объекта — объекта, закрывающего отверстие (рот и т. п.) в кожной границе. Первая интроекция — это интроекция объекта, дающего пространство, куда могут интроецироваться объекты. Прежде чем станет возможной проекция, должен появиться способный к контейнированию внутренний объект, который можно спроецировать во внешний объект, прежде чем тот будет ощущаться как контейнирующий проекцию.

Если этой первой ступени достичь не удается, ребенок оказывается неспособным проецировать и интроецировать. В отсутствии внутреннего объекта, удерживающего личность собранной воедино, невозможно спроецировать его во внешний объект для обеспечения контейнера проекциям. Личность чувствует, что, ничем не контейнируемая, просто вытекает в беспредельное пространство. Младенец должен найти другие методы удержания своей личности, одним из таковых является образование *второй кожи*. Мельтцер (Meltzer *et al.*, 1975; Tustin, 1981, 1986) обнаружил, что эти идеи помогают развить аналитическую технику работы с аутичными детьми, которые обычно практикуют некую форму механической мимикрии, переживаемой в фантазии как прилипание *к* объекту, — адгезивную форму идентификации.

(viii) *Структура* [см. СТРУКТУРА]. Сначала Кляйн пыталась придерживаться классического взгляда на внутренние инстанции Ид, Эго и Супер-Эго. Однако в ходе ее модификаций теории Супер-Эго [см. 7. СУПЕР-ЭГО; 5. ВНУТРЕННИЕ ОБЪЕКТЫ] внутренний мир стал представляться ей гораздо более подвижным, текучим. Внутренние объекты разнообразны, бывают любящими и ненавидящими, и в их число входит особенно значимая «комбинированная родительская фигура». Личность структурируется взаимоотношениями со всеми этими внутренними объектами.

При рассмотрении структуры внутреннего мира особую роль играет состояние идентификации (или ее отсутствия) между Эго и объектами. Некоторые объекты хорошо ассимилируются Эго, другие же — нет. Фактически некоторые объекты вообще никак не ассимилируются и существуют в виде чуждых объектов или инородных тел [см. 5. ВНУТРЕННИЕ ОБЪЕКТЫ; АССИМИЛЯЦИЯ].

Эго не всегда неизменно пребывает в состоянии идентификации со своими объектами. Время от времени это состояние меняется в соответствии с контекстом. На работе человек может сильно идентифицироваться с начальником, а дома, играя с детьми, — со своим отцом. Подвижность подобной структуры соответствует способности людей адаптироваться к непосредственному контексту. Она представляет собой «точку континуума, противоположную фрагментации» (Orford, 1987).

В иной ситуации Эго может склоняться к более интенсивному расщеплению. Мы видим, что различные совокупности идей или ощущений могут существовать одновременно и никак не совмещаясь друг с другом.

В условиях стресса Эго стремится к распаду на части — обычно вдоль линий, условно говоря, отслоения объектов, которые были ассимилированы. Однако более активные процессы расщепления могут сопровождаться значительной фрагментацией, расстройствами мышления и других функций [см. ПСИХОЗ].

На структуру внутреннего мира существенное влияние оказывает проективная идентификация, когда части Эго проецируются во внешние объекты. Это создает нарциссическую структуру, в которой Эго идентифицируется с внешними объектами, воспринимаемыми как *само* Эго или его часть.

Внутренний мир может оказаться структурированным (в пограничных расстройствах личности) согласно первичным инстинктам. Негативные аспекты личности сходятся вместе и удерживаются как бы насильственно, в форме некой мафиозной банды (Rosenfeld, 1971). Эта негативная внутренняя структура проявляется в организованной и устойчивой форме негативной терапевтической реакции [см. НЕГАТИВНАЯ ТЕРАПЕВТИЧЕСКАЯ РЕАКЦИЯ; 12. ЗАВИСТЬ]. Такая организация тиранически подавляет личность, в особенности ее хорошие части. Они ощущаются лишенными свободы, запуганными и обездвиженными, и тогда мотивация к лечению становится скрытой или бессознательной. Перенос становится перверсивным и используется как будто во благо, но фактически в извращенных целях — чтобы внести разлад в лечение и препятствовать переменам [см. ПЕРВЕРСИЯ].

(ix) Социальный контейнер [см. СОЦИАЛЬНЫЕ ЗАЩИТНЫЕ СИСТЕМЫ]. Бион применил концепцию проективной идентификации для описания действующей между людьми контейнирующей функции, что естественным образом вело к ее использованию в межличностном ключе. Ранее Джейкс (Jacques, 1953) описал социальные структуры в терминах проективной и интроективной идентификаций. Группы как целое могут развивать системы фантазий, посвященные себе, своей работе и другим группам. Как и отдельные индивиды, группы могут стремиться к абсорбированию душевных состояний одного или нескольких индивидов. Похороны являются событием, в ходе которого тяжелая утрата нескольких людей становится общей для многих. Группа, сохраняющая свою сплоченность на почве противостояния общему внешнему врагу, именно как группа, безусловно, занимается проецированием во врага. Подобным образом группа, поддерживающая свое единство общей преданностью одному лидеру, также формирует ситуацию, когда все члены группы коллективно проецируют в него некие качества; и успешный лидер отвечает на это проекцией дополнительных качеств, которые его последователи коллективно интроецируют и с которыми они затем идентифицируются.

Таким образом Джейкс, расширив концепцию проективной идентификации, указал на важный процесс группового сплочения и склеивающее качество преданности людей своей группе. Это характеризует загадочный

эффект «заразительности» в группе, описанный Ле Боном. Фрейд (Freud, 1921) объяснял его властью гипнотизера над гипнотизируемым, находящимся в трансе. Хотя объяснение Фрейда только заменяет одну загадку другой (гипнозом), его можно развить, показав, что в основе процессов гипноза лежат процессы проективной и интроективной идентификаций.

НЕ-КЛЯЙНИАНСКОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ И КРИТИКА ПОНЯТИЯ ПРОЕКТИВНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ. Когда психоанализ в Соединенных Штатах начал отступать и терять свой вес, возникли новые направления эго-психологии. Интерес стало вызывать переживание «самости»; другое поле исследования, связанное с первым, задали объектные отношения (Greenberg and Mitchell, 1983). В результате внимание психоаналитического сообщества обратилось к британской школе психоанализа и, среди прочего, к концепции проективной идентификации. Этот процесс привел к изъятию данной концепции из общих рамок кляйнианской теории и использованию его в контексте теорий, разработанных в Соединенных Штатах.

Участники этого процесса пренебрегали многими аспектами проективной идентификации: примечательным разнообразием проективной идентификации в действии, ее особой внутрипсихической направленностью, тем, совершается проекция с ненавистью или нет, степенью всемогущества в фантазиях — и, по сути, пренебрегали даже фантазийным характером этого механизма. Опасность заключается в быстром уменьшении полезности данного понятия: оно стало ярлыком для всех межличностных феноменов. К сожалению, концепция проективной идентификации оказалась столь же мощным источником путаницы в мыслях, как и механизм, на который она указывает.

На своем особом пути развития психоанализ в Соединенных Штатах [см. ЭГО-ПСИХОЛОГИЯ] стал подчеркивать адаптационные аспекты Эго и межличностные или культурные влияния на развитие индивида. Соответственно, понятие проективной идентификации было перенято вследствие его ценности в качестве (1) описательной категории для состояний слияния Эго с объектами, встречающихся у пациентов в пограничных и психотических случаях, или в качестве (2) понятия интерперсональной направленности, помогающего психоаналитическому пониманию адаптационных процессов и влияния социального контекста.

(1) Внутрипсихический механизм. Интерес к проективной идентификации как к понятию, относящемуся к сфере *внутрипсихического*, был особенно заметен в исследованиях происхождения и развития границ Эго, сквозь которые действует проективная идентификация.

Кёрнберг. Кёрнберг (Kernberg, 1975), вероятно, более всех остальных эго-психологов приблизился к подходу британской школы объектных отношений. Именно он предпринял искреннюю попытку соединить эго-психологию и британскую теорию объектных отношений. В особенности он стремился к интеграции с кляйнианским подходом, и понятие проективной идентификации использовалось им как важная связующая концепция между эго-психологией и теорией объектных отношений. Он пытался доказать, что «объекты» играют первичную роль, желая тем самым устранить понятие о первичном нарциссизме:

> «... не соглашаясь с традиционной психоаналитической точкой зрения, согласно которой сначала происходит нарциссическое инвестирование либидо, а затем объектное, /.../ я считаю, что развитие нормального и патологического нарциссизма всегда включает в себя отношения самости с репрезентациями объектов и внешними объектами. /.../ Общий вывод таков: понятие “первичного нарциссизма” более не выглядит обоснованным, поскольку “метапсихологически” “первичный нарциссизм” и “первичное объектное инвестирование” в сущности совпадают». (Kernberg, 1975, p. 341)

Проективная идентификация, как процесс усмотрения частей самости в другом, должна зависеть от границы самость–другой и таким образом ее укреплять. Кёрнберг предполагал участие проективной идентификации в этом процессе, где в конечном итоге возникают границы Эго.

Кёрнберг предлагал считать проективную идентификацию ранним механизмом, основывающимся на процессах расщепления; в противовес ей проекция основывается на более поздней и более сложной защите вытеснения. Другое отличие касается «идентификационного» аспекта. Его Кёрнберг описывал как «эмпатию с» компонентом проективной идентификации, которая, по его определению, «является примитивной формой проекции. /.../ “Эмпатия” поддерживается с реальным объектом, на который произошла проекция, и связана с попыткой контролировать объект» (Kernberg, 1975, p. 80). Проекция же является неправильным восприятием объекта без всякого дальнейшего в нем участия. Здесь подчеркивается такое свойство проективной идентификации, как способность воздействовать на «внутреннюю сторону» (inside) объекта и заставлять его чувствовать некий контроль со стороны субъекта; это напоминает утверждение Кляйн, что проекция производится *в* объект, но не *на* него (Klein, 1946, p. 8n). Кёрнберг считал, что проективная идентификация возникает только тогда, когда сформирована граница Эго, и, поскольку проективная идентификация как процесс усмотрения частей самости в другом должна зависеть от границы самость–другой, она может глубоко вовлекаться в ее создание и укрепление. Любопытным образом это помещает проективную идентификацию на непривыч-

ную позицию, поскольку первоначально она была описана, исходя из клинического материала, где имела место спутанность самости и объекта (Rosenfeld, 1965). Подобные конфликтующие подходы нуждаются в согласовании.

Однако когда Кёрнберг пытался «пересадить» концепцию проективной идентификации в свои теоретические рамки, он пользовался терминологией, глубоко чуждой кляйнианской теории: «спроецированное весьма неэффективным образом является не “чистой агрессией”, но репрезентацией самости или репрезентацией объекта, связанными с дериватом этого влечения» (Kernberg, 1975, pp. 80–81). «Репрезентация самости» и «репрезентация объекта» не совпадают в своем развитии с понятием проективной идентификации в его исходной форме. «Дериват влечения» замещает собой «отщепленную часть самости». Фантазийная идея конкретно ощущаемых объектов и частей самости отсутствует. Результатом становится курьезный гибрид теоретических терминов, где концепции эго-психологии и теории объектных отношений искажены ради придания им совершенно других очертаний. По-видимому, произошло неизбежное столкновение объективно описанных психических процессов и структур и субъективно пережитых бессознательных фантазий. Кляйнианская метапсихология, изложенная в терминах собственных фантазий пациента, была частично переведена на язык объективной науки [см. СУБЪЕКТИВНОСТЬ].

Гротстайн. Иногда Гротстайн (Grotstein, 1981) придерживается в своей работе строго кляйнианского подхода, но ему нелегко освобождаться от системы координат эго-психологии. Он, как и Кёрнберг, пытался преодолеть теоретическое расхождение эго-психологии и кляйнианского психоанализа. Кляйнианцы, говорил он, использовали концепцию проективной идентификации и других примитивных защитных механизмов «для описания формирования психотических состояний, но не рассматривают их в качестве примитивных невротических механизмов и поэтому часто не обращают внимания на нормальные или невротические аспекты расщепления и проективной идентификации» (Grotstein, 1983, pp. 529–530).

Попытки Гротстайна свести две теории вместе не привели к получению коктейля из понятий с целью посмотреть, что получится. Он опирался на идею «двойного пути» развития, согласно которой примитивные и другие аспекты Эго гармонично сосуществуют друг с другом.

Столь же спокойно он рассматривал те ранние моменты жизни, когда проективная идентификация действует наиболее продуктивно; он полагал, что существенная несовместимость неприятия Кляйн понятия первичного нарциссизма и преданности Малер этой концепции преодолима:

> «Представление Кляйн об исходной психической отделенности младенца противоречит концепции Малер (и других авторов) о продолжении постнатального первичного нарциссизма или

первичной идентификации. Теория двойного пути позволяет каждому оставаться правым в пределах соответствующей колеи» (Grotstein, 1981, p. 88).

Полученное Малер (Mahler *et al.*, 1975) экспериментальное подтверждение классической фрейдистской точки зрения, отрицающей отделенность в первые недели и месяцы жизни, всегда представляло проблему для британских психоаналитиков, верных парадигме объектных отношений [см. НАРЦИССИЗМ]. Кляйн придерживалась собственной логики и настаивала, что «объектные отношения существуют с момента рождения». Только это допущение придает смысл примитивным защитным механизмам. Проективная идентификация представляет собой борьбу младенца с этими очень ранними отношениями. Однако попытки Гротстайна рассматривать этот момент с двух позиций одновременно не привели к хорошему результату.

Гротстайн также стремился различать проекцию и проективную идентификацию, отмечая, что «“проекция” – это механизм, имеющий дело с влечениями, спроецированными на объект, а частями самости, связанными с этими влечениями, занимается “проективная идентификация”» (Malin and Grotstein, 1966).

Джейкобсон. Джейкобсон (Jacobson, 1967) не признавала проективную идентификацию как примитивный механизм, поскольку на данных очень примитивных стадиях Эго не существует. По ее мнению, проективная идентификация — полезное понятие, но только если считать ее сложной реакцией взрослого пациента, а не повторным действием инфантильных механизмов. Розенфельд (Rosenfeld, 1987) рассмотрел эту точку зрения и показал, что Джейкобсон не осознавала, что проблема предоставления интерпретации пациентам-психотикам возникает вследствие их возврата к инфантильному конкретному мышлению, основанному на проективной идентификации.

Критика понятия проективной идентификации как слишком сложного механизма важна и весома; она указывает на значительное и глубокое различие между теориями самых ранних функций Эго. Действительно, способность проникать *в* объект и контролировать его чувства и реакции кажется весьма изощренной способностью. Безусловно, мы можем регистрировать ее у взрослых пациентов и у пациентов-детей, проходящих психоанализ. Но может ли подобная фантазия существовать с самого рождения? Ответ на этот вопрос зависит от того, к какому типу принадлежит первый объект, с которым младенец устанавливает отношения. С одной стороны, те, кто считают, что Эго не функционирует с самого рождения, в качестве первых объектов рассматривают объекты внешние, конструируемые из физических свойств, когда младенец становится способным их воспринимать, используя глаза и уши. Однако с другой стороны, теория бессознательной фантазии вполне допускает, что первые объекты конст-

руируются как примитивные интерпретации базовых телесных ощущений, доставляющих боль или удовольствие, и следовательно, объект является эмоциональным и обладает мотивациями, но не физическими качествами. Остается без ответа вопрос, обладают ли объекты с самого начала эмоциональным значением, которое затем привязывается к физическим объектам, или же они обладают лишь физическими атрибутами, в которых впоследствии обнаруживается эмоциональная жизнь.

Без сомнения, оправдан критический подход, утверждающий, что младенцы не способны осуществлять свои проективные идентификации таким изощренным образом, как это делают взрослые пациенты. Чрезвычайно искусные методы использования аналитика, которые описывает, например, Джозеф (Joseph, 1975), очень далеко отстоят от простого крика ребенка, вовлекающего мать в свой мир. Кляйнианское определение проективной идентификации как примитивной необходимо уточнять при описании сложного межличностного маневрирования и примитивность ее ограничивать только конкретностью фантазий, стоящих за более искусными методами.

(2) Межличностный процесс. Понятие проективной идентификации продуктивно для описания взаимодействий между людьми (Money-Kyrle, 1956) [см. КОНТРПЕРЕНОС]. Когда данная сторона проективной идентификации подчеркивается в большей степени, чем ее внутрипсихические фантазийные функции (Ashbach and Shermer, 1987), это можно назвать *интерперсональной* концепцией проективной идентификации.

Огден. Огден (Ogden, 1979, 1982) отметил несколько сходных понятий в литературе классической психоаналитической направленности. Он (Ogden, 1982, p. 80) указывает следующие: Анна Фрейд (Anna Freud, 1936), «идентификация с агрессором»; Броди (Brodey, 1965), «экстернализация»; Во (Wangh, 1962), «вызов через посредника»; Сандлер (Sandler, 1976), «ролевая актуализация» — и относит всю их совокупность к единому клиническому проявлению, называя его «проективной идентификацией».

В данной формулировке термин покрывает сложное клиническое событие межличностного характера: человек отчуждает свои чувства и манипулятивно побуждает другого их переживать, за чем следуют видимые изменения в поведении их обоих. Признавая внутрипсихический фон, Огден подчеркивает наблюдаемые межличностные события, «интерперсональную актуализацию» (Ogden, 1982, p. 177). Эти межличностные события действительно наблюдаются, отрицать их невозможно, и они могут внести некоторую ясность в теорию, поскольку поведенческий феномен, обозначаемый термином, потенциально может быть подвергнут объективной проверке. По этой причине формулировка Огдена стала использоваться в области интерперсональных терапий, таких как семейная терапия (Bannister and Pincus,

1965; Zinner and Shapiro, 1972; Box, 1978) и групповая терапия (например, Main, 1975; Rogers, 1987).

Однако существует некоторое различие между огденовским определением и исходным понятием. Это различие сложно ухватить: «Описание подобных примитивных процессов сталкивается с серьезным препятствием, поскольку эти фантазии возникают, когда ребенок еще не начал мыслить словами» (Klein, 1946). В формулировке Огдена мало внимания уделяется субъективным переживаниям субъекта и его бессознательным фантазиям, — как и в других формулировках эго-психологии. Тем не менее различие заключается не только в этом. Например, Джозеф (Joseph, 1975 и многие другие работы) описывает эти явления совершенно иначе, чем Огден, Кёрнберг, Гротстайн и другие (Sandler, 1988). Она пытается *указать* на что-то в клиническом материале, а не вывести определение. Здесь затрагивается субъективный опыт *аналитика*, о котором также чрезвычайно трудно мыслить словами: аналитика используют, и он оказывается невольно втянутым в мир фантазии пациента.

Расширение концепции. Некоторые исследователи отметили значительное расширение концепции проективной идентификации. Кёрнберг, например, писал (Kernberg, 1980): «Понятие проективной идентификации расширено настолько, что включает в себя реакцию объекта, то есть межличностный процесс описывается как часть внутрипсихического механизма. /.../ [Этот] сдвиг в определении основополагающего понятия создает проблемы как в области теории, так и в области клинической практики» (p. 45). Он приписывает это расширение понятия Розенфельду (Rosenfeld, 1964a). Майснер (Meissner, 1980) приписывает его Биону (Bion, 1962a and b) и Сигал (Segal, 1957). С другой стороны, Спиллиус (Spillius, 1983) приписывает это расширение американским авторам, например Огдену (Ogden, 1979):

> «... это понятие теперь используется не-кляйнианцами, и работы о нем пишутся даже в Соединенных Штатах. Концепция увеличила свой охват, и используется порой небрежно» (Spillius, 1983, p. 321).

То, что кляйнианцы называют небрежным использованием термина, в большой степени проистекает из нежелания не-кляйнианцев поддерживать связи данной концепции со всей совокупностью понятий, относящихся к параноидно-шизоидной позиции. Некоторые аналитики освободились от немалой части кляйнианского багажа: от различения (a) патологической и нормальной проективной идентификации; (b) всемогущей фантазии и эмпатии; (c) частичных объектов и целостных объектов, а также от учета (a) описанных Розенфельдом вторичных, защитных слияний, противопоставляемых первичному нарциссизму, (b) бессознательной фантазии и субъективного значения, противопоставляемых объективным механизмам и структурам. Полезна ли полученная в результате концепция, «о ко-

торой пишут в Соединенных Штатах», — это уже, вероятно, не кляйнианская тема, но, судя по изобилию статей как за, так и против, мнение на этот счет весьма поляризовано.

Майснер. Наиболее показательным примером критики понятия проективной идентификации со стороны эго-психологии является работа Майснера (Meissner, 1980). Частично его аргументация относится к кляйнианской концепции [см. СИМВОЛИЧЕСКОЕ РАВЕНСТВО], частично — к произошедшему в Америке ее распространению на область межличностных отношений: «чрезмерное расширение и приложение термина привело к ситуации, в которой он обрел множество — иногда несовместимых — значений, и тем самым — к потере смысла» (p. 43).

Майснер соглашается с тем, что проективная идентификация включает в себя размывание границ Эго, утрату различения самость–объект и отношение к объекту как к части самости. Все эти моменты являются ключевыми элементами свойственного эго-психологии подхода к психозу, и в этом строго ограниченном применении термин является осмысленным. Проблемы возникают, по мнению Майснера, когда термин начинает использоваться помимо его связи с психотической тематикой. Перечислим некоторые проблемы:

(a) Описание эмпатии (Klein, 1959), как основанной на проективной идентификации, является одним из расширений термина, против которых возражал Майснер, поскольку утраты границ Эго в моменты эмпатии не происходит.

(b) Майснер доказывает, что Бионова теория контейнеров [см. КОНТЕЙНИРОВАНИЕ] является необоснованной экстраполяцией значения термина:

> «... проективная идентификация становится метафорой, небрежно переведенной в термины контейнера и контейнируемого, которая прилагается к феноменам в сфере отношений или познания почти в любой их форме, тогда как здесь достаточно обращения к обычным понятиям отношения, содержания (containment) или вовлечения (implication)» (Meissner, 1980, p. 59).

Термин теряет точную отсылку к психотическому опыту. Если проективную идентификацию относят не только к психозу, указывает Майснер, но применяют в условиях реалистической оценки самости и объекта, данный термин сводится к простой «проекции» и тем самым порождает путаницу.

(c) Подобным образом Майснер утверждает, что столь же неоправданно приписывать значимость символическому равенству, как это делает Сигал (Segal, 1957). Отдельная линия аргументации посвящена доказательству того, что описанное Сигал конкретное использование символов не обязательно

является результатом проективной идентификации. Он ссылается на «палеологические» до-аристотелевские формы мышления, описанные фон Домарусом (Von Domarus, 1944) [см. СИМВОЛИЧЕСКОЕ РАВЕНСТВО].

(d) Затем Майснер переходит к частому использованию термина «проективная идентификация» для описания межличностных взаимодействий (Zinner and Shapiro, 1972; Greenspan and Mannoni, 1975; Slipp, 1973). Он отмечает, что в этих работах термин относится к сложным проективно-интроективным процессам в семейных системах, *между* людьми:

> «Основное возражение против использования понятия проективной идентификации в подобном контексте сводится к вопросу: являются ли комплексные взаимодействия, которые рассматриваются в свете данных концепций, чем-то большим, чем комплексные взаимодействия проекции и интроекции» (Meissner, 1980, p. 59).

Он осуждает экстраполяцию данного понятия на *меж*личностный контекст, так как это снова уводит нас от психотических феноменов.

(e) Майснер справедливо указывает, что использование термина «проективная идентификация» подразумевает набор допущений, принимаемых по умолчанию: о характере инстинктивного конфликта, о самых ранних стадиях обработки этих инстинктивных элементов, о спутанности самости и объектов как защите. Следовательно, термин оказывается искаженным, когда его пересаживают в другой набор допущений: о первичном нарциссизме, о спутанности самости и объектов как первичной тревоге, об объективности психоаналитического наблюдения.

Контрперенос. Развитие понятия проективной идентификации совпало с новым пониманием значения контрпереноса. По крайней мере в Британии оба направления развития были, вероятно, взаимосвязаны и укрепляли друг друга. Благодаря своему межличностному аспекту, проективная идентификация касается отношений в переносе и контрпереносе. Однако это может вести к неоправданному упрощению методов проведения анализа. Интерпретация проективной идентификации в клиническом материале на основании реакций аналитика может вызывать подозрение, что аналитик просто приписывает свои собственные чувства пациенту, их не осмысливая, и всемогущим образом «знает» о чувствах пациента напрямую, с помощью интуиции. Такая рационализация в «диком» анализе была осуждена Финелл (Finell, 1986). На примере эпизодов, описанных Огденом и Гротстайном, она продемонстрировала уклонения аналитика и защитное всемогущество. Эта критика неоправданно упрощенного использования «проективной идентификации» в понимании контрпереноса справедлива, на что также обращал внимание Розенфельд (Rosenfeld, 1972). Поверхностные интерпретации такого рода приводят к тому, что пациент начинает подозревать, что анали-

тик защищается от его проекций, и действовать на основании такого допущения. Гринберг (Grinberg, 1962) указывал, что в некоторых случаях такого рода пациент может чувствовать, что его принуждают принимать проективные идентификации аналитика [см. КОНТРПЕРЕНОС]. Исходя из этого, Дорпат (Dorpat, 1983) доказывал, что необходимо вообще изъять термин «проективная идентификация» из употребления.

На уровне клинической практики аналитики кляйнианского и других направлений часто одинаково относятся к определенным острым моментам в ситуации переноса и контрпереноса, когда аналитик обнаруживает, что захвачен врасплох и некоторым образом удаляется от аналитической ситуации *вместе* с пациентом. Джозеф (Joseph, 1975) описала некоторые чрезвычайно тонкие манифестации этих моментов: как пациент *использует* аналитика, а также возбуждение пациента при успешном использовании аналитика. Аналитик используется не для репрезентации чего-либо — родительской фигуры и т. п., но в целях избегания определенных переживаний зависимости, ревности, отделенности и зависти. Необходимо показать пациенту, что он прибегает к такому использованию, чтобы помочь ему преодолеть возбуждение и триумф. Кёрнберг (Kernberg, 1988) описывал ситуацию, в которой пациент был совершенно уверен, что вне сеанса аналитик стремился причинить ему вред, и его гнев все усиливался, поскольку аналитик этого не признавал, пока аналитик не стал опасаться физического нападения со стороны пациента. В этом случае аналитик сопротивлялся интенсивному вовлечению в разыгрывание. Решением аналитика в этом случае стал выход из аналитического сеттинга: он заявил, что анализ не будет продолжен, если пациент не гарантирует, что не будет физически нападать на аналитика. Кёрнберг защищал свое неинтерпретативное обращение с попытками проекций в него на том основании, что в анализ некоторых особенно агрессивных пациентов необходимо вводить подобный параметр. Эти альтернативные техники — добиваться интерпретации или вводить в анализ параметры — требуют дальнейшей сравнительной оценки.

Процедура Кёрнберга основана на мнении, что крайняя агрессивность представляет первичный дефект Эго, регрессию к состоянию слабой его сформированности, в котором Эго только начинает возникать благодаря проективной идентификации. В этом смысле насилие, демонстрируемое по отношению к аналитику, оказывается феноменом, весьма отличным от деструктивного воздействия на аналитика проективной идентификации, направленной на устранение границ путем установления над ним контроля (это кляйнианская версия происходящего). Кёрнберг полагает, что претендовать на контроль за ходом сеанса было необходимо для компенсации слабого контроля со стороны пациента.

Здесь возникает важный вопрос, затронутый и в последнем из указанных выше утверждений Майснера [пункт (е)]: в контексте каких допущений следует использовать термин «проективная идентификация»? Остается ли «проективная идентификация» все тем же понятием, если предполагается,

что психотические дефекты Эго возникают вследствие исходного отсутствия границ Эго (первичный нарциссизм), — в противоположность мнению, что они вызваны всемогущими фантазиями, задействованными в проективной идентификации? Весьма различные взгляды на происхождение психоза приводят к весьма различным оценкам смысла и ценности термина — и того, как с ним следует обращаться. По-видимому, вне рамок кляйнианской теории невозможно достичь согласия относительно ценности термина «проективная идентификация».

Abraham, Karl (1924) 'A short study of the development of the libido', in Karl Abraham (1927) *Selected Papers on Psycho-Analysis*. Hogarth, pp. 418–501.

Ashbach, C. and Shermer, Vic (1987) 'Interactive and group dimensions of Kleinian theory', *Journal of the Melanie Klein Society* 5: 43–68.

Bannister, K. and Pincus, L. (1965) *Shared Phantasy* in *Marital Problems*. Hitchin: Codicote.

Bibring, E. (1947) 'The so-called English school of psycho-analysis', *Psycho-Anal. Q.* 16: 69–93.

Bick, Esther (1964) 'Notes on infant observation in psycho-analytic training', *Int.J. Psycho-Anal.* 45: 558—66; republished (1987) in Martha Harris and Esther Bick, *The Collected Papers of Martha Harris and Esther Bick*. Perth: Clunie, pp. 240–56.

Bick, Esther (1968) 'The experience of the skin in early object relations', *Int.J. Psycho-Anal.* 49: 484–6; republished (1987) in *The Collected Papers of Martha Harris and Esther Bick*, pp. 114–18.

Bion, Wilfred (1957) 'Differentiation of the psychotic from the non-psychotic personalities', *Int.J. Psycho-Anal.* 38: 266—75; republished (1967) in W. R. Bion, *Second Thoughts*. Heinemann, pp. 43–64.

Bion, Wilfred (1959) 'Attacks on linking', *Int. J. Psycho-Anal.* 40: 308–15; republished (1967) in *Second Thoughts*, pp. 93–109.

Bion, Wilfred (1961) *Experiences in Groups*. Tavistock.

Bion, Wilfred (1962a) 'Theory of thinking', *Int. J. Psycho-Anal.* 43: 306–10; republished (1967) in *Second Thoughts*, pp. 110—19.

Bion, Wilfred (1962b) *Learning from Experience*. Heinemann.

Bion, Wilfred (1970) *Attention and Interpretation*. Tavistock.

Box, S. (1978) 'An analytic approach to work with families', *Journal of Adolescence* 1: 119–33.

Brenman Pick, Irma (1985) 'Working through in counter-transference', *Int.J. Psycho-Anal.* 66: 157–66.

Brodey, Warren (1965) 'On the dynamics of narcissism: I Externalization and early ego development', *Psychoanal. Study Child* 20: 165–93.

Dorpat, T. L. (1983) 'Book review of *Splitting and Projective Identification* by J. S. Grotstein', *Int.J. Psycho-Anal.* 64: 116–19.

Finell, Janet (1986) 'The merits and problems with the concept of projective identification', *Psychoanal. Rev.* 73: 104–20.

Freud, Anna (1936) *The Ego and the Mechanisms of Defence*. Hogarth.

Freud, Sigmund (1895) 'Draft H — paranoia', in James Strachey, ed. *The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud*, 24 vols. Hogarth, 1953–73. vol. 1, pp. 206–12. Freud, Sigmund (1920) *Beyond the Pleasure Principle. S.E.* 18, pp. 3–64.

Freud, Sigmund (1921) *Group Psychology and the Analysis of the Ego. S.E.* 18, pp. 67–143.

Freud, Sigmund (1923) *The Ego and the Id. S.E.* 19, pp. 3–66.

Greenberg, Jay and Mitchell, Stephen (1983) *Object Relations in Psycho Analytic Theory*. Cambridge, MA: Harvard.

Greenspan, S. I. and Mannoni, F. V. (1975) 'A model for brief intervention with couples based on projective identification', *American Journal of Psychiatry* 131: 1103–6.

Grinberg, Leon (1962) 'On a specific aspect of counter-transference due to the patient's projective identification', *Int. J. Psycho-Anal.* 43: 436–40.

Grotstein, James (1981) *Splitting and Projective Identification*. New York: Jason Aronson.

Grotstein, James (1983) 'The significance of Kleinian contributions to psycho-analysis: IV Critiques of Klein', *Int. J. Psycho-Anal. Psychother.* 9: 511–35.

Heimann, Paula (1950) 'On counter-transference', *Int. J. Psycho-Anal.* 31: 81–4.

Isaacs, Susan (1948) 'The nature and function of phantasy', *Int. J. Psycho-Anal.* 29: 73–97; republished (1952) in Melanie Klein, Paula Heimann, Susan Isaacs and Joan Riviere, eds *Developments in Psycho-Analysis.* Hogarth, pp. 67–121.

Jacobson, Edith (1967) *Psychotic Conflict and Reality*. Hogarth.

Jaques, Elliott (1953) 'On the dynamics of social structure', *Human Relations* 6: 3–23; republished (1955) as 'Social systems as a defence against persecutory and depressive anxiety', in Melanie Klein, Paula Heimann and Roger Money-Kyrle, eds (1955) *New Directions in Psycho-Analysis.* Tavistock, pp. 478–98.

Jones, Ernest (1916) 'The theory of symbolism', *Br. J. Psychol.* 9: 181–229.

Joseph, Betty (1975) 'The patient who is difficult to reach', in Peter Giovacchini, ed. *Tactics and Techniques in Psycho-Analytic Therapy*, vol. 2. New York: Jason Aronson, pp. 205–16.

Joseph, Betty (1981) 'Towards the experiencing of psychic pain', in James Grotstein, ed. (1981) *Do I Dare Disturb the Universe?* Beverly Hills: Caesura, pp. 93–102.

Joseph, Betty (1982) 'On addiction to near death', *Int. J. Psycho-Anal.* 63: 449–56.

Kernberg, Otto (1969) 'A contribution to the ego-psychological critique of the Kleinian school', *Int. J. Psycho-Anal.* 50: 317–33.

Kernberg, Otto (1975) *Borderline Conditions and Psychological Narcissism*. New York: Jason Aronson.

Kernberg, Otto (1980) *Internal World and External Reality*. New York: Jason Aronson.

Kernberg, Otto (1988) 'Projection and projective identification: developmental and clinical aspects', in Joseph Sandler, ed. (1988) *Projection, Identification, Projective Identification.* Karnac, pp. 93–115.

Klein, Melanie (1927) 'Criminal tendencies in normal children', in *The Writings of Melanie Klein*, vol. 1. Hogarth, pp. 170–85.

Klein, Melanie (1929) 'Personification in the play of children', *The Writings of Melanie Klein*, vol. 1, pp. 199–209.

Klein, Melanie (1930a) 'The psychotherapy of the psychoses', *The Writings of Melanie Klein*, vol. 1, pp. 233–5.

Klein, Melanie (1930b) 'The importance of symbol-formation in the development of the ego', *The Writings of Melanie Klein*, vol. 1, pp. 219–32.

KLEIN, MELANIE (1935) 'A contribution to the psychogenesis of manic-depressive states', *The Writings of Melanie Klein*, vol. 1, pp. 262–89.

KLEIN, MELANIE (1946) 'Notes on some schizoid mechanisms', *The Writings of Melanie Klein*, vol. 3, pp. 1–24.

KLEIN, MELANIE (1952) 'On observing the behaviour of young infants', *The Writings of Melanie Klein*, vol. 3, pp. 94–121.

KLEIN, MELANIE (1955) 'On identification', *The Writings of Melanie Klein*, vol. 3, pp. 141–75.

KLEIN, MELANIE (1957) *Envy and Gratitude, The Writings of Melanie Klein*, vol. 3, pp. 176–235.

KLEIN, MELANIE (1959) 'Our adult world and its roots in infancy', *The Writings of Melanie Klein*, vol. 3, pp. 247–63.

MAHLER, MARGARET, PINE, FRED and BERGMAN, ANNI (1975) *The Psychological Birth of the Human Infant*. Hutchinson.

MAIN, T. F. (1975) 'Some psychodynamics of large groups', in Lionel Kreeger, ed. (1984) *The Large Group*. Constable, pp. 57–86.

MALIN, A. and GROTSTEIN, JAMES (1966) 'Projective identification in the therapeutic process', *Int. J. Psycho-Anal.* 47: 26–31.

MEISSNER, W. W. (1980) 'A note on projective identification', *J. Amer. Psychoanal. Assn.* 28: 43–65.

MELTZER, DONALD (1967) *The Psycho-Analytical Process*. Heinemann.

MELTZER, DONALD, BREMNER, JOHN, HOXTER, SHIRLEY, WEDDELL, DOREEN and WITTENBERG, ISCA (1975) *Explorations in Autism*. Perth: Clunie.

MONEY-KYRLE, ROGER (1956) 'Normal counter-transference and some of its deviations', *Int. J. Psycho-Anal.* 37: 360.—6; republished (1978) in *The Collected Papers of Roger Money-Kyrle*. Perth: Clunie, pp. 330–42.

OGDEN, THOMAS (1979) 'On projective identification', *Int. J. Psycho-Anal.* 60: 357–73.

OGDEN, THOMAS (1982) *Projective Identification and Psychotherapeutic Technique*. New York: Jason Aronson.

ORFORD, FRANK (1987) personal communication.

O'SHAUGHNESSY, EDNA (1975) 'Explanatory notes', in *The Writings of Melanie Klein*, vol. 3. Hogarth, pp. 324–36.

RODRIGUE, EMILIO (1955) "The analysis of a three-year-old mute schizophrenic', in Melanie Klein, Paula Heimann and Roger Money-Kyrle, eds (1955) *New Directions in Psycho-Analysis*. Tavistock, pp. 140–79.

ROGERS, CYNTHIA (1987) 'On putting it into words: the balance between projective identification and dialogue in the group', *Group Analysis* 20: 99–107.

ROSENFELD, HERBERT (1947) 'Analysis of a schizophrenic state with depersonalization', in Herbert Rosenfeld (1965) *Psychotic States*. Hogarth, pp. 13–33; originally published *Int. J. Psycho-Anal.* 28: 130–9.

ROSENFELD, HERBERT (1952) 'Notes on the psycho-analysis of the superego conflict in an acute schizophrenic', in *Psychotic States*, pp. 63–103; originally published *Int. J. Psycho-Anal.* 33: 111–31.

ROSENFELD, HERBERT (1964a) 'Object relations of the acute schizophrenic patient in the transference situation', in Solomon and Glueck, eds *Recent Research on Schizophrenia*. Washington: American Psychiatric Association.

ROSENFELD, HERBERT (1964b) 'On the psychopathology of narcissism: a clinical approach', *Int. J. Psycho-Anal.* 45: 332–7; republished (1965) in *Psychotic States*, pp. 169–79.

Rosenfeld, Herbert (1965) *Psychotic States*. Hogarth.

Rosenfeld, Herbert (1971) 'A clinical approach to the psycho-analytical theory of the life and death instincts: an investigation into the aggressive aspects of narcissism', *Int. J. Psycho-Anal.* 52: 169–78.

Rosenfeld, Herbert (1972) 'A critical appreciation of James Strachey's paper on the nature of the therapeutic action of psycho-analysis', *Int. J. Psycho-Anal.* 53: 455–61.

Rosenfeld, Herbert (1983) 'Primitive object relations and mechanisms', *Int. J. Psycho-Anal.* 64: 261–7.

Rosenfeld, Herbert (1987) *Impasse and Interpretation*. Tavistock.

Sandler, Joseph (1976) 'Dreams, unconscious phantasies and "identity of perception"', *Int. Rev. Psycho-Anal.* 3: 33–42.

Sandler, Joseph ed. (1988) *Projection, Identification, Projective Identification*. Karnac.

Schmideberg, Melita (1931) 'A contribution to the psychology of persecutory ideas and delusions', *Int. J. Psycho-Anal.* 12: 331–67.

Searl, Mina (1932) 'A note on depersonalization', *Int. J. Psycho-Anal.* 13: 329–47.

Segal, Hanna (1950) 'Some aspects of the analysis of a schizophrenic', *Int. J. Psycho-Anal.* 31: 268–78; republished (1981) in *The Work of Hanna Segal*. New York: Jason Aronson, pp. 101–20.

Segal, Hanna (1956) 'Depression in the schizophrenic', *Int. J. Psycho-Anal.* 37: 339–43; republished (1981) in *The Work of Hanna Segal*, pp. 121–30.

Segal, Hanna (1957) 'Notes on symbol formation', *Int. J. Psycho-Anal.* 38: 391–7; republished (1981) in *The Work of Hanna Segal*, pp. 49–65.

Slipp, S. (1973) 'The symbiotic survival pattern', *Family Process* 12: 377–98.

Spillius, Elizabeth Bott (1983) 'Some developments from the work of Melanie Klein', *Int. J. Psycho-Anal.* 64: 321–32.

Spillius, Elizabeth Bott (1988) *Melanie Klein Today: Volume I Mainly Theory*. Tavistock.

Stern, Daniel (1985) *The Interpersonal World of the Infant*. New York: Basic.

Tustin, Frances (1981) *Autistic States in Children*. Routledge & Kegan Paul.

Tustin, Frances (1986) *Autistic Barriers in Neurotic Patients*. Karnac.

Von Domarus (1944) 'The specific laws of logic in schizophrenia', in Jacob Kasanin, ed. *Language and Thought in Schizophrenia*. Berkeley: University of California Press.

Waelder, Robert (1937) 'The problem of the genesis of psychical conflict in earliest infancy', *Int. J. Psycho-Anal.* 18: 406–73.

Wangh, Martin (1962) 'The "evocation of a proxy": a psychological maneuver, its use as a defence, its purposes and genesis', *Psychoanal. Study Child* 17: 451–72.

Zinner, J. and Shapiro, R. (1972) 'Projective identification as a mode of perception and behaviour in families of adolescents', *Int. J. Psycho-Anal.* 53: 523–30.

Б. Общие статьи

Карл Абрахам
Karl Abraham

Биография. Абрахам родился в Германии в **1877** году и заинтересовался психоанализом, обучаясь психиатрии вместе с Юнгом в Цюрихе. В 1907 году в Берлине он первым в Германии начал психоаналитическую практику, а в 1910 — основал Германское психоаналитическое общество. В 1924 году он стал президентом Международной психоаналитической ассоциации, но в **1925** умер в расцвете своих профессиональных способностей и славы (Hilda Abraham, 1974).

В 1924 году Мелани Кляйн убедила Абрахама начать ее анализ, который был прерван через пятнадцать месяцев из-за ухудшения его здоровья. Кроме того, Абрахам проводил анализ ряда английских аналитиков, в том числе Джеймса Гловера, Эдварда Гловера и Аликс Стрэйчи. Он занимал особое положение в психоаналитическом движении, поскольку был выдающимся наблюдателем-клиницистом и, кроме того, вместе с Юнгом (в Цюрихе), Ференци (в Будапеште) и Джонсом (в Лондоне) был среди первых психоаналитиков, работавших за пределами Вены.

НАУЧНЫЕ ДОСТИЖЕНИЯ. Основные результаты Абрахама были получены в сотрудничестве с Фрейдом и связаны они были с попытками понимания психозов (Abraham, 1911). Поскольку психотические состояния чрезвычайно нарциссичны, у пациентов-психотиков не возникает перенос в типичном его виде, и аналитики того времени не могли работать с такими пациентами. Поэтому исследование психозов было исследованием нарциссизма [см. НАРЦИССИЗМ]. Однако Абрахам воспользовался тем, что маниакально-депрессивный психоз проходит фазы ремиссии, когда пациенты на поверхностном уровне вполне нормальны. Он анализировал пациентов в таких «нормальных» фазах, стремясь обнаружить их скрытую предрасположенность к фазам психотическим.

Прегенитальные фазы развития. Абрахам клинически подтвердил существование специфических для психозов *точек фиксации* на очень ранних фазах развития либидо (оральных и анальных). Нарциссизм является первичным состоянием младенца, а нарциссизм психотической регрессии возникает вследствие фиксации на данном раннем периоде. Абрахам привел убедительное доказательство существования оральных и анальных импульсов в этих состояниях и превосходно описал их в своей замечательной итоговой работе (Abraham, 1924). В частности, он обнаружил, что оральная и анальная фазы представлены заметным действием *интроекции* (орального поглощения) и *проекции* (анального выталкивания) [см. ИНТРОЕКЦИЯ; ПРОЕКЦИЯ]. В этом свете маниакально-депрессивные психозы выглядят как вовлеченность человека в повторяющиеся циклы инкорпорации и выталкивания, связанные с чрезвычайной тревогой в отношении поглощаемых или выталкиваемых объектов.

В то же время Абрахам подтвердил, что данные фазы в особой степени затронуты глубоко агрессивными и *садистическими* импульсами. В результате он предложил детализированное «расписание» либидинозных фаз [см. ЛИБИДО]. Представление о садистических формах интроекции и проекции позднее было существенно развито Кляйн [см. 3. АГРЕССИЯ].

Таким образом, внимание Абрахама было направлено на разнообразные манифестации садизма и агрессивности: например, его статья 1919 года о трудных пациентах — выдающееся описание скрытых манифестаций агрессии.

Нарциссизм и объектные отношения. Однако смерть помешала Абрахаму завершить работу. Хотя он думал, что исследует фазу первичного нарциссизма (они с Фрейдом в то время полагали, что эта фаза длится от рождения ребенка примерно до двух лет), на самом деле он описывал инкорпорацию и исторжение объектов или фрагментов объектов. Расхождение во взглядах на характер объектных отношений на протяжении периода первичного нарциссизма [см. НАРЦИССИЗМ] сохраняется до сих пор. Пусть несколько схематично, но Абрахам описал установление младенцем на этой первичной стадии отношений с объектами, причем очень странными, которым он дал название *частичных объектов* (partial, or *part-objects*). Абрахам приложил максимум усилий, чтобы обрисовать развитие на более поздней стадии подлинной объектной любви [см. ЧАСТИЧНЫЕ ОБЪЕКТЫ; ЦЕЛОСТНЫЙ ОБЪЕКТ; ЛЮБОВЬ]. Это различение сыграло для Кляйн очень большую роль, когда она развивала представление о депрессивной позиции [см. 10. ДЕПРЕССИВНАЯ ПОЗИЦИЯ].

Кляйн многим обязана Абрахаму: он провел ее анализ и заложил прочные основания теории, которую ей предстояло развивать. А деятельность Кляйн была, в свою очередь, важна для Абрахама, поскольку ее работа с детьми подтверждала его предположения относительно садизма на ранних прегенитальных фазах и важной роли интроекции и проекции [см. ДЕТСКИЙ АНАЛИЗ]. Хотя Абрахам, как и Фрейд, практически не ссылался на Кляйн, возможно, его наблюдения, изложенные в статье 1924 года, взяты из ее материала, полученного начиная с 1919 года.

Abraham, Hilda (1974) ‘Karl Abraham: an unfinished biography’, *Int. Rev. Psycho-Anal.* 1:17–72.

Abraham, Karl (1911) ‘Notes on the psycho-analytic investigation and treatment of manic-depressive insanity and allied conditions’, in Karl Abraham (1927) *Selected Papers on Psycho-Analysis*. Hogarth, pp. 137–56.

Abraham, Karl (1919) ‘A particular form of neurotic resistance against the psychoanalytic method’, in *Selected Papers on Psycho-Analysis*, pp. 303–11.

Abraham, Karl (1924) ‘A short study of the libido, viewed in the light of mental disorders’, in *Selected Papers on Psycho-Analysis*, pp. 418–501.

Агрессия
Aggression

Вскоре после Первой мировой войны Фрейд (Freud, 1920) запоздало признал значимость агрессии. Свидетельство существования глубоко залегающего в человеческих существах источника деструктивности привело Фрейда к тому, что он отвел ей столь же важную роль, как и либидо [см. ИНСТИНКТ СМЕРТИ]. С тех пор не утихают жаркие споры на эту тему. Некоторые (например Гловер — Glover, 1933) полагают, что приписывать агрессии инстинктивное происхождение пессимистично; они считают, что агрессия вызвана фрустрацией либидо и других инстинктов. Однако широко признано, что агрессия — будь она внутреннего (инстинктивного) происхождения или порождена окружением (фрустрацией либидо) — по значимости конкурирует с сексуальностью.

Кляйн была первой среди тех, кто рассматривал агрессию как инстинктивный феномен [см. 3. АГРЕССИЯ; ИНСТИНКТ СМЕРТИ]. Однако, уделяя много внимания бессознательным фантазиям, она соглашалась с Фрейдом, что человеческие инстинкты чрезвычайно податливы. Поэтому, с точки зрения Кляйн, множественность проявлений агрессии демонстрирует ее изменчивость и высокий потенциал влияния на развитие психики — и психических расстройств. Кляйн полагала, что неизбежность агрессии сама по себе не дает повода ни для оптимизма, ни для пессимизма; каждый индивид ведет собственную борьбу против своих агрессивных импульсов. По сути, Кляйн думала, что деструктивность является важным фактором в развитии либидо, и в связи с этим Кляйн несправедливо критиковали: она якобы принижает ценность центральных концепций психоанализа — концепций фаз либидо, сексуальности и Эдипова комплекса (Glover, 1945; Yorke, 1971).

В последние годы развивается понимание негативного нарциссизма (особенно после появления работы Rosenfeld, 1971), и кляйнианская клиническая практика все больше сосредоточивается на организации деструктивности в личности [см. СТРУКТУРА].

Freud, Sigmund (1920) *Beyond the Pleasure Principle. S.E.* 18, pp. 3–64.

Glover, Edward (1933) *War, Sadism and Pacifism*. George Allen & Unwin.

Glover, Edward (1945) 'An examination of the Klein system of child psychology', *Psychoanal. Study Child* 1:3–43.

Rosenfeld, Herbert (1971) 'A clinical approach to the psycho-analytic theory of the life and death instincts: an investigation into the aggressive aspects of narcissism', *Int. J. Psycho-Anal.* 52:169–78.

Yorke, Clifford (1971) 'Some suggestions for a critique of Kleinian psychology', *Psychoanal. Study Child* 29:129–55.

Адгезивная идентификация
Adhesive identification

В начале 1970-х Бик (Bick, 1986) и Мельтцер (Meltzer, 1975) описали концепцию адгезивной идентификации. Разработка Бик строгих методов наблюдения за младенцами (Bick, 1964, 1968) привела к возникновению новых представлений о самых ранних моментах жизни, первом объекте и первой интроекции [см. НАБЛЮДЕНИЕ ЗА МЛАДЕНЦАМИ; КОЖА]. Когда она протекает неудачно, на самых ранних стадиях развитие отклоняется от правильного пути, поскольку проективную идентификацию невозможно использовать должным образом из-за отсутствия у младенца чувства внутреннего пространства [см. ВНУТРЕННЯЯ РЕАЛЬНОСТЬ]. Мельтцер подхватил эти идеи и опирался на них при исследовании техники детского анализа в приложении к аутичным детям. Мельтцер описал ребенка, который

> «любил рисовать домики: один на этой стороне листа бумаги, другой на обратной стороне таким образом, что, когда вы смотрите на этот лист против света, двери домов накладываются друг на друга, — это, знаете ли, был такой дом, в котором, как только вы открываете парадную дверь, вы тотчас же выходите из задней двери» (Meltzer, 1975, p. 300).

В ходе своего сотрудничества Бик и Мельтцер смогли распознать стереотипный паттерн таких образований «второй кожи» [см. КОЖА]. Бик обычно обозначала ее как акт мимикрии. Однако Бик и Мельтцер отметили, что такая мимикрия представляет переживание и фантазию прилипания *к* объекту, а не проецирования *в* него [см. 13. ПРОЕКТИВНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ]. Неудача в развитии чувства внутреннего пространства приводит к стремлению выстраивать отношение к объекту в двух измерениях, без глубины [см. АУТИЗМ]:

> «Этот ребенок вынужден был максимально использовать одни лишь прикосновения своей матери, чтобы оказаться в состоянии заснуть снова. Перед купанием, когда мать снимала с него одежду, он начинал дрожать и трястись, /…/ возможно, ему было холодно без одежды, но вряд ли: когда мать прикасалась к нему кусочком влажной ваты, он переставал дрожать. Я склонна полагать, что власть этого прикосновения происходила от его адгезивного значения, как восстановления ощущения приклеенности к матери» (Bick, 1986, p. 297).

См. КОЖА

BICK, ESTHER (1964) 'Notes on infant observation in psycho-analytic training', *Int.J. Psycho-Anal.* 45:558-66; republished (1987) in Martha Harris and Esther Bick, *The Collected Papers of Martha Harris and Esther Bick*. Perth: Clunie, pp. 240–56.

BICK, ESTHER (1968) 'The experience of the skin in early object relations', *Int.J. Psycho-Anal.* 49:484–6; republished (1987) in *The Collected Papers of Martha Harris and Esther Bick*, pp. 114–18.

BICK, ESTHER (1986) 'Further considerations of the function of the skin in early object relations', *Br.J. Psychother.* 2:292–9.

MELTZER, DONALD (1975) 'Adhesive identification', *Contemporary Psycho-Analysis* 11:289–310.

MELTZER, DONALD, BREMNER, JOHN, HOXTER, SHIRLEY, WEDDELL, DOREEN and WITTEMBERG, ISCA (1975) *Explorations in Autism*. Perth: Clunie.

Сюзен Айзекс
Susan Isaacs

Биография. Сюзен Айзекс родилась (**1885**) и выросла в Ланкашире и на всю жизнь сохранила провинциальный выговор (Gardner, 1969). Она была блестяще образованна и успешно совмещала психоаналитическую карьеру с преподаванием. Она обучила несколько поколений педагогов, работая в Институте образования Лондонского университета, и одно время возглавляла экспериментальную прогрессивную школу для маленьких детей (школа Молтинг-Хаус в Кембридже). Айзекс оказалась ценнейшим ученым Кляйнианской группы в эпоху ее основания и позже, в сложный период Дискуссий о противоречиях, поскольку она привнесла строгость научной полемики в клиническую интуицию практиков. Она умерла на пике своей карьеры в **1948** году.

НАУЧНЫЕ ДОСТИЖЕНИЯ. Работы Айзекс посвящены проблемам психоанализа и педагогики. Подобно Кляйн, она стремилась разграничивать эти две сферы. В психоаналитических работах Айзекс по преимуществу точно и строго излагаются идеи Кляйн в сопровождении множества клинических иллюстраций. Айзекс и Хайманн были главными действующими лицами Дискуссий о противоречиях (Isaacs, 1948; Isaacs and Heimann, 1952). Острый и быстрый разум Айзекс обеспечили Кляйнианской группе преимущество в этих дебатах, позволяя выигрывать в споре — пусть и редко убеждая при этом противную сторону [см. ДИСКУССИИ О ПРОТИВОРЕЧИЯХ].

Важнейшим научным достижением Айзекс стало детальное изложение концепции бессознательной фантазии (Isaacs, 1948). Трудно определенно сказать, какая именно часть этой концепции, со всей ее философской и психоаналитической глубиной, является результатом работы Айзекс; вероятнее всего, первоначальная идея клинициста Кляйн получила развитие в ходе сотрудничества с академическим ученым Айзекс [см. 2. БЕССОЗНАТЕЛЬНАЯ ФАНТАЗИЯ].

GARDNER, D. K. M. (1969) *Susan Isaacs*. Methuen.

Isaacs, Susan (1948) 'The nature and function of phantasy', *Int. J. Psycho-Anal.* 29:73–97; republished (1952) in Melanie Klein, Paula Heimann, Susan Isaacs and Joan Riviere, eds *Developments in Psycho-Analysis*. Hogarth, pp. 67–121.

Isaacs, Susan and Heimann, Paula (1952) 'Regression', in Melanie Klein, Paula Heimann, Susan Isaacs and Joan Riviere, eds (1952) *Developments in Psycho-Analysis*. Hogarth, pp. 169–97.

Альфа-функция
Alpha-function

На описания Биона оказал влияние его интерес к математике, и он стремился вывести в области психоанализа общие теоремы, подобные математическим. Совершив удивительный теоретический прорыв, трудный для понимания, но чрезвычайно стимулирующий, Бион (Bion 1962a, 1962b) предложил нейтральный термин «альфа-функция» (в качестве своего рода алгебраического обозначения в психоанализе), исходно не имеющий конкретного значения, но определяемый практическими результатами:

> «Кажется удобным предположить, что альфа-функция преобразует чувственные данные в альфа-элементы и этим обеспечивает психику материалом для мыслей сновидения, давая ей способность просыпаться или засыпать, быть сознательной или бессознательной» (Bion, 1962a, p. 115).

Эта концепция возникла, когда Бион изучил проблему больного шизофренией, который пытался установить значение своих переживаний. Называя бессознательную фантазию «психическим представителем инстинкта», Айзекс указывала на своего рода конверсионный процесс, преодолевающий границу тело/душа. Бион предложил именовать этот конверсионный процесс «альфа-функцией» и стал наполнять данное понятие клиническими деталями — когда процесс функционирует адекватно, а когда нет [см. БИОН]. Термин «альфа-функция» обозначает неизвестный процесс, имеющий дело с непосредственными чувственными данными и вырабатывающий из них ментальные содержания, обладающие значением и пригодные к использованию в мышлении. Эти продукты действия альфа-функции называются *альфа-элементами* (или альфа-частицами).

Если альфа-функция не работает, чувственные данные остаются неассимилированными *бета-элементами*, которые затем исторгаются насильственным образом (проективная идентификация) [см. БЕТА-ЭЛЕМЕНТЫ]. Бион постулировал, что элементами альфа-функции являются (i) исходно существующая «преконцепция», своего рода антиципация, возможно, даже врожденная, которая, по его словам, должна встретить (ii) «реализацию» — нечто, встречающееся в актуальной реальности и соответствующее преконцепции,

как рука — перчатке; этот союз одного в другом создает (iii) «концепцию», которую можно использовать в дальнейшем мышлении [см. СВЯЗЬ]. Это — парадигма союза двух элементов, где создается третий, становящийся базовым строительным блоком психики, мышления, теорий [см. КОНТЕЙНИРОВАНИЕ]. Интегрированным с этим процессом является процесс эмоциональный, когда фрагменты объединяются в одно целое. Бион обозначил его загадочным символом «Ps-D», что соотносится с кляйновской теорией депрессивной позиции [см. Ps-D]. В понимании Биона, накопление альфа-элементов (мыслей) создает аппарат для мышления (понятия, теоретические структуры и т. д.); в других же теориях мышления, наоборот, аппарат для мышления создает мысли. Сбой альфа-функции [см. БЕТА-ЭЛЕМЕНТЫ] приводит к накоплению бета-элементов и созданию аппарата для освобождения психики от нежелательного содержимого.

См. КОНТЕЙНИРОВАНИЕ; МЫШЛЕНИЕ; МЕЧТАНИЕ

Bion, Wilfred (1962a) 'A theory of thinking', in W. R. Bion (1967) *Second Thoughts*. Heincmann, pp. 110-19; previously published (1962) *Int. J. Psycho-Anal.* 43:306–10.

Bion, Wilfred (1962b) *Learning from Experience*. Heinemann.

Bion, Wilfred (1970) *Attention and Interpretation*. Tavistock.

Амбивалентность
Ambivalence

Психоанализ всегда теоретически опирался на представление о психическом конфликте, и *амбивалентность* означает удержание противоречивых эмоциональных состояний, возникающих во взаимоотношении с одним и тем же объектом. Фрейд дал описание бисексуальности человеческого организма, что приводит к развитию как нормального, так и обращенного Эдипова комплекса, в результате чего любовь и ненависть могут переживаться по отношению к обоим родителям. Данная идея была значительно усилена постулатом Фрейда о дуализме инстинктов (либидо и инстинкта смерти). Кляйн поставила состояние амбивалентности на центральное место в концепции депрессивной позиции [см. 10. ДЕПРЕССИВНАЯ ПОЗИЦИЯ].

Конфликтующие чувства могут по контрасту чередоваться в состояниях, психически диссоциированных друг от друга, или расщепляться [см. РАСЩЕПЛЕНИЕ], что приводит к значительной нестабильности, поскольку любовь и ненависть внезапно сменяют друг друга [см. ИДЕАЛЬНЫЙ ОБЪЕКТ]. Или же импульсы могут сливаться (fused): например, смесь либидо и деструктивности (садизм) приводит к эмоционально насыщенной сексуальной садистической перверсии.

См. КОНФЛИКТ; ИНСТИНКТЫ

Аннигиляция
Annihilation

История психоанализа — это история попыток понять главную тревогу человеческого существа. Фрейд ввел термин *ранняя ситуация тревоги (опасности)* [см. 8. РАННИЕ СИТУАЦИИ ТРЕВОГИ] и отметил, что на разных этапах развития эта ситуация различна. Фрейд возражал Ранку с его теорией родовой травмы как единственной и вездесущей тревоги, лежащей в основании всех остальных тревог: родовую травму могут замещать утрата груди, утрата любви и, наконец, кастрационная тревога.

В 1946 году Кляйн пришла к выводу, что центральное место в самом раннем опыте ребенка занимает страх аннигиляции личности, подобный страху пациентов-психотиков, и таким образом внутри личности переживается действие инстинкта смерти.

Гипотеза о страхе аннигиляции выдвигалась неоднократно. Например, Джонс (Jones, 1927) постулировал катастрофическую утрату, «*афанисис*», страх, что превосходит кастрационную тревогу и достигает уровня лишения всех возможных инструментов получения удовольствия и, следовательно,— существования.

Столкновение (impingement). Винникотт (Winnicott, 1960) полагал, что переживание аннигиляции происходит от столкновения младенческого всемогущества с окружением, что разрушает «непрерывность бытия» младенца. На ранних стадиях младенчества поддержка ощущения ребенка, что вне его самости не существует никакого отдельного объекта, возлагается на мать. Помещая грудь точно в то место и в тот самый момент, где и когда младенец ее галлюцинирует, мать ограждает ребенка от истинного понимания того, как удовлетворяются его нужды. Если матери не удается поддержать представление младенца о самостоятельном удовлетворении им своих потребностей, он испытывает особое болезненное переживание, которое Винникотт называет «столкновением», что приводит к возникновению у ребенка чувства аннигиляции. Винникотт приписывает этому переживанию другое значение, чем Кляйн: он не склонен допускать существование внутреннего деструктивного объекта, но считает деструкцию результатом воздействия внешнего агента. Неспособность окружения (матери) поддерживать у младенца ощущение собственного всемогущества приводит к разрушению его «ощущения непрерывности бытия». Позднее в развивающейся личности может закрепиться чувство, что она существует только «как будто бы» — чувство *фальшивой самости* [см. КОЖА].

Следуя Винникотту, Тастин (Tustin, 1981) описывала последствия данного столкновения в то время, когда младенец еще не готов выйти из первичного состояния (она называла это состояние «первичным аутизмом») [см. АУТИЗМ]. С другой стороны, Бик (Bick, 1968) описывала взаимоотношение с внешним объектом, удерживающим собранность младенца воедино, как истинное взаимоотношение с объектом, чувственно восприни-

маемым посредством кожного контакта и способным контейнировать части личности [см. КОЖА].

Кляйн описывала аннигиляцию (или фрагментацию Эго) как типичный страх на параноидно-шизоидной позиции.

(i) Тревога на параноидно-шизоидной позиции. Аннигиляция Эго (или самости), особенно осуществляемая неким объектом изнутри,— это самый первый страх, обусловленный действием инстинкта смерти с момента рождения. Аннигиляция включает в себя фрагментацию и дезинтеграцию Эго как активный процесс, который Эго производит над собой, и она порождает феноменологию состояния шизофрении [см. 11. ПАРАНОИДНО-ШИЗОИДНАЯ ПОЗИЦИЯ].

Страх подвергнуться аннигиляции составляет часть бессознательных фантазийных переживаний, которыми младенец наделен от рождения. Он также представлен среди примитивных защитных механизмов *отрицанием (denial)*, переживаемым как аннигиляция отрицаемого аспекта объекта или самости. Отрицание выступает и как защита, и как фактор, содействующий страху аннигиляции, что приводит к формированию порочного круга паранойи [см. ПАРАНОЙЯ].

(ii) Защиты от страха аннигиляции. Многие кляйнианцы, в частности, Бион (Bion, 1958), Сигал (Segal, 1972), Сидни Кляйн (Sidney Klein, 1974), описывали клинические манифестации защит, направленных против переживания катастрофической аннигиляции. Наряду с отрицанием, эти защиты включают в себя всемогущие формы таких примитивных защит, как проекция, интроекция, проективная идентификация, расщепление и идеализация.

(iii) Контейнирующая кожа. Наблюдая за младенцами с момента рождения [см. НАБЛЮДЕНИЕ ЗА МЛАДЕНЦАМИ], Бик (Bick, 1964) обнаружила первичное переживание аннигиляции. Она описала методы, как правило, соматические или сенсорные, посредством которых окружение наделяет младенца способностью выдерживать подобные переживания, — эти феномены она назвала *функцией кожи*. Бик указала и на всемогущие телесные методы, помогающие ребенку справиться с отсутствием адекватного контейнирования со стороны внешнего объекта, методы, которые она назвала *второй кожей* [см. КОЖА; АДГЕЗИВНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ].

(iv) Катастрофическое изменение. Опираясь на идею Кляйн о постоянном раскачивании между параноидно-шизоидной позицией, отмеченной тревогой аннигиляции, и депрессивной позицией с типичной тревогой заботы и вины, Бион рассматривал страх аннигиляции как переживание, постоянно угрожающее человеку в течение всей его жизни.

Всякое изменение вызывает эту угрозу, однако изменения – неизбежная часть жизни и мышления. Бион сосредоточился на необходимости

изменения и развития мысли, но его выводы относятся ко всем формам личностного изменения. Он считал, что всякое развитие влечет за собой угрозу душевной *катастрофы* и основывается на мелких колебаниях между параноидно-шизоидной фрагментацией и заботой депрессивной позиции, чему он дал обозначение «Ps-D» [см. Ps-D].

BICK, ESTHER (1964) 'Notes on infant observation in psycho-analytic training', *Int.J. Psycho-Anal.* 45:558–66; republished (1987) in Martha Harris and Esther Bick, *The Collected Papers of Martha Harris and Esther Bick*. Perth: Clunie, pp. 240–56.

BICK, ESTHER (1968) 'The experience of the skin in early object relations', *Int.J. Psycho-Anal.* 49:484–8; republished (1987) in *The Collected Papers of Martha Harris and Esther Bick,* pp. 114–18.

BION, WILFRED (1958) 'On arrogance', *Int.J. Psycho-Anal.* 39:144–6; republished (1967) in W. R. Bion, *Second Thoughts*. Heinemann, pp. 86–92.

FREUD, SIGMUND (1926) *Inhibitions, Symptoms and Anxiety. S.E.* 20, pp. 77–175.

JONES, ERNEST (1927) 'The early development of female sexuality', *Int.J. Psycho-Anal.* 8:459–72; republished (1948) in Ernest Jones, *Papers on Psycho-Analysis*. Hogarth, pp. 438–51

KLEIN, SIDNEY (1974) 'Transference and defence in manic states', *Int.J. Psycho-Anal.* 55:261–8.

SEGAL, HANNA (1972) 'A delusional system as a defence against the re-emergence of a catastrophic situation', *Int.J. Psycho-Anal.* 53:393–403.

TUSTIN, FRANCES *(1981) Autistic States in Children*. Routledge & Kegan Paul.

WINNICOTT, DONALD (1960) 'The theory of the infant-parent relationship', *Int.J. Psycho-Anal.* 41:585–95.

Ассимиляция Assimilation

В ходе длительного периода разработки концепции внутреннего объекта (1930-е и 1940-е годы) Хайманн (Heimann, 1942) поставила вопрос о том, какая судьба ожидает внешний объект после его интроекции. Попадает он в Эго или же в Супер-Эго? Эта же проблема ранее заботила Радо (Rado, 1928) в связи с работой Фрейда и Абрахама с маниакально-депрессивными пациентами. Вначале Фрейд (Freud, 1917) описывал, как объект «отбрасывает свою тень на Эго», называя этот процесс идентификацией. Позднее (Freud, 1921) он попытался разрешить эту понятийную путаницу, полагая судьбой объекта «помещение на место Эго или же идеала Эго» (p. 114), а затем (Freud, 1923) формализовал понятие Супер-Эго. Он также описывал состояние любви «как “очарованность” или “зависимость”. /…/ [Эго] истощено, оно подчинилось объекту, заместило объектом собственную самую важную составляющую» (Freud, 1921, p. 113).

Неясность этих ранних попыток понять идентификацию и интроекцию привела к трудностям в понимании открытых Кляйн *внутренних объектов* [см. 5. ВНУТРЕННИЕ ОБЪЕКТЫ]. Например, Кляйн писала:

> «... Эго, поддержанное интернализованным хорошим объектом и усиленное идентификацией с ним, проецирует некоторое количество инстинкта смерти в ту часть себя, которую оно отщепило, — часть, противостоящую остальному Эго и формирующую основу Супер-Эго» (Klein, 1958, p. 240).

Этим она описывала целый ряд различных внутренних отношений между Эго и его объектами: (i) Эго устанавливает взаимоотношения поддержки с внутренним объектом; (ii) Эго укреплено и поддержано идентификацией с этим объектом; (iii) отщепленная часть Эго становится враждебным внутренним объектом.

Ассимиляция в Эго. Использование Хайманн (Heimann, 1942) термина «ассимиляция» помогает разобраться в этой путанице, поскольку позволяет нам представить внутренние объекты, которые становятся частью Эго, укрепляют его, передают ему навыки, установки, качества, составляющие и защиты, поступающие затем в распоряжение Эго благодаря его идентификации с таким внутренним объектом. Резко отличаются от них неассимилированные объекты, которые остаются чужаками внутри личности и «действуют как инородные тела, помещенные в самость. И хотя с большей очевидностью это относится к плохим объектам, так может происходить даже с хорошими объектами, если Эго компульсивно подчинено их сохранению» (Klein, 1946, p. 9n).

Хайманн (Heimann, 1942) описала случай художницы с интроекцией враждебного объекта, которая затем привела к внутреннему преследованию Эго и снижению творческих способностей. В ходе психоаналитического процесса эта враждебная внутренняя мать подверглась модификации, и ее оказалось возможным ассимилировать в качестве поддержки и усиления Эго. Подобная модификация враждебного внутреннего объекта была описана Шмидеберг (Schmideberg, 1943) у пациента-ребенка.

Позднее Хайманн (Heimann, 1955) привела случай, где враждебный внутренний объект был идентифицирован с частью Эго (анатомической частью) и трактовался как чуждый объект. Это был случай пациента-мазохиста, чье возбуждение от битья по ягодицам объяснялось интроекцией ненавидимого и враждебного имаго отца и идентификацией этого имаго с частью Эго, получающей побои,— с ягодицами. Этот внутренний «плохой» объект был внутренним преследователем, наделенным садистическими импульсами, подобными тем, с которыми его атаковали, и оказывался неотличимым от внутреннего объекта, известного как Супер-Эго.

Хайманн (Heimann, 1955) проиллюстрировала типичную ситуацию ассимилированного объекта, который становится дополнительным ресурсом для Эго. Хайманн описала ребенка, интроецирующего материнскую грудь после кормления и идентифицирующего ее со своим пальцем, так что затем при голоде он может сосать этот внутренний объект (палец), чтобы

впоследствии создать фантазии удовлетворения, защищающие его от враждебного объекта, порождающего голод [см. 5. ВНУТРЕННИЕ ОБЪЕКТЫ].

При развитии происходит «постепенная ассимиляция Супер-Эго [враждебного внутреннего объекта], осуществляемая Эго» (Klein, 1952, p. 74); «возросшая способность Эго принимать стандарты внешних объектов /…/ связана с большей степенью синтеза внутри Супер-Эго и усиливающейся ассимиляцией Супер-Эго, производимой Эго» (Klein, 1952, p. 87). На депрессивной позиции развиваются целостные объекты, более способные оказывать поддержку изнутри и более пригодные для идентификации, и внутренний мир уже в меньшей степени является враждебным собранием чуждых внутренних объектов.

См. 5. ВНУТРЕННИЕ ОБЪЕКТЫ

Freud, Sigmund (1917) 'Mourning and melancholia'. *S.E.* 14, pp. 237–60.

Freud, Sigmund (1921) *Group Psychology and the Analysis of the Ego*. *S.E.* 18, pp. 67–143.

Freud, Sigmund (1923) *The Ego and the Id*. *S.E.* 19, pp. 3–66.

Heimann, Paula (1942) 'A contribution to the problem of sublimation and its relation to processes of internalization', *Int. J. Psycho-Anal.* 23:8–17.

Heimann, Paula (1955) 'A combination of defences in paranoid states', in Melanie Klein, Paula Heimann and Roger Money-Kyrle, eds (1955) *New Directions in Psycho-Analysis*. Tavistock, pp. 240–65; early version published (1952) as 'Preliminary notes on some defence mechanisms in paranoid states', *Int. J. Psycho-Anal.* 33:208–13.

Klein, Melanie (1946) 'Notes on some schizoid mechanisms', in *WMK* 3,pp. 1–24.

Klein, Melanie (1952) 'Some theoretical conclusions regarding the emotional life of the infant'. *WMK* 3, pp. 61–93.

Klein, Melanie (1958)'On the development of mental functioning'. *WMK* 3*, pp.* 236–46.

Rado, S. (1928) The problem of melancholia', *Int. J. Psycho-Anal.* 9:420–38.

Schmideberg, Melitta (1934) 'The play analysis of a three-year-old girl', *Int. J. Psycho-Anal.* 15:245–64.

Аутизм
Autism

К изучению тяжелого детского психического расстройства, известного как аутизм, психоаналитики (Meltzer *et al.*, 1975; Tustin, 1981, 1986) приступили после успешной работы с взрослыми пациентами-психотиками [см. ПСИХОЗ]. Теоретический интерес вызывают очень ранние психологические состояния, провоцирующие предрасположенность к аутизму, который, по мнению исследователей, дает доступ к самым ранним стадиям развития — по сути, к моментам, непосредственно предшествующим переживанию рождения и следующим за ним.

Фрэнсис Тастин. Тастин описывала, как Кляйн «уже в 1930 году пришла к выводам, опережающим на тринадцать лет введенное Лео Каннером различение

“раннего детского аутизма” и умственной отсталости» (Tustin, 1983, p. 130). Тастин предположила (Tustin, 1981, 1986) существование первичного состояния «нормального аутизма» и связала его с (описанным Фрейдом) аутоэротизмом — поиском приятных телесных ощущений вне объектных отношений. Также она сочла идею Винникотта о первичном младенческом всемогуществе эквивалентной своему представлению. Далее она смогла различить два типа аутизма: (i) возникающий, когда «нормальный аутизм» преждевременно прерывается, и ребенок, находясь в состоянии гиперчувствительности к переживанию сепарации, укрывается в том, что поглощен лишь телесными ощущениями, а это характеризуется постоянным психотическим *слиянием* (fusion) с окружением (матерью); и (ii) другую форму аутизма, при которой младенец, не столь тяжело травмированный, постоянно использует патологическую проективную идентификацию, что отмечено постоянной *спутанностью* (confusion) с объектами. В обеих формах аутизм приводит к остановке развития внутреннего мира и к поглощенности телесными ощущениями. Аутические состояния первого типа отчетливо просматриваются в понятии Винникотта о столкновении с внешними объектами, предшествующем стадии развития, на которой ребенок способен выдержать сепарацию [см. АННИГИЛЯЦИЯ]. Таким образом, понимание Тастин служит мостом между идеями Кляйн и Винникотта о самых ранних состояниях психики младенца.

Дональд Мельтцер. В несколько ином направлении следовал коллектив авторов во главе с Мельтцером (Meltzer *et al*., 1975). Они использовали бионовское понимание роста психического аппарата и тех отклоняющихся форм, в которые этот аппарат может распадаться. Обращение нормального процесса психической интеграции приводит к дезинтеграции чувственных данных на фрагменты [см. МЫШЛЕНИЕ; БЕТА-ЭЛЕМЕНТЫ], что влечет за собой остановку должного развития подходящих для мышления мыслей (thinkable thoughts) (Meltzer, 1978). Мельтцер связывал свои взгляды с работой Бик, посвященной адгезивной идентификации и основанной на наблюдениях за «нормальными» младенцами с момента рождения [см. АДГЕЗИВНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ]. По-видимому, существует значимое соответствие между наблюдениями за аутичными детьми и наблюдениями за нормальными младенцами в первые дни жизни (Meltzer, 1975). Бик (Bick, 1968) показала, как младенец впервые обретает чувство собранности воедино благодаря стимуляции кожи. Если же это не происходит должным образом, у младенца остается дефектное чувство интеграции, описываемое как неспособность удерживать чувство контейнирующего пространства. Такое отсутствие контейнирующего пространства, либо внутреннего, либо внешнего, характерно для аутичного ребенка [см. КОЖА]; в результате ребенок стремится к интенсивным перцептивным и другим телесным ощущениям как к механизмам удержания себя собранным воедино.

Как обычно, новые трактовки ранних переживаний младенческого возраста дают возможность пересмотреть более поздние проблемы расстройств

у взрослых. Сидни Кляйн (Sidney Klein, 1980) указал на аутистические аспекты пациентов с невротическими проблемами. Отщепленные части их личности заключены в ригидную структурную изоляцию и часто воспринимаются в снах как насекомые или животные в панцирях, напоминающие жесткий, мускульный тип защиты, описанный Бик (Bick, 1968). Они могут соотноситься с организацией глубоко нарциссических элементов, описанной Розенфельдом (Rosenfeld, 1971) [см. СТРУКТУРА].

Bick, Esther (1968) 'The experience of the skin in early object relations', *Int.J. Psycho Anal.* 49:484–8; republished (1987) in Martha Harris and Esther Bick, *The Collected Papers of Martha Harris and Esther Bick*. Perth: Clunie, pp. 114–18.

Klein, Sidney (1980) 'Autistic phenomena in neurotic patients', *Int.J. Psycho-Anal.* 61:395–40.

Meltzer, Donald (1975) 'Adhesive identification', *Contemporary Psycho-Analysis* 11:289–301.

Meltzer, Donald (1978) 'A note on Bion's concept of reversal of alpha-function', in *The Kleinian Development, Part III*. Perth: Clunie, pp. 119–26; republished (1981) in James Grotstein, ed. *Do I Dare Disturb the Universe?* Beverly Hills: Caesura, pp. 529–35.

Meltzer, Donald, Bremner, John, Hoxter, Shirley, Weddell, Doreen and Wittenberg, Isca (1975) *Explorations in Autism*. Perth: Clunie.

Rosenfeld, Herbert (1971) 'A clinical approach to the psycho-analytical theory of the life and death instincts: an investigation into the aggressive aspects of narcissism', *Int.J. Psycho-Anal.* 52:169–78.

Tustin, Frances (1981) *Autistic States in Childhood*. Routledge & Kegan Paul.

Tustin, Frances (1983) 'Thoughts on autism with special reference to a paper by Melanie Klein', *Journal of Child Psychotherapy* 9:119–31.

Tustin, Frances (1986) *Autistic Barriers in Neurotic Patients*. Karnac.

Базовые допущения
Basic assumptions

Работу с группами, которую проводил Бион (Bion, 1948–1951; Rioch, 1970), прежде чем стал аналитиком-кляйнианцем, часто включают в кляйнианский канон. Впоследствии Бион развил некоторые свои открытия в кляйнианском ключе (Bion, 1955; 1970); однако «кляйнианская интерпретация базовых допущений не следует с необходимостью из полученных им данных, хотя она и весьма убедительна» (Trist, 1987). Мельтцер (Meltzer, 1984) высоко оценивал эту работу, указывая на «... чрезвычайно важные формулировки Биона относительно групп, построенных на базовых допущениях» (Meltzer, 1984, p. 89). Уилсон (Wilson, 1983) достаточно подробно показал, что Бионова модель базовых допущений — это «метапсихология групп, во многих отношениях эквивалентная системе, разработанной Фрейдом» (Wilson, 1983, p. 157), в частности, фрейдовской топографической модели.

Анализ группы. Для Биона (Bion, 1961) работа с группой была аналогична работе аналитика с пациентом. «Группа-как-целое» демонстрирует перенос на лидера группы в форме групповой культуры, которая, как показал Бион, пронизана невысказываемыми и бессознательными допущениями, разделяемыми всеми членами группы. Существует три варианта допущений относительно природы группы, ее лидера, задачи группы и ролей, которые должны исполнять ее члены. Эти три *базовых допущения* определяются по эмоциональной окраске атмосферы в группе:

(i) Первое, *базовое допущение зависимости (dependent basic assumption — BaD)* формирует группу, все члены которой неотрывно внимают, зачастую с разочарованием, мудрости лидера группы, словно предполагая, что все знание, здоровье и жизнь сосредоточены в нем, и каждый член группы лично черпает их непосредственно от лидера.

(ii) Второе, *базовое допущение борьбы/бегства (figth/flight basic assumption — BaF)*, когда участники группируются вокруг насыщенного эмоциями и агрессией представления о враге, которого необходимо идентифицировать, и все члены группы единой сплоченной фалангой под предводительством лидера двинутся на врага — или же скроются от него. Таким врагом может быть «невроз» в терапевтической группе, один из ее членов или какой-то подходящий объект вне группы (внешний враг).

(iii) И наконец, *базовое допущение образования пар (paring basic assumption — BaP)* наполняет группу некой мистической надеждой, зачастую с образованием поведенческой пары членов группы или одного из членов и лидера группы, как будто все разделяют убеждение, что благодаря соитию этой пары возникнет некая великая новая идея (или личность), — мессианскую веру.

Рабочие группы. Бион противопоставлял состояние группы, основанное на базовых допущениях, тому, что он называл рабочей группой, где все члены соотносят свои действия с осознанно определенной и принятой задачей. В таком состоянии функционирование группы отмечено усложненностью вторичного процесса, и группа стремится соотноситься с реальностью внутри и вне себя. Уилсон указал (Wilson, 1983), что здесь Бион использует психоаналитическую модель сложного функционирования психики, в основе которой — бурлящее бессознательное. Состояние рабочей группы обычно демонстрирует признаки активных состояний базового допущения, и Бион полагал базовые допущения некими «валентностями», неизбежно притягивающими людей друг к другу и формирующими принадлежность к группе.

Бион пытался прилагать характеристики базовых допущений к работе социальных институтов: например, армия отчетливо демонстрирует допущение борьбы/бегства, а церковь, с точки зрения Биона, демонстрирует допущение

зависимости. Допущение образования пар он усматривал в аристократии — общественном институте, озабоченном поддержанием родословной.

Это представление о тройственном характере групповых допущений вышло далеко за рамки психоанализа (de Board, 1978; Pines, 1985). Хотя вначале Бион пытался соотнести свои открытия с кляйнианской концепцией проективной идентификации (Bion, 1955), затем он оставил как эти идеи, так и работу с группами. Однако впоследствии (Bion, 1970; Menzies Lyth, 1981) он пересмотрел идею о допущении образования пар и стал считать его более или менее базовым для всей жизни группы. Бион указывал на это допущение как на принципиальный метод исследования *контейнирующей функции* групп, как на необходимый способ понимания взаимоотношений между индивидом и обществом — мистиком и учреждением [см. КОНТЕЙНИРОВАНИЕ].

Bion, Wilfred (1948a) 'Experiences in groups I', *Human Relations* 1:314–20; republished in Bion (1961) *Experiences in Groups*. Tavistock, pp. 29–40.

Bion, Wilfred (1948b) 'Experiences in groups II', *Human Relations* 1:487–96; republished (1961) in *Experiences in Groups,* pp. 41–58.

Bion, Wilfred (1949a) 'Experiences in groups III'', *Human Relations* 2:13–22; republished (1961) in *Experiences in Groups,* pp. 59–75.

Bion, Wilfred (1949b) 'Experiences in groups IV, *Human Relations* 2:95–104; republished (1961) in *Experiences in Groups,*pp. 77–91.

Bion, Wilfred (1950a) 'Experiences in groups V, *Human Relations* 3:3–14; republished (1961) in *Experiences in Groups,* pp. 93–114.

Bion, Wilfred (1950b) 'Experiences in groups VI'', *Human Relations* 3:395–402; republished (1961) in *Experiences in Groups,* pp. 115–126.

Bion, Wilfred (1951) 'Experiences in groups VII', *Human Relations* 4:221–8; republished (1961) in *Experiences in Groups,* pp. 127–37.

Bion, Wilfred (1955) 'Group-dynamics: a review', in Melanie Klein, Paula Hermann and Roger Money-Kyrle, eds (1955) *New Directions in Psycho-Analysis.* Tavistock, pp. 440–7; republished (1961) in *Experiences in Groups,* pp. 141–91.

Roger Money-Kyrle (1961) *Experiences in Groups.* Tavistock.

Roger Money-Kyrle (1970) *Attention and Interpretation.* Tavistock.

de Board, Robert (1978) *The Psycho-Analysis of Organizations.* Tavistock.

Meltzer, Donald (1984) 'A one-year-old goes to nursery: a parable of confusing times', *Journal of Child Psychotherapy* 10:89–104; republished (1986) in Meltzer, *Studies in Extended Metapsychology.* Perth: Clunie, pp. 136–53.

Menzies Lyth, Isabel (1981) 'Bion's contribution to thinking about groups', in James Grotstein, ed. (1981) *Do I Dare Disturb the Universe?* Beverly Hills: Caesura, pp. 661–6.

Pines, Malcolm, ed. (1985) *Bion and Group Psychotherapy.* Routledge & Kegan Paul.

Rioch, Margaret (1970) 'The work of Wilfred Bion on groups', *Psychiatry* 33:56–66.

Trist, Eric (1987) 'Working with Bion in the 1940s', *Group Analysis* 20:263–70.

Wilson, Stephen (1983) '"Experiences in Groups": Bion's debt to Freud', *Group Analysis* 16:152–7.

Безымянный ужас
Nameless dread

Этот термин впервые использовала Карен Стивен (Stephen, 1941), описывая чрезвычайную степень тревоги в младенчестве: «ужас бессилия при столкновении с напряжением инстинкта в детстве» (р. 181). Более полный и конкретный смысл понятию «безымянный ужас» в рамках своей теории контейнирования [см. КОНТЕЙНИРОВАНИЕ] позднее придал Бион, описывая состояние не обладающего значением страха, возникающего в ситуации младенца и матери, не способной к «мечтанию» [см. МЕЧТАНИЕ]. Если мать не в состоянии контейнировать страхи ребенка и сделать их осмысленными, такой «отторгающий-проективную-идентификацию-объект» ощущается как лишающий значения и переживания, и самого ребенка. Младенец «поэтому ре-интроецирует не страх умирания, который теперь можно выносить, но безымянный ужас» (Bion, 1962a, p. 116). Когда этот сбой проекции повторяется вновь и вновь, внутренний объект формируется посредством интроекции по той же схеме; такой объект разрушает значение и оставляет субъекта в загадочном бессмысленном мире:

> «На практике это означает, что пациент чувствует себя окруженным не столько реальными объектами, вещами-в-себе, но причудливыми объектами, реальными лишь в том, что они являются остатками мыслей и концепций, которые лишили их значения и выбросили» (Bion, 1962b, p. 99) [см. КОНТЕЙНИРОВАНИЕ].

Внутренний объект, лишающий значения, порождает Супер-Эго, которое отдает бессмысленные приказы в отношении поведения.

Bion, Wilfred R. (1962a) 'A theory of thinking', *Int. J. Psycho-Anal.* 43:306–10; republished (1967) in W. R. Bion, *Second Thoughts*. Heinemann, pp. 110–19.

Bion, Wilfred R. (1962b) *Learning from Experience*. Heinemann.

Stephen, Karin (1941) 'Aggression in early childhood', *Br. J. Med. Psychol.* 18:178–90.

Бессознательная вина
Unconscious guilt

Фрейд обратил внимание на значимость бессознательной вины в 1916 году, изложив свои взгляды на криминальность и стремление к неудаче. Эта идея получила подкрепление в 1923 году, когда он ввел понятие Супер-Эго и поместил вину в центр развития характера, или, скорее, значимость вины побудила его считать инстанцию, вызывающую вину, центральным фактором развития характера.

Вслед за этим в теории возник большой интерес к вине и потребности в наказании. В 1924 году Фрейд связал вину с мазохизмом, и другие аналитики вскоре принялись за изучение этой темы (например, Glover, 1926; Fenichel, 1928).

Кляйн, с ее постоянным желанием показать, насколько важен детский анализ, проливающий свет на актуальные проблемы психоаналитической теории, очень продвинула исследование данного вопроса. Во всяком случае, у нее был значительный материал, демонстрирующий раннее появление раскаяния, сожаления и вины у детей и их источники в агрессивных и садистических объектных отношениях [см. 3. АГРЕССИЯ; 7. СУПЕР-ЭГО]. В 1927 году Кляйн опубликовала статью о преступных наклонностях у детей и дополнила представления Фрейда о месте бессознательной вины в преступном поведении [см. КРИМИНАЛЬНОСТЬ].

Кляйн подтвердила идею Фрейда, что за криминальное *поведение* ответственна экстернализация вины, ощущаемой бессознательно. Внешняя ситуация отражает форму *внутренних* нападений на Эго со стороны Супер-Эго, представленного в качестве враждебных внутренних объектов. Кляйн подтвердила, что в основе этого лежит механизм замещения внутренних нападений внешним наказанием, который смягчает садистические и пугающие внутренние состояния, вызывающие чувство полной беспомощности. Жестокое, но внешнее наказание-заместитель кажется менее пугающим, поскольку оно реальное, а не фантастическое, и его можно избежать, скрыв содеянное или дискредитировав обвинителя.

Такое использование фрейдовской теории экстернализации внутреннего состояния очень помогло Кляйн разобраться в процессе игры [см. 1. ТЕХНИКА] и образования символов [см. ОБРАЗОВАНИЕ СИМВОЛОВ]. Экстернализация — это защита от ужасающего внутреннего преследования (бессознательной вины), и в то же время она создает возможность использования символов (Klein, 1929, 1930). Переход от одного объекта к другому, в данном случае — от внутреннего объекта к внешнему, также становится основанием ее теории развития ребенка (Klein, 1932). Когда взаимоотношения с одним объектом становятся слишком враждебными, начинается поиск новых объектов: например, переход от отношений с матерью, разочаровавшей ребенка при отлучении от груди и вызвавшей кризисный всплеск садизма и преследования, к поиску нового объекта — отца. В то же время садистические объектные отношения на прегенитальных фазах могут провоцировать движение к генитальным импульсам и объектам (возможность преждевременной генитальности) [см. РАЗВИТИЕ].

Fenichel, Otto (1928) 'The clinical aspect of the need for punishment', *Int.J. Psycho-Anal.* 9:47–70.

Freud, Sigmund (1916) 'Some character-types met with in psycho-analytic work: III Criminals from a sense of guilt'. *S.E.* 14, pp. 332–3.

Freud, Sigmund (1923) *The Ego and the Id. S.E.* 19, pp. 3–66.

Freud, Sigmund (1916) 'The economic problem of masochism'. *S.E.* 19, pp. 157–70.
Glover, Edward (1926) 'The neurotic character', *Int. J. Psycho-Anal.* 7:11–29.
Klein, Melanie (1927) 'Criminal tendencies in normal children'. *WMK* 1, pp. 170–85.
Klein, Melanie (1929) 'Personification in the play of children'. *WMK* 1, pp. 199–209.
Klein, Melanie (1930) 'The importance of symbol-formation in the development of the ego'. *WMK* 2, pp. 219–32.
Klein, Melanie (1932) *The Psycho-Analysis of Children. WMK* 2.

Бессознательное
The unconscious

Понятие бессознательного — одно из немногих, оставшихся относительно неизменными в ходе развития всех школ психоанализа. Бессознательное понимается как примитивным образом действующая с самого начала жизни система, оказывающая неизвестное, но определяющее влияние на жизнь человека. Большая часть психической жизни недоступна сознанию — это доказанный психоанализом факт (Freud, 1915).

Фрейд исследовал символические аспекты бессознательного и вывел определенные правила бессознательной психической деятельности: смещение и сгущение. Эти термины описывают, что происходит с символами в бессознательном. Кляйн и ее последователи использовали эти понятия, дополняя и дорабатывая их. В частности, кляйнианцы разработали понятие бессознательной фантазии [см. 2. БЕССОЗНАТЕЛЬНАЯ ФАНТАЗИЯ].

Бессознательное структурировано как маленькое сообщество. То есть это сеть взаимоотношений между объектами. Бессознательная фантазия — это активное состояние одного или нескольких из этих «внутренних» объектных отношений. Айзекс говорит, что инстинкты, действуя на физиологическом уровне, психически представлены как отношения с объектами. Соответственно, соматическое ощущение приносит с собой психическое переживание отношения с объектом, который воспринимается как намеревающийся причинить это ощущение и который любят или ненавидят в зависимости от того, приятное это ощущение или неприятное. Таким образом причиняющее боль ощущение становится психической репрезентацией отношения с «плохим» объектом, который стремится причинить Эго боль и ущерб.

Бессознательное, да и вся психика в целом, выстроены из ощущений, интерпретируемых как отношения с объектами. Эта концепция в конечном итоге отступает от классической психоаналитической теории психической энергии [см. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ].

Freud, Sigmund (1915) 'The unconscious'. *S.E.* 14, pp. 159–215.

Бета-элементы
Beta-elements

Создавая теорию о том, как биологический организм обретает психику, способную к переживаниям, Бион (Bion, 1962a) описал процесс, названый им *альфа-функцией*, характерной чертой которого является выведение «значения» из ощущений. Конечным результатом альфа-функции являются *альфа-элементы*, служащие материалом для сновидений и мышления [см. АЛЬФА-ФУНКЦИЯ]. Когда альфа-функция срабатывает неправильно или не срабатывает вообще, возникает психическое содержание другого (анормального) вида, которое Бион называл *бета-элементами*. Бета-элемент — это один из бионовских «свободных от значения» терминов, которые следует наполнять опытом, полученным благодаря применению концепции на практике [см. БИОН]. Бион предлагает несколько характеристик данного понятия.

(i) Необработанные чувственные данные. Опыт выводится из необработанных чувственных данных (это реализация) посредством их контакта с неким уже имеющимся ожиданием (преконцепцией), что приводит к возникновению «исполненной значения» концепции [см. ПРЕКОНЦЕПЦИЯ; МЫШЛЕНИЕ]. Однако иногда подобный контакт (альфа-функция) не срабатывает, и в результате накапливаются частички «непереваренных» чувственных данных. Это и есть *бета-элементы*.

(ii) Эвакуация. Бета-элементы могут соединяться в наборы (подобные шизофренической «словесной окрошке»). Эти скопления обрабатываются посредством эвакуации, а не осмысления мыслей (thinking thoughts) до формы сновидения или теории. Процесс эвакуации — это описанная Кляйн проективная идентификация в ее патологической форме [см. 13. ПРОЕКТИВНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ].

(iii) Психический аппарат. Под давлением накопленных бета-элементов психика развивается как аппарат для «избавления души от накоплений плохих внутренних объектов», а не как аппарат для мышления (Bion, 1962a, p. 112).

См. МЫШЛЕНИЕ

Bion, Wilfred (1962a) 'A theory of thinking', in Bion (1967) *Second Thoughts*. Heinemann, pp. 110–19; previously published (1962) *Int. J. Psycho-Anal.* 43:306–10.

Bion, Wilfred (1962b) *Learning from Experience*. Heinemann.

Эстер Бик
Esther Bick

Биография. Эстер Бик родилась в Польше, в 1901 году, изучала психологию в Вене вместе с Шарлоттой Бюлер, затем бежала в Англию и психоаналитическую карьеру начала после Второй мировой вой-

ны. Впоследствии она стала сотрудником Тэвистокской клиники и разработала методику наблюдений за младенцами — в качестве инструмента обучения детских психотерапевтов. Однако интерес ее заключался в проверке выводов Кляйн относительно первого года жизни путем непосредственных наблюдений. Занимаясь этим, она совершила собственные открытия. Несмотря на ее верность Кляйн, идеи Бик после ее смерти в **1983** году практически не были востребованы кляйнианцами.

НАУЧНЫЕ ДОСТИЖЕНИЯ. Предложенная Бик методика дала четыре основных результата в отношении очень ранних стадий развития в первые дни и недели жизни (Harris, 1984).

(i) Наблюдение за младенцами. Бик разработала строгую методику еженедельных наблюдений на дому за матерями и младенцами (Bick, 1964). Изначально это была методика обучения детских психотерапевтов и психоаналитиков-практикантов наблюдать, не вмешиваясь. Однако наблюдения немедленно дали определенные результаты [см. НАБЛЮДЕНИЕ ЗА МЛАДЕНЦАМИ].

(ii) Первичные кожные ощущения. Самое важное наблюдение Бик касалось *пассивного* переживания младенцем собранности воедино благодаря удерживанию внешним объектом, воспринимаемым посредством кожных ощущений [см. КОЖА], а также пассивного же *распада на части*, если объект не справляется с данной задачей (Bick, 1968). Решающую роль играет кожа, поставляющая свидетельство существования такого объекта. Эти переживания противоположны тому, что было описано Бионом и другими в их работе с шизофрениками как активный процесс расщепления и аннигиляции самости.

Идея, что опыт внутреннего пространства необходимо обрести, предполагает, что такое обретение может и не состояться, и тогда вступят в силу компенсаторные меры — наиболее примитивные защиты, которые Бик (Bick, 1968) назвала феноменами «второй кожи» [см. КОЖА].

(iii) Первичный объект. Бик получила очень подробные данные относительно природы первого объекта, который связывает личность воедино [см. 11. ПАРАНОИДНО-ШИЗОИДНАЯ ПОЗИЦИЯ] и должен быть интроецирован, чтобы обеспечить чувство пространства, куда могут помещаться интроекции. Представление, что переживание внутреннего пространства необходимо *обретать* определенным адекватным образом, отличается от идеи врожденного переживания внутреннего пространства, заложенной в теориях Биона.

(iv) Адгезивная идентификация. То, что сбой в построении подобного интегрирующего первичного объекта (пространства) возможен, подтверждает, по-видимому, работа с аутичными детьми (Meltzer *et al.*, 1975) [см. АУТИЗМ].

Попытки Бик описать развитие аутичных детей *в отсутствии* чувства внутреннего и внешнего пространства продолжил Мельтцер (Meltzer, 1975, 1986). Видимо, отношения таких детей с объектами это отношения «прилипания», «приклеивания» к объекту; этот механизм был назван адгезивной идентификацией [см. АДГЕЗИВНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ].

Bick, Esther (1964) 'Notes on infant observation in psycho-analytic training', *Int. J. Psycho-Anal.* 45:558–66; republished (1987) in Martha Harris and Esther Bick, *The Collected Papers of Martha Harris and Esther Bick*. Perth: Clunie, pp. 240–56.

Bick, Esther (1968) 'The experience of the skin in early object relations', *Int. J. Psycho-Awl.* 49:484–6; republished (1987) in *The Collected Papers of Martha Harris and Esther Bick,* pp. 114–18.

Bick, Esther (1986) 'Further considerations of the function of the skin in early object relations', *Br. J. Psychother.* 2:292–9.

Harris, Martha (1984) 'Esther *Bick', Journal of Child Psychotherapy* 10:2–14.

Meltzer, Donald (1975) 'Adhesive identification', *Contemporary Psycho-Analysis* 11:289–310.

Meltzer, Donald (1986) 'Discussion of Esther Biek's paper "Further considerations of the function of the skin in early object relations"', *Br. J. Psychother.* 2:300–1.

Meltzer, Donald, Bremner, John, Hoxter, Shirley, Weddell, Doreen and Wittenberg, Isca (1975) *Explorations in Autism.* Perth: Clunie.

Уилфред Бион Wilfred Bion

Бион родился в Индии в **1897** году, был командиром танкового подразделения в годы Первой мировой войны (получил орден «За выдающиеся заслуги»). В 1930-е и 1940-е годы изучал медицину, а затем психоанализ. В 1940-х годах совершил блестящие открытия в области социальной психологии групп, которую резко оставил, начав заниматься самым передовым направлением психоанализа — исследованием шизофрении. Его удивительная способность добиваться выдающихся результатов, в какой бы ситуации он ни оказался, была столь же сильна, как и постоянное разочарование из-за сопротивления, на которое наталкивались его усилия. В итоге в 1970-х годах он покинул Британию и попытался прижиться в Калифорнии, но и это не удалось. Он вернулся, чтобы поддержать инициативу создания психоаналитической группы (кляйнианских убеждений) в Оксфорде. Этот последний переезд состоялся всего лишь за несколько месяцев до его смерти в **1979** году. Длившийся до конца жизни поиск места, которое он мог бы сделать своим домом, — это метафора его столь же неустанных теоретических поисков в области психоанализа. Его достижения уступают разве что достижениям самой Кляйн, хотя некоторые исследователи (Meltzer *et al.*, 1982) сочли их потенциал даже более высоким. И если существует посткляйнианская школа или традиция, то ее представляет Бион.

Разработки Биона чрезвычайно обширны, с ними можно подробно ознакомиться в других статьях нашего словаря, на которые даны ссылки. Его труды афористичны, провокативны и требуют усиленного размышления. И именно благодаря такому стилю Биона широко признают, хотя не всегда понимают. Сегодня все кляйнианцы считают, что их практика и теория в значительной степени сформированы под воздействием Биона (O'Shaughnessy, 1981).

НАУЧНЫЕ ДОСТИЖЕНИЯ. Обучаясь психоанализу, Бион проводил терапию в группах (Bion, 1961) [см. БАЗОВЫЕ ДОПУЩЕНИЯ]. Несмотря на то, что его интерес к этому направлению работы сохранялся всего лишь несколько лет, его творческий подход привел к значительным достижениям: (i) становлению традиции *групповой терапии*, известной как Тэвистокская школа (Menzies Lyth, 1981; Gosling, 1981); (ii) созданию такой формы психиатрической практики, как *терапевтическое сообщество* (Main, 1946; Hinshelwood, 1987); (iii) образованию Тэвистокского института, занятого работой и исследованиями в области *развития организаций* (Rice, 1963; Menzies Lyth, 1981, 1989); (iv) внедрению новаторской и удачной методики *отбора офицеров* в вооруженных силах (Bion, 1946); (v) пониманию социальной психологии *больших групп* (Turquet, 1975); (vi) разработке *обучающих методов* в группах (Gosling *et al*., 1967).

Вклад Биона в психоанализ можно вкратце охарактеризовать, изложив его по пунктам, каждый из которых получает дальнейшее объяснение в соответствующих статьях словаря.

(1) Психоз. Став психоаналитиком, Бион присоединился к группе аналитиков-кляйнианцев, которая осуществила прорыв в понимании шизофрении, опираясь на статью Кляйн (Klein, 1946) о шизоидных механизмах. Толчок этому развитию дало, в частности, открытие отщепленных аспектов переноса, описанное в данной статье. В первой работе 1954 года, посвященной этой теме, Бион обосновывал свой взгляд на шизофреника как на человека «либо расщепляющего свои объекты, либо внедряющегося в них, либо их бросающего» (Bion, 1954, p. 24). На симпозиуме, где Бион выступил с этим докладом, работу представил и Катан, описав в ней критерии, позволяющие отличать психотические части личности от непсихотических, и это, по-видимому, привело к классической формулировке Биона (Bion, 1957) о различии психотика и непсихотика. В 1959 году Бион описал решающее различие между *нормальной и патологической* формами проективной идентификации [см. 13. ПРОЕКТИВНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ; ПРИЧУДЛИВЫЕ ОБЪЕКТЫ]. Это ощутимо упорядочило запутанную концепцию проективной идентификации.

В патологической форме данный процесс производится с максимальным насилием и садизмом, вследствие чего захваченный внешний объект наполняется ненавистью отмщения, становится *причудливым объектом*. Это понятие легло в основу дальнейшего развития теорий Биона [см. ПСИХОЗ].

(2) Эмпатия. Когда была вычленена патологическая форма проективной идентификации, стало возможным понимание более «нормальной» ее формы, в которой она осуществляется с меньшей ненавистью. Прояснение таких благоприятных процессов, как эмпатия (позволяющая «влезть в шкуру объекта»), добавило важные черты к пониманию терапевтического воздействия психоанализа [см. 1. ТЕХНИКА].

(3) Мышление. Насилие и всемогущество шизофренических вторжений является причиной трудностей в мышлении. Однако после того как удалось выделить анормальности шизофренического мышления, стало ясно, в какой степени более нормальные процессы мышления также основаны на проективной идентификации (в более нормальной ее форме). Бион экспериментировал с парадигмой *связи* мыслей [см. СВЯЗЬ]. На взаимопроникновении двух элементов друг в друга могут выстраиваться очень сложные структуры абстракции, с сериями повторений такого рода эмоционального связывания [см. МЫШЛЕНИЕ]. Это процесс *выведения значения* из ощущений и переживаний [см. АЛЬФА-ФУНКЦИЯ; ЭПИСТЕМОФИЛИЯ].

(4) Контейнирование. Бион (Bion, 1962a) описал новую теорию отношений, выходящую за рамки традиционной парадигмы сексуальности. Хотя можно сформулировать это и обратным образом: Эдипов комплекс и его нарушение могут инвестировать любой из таких контактов-взаимопроникновений. Контакт можно понимать как процесс *контейнирования*. Одно становится введенным в другое, с насилием или без. Таким образом, Бион предложил целую феноменологию взаимоотношений контейнер-контейнируемое, в которой контейнируемое может разрывать контейнер, или же, в свою очередь, может сдавливаться и удушаться контейнером, или же может происходить их взаимная адаптация. Бион описал *симбиотическую, паразитическую и комменсальную* формы такого взаимоотношения (Bion, 1970). Хотя он обрисовал контакт в этих формах взаимопроникновения прежде всего на примере процесса развития мыслей и теорий, Бион распространил данную модель также на явления другого типа, такие как введение мыслей в слова, мысли или чувства в психику индивидуума, индивидуума в свою социальную группу, младенца в сознание матери (мечтание) и т. п. [см. КОНТЕЙНИРОВАНИЕ].

Психоаналитическая техника. Теория контейнирования способствовала происходившему в 1950-х годах пересмотру психоаналитической техники (Racker, 1948; Heimann, 1950; Rosenfeld, 1952; Money-Kyrle, 1956) благодаря выдающемуся дару Биона давать живые и неожиданные описания [см. 1. ТЕХНИКА; КОНТРПЕРЕНОС].

Память и желание. Бион полагал, что вначале и аналитик, и анализируемый страшатся приносимого анализом опыта перемен и развития. Эти переживания — небольшие *катастрофы*, разрушающие гармонию в душах обоих

[см. Ps-D; АННИГИЛЯЦИЯ]. Бион требовал от аналитика избегать определенных психологических маневров, которые препятствуют его приближению к потенциальной катастрофе развития в анализе [см. ПАМЯТЬ И ЖЕЛАНИЕ; КОНТЕЙНИРОВАНИЕ]. Главными препятствиями он считал загроможденность ума аналитика ранее полученными знаниями о пациенте или о психоанализе (что мешает открытости непосредственному опыту) и терапевтическое рвение, выстраивающее план дальнейшего развития и блокирующее его возникновение в опыте взаимного переживания. Такие пути бегства от непосредственно данного настоящего в прошлое или будущее можно перекрыть, если следовать предписанию Биона (Bion, 1965, 1970) «упразднять память и желание». Это очищение ума требует усилий со стороны аналитика, хотя, как и в случае с теорией контрпереноса, им могут злоупотреблять и выдвигать в качестве оправдания «невежества и лени» (Spillius, 1988).

(5) Возможность передачи психоаналитического мышления. В дальнейшем Бион стал интересоваться тем, как психоаналитики понимают — или не понимают — друг друга. Вначале он придумал *сетку* (Bion, 1963), в которой разместил все возможные виды сообщений, разложив их по двум координатам. На одной оси отложен серийный *каскад* контейнирующих отношений на различных уровнях абстракции, от чрезвычайно примитивных чувственных данных до общих теорий наиболее абстрактного толка (от снов и бессознательных фантазий до понятий, теоретических систем и алгебраического исчисления). На другой оси указано, как могут использоваться эти психические элементы. Тем самым Бион пытался придать точность сообщениям о психоанализе и, вместе с тем, строгость тому мышлению, которое надлежит передавать.

Вершины. Еще одной попыткой навести порядок в этой сфере стало создание Бионом (Bion, 1970) теории различных точек зрения — вершин. Уровни контейнирования определяют различные точки зрения: мифическую, научную и т. д. Это приводит к формированию религиозной, индивидуальной, социологической вершин, и Бион надеялся, что они могут быть согласованы друг с другом.

Социальные явления. Размышления о коммуникации и точках зрения (вершинах) привели Биона к рассмотрению социальных явлений с помощью психоаналитической понятийной системы [см. БАЗОВЫЕ ДОПУЩЕНИЯ; ОБЩЕСТВО]. Напряженность между индивидуумом и обществом Бион выразил в терминах контейнирования; задолго до того подобный подход предложил Пишон-Ривьер (Pichon-Riviere, 1931).

Стиль работ Биона. Любопытный стиль письма Биона, по-видимому, связан с содержанием его идей. Ранние его работы лаконичны, даже отмечены легким раздражением: изложенные в них новые идеи — вызов читателю. Однако впоследствии, когда Бион лучше разобрался в своей теории мышления и

коммуникации, его стиль стал предъявлять читателю требование мыслить самому. Бион довел до совершенства прием описания определенных психических процессов, состоящий в погружении в сам процесс в ходе его описания. Например, его термин «альфа-функция» предназначен для описания психического процесса обретения значения чувственными впечатлениями; и в то же время этот термин выбран именно потому, что он «свободен от значения» и в тексте Биона сам находится в процессе его обретения. Соединение процесса с методом его описания напоминает неспособность шизофреника отличить сообщение от действия. Но практикуемое Бионом соединение — ни в коей мере не «неспособность»; это просчитанная попытка обеспечить значение посредством опыта, а также посредством дидактической демонстрации: «Преимущество употребления знака /.../ в том, что он по меньшей мере указывает, что понимание читателем предлагаемого мной значения должно содержать (contain) некий элемент, который останется без удовлетворения, пока не встретит соответствующую реализацию» (Bion, 1962b, pp. 95–6). От читателя требуется наполнить слова Биона собственным опытом.

Значение Биона. В конспективном обзоре невозможно передать степень влияния Биона на кляйнианскую систему взглядов. Характер кляйнианского анализа был в значительной мере обусловлен статьей Кляйн о шизоидных механизмах (Klein, 1946), но развитие этих идей главным образом стало делом группы ее последователей [см. КЛЯЙНИАНСКАЯ ГРУППА; 13. ПРОЕКТИВНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ], из которых самым оригинальным оказался Бион. Наиболее важные результаты таковы: (а) различение нормальной и всемогущей проективной идентификации; (b) теория эмоционального контейнирования личности; (с) теория мышления, согласно которой значение выводится из наиболее примитивных инфантильных конфигураций эмоций [см. АЛЬФА-ФУНКЦИЯ; БЕЗЫМЯННЫЙ УЖАС; БЕТА-ЭЛЕМЕНТЫ; КОНТЕЙНИРОВАНИЕ; КОНТРПЕРЕНОС; МЫШЛЕНИЕ; ПРИЧУДЛИВЫЕ ОБЪЕКТЫ; ПРЕКОНЦЕПЦИЯ; Ps-D; СВЯЗЬ]. Главную роль в получении всех этих результатов сыграл Бион.

Сегодня кляйнианцы много спорят, в чем именно состоит значение Биона: продвинулся ли он дальше Кляйн, и его, по сути, необходимо признать основателем новой школы психоанализа, как утверждают Мельтцер и некоторые его коллеги (Meltzer *et al.*, 1982; Harris, 1982; Meltzer, 1986), или же достижения, связанные с Бионом, являются неотъемлемой частью общего развития кляйнианской мысли. Сюда же входят (а) развитая Сигал кляйновская теория символизма и эстетического переживания [см. ОБРАЗОВАНИЕ СИМВОЛОВ; СИМВОЛИЧЕСКОЕ РАВЕНСТВО], (b) разработки Розенфельда, Джозеф и других в отношении структуры личности [см. НЕГАТИВНЫЙ НАРЦИССИЗМ; ПЕРВЕРСИЯ; СТРУКТУРА], (с) изучение детей и младенцев, начатое Бик и другими, развивающее теорию внутренних пространств и адгезивной идентификации [см. АДГЕЗИВНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ; АУТИЗМ; КОЖА; НАБЛЮДЕНИЕ ЗА МЛАДЕНЦАМИ].

Bion, Wilfred (1946) 'Leaderless groups', *Bulletin of the Menninger Clinic* 10:77–81.

Bion, Wilfred (1954) 'Notes on the theory of schizophrenia', in W. R. Bion (1967) *Second Thoughts*. Heinemann, pp. 23–35; previously published (1954) *Int. J. Psycho-Anal.* 35:113–18; and expanded as 'Language and the schizophrenic', in Melanie Klein, Paula Heimann and Roger Money-Kyrle, eds (1955) *New Directions in Psycho-Analysis*. Tavistock, pp. 220–39.

Bion, Wilfred (1957) 'Differentiation of the psychotic from non-psychotic personalities', *Int. J. Psycho-Anal.* 38:266–75; republished (1967) in W. R. Bion, *Second Thoughts,* pp. 43–64.

Bion, Wilfred (1961) *Experiences in Groups*. Tavistock.

Bion, Wilfred (1962a) 'A theory of thinking', *Int. J. Psycho-Anal.* 43:306–10; republished (1967) in W. R. Bion, *Second Thoughts,* pp. 110–19.

Bion, Wilfred (1962b) *Learning from Experience*. Heinemann.

Bion, Wilfred (1963) *Elements of Psycho-Analysis*. Heinemann.

Bion, Wilfred (1965) *Transformations*. Heinemann.

Bion, Wilfred (1970) *Attention and Interpretation*. Tavistock.

Gosling, Robert (1981) 'A study of very small groups', in James Grotstein, ed. (1981) *Do I Dare Disturb the Universe?* Beverly Hills: Caesura, pp. 633–45.

Gosling, Robert, Miller, D. H., Turquet, P. M. and Woodhouse, D. (1967) *The Use of Small Groups in Training*. Codicote.

Harris, Martha (1982) 'Growing points in psycho-analysis inspired by the work of Melanie Klein'', *Journal of Child Psychotherapy* 8:165–84.

Heimann, Paula (1950) 'Counter-transference', *Int. J. Psycho-Anal.* 31:81–4.

Hinshelwood, R. D. (1987) *What Happens in Groups*. Free Association Books.

Katan, M. (1954) 'The importance of the non-psychotic part of the personality in schizophrenia', *Int. J. Psycho-Anal.* 55:119–28.

Klein, Melanie (1946) 'Notes on some schizoid mechanisms', in *WMK* 3, pp. 1–24.

Main, Tom (1946) 'The hospital as a therapeutic institution', *Bulletin of the Menninger Clinic* 10:66–70.

Meltzer, Donald (1986) *Studies in Extended Metapsychology.* Perth: Clunie.

Meltzer, Donald, Milana, Giuliana, Maiello, Susanna and Petrelli, Diomine (1982) 'The conceptual distinction between projective identification (Klein) and container-contained (Bion)', *Journal of Child Psychotherapy* 8:185–202.

Menzies Lyth, Isabel (1981) 'Bion's contribution to thinking about groups', in James Grotstein, ed. *Do I Dare Disturb the Universe?* Beverly Hills: Caesura, pp. 661–6.

Menzies Lyth, Isabel (1988) *Containing Anxiety in Institutions*. Free Association Books.

Menzies Lyth, Isabel (1989) *The Dynamics of the Social*. Free Association Books.

Money-Kyrle, Roger (1956) 'Normal counter-transference and some of its deviations', *Int. J. Psycho-Anal.* 37:360–6; republished (1978) in *The Collected Papers of Roger Money-Kyrle*. Perth: Clunie, pp. 330–42.

O'Shaughnessy, Edna (1981) 'A commemorative essay on W.R. Bion's theory of thinking', *Journal of Child Psychotherapy* 7:181–92.

Pichon-Riviere, Eduardo (1931) 'Position du probleme de 1'adaptation reciproque entre la societe et les psichismes exceptionels', *Revue francaise de Psychanalyse* 2:135–70.

Racker, Heinrich (1948) 'A contribution to the problem of counter-transference', published in English (1953) *Int. J. Psycho-Anal.* 34:313–24; republished as 'The counter-transference neurosis', in Heinrich Racker (1968) *Transference and Counter-Transference*. Hogarth, pp. 105–26.

Rice, A.K. (1963) *The Enterprise and its Environment*. Tavistock.

Rosenfeld, Herbert (1952) 'Notes on the analysis of the superego conflict of a catatonic schizophrenic', *Int. J. Psycho-Anal.* 33:111–31; republished (1955) in Melanie Klein, Paula Heimann and Roger Money-Kyrle, eds *New Directions in Psycho-Analysis*. Tavistock, pp. 180–219; and (1965) in *Psychotic States*. Hogarth, pp. 63–103.

Spillius, Elizabeth Bott (1988) *Melanie Klein Today: Volume 1 Mainly Theory*. Tavistock.

Turquet, Pierre (1975) 'Threats to identity in the large group', in Lionel Kreeger, ed. *The Large Group*. Constable, pp. 87–144.

Благодарность
Gratitude

Благодарность — это особое чувство по отношению к объекту; его необходимо отличать от чувства удовлетворенности (gratification), соответствующего удовлетворению (satisfaction) телесной потребности. Благодарность к объекту вызывается и укрепляется удовлетворением, которое дает этот объект. Поэтому она сродни объектной любви, как она описана Абрахамом (Abraham, 1924). Между тем, согласно Кляйн, эта способность ощущать доброе чувство к объекту дана с рождения. С точки зрения Кляйн (Klein, 1957), она уравновешивает зависть — отклик, который уменьшает или устраняет благодарность к объекту.

См. ЛЮБОВЬ; 12. ЗАВИСТЬ

Abraham, Karl (1924) 'A short study of the development of the libido', in Karl Abraham (1927) *Selected Papers on Psycho-Analysis*. Hogarth, pp. 418–501.

Klein, Melanie (1957) *Envy and Gratitude*. *WMK* 3, pp. 176–235.

Вина
Guilt

Вина — это мучительное состояние души, возникающее как следствие внутреннего конфликта, особенно в отношении достоинств самости. Фрейд долгое время подчеркивал значимость вины и понимал, что бессознательная вина является мощной мотивирующей силой самонаказания или обусловленной неким мотивом неудачи (Freud, 1916, 1924). В итоге вина оказалась центральным аспектом его окончательной модели психики, модели структурной, согласно которой Эго в постоянной борьбе отражает нападения Супер-Эго. Этот конфликт между Эго и Супер-Эго приводит к переживанию вины, поскольку Супер-Эго порицает Эго за нарушение внутренних стандартов, воплощенных в Супер-Эго.

Депрессивная позиция. Кляйн продвинулась в этом направлении на шаг дальше, описав депрессивную позицию, основной характерной чертой которой остается вина. Однако конфликт на депрессивной позиции, вызывающий чувство вины, описывается в терминах, не свойственных структурной модели. С точки зрения Кляйн, этот конфликт между Эго и Супер-Эго внутренне присущ психике с рождения (то есть его корни, врожденные причины — в инстинктивном достоянии), и Кляйн находила ему объяснение в поздней теории инстинктов Фрейда, где он постулировал конфликт между инстинктом смерти и инстинктом жизни. Поэтому с рождения перед Эго встает задача борьбы, цель которой — управление этими противоположными инстинктами (в конечном итоге — достижение преобладания любви над ненавистью) [см. 10. ДЕПРЕССИВНАЯ ПОЗИЦИЯ].

Персекуторная вина. Однако самая ранняя версия этого конфликта ни в какой степени не является нравственным чувством. На параноидно-шизоидной позиции он более всего касается выживания Эго, которое ощущает угрозу смерти. На депрессивной позиции эта угроза оказывается направленной больше на любимые объекты, и субъект сожалеет об их страдании, переживая острое раскаяние, ощущаемое как вина и ответственность [см. ДЕПРЕССИВНАЯ ТРЕВОГА]. Вина, развивающаяся на депрессивной позиции, вытекает из предшествующего чувства преследования и страха смерти. Поэтому у вины множество оттенков: от ужасного преследующего наказания до болезненного раскаяния, скорби и репарации.

Вначале, на параноидно-шизоидной позиции, вина — это ничем не смягченное ответное преследование. Когда вступает в силу депрессивная позиция и объекты становятся «целостными объектами», насилие такого преследования смягчается помощью и заботой со стороны «хороших» аспектов объекта. Это приводит к страху за выживание «хорошего» объекта, но неотъемлемой частью данной ситуации являются раскаянье и вина. На первых порах вина наследует характеристику карательности и преследования от предшествующего параноидного состояния преследования. Но в ходе накопления хороших переживаний от целостного объекта и благодаря его выживанию вина подвергается модификации посредством импульса, который направлен на исправление хорошего объекта и содействие его выживанию. В этот момент вина наполняется репаративными желаниями и способствует укреплению созидательного и творческого усилия, ею порождаемого.

См. ДЕПРЕССИВНАЯ ТРЕВОГА; 8. РАННИЕ СИТУАЦИИ ТРЕВОГИ; РЕПАРАЦИЯ

Freud, Sigmund (1916) *Introductory Lectures on Psycho-Analysis. S.E.* 15–16.
Freud, Sigmund (1924) 'The economic problem of masochism'. *S.E.* 19, pp. 157–70.

Внешний мир External world

Внешний мир конструируется субъектом из свойств объективного мира, ожиданий, связанных с опытом прошлого (воспоминаний) и бессознательных фантазий о спроецированных объектах [см. ВНЕШНИЙ ОБЪЕКТ].

Кляйн обвиняли — и продолжают обвинять — в игнорировании объективных черт внешнего мира. Однако это несправедливо: ее целью было как раз понимание проблем пациента в отношении объективности — другими словами, понимание вмешательств субъективного, — что только на первый взгляд приводило к предпочтению внутреннего. Это предпочтение частично уравновесило обратную тенденцию аналитиков, излишне внимательных к реальным внешним объектам в жизни пациента. Приехав с лекцией в Вену, Джонс так отстаивал свою позицию:

> «... венцы могли бы упрекнуть нас, что мы слишком высоко оцениваем раннюю фантазийную жизнь за счет внешней реальности. И мы могли бы ответить, что никому не угрожает опасность пренебречь внешней реальностью, но никто не гарантирован от недооценки фрейдовской концепции значимости психической реальности» (Jones, 1935, p. 273).

Сама Кляйн достаточно подробно описала взаимодействия между матерями и младенцами (Klein, 1952). Значительный прогресс в этом направлении был достигнут благодаря развитию техники наблюдений за младенцами [см. НАБЛЮДЕНИЕ ЗА МЛАДЕНЦАМИ].

Социальная реальность. В связи с простой, на первый взгляд, дихотомией реальности и фантазии, внешнего и внутреннего мира, возникает еще одна проблема. Она выражается в искушении предположить, что внешняя реальность человека подобна тому материальному миру природы, который исследуют физики. Мир других людей, социальный мир — это переменчивая реальность, и она часто изменяется благодаря индивидуальной или коллективной фантазии [см. БАЗОВЫЕ ДОПУЩЕНИЯ; СОЦИАЛЬНЫЕ ЗАЩИТНЫЕ СИСТЕМЫ]. В межличностном мире не существует устойчивой «вещи-в-себе», которую нужно открыть. Внешний мир в большей степени конструируется и постоянно реконструируется индивидом и группой. Фантазийная проекция объекта во внешний мир — не безобидное событие; эта фантазия может произвести реальные перемены в объекте во внешнем мире. Младенец, кричащий от непреходящего ужаса, может настолько деморализовать мать, что она, защищая себя, становится замкнутой, холодной и даже преследующей и тем самым подтверждает фантазию младенца. В социальной реальности бывают случаи, когда фантазия действительно может оказываться всемогущей.

Податливость внешнего мира конструированию фантазией — важный фактор, который следует принимать в расчет, рассматривая природу *проверки*

реальности. Аналогичный подход к конструированию социальной реальности мы находим в школе социологии знания, представленной Манхеймом (Mannheim, 1936) и Бергером и Лукманом (Berger and Luckman, 1967).

Berger, Peter and Luckman, Thomas (1967) *The Social Construction of Reality.* Penguin.
Jones, Ernest (1935) 'Early female sexuality', *Int. J. Psycho-Anal.* 16:262–73.
Klein, Melanie (1952) 'On observing the behaviour of young infants'. *WMK* 3, pp. 94–121.
Mannheim, Karl (1936) *Ideology and Utopia.* Routledge & Kegan Paul.

Внешний объект
External object

Важно понимать, что именно подразумевается под термином «внешний объект». Его значение зависит от точки зрения. Внешний объект, рассматриваемый с позиции субъекта, может очень отличаться от внешнего объекта, рассматриваемого с позиции объективного наблюдателя – как субъекта, так и объекта. Разные школы считают приоритетными разные точки зрения.

Кляйнианцы склонны принимать первую из них — то есть понимать внешний объект в терминах собственного восприятия *пациента*. Это восприятие искажается проекцией субъекта на объект своих ожиданий, которые представляют собой смесь предшествовавшего опыта и бессознательных фантазийных ожиданий, обусловленных фантазией, действующей в данный момент. Вдобавок, в зависимости от силы фантазии, субъект будет обладать большей или меньшей способностью (a) рассматривать внешний объект как он есть на самом деле или (b) в действительности изменять объект путем бессознательных провокативных маневров, приводя его к соответствию своим восприятиям. Действительные качества объекта важны в той мере, в какой они совпадают с ожиданиями субъекта и в какой объект обладает качеством, которое можно привести в соответствие с восприятиями пациентами или которому можно сопротивляться.

Примитивные защитные механизмы. Ранние механизмы отмечены всемогуществом, вследствие чего проективные и интроективные идентификации сильно искажают реальность внешнего объекта; это не встречает затруднений, пока у ребенка не начинает развиваться удаленное восприятие [см. РАЗВИТИЕ]. Когда становится возможным удаленное восприятие, возникает длительная эмоциональная борьба [см. 10. ДЕПРЕССИВНАЯ ПОЗИЦИЯ] за достижение принципа реальности.

Реконструкция. Создание переноса в анализе — это процесс, в котором внешний объект (в данном случае аналитик) рассматривается так, как это диктуется характерными для каждого конкретного пациента формами иска-

жения. Кляйнианский подход к внутренним объектам [см. 5. ВНУТРЕННИЕ ОБЪЕКТЫ] является основой для понимания искажений в переносе, т. е. для понимания того, как аналитик реконструируется в восприятии пациента в виде фигуры из прошлого:

> «Ответственным за создание такой культуры “здесь и сейчас” был пациент, а анализ этой структуры составлял мою задачу. Было воссоздано взаимодействие с внутренним объектом, построенное в прошлом, и его необходимо было пересмотреть и интегрировать» (Brenman, 1980, p. 55).

Задача аналитика заключается в понимании и анализе воспринятого пациентом объекта, непрерывно конструируемого во внешней личности — аналитике.

Таким образом, внешний объект — это не сугубо материальный объект, но всегда также *психологическое присутствие* этой личности (или аналитика). Например, Сэндфорд (Sandford, 1952) описывала пациента, чьим объектом была мать, проецировавшая в младенца тревогу, которую тот интроецировал,— в результате он вырос тревожным ребенком. В данном случае внешним объектом было бессознательное матери — и оно переживалось во взаимоотношении переноса [см. МЕЧТАНИЕ].

Гринберг (Grinberg, 1962) описывал сходную ситуацию (отсылающую к проективной контридентификации) в случае с пациентом, который бессознательно переживал себя как получающего проективные идентификации аналитика. Интерес к контрпереносу был поддержан именно признанием того, что объект воспринимается в первую очередь как обладающий мотивами и установками, и только во вторую очередь — материальными атрибутами.

См. ВНЕШНИЙ МИР; КОНТРПЕРЕНОС; 1. ТЕХНИКА

Brenman, Eric (1980) ‘The value of reconstruction in adult psychoanalysis’, *Int. J. Psycho-Anal.* 61:53–60.

Grinberg, Leon (1962) ‘On a specific aspect of counter-transference due to the patient’s projective identification’, *Int. J. Psycho-Anal.* 43:436–44.

Sandford, Beryl (1952) ‘An obsessional man’s need to be kept’, *Int. J. Psycho-Anal.* 33:144–52; republished (1955) in Melanie Klein, Paula Heimann and Roger Money-Kyrle, eds *New Directions in Psycho-Analysis*. Hogarth, pp. 266–81.

Внутренняя реальность
Internal reality

Важной отправной точкой в работе Фрейда стало восприятие всерьез того, что говорили ему пациенты-невроти-

ки и психотики. Он исходил из допущения, что они сообщают ему нечто доступное пониманию, для них самих являющееся реальностью. Внутренняя или психическая реальность — это убежденность в реальности психического мира, который существует бессознательно и ощущается человеком внутри себя.

С этой установкой Кляйн разработала теорию внутренних объектов; она

> «совершила открытие, ставшее революционным дополнением к теории психики, а именно, что мы живем не в одном мире, но в двух: мы живем во внутреннем мире, и это местожительство столь же реально, как и мир вне нас. /.../ Психическую реальность можно считать вполне конкретной» (Meltzer, 1981, p. 178).

Внутренние объекты переживаются как конкретно реальные, находящиеся внутри Эго, что означает переживание внутреннего содержания тела [см. КОЖА]. Они отличны от образов и репрезентаций, которые в нашем восприятии сохраняют в себе качество эфемерности (хотя могут быть репрезентациями конкретных вещей). Столь причудливая идея по сути обязана своим происхождением работе с пациентами-психотиками, однако она рассматривалась как описание исходного младенческого состояния переживания себя и своего мира при рождении и до того, как младенец окажется способным к какому-либо объективному познанию мира вокруг себя. Это конкретное ощущение внутреннего мира реальных объектов (не образов или репрезентаций), вовлеченных в отношения друг с другом и с субъектом.

Конкретность внутренней реальности очень трудно сознательно постичь взрослому, и потребовалось много лет дискуссий в 1930-х и 1940-х годах, прежде чем удалось нащупать различие между внутренними (интроецированными) объектами и репрезентациями. В основе своей оно не концептуально: это различие в характере переживания себя и своей собственной психической деятельности.

Рапапорт (Rapaport, 1957) пытался отличить «находящийся внутри» («inner») мир психических репрезентаций от «внутреннего» («internal») мира психической структуры. Соответственно, у пациента есть мир воспоминаний, идей, фантазий, которые он «представляет» самому себе, — это мир репрезентаций (Sandler and Rosenblatt, 1962), обладающий качеством психического, а не физического существования. От него отличен мир психической структуры, который аналитик создает для себя, чтобы получить *объективную* картину психики пациента в рамках метапсихологии. Эта попытка Рапапорта закончилась неудачей, однако неудачей немаловажной. Одна из категорий фантазий пациентов относится к структуре их психики и функциям, которые ее структурируют именно таким образом, как ее воспринимают сами пациенты. Это может быть просто собственная уникальная фантазия пациента. Но можно показать, что подобные фантазии существенно содействуют созданию психики, которая в аналитическом наблюдении выглядит струк-

турированной именно так, как это представляется пациенту. Волнующий пример из личного опыта приводит Абрахам (Abraham, 1924), рассказывая, как он поседел после смерти отца. Этот пример должен показать, что интроекция утраченного объекта была столь интенсивной (всемогущей), что вызвала реальное изменение Эго. Отец не просто вошел в мир репрезентаций, то есть психических объектов, но стал причиной реального физического изменения, как если бы он действительно проник в голову Абрахама и физически там что-то изменил.

Таким образом, если фантазии пациента о структуре и функционировании его психики реально соответствуют объективно воспринимаемой психической структуре и функции, пропадает четкое различие между субъективной точкой зрения пациента и объективной точкой зрения аналитика. Наблюдение, изложенное Абрахамом,— типичный случай кляйнианского описания сообщений пациента о структурировании его психики. За такой подход Кляйн критиковали, указывая, что она (i) придает материальность фантазийным феноменам и (ii) спутывает уровень описания с уровнем теории [см. 2. БЕССОЗНАТЕЛЬНАЯ ФАНТАЗИЯ]. Но внутренняя реальность пациента обретает материальность потому, что материализует ее сам пациент, и функционирует она так, как будто реальные физические объекты проникают в Эго и покидают его. Именно физическая данность мира, расположенного внутри тела, подразумевается понятием «внутренний мир»; и она воспринимается не только аналитиком, но и самим пациентом.

См. 5. ВНУТРЕННИЕ ОБЪЕКТЫ; 2. БЕССОЗНАТЕЛЬНАЯ ФАНТАЗИЯ

Abraham, Karl (1924) ‘A short study of the development of the libido’, in Karl Abraham (1927) *Selected Papers on Psycho-Analysis*. Hogarth, pp. 418–501.

Meltzer, Donald (1981) ’The Kleinian expansion of Freudian metapsychology’, *Int. J. Psycho-Anal.* 62:177–85.

Rapaport, David (1957) ‘A theoretical analysis of the superego concept’, in (1967) *The Collected Papers of David Rapaport*. New York: Basic.

Sandler, Joseph and Rosenblatt, Bernard (1962) ‘The concept of the representational world’, *Psychoanal. Study Child* 17:128–45.

Возмещение / восстановление
Restitution / restoration

Кляйн пользовалась этими терминами в более ранних работах, используя абрахамовские (Abraham, 1924) описания импульса исправления вслед за агрессией. Позднее она приняла термин «репарация».

См. РЕПАРАЦИЯ; 10. ДЕПРЕССИВНАЯ ПОЗИЦИЯ

Abraham, Karl (1924) 'A short account of the development of the libido', in Karl Abraham (1927) *Collected Papers on Psycho-Analysis*. Hogarth, pp. 418–501.

Врожденное знание
Innate knowledge

С самого начала своей работы Кляйн была поражена детской пытливостью и опиралась на работу Фрейда о Маленьком Гансе (Freud, 1909) в том, насколько важно признание детского сексуального любопытства. Ей стало ясно, что детский садизм связан с фрустрацией попыток разобраться в теме сексуальности и что страх перед собственным садизмом приводит детей к торможению этого исследования и в дальнейшем к притуплению любопытства в целом [см. ЭПИСТЕМОФИЛИЯ; 3. АГРЕССИЯ]. Поскольку предложенная ею игровая техника подвергалась критике [см. 1. ТЕХНИКА; ДЕТСКИЙ АНАЛИЗ], Кляйн посвятила много времени изучению развития символизма и его важнейшей роли в интеллектуальном развитии (Klein, 1930, 1931) [см. ОБРАЗОВАНИЕ СИМВОЛОВ].

Врожденная фантазия. Интерес к символизму привел в конечном итоге к возникновению понятия о *бессознательной фантазии* (Isaacs, 1948) [см. 2. БЕССОЗНАТЕЛЬНАЯ ФАНТАЗИЯ]. Инстинкты представлены в психике как бессознательные фантазии взаимоотношений с объектами. Различные инстинкты вызывают фантазии об объектах и активных взаимоотношениях с ними, и эти объекты еще не встречались ребенку во внешней реальности. Примитивные концепции объектов основываются на телесных ощущениях, включенных в деятельность инстинктов. Этот подход вызвал возражения, и теорию бессознательной фантазии критиковали за то, что в ней предполагается способность младенца фантазировать о кусании, сжигании, разрубании, восстановлении и т. д., не имея никакого соответствующего опыта.

Когда новорожденный поворачивает голову в ответ на прикосновение к его щеке, чтобы найти сосок и начать сосать, — это просто рефлекс. Однако кляйнианская теория предполагает, что у младенца должно возникать *психическая репрезентация* этого события. То есть должна появляться фантазия об объекте, к которому младенец поворачивается и который сосет. В своей чрезвычайно важной статье Айзекс (Isaacs, 1948) весьма настойчиво пытается выразить идею соматического знания, фактически содержащегося в физических ощущениях. Фрейд коротко поучаствовал в этом споре, отметив относительно Маленького Ганса, что «он находился уже на пути к тому, чтобы на основании своих ощущений в пенисе постулировать существование влагалища» (Freud, 1909, p. 135). Кляйн выражается более опре-

деленно: «довольно маленький ребенок, очевидно, ничего не знающий о рождении, обладает совершенно отчетливым “знанием” о том, что дети вырастают в матке» (Klein, 1927, p. 173). Критики Кляйн сопротивлялись идее врожденного знания.

Врожденное когнитивное достояние. Разъяснения Айзекс недвусмысленно указывают, что мы должны постулировать существование определенных врожденных способностей к различению:
(i) того, что стремится причинить добро («хороший объект»), от того, что стремится причинить зло («плохой объект»);

(ii) самости от не-самости (объектов).

Эти врожденные способности [см. ЭГО] встроены в телесные ощущения. В ходе психической репрезентации [см. АЛЬФА-ФУНКЦИЯ] эти ощущения переживаются как аффективные взаимоотношения с объектами. Такие объекты в фантазии не являются материальными или действительно конкретными в обычном смысле слова; они наделены примитивной характеристикой расположения — внутри или вне самости, и аффективными побуждениями благожелательности или злонамеренности. Таким образом, это в первую очередь *аффективные объекты* [см. ЧАСТИЧНЫЕ ОБЪЕКТЫ].

Кляйнианцы описывали такое врожденное знание об объектах и о действиях, осуществляемых ими или над ними, как разновидность знания, весьма отличного от взрослого. Органы удаленного восприятия (слуха и зрения) у младенца еще не функционируют должным образом, и поэтому его знание простирается не далее кожи; знание ограничено чувством идентичности, обособленной от объекта. Знание такого типа очень своеобразно, и тем не менее, проникает в более позднее *переживание* объектов (противоположное восприятию), когда младенец вполне овладевает органами зрения, слуха и т. д., и оно формирует основу такого переживания.

Альфа-функция. Бион (Bion, 1962) занимался дальнейшим изучением процесса, с помощью которого чувственные данные превращаются в психические содержания, пригодные к использованию. Он обозначил переработку чувственных данных в бессознательную фантазию об объекте термином *«альфа-функция»* [см. АЛЬФА-ФУНКЦИЯ]. Врожденное знание он назвал *«преконцепцией»* [см. ПРЕКОНЦЕПЦИЯ; МЫШЛЕНИЕ], которая с самого начала способна «сочетаться» с реализацией данного объекта. Результатом сопряжения, в терминах Биона, является *концепция*. Бион пытался объяснить, что реальность объектов должна входить в соответствие функции Эго, *придающей реализациям значение*. Обладание значением — это врожденное достояние, развивающееся в мире внешних объектов.

См. КОНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ФАКТОР

Bion, Wilfred (1962) *Learning from Experience*. Heinemann.

Freud, Sigmund (1909) 'Analysis of a phobia in a five-year-old boy'. *S.E.* 10, pp. 3–149.

Isaacs, Susan (1948) 'The nature and function of phantasy", *Int. J. Psycho-Anal.* 29:73–97; republished (1952) in Melanie Klein, Paula Heimann, Susan Isaacs and Joan Riviere, eds *Developments in Psycho-Analysis*. Hogarth, pp. 67–121.

Klein, Melanie (1927) 'Criminal tendencies in normal children'. *WMK* 1, pp. 170–85.

Klein, Melanie (1930) 'The importance of symbol-formation in the development of the ego'. *WMK I,* pp. 219–32.

Klein, Melanie (1931) 'A contribution to the theory of intellectual development'. *WMK* 1, pp. 236–47.

Всемогущество
Omnipotence

Ранние стадии младенчества характеризуются всемогущими мыслями, чувствами и фантазиями. Согласно Кляйн, значимость всемогущества связана со страхами перед всемогущей деструктивностью и с тем, что определенные виды фантазийной деятельности, особенно входящие в примитивные защитные механизмы (вбирание, выталкивание, аннигиляция), оказывают глубокое и закрепляющееся влияние на развитие Эго и на его характерные объектные отношения. Кляйн рассматривала эти всемогущие фантазии [см. 9. ПРИМИТИВНЫЕ ЗАЩИТНЫЕ МЕХАНИЗМЫ] как защиты от переживания отделенности, зависимости и зависти.

Всемогущество фантазии. Ранние фантазии вбирания и выталкивания переживаются младенцем как реальность и приводят к действительной «модификации Эго». Таким образом, эти ранние всемогущие механизмы ответственны за фактическое развитие самости и Эго. В фантазии младенец верит, что определенные объекты находятся внутри и образуют часть самости: примером служит интроецированный «хороший» объект с последующим действительным развитием чувства безопасности и уверенности. Конкретно ощущаемая утрата хорошего внутреннего объекта оказывает противоположное влияние. Переживаемый внутри плохой объект ощущается как параноидная угроза жизни [см. 5. ВНУТРЕННИЕ ОБЪЕКТЫ; ОБЪЕКТЫ].

Всемогущие фантазии входят в психологическую структуру по-разному.

(i) Всемогущество как защита. Чувство всемогущества играет важную роль в примитивных защитных механизмах, которые вовлечены в разрушение границ Эго с целью уклонения от переживаний отдельности и зависти [см. 9. ПРИМИТИВНЫЕ ЗАЩИТНЫЕ МЕХАНИЗМЫ].

(ii) Нарциссические состояния. Всемогущие защиты могут также создавать спутанность между самостью и объектом, которая сохраняется в виде «всемогущих нарциссических объектных отношений» (Rosenfeld, 1987), и они

приводят к продолжительному *состоянию нарциссизма* (Segal, 1983) [см. НАРЦИССИЗМ].

(iii) Нарциссическая организация. Эти состояния всемогущества могут оказаться организованными в личности так, что возникает разновидность негативного нарциссизма, описанная Розенфельдом в модели, согласно которой всемогущие плохие части самости вовлечены в отношения запугивания и соблазнения, служащие ловушкой для хороших частей самости [см. СТРУКТУРА].

Развитие. Обычно расставание с чувством всемогущества происходит благодаря переживанию беспомощности при интроекции внешних контейнирующих объектов и идентификации с ними. Отказ от нарциссического вторжения в объекты или их инкорпорации является существенным шагом в развитии депрессивной позиции [см. 10. ДЕПРЕССИВНАЯ ПОЗИЦИЯ] и признании реальности самостоятельно существующих объектов.

Всемогущество и столкновение (impingement). Винникотт, напротив, рассматривал всемогущество как присутствующую с самого начала защищенную область, которая должна оказывать сопротивление столкновению с внешним миром. Этот подход близок классической теории первичного нарциссизма [см. НАРЦИССИЗМ]. Не различая себя и мать, младенец пребывает в состоянии «первичного всемогущества». Роль матери, с точки зрения Винникотта, заключается в таком уходе за младенцем, какой позволял бы ему поддерживать бредовую убежденность в своем всемогуществе. Она обеспечивает необходимое удовлетворение (грудь) именно в том месте и тогда, где и когда младенец галлюцинаторно удовлетворяет свой голод сам. Второй главной задачей матери, согласно Винникотту, является определение моментов, когда младенец оказывается готовым к выходу из своего всемогущества. Тогда она может допускать толику фрустрации, нехватку удовлетворения в правильной ситуации и в правильное время. «Достаточно хорошая мать» означает должную степень такого поведения. Переход от инфантильного всемогущества к более объективной реальности не удается, если конфронтация с матерью осуществляется слишком грубо или слишком рано. Тогда младенец испытывает болезненное переживание, которое Винникотт назвал *столкновением* (impingement).

Винникотт (Winnicott, 1953) описал, как младенец выходит из состояния первичного нарциссизма, предпринимая промежуточный шаг: он ищет и создает переходные объекты, служащие перевалочными пунктами, так что не возникает необходимости полностью отказываться от инфантильного всемогущества. По-видимому, Винникотт возвращается к более ортодоксальному взгляду на первичный нарциссизм, хотя и называет его первичным всемогуществом. Эго, если оно вообще может называться таковым в подходе Винникотта, выполняет единственную первичную функцию пере-

живания несуществования себя в мире. У Эго нет собственных защитных механизмов, и на окружение ложится задача защиты этого психического состояния недифференцированного всемогущества.

Rosenfeld, Herbert (1987) *Impasse and Interpretation.* Tavistock.

Segal, Hanna (1983) 'Some clinical implications of Melanie Klein's work', *Int. J. Psycho-Anal.* 64:269–76.

Winnicott, Donald (1953) 'Transitional objects and transitional phenomena', *Int. J. Psycho-Anal.* 34:89–96; republished (1971) in D. W. Winnicott, *Playing and Reality.* Tavistock.

Вытеснение
Repression

Изначально для Фрейда понятия вытеснения и защитного механизма *совпадали.* Но затем (Freud, 1926) он стал различать и другие защиты: «Вытеснение по своему значению сведено к "особому методу защиты". Это новое представление о роли вытеснения предполагает изучение других специфических способов защиты» (Anna Freud, 1936, p. 46). Спектр защитных механизмов Эго стал широким полем исследования в психоанализе (A. Freud, 1936; Fenichel, 1945). Клинический материал Кляйн привлек внимание к действию других механизмов, но Кляйн сталкивалась по преимуществу с защитными механизмами, касавшимися содержаний Эго ребенка и его тела и различных типов объектов в окружающем мире. Она стала рассматривать их как примитивные защитные механизмы и отличала от вытеснения. В 1930 году Кляйн писала:

> «Только на поздних стадиях Эдипова конфликта проявляется защита от либидинозных импульсов; на ранних стадиях защита направлена против сопутствующих деструктивных импульсов. /.../ Эта защита носит насильственный характер и отлична от механизма репрессии» (Klein, 1930, p. 220) [см. 9. ПРИМИТИВНЫЕ ЗАЩИТНЫЕ МЕХАНИЗМЫ].

Когда в следующие два года Кляйн приняла фрейдовское противопоставление инстинкта смерти и либидо, она стала различать примитивные защитные механизмы (выстроенные против тревоги, порождаемой инстинктом смерти) и вытеснение (имеющее дело с либидинозными импульсами и тревогами).

Насильственность защит. Примитивные защитные механизмы отличаются от «невротических» степенью насилия при уничтожении соответствующей части сознания. Кляйн описывала вытеснение (или расщепление или отрицание) *частей* личности, тогда как в классическом психоанализе вытеснение больше стремится воздействовать на аффективные или когнитив-

ные *содержания* психики, чем на ее структуру. Примитивные защитные механизмы значительно искажают или обедняют Эго. Поскольку они являются всемогущими фантазиями, их функционирование приводит к действительной «модификации Эго». При вытеснении, которое гораздо менее насильственно, знание о внутренней и внешней реальности сохраняется намного лучше.

Однако примитивные защиты могут влиять на окраску вытеснения:

> «Ранние методы расщепления существенно влияют на характер вытеснения на несколько более поздней стадии, и это в свою очередь определяет взаимодействие между сознанием и бессознательным. Другими словами, сила или слабость ранних шизоидных механизмов главным образом определяют, насколько различные части психики оказываются “пористыми” по отношению друг к другу» (Klein, 1952, p. 66).

Кляйн пишет:

> «Механизм расщепления лежит в основании вытеснения (как и предполагается в концепции Фрейда), но в отличие от самых ранних форм расщепления, приводящих к состояниям дезинтеграции, вытеснение обычно не заканчивается дезинтеграцией самости. Поскольку на этой стадии достигнута бо́льшая интеграция (и в сознательной, и в бессознательной частях психики) и поскольку при вытеснении расщепление преимущественно затрагивает разделение между сознанием и бессознательным, никакая часть самости не подвергается дезинтеграции в такой степени, как это бывает на предшествующих стадиях. Однако масштаб обращения к процессам расщепления на первых месяцах жизни очень существенно влияет на использование вытеснения на более поздней стадии. Если ранние шизоидные механизмы и тревоги недостаточно преодолены, вместо подвижной границы между сознанием и бессознательным может возникнуть жесткий барьер между ними» (Klein, 1952, p. 87).

Отношение между вытеснением и расщеплением проясняется с помощью идеи о вертикальном и горизонтальном расщеплении. Действующая с большей силой защита, расщепление, делит психику на две части, каждая из которых содержит объект, самость и взаимоотношение между ними, и обе они существуют параллельно друг другу, разнесенные по горизонтали. Вытеснение же перемещает часть психики, уже более интегрированной, в область бессознательного без разрушения целостности личности — это называется вертикальным расщеплением.

Тяжесть расщепления ослабляется при наступлении депрессивной позиции, когда внешняя и внутренняя реальность принимаются в большей

степени: «... по мере роста адаптации к внешнему миру расщепление начинает производиться в плоскостях, которые постепенно оказываются все ближе и ближе к реальности» (Klein, 1935, p. 288). Вытеснение несет в себе больший отпечаток реальности и истинной природы внешних объектов.

Альфа- и бета-элементы. Бион (Bion, 1962) разграничил альфа- и бета-элементы [см. АЛЬФА-ФУНКЦИЯ; БЕТА-ЭЛЕМЕНТЫ], что стало альтернативным теоретическим подходом к различению вытеснения и примитивных защитных механизмов, в данном случае — проективной идентификации. Альфа-функция — это психологический процесс порождения смысла из непосредственных чувственных данных. Он производит психические содержания, которые могут использоваться в мышлении и снах и подвергаются вытеснению. Однако если альфа-функция не срабатывает, психика накапливает множество бета-элементов, неосмысляемых психических содержаний, подлежащих только разрядке с помощью проективной идентификации (патологической), и психика развивается как аппарат для разрядки таких накоплений [см. МЫШЛЕНИЕ].

Bion, Wilfred (1962) *Learning from Experience*. Heinemann.

Fenichel, Otto (1945) *The Psycho-Analytic Theory of the Neurosis*. Routledge & Kegan Paul.

Freud, Anna (1936) *The Ego and the Mechanisms of Defence*. Hogarth.

Klein, Melanie (1930) 'The importance of symbol-formation in the development of the ego'. *WMK* 1, pp. 219–32.

Klein, Melanie (1935) 'A contribution to the psychogenesis of manic-depressive states'. *WMK* 1, pp. 262–89.

Klein, Melanie (1952) 'Some theoretical conclusions regarding the emotional life of the infant'. *WMK* 3, pp. 61–93.

Klein, Melanie (1957) *Envy and Gratitude*. *WMK* 3, pp. 176–235.

Генетическая непрерывность
Genetic continuity

Понятие «генетическая непрерывность» играет важную роль в психоаналитической теории и практике. Генетическая непрерывность предполагает, что психологические аспекты личности в настоящем преемственным образом связаны с предшествующими стадиями развития. Так, Фрейд пришел к идее, что невроз взрослого возникает из травматических происшествий и фантазий детства. Но, более того, нормальные составляющие личности, такие, как Супер-Эго, развиваются из своих предшественников, эдипальных родителей, воспринимаемых на ранней стадии развития.

Именно на основании идеи генетической непрерывности Фрейд, работая со взрослыми, строил предположения относительно психологического

развития детей. Концепция генетической непрерывности подверглась проверке, когда Фрейд и отец Маленького Ганса выстраивали психоаналитическую теорию детского развития с помощью непосредственного анализа материала, полученного от пятилетнего ребенка (Маленького Ганса), проходящего фазы развития, представление о которых было сформировано при анализе взрослых (Freud, 1909).

Когда Кляйн приступила к анализу детей, она поняла, что тоже пытается разобраться в более ранних стадиях развития, чем те, которые анализирует. Хотя Кляйн анализировала детей очень раннего возраста, вплоть до двух лет девяти месяцев, она обнаружила, что этому возрасту предшествует фундаментальный этап развития, подлежащий описанию. Поэтому, как и в исследованиях Фрейда, ее выводы основывались на принципе генетической непрерывности, а также на других свидетельствах, взятых, в частности, из непосредственного наблюдения за младенцами [см. БИК; НАБЛЮДЕНИЕ ЗА МЛАДЕНЦАМИ].

Кляйн огорчали сомнения, которым подвергались ее достижения в области психоаналитической теории развития. Уэлдер, поддерживая ортодоксальный психоанализ, как он понимался в Вене, в 1936 году выступил в Британском психоаналитическом обществе с докладом в поучительном тоне (другая его версия была опубликована позже — Waelder, 1937), где критиковал разработки Кляйн как отклонения от истинной теории Фрейда. Он пространно рассуждал о том, что является достоверным психоаналитическим заключением. Это вызвало возражение со стороны Айзекс, выступившей в защиту научной достоверности выводов Кляйн относительно первого года жизни (Isaacs, 1938). Спор вылился в открытое противостояние в ходе Дискуссий о противоречиях в 1943–1944 годах [см. ДИСКУССИИ О ПРОТИВОРЕЧИЯХ].

Обсуждение проблемы, что можно считать достоверным психоаналитическим заключением, а что нет, так никогда и не завершилось и зачастую сводится сегодня к обсуждению выводов тех или иных исследователей. Согласие в том, что настоящее имеет предшественников в прошлом, не превратилось в обще мнение относительно самих этих предшественников. Например, Кляйн относила раннюю форму Супер-Эго к ранним прегенитальным фазам развития, частично на основании идеи о генетической непрерывности [см. 7. СУПЕР-ЭГО]. Опираясь на тот же принцип, Фенихель (Fenichel, 1931) соглашался с тем, что вполне могут существовать «предшественники Супер-Эго», но считал, что они весьма отличны от Супер-Эго как такового и их нельзя обозначать тем же термином, поскольку некоторые их свойства иные. Таким образом, возникла проблема терминологии: если мы имеем дело с генетической непрерывностью, как разделить этот континуум? Ответы на данный вопрос зависят от совокупности вненаучных мотивов, включая элементарную преданность той или иной предшествующей теории.

Fenichel, Otto (1931) 'The pregenital antecedents of the Oedipus complex', *Int. J. Psycho-Anal.* 9:47–70.

Freud, Sigmund (1909) 'Analysis of a phobia in a five-year-old boy'. *S.E.* 10, pp. 3–149.

Isaacs, Susan (1938) 'The nature of the evidence concerning mental life in the earliest years', unpublished, but incorporated into Isaacs (1952) 'The nature and function of phantasy', in Klein *et al.*, eds *Developments in Psycho-Analysis*. Hogarth, pp. 67–121.

Waelder, Robert (1937) 'The problem of the genesis of psychical conflict in earliest infancy', *Int. J. Psycho-Anal.* 18:406–73.

Грудь
Breast

Частью матери, с которой младенец контактирует прежде всего, является ее грудь. Кляйн поняла, что младенец обладает лишь частичными восприятиями объектов своего мира по причинам, связанным как с его нейропсихологией, так и с эмоциональным развитием. Соответственно, она описывала частичный объект как «грудь».

Хотя вначале предполагалось, что материальная грудь переживается как физически данная и отдельная от остального тела матери, со временем этот термин стал означать первый частичный объект вообще [см. ЧАСТИЧНЫЕ ОБЪЕКТЫ], то есть, как стали считать в последнее время, контейнирующий материнский объект, противопоставленный отцовскому пенису и младенцам-соперникам.

В качестве частичного объекта «грудь» обладает различными возможными характеристиками, соответствующими нуждам младенца в любой произвольный момент. Некоторые переживания ребенка ощущаются как хорошие, и тогда грудь воспринимается как хорошая («хорошая» грудь), а плохие переживания приводят к восприятию «плохой» груди.

См. ОБЪЕКТЫ; ЧАСТИЧНЫЕ ОБЪЕКТЫ

Деперсонализация
Depersonalization

Состояние Эго, при котором оно утрачивает ощущение существования в качестве мало-мальски значимой личности, вызывается чрезмерной проективной идентификацией, когда в фантазии самость помещается в другие, внешние объекты. Кляйн подробно проиллюстрировала этот процесс на примере романа Джулиана Грина «Если бы я был тобой» (Klein, 1955).

См. 11. ПАРАНОИДНО-ШИЗОИДНАЯ ПОЗИЦИЯ; 13. ПРОЕКТИВНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ

Klein, Melanie (1955) 'On identification'. *WMK* 3, pp. 141–75.

Депрессивная тревога
Depressive anxiety

Сигал (Segal, 1979) и Гросскёрт (Grosskurth, 1986) полагают, что Кляйн стала лучше понимать боль депрессивной позиции после тяжелой потери — смерти сына в 1933 году.

Утрата любимого объекта. В двух статьях (Klein, 1935, 1940) Кляйн сосредоточивает внимание на маниакально-депрессивных состояниях и скорби. Начав с идей Фрейда и Абрахама о том, что данные состояния порождаются переживанием утраты любимого объекта, Кляйн показала,

(i) что утрата ощущается в фантазии и связана с садистическими импульсами, которые переживаются как нанесшие ущерб или повреждения любимому объекту [см. 10. ДЕПРЕССИВНАЯ ПОЗИЦИЯ], и

(ii) усовершенствовала данное Фрейдом (Freud, 1926) описание «утраты любимого объекта», описав переживание в фантазии утраты любимого *внутреннего* объекта.

Хороший внутренний объект возникает в результате интроекции внешнего объекта, и Эго развивает идентификацию с этим объектом (интроективная идентификация). Это обретение достигается постепенно:

> «Когда Эго становится организованным более полно, внутренние имаго (интроецированные родители и основание Супер-Эго) лучше соотносятся с реальностью и Эго полнее идентифицирует себя с “хорошими” объектами. Ужас перед преследованием, которое ощущалось как угроза Эго, теперь относится также и к хорошему объекту, и с этого момента сохранность хорошего объекта рассматривается как синоним выживания Эго» (Klein, 1935, p. 264).

Лучшая оценка реальности, возникающая вместе с отношением к целостным объектам в возрасте примерно четырех-шести месяцев, создает особенно острые чувства к объекту:

> «Одновременно с развитием происходит изменение чрезвычайной важности: от частичного объектного отношения до отношения к цельному (complete) объекту. /.../ Эго переходит на новую позицию, формирующую основание ситуации, которая называется утратой любимого объекта. Не раньше, чем объект будут любить *как целое*, сможет переживаться как целое и его утрата» (Klein, 1935, p. 264).

Страх утраты объекта, обычно в актуальном состоянии скорби, воспроизводит инфантильную утрату:

> «Острота актуальной утраты любимого человека, на мой взгляд, чрезвычайно усиливается бессознательными фантазиями скорбящего об утрате также его *внутреннего* “хорошего” объекта. Вследствие этого он чувствует, что власть переходит к его “плохим” объектам, и его внутреннему миру угрожает разрушение» (Klein, 1940, p. 353).

Страх и вина. При депрессивной тревоге

> «существует два набора страхов, чувств и защит, которые /.../ можно /.../ в целях теоретической ясности считать обособленными друг от друга. В первый набор входят персекуторные чувства и фантазии. /.../ Второй набор чувств, который приводит к появлению депрессивной позиции, я ранее описывала, не называя. Теперь я предлагаю называть эти чувства печали и заботы о любимых объектах, страх их утраты и стремление вновь их обрести, простым словом, заимствованным их каждодневной речи, а именно, “тоской” по любимому объекту. Коротко: преследование (“плохими” объектами) и характерные защиты от него, с одной стороны, и тоска по любимому (“хорошему”) объекту, с другой, составляют депрессивную позицию» (Klein, 1940, p. 348).

Термин «тоска» («pining») не был действительно принят, и вместо него обычно использовались два термина: «вина» и «депрессивная тревога». Однако на самом деле неясно, означают ли они одно и то же: «Возникает вопрос: является ли вина элементом депрессивной тревоги? Или они обе — аспекты одного и того же процесса, или же одна из них — результат или манифестация другой? /.../ Сейчас я не могу дать ответа» (Klein, 1948, p. 36). Существует, однако, общепринятое представление о том, что тревога, вызываемая страхом перед нападениями на любимый объект, фактически является чувством вины. Джозеф резюмирует это следующим образом:

> «Фрейд [Freud, 1926] /.../ свел вместе различные типы тревоги по отношению к импульсам и Супер-Эго, тем самым включив туда чувства вины как тип тревоги. Вдобавок он подчеркивал, что само существование инстинктов жизни и смерти и осознание их совместного существования, в форме амбивалентности, порождает, как он выразился, “фатальную неизбежность чувства вины”» (Joseph, 1978, p. 223).

Персекуторные и депрессивные тревоги. Разграничение персекуторной и депрессивной тревог, как говорила Кляйн, теоретически очевидно (Grin-

berg, 1964). Однако оно не столь очевидно на практике; депрессивная тревога зависит от того,

> «относится тревога главным образом к сохранности Эго — в этом случае она паранойяльная — или же к сохранности хороших интернализованных объектов, с которыми Эго идентифицировано как целое. /…/ Тревога из-за того, что хорошие объекты и вместе с ними Эго будут разрушены или же что они находятся в состоянии дезинтеграции, переплетена с непрерывными отчаянными усилиями спасти хорошие объекты» (Klein, 1935, p. 269) [см. 8. РАННИЕ СИТУАЦИИ ТРЕВОГИ; 10. ДЕПРЕССИВНАЯ ПОЗИЦИЯ].

Персекуторная тревога — это страх за Эго, а депрессивная тревога — страх за выживание любимого объекта. Перемещение между ними — не стремительный, осуществляемый раз и навсегда переход от преследования к вине, но постепенное движение, со множеством отступлений и возвратов, от (i) преследования к (ii) персекуторной форме вины и затем к (iii) форме вины, допускающей репарацию [см. Ps-D; ПАРАНОИДНАЯ ЗАЩИТА ОТ ДЕПРЕССИВНОЙ ТРЕВОГИ].

Поскольку первое появление вины настолько проникнуто преследованием карательного и всемогущего типа, депрессивной позиции трудно достигнуть и трудно ее удерживать. Только когда в какой-то мере могут осуществляться репаративные усилия, вина (и Супер-Эго) становится менее суровой, — а приводит этот процесс к отказу от примитивных фантазий всемогущества [см. РЕПАРАЦИЯ].

Позднейшие модификации. Позднее Кляйн несколько изменила представления о вине.

(i) Невозможно настаивать на простом отнесении персекуторной тревоги к частичным объектам и депрессивной тревоги — к целостным объектам:

> «Дальнейшая работа /…/ привела меня к выводу, что, хотя на первой стадии деструктивные импульсы и персекуторная тревога превалируют, депрессивная тревога и вина уже играют некоторую роль в первом объектном отношении младенца, то есть в отношении к материнской груди. /…/ И теперь я связываю появление депрессивной тревоги с отношением к частичным объектам. Такая модификация — результат /…/ более полного признания постепенного течения эмоционального развития младенца» (Klein, 1948, pp. 35–36).

> «Синтез чувств любви и деструктивных импульсов, направленных на один и тот же объект, вызывают вину и стремление репарировать поврежденный любимый объект, хорошую грудь. Следовательно, ам-

> бивалентность иногда переживается по отношению к частичному объекту — материнской груди. В первые месяцы жизни подобные состояния интеграции кратковременны» (Klein, 1952, p. 65).

Такие состояния представляют собой некий исходный «прогресс в интеграции, который связан с временным преобладанием любовных импульсов над деструктивными» (Klein, 1952, p. 69). Это значит, что подобные моменты интеграции — многообещающие первые шаги ослабления персекуторной тревоги.

(ii) Позднее после новаторских попыток психоанализа шизофреников с применением идей Кляйн было описано более печальное положение дел. Розенфельд, признавая промежуточные состояния интеграции, писал:

> «Я хочу сделать предварительные замечания к этим идеям. Я предполагаю, что при определенных внешних и внутренних условиях, когда временно преобладают агрессивные импульсы, могут возникать состояния, в которых импульсы любви и ненависти и хорошие и плохие объекты не могут удерживаться отдельно друг от друга и потому ощущаются смешанными или спутанными» (Rosenfeld, 1950, p. 53).

Этот сбой первичного расщепления, которое удерживает хороший объект незатронутым и отделенным от плохого на ранней параноидно-шизоидной позиции, приводит к *спутанности* импульсов и объектов.

Кляйн частично одобрила это добавление и согласилась, что, действительно, определенная форма вины возникает при особых обстоятельствах, когда зависть анормально высока, что главным образом определяется конституцией, но, по-видимому, предпочла использовать термин «вина» при описании данного переживания:

> «Получается, что одним из последствий чрезмерной зависти становится раннее появление чувства вины. Если Эго переживает преждевременное чувство вины (и еще не способно его вынести), то вина ощущается как преследование, а объект, вызывающий вину, превращается в преследователя. Таким образом, младенец не может проработать депрессивную или персекуторную тревогу, потому что они оказываются спутанными друг с другом» (Klein, 1957, p. 194).

Также и Сигал (Segal, 1956), анализируя шизофреников, ясно показала, что шизофреники способны переживать депрессию, несмотря на свою фиксацию на параноидно-шизоидной позиции. Когда им угрожают депрессивные чувства, они спасаются немедленной фрагментацией и проекцией фрагментов себя. Последующее ухудшение их психического состояния связано с пе-

реживанием аналитиком спроецированных отчаяния и депрессии — вместо пациента.

Защиты от вины и депрессивной тревоги. Ряд защит направлен конкретно против вины и депрессивной тревоги. Все они примитивны и связаны с психотической стороной данной тревоги.

Одна из наиболее частых форм защиты — это гневное *отворачивание от объекта*, механизм, который может содействовать Эдиповой ситуации (когда происходит отворачивание от груди или от матери), а также, если его работа сопровождается чрезмерным гневом, может приводить к значительным проблемам в этом новом объектном отношении. В более мягкой форме он представляет собой процесс отклонения. Другой распространенный механизм, который упоминается в ранних статьях Кляйн, — *экстернализация* Супер-Эго как освобождение от внутреннего преследования и вины.

Еще один тип защиты — это *обращение параноидного отношения* на объект [см. ПАРАНОИДНАЯ ЗАЩИТА ОТ ДЕПРЕССИВНОЙ ТРЕВОГИ]. На самых ранних стадиях депрессивной позиции вина столь болезненна, что переживается как намеренное преследование и становится основанием для такого обращения.

Маниакальные защиты. Однако наиболее важные защиты, направленные конкретно против депрессивной тревоги, относятся к группе маниакальных защит [см. МАНИАКАЛЬНЫЕ ЗАЩИТЫ]. Устойчивость данной совокупности защит побудила Кляйн некоторое время использовать термин «маниакальная позиция». В 1935 году она впервые развернуто описывает эту позицию. «... Тяжкая и мучительная зависимость [Эго. — *Прим. перев.*] от своих любимых объектов вынуждает его стремиться к свободе от них. Но его идентификация с этими объектами слишком основательна, чтобы ее игнорировать. /.../ В первую очередь характеризует манию, на мой взгляд, ощущение всемогущества» (Klein, 1935, p. 277). К числу маниакальных защит относятся:

(i) всемогущество, окрашивающее все остальные защиты;

(ii) отрицание психической реальности, с последующей тенденцией отрицать внешнюю реальность;

(iii) отрицание значимости хороших объектов;

(iv) контроль и власть над объектами, от которых зависимо Эго.

Репарация. С первых лет своей работы Кляйн была поражена реакциями детей на повреждение объектов и тем, как дети пытались с такими объектами обращаться. Именно опираясь на эти наблюдения, Кляйн стала раздумывать, насколько распространенным феноменом является вина. Огорчение ребенка по поводу сломанной игрушки может побуждать его прятать

игрушку в ящике и тем самым отрицать то, что его ранит, но он также может предпринять более или менее эффективные попытки ее починить.

Уже тогда Кляйн понимала, как эти попытки репарации соотносятся с фрейдовским понятием сублимации, а затем вина продвигалась все ближе к центру ее внимания, и репарация стала для Кляйн главной формой сублимации инстинктов. Именно *таким образом* инстинкты переводятся в сублимированную форму.

Однако в статье 1940 года Кляйн показала, что существует целый ряд форм репарации:

(a) маниакальная репарация, с оттенком торжества, основанная на обращении отношения родитель-ребенок и унижении родителей [см. МАНИАКАЛЬНАЯ РЕПАРАЦИЯ];

(b) обсессивная репарация, которая заключается в компульсивном повторении уничтожающих сделанное действий, лишенных действительно творческого элемента и направленных на умиротворение, часто — магическим образом;

(c) форма репарации, базирующаяся на любви и уважении к объекту [см. РЕПАРАЦИЯ].

Freud, Sigmund (1926) *Inhibitions, Symptoms and Anxiety. S.E.* 20, pp. 77–175.

Grosskurth, Phyllis (1986) *Melanie Klein.* Hodder & Stoughton.

Grinberg, Leon (1964) ‘On two kinds of guilt: their relation with normal and pathological aspects of mourning’, *Int. J. Psycho-Anal.* 45:366–71.

Joseph, Betty (1978) ‘Different types of anxiety and their handling in the analytic situation’, *Int. J. Psycho-Anal.* 59:223–8.

Klein, Melanie (1930) ‘The importance of symbol-formation in the development of the ego’. *WMK* 1, pp. 219–32.

Klein, Melanie (1935) ‘A contribution to the psychogenesis of manic-depressive states’. *WMK* 1, pp. 262–89.

Klein, Melanie (1940) ‘Mourning and its relation to manic-depressive states’. *WMK* 1, pp. 344–89.

Klein, Melanie (1948) ‘On the theory of anxiety and guilt’. *WMK* 3, pp. 25–42.

Klein, Melanie (1952) ‘Some theoretical conclusions regarding the emotional life of the infant’. *WMK* 3, pp. 61–93.

Klein, Melanie (1957) *Envy and Gratitude. WMK* 3, pp. 176–235.

Klein, Melanie (1960) ‘A note on depression in the schizophrenic’. *WMK* 1, pp. 264–7.

Rosenfeld, Herbert (1950) ‘Notes on the psychopathology of confusional states in chronic schizophrenia’, in *Psychotic States.* Hogarth, pp. 52–62; previously published *Int. J. Psycho-Anal.* 31:132–7.

Segal, Hanna (1956) ‘Depression in the schizophrenic’, *Int. J. Psycho-Anal.* 37:339–43; republished (1981) in Hanna Segal, *The Work of Hanna Segal.* New York: Jason Aronson, pp. 121–9.

Segal, Hanna (1979) *Klein.* Fontana.

Дети
Babies

Фрейд продемонстрировал чрезвычайно важное и глубокое значение факта рождения детей. Дети представляют собой триумфальный заместитель пениса для девочки, торжество ее творческой способности.

Нападения на материнское тело. Согласно ранним взглядам Кляйн (Klein, 1932), ребенок убежден, что внутри тела матери находятся ее дети. Они являются сильнейшей провокацией ревности и зависти уже в раннем младенчестве. Это вызывает (в фантазии) неистовые атаки на материнское тело и его содержимое, а также ужасающие страхи возмездия [см. 6. ФАЗА ЖЕНСТВЕННОСТИ; 8. РАННИЕ СИТУАЦИИ ТРЕВОГИ]. Фантазии маленькой девочки о собственных детях, следовательно, утешают ее в ситуации параноидной тревогой перед возмездием матери.

Почти так же обстоит дело с маленьким мальчиком, которого дополнительно приводит к насилию (и параноидному страху) фантазия о материнском теле, содержащем отцовский пенис [см. КОМБИНИРОВАННАЯ РОДИТЕЛЬСКАЯ ФИГУРА]. У детей обоих полов представление о детях (и пенисе отца) в материнском теле вызывает агрессию и параноидные страхи [см. ПАРАНОЙЯ], что усиливает нормальную кастрационную тревогу и зависть к пенису, описанные Фрейдом. Это оказывает существенное влияние на сексуальное развитие ребенка, что иногда приводит к торможениям во взрослом возрасте, а они, в свою очередь, воздействуют на отношения взрослых (в качестве матерей или отцов) со своими собственными детьми.

См. РЕБЕНОК

Klein, Melanie (1932) *The Psycho-Analysis of Children. WMK* 2.

Детский анализ
Child analysis

Разрабатывая в 1905 году теорию детской сексуальности, Фрейд опирался на сведения из анализа взрослых пациентов. Затем ему потребовались непосредственные данные о развитии сексуальности, полученные путем наблюдения за детьми. Он просил своих венских сторонников, у кого были дети, фиксировать их поведение и высказывания. В результате этого «случай» Маленького Ганса стал блестящим подтверждением фрейдовских гипотез. Похожая ситуация возникла, когда Фрейд продолжил развитие своих теорий, в частности, вместе с Абрахамом обратил внимание на пациентов-психотиков. Это привело к возникновению теории *нарциссизма* (Freud, 1914), а затем — представлений о роли механизмов *интроекции* и *проекции* (Freud, 1917) и к развитию

структурной модели (Freud, 1923). С 1917 года дети вызывали все больший интерес у психоаналитиков [см. 1. ТЕХНИКА].

Психоанализ и воспитание. В 1921 году в Вене Хуг-Хельмут предложила модификацию детской педагогики, основанную на психоаналитическом подходе. Но она не применяла интерпретации так, как это делается в анализе взрослых, или даже так, как это делал отец Маленького Ганса. Хуг-Хельмут считала, что ребенок, в отличие от взрослого, не заинтересован в анализе, и поэтому интерпретации ничего для него не значат. От проблем ребенка, с ее точки зрения, страдает не он сам, а его семья. По мнению Хуг-Хельмут, Эго ребенка еще не настолько сильно, чтобы выдерживать дополнительную нагрузку психоаналитической интерпретации, и работать с детьми нужно у них дома. Таким образом, перенос в анализе ребенка развиваться не может.

Первые пациенты-дети. В 1918–1919 годах в Будапеште Кляйн положила начало другому виду детского анализа. Как мы теперь знаем, ее первыми пациентами были собственные дети, что сегодня вызвало бы осуждение — по-видимому, Кляйн замалчивала этот факт после публикации первой своей статьи в 1919 году (Petot, 1979; Grosskurth, 1986), — но в то время, как свидетельствует успешное лечение Маленького Ганса, такой подход выглядел более приемлемым. Абрахам, который проводил анализ своей дочери (Abraham, 1974), поддерживал Кляйн; да и Фрейд тоже анализировал собственную дочь (Gay, 1988).

Очень скоро Кляйн пришла к другим выводам, чем Хуг-Хельмут. Она считала, что у детей после первых интерпретаций их тревог может возникать (бессознательная) заинтересованность в анализе. По ее мнению, дети гораздо лучше на бессознательном уровне понимают свои проблемы и природу оказываемой интерпретациями помощи, чем это кажется со стороны (сообщение Alix Strachey, 1924).

Кляйн начала с честных и откровенных ответов на выказываемую ребенком потребность в знании о сексуальной стороне жизни. Она следовала совету Фрейда отцу Маленького Ганса (Freud, 1909), а также для нее важен был описанный Фрейдом случай Человека с волками, чьи прегенитальные сексуальные фантазии оказались травматическими, поскольку совпали с наблюдением первичной сцены сношения родителей (Freud, 1918). Но когда Кляйн в 1919 году представила свою работу на заседании Венгерского психоаналитического общества, фон Фройнд указал, что она не отвечала на бессознательные вопросы, которые ребенок *не* задавал. Кляйн по достоинству оценила его замечание и с этого момента стала горячим сторонником интерпретации бессознательного. Позднее она начала использовать игрушки и разработала стандарт игровой техники [см. 1. ТЕХНИКА].

Техника анализирования детей. Вскоре Кляйн опубликовала целый ряд статей, показавших, сколь важную роль играют детский анализ и ее игро-

вая техника в понимании ранних форм неврозов взрослых. В 1924 году в Вене она читала лекции о своей методике, которая к тому времени совершенно разошлась с методикой Хуг-Хельмут. Хуг-Хельмут вскоре погибла, убитая собственным племянником (которого она воспитала!), но ее идеи в Вене подхватила Анна Фрейд. Из-за расхождений в аналитической технике в Вене установилась атмосфера неприятия Кляйн, усугублявшаяся свойственной ей самой язвительностью и вспыльчивостью.

В 1926–1927 годах трения переросли в настоящую войну. Когда в 1926 году Анна Фрейд последовательно жестко раскритиковала технику Кляйн, сама Кляйн уже находилась в Лондоне. Однако битва началась, и следующее столкновение произошло на симпозиуме Британского психоаналитического общества в 1927 году при обсуждении книги Анны Фрейд, где были собраны прочитанные ею лекции (эта книга вышла в Англии только в 1946 году!).

Критика Кляйн главным образом была направлена на общие принципы Анны Фрейд, пришедшие от Хуг-Хельмут. К тому времени у Кляйн было достаточно клинических данных, чтобы отклонить и опровергнуть возражения Анны Фрейд [см. 1. ТЕХНИКА].

Аргументация Кляйн на Британском симпозиуме не дезорганизовала венцев, но заставила их еще теснее сплотиться вокруг Анны Фрейд; эта патовая ситуация в противостоянии систематизированных теорий эго-психологии [см. ЭГО-ПСИХОЛОГИЯ] и кляйнианского психоанализа сохраняется до сегодняшнего дня.

Abraham, Karl (1974) 'Little Hilda: daydreams and a symptom in a seven-year-old girl', *Int. Rev. Psycho-Anal.* 1:5–14.

Freud, Anna (1946) *The Psycho-Analytical Treatment of Children*. Imago.

Freud, Sigmund (1909) 'Analysis of a phobia in a five-year-old boy'. *S.E.* 10, pp. 3–149.

Freud, Sigmund (1914) 'On narcissism'. *S.E.* 14, pp. 67–102.

Freud, Sigmund (1917) 'Mourning and melancholia'. *S.E.* 14, pp. 237–60.

Freud, Sigmund (1918) 'From the history of an infantile neurosis'. *S.E.* 17, pp. 3–123.

Freud, Sigmund (1923) *The Ego and the Id. S.E.* 19, pp. 3–66.

Gay, Peter (1988) *Freud: A Life for our Time*. Dent.

Grosskurth, Phyllis (1986) *Melanie Klein*. Hodder & Stoughton.

Hug-Hållmuth, Hermine von (1921) 'On the technique of child analysis', *Int. J. Psycho-Anal.* 2:287–305.

Klein, Melanie (1927) Symposium of child analysis'. *WMK* 1, pp. 139–69.

Petot, Jean-Michel (1979) *Melanie Klein: Premieres deconvertes et premier systems 1919–1932*. Paris: Bourdas/Dunod.

Strachey, Alix (1924) 'Alix's report of Melanie Klein's Berlin lecture', in (1986) *Boomsbury Freud: The Letters of James and Alix Strachey 1924–1925*. Chatto & Windus, pp. 325–9.

Дискуссии о противоречиях 1943–1944

Controversial Discussions 1943-1944

В 1920-х и 1930-х годах Британское психоаналитическое общество выработало собственный характерный стиль психоаналитической теории и практики и тем самым вошло в конфликт с венским психоанализом. Эти расхождения проявились в 1926–1927 годах в ожесточенных спорах относительно введенной Кляйн практики детского психоанализа с использованием игровой терапии [см. 1. ТЕХНИКА], но споры выродились в обыкновение каждого из данных психоаналитических сообществ игнорировать подходы другого, отличные от собственных. С этим пытались справиться Эрнест Джонс в Лондоне и Пауль Федерн в Вене, когда начали переговоры о том, что должно было стать систематическим обменом лекциями между двумя обществами. Первую лекцию прочитал Джонс в 1935 году в Вене (Jones, 1936), вторую — ДжоанРивьер в 1936, также в Вене (Riviere, 1936); за лекцией Уэлдера в Лондоне в 1936 году последовал его отклик на доклад Ривьер, опубликованный в 1937 (Waelder, 1937). Но к тому времени политическая ситуация в Европе стремительно ухудшалась, и психоаналитический конфликт переместился буквально на порог Британского психоаналитического общества в 1938-м году, когда венские психоаналитики были вынуждены эмигрировать. Фрейд и Анна Фрейд прибыли в Лондон и сформировали ядро Венской группы аналитиков в Лондоне, не признающих идей Кляйн. Они сформировали оппозиционную группу вместе с некоторыми британскими аналитиками, в частности, с Эдвардом Гловером и Мелиттой Шмидеберг (дочерью Кляйн), отошедших от Кляйн после введения ею в 1935 году понятия депрессивной позиции (Steiner, 1985).

В это время Британское психоаналитическое общество было расколото разногласиями, поскольку Кляйн и близкие ее сторонники болезненно реагировали на критику и отстаивали свои позиции, пытаясь навязывать свои теории и клинический материал приезжим. Деятельность комитетов общества, уже затрудненная неурядицами 1940 и 1941 годов, вызванными Второй мировой войной, стала невозможной, особенно в отношении подготовки новых психоаналитиков. Наконец было достигнуто перемирие и договоренность о проведении ежемесячных научных собраний с целью обсуждения спорных аспектов теорий Кляйн. За восемнадцать месяцев кляйнианцы представили четыре доклада о дискуссионных аспектах своих теорий. В 1943 году — доклад Сюзен Айзекс «О природе и функции фантазии», обсуждавшийся в ходе пяти заседаний. Затем доклад Паулы Хайманн «Некоторые функции проекции и интроекции в раннем младенчестве», обсуждавшийся на двух заседаниях, и доклад Паулы Хайманн и

Сюзен Айзекс «Регрессия», также обсуждавшийся на двух заседаниях. В 1944 году (хотя к тому времени большинство аналитиков-венцев прекратили посещать собрания, а Гловер вообще вышел из состава общества) доклад «Эмоциональная жизнь младенца в свете депрессивной позиции» прочитала Мелани Кляйн, и его обсуждение заняло два заседания. Эти доклады были переработаны и вошли в книгу «Развитие в психоанализе», изданную в 1952 году.

Дискуссии о противоречиях не привели к решению научных проблем. Благодаря им кляйнианцы более системно изложили свои взгляды и продемонстрировали, к удивлению «венцев», сложность и весомость аргументации британских аналитиков. Результат состоял в том, что каждая из сторон оставила своих противников в покое и согласилась с бюрократической схемой структуры комитетов Британского психоаналитического общества и подготовки новых психоаналитиков. Окончательная договоренность известна под названием «Джентльменского соглашения», хотя она была заключена тремя женщинами: Мелани Кляйн, Анной Фрейд и президентом Британского психоаналитического общества Сильвией Пейн (Grosskurth, 1986). С тех пор тщательно контролируемый паритет членства в комитетах, особенно комитетах по обучению, поддерживается посредством выделения в обществе трех групп: Группы Кляйн, Группы «B» (сегодня называемой «Современными фрейдистами») и Центристской или Независимой группы.

Впоследствии Гловер опубликовал сводную версию своей критики докладов кляйнианцев (Glover, 1945), а Брайерли написала ряд статей, которые были собраны в книгу, посвященную новому виду психоанализа (Brierley, 1946). Со времени «Джентльменского соглашения» психоаналитики-кляйнианцы и психоаналитики-ортодоксы (или эго-психологи, как они стали называться) стремились не вступать в открытую конфронтацию; редкими исключениями, отображенными в публикациях, стали спор между Гринсоном (Greenson, 1974, 1975) и Розенфельдом (Rosenfeld, 1974) и конференция 1985 года, посвященная проективной идентификации (Sandler, 1988).

См. 2. БЕССОЗНАТЕЛЬНАЯ ФАНТАЗИЯ; 4. ЭДИПОВ КОМПЛЕКС

Brierley, Marjorie (1946) *Trends in Psycho-Analysis*. Hogarth.

Glover, Edward (1945) 'An examination of the Klein system of child psychology', *Psychoanal. Study Child* 1:1–3.

Greenson, Ralph (1974) 'Transference: Freud or Klein?', *Int.J. Psycho-Anal.* 55:37–48.

Greenson, Ralph (1975) 'Transference: Freud or Klein? A reply to the discussion by Herbert Rosenfeld', *Int. J. Psycho-Anal.* 56:243.

Grosskurth, Phyllis (1986) *Melanie Klein*. Hodder & Stoughton.

Jones, Ernest (1936) 'Early female sexuality', *Int. J. Psycho-Anal.* 16:262–73.

Riviere, Joan (1936) 'On the genesis of psychical conflict in earliest infancy', *Int. J. Psycho-Anal.* 17:395–422; republished (1952) in Klein *et al.,* eds *Developments in Psycho-Analysis*. Hogarth.

Rosenfeld, Herbert (1974) 'Discussion of the paper by Ralph R. Greenson, "Transference: Freud or Klein?"', *Int. J. Psycho-Anal.* 55:49–51.

Sandler, Joseph, ed. (1988) *Projection, Identification and Projective Identification*. Karnac.

Steiner, Riccardo (1985) 'Some thoughts about tradition and change arising from an examination of the British Psycho-Analytical Society's Controversial Discussions 1943–1944', *Int. Rev. Psycho-Anal.* 12:27–71.

Waelder, Robert (1937) 'The problem of the genesis of psychical conflict in earliest infancy', *Int. J. Psycho-Anal.* 18:406–73.

Жадность
Greed

Жадность основана на разновидности интроекции, осуществляемой в гневе. Насильственность оральной инкорпорации, включающей кусание, приводит в фантазии к разрушению объекта. И в конечном состоянии отсутствует оральное удовлетворение, поскольку интроецированный объект оказывается обесцененным; или, хуже того, он превращается в мстящего преследователя из-за реакции на оральную садистическую атаку, осуществляемую в процессе инкорпорации.

На параноидно-шизоидной позиции внутренний мир может накапливать все больше и больше персекуторных, мстящих объектов, угрожающих субъекту; это вызывает все большую и большую потребность в «хороших» объектах (голод), которые облегчили бы внутреннее состояние преобладания «плохих» объектов, ненависти и деструктивных импульсов. Это создает характеризующуюся невозможностью насыщения ситуацию тревоги и «деструктивной интроекции» (Klein, 1957, p. 181). Голод в контексте персекуторной тревоги приводит, в фантазии, к насильственным формам интроекции и страху перед разрушенными объектами внутри (они разрушены плохими объектами и мобилизованными «плохими» импульсами). Голод, вызывающий еще больший голод, это *жадность*.

Конечным результатом может стать торможение оральных импульсов и ограничение интроекции, призванные сберечь столь желанные объекты; это может также привести к состоянию анорексии и истощению внутреннего мира.

Такое интроективное насилие соответствует *проективной* атаке при зависти, когда в приступе деструктивного насилия происходит вторжение, в фантазии, в желанный объект, и он подвергается порче или отравлению [см. 12. ЗАВИСТЬ].

Klein, Melanie (1957) *Envy and Gratitude*. *WMK* 3, pp. 176–235.

Женственность
Femininity

В 1920-х и 1930-х годах, когда в психоаналитических кругах бушевали дискуссии о психологии женщин, в которых лидировала Карен Хорни (Horney, 1926,

1932), Кляйн стремилась показать, что детский анализ способен помочь в разрешении этой проблемы, и приводила данные из своей работы с детьми [см. 6. ФАЗА ЖЕНСТВЕННОСТИ]. Она демонстрировала значимость агрессивности маленьких девочек в установлении в фантазии ужасающих и преследующих ситуаций, которые вызываются нападениями на материнское тело в целях похищения содержащихся в нем детей, пениса отца и порчи его творящей способности. Кляйн считала, что эта фаза важна и для девочек, и для мальчиков и представляет собой особую ситуацию тревоги, которая усиливает последующий эдипальный комплекс, кастрационную тревогу и зависть к пенису, описанные Фрейдом (Klein, 1932) [см. КОИТУС; КОМБИНИРОВАННАЯ РОДИТЕЛЬСКАЯ ФИГУРА].

Эти ранние фантазии касаются частичных объектов: органов, детей и т. д. Распределение их между реальными родителями не согласуется с более поздним взрослым представлением о социальной гендерной идентичности. Развитие гендерной идентичности требует значительной реорганизации ранних инфантильных фантазий о расположении органов и частичных объектов [см. ОТЕЦ].

В подходе Кляйн много внимания уделялось внутреннему содержимому тел, особенно материнского тела, что позднее превратилось в теорию контейнирования [см. КОНТЕЙНИРОВАНИЕ]. Отсюда берет начало идея о женственной установке как направленности вовнутрь, что происходит из тревожной озабоченности и, возможно, является сущностным качеством женственности. Внимание Кляйн к исследованию материнского тела и его содержимого привело к распространению мнения, что она недооценивает роль маскулинности и отца. Это не совсем так. Отец — это объект, исходно воспринимаемый существующим внутри матери и ограничивающим доступ к ней своим присутствием. Такие взгляды предполагают, что некие социальные ожидания в отношении отца и матери являются врожденными, хотя то или иное из них вызывается в каждом индивиде социальными процессами и стереотипами.

См. 6. ФАЗА ЖЕНСТВЕННОСТИ

Horney, Karen (1926) 'The flight from womanhood', *Int. J. Psycho-Anal.* 7:324–9.
Horney, Karen (1932) 'The dread of women', *Int. J. Psycho-Anal.* 13:348–60.
Klein, Melanie (1932) *The Psycho-Analysis of Children. WMK* 2.

Забота Concern

См. БЛАГОДАРНОСТЬ; ЛЮБОВЬ

Зубы
Teeth

Зубы представляют собой органы орального садизма [см. САДИЗМ]. Рост зубов вызывает боль в ротовой полости, что ведет к возникновению *бессознательной фантазии* о преследователях во рту, кусающих младенца, который боится ответной агрессии. Зуб является для младенца пугающей реализацией враждебного внутреннего (частичного) объекта.

См. 5. ВНУТРЕННИЕ ОБЪЕКТЫ

Игра
Play

Кляйн разработала метод анализа детей, основанный на наблюдении за их игрой, которую она анализировала так, как если бы игра была сопоставима со свободными ассоциациями взрослых и снами. За это ее критиковала Анна Фрейд, указывая, что цель ребенка в игре иная, чем цель взрослого в свободных ассоциациях. Она утверждала, что свободные ассоциации возникают в результате сотрудничества с аналитиком в психоаналитическом начинании, а ребенок не понимает цели психоанализа. На это Кляйн отвечала, (a) что игра и свободные ассоциации являются сопоставимыми способами символического выражения содержания психики, и (b) что ребенок с первой же интерпретации понимает (бессознательно понимает) сущность психоанализа [см. ДЕТСКИЙ АНАЛИЗ].

Сначала взгляды Кляйн определялись фрейдовским интересом к детской игре:

> «... в игре дети повторяют то, что в жизни произвело на них большое впечатление, и этим отреагируют (abreact) силу впечатления и, так сказать, делают себя хозяевами положения. Но, с другой стороны, очевидно, что вся их игра находится под влиянием постоянно доминирующего в это время желания — желания быть взрослыми и способными делать то, что делают взрослые. Причем неприятный характер переживания не всегда превращает его в непригодное для игры. Если доктор осматривал ребенку горло или произвел небольшую операцию, эти пугающие переживания почти наверняка станут предметом следующей игры. Отметим, что удовольствие здесь проистекает из другого источника. Когда ребенок переходит от пассивности переживания к активности игры, он передает неприятное переживание одному из своих товарищей по игре и таким образом мстит за себя заместителю» (Freud, 1920, p. 17).

Основное внимание здесь уделяется значимости игры в овладении ребенком своим внутренним миром. Этот аспект описаний Фрейда, признающий превращение пассивного переживания в активное, подхватили Уэлдер (Waelder, 1933) и Анна Фрейд (Anna Freud, 1936).

В споре с Анной Фрейд Кляйн (Klein, 1926, 1929) изо всех сил стремилась прояснить процессы, вовлеченные в игру ребенка. Кляйн считала, что побуждение к игре составлено из ряда компонентов, и на большинство из них есть указание или намек в цитированном выше фрагменте работы Фрейда:

(i) человеческий разум с самого начала мыслит в терминах объектов вместе с их отношением друг к другу и к субъекту;

(ii) ребенок хочет освободиться от несчастий в своем внутреннем мире и делает это путем экстернализации во внешний мир наихудших ситуаций преследования;

(iii) часть естественного развития ребенка заключается в поиске новых объектов как заместителей для предыдущих, и игрушки и товарищи по играм — одна из форм осуществления символизации такого рода;

(iv) ребенок обращается к новым объектам из-за конфликтов с ранними объектами, так что передышка достигается, когда найден новый объект (символ).

Эти процессы бессознательны и представляют борьбу психики ребенка с трудностями, которые ставят перед нею ее импульсы и объекты. Игра, с точки зрения Кляйн, для ребенка серьезное занятие, а не всего лишь банальное развлечение или только упражнение в овладении материальным окружением.

См. ПЕРСОНИФИКАЦИЯ; КРИМИНАЛЬНОСТЬ; ЭКСТЕРНАЛИЗАЦИЯ; ТВОРЧЕСТВО

Freud, Anna (1936) *The Ego and the Mechanisms of Defence*. Hogarth.
Freud, Sigmund (1920) *Beyond the Pleasure Principle*. *S.E. 18,* pp. 7–64.
Klein, Melanie (1926) 'The psychological principles of early analysis'. *WMK* 1, pp. 128–38.
Klein, Melanie (1929) 'Personification in the play of children'. *WMK* 1, pp. 199–209.
Waelder, Robert (1933) 'The psycho-analytic theory of play', *Psycho-Anal. Q.* 2:208–24.

Игровая техника
Play technique

См. 1. ТЕХНИКА

Ид
Id

Фрейд (Freud, 1923) описывал Ид как психическую инстанцию. Вместе с Эго и Супер-Эго входит в *структурную модель психики*. «Ид» охватывает все инстинктивное достояние, и Эго и Супер-Эго вырастают из него. Отличные от фрейдовского подходы были развиты, в

частности, в Британском психоаналитическом обществе в результате большего внимания к объектным отношениям. Наиболее интересно следующее:

(i) Фэйрберн (Fairbairn, 1952) отказался от концепции инстинктов и заменил ее идеей, что импульсы являются «стратегиями» отношений к объектам, поскольку человек стремится к объекту, а не к получению удовольствия. Подобная установка, считал он, выводит психоанализ из того затруднительного положения, которое вынудило Фрейда расположить по ту сторону удовольствия инстинкт смерти [см. ФЭЙРБЕРН].

(ii) Кляйн признала клинический подход к Ид, в котором не только фигурировал инстинкт смерти [см. ИНСТИНКТ СМЕРТИ], но и сами инстинкты понимались в форме их психической репрезентации, а не физиологических источников. Это направило ее внимание на фантазию, фантазию бессознательную — как репрезентацию инстинктов [см. 2. БЕССОЗНАТЕЛЬНАЯ ФАНТАЗИЯ].

Преданность Кляйн «структурной модели» Фрейда была продиктована ее темпераментом, однако по сути в процессе разработки собственных теорий она изменила смысл понятия «Ид». Она приняла фрейдовскую теорию инстинкта смерти, указала точки соприкосновения этой теории с клинической практикой и в своей модели психического конфликта рассматрела столкновение не между инстинктом жизни и инстинктом смерти как таковыми, а между их представителями в бессознательной фантазии. Кляйн считала причиной психического конфликта воздействие инстинкта смерти на объектные отношения, и потому «Ид» в ее работах более всего выглядело представителем инстинкта смерти. Описанный Фрейдом конфликт между Эго и Супер-Эго (вызванный требованиями Супер-Эго) был, в сущности, заменен Кляйн идеей о конфликте инстинкта смерти и инстинкта жизни [см. ТРЕВОГА].

См. ИНСТИНКТЫ; ИНСТИНКТ СМЕРТИ

Fairbairn, Ronald (1952) *Psycho-Analytic Studies of the Personality.* Routledge & Kegan Paul.
Freud, Sigmund (1923) *The Ego and the Id. S.E.* 19, pp. 3–66.

Идеальный объект
Ideal object

Фрейд (Freud, 1921) описывал процесс идеализации, сопровождающий действие любви, но рассматривал его в связи со своей концепцией нарциссизма и идеала Эго.

Для Кляйн понятия «идеализации» и «идеального объекта» находились в безусловной связи с понятием «плохой объект»: через механизм расщепления, который приводит к образованию объектов обоих типов. Когда объ-

ект воспринимается как изначально хороший, говорится, что он «идеализирован»; хорошие аспекты этого объекта отделены посредством расщепления; за ним следует аннигиляция (отрицание) плохих аспектов, что вызывает иллюзию совершенства.

Идеализация и зависть. Идеализация — это механизм защиты, связанный с первичной формой расщепления (Rosenfeld, 1983) и направленный на установление отношений с хорошим объектом. Плохие чувства обусловлены существованием инстинкта смерти и приводят вначале к риску спутанных отношений с объектами [см. СОСТОЯНИЯ СПУТАННОСТИ]. В этих отношениях деструктивные фантазии направлены на хорошие объекты, что и составляет первичную форму зависти. Расщепление, нацеленное на удержание хорошего объекта и хороших импульсов отделенными от плохого объекта и плохих импульсов, является защитой, необходимой в начале жизни, чтобы поддерживать надежное определение мира как хорошего или плохого. Идеализация — это выход из ужасных порочных кругов преследования в отношениях с враждебными «плохими» объектами [см. ПАРАНОЙЯ; 11. ПАРАНОИДНО-ШИЗОИДНАЯ ПОЗИЦИЯ] и таким образом — защита от проявления первичного конфликта инстинктов.

Идеализация и депрессивная позиция. Впоследствии расщепление объекта надвое и идеализация одной из этих частей может стать откликом на болезненные ранние тревоги депрессивной позиции. От депрессивной тревоги амбивалентности младенец уклоняется путем параноидного отступления к отделению хороших чувств от плохих. Это достигается отщеплением хороших аспектов объекта от плохих, для того чтобы снова создать идеальный объект и объект преследующий [см. ПАРАНОИДНАЯ ЗАЩИТА ОТ ДЕПРЕССИВНОЙ ТРЕВОГИ].

Совершенство. То совершенство, к которому заставляет стремиться идеализация, само по себе может стать персекуторным и далее запускать примитивные защитные механизмы. Реальный объект со своими изъянами начинает представлять преследующее переживание поврежденного совершенного объекта, который теперь «ощущается непривлекательным — действительно травмированным, неизлечимым и поэтому страшным индивидом» (Klein, 1935, p. 270).

См. ХОРОШИЙ ОБЪЕКТ

Freud, Sigmund (1921) *Group Psychology and the Analysis of the Ego*. *S.E.* 18, pp. 67–143.

Klein, Melanie (1935) 'A contribution to the psychogenesis of manic-depressive states'. *WMK* 1, pp. 262–89.

Rosenfeld, Herbert (1983) 'Primitive object relations and mechanisms', *Int.J. Psycho-Anal.* 64:261–7.

Идентификация
Identification

Идентификация связана с отношением к объекту, основанным на воспринимаемых сходствах с Эго. Однако это сложный феномен, принимающий несколько разных форм. Простое признание сходства с неким другим внешним объектом, который опознается как обладающий собственным отдельным существованием, — это достижение, требующее высокого уровня развития. На примитивном уровне бессознательной фантазии подобие объектов рассматривается как тождество, и такая всемогущая форма фантазии вызывает спутанность самости и объекта.

Внутренние объекты суть фантазии, но вначале они всемогущи, поэтому благодаря этим примитивным фантазиям, использованным в идентификации, объект *и есть* самость [см. ВСЕМОГУЩЕСТВО]. На этой почве происходят реальные изменения личности, которые можно отследить объективно. Эти примитивные процессы существуют на очень раннем этапе развития [см. 11. ПАРАНОИДНО-ШИЗОИДНАЯ ПОЗИЦИЯ], когда фантазийная деятельность и реальность различаются очень слабо. Фантазия «есть» реальность, и фантазия конструирует реальность внутреннего мира на основании этих примитивных форм интроективной и проективной идентификаций.

Интроективная идентификация. Эго содержит целое сообщество внутренних объектов [см. 5. ВНУТРЕННИЕ ОБЪЕКТЫ], и только один из них допускает возможность идентификации с ним, что приводит к «модификации Эго» в направлении большего сходства с таким объектом. Это процесс интроективной идентификации.

Проективная идентификация. Проективная идентификация — это фантазия о том, что некая часть Эго оказывается отделенной [см. РАСЩЕПЛЕНИЕ] и перемещенной во внешний объект [см. ВНЕШНИЙ МИР]. В этом случае модификация Эго заключается в убывании энергии (чувства жизни) и реальных способностей (Klein, 1955). Например, это может быть ощущение в присутствии высокообразованного и уважаемого учителя, что твои собственные потуги — жалкая глупость [см. 13. ПРОЕКТИВНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ].

В последние годы некоторые аналитики-кляйнианцы (Бик, Мельтцер) описали феномен, который они называют адгезивной идентификацией (или просто адгезией, «прилипанием») [см. АДГЕЗИВНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ]. В этом состоянии, которое лучше всего видно при идентификационных процессах у аутичного ребенка или пациента, происходит имитирующая идентификация, при которой Эго неспособно ни интроецировать что-либо, ни спроецировать части себя в объект [см. КОЖА]. По-видимому, сбой происходит в развитии чувства пространства [см. ВНУТРЕННЯЯ РЕАЛЬНОСТЬ], что исключает фантазии проецирования или интроеци-

рования, поскольку оказывается невозможным фантазировать о внутреннем пространстве. Так возникает мир, лишенный третьего измерения, а единственная возможность идентификации заключается в некоем имитирующем внешнем прилегании к объекту, лишенному всякого внутреннего измерения.

Идентичность. С самого начала Эго вступает в отношения с объектами [см. ОБЪЕКТЫ]. Но составляющие, которые образуют объект и Эго, весьма различны в соответствии с фантазиями интроекции и проекции. Эти механизмы используются для регулировки чувства того, что Эго содержит и чем оно является (Freud, 1925), и действенны, пока сохраняется примитивная вера в их всемогущество. Подобные фантазии, в частности, вызываются потребностью защититься от страха перед нападениями на Эго или на хороший объект, который обеспечивает стабильность, — и может быть в результате этих атак утрачен.

Символическое равенство. Символы идентифицируются с объектами не на основании сходства, но на основании коллективного соглашения, принятого социальной группой. Однако существует также различие между всемогуществом фантазии, когда символ *и есть* объект [см. СИМВОЛИЧЕСКОЕ РАВЕНСТВО], и собственно символами, когда символ распознается как обособленный и обладающий собственной полноценной идентичностью, а также функционирующий как символ некоего другого объекта.

Freud, Sigmund (1925) 'Negation'. *S.E.* 19, pp. 235–9.
Klein, Melanie (1955) 'On identification'. *WMK* 3, pp. 141–75.

Инкорпорация
Incorporation

Термин «инкорпорация» обозначает фантазию телесного поглощения объекта, который затем ощущается физически пребывающим внутри тела, занимающим там пространство и как-то действующим. Это переживание *субъектом* механизма защиты, который объективно описывается как «интроекция».

См. ИНТРОЕКЦИЯ

Инстинкт смерти
Death instinct

Фрейд открыл детские сексуальные импульсы, и это открытие стало основой ранней теории инстинктов. Фрейд считал, что либидо конфликтует с обществом; позднее он пришел к выводу,

что конфликт происходит между либидо и инстинктами Эго, направленными на получение любви других, их одобрения и средств для выживания [см. ТРЕВОГА; ЛИБИДО]. Изучая такие нарциссические состояния, как маниакально-депрессивный психоз, Фрейд (Freud, 1914) понял, что либидинозная привязанность и любовь к объекту может быть обращена на Эго, так что Эго становится любимым объектом. В этом случае инстинкты Эго являются лишь версией либидо, обращенного вовнутрь на Эго как на объект.

В 1920 году Фрейд ввел другую дихотомию — между противоположными по сути инстинктами. Фрейд теперь считал либидо включающим в себя инстинкты Эго (инстинкты выживания и жизни) и противоположным немому, скрытому *инстинкту смерти*, направленному на распад и противоречащему жизни. Аналитическому сообществу было трудно принять эту концепцию, отчасти потому, что Фрейд считал манифестации инстинкта смерти немыми. Полноценного способа обнаружить его существование, с точки зрения Фрейда, не было.

Инстинкт смерти и Супер-Эго. Однако Кляйн (примерно в 1932 году) поняла, что данная концепция может стать для нее действенным инструментом. Понятие инстинкта смерти решало самые серьезные проблемы, стоявшие перед Кляйн. Долгое время она накапливала клинические свидетельства тому, что Супер-Эго формируется раньше, чем это кто-либо себе представлял, и что оно гораздо более сурово. Фактически, чем раньше оно формируется, тем оно жестче [см. 7. СУПЕР-ЭГО]. Идеи Кляйн о Супер-Эго напрямую противостояли идеям аналитиков-венцев, в том числе Анны Фрейд, а сам Фрейд был склонен поддерживать свою дочь. Кляйн попала в сложное положение: у нее были клинические свидетельства, непосредственно противоречащие взглядам Фрейда. Тогда она, приняв концепцию Фрейда об инстинкте смерти, заявила, что, по ее мнению, этот инстинкт не безмолвен. Его сильные клинические манифестации более чем очевидны: это само суровое Супер-Эго. Таким образом, Супер-Эго оказывалось наблюдаемой с самого рождения манифестацией инстинкта смерти, деструктивно действующего в отношении индивида, — а об этом говорил и сам Фрейд (Klein, 1933). Кляйн нашла способ справиться сразу с двумя серьезными проблемами: решением загадки раннего происхождения Супер-Эго и наращиванием «плоти» клинических свидетельств на скелет фрейдовской теории инстинкта смерти [см. 7. СУПЕР-ЭГО].

Критика предложенной Кляйн трактовки концепции Супер-Эго. Указание Кляйн на манифестацию инстинкта смерти вызвало чрезвычайно упорную критику. Возражая Кляйн в этом пункте, Кёрнберг (Kernberg, 1969) говорил, что инстинкт смерти «в клиническом смысле безмолвен». Это возражение было опровергнуто Розенфельдом (Rosenfeld, 1971), описавшим при помощи клинических примеров манифестации направленной на Эго агрессии, которую он затем назвал «негативным нарциссизмом» [см. НАРЦИС-

СИЗМ]. Однако Кёрнберг воспроизвел свое резкое возражение в работе 1980 года: «Принципиальные сторонники кляйнианской теории продолжают придерживаться этих концепций, и они не ответили на критику, что свидетельствует либо об их неспособности это сделать, либо об их догматизме» (Kernberg, 1980, p. 41). По сути Кёрнберг проигнорировал значительный объем клинического материала, опубликованного Розенфельдом и другими кляйнианцами (Joseph, 1975; Sidney Klein, 1974; Meltzer, 1968, 1976).

Кляйнианцы также указывали, что исходные фрейдовские описания инстинкта смерти в работе 1920 года включали в себя клинические наблюдения. После Первой мировой войны Фрейд интересовался военными неврозами, которые заключались в воспроизведении травмы, зачастую в форме повторяющихся сновидений. Он также отметил воспроизведение травмы в переносе и формировании симптомов. Фрейд связал это со своими наблюдениями за детской «игрой» в утрату и нахождение объекта и был поражен тем, насколько важным оказалось повторение игры для овладения ею. В данной работе Фрейд (Freud, 1920) предложил концепцию навязчивого повторения, подчеркивая, что существует нечто, выходящее за рамки простого поиска удовольствия от удовлетворения либидинозных импульсов.

В своей новой формулировке кляйнианской концепции клинических манифестаций инстинкта смерти Сигал (Segal, 1987) описывает ряд важных особенностей. Согласно Фрейду, инстинкт смерти в клинической практике безмолвен; однако безмолвен он только потому, что боль и тревога порождаются стремлением к жизни; боль свойственна жизни, смерть это забвение.

Переживание ребенком собственных потребностей с момента рождения приводит к двум альтернативным реакциям: (i) стремлению удовлетворить их, что ведет к поискам объекта и любви, или же (ii) стремлению уничтожить потребность, ее восприятие или Эго, которое ее воспринимает. Первое является манифестацией инстинктов жизни, второе инстинкта смерти.

Инстинкт смерти проявляется в трех формах:

(i) деструктивность, направленная на самость, слита с инстинктами жизни и приписана объекту: это исходное представление Фрейда об «отклонении инстинкта смерти», иными словами, проекции (в объект) желания повредить или убить субъект, которое становится источником глубокой паранойи [см. 7. СУПЕР-ЭГО];

(ii) оставшийся внутри элемент деструктивности, также слитый с инстинктами жизни и проявляющийся как гнев и агрессия, обращается на объект, который теперь, в результате «отклонения», угрожает субъекту извне;

(iii) другой *внутренний* элемент, который может напрямую угрожать воспринимающей самости или восприятию объектов и разрушать их.

Эти формы инстинкта смерти клинически наблюдаемы, — но в особых обстоятельствах. В норме инстинкт смерти слит (fusion) с либидо и инстинктами жизни, и душевное здоровье предполагает, что в этом слиянии преобладают инстинкты жизни. Но в состояниях *разделения* (defusion) инстинктов жизни и смерти (определенные аспекты шизофренических расстройств восприятия и мышления), или же когда в слиянии превалирует инстинкт смерти, а не инстинкты жизни, действие инстинкта смерти становится видимым (патологические организации, мазохизм и другие перверсии).

Удовольствие от боли. Стремление к боли обусловлено сложным взаимодействием различных причин. Сигал указывает на три фактора:

(i) будучи близкими самой смерти, боль и самодеструктивность являются непосредственным удовлетворением инстинкта смерти;

(ii) также боль неотъемлема от угроз в отношении жизни; поэтому часть Эго, связанная с инстинктом смерти, получает удовольствие от убийства, если жизнь и источники жизни оказываются побежденными;

(iii) когда в слиянии инстинктов смерти с либидо инстинкт смерти пересиливает, боль (и смерть) получает либидинозную и эротизированную окраску.

Различные патологические состояния, проистекающее от избытка инстинкта смерти — психоз, патологические организации, перверсии, — вероятно, определяются всеми тремя факторами, однако действующими в различных пропорциях [см. ПСИХОЗ; ПАТОЛОГИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ; ПЕРВЕРСИИ].

Инстинкт смерти и зависть. Зависть, согласно исходному описанию Кляйн, как и инстинкт смерти, включает в себя атаки на жизнь и на объекты инстинкта жизни. Однако в дальнейшем аналитики-кляйнианцы более подробно исследовали связь между завистью и инстинктом смерти (Segal, 1987). Зависть амбивалентна, поскольку основывается на признании потребности и удовлетворения и представляет собой слияние инстинкта смерти с инстинктами жизни [см. 12. ЗАВИСТЬ], но в этом слиянии преобладает инстинкт смерти. Поэтому когда переживание потребности взывает к удовлетворению, оно еще сильней взывает к нападению на потребность и ее уничтожению. В особом типе слияния, свойственном зависти, объект подвергается нападению, что удовлетворяет инстинкт смерти, и в то же время уничтожается объект, вызывающий зависть, что является защитой от нее.

Если же превалируют инстинкты жизни, импульсы зависти модифицируются в ревность и в конечном итоге — в более здоровые формы соперничества, честолюбия и стремления к успеху.

Структурная организация инстинкта смерти. Хотя врожденный потенциал человеческой агрессивности признавали многие, Кляйн и ее последователи настаивали на исходной концепции Фрейда о присутствии внутри личности силы, направленной на деструкцию Эго. В современном кляйнианском мышлении и клинической практике это привело к представлению о структуре личности, в которой внутренняя организация нападает на хорошие части Эго. Розенфельд, чрезвычайно критически настроенный по отношению к эго-психологам, клинически исследовал обращение деструктивности против самости (Эго). Он дал этому название негативного нарциссизма, по аналогии с фрейдовской теорией обращения либидо на самость в его описаниях нарциссизма [см. НАРЦИССИЗМ].

> «Когда превалируют деструктивные аспекты, зависть более насильственна и проявляется в виде желания разрушить аналитика как объект – реальный источник жизни и “хорошести”. В то же самое время проявляются и насильственные самодеструктивные импульсы, и на этом я хотел бы остановиться подробней. В терминах инфантильной ситуации, нарциссический пациент хочет верить, что он сам себе даровал жизнь и способен питать себя и ухаживать за собой. Сталкиваясь с реальностью зависимости от аналитика, символизирующего родителей, особенно мать, он предпочитает умереть, не существовать, отрицать факт своего рождения, а также ликвидировать свой прогресс в анализе и достигнутый инсайт, репрезентирующий в нем ребенка, созданного, как он чувствует, представляющим родителей аналитиком. /.../ Когда кажется, что человек решился удовлетворить желание смерти и совершенно исчезнуть (это напоминает фрейдовское описание “чистого” инстинкта смерти), можно предположить, что в этих состояниях мы имеем дело с полностью отделенным (defusion) инстинктом смерти. Однако аналитически можно наблюдать, что данное состояние вызвано действием деструктивных завистливых частей самости, которые подверглись радикальному отщеплению и отделению от либидинозной заботливой самости, которая кажется исчезнувшей. Целостная самость оказывается идентифицированной с деструктивной самостью. /.../ Такой пациент зачастую думает, что разрушил свою заботливую самость, свою любовь, навсегда. /.../ Похоже, эти пациенты справляются с борьбой между своими деструктивными и либидинозными импульсами, пытаясь избавиться от своей заботы об объектах и любви к ним, убивая свою любящую зависимую самость и идентифицируясь почти полностью с деструктивной нарциссической частью самости, которая дает им ощущение превосходства и самообожания» (Rosenfeld, 1971, pp. 173–74).

Сегодня во многих работах описана организация части личности, находящейся во власти деструктивности [см. ПАТОЛОГИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ; СТРУКТУРА; НАРЦИССИЗМ]; также у нас есть множество описаний внутренних объектов и частей самости, которые ощущаются как плохие, обладают перверсивным и деструктивным влиянием на хорошие части и с помощью запугивания держат их в рабстве. Такой человек идеализирует свое насилие и деструктивность и в отношении себя, и в отношении других.

См. ИНСТИНКТЫ

Freud, Sigmund (1914) 'On narcissism'. *S.E.* 14, pp. 67–102.

Freud, Sigmund (1920) *Beyond the Pleasure Principle. S.E.* 18, pp. 3–64.

Joseph, Betty (1975) 'The patient who is difficult to reach', in Peter Giovacchini, ed. *Tactics and Techniques in Psycho-Analytic Therapy,* vol. 2. New York: Jason Aronson, pp. 205–16.

Kernberg, Otto (1969) 'A contribution to the ego-psychological critique of the Kleinian school', *Int. J. Psycho-Anal.* 50:317–33.

Kernberg, Otto (1980) *Internal World and External Reality.* New York: Jason Aronson.

Klein, Melanie (1932) *The Psycho-Analysis of Children. WMK* 1.

Klein, Melanie (1933) 'The early development of conscience in the child'. *WMK* 1, pp. 248–57.

Klein, Melanie (1974) 'Transference and defence in manic states', *Int. J. Psycho-Anal.* 55:261–8.

Meltzer, Donald (1968) 'Terror, persecution, dread', in Donald Meltzer (1973) *Sexual Slates of Mind.* Perth: Clunie, pp. 99-106; previously published // *Int. J. Psycho-Anal.* 49:396–400.

Meltzer, Donald (1976) 'The delusion of clarity of insight', *Int. J. Psycho-Anal.* 57:141–6.

Rosenfeld, Herbert (1971) 'A clinical approach to the psycho-analytical theory of the life and death instincts: an investigation into the aggressive aspects of narcissism', *Int. J. Psycho-Anal.* 52:169–78.

Segal, Hanna (1987) 'The clinical usefulness of the concept of the death instinct' (unpublished).

Инстинкты
Instincts

Начиная свою работу в период расцвета науки девятнадцатого века, Фрейд стремился к «научной» психологии, которая подчинялась бы законам психического детерминизма, похожим на законы физики (Freud, 1895).

Психический детерминизм. Основу механистической теории Фрейда составляет представление о психической энергии инстинктов. Можно считать, что своим происхождением психическая жизнь и деятельность обязана биологическому телу и генетическому наследию, и они находят свое выражение в телесном развитии. Инстинкты поддерживают связь между биологическими истоками человека и его психологическими стремлениями и разви-

тием. Первоначально Фрейд считал, что инстинкты возникают вследствие стимуляции так называемых «эрогенных» зон (рта, ануса и гениталий), каждая из которых обеспечивает особую форму неврологической стимуляции. Эта стимуляция является важным компонентом психической энергии. Затем Фрейд приступил к анализу рассеивания и разрядки — по аналогии с поведением заряда в электрическом конденсаторе.

Фрейдовская теория инстинктов продолжала меняться в течение его жизни и при его участии. Особенно с того момента, как Фрейд вынужден был отступать от своих неврологических теорий (начиная с 1914 года), его интерес к природе и деятельности Эго стал превалировать над интересом к инстинктам. Спекулятивную теорию инстинктов, представленную Фрейдом в 1920 году («По ту сторону принципа удовольствия»), затем подхватила Кляйн.

Впоследствии много усилий было потрачено на то, чтобы уйти от ограничений, накладываемых фрейдовской теорией инстинктов. Теория объектных отношений больше внимания уделяла судьбе объекта, чем инстинктам. Фэйрберн, например, отказался от понятия инстинктов вообще [см. ФЭЙРБЕРН; ИД]. Эго-психология описывала аспекты Эго, никак не связанные с инстинктивным достоянием [см. ЭГО-ПСИХОЛОГИЯ].

Бессознательная фантазия. Кляйн разделяла представление о биологическом происхождении инстинктов. Однако она модифицировала представление о психической энергии и механистический подход к ее разрядке [см. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ]. Она считала, что телесная стимуляция порождает первичные психические события, которые являются субъективными интерпретациями телесных стимулов как вызванных объектом. Сюзен Айзекс показала, что эти интерпретации, названные «бессознательными фантазиями», составляют, по существу, материю психики [см. 2. БЕССОЗНАТЕЛЬНАЯ ФАНТАЗИЯ].

ИНСТИНКТ И КОНФЛИКТ. Вначале Фрейд разработал теорию, согласно которой стимуляция эрогенных зон, требующая немедленной и полной разрядки, вовлекает Эго в конфликт с цивилизованными стандартами общества. По существу, это конфликт между сексуальными потребностями индивида и ограничениями общества, и представление об этом конфликте составляет основу ранней психоаналитической теории. Проблема данной теории заключалась в том, что она не объясняла, почему общество играет столь важную роль и почему человечество подавляет отдельного человека, делая его цивилизованным.

Пытаясь разрешить эту проблему, Фрейд постулировал, что подчинение обществу важно, потому что означает выживание человека. Человечество не может выжить без принудительного социального сотрудничества. Введение этого представления означает, что человеком движет некая сила, обеспечивающая его выживание, и Фрейд утверждал существование набо-

ра инстинктов Эго. Они гарантируют, что человек будет действовать в своих интересах, когда ему угрожает осуждение со стороны общества и утрата любви, пищи и т. д. Таким образом, инстинкты Эго составляют другой класс, отличный от класса инстинктов, возбуждаемых эрогенными зонами, стимуляция которых отмечена эротизмом особого, побудительного характера. Фрейд был склонен просто постулировать существование инстинктов Эго и не вдаваться в какие-либо детали. Они определенно интересовали его гораздо меньше, чем либидо. С этой точки зрения, конфликт происходит между двумя наборами инстинктов, один из которых связан с выживанием индивида, а другой — с выживанием вида. Это представление хорошо согласовывалось со свойственной немецкой науке интерпретацией теории эволюции (например, с вейсмановским противопоставлением зародышевой плазмы и соматоплазмы).

Фрейдовская теория кастрационной тревоги укрепляла этот подход. Конфликт с обществом вызывает угрозу (особенно интенсивную в фантазии) гениталиям ребенка. Остается и конфликт с внешним миром, который противостоит либидинозным аспектам тела. Очень похоже, что Фрейд так и не решил, какому из этих подходов к влиянию со стороны общества отдать предпочтение [см. ОБРАЗОВАНИЕ СИМВОЛОВ]. Начиная с 1914 года он не очень уверенно отличал либидо от инстинктов Эго, которые выглядели нарциссическим отведением либидо на Эго в качестве любимого объекта (Freud, 1914).

Инстинкт смерти. В 1920 году Фрейд радикально изменил свою теорию инстинктов. Его, безусловно, поразил размах разрушений в Первой мировой войне. Кроме того, вероятно, он чувствовал себя более спокойно, после того как Юнг покинул психоаналитическое движение в 1919 году, и больше не было нужды жестко защищать сексуальную теорию невроза и цивилизации. Фрейд поднял агрессию на один по значимости уровень с сексуальными влечениями довольно странным образом: предположив в человеке врожденное агрессивное влечение, направленное против его собственного существования, — инстинкт смерти. Этот инстинкт существует параллельно другим — призванным содействовать жизни. Теперь Фрейд уже не рассматривал противостояние Эго и сексуальных инстинктов, но объединил их в противопоставлении инстинкту смерти. У этого рискованного теоретического шага были различные основания: например, упорное сопротивление некоторых пациентов пользе от хороших психоаналитических интерпретаций — негативная терапевтическая реакция; склонность пациентов-невротиков постоянно воспроизводить и переживать новые версии травмы, полученной в детстве (или, в случае военного невроза, полученной во взрослом возрасте, — особенно воспроизводить ее в сновидениях). Фрейд поместил эту теорию (возможно, по инерции спора с религиозностью Юнга) в преувеличенно биологические и физические рамки, настолько выраженные, что в этом усматривали мистическую би-

ологию, к которой невозможно было относиться серьезно [см. ИНСТИНКТ СМЕРТИ].

Пластичность. Решающее значение в теории инстинктов Фрейда и всех последующих психоаналитических теориях имеет постулат об особой пластичности инстинктов человека. Инстинкты могут направляться в производные импульсы, которых существует великое множество. Общество как будто бы откликается на требования инстинктов, предлагая каналы для отведения их дериватов. Этот процесс известен как сублимация. Обычно пластичность заключается в переходе инстинктов от физических и биологических способов удовлетворения в культурные и символические каналы [см. ОБРАЗОВАНИЕ СИМВОЛОВ].

Превращение биологического организма в социальное существо — почти абсолютная загадка, которой подход Фрейда не находит решения, но лишь описывает ее. Фэйрберн избегает самого этого вопроса, отрицая, что психика связана с биологией каким-либо значимым для психоанализа образом. Утверждая, что человек стремится достичь объекта, он устраняет необходимость рассмотрения биологического измерения. В подходе Кляйн этот вопрос тоже оказывается излишним: хотя Кляйн и не отрицает инстинктов, она считает, что младенец устанавливает объектные отношения уже при рождении [см. 5. ВНУТРЕННИЕ ОБЪЕКТЫ; 2. БЕССОЗНАТЕЛЬНАЯ ФАНТАЗИЯ]. Таким образом утверждается, что человек является психологическим и социальным существом с самого начала, а не поднимается с биологического уровня на социальный. Исчезает проблема понимания того, как появляется социальное существо, поскольку человек оказывается таковым с рождения. Вопрос этот изымается из рассмотрения психологии и передается обратно философии [см. ПРОБЛЕМА ДУША – ТЕЛО].

Новые теории. Великий водораздел в теоретическом развитии Кляйн датирован примерно 1932 годом, и относится он к изменению ее взглядов на садизм. В ранний период ее деятельности садизм все больше выходил на первый план и превратился в обособленную сущность, набор импульсов, который, будучи связанным с оральной и анальной фазами либидо, тем не менее, породил отдельную клиническую феноменологию и представление об отдельном наборе защит [см. САДИЗМ]. Наконец Кляйн перестала усматривать связь между садизмом и либидо и явным образом приняла позднюю теорию инстинктов Фрейда, которую другие аналитики реально не признавали. В 1932 году Кляйн признала, что наблюдает клинические манифестации конфликта между инстинктами жизни и смерти: «на ранних стадиях развития инстинкт жизни должен развернуться в полную силу, чтобы не уступить инстинкту смерти» (Klein, 1932, p. 150). Поддержка новейшей теории инстинктов позволила Кляйн с большей свободой развивать некоторые собственные теории: в отношении природы и развития Супер-

Эго; в отношении садизма, преследования и паранойи как родственных феноменов, вызванных инстинктом смерти и взаимодействующих с либидо в ходе его развития; в отношении тревоги и вины, отчетливо характерных для депрессивной позиции.

Freud, Sigmund (1895) ‘Project for a scientific psychology’. *S.E.* pp. 283–397.
Freud, Sigmund (1914) ‘On narcissism’. *S.E.* 14, pp. 67–102.
Freud, Sigmund (1920) *Beyond the Pleasure Principle. S.E.* 18, pp. 3–64.
Klein, Melanie (1932) *The Psycho-Analysis of Children. WMK* 2.

Интеграция
Integration

Кляйн очень рано стала рассматривать психику как расщепленную и неинтегрированную. Более чем какой-либо другой аналитик, Кляйн отказалась от представления о целостности психики. Интеграция психики была для нее не взаимосвязанной структурой Ид, Эго и Супер-Эго, но *задачей развития*. На разных стадиях своей работы она понимала эту задачу по-разному:

(i) примерно до 1932 года ее интересовала борьба за интеграцию внутренних имаго родителей в зрелое Супер-Эго;

(ii) затем, в 1935–1946 годах, она исследовала депрессивную позицию: в ходе интеграции хорошего и плохого объектов, сопровождающей развитие, расщепление становится все более реалистическим [см. 10. ДЕПРЕССИВНАЯ ПОЗИЦИЯ];

(iii) наконец, после 1946 года ее занимала интеграция самого Эго [см. 11. ПАРАНОИДНО-ШИЗОИДНАЯ ПОЗИЦИЯ].

Интеграцию, с одной стороны, подталкивает тревога при переходе на новый уровень зрелости, с другой, — естественное движение биологического развития. В клинической практике кляйнианская техника все больше и больше внимания уделяет последней из перечисленных выше форм интеграции — интеграции расщеплений внутри Эго. Отношения переноса рассматриваются как расщепленные на различные аспекты, и многие из них проецируются за пределы кабинета аналитика и переживаются по отношению к объектам, которые как будто находятся вне анализа. Такое рассеивание отношений и переживаний возникает в результате совместного действия процессов расщепления и проективной идентификации [см. 1. ТЕХНИКА].

См. РАЗВИТИЕ

Интроекция
Introjection

Удивительно, но у термина «интроекция», связанного с термином «проекция» и являющегося его зеркальным отражением, совсем другие, гораздо менее проблемные история и значение.

Ференци. Данный термин был придуман Ференци в 1909 году, когда психоаналитики (Фрейд, Абрахам) вслед за Юнгом обратили внимание на пациентов-психотиков. Ференци провел различие между неврозом и психозом, считая, что проблемы невротиков связаны с чрезмерной интроекцией, и это зеркально отображает проблемы психотиков, которые сгруппированы вокруг чрезмерной проекции. Ференци одним из первых отметил корреляцию между оральными импульсами и интроекцией, а также между анальными импульсами и проекцией; представлением об этой корреляции затем широко пользовался Абрахам в своей работе с маниакально-депрессивными расстройствами.

Фрейд. Когда Фрейд впервые столкнулся с тем, насколько велико значение судьбы объекта — в 1917 году, а затем в 1921 году, — он использовал термин «идентификация» [см. ИДЕНТИФИКАЦИЯ]. Однако совершенно очевидно, что под этим он подразумевал процесс, в результате которого объект, некогда переживавшийся как внешний, перемещается внутрь через границы Эго. Этот процесс казался Фрейду загадочным и обманчивым: с одной стороны, он представлял собой фантазийную деятельность [см. 2. БЕССОЗНАТЕЛЬНАЯ ФАНТАЗИЯ], но в то же время действительно приводил к «модификации Эго» в объективной реальности. Личность, как она воспринималась другими людьми, претерпевала изменения.

Абрахам. Абрахама также впечатлила демонстрация данного механизма, вызывающего развитие Эго, и он заявил о возможности физических изменений, описав в качестве примера *физическое* изменение, произошедшее с ним самим: когда умер его отец, Абрахам поседел за одну ночь! Очевидно, наряду с процессом интроекции здесь действовал также процесс идентификации. В примере Абрахама седые волосы были чертой идентификации с отцом. Таким образом, интроекция объекта осуществляется в Эго и приводит к изменению в Эго.

Абрахам показал, что процесс интроекции любимого объекта очень распространен, — что это *нормальный процесс* в человеческих отношениях. Люди сохраняют своих любимых в своем сердце и продолжают внутренний диалог с ними [см. 5. ВНУТРЕННИЕ ОБЪЕКТЫ].

Интроекция и Супер-Эго. Но в 1923 году, работая над проблемой развития Супер-Эго, Фрейд модифицировал понятие интроекции. Когда человек оставляет любимые идеальные объекты (мать и отца), они интроецируются и формируют Супер-Эго, которое становится подлинным внутренним

объектом. Человек не идентифицируется с ним, оно остается обособленной внутренней структурой. Следовательно, вырисовываются два варианта интроекции:

(i) интроекция некогда внешнего объекта, с которым происходит идентификация (интроективная идентификация) [см. АССИМИЛЯЦИЯ],

(ii) интроекция объекта, с которым не происходит идентификации, — такого, как Супер-Эго.

Внутренние объекты. Согласно Кляйн, интроецированные объекты, с которыми не происходит идентификации, становятся внутренними объектами, и она представляла себе некий переменчивый и непрекращающийся процесс, населяющий внутренний мир великим множеством внутренних объектов. Это внутреннее сообщество дает, с одной стороны, объекты для идентификации [см. ВНУТРЕННЯЯ РЕАЛЬНОСТЬ], а с другой стороны, — совокупность переживаний того, из чего Эго состоит и что оно содержит (хорошего и плохого).

Интроекция как защитный механизм. Хотя термин «интроекция» используется для описания психической репрезентации орального инстинктивного импульса, он также обозначает некий защитный механизм [см. ПСИХОЗ] — то есть, согласно кляйнианской системе взглядов, бессознательную фантазию, созданную в целях защиты от определенных переживаний [см. 2. БЕССОЗНАТЕЛЬНАЯ ФАНТАЗИЯ]. По Фрейду, интроекция — это защита от утраты внешнего объекта, но по Кляйн, типичное переживание, от которого осуществляется защита, — это тревога за мир, находящийся внутри и вызывающий ужас. Если в фантазии человек воспринимает внутренний мир как содержащий очень плохие или преследующие объекты, которые как будто угрожают Эго, одной из фантазий будет интернализовывать внешний хороший объект. Например, голодный ребенок (убежденный, что изнутри его живот грызет плохой объект) может переживать интернализацию материнского молока как хорошего объекта, который попадает в него, заменяет собой плохой объект и тем самым спасает ребенка [см. ТРЕВОГА]. Однако страх перед внутренними преследователями в конечном итоге может привести к ощущению, что хорошему объекту лучше не попадать внутрь, чтобы не быть поврежденным тем, что там находится, — такова одна из возможных причин анорексии.

Интроекция и развитие. Интроекция как фантазия — это защита, призванная оберегать Эго или хорошие объекты. В более долгосрочной перспективе это один из самых важных механизмов, используемых для построения прочной основы личности с помощью переживания того, что хорошие объекты интроецированы и надежно расположены внутри, когда возникает переживание внутреннего чувства хорошести, или уверенности в себе и психичес-

кой стабильности. При становлении депрессивной позиции, в возрасте от четырех до шести месяцев, интроекция выходит на первый план вместе с задачей построения внутреннего мира, обособленного и отличного от мира внешнего. Интроекция занимает место проекции, которая превалировала на более ранней параноидно-шизоидной позиции (Klein, 1946). В этом смысле Кляйн близка к исходной гипотезе Ференци.

Поскольку здесь мы имеем дело с описаниями фантазий субъекта, возникает путаница в технических терминах: сложно отличать «интроекцию» (объективное описание, которое дает психолог-наблюдатель) от таких терминов, как «инкорпорация», которые обозначают фантазии пациента. Хотя существует решение — закрепить один термин за указанием на бессознательную фантазию пациента, а другой за (объективным) описанием аналитика этого же процесса у пациента, — до сих пор в кляйнианской литературе очевидна тенденция использовать эти термины бессистемно. Это связано с проблемой двух уровней: психоанализ — это *объективная* наука о *субъективном* [см. СУБЪЕКТИВНОСТЬ].

Ferenczi, Sandor (1909) ‘Introjection and transference’, *in First Contributions to Psycho-Analysis*. Hogarth, pp. 30–79.

Freud, Sigmund (1917) ‘Mourning and melancholia’. *S.E.* 14, pp. 237–60.

Freud, Sigmund (1921) *Group Psychology and the Analysis of the Ego*. *S.E.* 18, pp. 67–143.

Freud, Sigmund (1923) *The Ego and the Id*. *S.E.* 19, pp. 3–66.

Klein, Melanie (1946) ‘Notes on some schizoid mechanisms’. *WMK* 3, pp. 1–24.

Истощение Depletion

В случаях чрезмерной (патологической) проективной идентификации фантазия Эго, распространенного на другие объекты, оставляет ощущение истощения. Самость чувствует себя пустой, слабой и неспособной противостоять тревоге, ведущей к дальнейшим проективным защитам; самость не может так интроецировать хорошие, поддерживающие объекты, чтобы их ассимилировать. Вместо этого человек чувствует, что перегружен ими. «Истощение» — термин, он описывает, как пациент переживает процесс, ведущий к деперсонализации.

См. 13. ПРОЕКТИВНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ; ДЕПЕРСОНАЛИЗАЦИЯ

Кастрация Castration

Согласно классическому воззрению Фрейда, суть эдипальной проблемы заключается в том, что сексуальные (либидинозные) желания приводят маленького мальчика к мысли о риске подвергнуться кастрации собственным отцом. Эта теория не лишена недостат-

ков, связанных с пониманием Эдипова комплекса у маленькой девочки. Кляйн (Klein, 1932) описывала тревогу девочек, соответствующую кастрационной тревоге. Это страхи, вызванные фантазией девочки о ее атаках на внутреннее содержимое тела матери и на объекты, которые, как она верит, там находятся: на детей и на пенис отца, который, по ее убеждению, совершает перманентный коитус внутри тела матери. Комбинированный объект, представляющий собой мать-с-пенисом или пенис внутри груди, чрезвычайно страшен и угрожающ [см. КОМБИНИРОВАННАЯ РОДИТЕЛЬСКАЯ ФИГУРА]. Маленькая девочка боится ответного возмездия за свое вторжение, порчу и грабительские нападения на материнское тело и его содержимое [см. 6. ФАЗА ЖЕНСТВЕННОСТИ; 8. РАННИЕ СИТУАЦИИ ТРЕВОГИ]. У маленького мальчика тоже есть сходные фантазии нападения на мать, но они в основном сосредоточены вокруг отцовского пениса, который внутри нее обитает.

Кляйн полагала, что открыла предшествующее кастрационной тревоге состояние, основанное на садистических прегенитальных фазах, из-за чего кастрационная тревога вызывает особенно сильный страх. Поэтому в 1930-х годах Кляйн стремилась укрепить классические взгляды на тревоги младенца (и ребенка), демонстрируя наиболее примитивные элементы, на которых базируется генитальная конфигурация (и которые в нее вовлечены) с самых ранних фаз развития. Она считала, что обогащает классическую теорию, распространяя ее на более ранние периоды, исходя из генетической непрерывности, — этот метод всегда использовал сам Фрейд [см. ГЕНЕТИЧЕСКАЯ НЕПРЕРЫВНОСТЬ].

Klein, Melanie (1932) The Psycho-Analysis of Children, *WMK* 2.

Классический психоанализ
Classical psychoanalysis

См. ЭГО-ПСИХОЛОГИЯ

Мелани Кляйн
Melanie Klein

Биография. Мелани Кляйн родилась в Вене в **1882** году но, по-видимому, ничего не слышала о Фрейде до 1914–1915 годов, когда в Будапеште ей посоветовали обратиться к Ференци, который провел ее первый анализ. Уве Петерс (Peters, 1985) отмечает, что незадолго до Первой мировой войны муж Мелани Кляйн, Артур, работал в той же конторе, что и брат Ференци. Возможно, именно это открыло Кляйн путь к ее перво-

му анализу. Похоже, что в то время она находилась в депрессии после смерти матери и рождения третьего ребенка (Grosskurth, 1986). Из-за политических волнений в Европе она в итоге переехала жить в Берлин (1920), где продолжила изучать психоанализ; ее первые эксперименты с анализом собственных детей по образцу, заданному работой о Маленьком Гансе (Freud, 1909), позволили ей развить строгую игровую технику. В этом ее поддерживал Абрахам, которого она в 1924 году убедила стать своим аналитиком (Segal, 1979). Через восемнадцать месяцев Абрахам умер, и второй анализ Кляйн резко оборвался. Абрахама интересовали попытки Кляйн найти подтверждения психологическим событиям раннего детства путем непосредственного анализа детей, поскольку он, работая с пациентами-психотиками, обнаружил, насколько важна роль раннего садизма. На Кляйн, несомненно, оказали влияние его взгляды, но можно также допустить, что и самого Абрахама поддерживали и направляли клинические достижения Кляйн. Если не считать мощного покровительства Абрахама, Кляйн, по-видимому, не любили и отвергали в Берлинском психоаналитическом обществе.

В Берлине Кляйн познакомилась с некоторыми английскими аналитиками, которые приезжали учиться у Абрахама. Среди них были Эдвард Гловер и Аликс Стрэйчи (жена Джеймса Стрэйчи). В результате ее пригласили с лекциями в Англию, где ее взгляды неожиданно встретили бурное одобрение. Она поддалась искушению остаться в Лондоне и с готовностью приняла приглашение Эрнеста Джонса (который был старейшим руководителем Британского психоаналитического общества и покровителем Кляйн в Британии). По-видимому, частью соглашения было ее обязательство проводить анализ одного из детей Джонса. Тяжелый и непреклонный характер Кляйн и ее беспримерные клинические способности затрудняли сотрудничество с ней, и многие союзники впоследствии отошли от нее. Оставались только самые одаренные и сильные, и выходило так, что в разное время вокруг нее объединялись разные люди [см. КЛЯЙНИАНСКАЯ ГРУППА]. Эти группы всегда были малочисленны, но их высокие стандарты, сплоченность и активность создавали у остальных впечатление существования большой и мощной Кляйнианской группы. Кляйн умерла в Лондоне в **1960** году и оставила после себя богатую традицию в области психоаналитической теории и практики, которая, подобно традиции фрейдовской, никогда не прекращала своего развития.

Freud, Sigmund (1909) 'Analysis of a phobia in a five-year-old boy', *S.E.* 10, pp. 3–149.

Grosskurth, Phyllis (1986) *Melanie Klein: Her World and her Work.* Hodder & Stoughton.

Peters, Uwe (1985) *Anna Freud: A Life Dedicated to Children.* Weidenfeld &Nicolson.

Segal, Hanna (1979) *Klein.* Fontana.

Кляйнианская группа
Kleinian Group

На разных этапах карьеры Кляйн вокруг нее возникали разные группы сотрудников (Grosskurth, 1986). До середины 1940 годов никакой более-менее четко очерченной группы Кляйн не возглавляла.

(i) Первыми сторонниками Кляйн стали выдающиеся аналитики Британского общества, такие, как Эрнест Джонс и Эдвард Гловер, которые решили принять Кляйн, несмотря на ее плохую репутацию на континенте. Ее взгляды были поддержаны рядом аналитиков, в число которых входили Эдвард Гловер, Мэрджори Брайерли и Аликс и Джеймс Стрэйчи (Strachey and Strachey, 1986); а также Мелитта Шмидеберг, дочь Кляйн.

(ii) Приехав в Лондон, Кляйн собрала вокруг себя круг приверженцев, которые были особенно ей преданы и продолжали поддерживать ее после обретения ею независимости в 1932 году, когда другие, в том числе Гловер и ее дочь, от нее отошли. В этот круг вступили Джоан Ривьер, Сюзен Айзекс, Мина Сёрл и, немного позднее, Паула Хайманн.

Эта первая группа поддерживала Кляйн вплоть до послевоенных лет и вместе с ней проделала всю работу, посвященную природе фантазии, загадочным внутренним объектам и разработке теоретического обоснования депрессивной позиции. Вскоре после войны группа распалась. Сюзен Айзекс умерла в 1948 году, интерес Джоан Ривьер к психоаналитической работе с возрастом ослабел, а особенно оттолкнуло ее ожесточенное соперничество со стороны аналитиков классического толка из Вены, а Паула Хайманн в 1956 году решила обрести большую степень профессиональной независимости [см. ХАЙМАНН].

(iii) Когда в начале 1930-х появились работы Кляйн, посвященные теме психоза, к ним возник интерес в среде взрослых и детских психиатров (ранее, в 1920 и 1930 годах, наибольший интерес к деятельности Кляйн проявляли педагоги и литературная интеллигенция). До 1940 года у Кляйн прошли обучение несколько врачей: У. Клиффорд М. Скотт, Джон Боулби, Дональд Винникотт. Все они были важны для Кляйн, поскольку имели медицинскую квалификацию и пользовались влиянием в важных для нее учреждениях, но у каждого из них была своя собственная репутация, и они вряд ли могли чем-либо помочь Кляйнианской группе, которая в 1940-х годах находилась на осадном положении. Тем не менее, скорее всего, именно эти люди дали Кляйн опыт, который требовался ей для понимания шизоидных механизмов и механизма проективной идентификации. Большинство из них откололись от Кляйнианской группы (или никогда не считали себя в нее входящими), формировавшейся под давлением дебатов 1940-х годов после приезда Анны Фрейд в Лондон.

(iv) Вскоре после войны ряд молодых врачей, в том числе эмигранты, ранее не практиковавшие анализ, начали свое обучение у Кляйн. Вероятно, это и было собственно второе поколение последователей, вошедших в ее группу: среди них следует отметить Ханну Сигал, Герберта Розенфельда и Уилфреда Биона. Именно эти люди, при основательной поддержке Роджера Мани-Кёрла, который оставался несколько в стороне от группы, и примкнувший к ней позднее Дональд Мельтцер, продвинули вперед кляйнианскую мысль, почти всецело путем разработки понятия проективной идентификации.

(v) Наконец, в 1950-х годах сформировался значительный интерес к «обучению кляйнианскому анализу», и в Англию с этой целью стало приезжать множество людей из других стран, особенно из Южной Америки, а впоследствии из Италии. А в результате краткого пребывания Биона в Соединенных Штатах небольшая группа кляйниански ориентированных аналитиков возникла в Северной Америке.

Grosskurth, Phyllis (1986) *Melanie Klein: Her World and her Work.* Hodder & Stoughton.
Strachey, James and Strachey, Alix (1986) *Bloomsbury Freud: The Letters of James and Alix Strachey.* Chatto & Windus.

Кожа
Skin

Бик (Bick, 1964) ввела наблюдение за младенцами в программу обучения детских психотерапевтов и психоаналитиков [см. НАБЛЮДЕНИЕ ЗА МЛАДЕНЦАМИ]. Во время наблюдений она начала отмечать особые явления во взаимодействии матери и младенца, связанные со стимуляцией кожи. Наиболее важным элементом в самых ранних взаимоотношениях и интроекциях Эго выглядел кожный контакт.

Первый объект дает ребенку чувство существования, на более поздней стадии можно сказать — чувство обладания идентичностью. Наблюдения за взаимодействием в паре мать-младенец привели Бик к пониманию двух противоположных душевных состояний младенца: либо чувства собственного существования с некой внутренней связностью, либо, наоборот, чувства распада, нескоординированности, аннигиляции. В самые первые дни и недели после рождения определенные события связаны с нескоординированными, непрестанными движениями конечностей и звуками, похожими на плач или крик. Обычно такие движения и звуки возникают, когда ребенок раздет, его умывают или плохо держат на руках, или кормление оказывается прерванным. Другие события ослабляют очевидную нескоординированность и недовольство: когда его берут на руки, одевают после купания, кормят или заворачивают в одеяло в кроватке. Эти вполне отчетливо различаемые состояния Бик считала соответствующим более поздним состояниям психики, которые она определяла как чувство распада на части (аннигиляции) и контейнирование [см. КОНТЕЙНИРОВАНИЕ].

Согласно Кляйн, уже при рождении младенец обладает Эго и способностью отличать объекты, отдельные от себя самого, но Бик гораздо менее была уверена, что такая когнитивная способность есть от рождения: в первые дни и недели может происходить и часто действительно происходит крушение Эго. Хотя Кляйн (Klein, 1946) описывала распад Эго на куски, она не объясняла, как настолько хрупкое Эго может интроецировать и проецировать; ведь эти функции требуют достаточной стабильности Эго и его границ. Наконец, Кляйн описала страх аннигиляции как первичное переживание ребенка. В 1946 году она показала сложные нюансы интроекций и проекций, которые использует младенец, поддерживая свое Эго и чувство идентичности, а также ограждая себя от страха аннигиляции [см. 11. ПАРАНОИДНО-ШИЗОИДНАЯ ПОЗИЦИЯ]. Однако Бик рассматривала эти процессы с другой точки зрения.

Первый объект. Удержание личности в единстве и спасение ее от распада на фрагменты переживается *пассивно,* как функция, исходно осуществляемая извне:

> «... в своей наиболее примитивной форме части личности ощущают, что не обладают силой, связующей их между собой, и удерживание вместе переживается ими пассивно — как выполняемое кожей, что функционирует как граница» (Bick, 1968, p. 484).

По сути, Бик обратила внимание на самый первый момент существования Эго и подробно его исследовала. Кляйн по-разному описывала этот первый момент и первичную функцию Эго: (i) как проекцию инстинкта смерти (Klein, 1932); (ii) как интроекцию хорошего объекта, который образует сердцевину Эго (Klein, 1935, 1946) [см. 11. ПАРАНОИДНО-ШИЗОИДНАЯ ПОЗИЦИЯ]; (iii) как первичное расщепление Эго, препятствующее чрезмерной зависти (Klein, 1957). Бик показала, что ребенок вынужден бороться за обретение способности к интроекции, и эта способность является достижением как младенца, так и матери: «Теперь можно считать, что стадия первичного расщепления и идеализации самости опирается на этот более ранний процесс контейнирования самости и объекта их соответствующими “кожными покровами”» (Bick, 1968, p. 484).

Внутреннему хорошему объекту, описанному Кляйн как сердцевина Эго на параноидно-шизоидной и депрессивной позициях, предшествует некоторое условие — способность к интроекции как таковая:

> «... эта внутренняя функция контейнирования частей самости исходно зависит от интроекции внешнего объекта, который переживается способным к исполнению данной функции. /.../ До интроекции таких контейнирующих функций не может возникнуть концепция пространства внутри самости. В этом случае интроек-

> ция, построение объекта во внутреннем пространстве, оказывается неполноценной» (Bick, 1968, p. 484).

Первое достижение — овладение концепцией пространства, способного содержать в себе нечто. Эта концепция обретается в форме переживания объекта, удерживающего личность собранной воедино.

Кожа. Когда во рту младенца оказывается сосок, это приводит к переживанию обретения подобного объекта — объекта, закрывающего отверстие в границе, которое, по-видимому, представляет собой рот. Вследствие этой первой интроекции возникает чувство пространства, куда можно интроецировать объекты. Наблюдая за младенцами, Бик поняла, что, интроецировав такой первичный контейнирующий объект, младенец отождествляет его со своей кожей, или, иначе, кожный контакт стимулирует переживание (бессознательную фантазию) объекта, контейнирующего части его личности так же, как это делает сосок во рту. Кожа — чрезвычайно важный орган восприятия для младенца: «иногда мы считаем свою кожу самым главным достоянием, а иногда — всего лишь оболочкой нашей подлинной самости и того, что находится внутри нас» (Schilder and Wechsler, 1935, p. 360).

Кроме того, существует ряд «заместителей» соска:

> «Потребность в контейнирующем объекте в инфантильном неинтегрированном состоянии, по-видимому, приводит к отчаянному поиску объекта — света, голоса, запаха, или другого чувственного объекта, который может удерживать внимание и тем самым переживаться, хотя бы на мгновение, как удерживающий части личности вместе» (Bick, 1968, p. 484).

Утечка (leaking). Бик описывала случаи, при которых Эго не вполне справлялось со своей первой задачей. Предложенная ею теория нехватки внутреннего пространства, характерной для аутизма, оказалась очень важной для Мельтцера и его сотрудников (Meltzer *et al.*, 1975) в их работе с аутичными детьми.

В отсутствии внутреннего объекта, способного удерживать личность в единстве, ребенок не способен проецировать *внутрь* внешнего объекта, который служил бы контейнером. Тогда личность просто неудержимо утекает наружу в безграничное пространство. Младенец переживает разложение или аннигиляцию, которые Бик соотносит именно со страхами перед открытым пространством:

> «Когда ребенок рождается, он оказывается в положении космонавта, выброшенного в открытый космос без скафандра. /.../ Преобладает у ребенка ужас перед распадом на куски или растеканием. Мы можем наблюдать его у ребенка, который дрожит, когда у него изо рта вынимают сосок или когда его раздевают» (Bick, 1986, p. 296).

Шмидеберг в первом полном описании курса детского анализа также отметила важную «роль одежды в преодолении параноидной тревоги» (Schmideberg, 1934, p. 259).

Утечка и патологическая проективная идентификация. Здесь видно отличие от гипотезы Биона о первом объекте, который принимает примитивные сообщения ребенка, осуществляемые посредством проективной идентификации [см. СВЯЗЬ; КОНТЕЙНИРОВАНИЕ]. Бик описывала предшествующую ситуацию, когда сама способность генерировать фантазии о контейнирующем пространстве получена от объекта. Поэтому с точки зрения Бик коммуникативная форма проективной идентификации должна зависеть от переживания объекта, удерживающего личность в единстве, которое выводится из ощущений рта и кожи. Если Бион рассматривает более поздние переживания младенца, который пытается проецировать в мать, сопротивляющуюся проекциям, то Бик описывает не крещендо все более насильственных проекций, вынуждающих объект открыться и контейнировать, но ситуацию, когда нет объекта, который бы послужил прототипом контейнера, и никакие виды проективной идентификации невозможны. Тогда возникает фантазия полного, бесформенного, тотального разложения идентичности и существования.

Невозможно полностью различить два состояния, описанные Бионом и Бик, и похоже, что Бик рассматривала переход одной проблемы в другую в зависимости от того, насколько прочно установлен внутренний контейнирующий объект; в неблагоприятном случае он может ощущаться младенцем как частичная кожа, склонная к образованию «дыр».

Вторая кожа. Бик считала, что существует специфическая реакция младенца, когда контейнирующий объект устанавливается особенно непрочно. В поисках способа удерживания себя в единстве младенец генерирует всемогущие фантазии, которые помогают избежать необходимости пассивного переживания объекта:

> «Нарушение первичной кожной функции может приводить к образованию “второй кожи”, благодаря чему зависимость от объекта замещается псевдо-независимостью, хотя в этом случае определенные психические функции (или, возможно, врожденные таланты) используются неверно, для создания заменителя этого кожного контейнера» (Bick, 1968, p. 484).

Типичные примеры — это преждевременное развитие речи, обеспечивающее звучание собственного голоса, и развитие мускулатуры, отчего тело становится неподатливым на ощупь и «собранным». Симингтон (Symington, 1983) и Дейл (Dale, 1983) показали, насколько важны данные концепции в современной детской психотерапии, и Симингтон (Symington, 1985) описала не-

которые из этих манифестаций у взрослых пациентов. Работа с детьми, страдающими от тяжелых психических нарушений (Bick, 1986), и аутичными детьми (Meltzer, 1975; Meltzer *et al*., 1975) привела к открытию своеобразных феноменов «прилипания к» объектам в отсутствии пространства, куда можно было бы осуществлять проекции. Эти явления были названы *адгезией* или адгезивной идентификацией [см. АДГЕЗИВНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ].

Существует сходство между феноменом второй кожи в описании Бик, и феноменом «фальшивой самости» в описании Винникоттом (Winnicott, 1960). Фальшивая самость — это зачастую довольно ригидный набор личностных характеристик, которые переживаются индивидом как неистинные по отношению к нему самому, но маскирующие нехватку у него чувства истинного существования. Эта базовая нехватка идентичности соотносится с переживанием аннигиляции [см. АННИГИЛЯЦИЯ]. С точки зрения Винникотта, такое переживание вызвано слишком ранним переживанием внешнего объекта как отдельного. С точки зрения Бик, это же переживание аннигиляции вызвано недостаточным переживанием внешнего объекта, способного помочь младенцу путем удержания его личности в единстве. Термины «вторая кожа» и «фальшивая самость» происходят из совершенно различных теоретических систем и поэтому приводят к различным толкованиям клинической практики.

Bick, Esther (1964) 'Notes on infant observation in psycho-analytic training', *Int.J. Psycho-Anal.* 45:558–66; republished (1987) in Martha Harris and Esther Bick, *The Colluded Papers of Martha Harris and Esther Bick*. Perth: Clunie, pp. 240–56.

Bick, Esther (1968) 'The experience of the skin in early object relations', *Int.J. Psycho-Anal.* 49:484–6; republished (1987) in *The Collected Papers of Martha Harris and Esther Bick,* pp. 114–18.

Bick, Esther (1986) 'Further considerations of the function of the skin in early object relations', *Br.J. Psychother.* 2:292–9.

Dale, Francis (1983) 'The body as bondage', *Journal of Child Psychotherapy* 9:33–44.

Klein, Melanie (1932) *The Psycho-Analysis of Children. WMK* 2.

Klein, Melanie (1935) 'A contribution to the psychogenesis of manic-depressive states'. *WMK* 1, pp. 262–89.

Klein, Melanie (1946) 'Notes on some schizoid mechanisms'. *WMK* 3, pp. 1–24. (1957) *Envy and Gratitude. WMK* 3, pp. 176–235.

Meltzer, Donald (1975) 'Adhesive identification', *Contemporary Psycho-Analysis* 11:289–310.

Meltzer, Donald, Bremner, John, Hoxter, Shirley, Weddell, Doreen and Wittenberg, Isca (1975) *Explorations in Autism.* Perth: Clunie.

Schilder, Paul and Wechsler, David (1935) 'What do children know about the interior of the body?', *Int.J. Psycho-Anal.* 16:355–60.

Schmideberg, Melitta (1934) 'The play analysis of a three-year-old girl', *Int.J. Psycho-Anal.* 15:245–64.

Symington, Joan (Cornwall) (1983) 'Crisis and survival in infancy', *Journal of Child Psychotherapy* 9:25–32.

Symington, Joan (1985) 'The survival function of primitive omnipotence', *Int. J. Psycho-Anal.* 66:481–7.

Tustin, Frances (1981) *Austistic Stales in Children*. Routledge & Kegan Paul.

Winnicott, Donald (1960) 'Ego distortion in terms of true and false self, in D. W. Winnicott, *The Maturational Processes and the Facilitating Environment*. Hogarth, pp. 140–52.

Коитус
Coitus

В детской игре проявляется множество теорий сексуальности, которую ребенок пытается исследовать. Кляйн обнаружила (в 1920-х годах), что большая часть этих теорий происходит от прегенитальных фантазий — отношения родителей выглядят для ребенка как взаимное сосание, кусание, кормление молоком, фекалиями, битье и т. д. Отсюда она сделала вывод, что фантазии о первичной сцене возникают очень рано и даже на оральной и анальной стадиях должно существовать некоторое генитальное возбуждение (предчувствие родительской пары). Это противоречило ортодоксальной теории того времени, согласно которой представления о родительском совокуплении формируются обычно не ранее, чем в генитальной фазе, и составляют основу Эдипова комплекса. В результате Кляйн стала описывать прегенитальные формы Эдипова комплекса и датировать его происхождение все более ранним возрастом [см. 4. ЭДИПОВ КОМПЛЕКС].

Также Кляйн описала объект, который она назвала «комбинированной родительской фигурой». Это фантазия младенца о родителях, сцепленных взаимной занятостью друг другом.

См. КОМБИНИРОВАННАЯ РОДИТЕЛЬСКАЯ ФИГУРА; СВЯЗЬ

Комбинированная родительская фигура
Combined parent figure

Одно из самых глубоких переживаний младенца — это возникающее в гневе и фрустрации желание проникнуть в материнское тело и причинить вред обнаруженным там органам и объектам, частично — из ревности к матери и к этим объектам, частично — вследствие желания украсть их для себя. Это нападение и грабеж составляют самую сердцевину пугающей фантазии о материнском теле, содержащем отцовский пенис.

Младенец испытывает глубокий и возрастающий страх того, что мать и ее внутренние объекты будут ему мстить. Причина страха — оральные желания, которые приводят ребенка к стремлению инкорпорировать все эти объекты, из-за чего он оказывается погруженным в фантазию о том, что

теперь мстящие поврежденные объекты заняты грабежом: и внутренние преследователи, помещенные внутрь него интроекцией, и внешняя преследующая фигура. Таким образом агрессивные фантазии о родительском половом сношении порождают масштабный всплеск паранойи [см. 8. РАННИЕ СИТУАЦИИ ТРЕВОГИ].

В фантазии о комбинированной родительской фигуре родители, или, скорее, их половые органы [см. ЧАСТИЧНЫЕ ОБЪЕКТЫ], сцеплены в непрерывном сношении. Это самая ранняя и примитивная фантазия об эдипальной ситуации: «Этой ситуации опасности особую интенсивность придает тот факт, что рассматривается *союз* двух родителей. /.../ Эти объединенные родители являются чрезвычайно жестокими и страшными врагами» (Klein, 1929, p. 213). Комбинированная родительская фигура представляется как мать с отцом внутри нее: «идея о материнском пенисе, который скрывается внутри ее вагины» (Klein, 1923, p. 69).

Ярость и гнев младенца побуждают его насыщать это совокупление родителей столь же интенсивным насилием, каким проникнуты его чувства к ним:

> «... эти садистические мастурбационные фантазии /.../ разделяются на две различные, хотя и взаимосвязанные категории. В фантазиях первой категории ребенок применяет различные садистические способы для непосредственного нападения на родителей, объединенных в коитусе либо обособленных. В фантазиях второй категории /.../ его вера в свое садистическое всемогущество по отношению к родителям выражается не столь прямо. Он наделяет родителей инструментами взаимного разрушения, превращая их зубы, ногти, гениталии, экскременты и т. п. в опасное оружие, животных и т. д., и изображает их, согласно собственным желаниям, терзающими и разрушающими друг друга в акте копуляции» (Klein, 1923, p. 200).

Совокупление, совершаемое родителями, опасно для них самих, и между этой особенно грозной фигурой и ребенком разгораются жуткие битвы. Комбинированная родительская фигура — один из самых ужасающих преследователей среди действующих лиц детского периода жизни.

Зависть. Комбинированная родительская фигура относится к ранним концепциям Кляйн. Позднее источник особенно интенсивного насилия и садизма, связанного с этой инфантильной фигурой, усматривался в зависти младенца к родительскому сношению, из которого он исключен и от которого обособлен [см. 12. ЗАВИСТЬ].

Мельтцер (Meltzer, 1973) описывал развитие сексуальности и креативности человека в терминах достигаемого посредством значительных усилий выхода за рамки этой частично-объектной фигуры и реконструкции ее в целостных объектах вместе с более реалистическими версиями матери и отца; данный процесс — неотъемлемое свойство депрессивной позиции. Реалис-

тически воспринимаемое родительское сношение формирует внутренний объект, являющийся основой — или ощущаемый как источник — творческой способности: в сексуальном, интеллектуальном и эстетическом плане.

См. КОИТУС

Klein, Melanie (1923) 'The role of the school in the libidinal development of the child'. *WMK* 1, pp. 59–76.

Klein, Melanie (1929) 'Infantile anxiety-situations reflected in a work of art and in the creative impulse'. *WMK* 1, pp. 210–18.

Klein, Melanie (1932) *The Psycho-Analysis of Children. WMK* 2.

Meltzer, Donald (1973) *Sexual Slates of Mind.* Perth: Clunie.

Конституциональный фактор
Constitutional factor

Сразу же после рождения к конституциональным факторам добавляются факторы, обусловленные окружением, и вследствие глубокой и тесной взаимосвязи врожденного и приобретенного, существующей с самого начала жизни, различить их чрезвычайно трудно. Проблема усугубляется тем, что очень много взаимодействий осуществляется на этапе развития, когда никакая непосредственная символическая коммуникация с индивидом еще невозможна. Способ изучения наиболее ранних отношений между конституциональным фактором и окружением зависит от избранного метода наблюдения: непосредственного наблюдения за младенцами [см. НАБЛЮДЕНИЕ ЗА МЛАДЕНЦАМИ], исследования ранней когнитивной деятельности с позиций академической психологии или же психоаналитического исследования этих ранних ситуаций в «застывших сегментах» развития, представленных в состояниях аутизма (Meltzer *et al.*, 1975; Tustin, 1981) [см. АУТИЗМ]. Несомненно, многие психологические характеристики, подобно телесным, являются врожденными. Генетические данные в отношении шизофрении, например, убедительно показывают, что существует вполне определенная врожденная предрасположенность к ней, и психоз возникает, когда ее активизируют (психологические) факторы окружения (Gelder, 1983).

Биологический пессимизм. Немало критических высказываний в адрес Кляйн было спровоцировано ее вниманием к «внутренним» факторам, основанном на пессимистическом допущении, что все, обусловленное биологической конституцией, изменению не подлежит. Однако Кляйн так не считала, более того, это совершенно неверно с биологической точки зрения, поскольку человек наделен психикой, чрезвычайно способной к адаптации. Для теорий Фрейда

как раз характерно представление о необычайной пластичности человеческих инстинктов. Наделенность человека сексуальным инстинктом, например, не препятствует сексуальной привлекательности практически бесконечного разнообразия партнеров всех типов, а также всех видов объектов-фетишей, захватывающе интересных при наличии определенных склонностей. Индустрия моды не отличалась бы такой импульсивной подвижностью, если бы биологически обусловленное внешнее оформление сексуальности не проявляло исключительной готовности приспосабливаться и стремиться к новшествам. По сути, часть биологического наследия человека привлекают изменения и новые объекты [см. РАЗВИТИЕ].

Кляйн часто критикуют за чрезмерный биологизм при заимствовании понятия инстинкта смерти у Фрейда. Однако пластичность инстинкта смерти, ведущая к разнообразию, изобретательности и приспособляемости человеческой деструктивности под воздействием психологических и социальных факторов, ничем не уступает пластичности сексуального инстинкта.

Зависть. Кляйн действительно подчеркивала, что относительные пропорции либидо и деструктивности могут определяться наследственностью. Свидетельства о значимости конституционального фактора были получены в исследованиях генетической обусловленности шизофрении у близнецов. Соотношение инстинктов с преобладанием инстинкта смерти — это конституциональная предрасположенность к особенно сильной зависти с самого рождения (Rosenfeld, 1965), что затрагивает и ребенка, и мать, и в конечном итоге приводит к формированию шизоидных черт у ребенка, отчаяния у матери и провоцирующей шизофрению межличностной обстановки в семье. Перевес деструктивных импульсов может совпадать с врожденной слабостью Эго, из-за чего порог фрустрации оказывается чрезвычайно низким [см. 12. ЗАВИСТЬ].

Понятие бессознательной фантазии предполагает, что существуют конституциональные основания развития души [см. ПРОБЛЕМА ДУША – ТЕЛО], причем развития в форме репрезентации всех ощущений и опыта как взаимоотношений с объектами [см. ВРОЖДЕННОЕ ЗНАНИЕ]. Представление о необходимости биологического основания для развития души в теле вряд ли может быть оспорено со стандартной научной и психологической позиции. Проблема заключается в том, где именно следует располагать предел психологической самости, которая борется с биологическим наследием [см. СУБЪЕКТИВНОСТЬ]. Кляйн, не отрицая значимости социального окружения, прошла долгий путь к образу сугубо психологической самости, сражающейся с собственными внутренними состояниями и конституциональными факторами (как и с социальными), действующими только в качестве ограничивающих пределов.

См. ВНЕШНИЙ МИР; ВРОЖДЕННОЕ ЗНАНИЕ

Bion, Wilfred (1956) 'Development of schizophrenic thought', *Int. J. Psycho-Anal.* 37:344–6; republished (1967) in W. R. Bion, *Second Thoughts*. Heinemann, pp. 36–42.

Gelder, John (1983) *Oxford Textbook of Psychiatry.* Oxford: Oxford University Press.

Meltzer, Donald, Bremner, John, Hoxter, Shirley, Weddell, Doreen and Wittenberg, Isca (1975) *Explorations in Autism*. Perth: Clunie.

Rosenfeld, Herbert (1965) *Psychotic States*. Hogarth.

Tustin, Frances (1981) *Autistic Slates in Children*. Routledge & Kegan Paul.

Контейнирование
Containing

Понятие контейнирования имело решающее значение для большинства британских форм психоаналитической терапии как в Кляйнианской группе психоаналитиков, так и вне ее. Оно происходит от данного Кляйн описания проективной идентификации [см. 13. ПРОЕКТИВНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ], при которой человек в некотором виде содержит в себе (contains) часть другого человека. Это представление породило теорию развития, основанного на эмоциональном контакте младенца с матерью, и в дальнейшем, по аналогии, — теорию психоаналитического контакта.

Понятие проективной идентификации постепенно оформлялось в литературе по мере исследования данного феномена аналитиками-кляйнианцами.

> «Пациент /.../ продемонстрировал мне, что он спроецировал свою поврежденную самость, содержащую разрушенный мир, не только в каждого из остальных пациентов, но и в меня, тем самым меня изменив. Но эта проекция не принесла ему облегчения, наоборот, он стал более тревожным, поскольку боялся, что затем я буду помещать эту самость обратно в него. После этого его интроективные процессы подверглись серьезным нарушениям» (Rosenfeld, 1952, pp. 80–81).

Здесь Розенфельд использует предложенную Кляйн теорию развития Эго в повторяющихся циклах интроекции и проекции; однако он идет дальше, отмечая, что происходит не просто проекция объекта, но и проекция частей самости — проективная идентификация в цикле с интроективной идентификацией. В это же время с идеями того же рода подобным образом экспериментировал Джейкс (Jaques, 1953) [см. СОЦИАЛЬНЫЕ ЗАЩИТНЫЕ СИСТЕМЫ].

Обычно считается, что зрелая форма этой модели принадлежит Биону (Bion, 1959):

> «В ходе анализа пациент прибегал к проективной идентификации с настойчивостью, наводящей на мысль, что этим механизмом ему ни-

когда не удавалось успешно воспользоваться; анализ предоставлял ему возможность применить механизм, который всегда его подводил, /.../ некоторые сессии дали мне основание полагать, что пациент чувствовал, что есть некий объект, мешающий ему использовать проективную идентификацию, /.../ некоторые элементы указывали на то, что пациент чувствовал, что части его личности, которые он хотел разместить во мне, я внутрь себя не пропустил. /.../ Когда пациент стремился избавиться от страхов смерти, которые, как он чувствовал, были слишком сильны, чтобы его личность могла их выдержать (contain), он отщеплял свои страхи и помещал их в меня, по-видимому, с тем расчетом, что если им будет позволено оставаться там достаточно долго, они будут модифицированы моей психикой и он сможет их благополучно ре-интроецировать. Здесь я хотел бы упомянуть случай, когда пациент почувствовал, /.../ что я эвакуирую их слишком быстро, так что эти чувства не подверглись модификации, но стали еще более болезненными, /.../ он стремился затолкать их в меня со все большим отчаянием и насилием. Вне контекста анализа его поведение показалось бы выражением первичной агрессии. Чем более насильственными становились его фантазии проективной идентификации, тем больше он меня боялся. На некоторых сеансах такое поведение выражало неспровоцированную агрессию, но я упоминаю обо всей цепочке потому, что она показывает пациента в ином свете: его насилие было реакцией на то, чтó он ощущал как мои враждебные попытки защиты. Аналитическая ситуация создала у меня в душе такое чувство, будто я наблюдаю чрезвычайно раннюю сцену. Я чувствовал, что в младенчестве пациент наблюдал за матерью, которая откликалась на проявление ребенком эмоций из чувства долга. Такой отклик содержал в себе элемент нетерпеливого “Я не знаю, что происходит с ребенком”. Я пришел к выводу, что для понимания того, что хочет ребенок, матери следовало трактовать плач младенца как нечто большее, чем требование ее присутствия. С точки зрения младенца, она должна была принять в себя, и таким образом пережить, страх того, что ребенок умирает. Этот страх ребенок был не в состоянии выдержать (contain). Он стремился отщепить его вместе с той частью личности, где тот находился, и спроецировать его внутрь матери. Понимающая мать способна пережить чувство ужаса, с которым этот ребенок стремился справиться посредством проективной идентификации, и даже сохранить при этом здравый взгляд на вещи. Но моему пациенту пришлось иметь дело с матерью, которая не могла вынести переживание таких чувств и либо отказывалась впустить их в себя, либо же становилась жертвой тревоги, которая была вызвана интроекцией плохого самочувствия ребенка» (Bion, 1959, pp. 103–104).

Если аналитик замкнут или неотзывчив, «это приводит к чрезмерной проективной идентификации у пациента и ухудшению его процессов развития» (p. 105). Хотя Бион говорил, что «главным источником [шизофренического расстройства] является врожденная предрасположенность» (p. 105), он считал, что нарушения нормальной проективной идентификации обусловлены и генетически, и влиянием окружения.

Материнское мечтание. В 1962 году Бион (Bion, 1962) описал состояние души матери, когда она способна принять спроецированный ужас младенца, и назвал его *мечтанием.* Сигал коротко описала это состояние в изложении кляйнианской техники анализа шизофреников [см. 1. ТЕХНИКА]. Она указывает, каким образом может выстраиваться Эго пациента посредством интроекции объекта, способного контейнировать и *понимать* его переживания:

> «... ближе всего я могу подойти к этому, воспользовавшись моделью, основанной на концепции параноидно-шизоидной позиции Мелани Кляйн и бионовской концепции “матери, способной контейнировать проективную идентификацию”. Согласно этой модели, отношение младенца к его первому объекту можно описать следующим образом. Когда ребенок испытывает невыносимую тревогу, он справляется с ней, проецируя ее внутрь матери. В ответ матери следует признать эту тревогу и предпринять все необходимое, чтобы облегчить страдание младенца. При этом ребенок ощущает, что он спроецировал нечто невыносимое в свой объект, но объект оказался способным контейнировать это и с ним справляться. Затем он может ре-интроецировать не просто свою исходную тревогу, но тревогу, модифицированную контейнированием. Также он интроецирует объект, способный контейнировать тревогу и справляться с ней. Контейнирование тревоги внешним объектом, способным ее понимать, закладывает начало психической стабильности. Эта стабильность может быть подорвана по двум причинам. Мать может оказаться неспособной выдерживать спроецированную тревогу младенца, так что он интроецирует в результате переживание ужаса еще большего, чем он спроецировал. Кроме того, разрушить стабильность может чрезмерное деструктивное всемогущество бессознательной фантазии младенца. Согласно этой модели, аналитическая ситуация предоставляет пациенту контейнер» (Segal, 1975, pp. 134–35).

Безусловно, один контейнер — это аналитик, другой — мать, но теория на этом не останавливается. Понятно, что всякий, кто способен слушать и чей характер обладает материнским аспектом (см. Langs, 1978), может функционировать таким образом [см. МЕЧТАНИЕ]. Само общество может

функционировать как эмоциональный контейнер того или иного типа, более или менее защитного свойства. В своем раннем обращении к данной идее Джейкс (Jaques, 1953) подробно исследовал с этой стороны социальные институции, в частности, похороны:

> «Индивиды могут помещать свои внутренние конфликты в тех, кто находится во внешнем мире, могут бессознательно следовать течению конфликта с помощью проективной идентификации и могут ре-интернализовать ход и итог этого конфликта, воспринимаемого как внешний, с помощью идентификации интроективной» (p. 1) [см. СОЦИАЛЬНЫЕ ЗАЩИТНЫЕ СИСТЕМЫ].

Хотя на развитие концепции проективной идентификации в 1950-х годах отчасти были направлены усилия всей Кляйнианской группы в целом, главной фигурой в этом направлении стал Бион, он же получил самые значительные результаты [см. 13. ПРОЕКТИВНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ]. Материнское душевное состояние «мечтания» осуществляет функцию, которой Бион дал нейтральное обозначение — «альфа-функция» [см. МЕЧТАНИЕ; АЛЬФА-ФУНКЦИЯ].

Зеркальное отражение младенца. В 1967 году Винникотт (Winnicott, 1967) ввел понятие о состоянии матери, отражающем состояние младенца. Он признавал данные Лаканом (Lacan, 1949) описания открытий, которые ребенок совершает относительно себя, глядя в зеркало, но продвинулся дальше, описывая, каким образом лицо матери становится эмоциональным зеркалом для младенца и продолжает им оставаться в последующем. С его точки зрения, таким образом ребенок узнает о своих собственных внутренних состояниях. Этот способ, безусловно, связан с циклами проекции/интроекции того типа, которым занимались кляйнианцы. Однако, описывая подобное визуальное взаимодействие, Винникотт неизбежно сосредоточивается на более позднем периоде развития. Всякое вмешательство в этот процесс приписывалось им исключительно внешнему объекту.

Отношение контейнер – контейнируемое. Бион развивал общую теорию. Он постулировал существование трех основных форм взаимоотношения контейнер — контейнируемое: *паразитической, симбиотической* и *комменсальной*.

> «Под “комменсальным” отношением я подразумеваю такое, в котором два объекта совместно пользуются третьим к пользе всех трех. Как “симбиотическое” я понимаю такое отношение, в котором один объект зависит от другого к взаимной пользе. “Паразитическим” я называю отношение, в котором один объект зависит от другого для производства третьего, разрушительного для всех трех» (Bion, 1970, p. 95).

Бионовская теория *мышления* предполагает *сочетание* преконцепции и реализации, результатом которого становится концепция и продвижение вперед в построении мысли и теорий [см. МЫШЛЕНИЕ; ПРЕКОНЦЕПЦИЯ]. Отношение элементов в этом процессе — это отношение контейнера к контейнируемому.

Мистик и учреждение (establishment). В 1970 году Бион (Bion, 1970) применил свою теорию к социальным системам, но совершенно не так, как это делал Джейкс [см. СОЦИАЛЬНЫЕ ЗАЩИТНЫЕ СИСТЕМЫ]. Он считал, что социальная группа контейнирует индивида. Эту идею задолго до Биона рассматривал Пишон-Ривьер (Pichon-Riviere, 1931), однако он не располагал тем теоретическим фундаментом, на который мог опираться Бион (Bion, 1970). Действие социальной группы направлено на установление фиксированного социального порядка вещей (*учреждение*). Это противоречит вдохновенности и своеобразию индивида (Бион называет его *мистиком*, или гением), которого неизбежно *контейнирует* учреждение группы. Зачастую творящая способность индивида сокрушается жесткостью системы «путем сжатия или оголения». Или определенные особые индивиды врываются в группу, которая распадается на части под их воздействием (Бион упоминает Иисуса, стесненного ограничениями народа Израиля). Либо же может произойти взаимная адаптация индивида и группы, сопровождающаяся развитием обоих. Эти идеи развивают вширь и вглубь один из элементов его предшествующей теории групп [см. БАЗОВЫЕ ДОПУЩЕНИЯ] — понятие группы, основанной на паре, и пару здесь составляют контейнер и контейнируемое.

Итак, результат губителен либо для контейнируемого, либо для контейнера — или же служит взаимному развитию обоих. Однако такое социальное приложение, по мнению Биона, — лишь один уровень теории контейнеров. На уровне контейнирования индивидом себя самого действуют подобные же схемы. В качестве примера индивида, стремящегося контейнировать себя, Бион упоминает заику, пытающегося контейнировать свои эмоции в слова. Затем Бион работал над идеей сексуального союза пениса, контейнированного в вагине, союза, переживаемого во всех формах соединения и связывания. Проблемы, которые вызывает такое отношение в терминах ранних стадий Эдипова комплекса, описанных Кляйн, влияют на связывание всех психических проблем [см. СВЯЗЬ; 4. ЭДИПОВ КОМПЛЕКС; КОМБИНИРОВАННАЯ РОДИТЕЛЬСКАЯ ФИГУРА].

Взаимообратимость (reciprocity). Бион также указывал на взаимообратимость отношения контейнер – контейнируемое. Слово может контейнировать значение, но и «наоборот, значение может контейнировать слово, которое может быть найдено или нет» (Bion, 1970, p. 106). Это загадочное замечание отсылает к человеку, который заикается, так что слова, необходимые для контейнирования его эмоции, оказываются поглощенными или сдавленными силой

эмоции в заикание или лепет. В этом смысле слово является контейнером, и на него воздействует и его разрушает та эмоция, которую оно должно было бы контейнировать; данный пример Бион описывает в других терминах:

> «... он пытался “контейнировать” свои эмоции в форме слов, как это делает генерал, стремящийся “сдерживать” (“contain”) вражеские силы в пределах конкретной зоны. Слова, необходимые ему для выражения значения, были фрагментированы теми эмоциональными силами, которым он только хотел придать словесное выражение; словесная формулировка не смогла “контейнировать” его эмоции, и они прорвались сквозь нее и ее рассеяли, как вражеские силы могут прорвать оборону тех сил, что стремятся их сдержать (contain)» (Bion, 1970, p. 94).

Бион вместе со своим читателем выполняет здесь характерный маневр. С одной стороны, мы видим слово как контейнер значения; с другой стороны, в том же примере значение побеждает и контейнирует слово. Такая внезапная смена перспективы — маневр, который Биона очаровывал. Он называл его сменой вершины, или трансформацией, и придавал ему большое значение; в частности, потому, что этот маневр приводил к психической «катастрофе» в душе читателя (см. ниже).

Память. Обратимость особенно важна для психоаналитика, когда он начинает рассматривать память, причем свою собственную. Аналитик может быть заполнен воспоминаниями. Или же, напротив, воспоминания могут насыщаться эмоциями. Пребывая в том или другом состоянии, аналитик не способен ничего обнаружить вследствие такого насыщения. Бион стремился отличать «память» в вышеуказанном смысле («memory») от того, что он называл «припоминанием» («remembering»). Он ввел это различие, рассматривая две ситуации: в одной пациент располагает *памятью* о сновидении, которое он хочет рассказать аналитику, в другой сон внезапно всплывает, как единое целое, в душе пациента, а за секунду до того он отсутствовал (это — припоминание). От аналитика требуется исполнять вторую функцию — припоминание — и терпеливо ожидать, пока воспоминание не возникнет без всяких усилий (или желания) в произвольный момент времени [см. ПАМЯТЬ И ЖЕЛАНИЕ].

Когда контакт между пациентом и аналитиком вырождается, отсутствие спонтанных моментов — чреватых катастрофой — становится одной из важных причин неудачи психоаналитического лечения:

> «Пациент окажется не в состоянии передать значение. Или же значение, которое он захочет передать, окажется слишком интенсивным, чтобы он смог его должным образом выразить. Или же формулировка окажется столь ригидной, что он почувствует, что передаваемое

> значение утратило всякий интерес или жизненность. Подобным образом интерпретации, предоставленные аналитиком, “контейнируемое”, встретят как будто бы дружественный отклик и будут повторены в целях подтверждения, а оно лишит “контейнируемое” значения путем сжатия или оголения. Неспособность усмотреть или продемонстрировать суть может вести к внешне прогрессирующему, но фактически бесплодному анализу. Спасти ситуацию может наблюдение за колебаниями, которые сейчас делают аналитика “контейнером”, а анализируемого — “контейнируемым”, а через секунду меняют их роли на противоположные. /.../ Чем больше аналитик начинает разбираться в конфигурации “контейнера” и “контейнируемого” и в событиях в ходе сеанса, которые примерно соответствуют этим двум репрезентациям, тем лучше» (Bion, 1970, p. 108).

Без распознания такой взаимообратимости разрушительные аспекты отношения контейнер – контейнируемое имеют тенденцию проявляться неожиданно.

Изменение. Бион долгое время интересовался природой психического изменения. Его исследование природы мышления позволило представить процесс, где связь между психическими элементами по типу проективной идентификации постепенно выстраивает мыслящий аппарат, который осуществляет преобразование эмоционального опыта в когнитивную деятельность [см. МЫШЛЕНИЕ]. Этот аппарат для мышления также является контейнером эмоциональных состояний. Он вызывает порождение теорий, с помощью которых совершается мышление. Развитие влечет за собой развитие этого контейнирующего, мыслящего аппарата.

При этом Бион остро ощущал необходимость понимания перемен в ходе анализа и признания, что они влекут за собой дестабилизацию контейнера эмоциональных состояний. Он стал выходить за рамки психоанализа, обращаться к другим наукам, исследуя, при каких условиях в теориях наступают перемены. Он называл теории — и все остальные сущности, контейнируемые в душе, — *сцеплениями* (*conjunctions*) событий; теории — это регулярные сцепления. Таким образом, изменение структуры мыслящего аппарата требует деструктурирования теорий и установления новых сцеплений.

Такая деятельность хорошо соответствует данному Стоксом (Stokes, 1955) описанию художественного процесса, и ее можно понимать как общий психический процесс [см. ОБРАЗОВАНИЕ СИМВОЛОВ]. Бион действительно смог представить ее как общий психический процесс и соотнес его с основами кляйнианской теории. Деструктурирование — это процесс фрагментации, и Бион охарактеризовал его как манифестацию параноидно-шизоидных процессов. Он рассматривал реструктурирование как часть депрессивной позиции, что согласуется с подходом Сигал (Segal, 1952). Таким образом, изменение включает в себя переключения между параноидно-ши-

зоидной и депрессивной позициями, Бион обозначил это как Ps-D [см. Ps-D]. Однако такие переключения выдвигают серьезные эмоциональные требования. Выдерживать деструктурирование означает выдерживать страх перед дезинтеграцией психики, и Бион стал считать, что изменение включает в себя потенциальную катастрофу. С другой стороны, реструктурирование вызывает все эмоции депрессивной позиции по отношению к поврежденному объекту, требующему восстановления. Со способностью к развитию неотъемлемо связаны процесс *катастрофического изменения* и способность выносить и контейнировать элементы процесса, репрезентирующего аннигиляцию и смерть.

Bion, Wilfred (1959) 'Attacks on linking', *Int.J. Psycho-Anal.* 30:308–15; republished (1967) in W. R. Bion**,** *Second Thoughts***.** Heinemann,pp. 93–109.

Bion, Wilfred (1962) 'A theory of thinking', *Int.}. Psycho-Anal.* 33:306–10; republished (1967) in *Second Thoughts,* pp. 110–19.

Bion, Wilfred (1970) *Attention anil Interpretation.* Tavistock.

Jaques, Elliott (1953) 'On the dynamics of social structure', *Human Relations* 6:3–23; republished (1955) as 'Social systems as a defence against persecutory and depressive anxiety', in Melanie Klein, Paula Heimann and Roger Money-Kyrle, eds *New Directions in Psycho-Analysis.* Tavistock, pp. 78–98.

Lacan, Jacques (1949) 'La stade du miroir comme formateur de la fonction du Je', *Revue francaise de Piychanalyse* 20:449–55.

Langs, Robert (1978) *The Listening Process.* New York: Jason Aronson.

Pichon-Riviere, Eduardo (1931) 'Position du problème de 1'adaptation réciproque entre la societe et les psychismes exceptionnels', *Revue franç aise de Psychanalyse* 2:135–70.

Rosenfeld, Herbert (1952) 'Notes on the analysis of the superego conflict in an acute catatonic schizophrenic', *Int.J. Psycho-Anal.* 33:111–31; republished (1955) in Klein *et al.,* eds *New Directions in Psycho-Analysis.* Tavistock, pp. 180–219; and (1965) in Herbert Rosenfeld, *Psychotic Suites.* Hogarth, pp. 63–103.

Segal, Hanna (1952) 'A psycho-analytic approach to aesthetics', *Int.J. Psycho-Anal.* 33:196–207; republished (1981) in *The Work of Hanna Segal.* New York: Jason Aronson, pp. 185–206.

Segal, Hanna (1975) 'A psycho-analytic approach to the treatment of schizophrenia', in *The Work of Hanna Segal,* pp. 131–6; previously published in Malcolm Lader, ed. *Studies of Schizophrenia.* Ashford: Headley, pp. 94–7.

Stokes, Adrian (1955) 'Form in art', in Klein *et al.*, eds *New Directions in Psycho-Analysis.* Tavistock, pp. 406–20.

Winnicott, Donald (1967) 'Mirror-role of mother and family in child development', in Peter Lomas, ed. (1967) *The Predicament of the Family.* Hogarth; republished (1971) in D. W. Winnicott, *Playing and Reality.* Tavistock, pp. 111–18.

Контрперенос
Countertransference

В 1950-х годах понятие контрпереноса претерпело значительные метаморфозы и превратилось в элегантную концепцию, занимающую

центральное место в современной психоаналитической технике. Хайманн подчеркивала человеческую сторону взаимодействия пациент/аналитик:

> «Цель собственного анализа аналитика состоит не в том, чтобы превратить его в механический мозг, который может выдавать интерпретации, произведенные исключительно на интеллектуальной основе; она заключается в том, чтобы научить его *выдерживать* свои чувства — в противоположность той разрядке, которую дает своим чувствам пациент» (Heimann, 1960, pp. 9–10).

Главный тезис Хайманн заключался в том, что «сравнивая собственные ощущения с содержанием ассоциаций пациента и особенностями его настроения и поведения, аналитик получает средства проверки своего понимания пациента» (p. 10). Ранее Ференци (Ferenczi, 1919) уже указывал на низкую квалификацию аналитика, защищающегося от всякого контрпереноса, а Фенихель (Fenichel, 1941) критиковал идею об аналитике в роли «чистого экрана». Теперь же немало аналитиков ратовало за серьезное отношение к контрпереносу (Winnicott, 1947; Berman, 1949; Little, 1951; Gitelson, 1952; Annie Reich, 1952; Weigert, 1952); в кляйнианской традиции эту идею поддерживали Хайманн и Ракер.

История кляйнианской концепции контрпереноса складывается из следующих шагов: (1) осознание значимости чувств аналитика как индикаторов душевного состояния пациента; (2) открытие нормальной формы проективной идентификации, которая используется как метод *не-символической* коммуникации; (3) представление о циклах интроективной и проективной идентификаций как основании внутрипсихического понимания межличностной ситуации переноса/контрпереноса между аналитиком и пациентом; (4) идея о «нормальном» контрпереносе; (5) осознание значимости психики аналитика как важного аспекта окружения пациента [см. 1. ТЕХНИКА].

(1) Контрперенос как индикатор. Хайманн (Heimann, 1950, 1960) привлекла внимание к такому аспекту контрпереноса, как *специфический* отклик на пациента, и отделила его от вмешательства собственного невроза и невротического переноса аналитика в психоаналитическую работу. Таким образом контрперенос, будучи потенциально специфическим в отношении каждого пациента, может стать точным инструментом исследования пациента. Эту важную идею отвергла Кляйн, но с энтузиазмом поддержали Розенфельд (Rosenfeld, 1952, p. 72) и Бион (Bion, 1955, p. 225).

(2) Нормальная проективная идентификация. Впоследствии Мани-Кёрл (Money-Kyrle, 1956) и затем Бион (Bion, 1959) создали более четкий образ аналитика как контейнера невыносимых переживаний пациента, которые посредством аналитического процесса перевода переживания в слова под-

вергаются *контейнированию*. Возник этот образ благодаря различению нормальной проективной идентификации и ее патологической формы [см. 13. ПРОЕКТИВНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ]. Затем появилась теория о природе эмпатии и терапевтического воздействия психоаналитических интерпретаций. После открытия фантазий, вовлеченных в механизм проективной идентификации, стало возможным сформулировать в терминах *внутрипсихического* плана *межличностную* ситуацию аналитического сеттинга. Аналитик в действительности испытывает собственные чувства, как и пациент (Heimann, 1950). Хотя Кляйн никогда по-настоящему не соглашалась с таким взглядом на аналитический сеанс (несмотря на то, что ее наблюдения за матерями и младенцами (Klein, 1952) определенно указывают на межличностное взаимодействие на бессознательном уровне), этот «не-кляйнианский» интерес к контрпереносу сегодня занял центральное место в кляйнианской практике. И хотя Хайманн так и не признала значимость понятия проективной идентификации и в итоге отошла от Кляйн [см. ХАЙМАНН; КЛЯЙНИАНСКАЯ ГРУППА], тем не менее, она оказала существенное влияние на следующее поколение кляйнианцев, соотнесших контрперенос с проективной идентификацией.

(3) Аналитик как материнский контейнер. Бион (Bion, 1959, 1962) развил эти взгляды в более строгую теорию материнского и терапевтического контейнирования и использовал при рассмотрении межличностного взаимодействия концепцию проективной идентификации [см. КОНТЕЙНИРОВАНИЕ]. Согласно такому подходу, когда ребенок плачет, он реализует одну из форм проективной коммуникации, при которой его страдание в действительности ощущается (интроецируется) матерью. Если мать дееспособна и находится в данный момент в достаточно хорошей форме, она будет в состоянии совершить внутреннюю психическую работу и обнаружить саму проблему и то, как с ней справиться. Это одна из важных функций Эго матери [см. МЕЧТАНИЕ]. Такая мать способна распознать, что неладно, и предпринять определенные действия, чтобы частично устранить дистресс ребенка. Процесс распознавания страдания и соответствующего обращения с ним сообщается в действии в отношении ребенка — например, его кормлении. Это форма обратного проецирования (ре-проецирования) страдания в форме понимающего действия. После того как мать начала предотвращать и смягчать страдание ребенка, он оказывается в состоянии принять обратно свое переживание дистресса — ре-интроецировать его, — но уже в модифицированной форме. Оно модифицировано материнской функцией распознавания и понимания страдания, выражаемой посредством соответствующей помощи ребенку. Таким образом, это переживание несет на себе следы материнского понимания, запечатленные в модификации переживания. Теперь это понятое переживание, и так во взаимодействии двух внутрипсихических миров порождается смысл. Интроецируя такое понятое переживание, младенец может обрести понимание, которое есть у матери, — напри-

мер, если мать действует правильно, благодаря ее поступкам он может уловить, что определенное переживание означает голод (т. е. оно требует, чтобы нечто было поднесено к губам ребенка для сосания и поглощения пищи). Накопление случаев, когда переживания были поняты, приводит к обретению ребенком в себе внутреннего объекта, способного понимать его переживания. Это, как формулирует Сигал, «закладывает начало психической стабильности» (Segal, 1975, p. 135). Сигал описывает такое взаимодействие мать-ребенок в качестве модели терапевтических усилий аналитика [см. КОНТЕЙНИРОВАНИЕ].

(4) Нормальный контрперенос. Одна из проблем подобного использования контрпереноса заключается в статусе чувств аналитика: ведут они его к пониманию пациента или же вызывают защитное уклонение от собственных чувств, вследствие чего страдает прогресс анализа. Мани-Кёрл хорошо выразил эту проблему, выделив «нормальный контрперенос». Когда процесс анализа протекает хорошо, «происходят довольно быстрые переключения между интроекцией и проекцией. Когда говорит пациент, аналитик как бы интроективно идентифицируется с ним и, поняв его внутри себя, ре-проецирует его и дает интерпретацию. Но лучше всего, на мой взгляд, аналитик осознает проективную фазу — ту, в которой пациент является представителем в прошлом незрелой или нездоровой части аналитика (в том числе его поврежденных объектов), которую он теперь способен понимать и потому исцелять путем интерпретации — во внешнем мире» (Money-Kyrle, 1956, pp. 331–32).

Мани-Кёрл описывал знакомое нам переживание осознания, что свою интерпретацию мы можем точно так же отнести к себе; еще он признавал столь же знакомую вероятность того, что, «обнаруживая у пациента новые для себя паттерны, аналитик может тем самым “продолжить обучение” и продвинуться дальше в собственном анализе» (p. 341).

Проблема контрпереноса. Однако такая ситуация «нормальна только в том смысле, что является идеальной. /.../ Его [аналитика] понимание отказывает всякий раз, когда проблемы пациента слишком тесно соотносятся с теми сторонами аналитика, которые он еще не научился понимать» (p. 332). В этом случае аналитику из-за его невроза не удается понять пациента. Аналитику сигнализирует об этом чувство, «что материал стал непонятен». Оно тяготит аналитика и становится событием, на которое реагирует и пациент. Это напряжение и тревога, как говорит Мани-Кёрл, ведут к дальнейшему ослаблению способности аналитика к пониманию, и возникает порочный круг. Именно в такие моменты становится справедливым традиционное понимание контрпереноса — как наложения собственных личных затруднений аналитика на процесс его понимания затруднений пациента. Аналитик

> «может осознать ощущение неудачи как выражение бессознательной персекуторной или депрессивной вины. /.../ Когда взаимодействие между интроекцией и проекцией разрушается, аналитик может оказаться склонным к застреванию в одной из этих двух позиций; позиция, в которой он застрянет, определяется тем, что он делает со своей виной. Если он принимает вину, он, вероятно, застрянет на стадии интроекции пациента. Если же он проецирует вину, пациент останется непостижимой фигурой во внешнем мире» (p. 334).

Такой подход позволяет совершенно отчетливо разглядеть возникшую в контрпереносе проблему.

Литтл (Little, 1951), Гительсон (Gitelson, 1952) и многие другие рассуждали об одном конкретном методе выхода из ловушки, устроенной бессознательным аналитика: признании ошибки перед пациентом. Но Хайманн (Heimann, 1960) отвергла этот метод как отягощающий пациента тем, что касается лично аналитика. Опираясь на клинический материал, Мани-Кёрл также показал, что подобное признание может означать сговор с проекциями пациента. Если аналитик не достигает понимания, у пациента возникает возможность спроецировать в аналитика импотентную часть себя, так что последующая установка аналитика на раскаяние и смирение не обязательно будет принята пациентом так, как это подразумевал аналитик. Вместо этого пациент может принять установку аналитика за подтверждение спроецированного бессилия. Мани-Кёрл описывал ситуацию, когда пациент реагировал на утрату аналитиком понимания тем, что

> «вел себя так, как будто забрал у меня то, что, по его ощущению было им утрачено, а именно ясный, но агрессивный интеллект своего отчима, с помощью которого он атаковал свою импотентную самость во мне. В этот момент, конечно, бесполезно было пытаться двигаться в прежнем направлении. Возникла новая ситуация, и она повлияла на нас обоих. И прежде чем стать способным интерпретировать участие пациента в возникновении этой ситуации, я должен был молча провести самоанализ. В него входило различение двух вещей, которые могут ощущаться как очень похожие: мое собственное чувство некомпетентности и потери направления и презрение моего пациента к своей импотентной самости, которую он чувствовал расположенной во мне. Предоставив самому себе эту интерпретацию, я в итоге смог передать вторую ее часть пациенту, и, сделав это, восстановить нормальную аналитическую ситуацию» (Money-Kyrle, 1956, pp. 336–37).

Очевидно, что процесс, описанный Мани-Кёрлом, является циклом, состоящим из проективной идентификации в аналитика, за которой следует со-

вершаемая аналитиком модификация (проводимый молча самоанализ), а затем — ре-проекция в пациента в форме интерпретации аналитика, для возможной ре-интроекции пациентом.

Втягивание аналитика. Подход Мани-Кёрла развивал представление Кляйн о переносе [см. ПЕРЕНОС]. Согласно понятию проективной идентификации, пациент не просто неверно воспринимает аналитика:

> «Мы видим, что пациент не только воспринимает аналитика искаженным образом, реагируя на искаженное впечатление, и сообщает эти реакции аналитику, но и что-то совершает с психикой аналитика, осуществляя проекции *внутрь* аналитика, так что это оказывает на того определенное воздействие» (Segal, 1977, p. 82) [см. 13. ПРОЕКТИВНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ].

Джозеф (Joseph, 1975) направила свои усилия на то, чтобы увеличить чувствительность аналитиков к разыгрываниям в переносе [см. ОТЫГРЫВАНИЕ ВНУТРИ]. Она описывала, как собственные переживания аналитика передают его ощущение «вовлечения» в разыгрывания пациента, понимание того

> «как пациенты по различным причинам воздействуют на нас; как они пытаются втянуть нас в свои защитные системы; как они бессознательно что-то отыгрывают с нами в переносе, пытаясь добиться, чтобы мы отыгрывали с ними; как они передают нам аспекты своего внутреннего мира (выстроенного со времени младенчества, в детстве и взрослом возрасте) и переживания, часто находящиеся за рамками слов, переживания, которые мы можем ухватить, только опираясь на возникающие в нас чувства, т. е. посредством контрпереноса» (Joseph, 1985, p. 62).

Такое усиление чувствительности позволило аналитикам продвинуться в лечении тяжелых «недоступных» пограничных пациентов, которые кажутся «застрявшими» [см. ПСИХИЧЕСКОЕ РАВНОВЕСИЕ; ПАТОЛОГИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ].

Проективная контридентификация. Гринберг (Grinberg, 1962), чьи наблюдения подтвердила Сигал (Segal, 1977), описывал пациентов, которые чувствовали, что аналитик осуществляет в них насильственные проективные идентификации. Такая чувствительность пациента была основана на его раннем переживании родителей, осуществлявших в него массивные проективные идентификации в течение младенчества и детства. Гринберг предложил для этого явления в аналитической ситуации термин «проективная контридентификация».

(5) Психика аналитика как объект пациента. В последние годы становится ясно, как восприимчивы пациенты к чувствам аналитика и его методам справляться с этими чувствами, защищаясь или каким-либо иным образом. Поскольку одной из составляющих цикла проективной и интроективной идентификаций является процесс модификации переживаний в аналитике, и от аналитика требуется душевная стабильность, умение справляться с невыносимыми тревогами без потери собственного внутреннего равновесия, чрезвычайно важным компонентом лечения становится, фактически, восприятие пациентом способности аналитика модифицировать тревогу. На это обращали внимание Розенфельд (Rosenfeld, 1987) и многие другие. Например, обсуждая скорость предоставления интерпретаций, Розенфельд писал:

> «В некоторых ситуациях аналитик *слишком* быстро интерпретирует то, что распознал, из-за чего пациент переживает сказанное как отторжение себя. /.../ Аналитик конкретным образом переживается как выталкивающий спроецированные чувства и потому выталкивающий также и пациента» (Rosenfeld, 1987, p. 16).

Бренман Пик в своем подробном исследовании данного вопроса утверждала: «Пациент, воспринимающий интерпретацию, “слышит” не только слова или их сознательно подразумеваемое значение. Некоторые пациенты прислушиваются только к “настроению” и, похоже, самих слов не слышат вообще» (Brenman Pick, 1985, p. 158). Если б это было так просто, как «проводимый молча самоанализ» Мани-Кёрла! Обсуждая чрезвычайно нарушенного пациента, Бренман Пик подчеркивала, что эта проблема «включает в себя отчаянную попытку управлять своими чувствами, и даже тяжело больной пациент, я думаю, старался разобраться, как я справляюсь с моими чувствами» (p. 163). Значимым внешним объектом для пациента является объект ментальный, не материальный; это душа аналитика и способ ее функционирования [см. МЕЧТАНИЕ; КОНТЕЙНИРОВАНИЕ].

Проработка в контрпереносе. Сегодня контрперенос является важным инструментом понимания переноса. Аналитику необходимо в душе прорабатывать для себя некоторые переживания, и теперь понятно, что душа аналитика с ее слабыми местами, источниками ошибок и ее интерпретациями — это чрезвычайно важный аспект *тотальной ситуации* (Joseph, 1985). Ранее (в 1940-х и 1950-х) полагали, что объектами пациента становятся части тела аналитика (особенно грудь и пенис).

Однако позднее стало понятно, что частичными объектами, с которыми пациент устанавливает отношения и в которые он проецирует, являются части души аналитика — это верно по крайней мере для пациентов-невротиков:

> «Я пыталась показать, что проблема эта не проста; пациент не просто проецирует в аналитика, отнюдь — пациенты весьма искусно проецируют в отдельные аспекты аналитика: /.../ в желание аналитика быть матерью, в желание быть всезнающим или отрицать неприятное знание, в его инстинктивный садизм или в его защиты от садизма. Но главным образом пациент проецирует в вину аналитика или же в его внутренние объекты» (Brenman Pick, 1985, p. 161).

Острое восприятие пациентом психики аналитика, того, что в ней содержится, и как она функционирует, позволило Бренман Пик описать психоаналитическую встречу следующим образом: «Если существует врожденная предрасположенность того, что рот ищет грудь, я полагаю, существует и ее психологический эквивалент — это стремление одного душевного состояния найти другое душевное состояние» (p. 157) [см. ТЕХНИКА].

Berman, Leo (1949) ‘Counter-transferences and attitudes of the analyst in the therapeutic process’, *Psychiatry* 12:159–66.

Bion, Wilfred (1955) ‘Language and the schizophrenic’, in Melanie Klein, Paula Heimann and Roger Money-Kyrle, eds (1955) *New Directions in Psycho-Analysis*. Tavistock, pp. 220–39; previous version published (1954) as ‘Notes on the theory of schizophrenia’, *Int.J. Psycho-Anal.* 35:113–18; and republished (1967) in W. R. Bion, *Second Thoughts*. Heinemann, pp. 23–35.

Bion, Wilfred (1959) ‘Attacks on linking’, *Int.J. Psycho-Anal.* 40:308-15; republished (1967) in *Second Thoughts,* pp. 93–109.

Bion, Wilfred (1962) *Learning from Experience*. Heinemann.

Brenman Pick, Irma (1985) ‘Working through in the counter-transference’, *Int.J. Psycho-Anal.* 66:157-66.

Fenichel, Otto (1941) *Problems of Psycho-Analytic Technique*. New York: Psycho-Analytic Quarterly Inc.

Ferenczi, Sandor (1919) ‘Theory and technique of psycho-analysis’, *in Further Contributions to Psycho-Analysis.* Hogarth.

Freud, Sigmund (1912) ‘Recommendations to physicians practising psycho-analysis’. *S.E.* 12, pp. 109-20.

Gitelson, M. (1952) ‘The emotional position of the analyst in the psycho-analytic situation’, *Int.J. Psycho-Anal.* 33:1–10.

Grinberg, Leon (1962) ‘On a specific aspect of countertransference due to the patient’s projective identification’, *Int.J. Psycho-Anal.* 43:436–40.

Heimann, Paula (1950) ‘On counter-transference’, *Int.J. Psycho-Anal.* 31:81–4.

Heimann, Paula (1960) ‘Counter-transference’, *Br.J. Med. Psychol.* 33:9–15.

Joseph, Betty (1975) ‘The patient who is difficult to reach’, in Peter Giovacchini, ed. *Tactics and Techniques in Psycho-Analytic Therapy,* vol. 2. New York: Jason Aronson, pp. 205–16.

Joseph, Betty (1985) ’Transference: the total situation’, *Int.J. Psycho-Anal.* 66:447–54.

Klein, Melanie (1952) ‘On observing the behaviour of young infants’. *WMK1.*

LITTLE, MARGARET (1951) 'Counter-transference and the patient's response to it', *Int. J. Psycho-Anal.* 32:32–40.

MONEY-KYRLE, ROGER (1956) 'Normal counter-transference and some of its deviations', in (1978) *The Collected Papers of Roger Money-Kyrle*. Perth: Clunie, pp. 330–42; previously published (1956) *Int. J. Psycho-Anal.* 37:360–6.

RACKER, HEINRICH (1948) 'A contribution to the problem of countertransference', published (1953) *Int.}. Psycho-Anal.* 34:313–24; republished (1968) as 'The countertransference neurosis', in *Transference and Countertransference*. Hogarth, pp. 105–26.

REICH, ANNIE (1952) 'On counter-transference', *Int. J. Psycho-Anal.* 32:25–31.

ROSENFELD, HERBERT (1952) 'Notes on the psycho-analysis of the superego conflict in an acute catatonic schizophrenic', *Int. J. Psycho-Anal.* 33:111–31; republished (1955) in Melanie Klein, Paula Heimann and Roger Money-Kyrle, eds *New Directions in Psycho-Analysis*. Tavistock, pp. 180-219; and in Herbert Rosenfeld (1965) *Psychotic States*. Hogarth, pp. 63–103.

ROSENFELD, HERBERT (1987) *Impasse and Interpretation*. Tavistock.

SEGAL, HANNA (1975) 'A psycho-analytic approach to the treatment of schizophrenia', in Malcolm Lader, ed. *Studies of Schizophrenia*. Ashford: Headley Brothers, pp. 94–7; republished (1981) in *The Work of Hanna Segal*. New York: Jason Aronson, pp. 131–6.

SEGAL, HANNA (1977) 'Counter-transference', *Int. J. Psycho-Anal. Psychother.* 6:31–7; republished (1981) in *The Work of Hanna Segal,* pp. 81–7.

WEIGERT, E. (1952) 'Contribution to the problem of terminating psychoanalysis', *Psychoanal. Q.* 21:465–80.

WINNICOTT, DONALD W. (1947) 'Hate in the counter-transference', in D. W. Winnicott (1958) *Collected Papers: Through Paediatrics to Psycho-Analysis*. Hogarth, pp. 194–203.

Криминальность
Criminality

В грандиозных спорах о технике детского анализа (1926–1927) [см. ДЕТСКИЙ АНАЛИЗ; ДИСКУССИИ О ПРОТИВОРЕЧИЯХ] Анна Фрейд критиковала Кляйн за уравнивание игры и вербальных свободных ассоциаций [см. 1. ТЕХНИКА]. Кляйн вынуждена была оправдывать этот подход и стала понимать, что игра иногда подобна такого рода деятельности, которую Фрейд (Freud, 1916) описывал у определенных типов личностей, упорно добивающихся проигрыша. Обычно он показывал, как *криминальность* выступает экстернализацией вины, обусловленной бессознательными источниками [см. БЕССОЗНАТЕЛЬНАЯ ВИНА].

Бессознательная вина. Между 1916 и 1924 годами Фрейд особое внимание уделял бессознательной вине. Кляйн много работала с той исключительной степенью насилия, которую она обнаружила в игре вполне обыкновенных детей, их откликами на это насилие и их попытками обуздать в себе эти импульсы. В ходе ожесточенного спора с Анной Фрейд (Anna Freud, 1927) она описала ребенка, который демонстрировал выраженную склонность к насилию в своих фантазиях, вкупе с Супер-Эго, осуществляющим

суровое затормаживание (Klein, 1927) [см. БЕССОЗНАТЕЛЬНАЯ ВИНА]. Она была заинтригована тем фактом, что самые жестокие преступления взрослых часто напоминают фантазийные желания детей. Кляйн понимала, что в обоих случаях (в игре или настоящем преступлении) процесс экстернализации часто соответствует фрейдовскому объяснению преступлений бессознательным чувством вины и что такая экстернализация является методом смягчения внутреннего насилия, установившегося между желаниями и запретами Супер-Эго. Внешнее действие позволяет реальному миру заверить Эго в том, что жестокие и пугающие угрозы мести не так страшны, как угрозы внутренние, что внешнее Супер-Эго не столь всемогуще, что его можно обмануть; а в случае игры могут возникать новые фантазии, утихомиривающие насилие [см. 7. СУПЕР-ЭГО].

Таким образом Кляйн также подтверждала мнение Фрейда, что криминальные наклонности обусловлены внутренней ситуацией вины, созданной необычайно жестким Супер-Эго; кроме того, она отмечала близость этих бессознательных уровней вины паранойе пациентов-психотиков [см. 3. АГРЕССИЯ; 7. СУПЕР-ЭГО; ПСИХОЗ].

FREUD, ANNA (1927) *The Psycho-Analytic Treatment of Children,* published 1946.Imago.

FREUD, SIGMUND (1916) ‘Some character-types met with in psycho-analytic work: III Criminals from a sense of guilt’. *S.E.* 14, pp. 332–3.

FREUD, SIGMUND (1920) *Beyond the Pleasure Principle. S.E.* 18, pp. 1–64.

KLEIN, MELANIE (1927) ‘Criminal tendencies in normal children’. *WMK* 1, pp. 170–85.

Либидо
Libido

Исходным намерением Фрейда была разработка некой псевдо-физики души. Разработка фрейдовской теории либидо и дальнейшие ее модификации в его трудах и работах его последователей являются одним из наиболее сложных событий в истории психоанализа (Laplance and Pontalis, 1973).

По существу, Фрейд описывал экономику либидо, подчиняющегося закону количественного сохранения. Он рассматривал *психическую энергию* как точный аналог энергии физической и считал, что она вызывается стимулированием *эрогенных зон* (рта, ануса, гениталий). Согласно данной теории либидо (Freud, 1905), вся психическая энергия происходит из сексуальных источников, даже если в ходе ее следования сквозь психический аппарат она «десексуализируется». Фрейд называл эту энергию *либидо*. Если не вдаваться в подробности, то получается, что психика функционирует, направляя либидо на некоторые объекты (в числе которых может быть также собственное Эго субъекта); иначе говоря, объект инвестируется вниманием и интересом (это катексис). Когда человек любит, то в его любимого (в объект) инвестируется огромное количество интереса, и этот объект поглощает громадные объемы психической энергии [см. ИНСТИНКТ; ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ].

Фазы либидо. На каждой стадии развития либидо младенца оказывается организованным по-разному. Существует три основных фазы инфантильного развития либидо: оральная стадия, когда интерес сосредоточен преимущественно вокруг рта; анальная стадия, когда преобладает интерес, связанный с приучением к горшку и символическими заместителями; генитальная стадия, с которой начинается длительная эпоха господства гениталий в качестве источника страстного и непреодолимого инстинктивного интереса [см. 3. АГРЕССИЯ].

Абрахам с исключительной точностью исследовал эти фазы и разработал расписание их этапов. Каждая из стадий, введенных Фрейдом, была разделена Абрахамом на две, и в итоге их получилось шесть: (i) ранняя оральная стадия (сосание), преамбивалентная; (ii) поздняя оральная стадия, садистическая (каннибалистическая); (iii) ранняя анально-садистическая стадия, характеризующаяся удержанием; (iv) поздняя анально-садистическая стадия, характеризующаяся исторжением; (v) ранняя генитальная стадия, фаллическая и садистическая; (vi) поздняя генитальная стадия, постамбивалентная, отмеченная подлинной объектной любовью (целостные объекты) (см. Abraham, 1924).

Представления Кляйн о либидо. Теории Кляйн, относящиеся к либидо, распадаются на две части: до и после периода 1932–1935 годов, когда Кляйн приняла фрейдовскую теорию инстинкта смерти в качестве *клинически применимой* концепции.

1920–1932. При поддержке Абрахама Кляйн начала свою работу с проверки, насколько полученные им данные справедливы в отношении детей. Она обнаружила, что фазы либидо не столь явно выражены, как это описывали Фрейд и Абрахам. По существу, она показала, что с самого начала существует главным образом смесь всех этих фаз: то есть оральные, анальные и генитальные, а также садистические импульсы возникают параллельно друг другу. Это не значит, что Кляйн вообще отбросила идею об их последовательности; по сути, она (и все больше — многие другие аналитики) стала понимать эту последовательность как *преобладание* одних импульсов над другими. В оральной фазе существуют все типы импульсов, но доминируют оральные, и так же обстоит дело с другими фазами [см. 4. ЭДИПОВ КОМПЛЕКС; 7. СУПЕР-ЭГО].

Кляйн всегда поражала сила садистических импульсов, и она понимала, что на прохождение последовательности фаз могут оказывать существенное влияние садизм, страх возмездия, мучительное желание возместить ущерб [см. САДИЗМ]. Поэтому она думала, что часть импульсов ребенок может намеренно бессознательно затормаживать, пытаясь замедлить продвижение от фазы к фазе. Кроме того, Кляйн считала, что генитальная фаза — это особо мощный всплеск либидинозных чувств, и поэтому может происходить преждевременный рывок к генитальной фазе, помогающий

выдержать садистические импульсы прегенитальных фаз. В этот период понятие либидо занимало важное место в системе взглядов Кляйн. Развитие инстинктов — это важный аспект инфантильного развития [см. РАЗВИТИЕ], так же, как влияние на него манипуляции различными типами импульсов с целью максимального понижения уровня тревоги.

После 1935. Приоритеты Кляйн изменились после разработки понятия депрессивной позиции в 1935 году [см. 10. ДЕПРЕССИВНАЯ ПОЗИЦИЯ]. С этого момента Кляйн стала рассматривать историю развития младенца в терминах *качества* объектных отношений. Теперь она уделяла больше внимания накоплению внутренних объектов, тому, какого они оказывались типа, в каком состоянии и в каком отношении к самости. Эта теория внутренних объектов была подкреплена теорией бессознательной фантазии, с появлением которой теория инстинктов ушла на второй план [см. 2. БЕССОЗНАТЕЛЬНАЯ ФАНТАЗИЯ]. О бессознательных фантазиях, психической репрезентации инстинктов, можно было говорить, не упоминая сами инстинкты, поскольку существовало точное соответствие бессознательных фантазий фазам инстинктивного развития. Однако фантазии могут иметь защитную, репаративную или креативную направленность, и поэтому количественное измерение инстинктов оказывалось утраченным [см. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ]. Понятие бессознательной фантазии подразумевает, что производные инстинктов не возникают самостоятельно, но являются результатом деятельности Эго [см. МАСТУРБАЦИОННЫЕ ФАНТАЗИИ; ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ЗАЩИТА].
См. ИНСТИНКТЫ

Abraham, Karl (1924) 'A short study of the development of the libido', in Karl Abraham (1927) *Selected Papers on Psycho-Analysis*. Hogarth, pp. 418–501.

Freud, Sigmund (1905) *Time Essays on Sexuality. S.E.* 7, pp. 125–245.

Laplanche, J. and Pontalis, J.-B. (1973) *The Language of Psycho-Analysis*. Hogarth.

Любовь
Love

Вслед за Абрахамом Кляйн пыталась разобраться в той разновидности любви, которую *чувствуют к объекту*, отличной от любви, описанной в классическом психоанализе, когда объект лишь служит удовлетворению субъекта (подобная форма удовлетворения является любовью анаклитической, корыстной). Кляйн же, напротив, на основании непосредственных наблюдений за младенцами отмечала, что «удовлетворение настолько же связано с объектом, дающим пищу, насколько и с самой пищей» (Klein, 1952, p. 96). Эту особенность стремился прояснить Уиздом (Wisdom, 1970), так же, как и Фэйрберн (Fairbairn, 1952).

Игл (Eagle, 1984), рассматривая данные, ранее уже истолкованные Боулби (Bowlby, 1969), показал, что переживание объектов осуществляет-

ся не только в ключе удовлетворения инстинктов, например голода: «Эти сведения представляют собой серьезную проблему для моделей “гомеостатической разрядки влечений”». По поводу экспериментов Харлоу с детенышами обезьян (Harlow and Zimmermann, 1969) он писал:

> «Если привязанность к объекту возникает благодаря его роли в удовлетворении влечения, почему детеныши обезьян не привязывались к выделяющему молоко муляжу матери, который обеспечивал удовлетворение, гораздо лучше соответствующее модели разрядки влечений, чем удовлетворение от “приятного контакта” с муляжом, сшитым из махровой ткани?» (Eagle, 1984, p. 11).

С точки зрения Кляйн, великодушная, бескорыстная любовь существует с самого начала. Удовлетворение вызывает благодарность объекту.

Параноидно-шизоидная позиция. Однако с самого начала удовлетворение вызывает не только благодарность, но и зависть. Насколько младенец поддерживает установку благодарности к любимому объекту и реальный внешний объект (мать) помогает благодарности появиться, настолько младенец способен укрепиться в своей вере в любовь и хорошие части себя.

Именно баланс зависти и благодарности определяет безопасность положения младенца, потому что зависть разрушает любовь и благодарность. Младенец справляется с этим, главным образом отщепляя «идеальный», приносящий удовлетворение объект, к которому чувствует благодарность, от преследователя, к которому чувствует зависть и ненависть. Но такое отщепление содержит в себе определенную небезопасность, поскольку фрустрация любой степени вызывает резкое переключение и в импульсах, которые меняются с любви на ненависть, и в объекте, который внезапно становится преследующим.

Чтобы избежать такой небезопасности, младенец иногда прибегает к чрезмерной проективной идентификации. Чем интенсивнее взаимоотношение, тем масштабней проективная идентификация, и это приводит к опустошению Эго. Шизоидная любовь истощает.

Любовь на депрессивной позиции. Исследуя и характеризуя депрессивную позицию, Кляйн начала описывать совершенно новые эмоциональные состояния (то есть новые для психоаналитической литературы). По сути, эти состояния гораздо ближе к аффектам, которые занимают романистов и обычных людей. Кляйн пыталась передать отличительные черты особого, мучительного вида любви: любви, которую называют тоской. Тем самым она продолжила разработку абрахамовского понятия «подлинной объектной любви», переживания целостных объектов. Любовь на депрессивной позиции — это любовь к не-идеальному объекту, хорошему объекту с недостатками и изъянами [см. 10. ДЕПРЕССИВНАЯ ПОЗИЦИЯ]. Когда устанав-

ливается такая ситуация, любовь, несмотря на изъяны, уже не столь резко и интенсивно сменяется ненавистью, и начинает развиваться определенная степень эмоциональной стабильности. В этом заключается способность к терпимости и прощению. Любовь на депрессивной позиции неизбежно отмечена заботой и прощением.

Однако недостатки целостного объекта приводят к переживанию того, что хороший объект совершенен (или был совершенным), но ему был нанесен вред или ущерб, отчего возникает острое, беспокойное чувство заботы о нем. В свою очередь, это чувство заботы вызывает желание восстановить объект, привести его в прежнее благополучное состояние [см. ВИНА; РЕПАРАЦИЯ].

См. ЗАБОТА; ЦЕЛОСТНЫЙ ОБЪЕКТ

Bowlby, John (1969) *Attachment and Loss.* Hogarth.

Eagle, Morris (1984) *Recent Developments in Psycho-Analysis.* New York: McGraw-Hill.

Fairbairn, Ronald (1952) *Psycho-Analytic Studies of the Personality.* Routledge & Kegan Paul.

Harlow, H. F. and Zimmermann, R. R. (1969) 'Affectional responses in the infant monkey', *Science* 130:412–32.

Klein, Melanie (1952) 'On observing the behaviour of young infants'. *WMK* 3, pp. 94–121.

Wisdom, J. O. (1970) 'Freud and Melanie Klein: psychology, ontology and *Weltanschauung'*, in Charles Hanly and Morris Lanzerowitz, eds (1970) *Psycho-Analysis and Philosophy.* New York: International Universities Press, pp. 327–62.

Маниакальная репарация
Manic reparation

На ранних стадиях развития младенец использует всемогущие механизмы, добиваясь безопасности Эго. Впоследствии, когда на него впервые надвигается депрессивная позиция [см. 10. ДЕПРЕССИВНАЯ ПОЗИЦИЯ], он может начать переживать любимый объект как непоправимо поврежденный, что отражает крайнее насилие его всемогущих фантазий. Желание привести в порядок столь существенно поврежденный объект так мучительно, потому что задача эта переживается как чрезвычайно трудная. В результате не остается другого выхода, кроме как всю ситуацию в целом счесть малозначимой, а к задаче восстановления объекта отнестись небрежно, словно бы ее можно было выполнить магическим образом.

В дальнейшей жизни даже обычный стресс может вызвать пренебрежительную фантазию, что объект вовсе не стоит того, чтобы о нем беспокоиться. Но презрение и умаление значимости — это маниакальные защиты от мучительности страдания, помогающие субъекту чувствовать себя

менее беспомощным и зависящим от значимых хороших объектов, которые кажутся ему поврежденными и вызывают такое тяжелое чувство ответственности [см. ДЕПРЕССИВНАЯ ТРЕВОГА]. Но в конечном итоге презрение еще больше повреждает объект и может привести к образованию порочного круга.

См. РЕПАРАЦИЯ

Маниакальные защиты
Manic defences

Боль депрессивной позиции вновь и вновь возникает в ходе жизни, и большинство людей временами пытаются от нее защититься [см. 10. ДЕПРЕССИВНАЯ ПОЗИЦИЯ]. Первостепенное значение при этом имеют защиты, с помощью которых выстраиваются состояния мании и гипомании — состояния, в небольшой мере присущие каждому человеку. Как правило, маниакальные защиты всемогущи: «В первую очередь манию характеризует *чувство всемогущества*, и кроме того, мания основана на механизме *отрицания*» (Klein, 1935, p. 277). Эти защиты включают в себя несколько механизмов.

(i) Отрицание. Всемогущество основано на отрицании, «прежде всего отрицанию подвергается психическая реальность» (Klein, 1935, p. 277).

(ii) Уничижение.

> «Эго не хочет и не может отказаться от своих хороших внутренних объектов, но все же стремится избежать риска зависимости от них. /.../ Его попытка избавиться от привязанности к объекту, в то же время от него не отказываясь, осуществляется посредством отрицания значимости его хороших объектов» (Klein, 1935, p. 277).

Эго

> «отрицает, что озабочено состоянием [объекта]. “Конечно же, — доказывает Эго, — не имеет особого значения, разрушен этот конкретный объект или нет. Есть множество других объектов, которые можно инкорпорировать”. Это *умаление значимости* объекта и презрение к нему является, я полагаю, специфической особенностью мании» (Klein, 1935, p. 278).

(iii) Контроль. «Однако в то же время Эго постоянно стремится *управлять* всеми своими объектами и их *контролировать*» (Klein, 1935, p. 277). «Это

необходимо по двум причинам: (a) чтобы отрицать испытываемый ужас перед объектами [от которых Эго зависит] и (b) чтобы поддерживать действие механизма возмещения ущерба объекту (репарации)» (Klein, 1935, p. 278).

(iv) Идеализация. «Идеализация является важной частью маниакальной позиции» (Klein, 1940, p. 349) [см. ИДЕАЛЬНЫЙ ОБЪЕКТ].

Связанные с манией механизмы столь важны для Кляйн, что в конце 1930 годов она говорит о *маниакальной позиции.*

Эти защиты охраняют субъекта от переживания болезненных последствий зависимости от хороших любимых объектов и от болезненных последствий подобной зависимости. Но маниакальные защиты приводят к другим проблемам:

> «садистическое удовлетворение от преодоления и унижения [объекта], совладания с ним, *триумфа* над ним, может столь прочно войти в акт репарации, что “благотворный круг”, этим актом начатый, окажется разорванным. Объекты, которые нужно было восстановить, превращаются снова в преследователей. /.../ Неудавшийся акт репарации вынуждает Эго снова и снова прибегать к обсессивным и маниакальным защитам» (Klein, 1940, p. 351) [см. РЕПАРАЦИЯ].

Отношение маниакальных защит к обсессивным. В 1940 году Кляйн пришла к выводу, что маниакальные защиты развиваются из обсессивных, используемых против персекуторной тревоги («связывающих» ее). В этом смысле Кляйн обращает особое внимание на всемогущий контроль, называя его «триумфом»: «Я хочу подчеркнуть значимость *триумфа*, тесно связанного с презрением и всемогуществом» (Klein, 1940, p. 351). Это отношение, по-видимому, довольно тонкое, однако, хотя в ранних своих работах Кляйн чрезвычайно интересовалась обсессивными защитами, считая их направленными именно против персекуторных чувств, под влиянием Фэйрберна после 1946 года обсессивные защиты исчезают из кляйнианской литературы [см. ОБСЕССИВНЫЕ ЗАЩИТЫ]. Это один из многих примеров того, как кляйнианские теории уходят столь далеко от классической терминологии, что классические понятия выбывают из обихода, хотя при этом нигде не утверждается, что они являются излишними.

Klein, Melanie (1935) ‘A contribution to the psychogenesis of manic-depressive states’. *WMK* 1, pp. 262–89.

Klein, Melanie (1940) ‘Mourning and its relation to manic-depressive states’. *WMK* 1, pp. 344–69.

Мастурбационные фантазии
Masturbation phantasies

С самого начала своей психоаналитической карьеры Кляйн интересовалась фантазийным содержанием тревоги и сосредоточила внимание на сексуальных фантазиях. Она опиралась на представление, согласно которому мастурбационные фантазии некогда сопровождали физически стимулирующие действия, но затем стали бессознательными:

> «... бессознательная фантазия обладает очень важной связью с сексуальной жизнью субъекта, поскольку она идентична той фантазии, которая помогала ему получать сексуальное удовлетворение в период мастурбации. В то время мастурбационный акт состоял из двух частей. Одна заключалась в вызывании фантазии, а другая — в неких действиях, обеспечивающих его самоудовлетворение на пике этой фантазии. Исходно эти действия были сугубо аутоэротической процедурой в целях получения удовольствия от некой определенной части его тела, которую можно назвать эрогенной. Позднее данные действия оказались соединенными с желаемой идеей из области объектной любви» (Freud, 1908, p. 161).

Кляйн придала идее о конкретной и физической природе данных фантазий форму объектных отношений.

Хотя и Абрахам (Abraham, 1921), и Ференци (Ferenczi, 1921) считали симптом тика свидетельством аутоэротической фазы, Кляйн прямо им возражала (Klein, 1925). Она описала случай тика, когда различные физические движения сопровождались фантазиями; каждое движение, отмечала она, символически представляло часть сексуального акта с объектом. Кляйн воспользовалась этим случаем, чтобы выделить свой подход, в котором основное внимание уделялось *объектным отношениям*, вовлекаемым инстинктивными импульсами [см. НАРЦИССИЗМ; 2. БЕССОЗНАТЕЛЬНАЯ ФАНТАЗИЯ]. Такой подход оспаривал представление о первичной фазе аутоэротизма и нарциссизма; из него непосредственно следовало, что бессознательные мастурбационные фантазии встроены во всякую деятельность:

> «Я бы хотела проиллюстрировать влияние мастурбационных фантазий на сублимацию. Феликс, тринадцатилетний мальчик, в анализе развил следующую фантазию. Он играл с красивыми обнаженными девушками, чьи груди он трогал и гладил. Нижнюю часть их тел он не видел. Они же играли друг с другом в футбол.

> За этой единичной сексуальной фантазией /…/ в анализе последовало множество других, некоторые в форме грез, другие же возникали ночью в качестве заместителя онанизма и все были связаны с играми. Эти фантазии демонстрировали, как некоторые из его фиксаций были переработаны в интерес к играм. В первой сексуальной фантазии /…/ коитус уже был замещен игрой в футбол. Эти игры стали единственным предметом его интереса и стремлений» (Klein, 1923, p. 90).

Кляйн показала, что встроенными в процесс нарциссического удовлетворения оказались фантазии об объектах, связанных с «мастурбацией». Позднее Хайманн, развивая подход Кляйн к нарциссизму [см. НАРЦИССИЗМ], описывала мастурбацию как фантазию эротического отношения с *внутренним* объектом:

> «аутоэротизм основан на фантазиях, касающихся внутренней удовлетворяющей, “хорошей” груди (соска, матери), которая спроецирована на часть тела ребенка (и таким образом представлена ею). Этот процесс, так сказать, встречает на полпути эрогенные качества органов ребенка» (Heimann, 1952, pp. 147–48).

Эрогенные зоны дают возможность использовать тело для особо интенсивного продуцирования бессознательных фантазий посредством мастурбационной манипуляции. Поэтому эротическая сексуальность, как правило, пронизана совокупностью бессознательных фантазий, выработанных в целях защиты от персекуторных или депрессивных тревог. Мельтцер (Meltzer, 1966) описывал случай, в котором для порождения бессознательных фантазий была использована анальная мастурбация.

Abraham, Karl (1921) ‘Contribution to a discussion on tic’, in Karl Abraham (1927) *Selected Papers on Psycho-Analysis*. Hogarth, pp. 322–5.

Ferenczi, Sandor (1921) ‘Psycho-analytic observations on tic’, in *Further Contributions to the Theory and Technique of Psycho-Analysis*. Hogarth, pp. 142–74.

Freud, Sigmund (1908) ‘Hysterical phantasies and their relation to bisexuality’ *S.E.* 9, pp. 155-66.

Heimann, Paula (1952) ‘Certain functions of projection and introjection in early infancy’, in Melanie Klein, Paula Heimann, Susan Isaacs and Joan Riviere, eds (1952) *Developments in Psycho-Analysis*. Hogarth, pp. 122–68.

Klein, Melanie (1923) ‘Infant analysis’. *WMK* 1, pp. 77–105.

Klein, Melanie (1925) ‘A contribution to the psychogenesis of tic’. *WMK* 1, pp. 106–27

Meltzer, Donald (1966) ‘The relation of anal masturbation to projective identification’, *Int. J. Psycho-Anal.* 47:335–42.

Мать
Mother

«Мать» является первым объектом в жизни младенца, и Кляйн стремилась понять, каково отношение к матери с первых моментов жизни и какого рода искажения накладываются на ее оценку младенцем. На первой стадии развития у младенца нет удаленного восприятия, и он познает мать только посредством ощущений, которые поставляет внутрь его кожа. Опыт младенца, постигающего свои телесные ощущения, состоит в том, что их вызывает объект, который, как это чувствует младенец, определенным образом настроен по отношению к нему [см. 5. ВНУТРЕННИЕ ОБЪЕКТЫ]. Этот первичный объект иногда называют «грудью» [см. ГРУДЬ], и оценивается он исходя из того, (a) хорошие или плохие у него намерения по отношению к младенцу и (b) переживается ли он как находящийся внутри или снаружи.

По существу, с самого начала существует несколько «матерей», и каждая из них связана с удовлетворением, которое младенец получает или в котором нуждается, что порождает «хорошую» и «плохую» мать, соответственно, для каждой его потребности. Эти «матери» соотносятся с отдельными «младенцами», то есть обособленно переживаемыми состояниями младенца, отщепленными друг от друга и удерживаемыми отдельно друг от друга в защитных целях [см. 11. ПАРАНОИДНО-ШИЗОИДНАЯ ПОЗИЦИЯ; РАСЩЕПЛЕНИЕ].

См. ОТЕЦ

Мать-с-пенисом
Mother-with-penis

См. КОМБИНИРОВАННАЯ РОДИТЕЛЬСКАЯ ФИГУРА; 4. ЭДИПОВ КОМПЛЕКС

Дональд Мельтцер
Donald Meltzer

Биография. Дональд Мельтцер учился медицине и детской психиатрии в Соединенных Штатах, но в 1954 году приехал в Лондон специально для того, чтобы обучиться психоанализу у Мелани Кляйн. Она вела его анализ вплоть до своей смерти в 1960 году. Блестящее умение привлекать клинический материал обеспечило ему лидерство в Кляйнианской группе, хотя его интерес к детскому анализу расходился с преобладающим в то время в группе интересом к психозу и пограничным расстройствам личности. Он оказал существенное влияние на развитие традиции обучения детской психотерапии, заложенной Эстер Бик в Тэвистокской клинике, и тесно сотрудничал там с ней и с Мартой Харрис, своей второй женой. Позднее его взгляды на тех-

нику и обучение психоаналитиков привели его к конфликту с Лондонским Институтом психоанализа.

НАУЧНЫЕ ДОСТИЖЕНИЯ. Работы Мельтцера — выдающийся вклад в кляйнианский психоанализ, они очень разносторонни и включают, в частности, (i) чрезвычайно тонкое и подробное рассмотрение психоаналитического процесса в ходе сессии (Meltzer, 1967) и (ii) продуктивное толкование трудов Фрейда, Кляйн и Биона (Meltzer, 1978, 1987).

В 1968 году Мельтцер описал пограничную личность и положил начало обсуждению структуры личности, организованной вокруг деструктивных импульсов. Этот подход поддерживал также Розенфельд (Rosenfeld, 1971), позднее его разрабатывали многие аналитики [см. СТРУКТУРА]. Взгляды Мельтцера на перверсивные типы личности получили развитие в серии статей, опубликованной в 1973 году. Мельтцер испытывал постоянный интерес к изучению детей-психотиков, что побудило его основать исследовательский семинар по детскому аутизму, где обсуждались идеи Эстер Бик [см. КОЖА] и Фрэнсис Тастин [см. АУТИЗМ] (Meltzer *et al.*, 1975).

В дальнейшем Мельтцер занимался преподаванием, что было причиной появления нескольких важных его комментариев, посвященных кляйнианской традиции. Книга «Кляйнианское развитие» (*The Kleinian Development,* Meltzer, 1978) стала серьезной попыткой представить соответствующие темы в трудах Фрейда, работу Кляйн «Рассказ о случае детского анализа» (*Narrative of a Child Analysis*, Klein, 1961) и работы Биона в качестве этапов непрерывного развития одного теоретического и клинического подхода. Мельтцер считал точкой роста кляйнианского анализа корпус работ Биона о мышлении и опыте (Meltzer, 1987) и сам стремился создать на этой основе психоаналитическую эпистемологию.

Klein, Melanie (1961) *Narrative of a Child Analysis*. Hogarth.

Meltzer, Donald (1967) *The Psycho-Analytic Process*. Heinemann.

Meltzer, Donald (1968) 'Terror, persecution, dread', *Int. J. Psycho-Anal.* 49:396–400; republished (1973) in Donald Meltzer, *Sexual Slates of Mind*. Perth: Clunie, pp. 99–106.

Meltzer, Donald (1973) *Serial States of Mind*. Perth: Clunie.

Meltzer, Donald (1978) *The Kleinian Development*. Perth: Clunie.

Meltzer, Donald (1987) *Studies in Extended Metapsychology*. Perth: Clunie.

Meltzer, Donald, Bremner, John, Hoxter, Shirley, Weddell, Doreen and Wittenberg, Isca (1975) *Explorations in Autism*. Perth: Clunie.

Rosenfeld, Herbert (1971) 'A clinical approach to the psycho-analytical theory of the life and death instincts: an investigation into the aggressive aspects of narcissism', *Int. J. Psycho-Anal.* 52:169–78.

Мечтание
Reverie

Этот термин был принят Бионом (Bion, 1962) для обозначения душевного состояния, которое требуется младенцу от матери. Психика матери должна находиться в состоянии спокойной восприимчивости, чтобы принять чувства младенца и придать им значение [см. КОНТЕЙНИРОВАНИЕ]. Идея заключается в том, что младенец посредством проективной идентификации будет помещать в материнскую психику состояние тревоги и ужаса, которому он не способен придать смысл и которое ощущается им как невыносимое (особенно страх смерти). Мечтание матери — это процесс придания такому состоянию определенного смысла для младенца, функция, известная под названием «альфа-функции» [см. АЛЬФА-ФУНКЦИЯ]. С помощью интроекции восприимчивой, понимающей матери младенец может развивать способность рефлексии над своими душевными состояниями.

Если по некоторым причинам мать неспособна к мечтанию, погруженности в поиски значения, младенец не может получить от нее ощущение смысла; вместо этого он переживает ощущение лишения значения, что приводит к ужасающему ощущению неизвестности [см. БЕЗЫМЯННЫЙ УЖАС]. Состояние мечтания может оказаться недостаточным по ряду причин.

(i) Неадекватный внешний объект. Психика матери может фактически оказаться загроможденной другими заботами, и тогда мать будет для ребенка отсутствовать. Таким образом, психика матери — важный для младенца компонент внешнего мира [см. ВНЕШНИЙ ОБЪЕКТ].

(ii) Зависть. Младенец может нападать на контейнирующую функцию, от которой он зависит [см. 12. ЗАВИСТЬ], и таким образом сужать возможности своей интроекции хорошего и понимающего объекта.

(iii) Контейнер-грабитель. Младенец может обладать анормально значительным компонентом зависти, и тот, будучи спроецированным в объект, превращает его в фантазии в завистливый контейнер, который отнимает у проекций младенца всякий смысл [см. КОНТЕЙНИРОВАНИЕ; БЕЗЫМЯННЫЙ УЖАС; ЭПИСТЕМОФИЛИЯ].

(iv) Неограниченные проекции. Мать может оказаться хрупким контейнером для проекций, который обрушивается под напором всемогущих проективных идентификаций младенца. Функцию ограничения проекций в фантазии исполняет «пенис внутри матери». Если наличествует адекватная ограничивающая функция, она в свою очередь способна приводить к усилению зависти, что приводит к ситуациям в пунктах (ii) и (iii) [см. ОТЕЦ].

Холдинг (holding). Винникотт (Winnicott, 1960) описывал материнское душевное состояние готовности, расположенности к младенцу, во многих отношениях напоминающее Бионово описание «мечтания» [см. ВСЕМО-

ГУЩЕСТВО; КОНТЕЙНИРОВАНИЕ]. Однако между функциями «холдинга» и «мечтанием» просматривается отчетливое различие из-за разницы соответствующих теоретических систем. Описанная Винникоттом функция холдинга — это поддержка непоколебимой веры младенца в свое всемогущество; введенная же Бионом концепция мечтания обозначает попытку матери обеспечить младенца контейнирующей функцией для понимания реальности, что приводит его к утрате всемогущества.

Bion, Wilfred (1962) 'A theory of thinking', *Int. J. Psycho-Anal.* 43:306–10; republished (1967) in W.R. Bion, *Second Thoughts.* Heinemann, pp. 110–19.

Winnicott, Donald (1960) 'The theory of the parent-infant relationship', in Donald Winnicott (1965) *The Maturational Processes and the Facilitating Environment.* Hogarth, pp. 37–55.

Мужественность Masculinity

См. ОТЕЦ; ЖЕНСТВЕННОСТЬ

Мышление Thinking

В самых первых своих работах, когда Кляйн была верна классическому подходу, она подчеркивала значимость инфантильных усилий, сопровождающих принятие первичной сцены, болезненные и тайные мысли о загадках родительской сексуальности (Klein, 1923). Ее интерес к эпистемофилическому компоненту либидо привел к существенным изменениям в понимании любопытства и знания, свойственных человеку с самого рождения (Klein, 1930, 1931) [см. ЭПИСТЕМОФИЛИЯ; ВРОЖДЕННОЕ ЗНАНИЕ].

Кляйн вновь заинтересовалась этим вопросом, когда несколько ее сотрудников начали анализировать шизофреников и обнаружили у своих пациентов тяжелые расстройства познавательных способностей. Розенфельд и Сигал провели анализ материала, связанного с нарушенным мышлением и расщеплением личности таких пациентов [см. СВЯЗЬ]. Бион продвинулся еще дальше и отправился в длительное теоретическое путешествие, выбрав в качестве исходного пункта затруднения шизофреников при установлении интеллектуальных связей (Bion, 1959) [см. СВЯЗЬ]. Бион, пытаясь понять анормальные способы шизофреников использовать свой психический аппарат, стал понимать нормальное мышление.

Бион описал свое понимание мышления (Spillius, 1988) в двух работах, вышедших в 1962 году, с таких точек зрения: (1) сочетание преконцепции с реализацией; (2) сочетание преконцепции с отсутствием; (3) связанный с альфа-функцией процесс, исходно обеспечиваемый психикой матери в

состоянии «мечтания»: материнская психика формирует объект, способный понимать, который, будучи интроецирован, формирует основание функции мышления. Бион развил последнюю из этих моделей (Bion, 1970), и она была воспринята аналитиками в качестве кляйнианской теории мышления.

(1) Сочетание преконцепции с реализацией. Развивая теорию мышления, Бион опирался на кляйнианские концепции параноидно-шизоидной позиции и проективной идентификации. Его идея относительно связи объектов заключалась в том, что существует врожденное понимание связи двух объектов и взаимоотношений между ними, основанное на врожденном ожидании взаимоотношений между ртом и соском, а также между пенисом и вагиной. Бион пытался придать своим терминам математическую строгость:

> «(a) Преконцепция. Этот термин обозначает состояние ожидания. Он соответствует понятию переменной в математической логике или неизвестного в математике. Преконцепция обладает качеством, которое Кант приписывал пустой мысли: в ней нечто может мыслиться, но не может познаваться. (b) Концепция это то, что получается, когда преконцепция сочетается с подходящими чувственными впечатлениями» (Bion, 1962b, p. 91).

Существует врожденное ожидание союза двух объектов, составляющих третий, и он есть нечто большее чем сумма двух частей. Подобное взаимоотношение Бион считает основополагающим свойством построения мыслей. Он описал «историю развития» мысли (Bion, 1962a, b), которая выглядит следующим образом: врожденная *преконцепция*, подобная нейтральному и анатомическому ожиданию ртом соска, встречает *реализацию* (реальный сосок проникает в рот), что приводит к возникновению концепции. Концепции — результат удовлетворяющих соединений [см. ПРЕКОНЦЕПЦИЯ].

(2) Сочетание с отсутствием. Отдавая должное Фрейду, который считал, что развитие мысли вызвано отсутствием удовлетворения, Бион рассматривал ситуацию, когда преконцепции приходится сочетаться с отсутствием реализации:

> «Является ли “мысль” тем же самым, что и отсутствие вещи? Если нет “вещи”, является ли “нет вещи” мыслью, и происходит ли это в силу того, что наличествует “нет вещи”, и кто-то признает, что “это” должно быть мыслью?» (Bion, 1962b, p. 35).

Для младенца отсутствие груди является столь же конкретным присутствием, что и присутствующая грудь, отсутствующая грудь познается как «нет груди» [см. ПЛОХОЙ ОБЪЕКТ; ОБЪЕКТЫ]. Бион пытается обнаружить источник того качества, которое предупреждает сознание, что «это» —

мысль, а не реальность или галлюцинация. Оно связано со способностью Эго выдерживать переживание плохого объекта, который ему угрожает, и переживание утраты хорошего объекта. Если Эго к этому способно, оно может выдерживать и переживание «мысли» об объекте, признавая его реальное отсутствие. Способность отличать мысль от объекта как такового или от галлюцинации об объекте является необходимым условием мышления [см. СИМВОЛИЧЕСКОЕ РАВЕНСТВО; ОБЪЕКТЫ].

Таким образом, порождение мысли неизбежно влечет за собой развитие «аппарата для осмысления мыслей»; и мышление определяется Бионом, со ссылкой на Фрейда, как способность «преодолеть зазор фрустрации между моментом, когда ощущается потребность, и тем, когда действие, отвечающее удовлетворению потребности, приводит к ее удовлетворению» (Bion, 1962a, p. 112). Подобные взаимоотношения между объектами могут сильно нарушаться ранними эдипальными нападениями, завистью или серьезной реальной депривацией.

Плохой объект. Когда умение выдерживать фрустрацию недостаточно для преодоления такого зазора, «перевешивает чаша фрустрации» (Bion, 1962a, p. 112). Вместо союза преконцепции с негативной реализацией развивается нечто иное, называемое «плохим» объектом, и затем эвакуируется при помощи механизма проективной идентификации. Можно избежать фрустрации и боли путем исторжения фрустрации и соединенной с ней частицы Эго (преконцепции). Это

> «не совпадает с событиями, которые Фрейд описывает в качестве характеристик мысли в фазе преобладания принципа реальности. То, что должно было стать мыслью, результат соприкосновения преконцепции с негативной реализацией, становится плохим объектом, неотличимым от вещи-в-себе и подлежащим только эвакуации» (Bion, 1962a, p. 112).

Тогда не происходит развития аппарата для мышления; вместо него развивается использование проективной идентификации:

> «Я предлагаю модель функционирования психики на основании принципа, что эвакуация плохой груди синонимична получению поддержки от хорошей груди. В итоге мысли трактуются так, как если бы они были неотличимы от плохих внутренних объектов; соответствующие механизмы ощущаются не как аппарат для осмысления мыслей, но как аппарат для избавления души от накоплений плохих внутренних объектов» (Bion, 1962a, p. 112).

Альфа-функция. Итак, если все идет хорошо, чувственные впечатления преобразуются, посредством сочетания с преконцепциями, в пригодные к

использованию мысли. В этом различие выносимых фрустраций, которые могут использоваться для развития мышления (альфа-элементы), от других психических содержаний, которые ощущаются подлежащими только эвакуации (бета-элементы) [см. АЛЬФА-ФУНКЦИЯ; БЕТА-ЭЛЕМЕНТЫ]. Альфа-функция — это (абстрактно понимаемый) процесс, с его помощью чувственным данным придается значение.

Высокоуровневое мышление. Концепции, установившись, могут повторить историю преконцепций: то есть они становятся преконцепциями для будущих реализаций (или негативных реализаций, реализаций отсутствия), создавая иерархию, порождающую сложное мышление и построение теорий. На каждой ступени функции удовлетворения и фрустрации играют свою роль в стимулировании — или наоборот, торможении — развивающегося аппарата для мышления. Это одна из осей биoновской сетки (Bion, 1963), которая как таковая представляет собой систематическую теорию (преконцепцию), разработанную для встречи с реализациями реальных типов мышления [см. БИОН].

(3) Контейнирование. Согласно третьей модели развития мысли, способность развивать аппарат для мышления зависит от интроекции объекта, способного понимать переживание младенца и наделять его смыслом. Бион отличал нормальную проективную идентификацию [см. КОНТЕЙНИРОВАНИЕ] от «чрезмерной» проективной идентификации, используемой для эвакуации накоплений плохих внутренних объектов. По сути, нормальная проективная идентификация — это ожидаемое происшествие, которое переживается контейнирующим объектом:

> «В качестве прагматической деятельности она [проективная идентификация] проявляется как поведение, разумно рассчитанное на возникновение у матери тех ощущений, от которых младенец хочет избавиться. Если младенец чувствует, что умирает, он может вызвать у матери страхи того, что он умирает. Уравновешенная мать способна принять их и реагировать терапевтическим образом: и тогда младенец чувствует, что он принимает свою испуганную личность обратно, но уже в переносимой форме, и личность младенца теперь может справиться с этими страхами» (Bion, 1962a, p. 115).

Для младенца мать представляет собой аппарат, способный вынести сочетание преконцепции с негативной реализацией, «нет-груди» [см. КОНТЕЙНИРОВАНИЕ]. Чтобы исполнять эту функцию, душа матери должна находиться в состоянии «мечтания» [см. МЕЧТАНИЕ], что приближается к свободно парящему состоянию внимания, описанному Фрейдом, а также, согласно Биону, состоянию психики, устранившей память и желание [см. ПАМЯТЬ И ЖЕЛАНИЕ; БИОН]. Когда что-то не складывается, и у

матери не получается вобрать ощущения младенца, младенец прибегает ко все более насильственным попыткам проекции в мать и таким образом развивает «аппарат для избавления души от плохих внутренних объектов». В этом неблагоприятном случае мать младенца оказывается внутренним объектом-в-становлении, который Бион описывал как «отвергающий-проективную-идентификацию объект», и для младенца это объект, преднамеренно понимающий превратно, с которым ему суждено идентифицироваться. Фрустрации младенца не становятся постижимыми, но он чувствует, что у них отобрано значение, и они оказываются «безымянным ужасом» [см. БЕЗЫМЯННЫЙ УЖАС].

Контейнирующая связь. Бион (Bion, 1962) начал исследование контейнирующего взаимоотношения с описания характера связи между контейнирующей психикой и помещаемыми в нее содержаниями. Эти связи могут быть трех видов: «L», «H» и «K», что обозначает любовь (loving), ненависть (hating) и желание знать (to know) некие содержания. Так, мать временами любит своего ребенка, временами ненавидит его, временами пытается понять, что он переживает, чувствует и думает. Для развития мысли наиболее важна K-связь. Такая связь матери с младенцем развивает соответствующую способность ребенка путем интроекции им K-связывающего объекта. Но K-связь может быть нарушенной. О'Шонесси (O'Shaughnessy, 1981) на клинических примерах описала три важных разновидности K-связи: (i) попытку познать объект через его проективные идентификации; (ii) ситуацию, когда спроецированное переживание объекта оказывается лишенным значения, что приводит к обессмысленному, оголенному переживанию, которое вызывает у младенца чувство внутреннего ужаса перед интроецированным завистливым объектом, лишающим его значения его же собственных переживаний (это обозначается как «минус K», или «–K»); (iii) состояние отсутствия «K» («нет K»), при котором способность познавать разрушена, что приводит к параноидной психотической ситуации, когда Эго существенно ослаблено расщеплением и проекцией его способности к K и сталкивается с враждебными объектами, в которые в фантазии насильственно вытолкнуты частицы Эго [см. ЭПИСТЕМОФИЛИЯ].

В общем и целом кляйнианцы приняли бионовскую теорию мышления. Разные исследователи используют (или даже понимают) ее в разной степени, а некоторые — развивают по-своему. Более остальных в этом продвинулся Мельтцер (Meltzer, 1987).

Bion, Wilfred (1959) 'Attacks on linking', *Int.J. Psycho-Anal.* 40:308–15; republished (1967) in W.R. Bion, *Second Thoughts.* Heinemann, pp. 93–109.

Bion, Wilfred (1962a) 'A theory of thinking', *Int. J. Psycho-Anal.* 43:306–10; republished (1967) in *Second Thoughts,* pp. 110–19.

Bion, Wilfred (1962b) *Learning from Experience.* Heinemann.

Bion, Wilfred (1963) *Elements of Psycho-Analysis.* Heinemann.

Bion, Wilfred (1970) *Attention and Interpretation*. Tavistock.
Klein, Melanie (1923) 'The role of the school in the libidinal development of the child'. *WMK* 1, pp. 59–76.
Klein, Melanie (1930) 'The importance of symbol-formation in the development of the ego'. *WMK* 1, pp. 219–32.
Klein, Melanie (1931) 'A contribution to the theory of intellectual development'. *WMK* 1, pp. 236–47.
Meltzer, Donald (1987) *Studies in Extended Melapsychology*. Perth: Clunie.
O'Shaughnessy, Edna (1981) 'A commemorative essay on W. R. Bion's theory of thinking', *Journal of Child Psychotherapy* 7:181–92.
Spillius, Elizabeth Bott (1988) *Melanie Klein Today, Volume I: Mainly Theory*. Routledge.

Наблюдение за детьми
Baby observation

см. НАБЛЮДЕНИЕ ЗА МЛАДЕНЦАМИ

Наблюдение за младенцами
Infant observation

Обязательной задачей детского анализа после Первой мировой войны стало подтверждение взглядов Фрейда на детство, которые он сформулировал путем обратной экстраполяции, основываясь на работе со взрослыми. Такая же задача со временем возникла в связи с открытиями Кляйн, касающимися переживаний младенцев, но сделанными при анализе детей более старшего возраста (от двух с половиной лет). В начале 1950-х были предприняты попытки наблюдать детей на младенческом этапе развития.

Проблема заключается в том, что у внешнего наблюдателя нет метода, открывающего доступ ко внутреннему миру ребенка. На этой стадии развития символическое измерение жизни сведено к минимуму; и точно так же минимальны возможности коммуникации (которая, как правило, основывается на символах). В работе со взрослыми вышеупомянутый метод — это взаимная вербальная коммуникация; в работе с детьми — наблюдение за их игрой и иногда участие в ней [см. ДЕТСКИЙ АНАЛИЗ]. Для работы с младенцами необходим был другой, новый метод. Младенец все воспринимает в ракурсе отношения объектов к своему телу и его частям, доставляемых объектами ощущений и непосредственных удовлетворений. Возможно ли вообще проникнуть в мир младенца в отсутствии какой бы то ни было символической коммуникации?

Этот вопрос горячо обсуждался в ходе Дискуссий о противоречиях в 1943 году. Когда Сюзен Айзекс впоследствии (в 1948 году) опубликовала

свой доклад 1943 года («Природа и функция фантазии»), она предпослала ему обстоятельное введение, в котором попыталась обосновать процесс психоаналитического заключения: если Фрейд применил экстраполяцию от взрослого к ребенку, то обоснована и экстраполяция данных Кляйн, полученных в работе с детьми, на младенцев.

Кляйн также непосредственно наблюдала за младенцами, интерпретируя на основании своих открытий, какого рода переживания возникают в их психике. Когда эта работа была наконец опубликована (Klein, 1952), она показала, сколь много внимания Кляйн уделяла окружению младенца — т. е. матери, которая является для ребенка первичным окружением, и ее душевному состоянию, Эта работа послужила серьезным подкреплением сформулированной Винникоттом максимы «не существует такой вещи, как младенец» (Winnicott, 1960). В небольшой заметке Джозеф (Joseph, 1948) затронула проблему терапевтического вмешательства на материале одного непродолжительного наблюдения. Мы упомянули редкие удачные наблюдения, однако в целом нельзя говорить о заметном росте интереса к анализу младенцев в тот период.

Несимволическая коммуникация. Когда в конечном итоге стало понятно, что существуют различные разновидности проективной идентификации (Bion, 1957) [см. 13. ПРОЕКТИВНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ], открылась перспектива разработки метода наблюдения за младенцами. Проективная идентификация — это несимволическая форма коммуникации, но аналитики осознали, что непосредственное воздействие душевного состояния одного человека на душевное состояние другого обладает коммуникативным потенциалом вне мира символов («нормальная проективная идентификация»). Иногда символы могут даже быть инструментом такого непосредственного воздействия (невербальные сообщения посредством тона голоса и т. д. и т. п.). Аналитики, которые стали внимательно относиться к использованию своих реакций в качестве инструментов понимания [см. КОНТРПЕРЕНОС], смогли нащупать метод, который не нуждался в символических формах выражения внутреннего мира. Однако в ситуации наблюдения за младенцем сценой непосредственных воздействий являются душевные состояния младенца и матери. Таким образом, мать оказывается посредником в проявлении взаимодействий младенца с объектами — посредником, аналогичным игрушкам в детском анализе.

Наблюдение за младенцами. Бик впервые организовала эту работу в 1948 году в качестве элемента тренинга для обучающихся детской психотерапии и детскому психоанализу (см., например, Magagna, 1987; Glucksmann, 1987; di Ceglie, 1987). Она приступила к систематическим наблюдениям за младенцами и их матерями на дому, проводившимся еженедельно в ходе первого года жизни (Bick, 1964, 1968, и посмертно изданная работа: Bick, 1986). Как можно было ожидать, наблюдения частично подтвердили данные психоанализа

детей, частично принесли новые факты и теории; из них некоторые и сегодня остаются несколько в стороне от основного направления кляйнианской мысли [см. БИК]: пассивный характер собранности воедино благодаря удерживанию первичным объектом и природа адгезивной идентификации.

Бик описала самые первые попытки интроецирования объекта, который способен удерживать личность собранной воедино [см. 11. ПАРАНОИДНО-ШИЗОИДНАЯ ПОЗИЦИЯ]. Во взаимодействии мать-младенец она смогла обнаружить, что этот первый объект переживается главным образом посредством кожного контакта и ощущения кожи как контейнирующего объекта.

См. КОЖА; АДГЕЗИВНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ

Bick, Esther (1964) 'Notes on infant observation in psycho-analytic training', *Int.J. Psycho-Anal.* 45:558–66; republished (1987) in Martha Harris and Esther Bick. The *Collected Papers of Martha Harris and Esther Bick*. Perth: Clunie, pp. 240–56.

Bick, Esther (1968) 'The experience of the skin in early object relations', *Int.J. Psycho-Anal.* 49:484–6; republished (1987) in *The Collected Papers of Martha Harris and Esther Bick,* pp. 114–18.

Bick, Esther (1986) 'Further considerations of the function of the skin in early object relations', *Br.J. Psychother.* 2:292–9.

Bick, Esther (1957) 'Differentiation of the psychotic from the non-psychotic personalities', *Int.J. Psycho-Anal.* 38:266–75; republished (1967) in *Second Thoughts*. Heinemann, pp. 43–64.

di Ceglie, Giovanna (1987) 'Projective identification in mother and baby relationship', *Br. J. Psychother.* 3:239–5.

Glucksman, Marie (1987) 'Clutching at straws: an infant's response to lack of maternal containment', *Br.J. Psychother.* 3:340–9.

Isaacs, Susan (1948) 'The nature and function of phantasy', *Int.J. Psycho-Anal.* 29:73–97; republished (1952) in Melanie Klein, Paula Heimann, Susan Isaacs and Joan Riviere, eds *Developments in Psycho-Analysis*. Hogarth, pp. 66–121.

Joseph, Betty (1948) 'A technical problem in the treatment of the infant patient', *Int. J. Psycho-Anal* 29:58–9.

Klein, Melanie (1952) 'On observing the behaviour of young infants'. *WMK3,* pp. 94–121.

Magagna, Jeanne (1987) 'Three years of infant observation with Mrs Bick', *Journal of Child Psychotherapy* 13(1): 19–39.

Schmideberg, Melitta (1934) 'The play analysis of a three-year-old girl', *Int.J. Psycho-Anal.* 15:245–64.

Winnicott, D. W. (1960) 'The theory of the infant-parent relationship', *Int.J. Psycho-Anal.* 41:585–95.

Нарциссизм
Narcissism

Кляйн радикально отошла от Фрейда в вопросе о природе нарциссизма. Фрейд (Freud, 1914) выделял несколько разновидностей нарциссизма:

(i) первичный нарциссизм как стадия в раннем младенчестве, на которой объектом либидинозной любви становится собственное Эго младенца и которая предшествует способности ребенка распознавать объект;

(ii) вторичный нарциссизм — регрессия от объектных отношений, принесших разочарование из-за утраты объекта либо некоторого пренебрежения с его стороны, назад к нарциссической любви к Эго;

(iii) нарциссические объектные отношения, когда Эго любит объект, поскольку объект напоминает собой Эго.

Кляйн с этим не соглашалась и считала, что первичного нарциссизма не существует. Вероятно, в этом заключается наиболее важное отличие ее теоретических взглядов от классического психоанализа и эго-психологии [см. ЭГО-ПСИХОЛОГИЯ]. Кляйнианское понятие нарциссизма прошло несколько этапов развития:

(1) нарциссизм и объектные отношения сосуществуют;

(2) нарциссические состояния как отличные от нарциссической стадии;

(3) нарциссизм и зависть;

(4) негативный нарциссизм;

(5) нарциссическая структура характера.

(1) Сосуществование нарциссизма и объектных отношений. Разные виды нарциссизма, описанные Фрейдом, Кляйн свернула в единую теорию внутренних объектов [см. 5. ВНУТРЕННИЕ ОБЪЕКТЫ]. Сначала, в 1925 году, она оспорила представление Ференци и Абрахама о безобъектной природе тика [см. МАСТУРБАЦИОННЫЕ ФАНТАЗИИ]; она «считала, что аутоэротизм и нарциссизм у младенца в начале жизни существуют одновременно с первым отношением к объектам» (Klein, 1952, p. 51).

Нарциссические объектные отношения. «Фаза становления начала Эдипова конфликта и сопровождающих его мастурбационных фантазий — это фаза нарциссизма» (Klein, 1932, p. 171). В этом виде представление о стадии, которой присуща и безобъектность (аутоэротизм или нарциссизм), и существование объектных отношений, выглядит противоречивым. Но в те годы Кляйн пишет об этом так, будто данное представление нисколько не противоречиво, а является развитием ортодоксальных теорий. Однако позднее она соглашается с тем, что данная «гипотеза противоречит концепции Фрейда об аутоэротическом удовлетворении и нарциссических *стадиях*» (Klein, 1952, p. 21), и проводит различие между фрейдовским понятием нарциссической *стадии* и нарциссическими *состояниями*. Она поясняет, что «отход при аутоэротическом удовлетворении и нарциссических состо-

яниях производится именно к этому интернализованному объекту» (Klein, 1952, p. 51).

Нарциссизм и интроективная идентификация. Наиболее отчетливо в то время кляйновскую теорию нарциссизма формулирует Хайманн (Heimann, 1952):

> «Существенное отношение между инфантильными и зрелыми объектными отношениями заключается в том, что взрослый воспринимает объект как независимо существующий, а для младенца он всегда так или иначе связан с ним самим. Объект существует в силу своей функциональной значимости для младенца» (Heimann, 1952, p. 142).

Хайманн описывает частично-объектные отношения [см. ЧАСТИЧНЫЕ ОБЪЕКТЫ], в которых объекты являются всего лишь представленными в фантазии причинами собственных ощущений младенца [см. 2. БЕССОЗНАТЕЛЬНАЯ ФАНТАЗИЯ]. Мир как он есть, с которым сталкивается младенец, выкраивается им по образцу собственных фантазий о намерениях объекта (хороших или плохих).

Эти объекты не только как-то относятся к Эго младенца, но также интроецированы, и с ними осуществлена идентификация (они ассимилированы), так что объект оказывается идентифицированным с частью младенца, и отношение к объекту становится отношением к себе или части себя. Хайманн иллюстрирует это примером младенца, сосущего палец: он

> «ощущает себя в контакте с желанной грудью, хотя на самом деле всего лишь сосет собственный палец. Его фантазии инкорпорирования груди, составляющие часть оральных переживаний и импульсов, ведут к тому, что он идентифицирует палец с инкорпорированной грудью. Он способен самостоятельно доставлять себе удовлетворение /.../, он обращается к своей интернализованной хорошей груди» (Heimann, 1952, p. 146).

Согласно Кляйн, нарциссическое состояние становится «аутоэротическим» удовлетворением с помощью внутреннего объекта, идентифицированного с частью Эго и любимого именно в таком качестве. Это — защитная реакция.

Концепцию нарциссизма изменило понимание всемогущего характера фантазий, лежащих в основе примитивных защитных механизмов [см. ВСЕМОГУЩЕСТВО; 9. ПРИМИТИВНЫЕ ЗАЩИТНЫЕ МЕХАНИЗМЫ].

Нарциссические *стадии*, о которых говорил Фрейд, для Кляйн и Хайманн становятся нарциссическими *состояниями* (Segal, 1983), когда про-

исходит отступление к психическому состоянию, в котором всемогущие фантазии идентификации выходят на первый план. Нарциссический объектный выбор — это более долговременная организация всемогущих фантазий в структуре объектных отношений и личности. Вначале Кляйн рассматривала его, следуя Фрейду, как идентификацию внешнего объекта любви с частью самости: типичный пример находим в гомосексуальности, когда пенис другого мужчины репрезентирует ту собственную мужественность любящего, которую он любит.

(2) Нарциссические состояния. Дальнейшее развитие кляйнианской концепции нарциссизма связано с описанием Кляйн проективной идентификации [см. 13. ПРОЕКТИВНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ]. Кляйн полностью пересмотрела и подробно разработала процесс идентификации части самости с объектами и поместила его в центр своего подхода [см. 11. ПАРАНОИДНО-ШИЗОИДНАЯ ПОЗИЦИЯ]: «отношение к другому человеку на основании проецирования в него плохих частей самости имеет нарциссическую природу» (Klein, 1946, p. 13), поскольку объект «не ощущается как индивидуальность, но ощущается как плохая самость младенца» (Klein, 1946, p. 8). Хорошие части самости также помещаются в объекты в проективной идентификации. Однако внимание Кляйн к проективной идентификации как способу совладания с персекуторной тревогой и инстинктом смерти (на параноидно-шизоидной позиции) связывает нарциссические объектные отношения с тревогой, агрессией и инстинктом смерти.

Всемогущество и нарциссизм. Использование проективной идентификации стало в кляйнианской литературе почти синонимом нарциссизма, и параноидно-шизоидную позицию называли «нарциссической позицией» (Segal, 1983). Однако при этом важно различать «нормальную проективную идентификацию» и «патологическую проективную идентификацию» [см. 13. ПРОЕКТИВНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ]. Бион (Bion, 1959) и Розенфельд (Rosenfeld, 1964) различали эти два типа проективной идентификации по степени всемогущества в фантазии. Когда фантазия всемогуща, идентификация части самости с объектом приводит к размыванию границы между ними, так что одно *становится* другим [см. ВСЕМОГУЩЕСТВО]. Это напоминает данные Сигал описания примитивной разновидности символа, которую она называет «символическим равенством» [см. СИМВОЛИЧЕСКОЕ РАВЕНСТВО].

Розенфельд (Rosenfeld, 1964) отметил, что всемогущая идентификация посредством интроекции приводит к подобной же утрате границ, когда интроецированный объект подвергается в фантазии всемогущим образом достигаемому слиянию с частью самости. Отличительный признак нарциссических состояний — *всемогущая* идентификация посредством проекции или интроекции, насильственность которой устраняет границу

между Эго и объектом, что приводит к утрате понимания как внутренней, так и внешней реальности [см. 11. ПАРАНОИДНО-ШИЗОИДНАЯ ПОЗИЦИЯ].

(3) Нарциссизм и зависть. Сигал (Segal, 1983) говорит, что Кляйн в книге «Зависть и благодарность»

> «описывает развертывание проективной идентификации целиком как осуществление завистливых намерений и также как защиту от зависти — например, проникновение в объект и овладение его качествами. В связи с этим она не упоминает нарциссизм, но подразумевает, что должна быть тесная связь между нарциссизмом и завистью. Первичный нарциссизм, по Фрейду, состоит в том, что ребенок чувствует себя источником всякого удовлетворения. Открытие объекта дает начало ненависти» (Klein, 1957).

С другой стороны, первичная зависть, как ее описывает Кляйн,

> «стремится причинить порчу враждебностью, возникающей при понимании, что источник жизни и хорошести расположен извне. С моей точки зрения, зависть и нарциссизм — две стороны одной медали. Нарциссизм защищает нас от зависти. В этом и заключается различие. Если вы убеждены в существовании длительной нарциссической стадии, для вас зависть будет производной от краха нарциссической иллюзии. Если же, как Мелани Кляйн, вы утверждаете, что знание об объектном отношении и потому также и зависть существуют с самого начала, нарциссизм окажется для вас защитой от зависти и потому будет связан скорее с инстинктом смерти и завистью, чем с либидинозными силами» (Segal, 1983, pp. 270–71).

Нарциссизм — всемогущая идентификация посредством проекции или интроекции — таким образом более или менее уравнивается с усилиями Эго в первые моменты жизни, предпринимаемыми для того, чтобы организоваться против угрозы инстинкта смерти (который исходно проявляется как первичная зависть).

(4) Негативный нарциссизм. Розенфельд (Rosenfeld, 1964) считал, что «сила и стойкость всемогущих нарциссических объектных отношений тесно связаны с силой зависти младенца» (p. 171). Он развил представление об агрессивном аспекте нарциссизма, обусловленном завистью и инстинктом смерти (Rosenfeld, 1971). Он обнаружил симметрию между отведением либидо на Эго (как это описывал Фрейд), с одной стороны, и отведением инстинкта смерти на Эго, с другой. Последнее он назвал *негативным нарциссизмом* и также соотнес его с негативной терапевтической реакцией:

«В ходе тщательного изучения нарциссизма мне показалось важным различать либидинозные и деструктивные его аспекты. Рассматривая нарциссизм в его либидинозном аспекте, можно видеть, что здесь центральную роль играет завышенная оценка самости, которая основана преимущественно на идеализации самости. Самоидеализация поддерживается всемогущими интроективными и проективными идентификациями с хорошими объектами и их качествами. Таким образом тот, кто подвержен нарциссизму, чувствует все ценное во внешних объектах и в мире снаружи частью себя самого и всемогущественно это ценное контролирует. Рассматривая нарциссизм с противоположной стороны, мы снова обнаруживаем, что на этот раз деструктивные аспекты самоидеализации играют центральную роль, но теперь это идеализация всемогущих деструктивных частей самости. Они направлены против всякого позитивного либидинозного объектного отношения и против всякой либидинозной части самости, которая переживает потребность в объекте и желание зависеть от него» (Rosenfeld, 1971, p. 173).

На своем клиническом материале Розенфельд описал организацию объектов и отношений, определяемую изнутри преобладанием направленных на самость агрессивных импульсов — пережитков исходного инстинкта смерти, с которым не полностью справилась первичная «экстернализация», описанная Фрейдом и Кляйн [см. ИНСТИНКТ СМЕРТИ; СТРУКТУРА].

(5) Нарциссическая структура характера. Розенфельд разграничил два типа нарциссизма, что очень важно для практики и было поддержано другими аналитиками. Структурирование личности, основанное на всемогущей «плохой» самости и порабощенной «хорошей» самости, ранее было описано Мельтцером (1968) и Мани-Кёрлом (1969), но Розенфельд продемонстрировал устойчивость такой организации в определенных типах личности, обычно называемых пограничными.

Сигал (Segal, 1983) подчеркивала различие между простым нарциссическим отходом, с одной стороны, и долговременной личностной структурой нарциссической личности — с другой, причем таких личностей «мы наблюдаем все больше» (p. 270). Эта структура выстроена посредством «реинтернализации объекта, которым завладели путем проекции» (p. 270). Такая личностная структура защитным образом организована вокруг зависти. Более поздние работы по патологии пограничных личностей указывают на борьбу с «плохими» частями самости, что составлены из механизмов и объектных отношений, связанных с инстинктом смерти. Это один из методов, с помощью которых Эго пытается организовать фантазии, выражающие инстинкт смерти, и этот метод отличается от более типичного режима проецирования «плохого» *объекта*, описанного Кляйн:

> «Я считаю, что тревога, порождаемая действием инстинкта смерти внутри организма ощущается как страх аннигиляции (смерти) и принимает форму преследования. Этот страх перед деструктивным импульсом, по-видимому, тотчас же прикрепляется к объекту — или, вернее, переживается как страх перед неконтролируемым подавляющим объектом» (Klein, 1946, p. 4).

Патологические структуры, которые таким образом организуют инстинкт смерти, были затем описаны многими другими аналитиками (Joseph, 1982; Steiner, 1982; Brenman, 1985; Sohn, 1985) [см. СТРУКТУРА].

Bion, Wilfred (1957) 'Differentiation of the psychotic from the non-psychotic personalities', *Int. J. Psycho-Anal.* 38:266–75; republished (1967) in W. R. Bion, *Second Thoughts*. Heinemann, pp. 43–64.

Bion, Wilfred (1959) 'Attacks on linking', *Int. J. Psycho-Anal.* 40:308-15; republished (1967) in *Second Thoughts,* pp. 93–109.

Brenman, Eric (1985) 'Cruelty and narrow-mindedness', *Int. J. Psycho-Anal.* 66:273–81. Freud, Sigmund (1914) 'On narcissism'. *S.E.* 14, pp. 67–102.

Brenman, Eric (1925) 'Negation'. *S.E.* 19, pp. 235–9.

Heimann, Paula (1952) 'Certain functions of introjection and projection in early infancy', in Melanie Klein, Paula Heimann, Susan Isaacs and Joan Riviere, eds (1952) *Developments in Psycho-Analysis*. Hogarth, pp. 122–68.

Joseph, Betty (1982) 'Addiction to near death', *Int. J. Psycho-Anal* 63:449–56.

Klein, Melanie (1925) 'A contribution to the psychogenesis of tics'. *WMK* 1, pp. 106–27.

Klein, Melanie (1932) *The Psycho-Analysis of Children. WMK* 2.

Klein, Melanie (1946) 'Notes on some schizoid mechanisms'. *WMK* 3, pp. 1–24.

Klein, Melanie (1952) 'The origins of transference'. *WMK* 3, pp. 48–56.

Klein, Melanie (1957) *Envy and Gratitude. WMK* 3, pp. 176–235.

Meltzer, Donald (1968) 'Terror, persecution, dread', *Int. J. Psycho-Anal.* 49:396–400; republished (1973) in Donald Meltzer, *Sexual States of Mind*. Perth: Clunie, pp. 99–106. Money-Kyrle, Roger (1969) 'On the fear of insanity', in (1978) *The Collected Papers of Roger Money-Kyrle*. Perth: Clunie, pp.434–41.

Rosenfeld, Herbert (1964) 'On the psychopathology of narcissism', *Int. J. Psycho-Anal.* 45:332–7; republished (1965) in Herbert Rosenfeld, *Psychotic States*. Hogarth, pp. 169–79.

Rosenfeld, Herbert (1971) 'A clinical approach to the psycho-analytical theory of the life and death instincts: an investigation into the aggressive aspects of narcissism', *Int. J. Psycho-Anal.* 52:169–78.

Segal, Hanna (1983) 'Some clinical implications of Melanie Klein's work', *Int. J. Psycho-Anal.* 64:269–76.

Sohn, Leslie (1985) 'Narcissistic organization, projective identification and the formation of the identificate', *Int. J. Psycho-Anal* 66:201–13.

Steiner, John (1982) 'Perverse relationships between parts of the self', *Int. J. Psycho-Anal.* 63:15–22.

Негативная терапевтическая реакция
Negative therapeutic reaction

К своему удивлению, Фрейд обнаружил, что некоторые пациенты плохо реагируют на интерпретации аналитика: им становится не лучше, а хуже от хороших интерпретаций. Его ошеломила «склонность [Человека с волками] к преходящим "негативным реакциям"; всякий раз, когда что-то наконец прояснялось, он старался опровергнуть достигнутое» (Freud, 1917, p. 69). С того времени началась долгая история попыток понять эту проблему. В их основу легло допущение, что сколь бы правильной ни была интерпретация, вызвавшая негативную реакцию пациента, должна существовать «более точная» интерпретация, учитывающая и эту негативную реакцию.

Было несколько попыток понять эту реакцию.

(i) Вина. Фрейд (Freud, 1923) относил ее на счет вины, особенно бессознательной, которая приводит к потребности в наказании; пациент добивается наказания в форме страдания от плохого самочувствия [см. 2. БЕССОЗНАТЕЛЬНАЯ ФАНТАЗИЯ].

(ii) Инстинкт смерти. В работе, датированной 1924 годом, Фрейд (Freud, 1924) размышляет о роли инстинкта смерти в негативной терапевтической реакции.

(iii) Депрессивная позиция. Ривьер (Riviere, 1936) в свете кляйновской концепции депрессивной позиции сделала некоторые выводы о значимости объектных отношений, вовлеченных в бессознательное чувство вины. Имеет место страх ответственности за смерть хорошего объекта или нанесенный ему ущерб, особенно в отношении интернализованного хорошего объекта [см. 10. ДЕПРЕССИВНАЯ ПОЗИЦИЯ]. Согласно Ривьер, если интерпретировать испытывающему вину пациенту, что именно с ним не в порядке, он будет чувствовать себя еще более виноватым, поскольку к его проблемам добавится еще одна. Ривьер считала необходимым уравновешивание интерпретаций плохих частей самости интерпретациями хороших частей, и этот подход позднее поддержал Розенфельд (Rosenfeld, 1987).

(iv) Зависть. В том же году Хорни (Horney, 1936) предположила, что негативная терапевтическая реакция является следствием зависти к аналитику, то есть желанием испортить его работу. Во многом эта идея Хорни опирается на короткую статью Абрахама (Abraham, 1919) о пациентах, не способных выносить успех аналитика в работе с ними.

После того как Кляйн (Klein, 1957) уточнила понятие зависти [см. 12. ЗАВИСТЬ], такая деструктивность стала пониматься как крайне примитивный импульс, направленный против интерпретаций аналитика. Таким образом, чем лучше интерпретации, тем сильнее вызываемая ими завистливая реакция. Кроме того, завистливый пациент завидует не только интерпретациям, но и самой *способности аналитика давать интерпретации,* то есть он завидует некоторому аспекту психики аналитика.

Бион (Bion, 1962) описывал использование пациентом проективной идентификации с целью захвата психики аналитика своими собственными невыносимыми частями, что является результатом зависти к *способности аналитика контейнировать свои переживания* и переживания его пациентов.

Розенфельд (Rosenfeld, 1975), а также Этчегоен и его соавторы (Etchegoyen *et al.*, 1987) указали на необходимость отличать негативную терапевтическую реакцию из-за завистливого импульса, направленного на порчу лучших достижений аналитика, от реакции (возможно, столь же негативной) на аналитика, чьи интерпретации просто неправильны, поскольку они служат защитой с его стороны.

Структура Эго. Розенфельд (Rosenfeld, 1971) описал негативный нарциссизм и организацию личности в пограничных состояниях, когда негативные импульсы направлены против лучших частей самости и против всякого объекта (в том числе аналитика), связанного с нацеленной на сотрудничество стороной личности. С того времени подобная структура пограничных личностей описывалась часто [см. СТРУКТУРА]. Такой подрыв анализа, нередко сопровождаемый *скрытой* негативной терапевтической реакцией, зачастую приводит к тупику без видимой причины: пациент

> «захватывает способности аналитика посредством всемогущей проективной идентификации, предполагающей чрезвычайно конкретное чувство пребывания внутри аналитика и таким образом — контроля над ним, так что вся творческая способность и понимание аналитика могут приписываться Эго пациента» (Rosenfeld, 1975, p. 223).

Вся структура такой личности организована вокруг зависти и защит от признания существования отдельной, независимой способности аналитика [см. НАРЦИССИЗМ].

Abraham, Karl (1919) 'A particular form of neurotic resistance against the psycho-analytic method', in Karl Abraham (1927) *Selected Papers on Psycho-Analysis.* Hogarth, pp. 303–11.

Bion, Wilfred (1962) *Learning from Experience.* Heinemann.

Etchegoyen, Horatio, Lopez, Benito and Rabih, Moses (1987) 'Envy and how to interpret it', *Int. J. Psycho-Anal.* 68:49–61.

Freud, Sigmund (1917) 'From the history of an infantile neurosis'. *S.E.* 17, pp. 3–123.

Freud, Sigmund (1923) *The Ego and the Id*. *S.E.* 19, pp. 3–66.

Freud, Sigmund (1924) 'The economic problem of masochism'. *S.E.* 19, pp. 157–70.

Horney, Karen (1936) 'The problem of the negative therapeutic reaction', *Psychoanal. Q.* 5:29–44.

Klein, Melanie (1957) *Envy and Gratitude*. *WMK* 3, pp. 176–235.

Riviere, Joan (1936) 'A contribution to the analysis of the negative therapeutic reaction', *Int. 7. Psycho-Anal.* 17:304–20.

Rosenfeld, Herbert (1971) 'A clinical approach to the psycho-analytical theory of the life and death instincts: an investigation into the aggressive aspects of narcissism', *Int.J. Psycho-Anal.* 52:169–78.

Rosenfeld, Herbert (1975) 'Negative therapeutic reaction', in Peter Giovacchini, ed. *Tactics and Techniques in Psycho-Analytic Therapy,* vol. 2. New York: Jason Aronson, pp. 217–28.

Rosenfeld, Herbert (1987) *Impasse and Interpretation*. Tavistock.

Steiner, John (1987) 'Interplay between pathological organizations and the paranoid-schizoid and depressive positions', *Int.J. Psycho-Anal* 68:69–80.

Негативный нарциссизм
Negative narcissism

В ответ на критику кляйнианского признания инстинкта смерти (см., например, Kernberg, 1969) Розенфельд (Rosenfeld, 1971) представил клинический материал, который указывал на действующий внутри личности деструктивный процесс. Этот процесс ощущался как нечто «плохое», подчиняющее «хорошие» части личности, как некая мафиозная банда может контролировать общество в целом. Подобное внутреннее запугивание напоминает злонамеренную форму внутреннего соблазнения, описанную Мельтцером (Meltzer, 1968).

Опираясь на идею Фрейда о нарциссизме как обращении либидо на Эго в акте любви к себе, Розенфельд ввел термин «негативный нарциссизм», описывающий внутреннее состояние направленности деструктивности Эго на само Эго.

См. НАРЦИССИЗМ; ИНСТИНКТ СМЕРТИ

Kernberg, Otto (1969) 'A contribution to the ego-psychological critique of the Kleinian School', *Int.J. Psycho-Anal.* 50:317–33.

Meltzer, Donald (1968) 'Terror, persecution, dread", *Int. J. Psycho-Anal* 49:396–400; republished (1973) in Donald Meltzer, *Sexual States of Mind*. Perth: Clunie, pp. 99–106.

Rosenfeld, Herbert (1971) 'A clinical approach to the psycho-analytical theory of the life and death instincts: an investigation into the aggressive aspects of narcissism', *Int.J. Psycho-Anal* 52:169–78.

Образование символов
Symbol-formation

Фрейд в общих чертах (Freud, 1900) дал представление о символизации, основанной на сублимации, затем оно было детально разработано Джонсом (Jones, 1916) и другими авторами. Фрейд считал, что человеческие инстинкты очень податливы и психическая энергия, проистекающая из них, может удерживаться от непосредственного телесного удовлетворения с помощью запретов общества и Супер-Эго и перенаправляется в социальное русло, что и является процессом сублимации. Психоаналитическая техника беседы подчеркивает значимость вербальных символов — слов. В памяти, как указывал Фрейд, существуют два вида репрезентаций: память о вещи (или переживание), и память о ее названии (или вербальное обозначение). Он придавал особое значение этому различию — основной характеристике предсознательной части психики (есть словесные репрезентации), отличающей ее от бессознательного (есть только предметные репрезентации). На практике важной чертой шизофреников оказывается их неспособность поддерживать достаточное различие между предметными и словесными репрезентациями; таким образом они разрушают различие между бессознательной и сознательной системами психики.

Но работа Фрейда фактически была лишь описанием различия между вещью и ее вербальным символом, и в большем он не нуждался, пока его техника была вербальной. Кляйн добавила к использованию слов символическое значение детской игры. Таким образом она расценила детскую разрядку в игре как символическую в высокой степени — факт, который не был должным образом принят во внимание в теориях Фрейда, где физическое действие приравнивалось к непосредственной разрядке инстинктивной энергии. Кляйн рассматривала игру в качестве эквивалента сновидения:

> «В своих играх дети символически репрезентируют фантазии, желания и переживания. Здесь они используют тот же язык, тот же архаический, филогенетически приобретенный способ выражения, с которым мы знакомы по сновидениям» (Klein, 1926, p. 134) [см. 1. ТЕХНИКА].

Фрейд признавал сновидения символической альтернативой слов для разрядки психической энергии, поскольку и слова, и сновидения избегают обращения к мускульной активности. Кляйн же показала, что игра столь же символична, как и слова, хотя подразумевает мышечную разрядку. Таким образом, фантазия не обязательно метод разрядки, альтернативный телесному действию, каковой предлагал считать ее Фрейд, но чрезвычайно важная составляющая, если не главная движущая сила физической разрядки энергии. Отношение между непосредственной разрядкой и символической деятельностью изменялось на противоположное.

Сама Кляйн не делала серьезных попыток к пониманию различий между этими двумя мирами (физического или символического удовлетворения), но она однозначно показывала важность дальнейшего изучения символообразования как уникального человеческого достижения.

Замещение. Кляйн никогда не шла на открытые разногласия с Фрейдом, поскольку стремилась не провоцировать ортодоксальный психоаналитический мир. Но даже при этом многие аналитики впоследствии выражали недовольство кляйнианским так называемым «нефрейдистским» представлением о фантазии (например, Glover, 1945; Yorke, 1971) [см. 2. БЕССОЗНАТЕЛЬНАЯ ФАНТАЗИЯ]. В ранний период ее деятельности Кляйн очень занимали странности символообразования и причины, а также следствия неправильной символизации (Klein, 1929a, 1929b, 1930, 1931). Она видела, что с самых ранних стадий младенец ведет поиск символов и делает это, чтобы освободиться от болезненных переживаний [см. ИГРА]. Фантазийные конфликты с первичными объектами и преследование ими (то есть телом матери) способствуют поиску новых, бесконфликтных отношений с замещающими объектами (символами). Но эти конфликты имеют склонность к преемственности и часто касаются взаимоотношений с замещающим объектом (символом), что затем стимулирует поиск другого заместителя. В этом случае Кляйн описывала процесс замещения, подобный смещению, которое, как думал Фрейд, тоже было одним из факторов, лежащих в основе процесса символизации в сновидениях.

Замена одного объекта другим становится образованием символа в более узком смысле, когда нематериальный объект удовлетворения замещает социально одобряемым способом физический объект непосредственного телесного вознаграждения.

Символы и защиты. Интерес Кляйн к символизации ослабел, когда она стала заниматься сложным содержанием фантазий в большей степени, чем характером их выражения. Однако в ее ранней работе мы обнаруживаем зародыш теории формирования символов. Символы — это *первичное средство* Эго в выражении (и внутреннем, и внешнем) бессознательной фантазийной деятельности в любой данный момент. Экстернализация этих фантазий в символической игре и персонификациях обусловлена потребностью дистанцировать внутренние состояния преследования. Таким образом Кляйн показывала, что символы, как и заместители, — защитная стратегия, а анализ процесса символизации — это анализ защит.

Первоначально психоанализ был анализом символов — например, в самоанализе Фрейда (Freud, 1900). Позже было уделено особое внимание анализу защит или сопротивления (Freud, 1915). Кляйновское представление о символизации, которая сама по себе является защитным маневром, глубоко повлияло на кляйнианскую технику и понимание переноса [см. 1. ТЕХНИКА]. Во взрослом анализе даже акт вербализации может быть само-

стоятельной защитной формой отыгрывания в переносе. Таким образом, символы представляют собой как способ первичного творческого выражения [см. ТВОРЧЕСТВО], так и защиту от тревоги. Подобное слияние шага в развитии с защитным механизмом часто встречается в работе Кляйн [см. 9. ПРИМИТИВНЫЕ ЗАЩИТНЫЕ МЕХАНИЗМЫ; РАЗВИТИЕ].

Символы и части тела. Первичное действие символизации — игра — является особенно личным процессом и не несет социальной окраски подлинных символов. Выходит, Кляйн в действительности не описывала подлинного процесса символизации, но ее работа, по сути, означала следующее: хотя ребенок спонтанно, вне связи с социально принимаемым набором символов, использует свои собственные символы, они, фактически, оказываются социально значимыми, поскольку являются всеобщими. Они встречаются у всех людей, потому что в конечном счете понимаются как переживания частей человеческого тела и их отношений друг с другом [см. 2. БЕССОЗНАТЕЛЬНАЯ ФАНТАЗИЯ]. Это соответствует точке зрения Ференци, признаваемой Кляйн (Klein, 1930): «Ференци считает, что идентификация, предшественник символизма, проистекает из попытки ребенка обнаружить в каждом объекте свои собственные органы и их функционирование» (p. 220). Следовательно, части тела, которые есть у всех, действуют как основание общности первоначального символического выражения, а затем как основание всей дальнейшей общности символов.

Биология и психология. Поскольку телесные ощущения (порождающие влечения) представлены как взаимоотношения с объектами [см. 2. БЕССОЗНАТЕЛЬНАЯ ФАНТАЗИЯ], переживания, связанные с частями тела, являются для младенца объектами независимо от действительной причины ощущения. Это психический мир концепций, которые уже являются символами. Когда младенец наконец воспринимает внешний мир объективно, смысловая содержательность этих внешних объектов обеспечена инвестицией ментально постигаемых взаимоотношений. Внешние объекты уже являются символами и обладают значением только благодаря объектам внутренним; например, можно заметить, что ребенок, ожидающий кормления в состоянии нарастающей фрустрации, отворачивается от груди, когда она наконец появляется; это происходит потому, что он воспринимает приближение внешнего объекта с гневом и ужасом и наделяет его значением, идентифицируя как «плохого» преследователя, стремящегося причинить боль и вред.

Торможение образования символов. Способность существовать в мире символов, отдаленном от мира физических и биологических объектов, — это признак человеческого развития. Умение переходить к новым, замещающим объектам (символам) стимулируется тревогой, но является также движением развития.

Кляйн первой поняла, что затруднение шизофреников при формировании и использовании символов заключается в торможении процесса символообразования. Способность идентифицировать объекты символическим способом с другими вещами чрезвычайно важна как основной механизм развития интеллекта. Или, наоборот, как обнаружила Кляйн, неспособность к символизации возникает при умственном недоразвитии, напоминающем шизофрению у взрослых (Klein, 1930).

Символическое равенство. Сигал (Segal, 1950, 1957), развивая кляйнианскую традицию, на клинических примерах показала важное различие между двумя явлениями.

(i) Символическая репрезентация, в которой подлинный символ занимает место исходной вещи; за символом признаются собственные характеристики, отдельные от того, что он символизирует.

(ii) Символическое равенство, которое включает в себя нереалистическую форму проецирования в безобидный объект (символ). В символическом равенстве символ *становится* исходной вещью и привлекает те же самые конфликты и торможения, что и оригинал, по причине слияния самости с объектом, которое происходит при патологической проективной идентификации [см. СИМВОЛИЧЕСКОЕ РАВЕНСТВО].

По мере того, как всемогущие идентификации уменьшаются в интенсивности с продвижением к депрессивной позиции и к признанию целостности объекта, объекты переживаются как обладающие собственными качествами и признаются *обозначающими* какой-то другой объект со вполне отличными свойствами и признаками. Переход от символических равенств к символической репрезентации происходит с наступлением депрессивной позиции и возрастающим пониманием различия между внутренним и внешним мирами. Это процесс отказа от внешних объектов, а следовательно, и скорби об их утрате.

Эпистемофилия и альфа-функция. Позднее Бион разработал идею эпистемофилического инстинкта [см. 3. АГРЕССИЯ] и поместил его в один ряд с инстинктами жизни и смерти, обозначив все три инстинкта сопоставимыми символами — «L», «H» и «K». «L» и «H» представляют связи с объектами, установленные любовью (loving) и ненавистью (hating). «K» — это способность создавать смысл или придавать значение переживанию, или, скорее, способность переживать ощущение смысла в чем-либо, связываться с этим посредством научения из полученного с ним опыта [см. ЭПИСТЕМОФИЛИЯ]. Согласно Биону, человеческие существа имеют врожденную способность понимать свои физические/физиологические события как события в мире смысла — способность, которую он обозначал настолько нейтрально, насколько это было возможным, как «альфа-функцию» [см. АЛЬФА-ФУНКЦИЯ].

В конечном счете Бион повлиял на Сигал в вопросе об образовании символов. Сама Сигал в позднейшем постскриптуме к собственной работе (Segal, 1979) говорит, как важно учитывать *тип* проективной идентификации, а также о возможности рассматривать ее в терминах контейнера и контейнируемого [см. КОНТЕЙНИРОВАНИЕ]. Таким образом, функция символов может быть представлена в качестве контейнера для проективной идентификации эмоциональных состояний. В присущем ему стиле Бион позднее описал, как используются слова. В качестве примера он приводит заику, пытающегося высказаться:

> «Слова, необходимые ему для выражения значения, были фрагментированы теми эмоциональными силами, каким он только хотел придать словесное выражение; словесная формулировка не смогла “контейнировать” его эмоции, и они прорвались сквозь нее и ее рассеяли, как вражеские силы могут прорвать оборону тех сил, что стремятся их сдержать (contain)» (Bion, 1970, p. 94).

Отношение между символом и тем, что он предположительно контейнирует, может быть разным, возможны и те два варианта, что отметила Сигал.

Развитие символизации. Таким образом, есть несколько стадий и два пути, по которым может идти развитие символов. Стадии были описаны Мани-Кёрлом (Money-Kyrle, 1968):

> «Теорию концептуального развития нужно расширить, чтобы включить в нее не только увеличение числа и масштаба концепций, но также и развитие каждой отдельной концепции, по крайней мере, на трех стадиях: на стадии конкретной репрезентации, которая, строго говоря, вообще не является репрезентацией, поскольку невозможно провести различие между репрезентацией и репрезентируемым объектом или ситуацией; на стадии идеографической репрезентации, которую мы отмечаем в сновидениях; и на завершающей стадии осознаваемого и преимущественно вербального мышления» (Money-Kyrle, 1968, p. 422).

При движении к депрессивной позиции и находясь на ней, субъект обязательно проходит эти шаги. Прохождение этих шагов является неотъемлемой частью прогресса субъекта по направлению к депрессивной позиции и на ее протяжении.

(i) Конкретная репрезентация. Момент постижения телесного ощущения приводит к конкретной (бессознательной) фантазии о вполне реальном объекте.

(ii) Идеограммы (ideographs). Преобразование бета-элементов в пригодные к использованию психические содержания приводит к тому, что Бион рассматривает как «идеограммы» или «содержимое сновидений» (альфа-элементы).

(iii) Вербализация. Идеограммы (альфа-элементы), в случае их образования, являются подходящим материалом для создания сновидений, но также для дальнейшего символического развития в словесные репрезентации.

Безымянный ужас. Эти два шага — между (i) и (ii) и между (ii) и (iii) — зависят от того, насколько адекватно срабатывает альфа-функция. Когда она срабатывает, могут прийти вышеупомянутые стадии; если она не срабатывает (Meltzer, 1978), то замещается другой функцией, при действии которой объекты постепенно лишаются значения и становятся все более и более преследующими; это вызывает состояние страха, называемое безымянным ужасом [см. БЕЗЫМЯННЫЙ УЖАС].

Альфа-функция может потерпеть неудачу из-за чрезмерной фрустрации окружением: т. е. при настолько значительной нехватке соотнесенности преконцепций с реализациями, что никакого развития концепций и способности к мыслительной деятельности по существу вообще не происходит. Или с другой стороны, индивид может иметь столь высокий уровень врожденной зависти, что не способен устанавливать «К-связь», но только лишь жестокую форму связи («–К»), которая создает чрезвычайно преследующие объекты мысли [см. СВЯЗЬ]. В этих случаях имеет место «обращение альфа-функции» (Meltzer, 1978), и концепции в обратном порядке проходят три шага от вербальной мысли к идеограммам сновидения, затем к конкретному представлению и, возможно (при психосоматических расстройствах), к телесным состояниям. Это отступление представляет собой когнитивный аспект отступления от депрессивной позиции к параноидно-шизоидной позиции [см. ПАРАНОИДНАЯ ЗАЩИТА ОТ ДЕПРЕССИВОЙ ТРЕВОГИ].

Психотические символические равенства. Это явление, объясненное Сигал и хорошо известное у пациентов-психотиков, безусловно, происходит из того типа проективной идентификации, который порождается чрезмерной фрагментацией психики, связанной с обращением альфа-функции. Такая форма проективной идентификации, наполненная агрессией, уничтожает границы между самостью и объектом, истощает самость и переводит мышление на конкретную стадию разрядки бета-элементов. Это *патологическая* форма проективной идентификации [см. 13. ПРОЕКТИВНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ]. Аутистические состояния, при которых символизации явно не происходит, рассматриваются Бионом (Bion, 1962) и Мельтцером (Meltzer *et al.*, 1975) как неспособность к установлению альфа-функции вообще [см. АУТИЗМ] или к вовлеченности в процесс «обращения альфа-функции» (Meltzer, 1978).

Эстетика. С символообразованием тесно связана целая философская область эстетики и различий между представлениями о прекрасном, уродливом или просто привлекательным. В 1940 году Рикман (Rickman, 1940) посчитал отвращение к уродству чувством, связанным с повреждением объектов на депрессивной позиции и их смертью. Он продвигался к идее о том, что художественное творчество связано с попыткой вернуть жизнь объектам.

Сигал уточнила эту связь между эстетическим переживанием и депрессивной позицией (Segal, 1952). Рикман описал ощущение уродства как следствие деструктивности, Сигал описала депрессивную позицию человека искусства, характеризуемую депрессивной тоской по поврежденному объекту и одновременно попыткой воссоздать его с помощью искусства. Искусство — это *другой* мир, и Сигал говорит, что это внутренний мир, как его описала Мелани Кляйн. Репарация объекта тоски дает начало эстетически прекрасному искусству [см. 10. ДЕПРЕССИВНАЯ ПОЗИЦИЯ]. Или, говоря иными словами, усилие по восстановлению внутреннего объекта, которое является сущностью депрессивной позиции, есть художественное усилие, только выраженное и исполненное художником в непосредственной передаче в физической форме [см. РЕПАРАЦИЯ]. Художественное произведение – экстернализация в физическую действительность, и оно становится символическим выражением состояния внутреннего мира и работы, проделанной в нем.

Сигал противопоставляла этот процесс маниакальной репарации [см. МАНИАКАЛЬНАЯ РЕПАРАЦИЯ], которая создает поверхностную привлекательность произведения, в которой художник демонстрирует непринужденную победу над состоянием собственного внутреннего мира и таким образом — уклонение от тоски и вины. В отличие от глубин искусства, пристально рассматривающего поврежденный объект и скорбящего о нем, явно привлекательное, облегченное проявление творчества не подразумевает скорби о разрушении. Иначе говоря, оно основано на отрицании повреждения и разрушения объекта.

Стоукс (Stokes, 1955), искусствовед, достаточно внимательно изучивший подход Сигал, пришел к выводу, что суть хорошего искусства состоит в специфическом соединении слияния и различий. Это абстрактное понятие психической ситуации, отмеченной Сигал, когда она описывала переживание красоты как характерную черту борьбы за восстановление объекта, раздробленного на куски и оплакиваемого. Колебание между фрагментами и целым – тема, позднее продолженная Бионом в описаниях колебаний между параноидно-шизоидной и депрессивной позициями, которые лежат в основании всех творческих усилий, не только художественных, но и научных (Bion, 1962) [см. Ps-D].

Bion, Wilfred (1962) *Learning from Experience.* Heinemann.

Bion, Wilfred (1970) *Attention anil Interpretation.* Tavistock.

Ferenczi, Sandor (1912) 'Symbolism', *Imago* 1:276–84. Freud, Sigmund (1900) *The Interpretation of Dreams. S.E.* 4, 5.

Ferenczi, Sandor (1915) 'Repression'. *S.E.* 14, pp. 141–58.

Glover, Edward (1945) 'An examination of the Klein system of child psychology', *Psychoanal. Study Child* 1:3–43.

Jones, Ernest (1916) 'The theory of symbolism', *British Journal of Psychology* 9:181–229.

Klein, Melanie (1926) 'The psychological principles of early analysis'. *WMK* 1, pp. 128–38.

Klein, Melanie (1929a) 'Personification in the play of children'. *WMK* 1, pp. 199–209.

Klein, Melanie (1929b) 'Infantile anxiety-situations in a work of art and in the creative impulse'. *WMK* 1, pp. 210–18.

Klein, Melanie (1930) 'The importance of symbol-formation in the development of the ego'. *WMK* 1, pp. 219–32.

Klein, Melanie (1931) 'A contribution to the theory of intellectual development'. *WMK* 1, pp. 262–89.

Klein, Melanie (1978) 'A note on Bion's concept "reversal of alpha-function"', in *The Kleinian Development*. Perth: Clunie, pp. 110–26; republished (1981) in James Grotstein, ed. *Do I Dare Disturb the Universe?* Beverly Hills: Caesura, pp. 529–35.

Meltzer, Donald, Bremner, John, Hoxter, Shirley, Weddell, Doreen and Wittenberg, Isca (1975) *Explorations in Autism*. Perth: Clunie.

Money-Kyrle, Roger (1968) 'Cognitive development', *Int. J. Psycho-Anal.* 49:691–8; republished (1978) in *The Collected Papers of Roger Money-Kyrle*. Perth: Clunie, pp. 416–33.

Rickman, John (1940) ' On the nature of ugliness and the creative impulse', *Int. J. Psycho-Anal* 21:294–313.

Segal, Hanna (1950) 'Some aspects of the analysis of a schizophrenic', *Int. J. Psycho-Anal* 31:268-78; republished (1981) in *The Work of Hanna Segal*. New York: Jason Aronson, pp. 101–20.

Segal, Hanna (1952) 'Psycho-analytic approach to aesthetics', *Int. J. Psycho-Anal* 33:196–207; republished (1955) in Melanie Klein, Paula Heimann and Joan Riviere, eds *New Directions in Psycho-Analysis*. Tavistock, pp. 384—405; and (1981) in *The Work of Hanna Segal*, pp. 185–206.

Segal, Hanna (1957) 'Notes on symbol formation', *Int.J. Psycho-Anal.* 38:391–7; republished (1981) in *The Work of Hanna Segal*, pp. 49–65. (1979) 'Postscript to "Notes on symbol-formation"', in (1981) *The Work of Hanna Segal*, pp. 60–5.

Stokes, Adrian (1955) 'Form in art', in Melanie Klein, Paula Heimann and Roger Money-Kyrle, eds *New Directions in Psycho-Analysis*. Tavistock, pp. 406–20.

Yorke, Clifford (1971) 'Some suggestions for a critique of Kleinian psychology', *Psychoanal. Study Child* 26:129–55.

Обсессивные защиты
Obsessional defences

Обсессивные защиты — это повторяющиеся действия или мысли, обычно посвященные некоему акту контроля (что является смеще-

нием тревоги по поводу контроля над внутренним состоянием, импульсом или эмоцией), который ритуальным образом стремится обратить импульс разрушения. Кляйн следовала Фрейду (Freud, 1909) и Абрахаму (Abraham, 1924), полагая, что обсессивные защиты направлены конкретно против садистических импульсов:

> «... обсессивные механизмы и симптомы в целом служат цели связывания, модификации и отражения тревоги, относящейся к самым ранним уровням психики; поэтому неврозы навязчивых состояний построены на тревоге первых ситуаций опасности» (Klein, 1931, p. 246).

Кляйн была к этому вопросу столь внимательна, что в одном-двух случаях даже упоминала «обсессивную позицию». Повторяющееся уничтожение сделанного (undoing), ключевая защита в обсессивных механизмах, особенно заметна в ее клиническом материале, относящемся к маленьким детям, и она считала эту защиту одним из последствий чувства вины: «чрезвычайной значимостью в развитии невроза навязчивых состояний /.../ обладает чувство вины, порожденное Супер-Эго» (Klein, 1927, p. 179).

Позднее обсессивные механизмы постепенно теряют для Кляйн свой высокий статус, и в описаниях депрессивной позиции она пересматривает свои взгляды на чувство вины. Теперь она описывает в качестве наиболее заметных защиты маниакальные [см. МАНИАКАЛЬНЫЕ ЗАЩИТЫ], и их становится трудно отличать от защит обсессивных:

> «когда наиболее мощным фактором является невроз навязчивых состояний, подобная власть означает принудительное обособление двух (или более) объектов; когда преобладает мания, пациент прибегает к методам более насильственным. То есть объекты убиты, но, поскольку субъект всемогущ, он думает, что может немедленно вернуть их к жизни снова» (Klein, 1935, p. 278).

Это исчезающе тонкое различие Кляйн подчеркивает и далее:

> «Поскольку маниакальные защиты действуют в столь тесной связи с обсессивными, это вызывает у Эго страх, что попытки репарации при помощи обсессивных средств тоже провалились» (Klein, 1940, p. 351).

Особая обсессивная защита *уничтожения сделанного* отодвигается в сторону открытием репарации, кое в чем на нее похожей; репарация — это попытка исправить нарушенное [см. РЕПАРАЦИЯ].

Для Кляйн обсессивные защиты окончательно утратили свое значение к 1946 году, когда она вместе с коллегами-психиатрами стала работать

с больными шизофренией и изучать процессы расщепления. Критика Фэйрберна повлияла на Кляйн, и она согласилась, что слишком много внимания уделяет депрессии и (как и Абрахам) обсессивным механизмам на «психотических» ранних фазах. Она начала понимать, что существует целый класс направленных против садизма и параноидной тревоги примитивных защитных механизмов самой разной природы, которые лежат в основании «невротических защит» [см. 9. ПРИМИТИВНЫЕ ЗАЩИТНЫЕ МЕХАНИЗМЫ].

С этого момента обсессивные защиты стали рассматриваться как невротические защитные механизмы, составленные из элементов примитивных защитных механизмов, предшествовавших им в развитии. В одной из сносок к работе 1957 года (Klein, 1957, p. 221) Кляйн мимоходом отмечает, что обсессивные механизмы свойственны второму году жизни — то есть появляются спустя долгое время после решающих первых шести месяцев жизни, охватывающих параноидно-шизоидную позицию и начало депрессивной позиции.

По сути дела, обсессивные защиты были поделены между маниакальными защитами (контроль и изолирование) и репарацией (уничтожение сделанного). В основном их поглощают всемогущие формы репарации [см. МАНИАКАЛЬНАЯ РЕПАРАЦИЯ]; однако у обсессивных защит также наблюдаются важные проективные аспекты, придающие оттенок «деятельности сфинктера» столь многим обсессивным симптомам.

Abraham, Karl (1924) 'A short account of the development of the libido', in Karl Abraham (1927) *Selected Papers on Psycho-Analysis.* Hogarth, pp. 418–501.

Freud, Sigmund (1909) 'Notes upon a case of obsessional neurosis'. *S.E.* 10, pp. 153–320.

Klein, Melanie (1927) 'Criminal tendencies in normal children'. *WMK* 1, pp. 170–85.

Klein, Melanie (1931) 'A contribution to the theory of intellectual development'. *WMK* 1, pp. 236–47.

Klein, Melanie (1935) 'A contribution to the psychogenesis of manic-depressive states'. *WMK* 1, pp. 262–89.

Klein, Melanie (1940) 'Mourning and its relation to manic-depressive states'. *WMK* 1, pp. 344–69.

Klein, Melanie (1946) 'Notes on some schizoid mechanisms'. *WMK* 3, pp. 1–24.

Klein, Melanie (1957) *Envy and Gratitude. WMK* 3, pp. 176–235.

Общество
Society

Хотя кляйнианский психоанализ особо пристальное внимание уделяет внутрипсихическому миру и часто подвергается критике за небрежение внешним миром [см. ВНЕШНИЙ МИР], он дал начало примечательно устойчивой тенденции разработки теорий внешнего мира и общества. По сути, можно насчитать не менее трех серьезных попыток развить психоаналитическую теорию общества, основанную на

кляйнианских понятиях. Все эти теории опираются на понятие проективной идентификации, возможно, потому, что его можно использовать в качестве внутрипсихической теории интерперсонального мира. Вот эти три теории: (i) предложенная Джейксом (Jaques, 1953) теория социальных защитных систем [см. СОЦИАЛЬНЫЕ ЗАЩИТНЫЕ СИСТЕМЫ]; (ii) предложенная Сигал (Segal, 1957) теория образования символов [см. ОБРАЗОВАНИЕ СИМВОЛОВ]; (iii) предложенная Бионом (Bion, 1962a, 1962b) теория контейнирования [см. КОНТЕЙНИРОВАНИЕ].

Кроме того, бионовская теория групп, построенных на базовых допущениях [см. БАЗОВЫЕ ДОПУЩЕНИЯ], не чужда кляйнианским идеям и обладает весьма выраженным кляйнианским уклоном (Bion, 1961). Бион писал работы о базовых допущениях до обучения кляйнианскому психоанализу и не рассматривал изложенные в них идеи с этой стороны. Часть представлений о базовых допущениях (особенно о допущении «образования пар») была преобразована в 1970 году в теорию социального контейнирования (Bion, 1970).

Bion, Wilfred (1961) *Experiences in Groups*. Tavistock.

Bion, Wilfred (1962a) 'A theory of thinking', *Int. J. Psycho-Anal.* 43:306–10; republished (1967) in W. R. Bion, *Second Thoughts*. Heinemann, pp. 110–19.

Bion, Wilfred (1962b) *Learning from Experience*. Heinemann.

Bion, Wilfred (1970) *Attention and Interpretation*. Tavistock.

Jaques, Elliott (1953) 'On the dynamics of social structure', *Human Relations* 6:10–23; republished as 'The social system as a defence against persecutory and depressive anxiety', in Melanie Klein, Paula Heimann and Roger Money-Kyrle, eds (1955) *New Directions in Psycho-Analysis*. Tavistock, pp. 478–98.

Segal, Hanna (1957) 'Notes on symbol-formation', *Int. J. Psycho-Anal.* 38: 391–7; republished (1981) in *The Work of Hanna Segal*. New York: Jason Aronson, pp. 49–65.

Объектных отношений школа
Object-Relations School

К читателю Кляйн термин «объектные отношения» подкрадывается тайком. В конечном итоге он породил целое направление психоаналитической теории, разрабатываемое главным образом в Британском психоаналитическом обществе. Очень важную роль здесь играет отсутствие точного определения, что дает свободу множественному использованию термина.

Школа объектных отношений включает в себя различные теоретические взгляды и в целом объединяет тех британских аналитиков, которые занимаются в первую очередь состоянием и характером объектов. В этом ее отличие от классической школы, или школы эго-психологии, больше

сосредоточенной на инстинктивных импульсах, составляющих энергию интереса [см. ЭГО-ПСИХОЛОГИЯ].

К Школе объектных отношений относят, в частности, Фэйрберна, Винникотта и Балинта, а также в целом так называемую Группу независимых психоаналитиков (Kohon, 1986) Британского психоаналитического общества. Все они склонны игнорировать «экономические» аспекты энергии инстинктов, что и отличает их от эго-психологов. На их фоне Кляйн выделяет признание инстинкта смерти. В Британском психоаналитическом обществе представлены два направления школы объектных отношений: (i) фэйрберновская система взглядов утверждает, что человек стремится не к получению удовольствия, но к объектам; (ii) различные промежуточные позиции — двухфакторные теории (Eagle, 1984) сочетают внимание к объектам с теорией инстинктов. Аналитики обоих направлений черпают вдохновение в работах Кляйн.

Однако многие британские психоаналитики сказали бы, что Кляйн на самом деле не принадлежит к школе объектных отношений (например Kohon, 1986). С их точки зрения, к ней относятся только Фэйрберн, Балинт и Винникотт. Например, Гантрип (Guntrip, 1961), пропагандируя подход Фэйрберна, нарисовал особую карту развития психоаналитической теории за последние пятьдесят лет. Она движется вдоль оси от научной неврологии Фрейда к психологической теории, целостной и не затронутой биологией. Такое движение заманчиво прямолинейно, но можно показать, что оно иллюзорно и выдает желаемое за действительное. Безусловно, справедливо, что маятник психоанализа качнулся от научной неврологии и биологии к чистой психологии, но медоточивое перо Гантрипа исподтишка подталкивает этот маятник. Тем не менее, указанная Гантрипом ось является заметной чертой карты. Она описана также Гринбергом и Митчеллом (Greenberg and Mitchell, 1983) как противоположность между «моделью влечения/структуры» и «моделью отношения/структуры».

И научный «биологизм», с которого начинал Фрейд, и чистый «психологизм» Фэйрберна (и Гантрипа) — это крайности. Люди являются как биологическими, так и психологическими существами одновременно, и узко биологическая трактовка Фрейда и отвергающая инстинкты психология Фэйрберна в итоге впадают в одно и то же заблуждение: они пытаются свести весь этот спектр (от биологии до психологии) к единственной и далее неразложимой области исследований. К сожалению, человеческая психика развернута вдоль всего спектра [см. ПРОБЛЕМА ДУША—ТЕЛО], и психоаналитическая теория должна эту диалектику отражать. Кляйн, несомненно, равно тяготела к обоим полюсам этой двойственности, поскольку всегда стремилась уравновешивать верность переживаниям своих пациентов преданностью научной идее Фрейда. Ей приходилось тяжело, но она не сдвинулась с позиции на стыке биологии и психологии.

Кохон (Kohon, 1985) предложил перерисовать карту развития психоаналитической науки. По его мнению, присутствовавшая в подходе Фрейда

напряженность между научной биологией психики и литературной и гуманистической психологией после отъезда Фрейда из Вены приводит к разделению между американским и британским психоанализом. Британские психоаналитики разрабатывают теорию, «посвященную отношению субъекта к его объекту, но не взаимоотношениям между субъектом и объектом, то есть межличностным взаимоотношениям» (Kohon, 1985, p. 27).

Истоки теории объектных отношений. Поскольку Фрейд придавал все большее значение переносу [см. ПЕРЕНОС], мир взаимоотношений пациента приобретал все большую яркость и отчетливость. Отношения переноса – краеугольный камень психоаналитической практики, и теория, основанная на реальной практике (а это, по-видимому, отличительная черта британского психоанализа) неизбежно сдвигала отношения переноса все ближе к центру и теории, и практики; благодаря этому взаимоотношения Эго с объектами вышли на передний план.

Разыгранный перенос. Случай Доры [см. ПЕРЕНОС] поставил перед Фрейдом сложную проблему, поскольку он рассматривал этот случай как пример для будущей публикации. Так как Дора отказалась от лечения слишком рано, через три месяца, Фрейду пришлось серьезно поразмыслить, что именно не получилось. Он понял, что не вполне отдавал себе отчет в существовании негативного переноса и в том, насколько интенсивно отношения ощущаются действительно реальными в их *разыгрывании* с аналитиком (Freud, 1905).

Но существовала еще одна проблема, и она заставила Фрейда не сходить с пути, который позднее вывел (других аналитиков) на позиции объектных отношений. С этой проблемой Фрейд столкнулся, работая с пациентами-психотиками, Фрейд обнаружил, что эти пациенты не устанавливают с ним перенос в надлежащей мере. После случая Доры, Фрейд, вероятно, всегда опасался утратить перенос, но при этом думал, что неспособность таких пациентов инвестировать аналитика энергией инстинктов обусловлена природой шизофрении. И тогда эту энергию невозможно использовать, чтобы побудить пациента преодолеть сопротивления. Фрейд «анализировал» Судью Шребера на основании его мемуаров, поскольку полагал, что это единственный способ понять душу шизофреника (Freud, 1911). Он обнаружил, что этот пациент претерпел «мировую катастрофу», это значит, что мир в целом потерял для него всякий интерес, то есть энергия инстинктов вообще не инвестировалась в мир (катексис отсутствовал). Вместо этого шизофреник воссоздает воображаемый мир иллюзий и галлюцинаций, чтобы «заполнить» место, где некогда был мир реальный. Такое разделение двух миров, реального и личного, важно как предвестник подхода с позиции объектных отношений [см. ВНУТРЕННЯЯ РЕАЛЬНОСТЬ].

Нарциссизм. В это время (примерно в 1913 году) Фрейд объединил определенные идеи совершенно нового типа. Он хотел опровергнуть идеи Юнга относительно существования не-либидинозных переживаний. Юнг, в отличие от Фрейда, имел опыт лечения пациентов-психотиков. Фрейд же работал в неврологическом санатории с пациентами-истериками (невротиками), и когда Юнг стал отходить от психоаналитического движения, Фрейд решил непременно разобраться с шизофренией и очертить либидинозную теорию шизофренических расстройств. В конце-концов Фрейд действительно начал понимать, что в некотором смысле сам человек, или некоторая часть его самости, или его собственные идеи могут оказаться объектом его инстинктивных энергий. Так возникла концепция нарциссизма (Freud, 1914), и отсюда со временем выросло внимание к объекту как таковому (самости или другому), инвестированному либидинозным интересом.

Интроекция объектов. Свой следующий важный и новаторский шаг Фрейд описал в статье 1917 года «Скорбь и меланхолия». Некоторое время он работал с Абрахамом над пониманием психозов. Абрахам тоже написал статью на эту тему (Abraham, 1911) примерно тогда же, когда Фрейд о Судье Шребере. Статья Абрахама посвящена маниакально-депрессивному психозу и кое в чем превосходит работу Фрейда. Маниакально-депрессивный психоз интересен своей периодичностью. Пациент проходит фазы облегчения его состояния и выглядит находящимся более-менее в пределах нормы. Поэтому Абрахам решил попробовать анализировать таких пациентов в периоды ремиссии. Можно ли работать с ними так же, как с невротиками? Абрахам пришел к выводу, что можно (Abraham, 1924). Это вызвало больший интерес к маниакально-депрессивному заболеванию, чем к шизофрении, и в статье Фрейда о скорби и меланхолии появились его размышления об этом расстройстве. Статья содержит замечательные описания состояний скорби и меланхолии (маниакально-депрессивный психоз), и в ней концептуальная система Фрейда получила необыкновенное развитие. Фрейд показал, что работа скорби заключается в медленном, поэтапном отказе от катексиса утраченного любимого объекта. Фрейд увидел, что состояние меланхолии клинически во многих аспектах подобно скорби и тоже ведет к отказу от утраченного любимого объекта. Различие, по мнению Фрейда, состоит в том, что меланхолик не оставляет свой объект, но делает с ним нечто совершенно иное. Он заново устанавливает объект внутри собственного Эго и в этом виде выстраивает с ним отношения. Фрейд считал причиной такого обращения с объектом особенно сильный элемент ненависти и ярости к любимому объекту, результатом чего становится сильная ненависть и ярость, сосредоточенная на Эго, как если бы оно и было этим объектом. «Тень объекта, — писал Фрейд, — падает на Эго» (Freud, 1917, p. 249). Этот процесс он назвал «идентификацией» [см. ИНТРОЕКЦИЯ; ИДЕНТИФИКАЦИЯ].

В тот период Фрейд занимался описанием феноменологии объекта, оставив в стороне экономику инстинктивных влечений. Открыв чрезвычай-

но интересный процесс идентификации (действительно приводящий к «модификации Эго»), четырьмя годами позже Фрейд показал (Freud, 1921), что психология группы также основана на идентификации. Здесь он проделал трюк, хорошо знакомый нам в ситуациях с многими психоаналитическими концепциями: обнаруженное в качестве патологического явления у пациентов впоследствии наблюдалось повсюду как существенная составляющая нормальной психологии.

Расхождение путей. Фрейд хотел показать, что развитие Супер-Эго основано на процессе идентификации, который влечет за собой внутреннее установление объектов эдипальной любви, от которых в раннем детстве пришлось отказаться (Freud, 1923). Границы Эго Фрейд теперь считал проницаемыми и для объектов, а не только для направленной инстинктивной энергии.

В то короткое время, что было отпущено Абрахаму до его смерти в 1925 году, он развил фрейдовское понимание интернализующего процесса, в частности, показывая его связь с прегенитальными импульсами. Он уловил намеки Фрейда на то, что интроекция имеет нечто общее с «каннибализмом», оральными и садистическими импульсами, а также на то, что существует зеркальный ей процесс «проекции» или исторжения, который соотносится с анальными импульсами. Объединение некоторых базовых защитных механизмов [см. 9. ПРИМИТИВНЫЕ ЗАЩИТНЫЕ МЕХАНИЗМЫ] с составляющими инстинктами и соответствующими им эрогенными зонами, безусловно, выглядело весьма элегантным и красноречивым завершением теории. Абрахам подошел к осознанию того, что интроекция и проекция в первую очередь касаются судьбы объектов, их расположения внутри или вне Эго и переходу из одной из этих областей в другую. Он начал наполнять эту теорию тщательно исследованными, детализированными примерами яркой психопатологии, обнаруженной им у пациентов, страдающих маниакально-депрессивными расстройствами.

Детский анализ. После смерти Абрахама импульс развития теории перешел к Кляйн. Абрахам поддерживал Кляйн в ее желании анализировать детей и развивать игровую технику, которая, так уж удачно сложилось, открыла ей широкий обзор всей сцены объектных отношений. Кляйн давала детям набор объектов (игрушек) и наблюдала за тем, как они устанавливают разнообразные отношения с каждым из них. Таким образом она получала возможность фиксировать инстинктивные желания, визуально проигрываемые как взаимоотношения между объектами самым естественным образом — в детской игре [см. 1. ТЕХНИКА; ДЕТСКИЙ АНАЛИЗ].

Кляйнианская теория объектных отношений. С помощью игровой техники Кляйн тотчас же обнаружила, что ее пациенты, играя с объектами — игрушками — разыгрывали и драмы, возникающие в отношениях с личностью аналитика. Очень маленькие дети, по-видимому, испытывали чувства имен-

но *к* объекту, пусть и воображаемому [см. ЛЮБОВЬ]. Кляйн заметила, что, с точки зрения ребенка, его объекты выглядят живыми, достойными любви и любящими, угрожающими, достойными сожаления и так далее, и это весьма отличалось от фрейдовского их описания. То есть в душе ребенка установлено полноценное и интенсивное отношение с объектом, воспринимаемым максимально анимистическим и антропоморфным образом. Объекты, даже игрушки, живут, чувствуют и умирают.

Каждый может убедиться в этом, просто наблюдая за игрой детей, и наблюдения эти будут резко отличаться от описания разрядки инстинктов на пассивных объектах.

Объекты и инстинкты. Преданность фрейдовской теории инстинктов всегда давала Кляйн надежное чувство принадлежности к фрейдистскому психоанализу. Но она решилась описать переживание пациентами своих объектов и психологическое содержание тревог, с ними связанных. Она обнаружила, что может примирить понятия «объект» и «инстинкт», когда увидела, что отношения с объектами полностью определяются импульсами, проистекающими из источников либидо (оральных, анальных и генитальных). Кляйн открыла, что дети считают объекты исполненными намерений и побуждений, соответствующих конкретным либидинозным импульсам ребенка, действующим в данный момент. Младенец во власти оральных импульсов будет полагать, что и объект способен его кусать, испытывая фрустрацию или желая мстить. Отношения ребенка к объекту — это фантазия с сюжетом и действующими лицами. Таким образом, объекты являются материалом фантазийной жизни ребенка, а не просто средством удовлетворения инстинктов — но и этим средством тоже.

Теоретические связи между объектными отношениями и инстинктами устанавливались трудно, и в 1939 году была образована исследовательская группа, известная под названием *Группы по внутренним объектам*, которая в годы войны время от времени, с перерывами, собиралась, чтобы разобраться в воззрениях на объекты и обосновать их. Результатом стало несколько докладов (представленных в ходе Дискуссий о противоречиях) [см. ДИСКУССИИ О ПРОТИВОРЕЧИЯХ]. Самым важным был доклад Сюзен Айзекс (Isaacs, 1948); в нем она описала, как инстинкт находит психическое выражение в бессознательной части психики (бессознательной фантазии) — в *фантазии об отношении с объектом* [см. 2. БЕССОЗНАТЕЛЬНАЯ ФАНТАЗИЯ]. Такой подход обеспечивает связь биологического, психологического и, наконец, социального измерений модели объектных отношений, которой придерживалась Кляйн.

Abraham, Karl (1911) 'Notes on the psycho-analytic treatment of manic-depressive insanity and allied conditions', in Karl Abraham (1927) *Selected Papers on Psycho-Analysis.* Hogarth, pp. 137–56.

Abraham, Karl (1924) 'A short study of the development of the libido', in (1927) *Selected Papers on Psycho-Analysis,* pp. 418–501.

Eagle, Morris (1984) *Recent Developments in Psycho-Analysis.* New York: McGraw-Hill.

Freud, Sigmund (1905) 'Fragment of an analysis of a case of hysteria'. *S.E.* 7, pp. 3–122.

Freud, Sigmund (1911) 'Psycho-analytic notes on an autobiographical account of a case of paranoia'. *S.E.* 12, pp. 3–82.

Freud, Sigmund (1914) 'On narcissism'. *S.E.* 14, pp. 67–102.

Freud, Sigmund (1917) 'Mourning and melancholia'. *S.E.* 14, pp. 237–60.

Freud, Sigmund (1921) *Group Psychology and Analysis of the Ego. S.E.* 18, pp. 67–143.

Freud, Sigmund (1923) *The Ego and the Id. S.E.* 19, pp. 3–66.

Greenberg, Jay and Mitchell, Stephen (1983) *Object Relations in Psycho-Analytic Theory.* Cambridge, MA: Harvard.

Guntrip, Harry (1961) *Personality Structure and Human Interaction.* Hogarth.

Isaacs, Susan (1948) 'The nature and function of phantasy', *Int. J. Psycho-Anal.* 29:73–97; republished (1952) in Melanie Klein, Paula Heimann, Susan Isaacs and Joan Riviere, eds *Developments in Psycho-Analysis.* Hogarth, pp. 67–121.

Kohon, Gregorio (1985) 'Objects are not people', *Free Associations* 2:19–30.

Kohon, Gregorio (1986) *The British School of Psychoanalysis: The Independent Tradition.* Free Association Books.

Объекты
Objects

Термин «объект» является техническим; исходно он использовался в психоанализе для обозначения объекта инстинктивного импульса. Это человек или что-либо другое, что может способствовать удовлетворению желания. Понятие объекта прямо вытекает из ранних научных теорий Фрейда. С этой точки зрения, характеристики объекта почти не имеют личностной окраски. Объект — это нечто, на чем разряжаются энергетические импульсы, различаемое лишь потому, что служит целям удовлетворения и облегчения и поиска удовольствия субъектом.

В 1930-х годах на объектных отношениях сосредоточила внимание школа психоанализа, развиваемая главным образом в Британии [см. ОБЪЕКТНЫХ ОТНОШЕНИЙ ШКОЛА]. Исходную эмпирическую основу этой школе обеспечила игровая техника, предложенная Кляйн [см. 1. ТЕХНИКА], и в результате первоначальное понятие объекта видоизменилось [см. 5. ВНУТРЕННИЕ ОБЪЕКТЫ]. В системе взглядов Кляйн объект — это компонент психической репрезентации инстинкта.

Объекты и фантазия. В бессознательной фантазии представлены отношения между самостью и объектом, в которых поведение объекта обусловлено определенными импульсами, хорошими или плохими, связанными с инстинктивными влечениями субъекта — оральными, анальными, генитальными и т. д. [см. 2. БЕССОЗНАТЕЛЬНАЯ ФАНТАЗИЯ]. При своем возникновении бессознательная фантазия всемогуща, и объект ощущается как

реально существующий — внутри или вовне субъекта. Отношение к объекту строится на основании его предполагаемых импульсов, направленных на Эго. Как правило, эти чрезвычайно примитивные интерпретации инстинктивных ощущений приводят к сильному чувству любви и благодарности — или же ненависти и зависти. Они свойственны психической деятельности младенца с рождения. Кляйн считала, что с самого начала младенец погружен в отношения с объектами, примитивным образом отличаемыми от Эго, т. е. что объектные отношения даны от рождения.

Рассмотрим, например, голодного младенца. Физиологические телесные ощущения он также переживает субъективно и психологически. Дискомфорт приписывается намерению расположенного прямо в животе ребенка враждебно настроенного объекта, который стремится причинить дискомфортное состояние голода. Бион двусмысленно обозначает такой объект как «нет-груди» («no-breast»), признавая, что объективно мы имеем дело с отсутствием, однако для младенца отсутствия не существует, но только присутствие чего-то, что причиняет боль фрустрации, — голод действительно грызет.

В данном примере объект воспринимается как существующий внутри Эго, в животе, и рассматривается как *внутренний объект*. Хороший внутренний объект переживается, когда ребенок накормлен и чувствует теплое молоко, дающее ощущения удовлетворения в его животе [см. 5. ВНУТРЕННИЕ ОБЪЕКТЫ].

Младенец живет в мире плохих объектных отношений и хороших объектных отношений в зависимости от телесных ощущений в центре его внимания в данный момент. Объект характеризуется намерением причинить телесное ощущение, при этом идет медленное накопление комплекса чувственных данных, поставляемых кожей при контакте и органами удаленного восприятия, и эти данные вначале переживаются как примитивные объектные отношения. Объекты, радикально сведенные к сущностям с одним-единственным намерением, объективно являются частичными (partial) и называются *частичными объектами (part-objects)* [см. 11. ПАРАНОИДНО-ШИЗОИДНАЯ ПОЗИЦИЯ; ЧАСТИЧНЫЕ ОБЪЕКТЫ].

Целостные объекты. Переживание частичных объектов отличается от переживания *целостных объектов*, обладающих существенно иными характеристиками. Младенец, чья способность видеть, слышать и понимать ограничена, в минимальном объеме распознает действительный источник своих ощущений. Эта способность развивается при созревании нервной системы и органов удаленного восприятия (зрения и слуха), а также в результате представления личностным окружением социальных *смыслов* понимаемого. С ростом способности к познанию внешнего мира объекты, являющиеся младенцу, меняются, и успешность изменений зависит от его эмоциональной способности выносить амбивалентность [см. ДЕПРЕССИВНАЯ ТРЕВОГА]. Больше не существует «плохой» матери, которая якобы вызы-

вает голод, и точно так же не существует упрощенно «хорошей» матери, голод удовлетворяющей. В одном и том же объекте присутствует что-то от каждой из них. Этот объект начинает восприниматься как более *целостный*, окрашивается в два тона, его намерения оказываются более сложными, и он пробуждает в Эго смешанные чувства [см. ДЕПРЕССИВНАЯ ТРЕВОГА]. Данная констелляция известна как *депрессивная позиция* [см. 10. ДЕПРЕССИВНАЯ ПОЗИЦИЯ]. Развитие способности к постижению целостных объектов зависит не только от большей сложности восприятия. Оно в значительной мере определяется способностью выдерживать состояния тревоги, вызванные столкновением с неоднородным (или испорченным) объектом. Такое эмоциональное развитие играет решающую роль, и если этот шаг надежно не закреплен, индивид легко отступает к параноидно-шизоидной позиции [см. 11. ПАРАНОИДНО-ШИЗОИДНАЯ ПОЗИЦИЯ] и к искаженному восприятию мира, наполненного поляризованно «хорошими» и «плохими» объектами. Аналитики-кляйнианцы считают развитие отношения к целостным объектам одной из терапевтических целей психоанализа [см. РАЗВИТИЕ].

Характеристики объектов. Кляйн не дала систематического изложения своего теоретического подхода к данной теме, однако ее описания объектов вполне можно классифицировать по нескольким параметрам.

(i) Хорошее или плохое. В очень примитивном состоянии объект отношения имеет качества «хорошести» либо «плохости» в чистом виде, то есть стремится причинить добро или зло субъекту, и в отношении к нему Эго наполнено любовными или враждебными чувствами, ощущаемыми как сами по себе хорошие или плохие. Соответственно, объект такого типа «отщеплен» от объективной точки зрения [см. РАСЩЕПЛЕНИЕ], что приводит к расщеплению состояния Эго и его чувств.

(ii) Инстинктивные влечения. В принципе, каждый импульс порождает особый объект для телесных ощущений, свойственных данному влечению: мать, «вызывающая» голод, и мать, «удовлетворяющая» голод; мать, от которой холодно, и мать, которая согревает; удерживающая ненадежно и удерживающая крепко и т. д. [см. ИНСТИНКТЫ; 2. БЕССОЗНАТЕЛЬНАЯ ФАНТАЗИЯ]. Эти объекты, каждый из которых мы называем «матерью», ни в коем случае не следует путать с реальной матерью, как ее воспринимает сторонний наблюдатель, поскольку восприятия младенца совершенно иные и основаны на внутренних состояниях его тела. Кроме того, в самом начале жизни младенец вряд ли чувствует ход времени и смену одного объекта другим. Также отметим, что эти объекты появляются попарно: один приносит фрустрацию, другой — удовлетворение. Каждая пара соответствует оппозиции хорошее или плохое, которая упомянута выше [см. ЧАСТИЧНЫЕ ОБЪЕКТЫ].

(iii) Частичный или целостный объект. Примитивные состояния [см. 11. ПАРАНОИДНО-ШИЗОИДНАЯ ПОЗИЦИЯ], в которых ребенок страшится плохих объектов вовне или внутри, уступают место новому состоянию, когда переживаются неоднородные (испорченные) хорошие объекты, вызывающие смешанные чувства, и переживаются амбивалентные отношения [см. АМБИВАЛЕНТНОСТЬ]. Это новое состояние столь же, но поиному болезненно [см. ДЕПРЕССИВНАЯ ТРЕВОГА] и связано, соответственно, с переживанием более полных объектов, называемых целостными. Возврат к частично-объектным отношениям и продвижение к целостно-объектным отношениям составляют ту постоянно флуктуирующую динамику, которой отмечена вся человеческая жизнь. Бион дал ей обозначение «Ps-D», отсылающее к переключениям между параноидно-шизоидной и депрессивной позициями [см. Ps-D].

(iv) Внутреннее / внешнее. С самого рождения Эго обладает границей и переживает себя по отношению к внешнему миру, восприятие которого в качестве внешнего также врожденное. Если переживание объекта обусловлено телесными ощущениями, исходящими изнутри тела, объект ощущается находящимся внутри Эго и потому является внутренним. Например, «вызывающий-голод-объект» интерпретируется как находящийся внутри живота, где переживается дискомфорт от голода. И наоборот, объекты, ощущаемые посредством кожи, переживаются как находящиеся извне (внешние объекты). Работы некоторых сотрудников Кляйн, особенно Бик, показывают, что различие между внутренним и внешним может оказаться катастрофически нарушенным [см. АДГЕЗИВНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ]. В очень ранний период жизни в определении местоположения внутренних и внешних объектов может произойти сбой: внутренний объект оказывается вытолкнутым наружу, или внешний объект — грудь, которую сосет младенец, — начинает переживаться как находящийся внутри живота, где он создает ощущения теплоты и наполненности. Подобные передвижения объектов по отношению к границам Эго являются интерпретациями телесного ощущения [см. 2. БЕССОЗНАТЕЛЬНАЯ ФАНТАЗИЯ], а затем — и телесных ощущений, вызванных самостоятельно, например, сосанием пальца [см. МАСТУРБАЦИОННЫЕ ФАНТАЗИИ]. Цель подобных перемещений в фантазии, а также телесной стимуляции, к которой младенец может прибегать для порождения этих фантазий, заключается в оберегании младенца от устрашающих объектов: таких, например, как плохой и уязвляющий, вызывающий голод внутренний объект, который стремится повредить живот ребенка или причинить ему боль [см. 9. ПРИМИТИВНЫЕ ЗАЩИТНЫЕ МЕХАНИЗМЫ].

(v) Физическое или психическое. В ходе развития мир внутренних объектов изменяется, и психические качества отделяются от физических (Scott, 1948). Внутренние объекты сохраняют определенные физические характе-

ристики; однако теперь появляется возможность представления, которое не ощущается как физическое присутствие, но признается «только» репрезентацией. Так становятся возможными «мир репрезентаций» (Sandler and Rosenblatt, 1962) и репрезентации «самости» и «объекта» (термины, используемые в эго-психологии) [см. ЭГО-ПСИХОЛОГИЯ].

Внутренние объекты и репрезентации. Зачастую трудно уловить различие между понятием «внутренних объектов», как их описывают кляйнианцы, и понятием «репрезентаций», описываемых такими ортодоксальными фрейдистами, как Сандлер и Розенблат. Следствием всемогущества ранней фантазии является переживание реального физического присутствия объекта внутри Эго, который описывается как дрожь в животе* и т. д. — это обыденные переживания, когда конкретное мышление просачивается сквозь сознательное понимание. Согласно теории внутренних объектов, такая убежденность в конкретном присутствии чего-либо внутри Эго (самости или тела) характерна для бессознательных процессов [см. 2. БЕССОЗНАТЕЛЬНАЯ ФАНТАЗИЯ]; всемогущество фантазии действительно вызывает переживания и видимые проявления личности человека, что согласуются с его убеждениями относительно себя самого. Люди таковы, каковыми, как они верят, они являются.

По типу описания психической структуры и психических объектов здесь есть некоторое сходство с фрейдовской моделью трех инстанций: Эго, Ид и Супер-Эго. Фрейд предложил эту модель в качестве понятийного инструмента, который психоаналитики могли бы применять в своей работе; подход же Кляйн состоял в том, что у пациентов тоже есть модели, описывающие, как устроены их душа и тело, и пациенты действительно верят в эти модели. Сигал (Segal, 1964) приводит следующий сон морского офицера: ему приснилась

> «пирамида. В ее подножии находилась неспокойная толпа матросов, которые держали на своих головах тяжелую золотую книгу. На этой книге стоял морской офицер в том же чине, что и сновидец, а на его плечах — адмирал. Казалось, что адмирал по-своему оказывал столь же сильное давление сверху и производил настолько же сильное впечатление, что и толпа матросов, которые составляли основание пирамиды и теснились снизу» (p. 21).

Далее пациент рассказал, что данный сон представляет его самого, с инстинктами внизу и сознанием наверху. Этот пациент ничего не знал и не читал о психоанализе, но воспользовался моделью себя, которая порадовала бы Фрейда. У пациентов бывают разнообразные взгляды на их собствен-

---

* Буквально: Бабачки в животе. — *Примеч. пер.*

ную психическую структуру и процессы, которые создают эту структуру (особенно это касается интроекции и проекции) [см. ВНУТРЕННЯЯ РЕАЛЬНОСТЬ].

Репрезентации и образы, напротив, — это психические содержания, которые не несут в себе ощущение конкретности и распознаются как представления, точно так же, как истинный символ распознается в качестве объекта, представляющего нечто, и его не принимают за ту вещь, которую он обозначает [см. ОБРАЗОВАНИЕ СИМВОЛОВ].

Хотя мы их противопоставляем (в целях внесения ясности), внутренние объекты и репрезентации в психической жизни человека сосуществуют. Мир репрезентаций — это психическая деятельность, которая развивается с самого начала жизни и становится все более выраженной, по мере того как проверяется и уточняется ощущение внутренней реальности с наступлением депрессивной позиции [см. 10. ДЕПРЕССИВНАЯ ПОЗИЦИЯ]. Однако справедливо было бы отметить, что, вероятно, не существует такой репрезентации, которой бы не отвечал некий внутренний объект, и всякой психической манипуляции с репрезентациями соответствует бессознательная фантазия об отношениях, вовлекающих внутренние объекты. В нормальных обстоятельствах конкретность внутренних объектов не препятствует более реалистической оценке мира, данного в образах и представлениях. Но поскольку бессознательные фантазии – это психологические манифестации инстинктов, они придают психической активности окраску, энергичность, страстность и смысл; поэтому именно бессознательные фантазии об объектах внутреннего мира придают значение образам и представлениям, которыми оперирует сознательная часть психики. Мир внутренних объектов не слишком хорошо соответствует понятию «аффективного катексиса» репрезентаций, которое используется психоаналитиками ортодоксального толка (см. Sandler, 1987).

См. 5. ВНУТРЕННИЕ ОБЪЕКТЫ; ВНУТРЕННЯЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Sandler, Joseph (1987) *From Safety to Superego*. Karnac.

Sandler, Joseph and Rosenblatt, Bernard (1962) 'The concept of the representational world', *Psychoanal. Study Child* 17: 128–45

Scott, W. Clifford M. (1948) 'Some embriological, neurological, psychiatric and psychoanalytic implications of the body schema', *Int. J. Psycho-Anal. 29:141–55.*

Segal, Hanna (1964) *Introduction to the work of Melanie Klein*. Heinemann; republished (1973) Hogarth.

Окружение
Environment

См. ВНЕШНИЙ МИР

Опорочивание
Denigration

См. ПРЕЗРЕНИЕ; МАНИАКАЛЬНЫЕ ЗАЩИТЫ

Отец
Father

При рождении всякое переживание, которое впоследствии окажется связанным с «отцом», целиком является сконструированным объектом, фигурирующим в бессознательной фантазийной жизни. Когда младенец на параноидно-шизоидной позиции не находит объекта, способного его удовлетворить (когда мать в том или ином отношении отсутствует), он переживает это как плохой объект [см. ПЛОХОЙ ОБЪЕКТ]. Этот плохой объект, если действуют фантазии генитального уровня, будет восприниматься как вызывающая страх и ненависть пара, объединенная в замкнутый союз, как правило, — чрезвычайно насильственного и разрушительного типа [см. КОМБИНИРОВАННАЯ РОДИТЕЛЬСКАЯ ФИГУРА]. Часть этого союза составляет частичный объект, пребывающий в матери (пенис) или материнской груди (сосок), который в конечном итоге позднее будет соотнесен со строгим, подавляющим отцом, когда ребенок лучше узнает его как самостоятельно существующую внешнюю фигуру.

Иногда могут возникать фантазии охранительного свойства, в которых пенис выступает как страж материнского пространства; они призваны ослаблять тревогу чрезмерно насильственных импульсов младенца.

Немного позднее, когда младенец оказывается способным ввести в свою жизнь больше фигур (целостных объектов), отец станет объектом, к которому обращаются при разочаровании в матери (в типичном случае, по мнению Кляйн, при отлучении от груди), и тогда его любят и с ним идентифицируются. Отец представляет собой первый шанс открытия новых объектов и потому может снимать часть напряженности депрессивной позиции.

Гендер. Частичные объекты: «мать», «пенис», «грудь», «сосок» и т. д. — вначале возникают как объекты, населяющие бессознательную фантазию, и позднее соотносятся с членами семьи. Важно помнить, что хотя социальное соотнесение гендеров с реальными матерью и отцом как будто бы распределяет частичные объекты между родителями — «мать» и «грудь» закрепляется за реальной матерью, а «пенис» за отцом,— ребенок этого не делает. До того как происходит социализация и более осознанное принятие этих гендерных атрибутов, младенец переживает присутствие данных частичных объектов в обоих родителях, и затем, несмотря на социализированные установки, настойчивый поиск материнских аспектов мужчин или маскулинных аспектов женщин может продолжаться. По существу, союз родителей остается внутри личности, и зрелость заключается в рас-

тущей способности выносить, ценить и приветствовать оба аспекта, соединенные вместе внутри самости.

См. ЧАСТИЧНЫЕ ОБЪЕКТЫ

Отравление
Poisoning

Одной из врожденных бессознательных фантазий на оральном уровне является отравление молока матери (или ее творящей способности) путем нападения на ее груди и вторжения в них [см. 13. ПРОЕКТИВНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ]. Существует и страх того, что объект в отместку отравит субъекта [см. ПАРАНОЙЯ].

См. 12. ЗАВИСТЬ; ПЛОХОЙ ОБЪЕКТ

Отрицание
Denial

Отрицание — очень раннее психоаналитическое понятие, у Фрейда исходно обозначенное термином «скотомизация». Некий фрагмент восприятия стирается. Отрицание действует главным образом в маниакальных защитах, в особенности отрицание реальности некой части души или психической реальности [см. МАНИАКАЛЬНЫЕ ЗАЩИТЫ].

Отрицание значимости объектов, от которых субъект в действительности зависит, — ключевой элемент маниакальных защит. Отрицание присутствует и в идеализации, когда устраняются плохие аспекты объекта, и он становится безупречным (Rosenfeld, 1983) [см. ИДЕАЛЬНЫЙ ОБЪЕКТ].

Кляйн (Klein, 1946) описывала механизм отрицания как связанный с фантазией аннигиляции, как действительную утрату части Эго или объекта [см. АННИГИЛЯЦИЯ]. В этом смысле отрицание отличается от вытеснения, которое стремится удалить из сознания только реальность некоего внешнего события или память о нем. Однако, хотя кляйнианцы склонны использовать термин «отрицание», а фрейдисты классического толка — «вытеснение», на самом деле все это далеко от ясности. Различать эти два феномена следует по степени насилия и всемогущества. Отрицание — это всемогущее уничтожение без отсылки к реальной действительности, тогда как вытеснение учитывает внешнюю реальность [см. ВЫТЕСНЕНИЕ].

Как и другие примитивные защитные механизмы, отрицание отсылает к защитной деятельности раннего, примитивного и, как правило, насильственного типа, когда Эго сражается с психотическими тревогами.

См. 9. ПРИМИТИВНЫЕ ЗАЩИТНЫЕ МЕХАНИЗМЫ; ВЫТЕСНЕНИЕ

Klein, Melanie (1946) ‘Notes on some schizoid mechanisms’. *WMK* 3, pp. 1–24.

Rosenfeld, Herbert (1983) ‘Primitive object relations and mechanisms’, *Int. J. Psycho-Anal.* 64:261–7.

Отыгрывание внутри
Acting-in

В отношениях между аналитиком и пациентом могут разыгрываться (enact) примитивные импульсы, объектные отношения и защиты и тем самым формировать сопротивление работе анализа (Freud, 1914). Такое разыгрывание (enactment) в переносе получило название «отыгрывания внутри» (“acting in”) (Sandler, Holder and Dare, 1973). Во времена Фрейда предполагалось, что сопротивление и защита выражают себя в переносе как нарушение свободных ассоциаций. Однако Бетти Джозеф подчеркнула значимость переноса в другом отношении. А именно как возможность «наблюдать, каким образом пациенты используют нас, аналитиков, чтобы справиться с тревогой» (Joseph, 1978, p. 223) [см. КОНТРПЕРЕНОС].

В ходе работы с пациентами, страдающими от тяжелых пограничных расстройств, Джозеф (Joseph, 1975) описала возникающий в анализе тупик – *недоступность* пациента. Она детально исследовала, как пациент использует аналитика в собственных целях: чтобы он помог пациенту справиться с его тревогой [см. ПСИХИЧЕСКОЕ РАВНОВЕСИЕ].

Подобный контакт с аналитиком относится к тому типу, когда аналитик и пациент вместе говорят *о* пациенте. Пациента эмоционально не затрагивают интерпретации аналитика, но он может довольно чутко сотрудничать с ним. Формируется некий альянс, но он «оказывается противоположным настоящему альянсу, и то, что называется пониманием, на самом деле является анти-пониманием» (Joseph, 1975, p. 49). Джозеф концептуализирует это в терминах двух обособленных частей пациента. Одна часть «может казаться работающей и сотрудничающей с аналитиком, но эта, доступная часть личности пациента, на самом деле удерживает другую, более нуждающуюся или потенциально отзывчивую и восприимчивую часть, отщепленной» (Joseph, 1975, p. 48). Доступная и чрезвычайно наблюдательная часть личности «используется для того, чтобы держать аналитика на расстоянии» (Joseph, 1975, p. 52). Цель этой структуры — «создавать некий тип баланса. /…/ Вновь и вновь мы переживаем цикл, когда на одном сеансе пациент достигает прогресса, его глубоко вовлекает и затрагивает происходящее, но на следующий день все это оказывается просто лишенным жизни воспоминанием» (Joseph, 1975, p. 55).

Иногда это достигается проецированием в аналитика заинтересованной или озабоченной части пациента – ожидается, что аналитик будет отыгрывать эту озабоченность или желание что-то осуществить. Иногда понимающая часть пациента проецируется в аналитика, и пациент ожидает от

него всемогущего и всеведущего понимания; иногда спроецированными оказываются большие части Эго, так что пациент становится чрезвычайно апатичным; иногда проецируется разумная часть пациента, и он кажется глупым [см. 13. ПРОЕКТИВНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ].

Видимо, данная особенность такого тупика придает переносу специфические черты [см. ПЕРЕНОС]:

> «Наше видение переноса главным образом вытекает из понимания того, как пациенты по различным причинам воздействуют на нас; как они пытаются втянуть нас в свои защитные системы; как они бессознательно что-то отыгрывают с нами в переносе, пытаясь добиться, чтобы мы отыгрывали с ними; как они передают нам аспекты своего внутреннего мира (выстроенного со времени младенчества, в детстве и взрослом возрасте) и переживания, часто находящиеся за рамками слов, переживания, которые мы можем ухватить, только опираясь на возникающие в нас чувства, т. е. посредством контрпереноса» (Joseph, 1985, p. 62).

В переносе *постоянно* что-то происходит, аналитик постоянно используется. Это подразумевает не анализ сопротивления и защиты, но понимание развертывания во взаимоотношениях с аналитиком тонких и зачастую чрезвычайно скрытых объектных отношений. Аналитик (его бессознательное) подвергается бессознательному воздействию со стороны пациента с целью организовать части себя и свои внутренние объекты так, чтобы они «помогли ему справиться с тревогой». Поэтому в первую очередь следует прислушиваться не к содержанию слов пациента, но к тому, что он стремится сделать с аналитиком и его психикой.

Эти выводы недавно поддержали другие аналитики-кляйнианцы:

> «Пациент выражает себя не только в словах. Он использует и действия, а иногда — слова и действия. Аналитик слушает, наблюдает и ощущает сообщения пациента. Он тщательно изучает свои отклики на пациента, пытаясь понять, как сказывается на нем поведение пациента, и понимает это как сообщение от пациента (осознавая при этом те отклики, которые исходят от его собственной личности). Все это, осмысленное во всей полноте, предоставляется пациенту в виде интерпретации» (Riesenberg-Malcolm, 1986, p. 434).

Сигал (Segal, 1982) формулирует лаконично: «раннее младенческое развитие отражено в инфантильной части переноса. Если это развитие хорошо интегрировано, оно порождает невербальные сообщения, лежащие в основе других форм коммуникации и придающие им глубину. Будучи неинтегрированным, оно порождает отыгрывание внутри как примитивный способ коммуникации» (Segal, 1982, p. 21).

Джозеф показала, что пациенты стремятся удержать психическое равновесие, колеблющееся между параноидно-шизоидной и депрессивной позицией (Joseph, 1989) [см. ПСИХИЧЕСКОЕ РАВНОВЕСИЕ]. Движение к депрессивной позиции выглядит заблокированным специфической формой психической боли [см. ПСИХИЧЕСКАЯ БОЛЬ].

Похоже, пограничные личности наиболее остро ощущают ненадежность своего равновесия и прибегают к чрезвычайно ригидной организации защит. Эти состояния связаны с развитием, в котором доминируют инстинкт смерти и деструктивность [см. ИНСТИНКТ СМЕРТИ], и в таких организациях часто «плохие» части самости господствуют над «хорошими» [см. ПАТОЛОГИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ].

Freud, Sigmund (1914) 'Remembering, repeating and working-through', *S.E.* 12, pp. 145–56.

Joseph, Betty (1975) 'The patient who is difficult to reach', in Peter Giovacchini, ed. *Tactics and Techniques in Psycho-Analytic Therapy*, vol. 2. New York: Jason Aronson, pp. 205–16.

Joseph, Betty (1978) 'Different types of anxiety and their handling in the analytic situation', *Int. J. Psycho-Anal.* 59:223–8.

Joseph, Betty (1985) 'Transference – the total situation', *Int. J. Psycho-Anal.* 66:291–8.

Joseph, Betty (1989) *Psychic Equilibrium and Psychic Change.* Routledge.

Riesenberg-Malcolm, Ruth (1986) 'Interpretation: the past in the present', *Int. Rev. Psycho-Anal.* 13:433-43.

Sandler, Joseph, Dare, Christopher and Holder, Alex (1973) *The Patient and the Analyst.* George Allen & Unwin.

Segal, Hanna (1982) 'Early infantile development as reflected in the psycho-analytic process: steps in integration', *Int. J. Psycho-Anal.* 63:15–21.

Память и желание
Memory and desire

В статье, посвященной технике анализа, Фрейд советует достигать в работе «равномерно-распределенного внимания» (Freud, 1912). Этот совет был подкреплен рекомендациями Биона в форме двух строгих правил, требующих устранения памяти и желания (Bion, 1967). Бион описывал, в частности, как попытка сознательного припоминания прошлых сеансов отвлекает аналитика от сеанса текущего. Настойчивое стремление добиться прогресса от анализа или от пациента точно так же оказывает искажающее влияние на способность аналитика наблюдать настоящее. Обращение к прошлому (память) или будущему (желание) означает, что «эволюция сеанса не будет наблюдаться в то единственное время, когда ее можно наблюдать, — когда она происходит» (Bion, 1967, p. 18).

Бион считал, что применение его правил ведет к меньшему беспорядку в уме аналитика и большей его открытости пациенту. Аналитик, придерживающийся такого строго психологического режима, получит возможность измерить прогресс своей работы, регистрируя

«большее количество и разнообразие настроений, идей и установок, наблюдаемых в ходе каждого отдельного сеанса /.../, [меньшее] засорение сеансов повторением материала, который должен был исчезнуть, и вследствие этого — ускоренный темп каждого сеанса» (Bion, 1967, p. 18).

См. КОНТЕЙНИРОВАНИЕ; БИОН; МЕЧТАНИЕ

Bion, Wilfred (1967) 'Notes on memory and desire', in Elizabeth Spillius, ed. (1988) *Melanie Klein Today: Volume 2: Mainly Practice*. Routledge; previously published (1967) in *The Psycho-Analytic Forum* 2:272–3 and 279–80.

Freud, Sigmund (1912) 'Recommendations to physicians practising psychoanalysis'. *S.E.* 12, pp. 111–20.

Параноидная защита от депрессивной тревоги
Paranoid defence against depressive anxiety

Кляйн получила данные о том, что депрессивная позиция наступает в непосредственной близости к предшествующим состояниям паранойи — и из них возникает [см. 11. ПАРАНОИДНО-ШИЗОИДНАЯ ПОЗИЦИЯ; 13. ПРОЕКТИВНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ]. Это привело ее к мысли о пульсирующем процессе, когда вновь и вновь происходит отступление от депрессивной позиции, если депрессивная тревога оказывается слишком сильной. В этом случае «параноидные страхи и подозрения укрепляются в качестве защиты от депрессивной позиции» (Klein, 1935, p. 274). Затем снова повторяется приближение к депрессивной позиции и дальнейшие попытки выдержать депрессивную тревогу (Joseph, 1978).

См. 10. ДЕПРЕССИВНАЯ ПОЗИЦИЯ; Ps-D

Joseph, Betty (1978) 'Different types of anxiety and their handling in the analytic situation', *Int. J. Psycho-Anal.* 59:223–8.

Klein, Melanie (1935) 'A contribution to the psychogenesis of manic-depressive states'. *WMK* 1, pp. 262–89.

Паранойя
Paranoia

С самого начала аналитической карьеры Кляйн была поражена насильственной окраской детской игры и фантазийной жизни человека. Вскоре она увидела, что торможения и невротические проблемы у детей возни-

кают вследствие интенсивного страха, вызванного агрессивными фантазиями. Распространенность параноидных чувств и объектных отношений побудила ее в 1935 году противопоставить депрессивной позиции предшествующую ей *параноидную позицию*. От этого термина она отказалась в 1946, приняв вместо него новый — «параноидно-шизоидная позиция» [см. 11. ПАРАНОИДНО-ШИЗОИДНАЯ ПОЗИЦИЯ].

Параноидный порочный круг. Кляйн всегда интересовало, каков источник этой агрессии. Агрессивные фантазии приводят к интенсивному страху возмездия. Страх провоцирует рост ненависти и насилия, а те, в свою очередь, провоцируют дальнейший рост страха возмездия. Кляйн описала «порочный круг под знаком инстинкта смерти, когда агрессия порождает тревогу, а тревога усиливает агрессию» (Klein, 1932, p. 150). Кляйн видела, как дети попадают в ловушку этого порочного круга, приводящего к панике и *pavor nocturnus* (ночным страхам), и задавалась вопросом о связи между этими состояниями и параноидным психозом у взрослых. Наконец она обнаружила, что у тяжело заторможенного ребенка эти параноидные страхи столь интенсивны, что продолжают затормаживать всю деятельность, включая способность к созданию символов. В результате Кляйн поняла, что эти нарастания агрессии и страха действительно являются основанием психозов (Klein, 1930).

Хотя Кляйн прекрасно осознавала значимость любовных и добрых чувств [см. ЛЮБОВЬ], она всегда считала именно агрессивные импульсы и порождаемые ими порочные круги тем критическим нарушением, что служит помехой способности любить.

См. 12. ЗАВИСТЬ; ИНСТИНКТ СМЕРТИ; ПСИХОЗ

Klein, Melanie (1930) 'The importance of symbol-formation in the development of the ego'. *WMK* 1, pp. 219–32.

Klein, Melanie (1932) *The Psycho-Analysis of Children. WMK* 2.

Патологические организации
Pathological organizations

В последние годы пациенты с тяжелыми личностными расстройствами особенно интересуют исследователей (Rey, 1979). Джозеф (Joseph, 1975, 1978) описала технические проблемы работы с такими пациентами [см. ПЕРЕНОС; КОНТРПЕРЕНОС; 1. ТЕХНИКА]. Эти пациенты не столько обнаруживают психотические затруднения, сколько застревают на одном уровне расстройства, и он не меняется или меняется исключительно мед-

ленно в очень долгом анализе (Spillius, 1988). Как работа с психотическими пациентами в предыдущем поколении психоаналитиков и работа с детьми в поколении до того, эта работа стимулирует важное развитие теории.

С кляйнианской точки зрения, пограничные личности имеют три основные характеристики:

(i) они застряли на некоторой промежуточной позиции между параноидно-шизоидной и депрессивной позициями со сложной защищенностью как от фрагментации параноидно-шизоидной, так и от вины и ответственности депрессивной позиции (Joseph, 1989) [см. ПСИХИЧЕСКОЕ РАВНОВЕСИЕ];

(ii) они развивались в контексте избытка инстинкта смерти и зависти, но сформировали определенные типы стабильных объектных отношений, хотя последние организованы вокруг господства «плохих» частей самости над «хорошими» [см. СТРУКТУРА; НЕГАТИВНЫЙ НАРЦИССИЗМ];

(iii) стабильность их личности особенно хрупкая, и они пробились за пределы параноидно-шизоидной позиции лишь с помощью развития ригидной системы защит, названной сначала нарциссической организацией (Rosenfeld, 1964), затем — бредовой защитной системой (Segal, 1972), защитной организацией (O'Shaughnessy, 1981) и наконец — *патологической организацией* (Steiner, 1982; Spillius, 1988), т. к. их функция, очевидно, не исключительно защитная, но включает ригидную приверженность определенным видам объектных отношений и источник удовольствия патологического и обычно перверсивного типа [см. НАРЦИССИЗМ; СТРУКТУРА].

Различные авторы исследовали этих «пациентов со слабым Эго, которые в младенчестве подходят к границе депрессивной позиции — как ее определяла Кляйн (Klein, 1935) — с количеством персекуторной тревоги большим, чем нормальное, но не способны преодолеть эту границу, формируя взамен защитную организацию» (O'Shaughnessy, 1981, p. 359) [см. ДЕПРЕССИВНАЯ ТРЕВОГА; ТРЕВОГА]. О'Шонесси различает защиты при более нормальном развитии и защитную организацию:

> «В отличие от защит — частичных, в большей или меньшей степени временных, которые отступают, возвращаются и являются нормальной частью развития, — защитная организация представляет собой фиксацию, патологическое формирование. /…/ В кляйнианских терминах, защиты — нормальная часть преодоления параноидно-шизоидной и депрессивной позиций, а защитная организация — патологическое фиксированное образование в одной или другой позиции или на границе между ними» (O'Shaughnessy, 1981, p. 363).

О'Шонесси подчеркивает «контролирующую и статическую характеристику действия защитной организации в переносе» (O'Shaughnessy, 1981, p. 363), стремящуюся к «тотальной и постоянной организации внутренних и внешних отношений личности с целью исключения любого беспокойства» (O'Shaughnessy, 1981, p. 366).

Идея о фиксированной структуре защит возникла, прямо или косвенно, из случая Шребера и фрейдовского описания конструкции организованного бреда на месте фрагментированной и аннигилированной реальности (Freud, 1911). Ризенберг-Малкольм (Riesenberg-Malcolm, 1970) описала случай, когда садо-мазохистическая фантазия непрерывно использовалась для восстановления организованной психической деятельности и внутреннего мира вслед за психотической фрагментацией личности. Сигал (Segal, 1972) описывала сходную ригидную защитную систему, созданную, чтобы предотвращать психоз вследствие детского психотического срыва. Однако впоследствии кляйнианцы добавили к фрейдовской формулировке две идеи или линии размышлений, в описании Спиллиус (Spillius, 1988).

(a) *Психическое равновесие*: застывание нормальной флуктуации между параноидно-шизоидной и депрессивной позициями [см. Ps-D]. Хотя вначале авторы (Riesenberg-Malcolm, 1970; Segal, 1972) описывали случаи, в которых защитная организация сражается с психотическим срывом, сейчас она рассматривается как бегство от тревог как параноидно-шизоидной, так и депрессивной позиций. Развитие личности замедляется вплоть до остановки, так и не достигнув депрессивной позиции; организованные защиты нацелены на поддержание неподвижности и сохраняют свойство всемогущества.

(b) *Агрессивные аспекты нарциссизма*: при господстве инстинкта смерти личность структурируется вокруг организации всемогущих защит.

Личностная структура. В одной из работ Бион (Bion, 1957) проводит разграничение психотической и непсихотической частей личности [см. ПСИХОЗ; 13. ПРОЕКТИВНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ]. Эта работа была очень полезна и для кляйнианской группы, и вне ее. Позднее Бион описал внутренний мир, где альфа-функция нарушается; тогда всякое переживание лишается своего значения и производятся крайне преследующие снаряды (бета-элементы), выталкиваемые, чтобы устранить всякое переживание (Bion, 1962) [см. МЫШЛЕНИЕ; АЛЬФА-ФУНКЦИЯ]. Идея об обособленных частях единичной личности, разделенной по оси психоза-невроза, стала центральной для понимания структурирования личности [см. СТРУКТУРА]. Мельтцер (Meltzer, 1968) описал внутренние конфликты между частью самости, которая была способна переживать зависимость и более реалистические объектные отношения, и другой частью, принимающей насмешливый взгляд на пользу объектных отношений и постоянно склоняющей индивида к установ-

кам бесполезности, отчаяния, деструктивности или самодеструктивности [см. СТРУКТУРА]. Мани-Кёрл (Money-Kyrle, 1969) в это время тоже описал внутреннюю борьбу между психически здоровой и психически больной частями личности.

Идеализация «плохих» частей самости. Розенфельд (Rosenfeld, 1971) описал идеализацию «плохих» частей самости как «негативный нарциссизм», который обычно обнаруживается у таких «пограничных» пациентов [см. НАРЦИССИЗМ; НЕГАТИВНЫЙ НАРЦИССИЗМ]. Он показал структуру, где инстинкт смерти организован внутри личности как объект (или группа объектов), доминирующий над остальной частью личности (что напоминает структуру, описанную Мельтцером). Деструктивные и самодеструктивные части личности требуют собственной идеализации и запугивают или соблазняют любящие, конструктивные и более реалистические части личности, добиваясь такой идеализации. Приблизительно в это же время, в 1970 годах, Бренман (Brenman, 1985a, b) описал жестокое Супер-Эго, внутренне доминирующее над личностью способом, описанным Бионом (Bion, 1962), — см. выше. Чтобы поддержать идеализированную веру в жестокие, мстительные и деструктивные аспекты личности, утверждает Бренман, необходимо значительное сужение восприятия, фанатизм. Это ликвидирует человеческое понимание и требует «поклонения всемогуществу (которое ощущается как превосходящее человеческую любовь и прощение), приверженности всемогуществу как защите от депрессии и освящения обиды и мести» (Brenman, 1985a, p. 280). Стайнер тоже показал подобное подавление восприятия (Steiner, 1985). Сидни Кляйн снова подчеркнул в 1980 году значение оригинальной бионовской идеи противоположности психотического – непсихотического внутри личности и клинически описал бессознательное знание своих пациентов о структурах внутри них, которые он назвал «аутистическими». Области личности находятся под властью инстинкта смерти, инкапсулированы и обособлены от остальной личности, которая поддерживает более «нормальное» (невротическое) состояние. Эти капсулы могут проявляться в сновидениях как объекты в твердых оболочках, моллюски в раковинах и т. д. Сидни Кляйн ссылается на понятие «островков» психоза у Розенфельда (Rosenfeld, 1978), которые могут быть конвертированы в соматическую патологию.

Идентификат (the identificate). Сон (Sohn, 1985) описал ядерную особенность патологических организаций как идентификацию с конкретным объектом и, в частности, идентификацию посредством всемогущей проекции [см. 13. ПРОЕКТИВНАЯ ИДЕНТИФКАЦИЯ]. Розенфельд (Rosenfeld, 1964) полагал, что такая всемогущая идентификация происходит также за счет одновременной интроективной идентификации (Эго идентифицируется с хорошими атрибутами и отрицает их в объекте). Сон показал, как появление объекта вызывает ощущение всемогущества или усиливает его, и самость

может наслаждаться тем, что она является теперь новым объектом [см. ВСЕМОГУЩЕСТВО]. Но доминирование деструктивности приводит к таким последствиям: (i) обесценивание объекта, качества которого экспроприируются посредством такой вторгающейся идентификации; (ii) расщепление и, следовательно, ослабление самости. Эго расщепляется на нуждающуюся и зависимую самость, с одной стороны, и более всемогущую часть, с другой. Последняя завладевает объектом, присваивает его качества, как свои собственные, раздувает всемогущество еще больше, отрицает существование других, более слабых частей Эго и может затем верить, что является целостным и усовершенствованным Эго. Эта часть властвует над всем остальным внутренним миром и отменяет существование отдельного внешнего мира. Вторжение в объект и контроль над объектом, который теперь инкорпорируется как некий сателлит самости, — это сочетание свойств объекта и высокомерия самости. Этот осадок Сон назвал идентификатом.

Эго, истощенное расщеплением, и объект, обесцененный из-за присвоения его атрибутов, вызывают появление пустоты, которая расширяется, потому что всемогущая самость может часто менять свой объект, вновь и вновь становясь новыми объектами, для того чтобы обеспечить расщепление, проекцию, контроль и всемогущество. Такая фальшь описывалась как псевдо-альянс (Joseph, 1975), псевдо-согласие (Riesenberg-Malcolm, 1981a) или псевдо-интеграция (Steiner, 1987). Бренман (Brenman, 1985b) исследовал далее множественные и быстро изменяющиеся идентификации с идеальными объектами, когда «якобы целостный объект используется как частичный объект» (Brenman, 1985b, p. 242) [см. ЧАСТИЧНЫЙ ОБЪЕКТ].

Направления текущих исследований. Такие описания достаточно часты и непротиворечивы, чтобы сформировать обоснованное дополнение кляйнианской теории. Однако остается ряд положений, в которых точки зрения различных авторов не совпадают.

Расщепление или смычка (liaison). Стайнер (Steiner, 1982) высказал сомнение в том, что существует действительно четкое расщепление на «хорошую» и «плохую» части личности. Он считал, что «здесь мы имеем дело не с расщеплением на хорошее и плохое, но с последствиями сбоя в расщеплении и перекомпоновкой фрагментов заново в сложную смесь при господстве всемогущей нарциссической структуры» (Steiner, 1982, p. 250). В обеих частях — нарциссической, защитной и в более здоровой — налицо слияние инстинктов, «смычка»:

> «Если мы считаем, что примитивная деструктивная часть самости существует у всех индивидов, важным определяющим результат фактором будет способ взаимодействия с ней остальных частей личности. У психотических пациентов эта деструктивная часть самости доминирует над личностью, разрушая и обездвиживая здо-

> ровые части. У нормальных индивидов деструктивная часть менее отщеплена, так что она может в большей степени контейнироваться и нейтрализоваться здоровыми частями личности. Остается промежуточная ситуация, когда это соотношение более симметрично, и она клинически проявляется в пограничных и нарциссических состояниях. Здесь деструктивная часть самости не может полностью игнорировать здоровые части, вынужденно принимает их во внимание и входит в смычку с ними» (Steiner, 1982, p. 242).

Смычка создает сложную ситуацию: в ней здоровые части личности подталкиваются к тому, чтобы намеренно вступить в сговор, преследующий цели, которые ощущаются как деструктивные. Таким образом здоровые части личности перверсивно используются для *маскарада* здоровья [см. ПЕРВЕРСИЯ].

Возбуждение. Согласно многим описаниям, патологическая организация предлагает перверсивные возбуждающие удовольствия, когда объекты контролируются всемогущим и садо-мазохистическим образом (Meltzer, 1968; Riesenberg-Malcolm, 1970; Joseph, 1975, 1982, 1983; Brenman Pick, 1985). Возбуждение заманивает сотрудничающие части личности прочь от нормального развития и от «хороших» и здоровых объектных отношений:

> «В техническом плане важно отчетливо понимать, говорит ли нам пациент о реальном отчаянии, депрессии или страхе и преследовании, чтобы мы их поняли и помогли ему справиться с ними, или же он выстраивает коммуникацию так, чтобы в первую очередь создать мазохистическую ситуацию, которая может его захватить» (Joseph, 1982).

Действие патологической организации искажает внутреннюю и внешнюю реальность (Riesenberg-Malcolm, 1981b; Joseph, 1983) настолько, что патологию таких пациентов иногда называли «перверсией характера» [см. ПЕРВЕРСИЯ], хотя эти пациенты могут никогда не выказывать явных сексуальных перверсий. Однако садо-мазохистическое возбуждение в этих защитах присутствует не всегда. Остается неясным, является ли оно интегральным элементом патологической организации.

Внутренние отношения патологических организаций. В описании аутистических частей самости в работе Сидни Кляйна (Sidney Klein, 1980) пациент выглядит недоступным, потому что слишком многое в личности оказывается замкнутым внутри ее инкапсулированной психотической части. Другие авторы, напротив, оценивают патологическую организацию как глубоко вовлеченную во внутренний конфликт, вызываемый «плохими» частями самости, которые запугивают «хорошие» части (Rosenfeld, 1971) или

соблазняют их (Meltzer, 1968; Riesenberg-Malcolm, 1970). Стайнер (Steiner, 1982) также постулировал *смычку* между «плохими» и «хорошими» частями самости. Таким образом, отмечено три вероятных вида взаимоотношений между «хорошими» и «плохими» частями самости:

(i) части остаются относительно не-взаимодействующими за счет создания жесткой капсулы;

(ii) при господстве «плохих» частей они избегают всякого эмоционального движения;

(iii) «хорошая» часть самости преднамеренно и добровольно вступает в сговор с «плохой».

Еще не ясно, представлены здесь различные теоретические описания одной и той же патологии или же они относятся к различным клиническим феноменам.

Объект и самость. Эти описания расщепления Эго, или самости, и происходящих от него конфликтных отношений иногда звучат очень похоже на описания внутреннего конфликта между самостью и «плохим» внутренним объектом. Например, Бион (Bion, 1962) установил специфическую связь между аппаратом для эвакуации переживаний в психотической психике и преследующим Супер-Эго. На эту связь указывает и Бренман: «примитивное суровое Супер-Эго связано с мощной патологической организацией» (Brenman, 1982, p. 304).

Хотя патологическая организация — следствие защит Эго и импульсов, ее точный статус в плане объектных отношений неясен — отчасти вследствие всемогущества действующих фантазий, что приводит к спутанности между самостью и объектом [см. СОСТОЯНИЯ СПУТАННОСТИ]. Возможно, этой темной ситуации (в которой отделенные части самости становятся как будто неассимилированными внутренними объектами) соответствует описание проективной идентификации во *внутренние* объекты, данное Мельтцером (Meltzer, 1973).

Bion, Wilfred (1957) 'Differentiation of the psychotic from the non-psychotic personalities', *Int. J. Psycho-Anal.* 38:266–75; republished in W.R. Bion (1967), *Second Thoughts*. Heinemann, pp. 43–64.

Bion, Wilfred (1962) *Learning from Experience*. Heinemann.

Brenman, Eric (1982) 'Separation: a clinical problem', *Int. J. Psycho-Anal.* 63:303–10.

Brenman, Eric (1985a) 'Cruelty and narrow-mindedness', *Int. J. Psycho-Anal.* 66:273–81.

Brenman, Eric (1985b) 'Hysteria', *Int.J. Psycho-Anal.* 66:423–32.

Brenman Pick, Irma (1985) 'Male sexuality: a clinical study of forces that impede development', *Int. J. Psycho-Anal.* 66:415–22.

Freud, Sigmund (1911) *Psycho-Analytic Notes on an Autobiographical Account of a Case of Paranoia. S.E.* 12, pp. 9–82.

Joseph, Betty (1975) 'The patient who is difficult to reach', in Peter Giovacchini, ed. *Tactics and Techniques in Psycho-Analytic Therapy,* vol. 2. New York: Jason Aronson, pp. 205–16.

Joseph, Betty (1978) 'Different types of anxiety and their handling in the analytic situation', *Int. J. Psycho-Anal.* 59:223–8.

Joseph, Betty (1982) 'On addiction to near-death', *Int. J. Psycho-Anal.* 63:449–56.

Joseph, Betty (1983) 'On understanding and not understanding: some technical issues', *Int.J. Psycho-Anal.* 64:291–8.

Joseph, Betty (1989) *Psychic Change and Psychic Equilibrium.* Routledge.

Klein, Melanie (1935) 'A contribution to the psychogenesis of manic-depressive states', in *The Writings of Melanie Klein* 1, pp. 282–310.

Klein, Sidney (1980) 'Autistic phenomena in neurotic patients', *Int.J. Psycho-Anal.* 61:395–402; republished (1981) in James Grotstein, ed. *Do I Dare Disturb the Universe?* pp. 103–14.

Meltzer, Donald (1968) 'Terror, persecution, dread', *Int.J. Psycho-Anal* 49:396–400; republished (1973) in Donald Meltzer *Sexual States of Mind.* Perth: Clunie, pp. 99-106.

Meltzer, Donald (1973) *Sexual States of Mind.* Perth: Clunie.

Money-Kyrle, Roger (1969) 'On the fear of insanity', in (1978) *The Collected Papers of Roger Money-Kyrle.* Perth: Clunie, pp. 434–41.

O'Shaughnessy, Edna (1981) 'A clinical study of a defensive organization', *Int. J. Psycho-Anal.* 62:359–69.

Rey, Henri (1979) 'Schizoid phenomena in the borderline', in Joseph LeBoit and Atilio Capponi, eds *Advances in Psychotherapy of the Borderline Patient.* New York: Jason Aronson, pp. 449–84.

Riesenberg-Malcolm, Ruth (1970) 'The mirror: a perverse sexual phantasy in a woman seen as a defence against psychotic breakdown', in Elizabeth Bott Spillius, ed. (1988) *Melanie Klein Today: Volume 2: Mainly Practice.* Routledge, pp. 115–37; previously published (1970) in Spanish as 'El espejo: Una fantasia sexual perversa en una mujer, vista como defensa contra un derrume psicon'co', *Revista de Psicoandlisis* 27:793–826.

Riesenberg-Malcolm, Ruth (198la) 'Technical problems in the analysis of a pseudo-compliant patient', *Int. J. Psycho-Anal.* 62:477–84.

Riesenberg-Malcolm, Ruth (1981b) 'Expiation as a defence', *Int. J. Psycho-Anal. Psychother.* 8:549–70.

Rosenfeld, Herbert (1964) 'On the psychopathology of narcissism: a clinical approach', *Int. J. Psycho-Anal.* 45:332–7.

Rosenfeld, Herbert (1971) 'A clinical approach to the psycho-analytical theory of the life and death instincts: an investigation into the aggressive aspects of narcissism', *Int. J. Psycho-Anal.* 52:169–78.

Rosenfeld, Herbert (1978) 'The relationship between psychosomatic symptoms and latent psychotic states' (unpublished).

Segal, Hanna (1972) 'A delusional system as a defence against re-emergence of a catastrophic situation', *Int. J. Psycho-Anal.* 53:393–403.

Sohn, Leslie (1985) 'Narcissistic organization, projective identification and the formation of the identificate', *Int. J. Psycho-Anal.* 66:201–13.

Spillius, Elizabeth Bott (1988) *Melanie Klein Today: Volume 2: Mainly Practice.* Routledge.

Steiner, John (1982) ‘Perverse relationships between parts of die self: a clinical illustration’, *Int. J. Psycho-Anal.* 63:241–52.

Steiner, John (1985) ‘Turning a blind eye: the cover-up for Oedipus’, *Int. Rev. Psycho-Anal.* 12:161–72.

Steiner, John (1987) ‘Interplay between pathological organization and the paranoid-schizoid and depressive positions’, *Int. J. Psycho-Anal.* 68:69–80.

Пенис
Penis

«Пенис» — это частичный объект, исходно воспринимаемый в бессознательной фантазии как часть комбинированной родительской фигуры. Младенец верит, что этот объект находится внутри тела матери, в ее животе или груди [см. КОМБИНИРОВАННАЯ РОДИТЕЛЬСКАЯ ФИГУРА].

Насильственный характер исходного представления о пенисе может затем приписываться внешнему отцу, когда в конечном итоге происходит встреча с ним [см. ОТЕЦ]. С началом депрессивной позиции пенис может быть понят как союзник в восстановлении поврежденной матери. Когда маленький мальчик развивается, он может стать гораздо более уверенным в себе благодаря своему пенису, который идентифицирован с восстанавливающим пенисом или отцом. С другой стороны, пенис может вызывать сильный страх и отказ от него, если он идентифицирован с насильственным объектом исходной фантазии.

Так же, как это происходит и с другими частичными объектами, характеристики пениса, по-видимому, в некоторой степени определены от рождения, и для более близкого к реальности распознания внешних объектов (в данном случае отца) необходимо проделать некоторую работу.

См. ОТЕЦ; ЧАСТИЧНЫЕ ОБЪЕКТЫ; МУЖЕСТВЕННОСТЬ

Перверсия
Perversion

Из ранних работ Фрейда (Freud, 1905) следует, что сексуальный инстинкт обладает различными составляющими: садизмом, мазохизмом, вуайеризмом, гомосексуальностью. Сексуальность ребенка множественно перверсивна (полиморфно перверсивная сексуальность детства). Фрейд полагал, что перверсивность угасает при возникновении сознательного интереса в ходе нормального созревания. Но у людей, склонных к перверсиям, инфантильный инстинкт сохраняется, и в неврозе перверсивный компонентный импульс проявляется непосредственно, будучи недостаточно вытесненным перверсивным сексуальным интересом.

Хотя классическая теория была очень внимательна к перверсивной сексуальности и последствиям ее вытеснения, Кляйн мало говорит о перверсиях как таковых. Она действительно думала, что один из составляю-

щих инстинктов, садизм, чрезвычайно важен, однако не занималась исследованием садо-мазохистических извращений [см. САДИЗМ]. Все время обнаруживая садизм у детей, она, что удивительно, никак не связывала его с сексуальным садизмом взрослых.

Перверсии у взрослых. Но тем не менее, Кляйн (Klein, 1927) обнаружила, что садистические компоненты, столь выдающиеся у детей, отвечают разновидностям садизма, свойственного криминальности у взрослых. Впоследствии кляйнианцы были склонны рассматривать все перверсии как манифестацию инстинкта смерти — импульсов, искажающих сексуальность.

Кляйн описывала преждевременное развитие генитальных чувств как способ справиться со страхами прегенитальных импульсов. Генитальная эротизация прегенитальных импульсов мобилизует поддерживающие и успокаивающие генитальные импульсы любви и созидания, но процесс слишком ранней генитализации вызывает риск возникновения сексуальных перверсий взрослого возраста и возбужденных состояний деструктивности. Садомазохизм и другие перверсии, а также зависимости представляют собой один из способов добиться выведения объектных отношений за пределы параноидно-шизоидной позиции, когда личность охвачена избытком деструктивности [см. ПАТОЛОГИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ].

Хантер (Hunter, 1954) и Джозеф (Joseph, 1971) анализировали сексуальные извращения (в обоих случаях фетишизм) и показали значимость обращения к новому объекту, или скорее движения прочь от старого объекта, который вызвал слишком сильную тревогу. Пациент Джозеф демонстрировал патологические всемогущие проективные идентификации в свой фетиш, физически помещая свое тело внутрь него. Кроме того, Мельтцер (Meltzer, 1973) описал огромное разнообразие фантазийных содержаний завистливых и садистических импульсов, вовлеченных в сексуальные перверсии. Он отличал инфантильную перверсивную сексуальность от взрослой и считал полиморфную перверсивность исследованием (в той мере, в какой ребенок на это способен) загадки его собственной сексуальности, сексуальности его родителей и возможностей идентификации с ними. Взрослая перверсия, наоборот, движима деструктивными импульсами, направленными на разрушение сексуальности, особенно сексуальности родителей и их коитуса.

Гомосексуальность. Фрейд (Freud, 1911) считал, что человек от рождения бисексуален, но чрезмерная степень гомосексуальности может быть ответственна за (защитное) развитие паранойи. Однако Розенфельд (Rosenfeld, 1949) рассмотрел возможность (при особенно острых проблемах на параноидно-шизоидной позиции) генитального обращения от матери, вызывающей враждебные чувства, к отцу. И тогда гомосексуальность оказывается способом совладания с чрезмерной паранойей.

Перверсия переноса. Интерес кляйнианцев сместился в техническую сферу, к манифестации садистических импульсов по отношению к аналитику (Etchegoyen, 1978; Spillius, 1983). Джозеф (Joseph, 1975, 1982) занялась перверсией отношений переноса — разновидностью перверсивности, тесно связанной с негативной терапевтической реакцией [см. НЕГАТИВНАЯ ТЕРАПЕВТИЧЕСКАЯ РЕАКЦИЯ]. Она (Joseph, 1982) показала, сколь важно понимать, не является ли манифестация, кажущаяся тревогой, на самом деле разновидностью мазохистического наслаждения страданием, и не является ли то, что кажется параноидной реакцией, на самом деле псевдо-паранойей, нацеленной на создание возбуждающей ситуации.

Перверсия характера. Джозеф (Joseph, 1975) также показала, как пациенты бывают вовлечены в анализ только частично и получают сильное наслаждение, удерживая наиболее живые части личности на недосягаемом для аналитика расстоянии. Иногда такие перверсивные взаимоотношения в переносе могут сопровождаться преходящим отыгрыванием актуальных перверсивных сексуальных импульсов (Gallwey, 1979).

Розенфельд (Rosenfeld, 1971) и другие исследователи неоднократно описывали манифестации буйной деструктивности и садизма по отношению к аналитику и то, как они организуются в виде части личности — *перверсии характера* [см. НАРЦИССИЗМ; СТРУКТУРА]. Внутренняя организация инстинкта смерти может приводить к тому, что «плохие» части самости начинают запугивать «хорошие» части (напр., Money-Kyrle, 1969; Rosenfeld, 1971) или же перверсивные части самости могут соблазнять «хорошие» части (Meltzer, 1968; Steiner, 1982) [см. СТРУКТУРА].

Стайнер (Steiner, 1982) привел подробный клинический материал к более общим описаниям Джозеф: как может происходить овладение внешне хорошими частями самости и использование их для соблазнения, искажения и извращения взаимоотношений с аналитиком, так что под импульсами сотрудничества и любви скрываются тайные попытки установить контроль и вторгнуться [см. ПАТОЛОГИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ].

Etchegoyen, Horatio (1978) 'Some thoughts on transference perversion', *Int. J. Psycho-Anal.* 59:45–53.

Freud, Sigmund (1905) *Three Essays on the Theory of Sexuality. S.E.* 7, pp. 125–245.

Freud, Sigmund (1911) 'Psycho-analytic notes on an autobiographical account of a case of paranoia". *S.E.* 12, pp. 3–82.

Gallwey, Patrick (1979) 'Symbolic dysfunction in the perversions: some related clinical problems', *Int. Rev. Psycho-Anal.* 6:155–61.

Hunter, Dugmore (1954) 'Object relation changes in the analysis of fetishism', *Int. J. Psycho-Anal.* 35:302–12.

Joseph, Betty (1971) 'A clinical contribution to the analysis of a perversion', *Int. J. Psycho-Anal.* 52:441–9.

Joseph, Betty (1975) 'The patient who is difficult to reach', in Peter Giovacchini, ed. *Tactics and Techniques in Psycho-Analytic Therapy,* vol. 2. New York: Jason Aronson, pp. 205–16.

Joseph, Betty (1982) 'On addiction to near death', *Int. J. Psycho-Anal.* 63:449–56.

Klein, Melanie (1927) 'Criminal tendencies in normal children'. *WMK* 1, pp. 170–85.

Meltzer, Donald (1968) 'Terror, persecution, dread', *Int. J. Psycho-Anal.* 49:396–400; republished (1973) in Donald Meltzer, *Sexual States of Mind.* Perth: Clunie, pp. 99–106.

Meltzer, Donald (1973) *Sexual States of Mind.* Perth: Clunie.

Money-Kyrle, Roger (1969) 'On the fear of insanity', in (1978) *The Collected Papers of Roger Money-Kyrle.* Perth: Clunie, pp. 434–41.

Rosenfeld, Herbert (1949) 'Remarks on the relation of male homosexuality to paranoia, paranoid anxiety and narcissism', *Int. J. Psycho-Anal.* 30:36–47; republished (1965) in Herbert Rosenfeld, *Psychotic States.* Hogarth, pp. 34–51.

Rosenfeld, Herbert (1971) 'A clinical approach to the psycho-analytical theory of the life and death instincts', *Int. J. Psycho-Anal.* 52:169–78.

Spillius, Elizabeth Bott (1983) 'Some developments from the work of Melanie Klein', *Int.J. Psycho-Anal.* 64:321–32.

Steiner, John (1982) 'Perverse relationships between parts of the self: a clinical illustration', *Int. J. Psycho-Anal.* 63:241–52.

Первичная сцена
Primal scene

Фрейд использовал термин «первичная сцена» для обозначения переживания ребенком родительской пары в совокуплении. Как правило, его интересовало реальное наблюдение ребенка за сношением родителей. С исчерпывающей скрупулезностью в анализе Человека с волками (Freud, 1918) освещается травма пациента, полученная в спальне родителей, где его укладывали спать во время их отпуска, связанные с ней обманчивые фантазии пациента, его желание идентифицироваться с тем или другим родителем или с ними обоими и попытки датировать это событие как реально случившееся в младенчестве пациента. Эта история болезни была опубликована примерно в то время, когда Кляйн начала интересоваться анализом, и, несомненно, глубоко ее затронула.

В начале своей профессиональной карьеры Кляйн занималась исключительно сексуальными теориями ребенка. Вскоре она осознала, сколь сильное страдание вызывают обман, фрустрация и исключенность и сколь интенсивен садистический отклик даже у самого милого ребенка. Для обозначения детской концепции первичной сцены она ввела собственный термин — *комбинированная родительская фигура* [см. КОМБИНИРОВАННАЯ РОДИТЕЛЬСКАЯ ФИГУРА].

Эта фигура целиком и полностью является фантазией, но последствия фантазии нападения на материнское тело, где, как верит ребенок, постоянно

обитает отец (или его пенис), для нормального и анормального развития ребенка вполне реальны.

См. ВНЕШНИЙ МИР

Freud, Sigmund (1918) ‘From the history of an infantile neurosis’. *S.E.* 17, pp. 3–13.

Перенос
Transference

Перенос был известен с самого начала существования психоанализа. Понимание переноса и его влияние на развитие теории постоянно менялись. Концепция переноса на самом деле — это несколько концепций, которые развивались более ста лет: (1) сначала перенос считали неэтичным, предосудительным; (2) затем он казался союзником психоаналитика в преодолении сопротивлений, когда стала видна ограниченность и лишь временная благотворность гипнотических методов; (3) после считалось, что он может быть разновидностью сопротивления анализу из-за превращения рабочих отношений в эмоциональные; (4) впоследствии его стали рассматривать как повторное разыгрывание (re-enactment) прошлого, придающее большую отчетливость психоаналитической реконструкции деталей травм детства; (5) с другой стороны, разыгрывание в консультационном кабинете могли рассматривать как экстернализацию текущей бессознательной фантазии; и (6) наконец, был описан набор множественно расщепленных отношений с аналитиком.

(1) Предосудительное событие. Когда Брёйер впервые сообщил Фрейду о том, что он назвал «предосудительным событием» (Jones, 1953), по сути, это было осознанием того, что Анна О. в Брёйера влюбилась. Отсюда Брёйер немедленно сделал вывод о неэтичности своего метода для медицинской практики и оставил Фрейда бороться на этом поле в одиночестве. Фрейд же повел себя более осмотрительно. Он очертил границы данной этической проблемы, и, как воспитанный ученый, занял характерную позицию нейтральности по отношению к этическим вопросам. Он решил рассматривать любовь Анны О. как предмет исследования. Это подразумевало воздержание от какого бы то ни было персонального удовлетворения в их отношениях. Такую любовь следовало понимать как феномен, совершенно не связанный с реальной личностью аналитика, и когда Фрейд обнаружил, что другие его юные пациентки так же страстно в него влюблены, он не стал относить этот факт на счет своего личного обаяния.

Так возник новый взгляд на перенос: не как на предосудительное и неэтичное происшествие, но как на явление, которое нужно изучать и использовать на практике.

(2) Преодоление сопротивлений. Когда Фрейд начал отказываться от гипнотического метода проникновения в бессознательное пациента, перенос оказался альтернативным способом преодоления сопротивлений психоаналитическому исследованию. На этой стадии (в 1890-х годах) перенос понимался как всего лишь позитивное чувство пациента к аналитику, которое аналитик использовал, как если бы оно было зарядом энергии [см. ЛИБИДО], направленным против сопротивления воспоминаниям о прошлом. Аналитик просто играл на позитивной и фантастической преданности пациента, принуждая его ослабить вытеснение («техника давления»).

(3) Сопротивление переноса. Случай Доры внезапно вновь привлек внимание Фрейда к переносу. Фрейд всегда понимал, что пациент может испытывать к аналитику как неестественно позитивные, так и неестественно негативные чувства. Но он не спешил признать их значение, пока недоброжелательно настроенная Дора не прервала преждевременно свой анализ. Фрейда это задело особенно больно, поскольку, начиная анализ Доры, он собирался написать образцовую историю лечения, которая стала бы моделью для всякой будущей практики. Дора заставила его переступить через свою гордость и признать, что это описание предлагает модель того, как не следует делать — по крайней мере, как не следует обращаться с переносом. Фрейд преодолел свое разочарование, но это было только частью необходимых изменений.

Признание Фрейдом значения негативного переноса подразумевало пересмотр как практики психоанализа, так и его теории. Фрейд был склонен рассматривать случай Доры с двух сторон. Во-первых, он считал перенос, в котором был прерван анализ, разновидностью сопротивления работе анализа и вызову воспоминаний и фантазий из прошлого (Freud, 1912). Используя интенсивность чувства к аналитику, пациент пытается, посредством соблазнения или враждебности, помешать процессу понимания прошлого. И во-вторых, Фрейд также считал взаимоотношения с Дорой разыгрыванием некоторого рода *особых* отношений (Freud, 1915).

(4) Повторение в переносе. Фрейд наблюдал, как в негативном переносе Доры воспроизводились определенные чувства, которые она раньше испытывала к некоему господину К. По сути, Фрейд знал, что перенос связан с ранними травмами в истории пациента. Теперь же он получил настоящий урок: травма возрождается, заново переживается, заново разыгрывается как реальная жизнь — в переносе на аналитика. И Фрейд смог описать этот случай: не в качестве образцового, но как предупреждение, по-новому демонстрирующее значимость переноса — как способа тщательного исследования прошлого. Он больше не считал перенос способом восстановить смутные воспоминания, спутанные усилиями, удерживать их вытесненными.

Несмотря на болезненный урок, полученный при столкновении с переносом, Фрейд, как всегда, не спешил полностью расстаться со своими

прежними взглядами. Даже сегодня в описаниях переноса предполагается, что это либо сила, поддерживающая сопротивления анализу или помогающая их преодолеть, либо опасное повторное разыгрывание прошлого.

(5) Разыгрывание бессознательной фантазии. За прошедшие годы было развито представление о переносе как о *повторном разыгрывании (re-enactment)*. Идея повторного разыгрывания прошлого обрела новое значение благодаря работе Кляйн. Возможно, Кляйн пересмотрела понятие переноса, потому что работала с детьми, чей возраст в некоторых случаях не превышал двух лет, то есть тогда, когда и должны происходить травматизирующие события. Поэтому повторное разыгрывание у детей относится не к далекому прошлому, а к их непосредственному настоящему. Их игра в целом — это серия разыгрываний происшествий и взаимоотношений всех видов. Живость и энергичность такого разыгрывания поражали Кляйн. Но что же разыгрывали дети в своей игре? Очевидно, свою фантазийную жизнь. Кляйн отнеслась к этому серьезно. Игра, по ее мнению, идет всерьез, это не просто развлечение. Игра является собственным способом ребенка каким-то образом отнестись к своим худшим страхам и тревогам. Следовательно, разыгранные в консультационном кабинете отношения — это выражение попыток ребенка охватить травматическое переживание своей повседневной жизни.

Новое понимание переноса, вернувшись во взрослый психоанализ, сильно повлияло и на теорию, и на практику. Перенос, который уже считали разыгрыванием в консультационном кабинете, стали рассматривать как повторное разыгрывание текущих фантазийных переживаний аналогично тому, как игра ребенка становится повторным разыгрыванием его фантазийной переработки своих травм [см. ОТЫГРЫВАНИЕ ВНУТРИ]. Представление о переносе как о чем-то, что выводится из затруднений пациента здесь и сейчас в ходе аналитического сеанса, было подкреплено развитием понятия бессознательной фантазии и вниманием к данному понятию [см. 2. БЕССОЗНАТЕЛЬНАЯ ФАНТАЗИЯ]. Практика кляйнианского психоанализа стала пониманием переноса как выражения бессознательной фантазии, действующей непосредственно здесь и сейчас, в данный момент анализа. Однако перенос оказывается сформированным по образцу инфантильных механизмов, с помощью которых пациент давным-давно справлялся со своими переживаниями:

> «... пациенту приходится бороться со своими конфликтами и тревогами, переживаемыми заново по отношению к аналитику, теми же методами, которыми он пользовался в прошлом. То есть он отворачивается от аналитика так же, как пытался отвернуться от своих первичных объектов» (Klein, 1952, p. 55).

Такое представление о переносе, в свою очередь, поддержало концепцию бессознательной фантазии. Две этих концепции, составляя ядро кляйнианской практики, взаимно развивали и укрепляли друг друга.

Отыгрывание в переносе. В дальнейшем возник все возрастающий интерес к тому, как пациент отыгрывает в переносе. Исследования в этом направлении, в частности, связанные с работой Бетти Джозеф [см. ПСИХИЧЕСКОЕ РАВНОВЕСИЕ], показали, что пациенты используют перенос не только для получения удовлетворения своих импульсов, но также и в поддержку своих защитных позиций [см. ОТЫГРЫВАНИЕ ВНУТРИ]. Пациенты пытаются «использовать нас, аналитиков, чтобы справиться с тревогой» (Joseph, 1978, p. 223). Джозеф описывает утонченные способы, которыми пациент пытается «втянуть аналитика в свои защитные системы» (Joseph, 1985). Придавая особое значение переносу как тотальной ситуации (Joseph, 1985), Джозеф изучала тяжелых и неизлечимых пациентов с пограничными расстройствами, чьи личностные структуры выстроены вокруг ригидной системы защит, патологической организации [см. ПАТОЛОГИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ].

Техники эго-психологов. Одно из отличий в подходе к переносу состоит в том, что эго-психологи будут рассматривать материал, отыскивая свидетельство импульсов, дериватов инстинктов и защит от них, а другие аналитики — искать объекты и отношения с ними.

Однако это различие имеет глубокие корни. Кляйн стала иначе направлять внимание, рассматривая материал пациентов. Она интересовалась *содержанием* тревог и в этом отошла от прежнего интереса к инстинктам и разрядке их энергии. Аналитики либо пытаются подойти к структуре психики пациента с объективных позиций, выстраивая модель такой структуры и работая над ее модификацией, либо, с другой стороны, входят в субъективный мир пациента и пытаются найти описывающие его слова. Эти подходы к психоаналитической практике, втянувшие в 1920-х годах своих сторонников в конфликт, связанный с техникой детского анализа, остаются отчетливо противопоставленными в анализе взрослых сегодня [см. 1. ТЕХНИКА; ДЕТСКИЙ АНАЛИЗ].

(6) Расщепленные переносы. С 1940-х годов Кляйн сделала очень много для дальнейшего развития понимания и терапевтической интерпретации переноса. Абрахам (Abraham, 1919) и впоследствии многие другие аналитики указывали на скрытые аспекты отношения пациента к аналитику: обычно утаиваются негативные аспекты. В 1940-х годах Кляйн смогла включить этот момент в свою развивающуюся теорию, так как начала понимать, насколько важно расщепление. Она показала, что материал, полученный в ходе свободных ассоциаций на аналитическом сеансе, иногда тотчас же выдает аспекты непосредственного переноса на аналитика, даже если аналитик явно не упоминается или представлены, на первый взгляд, детские воспоминания:

> «Например, сообщения пациентов об их повседневной жизни, отношениях и действиях не только позволяют понять, как функцио-

> нирует Эго, но также раскрывают — если мы исследуем бессознательное содержание — защиты от тревог, пробужденных ситуацией переноса. /.../ Пациент пытается расщепить отношения к аналитику, рассматривая его либо как хорошую, либо как плохую фигуру: он отклоняет некоторые из чувств и установок, испытываемых к аналитику, на других людей в своей текущей жизни, и это составляет часть “отыгрывания”» (Klein, 1952, p. 56) [см. 1. ТЕХНИКА].

Последовательность ассоциаций в материале пациента на самом деле рисует картину набора остатков (бессознательно) расколотого отношения с аналитиком, причем часто — чрезвычайно незрелых аспектов этого отношения. Задача аналитика — понять, во-первых, как он представлен в этом переплетении тысяч конфликтующих траекторий, а во-вторых, что их нужно объединить в «сборке переноса» («gathering of the transference») (Meltzer, 1968).

Контрперенос. Параллельно истории понятия переноса двигалась в чем-то похожая история понятия контрпереноса. Она тоже начиналась с представления о помехе, о заблуждении, требующих от аналитика чрезвычайной бдительности. Поначалу аналитикам помогала идея, что они должны быть чистым экраном для своих пациентов, поскольку иногда их просто ужасало, сколь многое пробуждали в них пациенты (Fenichel, 1941). Но в начале 1950-х годов представление об аналитике как о чистом экране, действующем механически, довольно быстро перестало казаться правдивым по двум причинам: (a) на практике аналитик не способен удерживать свою личность в тайне от пациента; (b) чувства, которые аналитик обнаруживает у себя в ходе сеансов, если их тщательно отслеживать и обрабатывать, играют весьма важную роль в понимании состояния психики пациента в данный момент [см. КОНТРПЕРЕНОС].

Abraham, Karl (1919) ‘A particular form of neurotic resistance against the psycho-analytic method’, in Karl Abraham (1927) *Selected Papers on Psycho-Analysis*. Hogarth, pp. 303–11.

Fenichel, Otto (1941) *Problems in Psycho-Analytic Practice*. New York: The Psycho-Analytic Quarterly Inc.

Freud, Sigmund (1912) ‘The dynamics of transference’. *S.E.* 12, pp. 97–108.

Freud, Sigmund (1915) ‘Remembering, repeating and working through’. *S.E.* 14, pp. 121–45.

Jones, Ernest (1953) *The Life and Work of Sigmund Freud,* vol. 1. Hogarth.

Joseph, Betty (1978) ‘Different types of anxiety and their handling in the analytic situation’, *Int. J. Psycho-Anal.* 59:223–8.

Joseph, Betty (1985) ‘Transference – the total situation’, *Int. J. Psycho-Anal.* 66:447–54

Klein, Melanie (1952) ‘The origins of transference’. *WMK* 3, pp. 48–56.

Meltzer, Donald (1968) *The Psycho-Analytic Process*. Perth: Clunie.

Персонификация Personification

Кляйн показала, что в игре дети превращают игрушки в личности, воображаемые или реальные, важные в их настоящей жизни [см. 1. ТЕХНИКА], и обеспокоены отношениями между этими персонифицированными объектами.

Наблюдая персонификацию в любой игре, Кляйн пришла к выводу, что всякая психическая деятельность зарождается во взаимоотношениях между персонифицированными объектами. Кляйн удивлялась гибкости и легкости, с которой отношения, аффекты и конфликты переносятся на новые объекты [см. ОБРАЗОВАНИЕ СИМВОЛОВ]. Кляйн считала ребенка способным представлять личности, способным к символизации и установлению переноса, и в этом взгляд Кляйн радикально отличается от воззрений Анны Фрейд [см. 1. ТЕХНИКА].

См. ИГРА

Плохой объект Bad object

В ранней фантазийной жизни [см. 5. ВНУТРЕННИЕ ОБЪЕКТЫ; 2. БЕССОЗНАТЕЛЬНАЯ ФАНТАЗИЯ] объектам анимистическим образом приписываются мотивы по отношению к субъекту. Неприятное телесное ощущение интерпретируется как обусловленное намерениями *плохого* (враждебного) объекта. На данной стадии младенец мощно ощущает реальность такого объекта; но это реальность существования и определенности мотива, а не ощущение физически идентифицированного объекта, который обычно воспринимают взрослые.

Плохому объекту противопоставлена его диаметральная противоположность, с ним сосуществующая, — выводимый из приятных телесных ощущений «хороший объект», который предполагается благоволящим к младенцу. Например, в сопровождающих кормление ощущениях есть фрустрирующий, причиняющий голод объект («плохой» объект), и он противостоит приносящему удовлетворение, устраняющему голод объекту. Эти примитивные понятия обозначаются как «хорошая» грудь и «плохая» грудь; «хорошая» мать и «плохая» мать; то же самое относится к отцу, пенису и т. д. [см. ГРУДЬ; МАТЬ; ОТЕЦ].

Сначала объекты в данных парах воспринимаются как строго отщепленные друг от друга и вполне обособленные, но постепенно развиваются более реалистические восприятия, так что появляются объекты, у которых «хорошие» и «плохие» свойства и мотивы смешаны [см. 10. ДЕПРЕССИВНАЯ ПОЗИЦИЯ].

См. ЧАСТИЧНЫЙ ОБЪЕКТ

Позиция Position

Кляйн приняла термин «позиция», чтобы придать иной вид своей модели развития. Она хотела уйти от представления о стадиях или фазах развития, поскольку показала, что они не разграничены отчетливо, но накладываются друг на друга и допускают переключения с одной на другую и обратно. Позиция — это совокупность тревог, защит, объектных отношений и импульсов. Впервые Кляйн стала так использовать этот термин в 1935 году, когда она описала *депрессивную позицию* [см. 10. ДЕПРЕССИВНАЯ ПОЗИЦИЯ]. До 1935 года этот термин у Кляйн обозначал либидинозные позиции [см. ЛИБИДО] — гомосексуальную, гетеросексуальную и т. д. (см., например, Klein, 1928, p. 186).

Позиция и объектные отношения. Термин «позиция» описывает характерное положение, которое занимает Эго по отношению к своим объектам. Хотя Кляйн продолжала использовать термины «оральный», «анальный», «фаллический» и т. д., они все больше указывали на типы инстинктивных импульсов, а не на стадии, то есть на типичные бессознательные фантазии [см. 2. БЕССОЗНАТЕЛЬНЫЕ ФАНТАЗИИ], а не на четкие периоды в развитии. Именно наблюдения побудили Кляйн значительно модифицировать классическое расписание развития, ощутимо сместив истоки Эдипова комплекса и Супер-Эго назад, к первому году жизни. С помощью идеи позиции она хотела выразить гораздо более гибкий процесс переходов назад и вперед, чем тот, что подразумевается понятием регрессии к точкам фиксации на фазах развития [см. Ps-D]. Кляйн надеялась термином «позиция» обратить внимание на отношения. Работая с детьми, она очень хорошо видела, как Эго размещает свои объекты и манипулирует ими.

Позиция или защитная структура. Сначала Кляйн пользовалась термином «позиция» свободно и описывала не только депрессивную, но и параноидную, маниакальную и обсессивную позиции. Но затем она ограничила использование данного термина: «параноидная», «маниакальная» и «обсессивная» позиции больше не упоминались, поскольку Кляйн выяснила, что это просто указания на типичные структуры защит от тревог; для Кляйн эти «позиции» обозначали патологические конфигурации (Meltzer, 1978). Позднее в качестве значимых в развитии были выделены две фундаментальные позиции: депрессивная позиция, характеризующаяся депрессивной тревогой, и параноидно-шизоидная позиция [см. 11. ПАРАНОИДНО-ШИЗОИДНАЯ ПОЗИЦИЯ], характеризующаяся тревогой персекуторной.

Психотические позиции. Переход от использования термина в контексте патологии к использованию его в контексте развития привел к путанице. Многие поняли идеи Кляйн как указание, что психотическое состояние — это норма для детей. Кляйн изо всех сил стремилась внести ясность в этот вопрос:

«Ранее в своей работе я описывала психотические тревоги и механизмы у ребенка в терминах фаз развития. /.../ Но поскольку в нормальном развитии психотические тревоги и механизмы никогда не достигают исключительного преобладания (что я, безусловно, подчеркивала), термин "психотические фазы" неточен. Теперь я пользуюсь термином "позиция". /.../ Мне кажется, что с этим термином легче ассоциировать /.../ различия между психотическими тревогами ребенка в ходе развития и психозами у взрослых: например, быстрое переключение от персекуторной тревоги или чувства подавленности к обычной установке, что так характерно для ребенка» (Klein, 1935, p. 276n).

Кляйн считала, что термин «позиция» будет указывать на точку притяжения регрессии у психотика, а не на откровенный психоз. Поэтому она назвала такие точки психотическими позициями, противопоставляя их позициям либидинозным, поскольку они связаны с примитивными и насильственными методами совладания с манифестациями инстинкта смерти.

Klein, Melanie (1928) 'Early stages of the Oedipus complex'. *WMK* 1, pp. 186–98.

Klein, Melanie (1935) 'A contribution to the psychogenesis of manic-depressive states'. *WMK* 1, pp. 262–89.

Meltzer, Donald (1978) *The Kleinian Development: Pan II, Richard Week-by-Week*. Perth: Clunie.

Презрение
Contempt

Презрение — это одна из трех ключевых особенностей маниакальных защит; две другие — это контроль и триумф (Segal, 1964). Презрение представляет собой средоточие защитного (маниакального) отрицания значимости объекта (Klein, 1935, 1940). Как таковое, оно направлено конкретно против благодарности к объекту, которая, если она ощущается, приводит к чувствам зависимости и незначительности, разрушению чувства всемогущества.

См. МАНИАКАЛЬНЫЕ ЗАЩИТЫ; 10. ДЕПРЕССИВНАЯ ПОЗИЦИЯ; БЛАГОДАРНОСТЬ

Klein, Melanie (1935) 'A contribution to the psychogenesis of manic-depressive states'. *WMK* 1, pp. 262–89.

Klein, Melanie (1940) 'Mourning and its relation to manic-depressive states'. *WMK* 1, pp. 344–69.

Segal, Hanna (1964) *Introduction to the Work of Melanie Klein*. Heinemann; Hogarth, 1973.

Преконцепция
Pre-conception

Человеческий младенец хоть и в гораздо меньшей степени, чем детеныши других биологических видов, но все же обладает прирожденными способностями [см. ВРОЖДЕННОЕ ЗНАНИЕ]. Одна из них – это способность испытывать психологические переживания. Если прикоснуться к лицу ребенка, он поворачивает голову и начинает сосательные движения. Эта возможность дана с самого начала, и всякая возможность переживать такие события психологически в той же мере является врожденной. Какого рода психологическую данность составляет эта врожденная возможность? Если мы считаем, что новорожденный способен испытывать переживания, каково переживание сосательного рефлекса, прежде чем он сработает в первый раз? Бион ввел представление о *преконцепции*, психологической данности, ожидающей реализации, которая будет с ней «сочетаться» (“mate”). «Внеопытная» преконцепция, соединенная с реализацией, производит *концепцию*, и отсюда получают развитие мысли и мышление.

См. КОНТЕЙНИРОВАНИЕ; БИОН; 13. ПРОЕКТИВНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ; МЫШЛЕНИЕ

Преследование
Persecution

С начала своей работы Кляйн была поражена высоким уровнем насилия в детской игре и вскоре поняла, что состояния тревоги, которые она обнаруживала у детей, например, ночные страхи, были связаны со страхом перед этим насилием. Ощущение грядущего возмездия чрезвычайно сильно действует на ребенка, и Кляйн рассматривала его как состояние преследования, не намного меньшее, чем паранойя пациентов-психотиков [см. ПАРАНОЙЯ].

Когда она обнаружила, что такой уровень садизма [см. САДИЗМ] и страха возмездия затормаживает игру, символизацию и другие формы интеллектуального развития ребенка, она связала это наблюдение с расстройствами мышления у пациентов-шизофреников. Кляйн проследила этот страх насилия и преследования вплоть до первых месяцев жизни, анализируя ночные страхи детей, у которых симптомы возникли в первые месяцы, и подтвердила справедливость идей Абрахама и Фрейда, что точки фиксации психозов относятся к очень раннему времени прегенитальных фаз.

Позднее (Klein, 1946) Кляйн поместила преследование в контекст параноидно-шизоидной позиции, страха аннигиляции, но отметила при этом, что люди в течение жизни постоянно возвращаются к этим персекуторным тревогам — при определенных обстоятельствах. Персекуторный оттенок объектных отношений угасает не сразу, но постепенно, и ранние переживания депрессивной позиции насыщены чувством вины персекуторного

типа. Лишь постепенно изменяется их окраска в сторону чувства вины с более отчетливыми тонами заботы и репарации [см. ДЕПРЕССИВНАЯ ТРЕВОГА]. И ранняя форма вины действительно может провоцировать отступление на параноидно-шизоидную позицию, где страх преследования не столь мучителен, как возникающее на депрессивной позиции чувство вины [см. ПАРАНОИДНАЯ ЗАЩИТА ОТ ДЕПРЕССИВНОЙ ТРЕВОГИ].

См. 11. ПАРАНОИДНО-ШИЗОИДНАЯ ПОЗИЦИЯ; ПАРАНОЙЯ

Klein, Melanie (1946) 'Notes on some schizoid mechanisms'. *WMK* 3, pp. 1–24.

Причудливые объекты
Bizarre objects

В 1950-х годах Бион приступил к разработке полномасштабной теории шизофренического расстройства мышления, возникающего в результате фрагментарного расщепления Эго. Он продемонстрировал, что шизофреник страдает от расщепления определенной части Эго — аппарата восприятия:

> «на аппарат восприятия направлены атаки с самого начала жизни. Эта часть его [шизофреника] личности отсечена, расщеплена на мельчайшие фрагменты и при помощи проективной идентификации вытолкнута из личности. Избавившись от аппарата сознательного постижения внутренней и внешней реальности, пациент достигает состояния, в котором ощущает себя ни живым, ни мертвым» (Bion, 1956, p. 39).

Таким образом, личность истощается, но выброшенные фрагменты аппарата восприятия продолжают свое отчужденное существование в качестве *причудливых объектов*. Они всемогущим образом вторгаются во внешний объект и формируют выраженно персекуторный объект, обладающий знанием собственной души шизофреника:

> «Каждая частица ощущается состоящей из реального внешнего объекта, заключенного в обломке личности, который его поглотил. Свойства этой самостоятельной частицы будут зависеть частично от свойств реального объекта, например, граммофона, и частично от свойств частицы личности, которая его обволакивает. Если обломок личности имеет отношение к зрению, тогда играющий граммофон будет восприниматься как смотрящий на пациента. Объект, раздраженный тем, что его поглотили, условно говоря, раздувается, заполняет собой и контролирует обломок личности, который его

обволакивает: в этой степени частица ощущается ставшей отдельной вещью» (Bion, 1956, pp. 39–40).

Вследствие многократной эвакуации этих частей души, мышление шизофреника и его способность соотноситься с реальностью постепенно сходят на нет. Накопление причудливых объектов выстраивает персекуторный эгоцентрический мир, в котором обречен оставаться замкнутым шизофреник.

См. ПСИХОЗ; МЫШЛЕНИЕ; БИОН

Bion, Wilfred (1956) 'Development of schizophrenic thought', *Int.J. Psycho-Anal.* 37:344–6; republished (1967) in W. R. Bion, *Second Thoughts.* Heinemann, pp. 36–42.

Bion, Wilfred (1957) 'Differentiation of the psychotic from non-psychotic personalities', *Int. J. Psycho-Anal.* 38:266–75; republished (1967) in W.R. Bion, *Second s,* pp. 43–64.

Проблема душа — тело
Mind-body problem

Отношение между душой и телом — это философский вопрос, относящийся к области истории идей. Но это отношение неизбежно становится проблемой и для психологов, так как то или иное ее решение приводит к серьезным последствиям в психиатрическом лечении с помощью и фармако-, и психотерапии. К сожалению, эта проблема упорно не поддается философам, и психология здесь может что-то подсказать.

С момента возникновения великой картезианской дихотомии психологи беспомощно барахтаются на дне этого «тектонического разлома» философии, пререкаясь друг с другом. Фрейд не стал исключением. Его мировоззрение формировалось по лекалу науки девятнадцатого века, достигшей значительных результатов в естествознании, в том числе в физиологии. С другой стороны, существовала романтическая традиция немецкой натурфилософии, предпочитавшая гегельянский метафизический и интроспективный подход к философским проблемам. Дихотомия заключается в том, рассматривать ли душу с объективной точки зрения, то есть как продукт деятельности мозга, или же с субъективной, изучая психологию личностных переживаний. Если мы выбираем объективный подход, душа оказывается сопутствующим феноменом, возникающим поверх базовых физических и физиологических процессов, определяющих работу мозга, — неким побочным следствием нейрофизиологии. Размышляя о бессознательном и об открытиях, совершенных им в 1890-е годы, Фрейд поддался искушению такой физиологической психологии. Он стремился дать физическое объяснение нефиксируемости тех идей и воспоминаний, от которых страдали его пациенты, больные истерией. Его опубликованный посмертно «Проект научной психологии» (Freud, 1895 [1940]) был попыткой выработать физиологическую

модель таких психологически нерегистрируемых событий. Однако проект был заброшен, поскольку «Фрейда-невролога победил Фрейд-психолог» (Strachey, 1957, p. 163).

Фрейда не устраивал физиологический подход к связи между душой и телом, противоречивший его личному восприятию пациентов, с которыми он проработал всю свою жизнь. Противоречил этот подход и гуманистической немецкой философской традиции, которая, согласно Беттельхайму, отчетливо просматривается в исходных немецких текстах трудов Фрейда (Bettelheim, 1983). Фрейд так и не оставил окончательно ту физиологическую психологию, с которой он начинал, и неврологические и психологические взгляды смешаны в его работах настолько, что Саллоуей (Sulloway, 1979) столь же успешно настаивает на биологизме Фрейда, сколь Беттельхайм — на его гуманизме; оба одинаково убеждены в своей правоте, но оба недостаточно убедительны (Young, 1986). Как показал Янг (Young, 1986), Фрейду не хватало языка (как не хватает его нам и сейчас), чтобы можно было говорить о душе и теле, а по сути — о «личности» (Strawson, 1959).

Психофизический параллелизм. Позиция Фрейда в отношении проблемы душа – тело известна в философии под названием психофизического параллелизма. Есть душа, а есть тело. Они функционируют независимо друг от друга. Работу одного невозможно однозначно свести к работе другого. Ни то, ни другое не играет ведущей и определяющей роли, хотя они, безусловно, взаимосвязаны. В практических целях мы полагаем их действующими параллельно друг другу (психофизический параллелизм), не уточняя, что из них является причиной, а что следствием. Стремясь оставаться психологом, Фрейд под влиянием Хьюлингса Джексона сосредоточился на феномене души и перестал заниматься тем, как она связана с деятельностью мозга.

Интеракционизм. Но можно занять другую философскую позицию и предположить, что душа — продукт деятельности мозга, на который она в свою очередь оказывает влияние. Психоаналитики Кляйнианской группы в конце 1930-х — начале 1940-х годов стали подробно изучать бессознательную фантазию и вплотную приблизились к такому психофизическому *интеракционизму.*

Биологические процессы находят свое отражение в формах деятельности души, называемых *бессознательными фантазиями*. Точно так же бессознательные фантазии формируют и личность, и ее социальный мир. Ни физические, ни психологические события не являются первичными, и в работах Кляйн очевидно предположение, что они воздействуют друг на друга. Так, инстинктивные стимулы, исходящие из пустого желудка, представляются в психике как бессознательная фантазия отношения с объектом (причиняющим чувство голода). Психика тоже может вырабатывать бессознательную фантазию как защитный маневр, направленный против

сильных фантазийных тревог (Segal, 1964). Подобные защитные фантазии вызываются телесной манипуляцией (мастурбацией), особенно на ранних фазах младенчества: например, исторжение фекалий может использоваться для порождения фантазии выталкивания плохого внутреннего объекта [см. ФЕКАЛИИ]. В дальнейшем манипулирование символическими представлениями сохраняет соматические (телесные) связи.

Биология и психология. Фантазии исторжения и инкорпорации создают ощущение самости и идентичности, и вместе с тем особые фантазии собирают воедино особый характер данной самости. Проективные процессы также создают восприятия окружающего социального мира, из которого, в свою очередь, посредством интроективных процессов социальные формы оседают в индивиде. Развитие младенца — это переход из мира телесного удовлетворения в мир символов и символического удовлетворения. Происходит постепенный выход из тела в символический мир зрелой психики [см. АЛЬФА-ФУНКЦИЯ]. В этом движении происходит порождение мыслей, и само оно является процессом психологического развития. Кляйнианское понятие бессознательной фантазии никак не объясняет этот процесс, но хорошо его описывает.

Таким образом, символы, неотъемлемые от переживания частей тела, составляют способность, данную человеку от рождения. Младенец репрезентирует для себя собственные ощущения как взаимоотношения с объектами [см. 2. БЕССОЗНАТЕЛЬНАЯ ФАНТАЗИЯ]. Поскольку объект наличествует для младенца независимо от реальной объективной ситуации, он находится в ментальном мире концепций, т. е. уже является символом. Когда ребенок оказывается способным воспринимать объективную реальность, осмысленность этой реальности порождается за счет инвестирования из мира психических репрезентаций.

В некий яркий момент в истории каждого индивида психическое событие оказывается способным воздействовать на событие телесное. Это событие столь надежно скрыто в нашем прошлом, что кажется почти невозможным — чудом. Символическая репрезентация в психике приводит к воздействию на тело и таким образом создает новые телесные ощущения и в конечном итоге — дальнейшие психические события. Сверхъестественный характер подобного взгляда на вещи, возможно, смягчается тем, что объекты, которые мы познаем как физические, изначально нами как физические не переживаются [см. 5. ВНУТРЕННИЕ ОБЪЕКТЫ]. На инфантильном уровне объект не явлен физически; младенец и его мир — это эмоциональные объекты, то есть некие местоположения, которым приписано примитивное эмоциональное значение. Их нематериальность ничуть не умаляет их реальности для младенца. Разграничение между душой и телом возникает в ходе развития, оно порождается психологически. В кляйнианских терминах, различение тела и души в примитивном инфантильном пространстве достигается посредством исходного процесса расщепления

(Scott, 1948). Не нужно думать, что столь фундаментальное различие в человеке всегда и везде оказывается одинаковым; по-видимому, разный характер социализации в различных культурах приводит к возникновению вариаций ранних концепций души и тела (Marsella *et al.*, 1987).

Bettelheim, Bruno (1983) *Freud and Man's Soul.* Hogarth.

Freud, Sigmund (1895) 'Project for a scientific psychology'. *S.E.* 1, pp. 283–397.

Marsella, Anthony, Devos, George and Hsu, Francis (1987) *Culture and Self: Asian and Western Perspectives.* Tavistock.

Scott, W. Clifford M. (1948) 'Some embryological, neurological, psychiatric and psychosomatic implications of the body schema', *Int. J. Psycho-Anal.* 29:141–55.

Segal, Hanna (1964) *Introduction to the Work of Melanie Klein.* Heinemann. Strachey, James (1957) 'Editor's note to "The Unconscious"'. *S.E.* 14, pp. 161–5.

Strawson, P. F. (1959) *Individuals: An Essay in Descriptive Metaphysics.* Methuen.

Sulloway, Frank (1979) *Freud: Biologist of the Mind.* Burnett.

Young, Robert (1986) 'Freud: scientist and/or humanist', *Free Associedions* 6:7–35.

Проекция
Projection

Фрейд впервые описал проекцию в 1895 году, и с того времени началась долгая история толкований ее значения. Сам термин впервые возник в области оптики и новой науки картографии в шестнадцатом веке, затем, в девятнадцатом веке, перешел в психологию восприятия, откуда Фрейд перенес его в психоанализ.

Термин «проекция» используется в различных контекстах: (i) восприятие; (ii) проекция и исторжение; (iii) экстернализация конфликта; (iv) проекция и идентичность; (v) проекция частей самости.

(i) Восприятие. В физиологическом смысле определенные переживания интерпретируются как спроецированные за пределы действительной протяженности органа восприятия. Так, хотя физиологически лучи света воздействуют на сетчатку, визуальная интерпретация соотносится с чем-то, находящимся на большем или меньшем расстоянии от глаз. Аналогично слепой, ощупывающий тростью дорогу, обнаруживает препятствие посредством тактильных ощущений своей ладони, держащей трость. Тем не менее, он безошибочно проецирует свою осведомленность об объекте на противоположный конец трости. В таком понимании термин «проекция» широко применяется в психологии восприятия. На основании телесных ощущений младенец таким же образом проецирует объект, вызывающий эти ощущения [см. ИНСТИНКТЫ; 5. ВНУТРЕННИЕ ОБЪЕКТЫ]. Мы видим, что проекция является частью нормального процесса интерпретации чувственных данных системы восприятия [см. АЛЬФА-ФУНКЦИЯ].

(ii) Проекция и исторжение. Уже Фрейд (Freud, 1895) отмечал связь между проекцией и паранойей. Абрахам (Abraham, 1924), исследуя меланхолию и значимость в этом состоянии «утраченного объекта» или страха его утраты, установил, насколько важна анальная фантазия физического выталкивания объекта из тела. Он связал импульс анального исторжения с механизмом проекции.

(iii) Экстернализация конфликта. Кляйн обнаружила, что механизм проекции играет важную роль в экстернализации внутренних конфликтов в игре с внешними объектами (Klein, 1927). Эта форма проекции в правонарушениях подтверждала мнение Фрейда, что преступники отыгрывают свое бессознательное чувство вины (Freud, 1916).

(iv) Проекция и идентичность. Проекция обладает первостепенным значением в существовании Эго: «Проекция /…/ происходит из отклонения инстинкта смерти вовне, и, на мой взгляд, помогает Эго преодолеть тревогу посредством избавления его от опасности и плохости» (Klein, 1946, p. 6). Проекция — один из элементарных видов фантазийной деятельности, определяющих нахождение объектов внутри или вовне Эго:

> «На языке наиболее древних — оральных — импульсов влечений суждение гласит: “Мне хотелось бы это съесть”, или “Мне хотелось бы это выплюнуть”; или, в более общем виде: “Мне хотелось бы это поместить в себя, а то оставить снаружи”. То есть: “Это должно быть внутри меня” или “это должно быть снаружи”. Как я уже показал, исходное Эго удовольствия стремится интроецировать все хорошее и вытолкнуть из себя все плохое» (Freud, 1925, p. 237).

(v) Проекция частей самости. Другой смысл, в котором использовали термин «проекция» и Фрейд (Freud, 1895), и Кляйн (Klein, 1946), заключается в приписывании человеком определенных душевных состояний кому-то другому. Нечто от Эго воспринимается в ком-то другом. Это характерно для уклонения от гомосексуальных чувств. Обычно они приписываются кому-то другому, и Фрейд конструировал сложную цепь «превращений»: «я люблю его» становится «я ненавижу его», что, в свою очередь, становится «он ненавидит меня». Фрейд (Freud, 1914) начал изучение феноменологии такого типа отношения в работе о нарциссизме, где он описывал нарциссический выбор объекта, противопоставляя его выбору анаклитическому. Но поскольку Фрейд не рассматривал объекты как полноправную область исследования, в использовании термина «проекция» произошла путаница; и применение данного термина Кляйн эту путаницу воплотило.

Использование термина «проекция» Кляйн. Кляйн использовала термин «проекция» во многих из описанных выше значений: у нее это (a) проек-

ция внутреннего объекта; (b) отклонение инстинкта смерти; (c) экстернализация внутреннего конфликта; (d) проекция частей самости.

(a) Проекция внутреннего объекта. Такое применение термина было позаимствовано у Абрахама (Abraham, 1924). Например, плачущий от голода ребенок переживает отсутствующую мать/грудь/рожок как действенное присутствие враждебного плохого объекта, причиняющего муки голода [см. 2. БЕССОЗНАТЕЛЬНАЯ ФАНТАЗИЯ] в его животе. Благодаря крику и плачу (и зачастую дефекации), объект начинает переживаться как вытолкнутый из тела младенца вовне, где он пугает немного меньше.

(b) Проекция инстинкта смерти. Представление Кляйн о проецировании (или отклонении) инстинкта смерти вовне означает, что существует первичная направленная внутрь агрессия, которая затем обращается против некоторого внешнего объекта. Проекция объекта (то есть *перемещение объекта*) вовне предполагает иное использование термина «проекция», чем в случае проекции импульса (*перенаправления инстинкта*) на внешний объект.

(c) Экстернализация конфликта. Свои исходные наблюдения Кляйн производила над детьми, отыгрывающими во взаимодействии между игрушками во внешнем мире отношения, где во внешний мир проецировался внутренний конфликт или внутренние отношения. Острый интерес к криминальному поведению и его преследованию по закону может служить типичным образцом экстернализации внутренних конфликтов, с которыми сталкиваются определенные импульсы [см. СОЦИАЛЬНЫЕ ЗАЩИТНЫЕ СИСТЕМЫ].

(d) Проективная идентификация. Согласно более традиционному представлению, при проекции часть самости приписывается объекту. Таким образом часть Эго — душевное состояние, например нежелательный гнев, ненависть или другое плохое чувство — усматривается в другом человеке и не признается как собственное (происходит отказ от него). Кляйн назвала это «проективной идентификацией» [см. 13. ПРОЕКТИВНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ].

Многие из этих толкований термина «проекция» невозможно четко разграничить; проекции объекта, импульса, отношения или вовлеченной части самости являются неразделимыми аспектами объектных отношений.

Всемогущество. На этом основании Бион различал две формы проективной идентификации: патологическую форму, которая производится со всемогуществом и насилием, и «нормальную» форму, осуществляемую с меньшей степенью насилия и без потери чувства внутренней и внешней реальности. Патологическую форму проективной идентификации, когда самость оказывается спутанной с объектом, следует отличать от эмпатии, при которой про-

ецирующий осознает обособленность своей идентичности [см. 13. ПРОЕКТИВНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ; ЭМПАТИЯ].

Abraham, Karl (1924) 'A short study of the development of the libido', in Karl Abraham (1927) *Selected Papers on Psycho-Analysis.* Hogarth, pp. 418–501.

Bion, Wilfred (1959) 'Attacks on linking', *Int. J. Psycho-Anal.* 40:308–15; republished (1967) in W. R. Bion, *Second Thoughts.* Heinemann, pp. 93–109.

Freud, Sigmund (1895) 'Draft II - paranoia'. *S.E.* 1, pp. 206–12.

Freud, Sigmund (1914) 'On narcissism'. *S.E.* 14, pp. 67–102.

Freud, Sigmund (1916) 'Some character-types met with in analytic work: III Criminals from a sense of guilt'. S.E. 14, pp. 332–3.

Freud, Sigmund (1925) 'Negation'. *S.E.* 19, pp. 235–9.

Klein, Melanie (1927) 'Criminal tendencies in normal children'. *WMK* 1, pp. 170–85.

Klein, Melanie (1946) 'Notes on some schizoid mechanisms'. *WMK* 3, pp. 1–24.

Психическая боль
Psychic pain

Некоторые пациенты застревают между параноидно-шизоидной и депрессивной позициями и пытаются сохранить шаткий баланс в таком положении [см. ПСИХИЧЕСКОЕ РАВНОВЕСИЕ]. Если возникают движения, выводящие из этого хрупкого равновесия, «медленный выход из данного состояния вызывает чрезвычайно мучительную боль непостижимого характера, сильнейшее страдание, которое пациент часто пытается конкретным образом заглушить наркотиками или алкоголем, полагая, что иначе с ним совладать невозможно» (Joseph, 1981, p. 98). Часто страдание переживается как локализованное физически внутри тела, однако вполне определенно ощущается как психическая боль. У этой боли особые качества: (a) непостижимость; (b) расположение на границе физического и психического; (c) она возникает на выходе из тонкого психического баланса в сторону депрессивной позиции. Психическая боль обладает особой неизвестностью (unknown-ness), «которую никак невозможно классифицировать. Эта боль не переживается как вина в связи с импульсами, забота об объектах или утрата объекта; она не ясна /…/ и больше относится к выходу в реальный мир» (Joseph, 1981, pp. 99–100). Видимо, такого же типа проблемы ставят перед человеком целостно-объектные отношения, когда развитие происходит при главенстве деструктивных импульсов (инстинкта смерти) [см. 10. ДЕПРЕССИВНАЯ ПОЗИЦИЯ].

Немедленным откликом на эту боль со стороны пациента является трактовка ее как сигнальной тревоги, и он отступает в застревание и триумф недоступности [см. ПЕРЕНОС; ОТЫГРЫВАНИЕ ВНУТРИ].

Joseph, Betty (1981) 'Toward the experiencing of psychic pain', in James Grotstein, ed. *Do I Dare Disturb the Universe?* Beverly Hills: Caesura.

Психическая реальность
Psychic reality

См. ВНУТРЕННЯЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Психическое изменение
Psychic change

Во всей своей совокупности контакт в анализе оказывает влияние на эмоциональную и внутреннюю жизнь пациента и изменяет его душевное состояние:

> «Когда встречаются два человека, две личности, возникает буря эмоций. Если они устанавливают контакт, достаточный, чтобы узнать друг друга или *не* узнать, эмоциональное состояние становится результатом союза двух этих индивидов. /.../ Аналитик или анализируемый что-то произносит, и это оказывает воздействие, нарушает отношения между двумя людьми. Это справедливо и для случая, когда ничего не произнесено, когда они сохраняют молчание. /.../ В результате молчания, или замечания, или даже слов “Доброе утро” или “Добрый вечер” снова возникает то, что выглядит бурей эмоций» (Bion, 1979).

Бетти Джозеф (Joseph, 1985) подчеркивала, что в анализе постоянно что-то «происходит» [см. ОТЫГРЫВАНИЕ ВНУТРИ]. Перенос — не статическая ситуация, но проживаемая последовательность конфликтов, тревог и защит. Пациент постоянно пытается восстановить свое устойчивое положение [см. ПСИХИЧЕСКОЕ РАВНОВЕСИЕ], которое нарушается множеством мелких воздействий, затрагивающих его внутреннюю жизнь:

> «Сдвиг в направлении бо́льшей ответственности за свои импульсы или прочь от нее, возникновение заботы, вины и желания что-то исправить или же бегство от этих чувств, понимание той части личности, Эго, что способна наблюдать за происходящим, бороться с ним и выдерживать тревогу или же отрицание существования этой части, — эти движения и наполняют наше понимание психического изменения» (Joseph, 1989, p. 195).

Аналитик следует за этими движениями в переносе, и каждое новое движение вызывает новые тревоги, новые защиты и попытки использовать аналитика. Движение внимания за пациентом должно быть свободно от суждений.

> «В качестве аналитиков нам нужно уметь видеть ежесекундные изменения пациентов и следовать им, не спрашивая себя, позитивны они или нет, являются ли они знаками прогресса или отступления, но понимая их как собственный метод пациента справляться с тревогами и отношениями свойственным ему образом. Иначе не стоит надеяться помочь пациентам достичь реального, долговременного, позитивного психического изменения в результате лечения. Если мы будем все время думать, есть ли прогресс в переменах в пациенте, и искать этому доказательства, мы можем обрадоваться тому, что приняли за прогресс, или разочароваться в том, что нам кажется регрессией; мы увидим, что сбились с курса и не способны прислушиваться полноценно; или мы можем оказывать бессознательное давление на пациентов, чтобы они отвечали нашим желаниям, нуждам, исполняли их; или же пациенты могут просто почувствовать, что их понимают неправильно» (Joseph, 1989, p. 192).

Эта установка отвечает предписанию Биона (Bion, 1967) [см. ПАМЯТЬ И ЖЕЛАНИЕ] быть объектом, просто следующим за пациентом, дающим ему инсайт и понимание его привычных стереотипов взаимоотношений и защит, а не их критику:

> «Я думаю, невозможно помочь пациенту вырваться из старых методов функционирования и выйти к переживанию этого типа психической реальности и к истокам психической боли и преодоления ее, кроме как следуя за его мельчайшими движениями проявления себя и отступления, переживания и уклонения в переносе» (Joseph, 1981, p. 101).

Цель — это более надежное *понимание* внутреннего объекта; функция осуждения лишь укрепляет внутренние объекты персекуторной природы и параноидно-шизоидную позицию [см. 1. ТЕХНИКА; КОНТЕЙНИРОВАНИЕ].

Такая функция поддерживающего, понимающего объекта позволяет пациенту выдерживать и постигать реальность его внутреннего мира импульсов и состояния его объектов. Она позволяет добиться «долговременного психического изменения в продвижении к депрессивной позиции, к большей интеграции самости и более целостному и реалистическому отношению к объектам» (Joseph, 1989, p. 202). Это будет «проявляться не только в расширении и углублении эмоций, но и в знаках, выраженных частями Эго, по-новому включающимися в аналитическую работу» (Joseph, 1983, p. 296).

Bion, Wilfred (1967) 'Notes on memory and desire', *Psycho-Analytic Forum* 2:272–3 and 279–80; republished (1988) in Elizabeth Bott Spillius *Melanie Klein Today: Volume 2: Mainly Practice*. Routledge, pp. 17–21.

Bion, Wilfred (1979) 'Making the best of a bad job.'

Joseph, Betty (1981) 'Toward the experiencing of psychic pain', in James Grotstein, ed. *Do I Dare Disturb the Universe?* Beverly Hills: Caesura.

Bion, Wilfred (1983) 'On understanding and not understanding: some technical issues', *Int. J. Psycho-Anal.* 64: 291–8.

Bion, Wilfred (1985) 'Transference - the total situation', *Int. J. Psycho-Anal.* 66:291–8.

Bion, Wilfred (1989) 'Psychic change and the psycho-analytic process', in Betty Joseph *Psychic Change and Psychic Equilibrium*. Routledge.

Психическое равновесие
Psychic equilibrium

В работе с тяжелыми пограничными расстройствами личности Бетти Джозеф (Joseph, 1989) пришла к выводу, что все пациенты пытаются сохранить баланс, дающий передышку от треволнений параноидно-шизоидной и депрессивной позиций [см. ПСИХИЧЕСКОЕ ИЗМЕНЕНИЕ].

Описанные ею пациенты застревали в некой промежуточной позиции между дезинтеграцией параноидно-шизоидной позиции и виной и ответственностью депрессивной позиции [см. Ps-D].

Такие личности развиваются в контексте избытка инстинкта смерти. Описанные Джозеф пациенты смогли преодолеть фрагментацию и проективное рассеяние личности, характерное для психотика и параноидно-шизоидной позиции, и развили определенные типы стабильных объектных отношений. Однако они не достигли в должной мере депрессивной позиции и застряли в положении шаткого баланса, как его обозначила Джозеф (Joseph, 1981). Другой ее термин, *психическое равновесие*, использовали Спиллиус (Spillius, 1988) и Фельдман (Feldman and Spillius, 1989). Любая разновидность психического изменения [см. ПСИХИЧЕСКОЕ ИЗМЕНЕНИЕ] или развития представляет собой угрозу, и пациенты направляют все усилия на поддержание своего равновесия. Это равновесие поддерживается жестко, перенос оказывается весьма вялым, «оживить» его в анализе трудно, так что пациент выглядит «недоступным».

Эти пациенты с нарушениями ощущают свое положение очень шатким, им угрожает, с одной стороны, фрагментация, а с другой — боль депрессивной позиции, у которой, согласно Джозеф (Joseph, 1981), совершенно особая окраска [см. ПСИХИЧЕСКАЯ БОЛЬ]. Они сопротивляются психическому движению или изменению с помощью сильных и высокоорганизованных защит [см. ПАТОЛОГИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ], в которых доминируют «плохие» части самости (Rosenfeld, 1971) [см. НЕГАТИВНЫЙ НАРЦИССИЗМ].

Тщательно наблюдая клинический материал и окраску контрпереноса, Джозеф (Joseph, 1978) описала, как пациент оказывает едва различимое давление на аналитика, побуждая его к совместному *отыгрыванию*

[см. ОТЫГРЫВАНИЕ ВНУТРИ; ПЕРЕНОС; КОНТРПЕРЕНОС; 1. ТЕХНИКА].

Feldman, Michael and Spillius, Elizabeth (1989) 'Introduction', in Betty Joseph *Psychic Change and Psychic Equilibrium*. Routledge.

Joseph, Betty (1978) 'Different types of anxiety and their handling in the analytic situation', *Int. J. Psycho-Anal.* 59:223–8.

Joseph, Betty (1981) 'Toward the experiencing of psychic pain', in James Grotstein, ed. *Do I Dare Disturb the Universe?* Beverly Hills: Caesura.

Joseph, Betty (1989) *Psychic Change and Psychic Equilibrium*. Routledge.

Rosenfeld, Herbert (1971) 'A clinical approach to the psycho-analytical theory of the life and death instincts: an investigation into the aggressive aspects of narcissism', *Int. J. Psycho-Anal.* 52:169–78.

Steiner, John (1982) 'Perverse relationships between parts of the self: a clinical illustration', *Int. J. Psycho-Anal.* 63:241–52.

Spillius, Elizabeth Bott (1988) *Melanie Klein Today: Volume 2: Mainly Practice*. Routledge.

Психоз Psychosis

Фрейд считал психотические состояния (шизофрению, в том числе паранойю, и маниакально-депрессивный психоз) неанализируемыми. Подобные пациенты нарциссически заняты своими собственными мыслями и психическими конструкциями вплоть до полного пренебрежения внешним миром, включая аналитика. У Кляйн был другой взгляд на нарциссизм [см. НАРЦИССИЗМ], и она смогла показать объектные отношения, типичные для психотиков (Klein, 1930a). Этим отношениям в большой мере присущ садизм [см. САДИЗМ], что было описано в подробном исследовании Абрахама, посвященном точкам фиксации психоза [см. АБРАХАМ]. Кляйн исследовала психозы, и ее работа распадается на две фазы:

(1) открытие паранойи у детей;

(2) изучение ею и ее коллегами шизоидных механизмов (Klein, 1946) в непосредственной работе с взрослыми пациентами-шизофрениками [см. 11. ПАРАНОИДНО-ШИЗОИДНАЯ ПОЗИЦИЯ; 13. ПРОЕКТИВНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ].

(1) Детская паранойя. Детская игра наполнена насильственными действиями в отношении врагов и страхом перед такой же пыткой и смертью от руки этих врагов. Кляйн приняла это всерьез и сочла репрезентацией реального садизма в первые годы детства. Анализ маленькой Эрны, который проводился в середине 1920 годов, показал Кляйн, что маленькие дети могут страдать от психотического расстройства: «В ходе анализа я обнаружила, что тяжелый обсессивный невроз маскировал паранойю» (Klein, 1927, p. 160n). В этом анализе сама Кляйн в игре

> «должна была претерпевать фантастические пытки и унижения. Если в игре кто-то относился ко мне хорошо, обычно оказывалось, что эта доброта была лишь симуляцией. Параноические черты проявились в том, что за мной постоянно следили, люди угадывали мои мысли» (Klein, 1929, p. 199).

Это картина мира ребенка, в котором не существует помощника, одни лишь потенциальные преследователи. Ответные атаки на преследователей делают их не менее, но более опасными, поскольку в фантазии предполагается, что ответное насилие вызывает их гнев. Порочный круг такого типа репрезентирует параноидное состояние враждебности с сильными подозрениями в отношении любой «доброй» фигуры. У одного ребенка присутствовала

> «фантазия о том, как он может добиться лучшего положения в классе. Он фантазировал о том, как схватит тех, кто выше его, устранит и убьет их, и с изумлением обнаруживал, что теперь они больше не казались ему товарищами, но казались врагами» (Klein, 1923, p. 61).

Суть непреодолимой проблемы психотика — в чрезмерном садизме, и это приводит к фантазиям об устрашающем возмездии со стороны объектов и частичной или полной приостановке фантазийной жизни (и внутренней жизни) вообще. За работой Кляйн об отмеченном крайностью эмоциональном состоянии психотика через год (Klein, 1930a) последовала работа о торможении интеллектуального развития, в которой Кляйн показала, что определенные слова становятся сутью (точкой фиксации) ключевых агрессивных фантазий, пугающих ребенка до такой степени, что он не может выучить эти слова [см. ОБРАЗОВАНИЕ СИМВОЛОВ].

Торможение символизации. Юное Эго не в силах справиться с садистическими порочными кругами паранойи, и это может вести к торможению процесса исторжения и, следовательно, — символизации. Торможение символизации искажает или останавливает весь процесс развития Эго и интеллекта:

> «У Дика наблюдалась полная и, по-видимому, конституциональная неспособность Эго выносить тревогу. /.../ Эго перестало развивать фантазийную жизнь и устанавливать отношения к реальности. После своего слабого начала образование символов у этого ребенка застыло» (Klein, 1930a, p. 224).

Выраженный садизм, обнаруженный Кляйн у многих детей, был близок к насилию, которое, как предполагалось, отмечает точки фиксации при психозах. Тяжелое торможение Дика в использовании символов — типичное явление в клинической картине шизофрении:

> «... она характеризовалась почти полным отсутствием аффекта и тревоги, очень значительной степенью ухода от реальности и недоступностью, нехваткой эмоционального раппорта, негативистским поведением вперемежку с автоматическим послушанием, безразличием к боли, персеверацией — всеми симптомами, характерными для *dementia praecox*» (Klein, 1930a, p. 230).

Кляйн надеялась, что эти открытия сыграют важную роль в психиатрии и в конечном итоге — в лечении тяжелой душевной болезни (психоза). Кляйн настаивала, что психоз у детей гораздо более распространен, чем принято считать, и что он часто проходит незамеченным даже родителями:

> «На мой взгляд, шизофрения более распространена в детстве, чем обычно полагают /.../, и я думаю, что одна из главных задач детского аналитика — обнаруживать и лечить психоз у детей» (Klein, 1930b, p. 235).

Психотические защиты. Исходя из интенсивности и примитивности паранойи, Кляйн считала, что открыла новый уровень психического функционирования и самые первые проблемы развития. Она предполагала существование особых защит, направленных именно против этого уровня тревоги, агрессии и страха (в отличие от защит, направленных против либидо). Она называла их примитивными защитными механизмами или психотическими защитами [см. 9. ПРИМИТИВНЫЕ ЗАЩИТНЫЕ МЕХАНИЗМЫ]. К этим механизмам относятся расщепление, отрицание, идеализация, проекция, интроекция и идентификация. Они предельно насыщены всемогуществом и осуществляются в фантазии со значительным насилием [см. ВСЕМОГУЩЕСТВО].

Когда Кляйн описала «психотические» *фазы* в развитии детей, ее обвинили в том, что она считает всех детей психотиками. Однако ее описания ясны: дети, страдающие от детской шизофрении, находятся во власти садистических импульсов и не могут вырваться из бесконечных порочных кругов, которые порождаются всемогущими защитами от садизма [см. ПАРАНОЙЯ]. Кляйн в ответ на критику утверждала, что описывала лишь *точки фиксации* при психозе.

(2) Шизофрения. Первоначально Кляйн работала с маниакально-депрессивными расстройствами, но затем на нее повлияла попытка Фэйрберна понять шизоидные состояния (Klein, 1946). Кляйн заинтересовалась взрослыми пациентами, страдающими шизофренией, и описала проективную идентификацию и параноидно-шизоидную позицию. Все эти состояния самым непосредственным образом связаны с проблемой садизма и возмездия.

В 1940-х годах Кляйн вместе с кругом коллег изучала шизофрению. В 1947 году Розенфельд (Rosenfeld, 1947) подробно описал первый случай

психоанализа шизофреника, проведенный в кляйнианской манере. Он применил строгую технику, ограничиваясь интерпретацией переноса (хотя некоторые стандартные составляющие аналитической ситуации, например, использование кушетки, пациент отверг), а вскоре Сигал (Segal, 1950) провела анализ госпитализированного шизофреника. Эти пациенты показали значимость понимания механизмов расщепления и проективной идентификации, связанных с нестабильностью Эго и его ощущением идентичности при утрате аффекта, когнитивных дефектах и нарушении нормального образования символов, а также значимость строгой техники анализа переноса [см. 13. ПРОЕКТИВНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ; ОБРАЗОВАНИЕ СИМВОЛОВ].

Расщепление и психоз. Розенфельд описал пациентку с шизофренией, которая увлеклась мужем своей лучшей подруги, находящимся в состоянии нервного срыва, тогда как его жена лежала в роддоме, беременная вторым ребенком. Когда он попытался соблазнить пациентку, она испытывала некоторое сознательное желание этого, однако:

> «Вся ее тревога обратилась на то, может ли она контролировать *его* желания и доводы. Она повторяла некоторые его доводы, и мне стало ясно, что Денис представлял ее собственные жадные сексуальные желания, с которыми ей трудно было совладать и которые она поэтому проецировала на него» (Rosenfeld, 1947, p. 18).

Розенфельд описал другие примеры расщепления, на этот раз фрагментирующего типа. Пациентка рассказала ему, что, отправляясь к парикмахеру, она перепутала время

> «и вышла из дома тогда, когда уже должна была быть на месте. Она не забыла, что дорога занимает тридцать минут, но этот факт и представление о передвижении по городу оказались совершенно отделенными друг от друга /.../, казалось, что все мыслительные процессы, действия и импульсы были расщеплены на неисчислимое множество частей, изолированных друг от друга и удерживаемых в состоянии разделенности (divison). Пациентка спонтанно обозначила свое состояние следующим образом: “Я снова расщеплена”. /.../ Расщепление мыслей и действий проявлялось особенно заметно по отношению к аналитической ситуации; например, ее частые опоздания были вызваны тем, что она разделяла прибытие на анализ на много частичных действий. Встать, одеться, позавтракать, приехать к аналитику на автобусе и собственно пройти сеанс психоанализа — все эти действия не выглядели для нее хоть сколько-нибудь связанными друг с другом» (Rosenfeld, 1947, p. 27) [см. РАСЩЕПЛЕНИЕ].

Спутанность (confusion). Розенфельд (Rosenfeld, 1965) показал, в сколь высокой степени пациентам с шизофренией свойственна спутанность с аналитиком или другими людьми, и чрезвычайно ярко продемонстрировал, насколько конкретно пациент переживает, что проник в аналитика или выброшен из него. Части пациента переживаются как всемогущим образом помещенные в объект и поэтому с ним спутываемые.

Спроецированная депрессия. Сходным образом Сигал (Segal, 1956) описала отщепленные и спроецированные аффекты:

> «... в ходе развития шизофреники достигают депрессивной позиции и, обнаружив, что не могут ее выдержать, справляются с ней при помощи проективной идентификации. /.../ Зачастую выясняется, что депрессивная часть Эго пациента спроецирована в аналитика, и чтобы добиться этой проекции, пациент прибегает к тщательной режиссуре аналитической ситуации» (Segal, 1956, p. 121).

Кляйн отметила правильность этого наблюдения Сигал (Klein, 1960); именно здесь коренится причина того, что так трудно обнаружить депрессию у шизофреника, а предположительно и остальные аффекты тоже. Это объясняет видимую нехватку переноса, отмеченную Фрейдом, и его пессимизм в отношении шизофреников, который мог быть связан с ощущением депрессии, спроецированной в него пациентами.

Поврежденное Эго. Чрезмерное расщепление Эго, его импульсов и переживаний имеет ряд последствий: «Что касается Эго, чрезмерное отщепление и выталкивание частей в окружающий мир его значительно ослабляет» (Klein, 1946, p. 8).

Сочетание интроекции и расщепления важно для Кляйн, поскольку результирующей фантазией обычно является бегство к внутреннему идеализированному объекту, которое, в случае чрезмерности, затрудняет развитие Эго: «Эго может ощущаться как полностью подчиненное внутреннему объекту и зависимое от него, как всего лишь его оболочка» (Klein, 1946, p. 9).

> «Это ослабленное Эго /.../ становится неспособным также к ассимиляции своих внутренних объектов, что приводит к ощущению переполненности ими, /.../ [и] неспособным вбирать обратно в себя те части, которое оно спроецировало во внешний мир» (Klein, 1946, p. 11).

Несбалансированное взаимодействие между расщеплением и интроективными и проективными процессами приводит к значительным расстройст-

вам Эго, из-за чего дальнейшее развитие оказывается весьма ненадежным и в последующем появляется предрасположенность к шизофрении.

Контейнирование и альфа-функция. На основании своего опыта анализа шизофреников Бион (Bion, 1967) совершил несколько важных теоретических открытий. Оригинальные идеи Биона подробно описаны в других статьях словаря [см. БИОН], поскольку продвижение в теории благодаря работе с шизофрениками оказало глубокое влияние на весь корпус кляйнианской теории и практики. Бион разграничил патологическую форму проективной идентификации, присущую шизофреникам и другим пациентам с серьезными нарушениями, и более нормальную форму [см. 13. ПРОЕКТИВНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ; ЭМПАТИЯ]. Вместе с коллегами Бион установил, что проективная идентификация является основанием для крайне примитивной, невербальной и не-символической коммуникации между матерью и младенцем, которая получила название «контейнирования» [см. КОНТЕЙНИРОВАНИЕ] и сыграла важную роль в развитии психоаналитической техники [см. 1. ТЕХНИКА; КОНТРПЕРЕНОС]. Бион подробно исследовал процессы, задействующие контейнирующую функцию матери [см. МЕЧТАНИЕ; АЛЬФА-ФУНКЦИЯ] или аналитика и показал, какого рода проблемы могут вызывать отвергающие-проективную-идентификацию объекты [см. 13. ПРОЕКТИВНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ; КОНТЕЙНИРОВАНИЕ; МЫШЛЕНИЕ; АЛЬФА-ФУНКЦИЯ].

Bion, W. R. (1967) *Second Thoughts.* Heinemann.

Klein, Melanie (1923) 'The role of the school in the libidinal development of the child'. *WMK* 1, pp. 59–76.

Klein, Melanie (1927) 'Symposium on child analysis'. *WMK* 1, pp. 139–69.

Klein, Melanie (1929) 'Personification in the play of children'. *WMK* 1, pp. 199–209.

Klein, Melanie (1930a) 'The importance of symbol-formation in the development of the ego'. *WMK* 1, pp. 219–32.

Klein, Melanie (1930b) 'The psychotherapy of the psychoses'. *WMK* 1, pp. 233–5.

Klein, Melanie (1946) 'Notes on some schizoid mechanisms'. *WMK* 3, pp. 1–24.

Klein, Melanie (1960) 'A note on depression in the schizophrenic'. *WMK* 3, pp. 264–7.

Rosenfeld, Herbert (1947) 'Analysis of a schizophrenic state with depersonalization', *Int. J. Psycho-Anal.* 28:130–9; republished (1965) in Herbert Rosenfeld, *Psychotic States.* Hogarth, pp. 13–33.

Rosenfeld, Herbert (1965) *Psychotic States.* Hogarth.

Segal, Hanna (1950) 'Some aspects of the analysis of a schizophrenic', *Int. J. Psycho-Anal.* 31:268–78; republished (1981) in *The Work of Hanna Segal.* New York: Jason Aronson, pp. 101–20.

Segal, Hanna (1956) 'Depression in the schizophrenic', *Int. J. Psycho-Anal.* 37:339–43; republished (1981) in *The Work of Hanna Segal,* pp. 121–9.

Психологическая защита
Psychological defence

Интерес Кляйн к защитам был следствием ее стремления понять тревогу, которая лежит в их основании и их направляет. Особенно она интересовалась, каким образом дети производят и затормаживают свои фантазии и игру. Торможение фантазии становилось сопротивлением в анализе и поэтому защитой от фантазий — источников тревоги. Кляйн показала, как уместная интерпретация этой вызывающей защиты тревоги быстро мобилизует фантазийную жизнь ребенка (Klein, 1920) [см. 1. ТЕХНИКА].

Защиты и психоз. Кляйн начала осознавать, вероятно, под влиянием Абрахама, что защиты, которые используют ее маленькие пациенты, напоминают защиты, описанные Абрахамом (Abraham, 1924) и Фрейдом (Freud, 1917) у пациентов-психотиков, — проекцию, интроекцию и идентификацию.

Между 1924 и 1926 годами в одном из случаев анализа (шестилетней девочки по имени Эрна) Кляйн обнаружила, что явственный невроз навязчивых состояний скрывает под собой паранойю, и начала понимать, что садизм, который она находила у столь многих детей, недалеко отстоит от насилия, отмечающего предположительные точки фиксации при психозах. Эта идея позже, в 1929 году, получила подтверждение в анализе Дика, четырехлетнего мальчика (Klein, 1930) [см. ПСИХОЗ]. В 1932 и 1933 годах Кляйн стала рассматривать защиты определенного класса как направленные именно против манифестации инстинкта смерти, деструктивных импульсов, которые особенно были замешаны в параноидных страхах и таким образом оказывались связанными с процессами психозов и представляли собой ранние точки фиксации при шизофрении и паранойе (Klein, 1930).

Импульс и защита. Четкое разграничение, которое Кляйн проводила между фантазиями, составляющими содержание тревоги, и защитами от них, было непростым. Она не проясняла этой сложности, но строго следовала клиническим открытиям Абрахама, указавшего, что примитивные защиты используют активность инстинктивных импульсов: проекция обусловлена анальным выталкиванием, а интроекция — оральной инкорпорацией. Абрахам (Abraham, 1924) клинически описывал эти процессы в терминах фантазий, отыгрываемых пациентами-психотиками, и Кляйн в своем материале могла усмотреть параллели этому в том, как дети отыгрывали свои фантазии в игровой комнате. Следовательно, фантазии оказывались вовлеченными как в содержание тревоги, от которой выстраивалась защита, так и в процессы защиты от этих тревог. На этом основании постепенно и развивалась теория о вездесущем характере *бессознательной фантазии* как базовой функции самой психики [см. 2. БЕССОЗНАТЕЛЬНАЯ ФАНТАЗИЯ].

Таким образом, фантазии бессознательно развиваются с целью защиты от других фантазий; эту путаницу заметила и прояснила Сигал (Segal, 1964). Манипуляция фантазиями, предохраняющими от тревоги, может начаться с вызова соматических ощущений [см. 5. ВНУТРЕННИЕ ОБЪЕКТЫ; МАСТУРБАЦИОННЫЕ ФАНТАЗИИ]. По наблюдениям Бик, эти произвольно вызываемые фантазии могут вначале провоцироваться внешним объектом, матерью, особенно при кожном контакте [см. КОЖА]. Джозеф показала, как эти защитные фантазии мобилизуются в отношениях переноса:

> «Мы можем наблюдать действие фантазий, привязанных к аналитику и словно бы побуждающих его играть определенную роль, в виде постоянного процесса, протекающего в аналитической ситуации: возникают тревоги, мобилизуются защиты, аналитик в душе пациента оказывается втянутым в данный процесс и непрерывно используется как часть защитной системы пациента» (Joseph, 1981, p. 24).

Защиты и развитие. Кляйн также подхватила направление мысли Фрейда (заданное в работе 1917 года), когда он показал, что в результате переживания особого вида психической боли (утраты любимого объекта) некоторые индивиды инкорпорируют объекты в свое Эго. Позднее (Freud, 1921) он признал это наиболее общим явлением и типичной особенностью общественной жизни. Однако отсюда следует, что защита (интроекция) стимулирует развитие Эго; по сути, в работе Абрахама (Abraham, 1924) понятие интроекции заложило основу теории развития Эго (Heimann, 1952). Эго составлено из «осадка объектных отношений».

Здесь возникает риск некоторой путаницы, если защита тоже оказывается шагом в развитии. Когда Кляйн начала разрабатывать теорию внутренних объектов, разграничение между защитным свойством интроекции и ее ролью в развитии стало постепенно проясняться, хотя понятие «внутренний объект» было — и все еще остается — чрезвычайно сложным для понимания [см. 5. ВНУТРЕННИЕ ОБЪЕКТЫ; ОБЪЕКТЫ]. Хайманн (Heimann, 1942) стала различать внутренние объекты, ассимилированные Эго, и те, что остаются как бы инородными телами внутри Эго [см. АССИМИЛЯЦИЯ]. Кляйн также довольно много написала о значимости хорошего внутреннего объекта как ядра Эго и основы его стабильности.

Раннее Эго. Эти механизмы очень важны для самых ранних стадий существования Эго и его переживания младенцем, и они связаны с развитием понимания внутреннего и внешнего мира, хорошего и плохого в каждом из них — или с уклонением от такого понимания. Процессы проекции и интроекции способствуют построению фундаментальной картины внутреннего и внешнего миров. Процессы расщепления и отрицания также оказывают большое влияние на ощущение цельности и полноты самости или же на недостаток такого ощущения. Эти процессы формируют объектные отно-

шения в то время, когда, с точки зрения классического психоанализа или эго-психологии, личность находится в состоянии первичного нарциссизма [см. ЭГО-ПСИХОЛОГИЯ]. Таким образом, примитивные механизмы ответственны за то, как развивается Эго на ранних стадиях, и поэтому очень значимы в психологическом развитии наравне с защитами.

Примитивные защитные механизмы и восприятие. Можно сказать, что личность все время что-то берет от окружения. У взрослого это процесс восприятия и мысли. Кляйн видела корни этих процессов в наиболее примитивных стадиях, когда они обусловлены процессом интроекции. Младенец наделяет работу своей психики всемогуществом, и потому постоянным результатом интроекций оказывается ощущение, что примитивно функционирующая психика вбирает в себя реально существующие вещи [см. ВСЕМОГУЩЕСТВО]. Хотя в ходе развития на этот уровень накладывается символическое мышление, существует уровень, на котором переживания действительно вызывают реальные ощущения вбирания или испускания, вследствие чего человек чувствует себя лучше или хуже. Подобные смыслы переживаний сохраняются как часть личности, действующая посредством этих примитивных функций. Позднее Бион (Bion, 1957) показал, что аппарат восприятия может служить органом проекции (исторжения) в психотическом функционировании.

См. 9. ПРИМИТИВНЫЕ ЗАЩИТНЫЕ МЕХАНИЗМЫ

Abraham, Karl (1924) 'A short study of the development of the libido', in Karl Abraham (1927) *Selected Papers an Psycho-Analysis*. Hogarth, pp. 418–501.

Bion, Wilfred (1957) 'Differentiation of the psychotic from the non-psychotic personalities', *Int. J. Psycho-Anal.* 38:266–75; republished (1967) in W. R. Bion, *Second Thoughts*. Heinemann, pp. 543-64.

Freud, Sigmund (1917) 'Mourning and melancholia'. *S.E.* 14, pp. 237–60.

Freud, Sigmund (1921) *Group Psychology and the Analysis of the Ego*. *S.E.* 19, pp. 67–143.

Heimann, Paula (1942) 'A contribution to the problem of sublimation and its relation to internalization', *Int. J. Psycho-Anal.* 23:8–17.

Heimann, Paula (1952) 'Certain functions of introjection and projection in early infancy', in Melanie Klein, Paula Heimann, Susan Isaacs and Roger Money-Kyrle, eds (1952) *Developments in Psycho-Analysis*. Hogarth, pp. 122–68.

Joseph, Betty (1981) 'Defence mechanisms and phantasy in the psychoanalytic process', *Bulletin of the European Psycho-Analytical Federation* 17:11–24.

Klein, Melanie (1920) 'The development of a child'. *WMK* 1, pp. 1–53.

Klein, Melanie (1930) 'The importance of symbol-formation in the development of the ego'. *WMK* 1, pp. 219–32.

Klein, Melanie (1932) *The Psycho-Analysis of Children*. *WMK* 2.

Klein, Melanie (1933) 'The early development of conscience in the child'. *WMK* 1, pp. 248–57.

Segal, Hanna (1964) Introduction to the Work of Melanie Klein. Heinemann.

Развитие
Development

Существует целый ряд аспектов психологического развития: (1) физиологическое созревание; (2) фазы либидо; (3) принцип реальности; (4) развитие объектных отношений; (5) развитие Эго; (6) определенная последовательность ситуаций тревоги. Опишем каждый из них по очереди.

(1) Физиологическое созревание. Физическое тело, а также и психика человека следуют естественному генетически обусловленному пути становления. Телесное развитие служит непосредственной основной развития психологического, (a) устанавливая фазы либидо; (b) определяя некоторые из характеристик Эго; (c) устанавливая баланс между инстинктами жизни и смерти. Косвенно оно влияет на развитие психики посредством (d) развития аппарата восприятия, который начинает предлагать новые типы объектов (целостные объекты).

(2) Фазы либидо. Кляйн признавала значимость нормального порядка следования либидинозных фаз, но при этом описывала нарушение нормального продвижения деструктивнымие импульсами, которые либо

(i) тормозят прогресс и провоцируют регрессию, либо

(ii) стимулируют более быстрый переход от стадии к стадии, что может приводить к преждевременной «зрелости».

Тревоги и защиты параноидно-шизоидной и депрессивной позиций влияют на темп эпигенетического развертывания либидинозных фаз:

> «Таким образом, ход либидинозного развития на каждом этапе стимулируется и укрепляется стремлением к репарации и в конечном итоге — чувством вины. С другой стороны, вина, которая порождает стремление к репарации, также тормозит либидинозные желания. Когда ребенок чувствует, что в нем преобладает агрессивность, либидинозные желания кажутся ему угрожающими его любимым объектам и потому должны подвергнуться вытеснению» (Klein, 1945, p. 410) [см. ЛИБИДО].

(3) Принцип реальности. Неврологическое развитие младенца подводит его к тому моменту, когда органы чувств оказываются способными определять реальность внешних объектов. К пяти-шести месяцам должно произойти значительное психологическое созревание, позволяющее младенцу успешно переносить депрессивные тревоги и продолжать процесс взросления, зависящий от развития внутреннего мира. Способность выстраивать отношение к целостному объекту означает отказ от всемогущих проекций и интроекций, искажающих восприятие. Умение выносить амбивалентность

[см. ДЕПРЕССИВНАЯ ТРЕВОГА] является необходимым условием развития принципа реальности.

(4) Развитие объектных отношений. Кляйн интересовали взаимоотношения с объектами, и поэтому она была очень внимательна к развитию объектных отношений. Согласно теории объектных отношений, Эго устанавливает объектные отношения как биологически заданные с момента рождения. Их форма и развитие обусловлены в том числе взаимодействием параноидно-шизоидной и депрессивной позиций.

Развитие на параноидно-шизоидной позиции. С начала своего существования Эго вынуждено справляться с напряженными состояниями преследования и страхом аннигиляции изнутри и снаружи. Фактически, с точки зрения Фрейда, первым действием Эго является обращение инстинкта смерти наружу, на внешний объект. Со значительной частью этого бремени младенец пытается совладать при помощью экстернализации (проекции) плохих объектов и интернализации (интроекции) хороших объектов [см. 5. ВНУТРЕННИЕ ОБЪЕКТЫ]. Это значит, что младенец начинает оперировать фантазиями, позволяющими ему как можно быстрее возвращаться к ощущению полноты и «хорошести» внутри границ своего Эго. Когда голодный ребенок насыщается, ощущения соска во рту и молока в животе вызывают психические репрезентации бессознательных фантазий о том, как внутрь попадает хороший объект (интроекция). Результатом становится прогрессирующая способность поддерживать состояние, в котором младенец конкретным образом чувствует нечто хорошее внутри себя. Она составляет основу доверия.

Итак, с точки зрения Кляйн, первоначальная защита от инстинкта смерти

(a) вызывает не только проективный, но и важный интроективный процесс — интроекцию хорошего контейнирующего объекта;

(b) этот первый этап в развитии достигается лишь постепенно.

Согласно Кляйн, таким первым хорошим объектом является материнская грудь, то есть частичный объект, удовлетворяющий насущные телесные нужды младенца. Бик (Bick, 1968) продвинулась в этом отношении дальше: первый интроецированный объект обеспечивает ощущение внутреннего и, следовательно, внешнего пространства, куда осуществляется проецирование [см. КОЖА].

Депрессивная позиция. Хороший объект, который до сих пор переживался как всего лишь часть матери и всемогущим образом контролировался посредством примитивных механизмов [см. ЧАСТИЧНЫЕ ОБЪЕКТЫ], в конечном итоге начинает переживаться как целое, обладающее хорошими и плохими аспектами. Физическое созревание нервной системы и аппарата восприятия

связано с развитием новых фантазий. Хороший объект начинает ощущаться как поврежденный или зараженный плохим объектом (или плохими чувствами Эго, направленными на плохие элементы целостного объекта) и теперь кажется только частично хорошим. Теперь хорошие объекты энергично вбираются внутрь или удерживаются внутри для подержания внутреннего состояния Эго, когда тревога относительно состояния внутреннего хорошего объекта возрастает. На первый план выходит интроекция, при этом возрастает понимание внутреннего мира и способность отличать его от мира внешнего [см. 10. ДЕПРЕССИВНАЯ ПОЗИЦИЯ].

Интроективная идентификация. Развитие, которое представляет собой депрессивная позиция, основано на изменении баланса интроективной и проективной идентификаций в пользу первой. Всемогущая (патологическая) проективная идентификация, характерная для параноидно-шизоидной позиции, постепенно сходит на нет. Обретение новых объектов и их интроекция приводит ко все большему обогащению внутреннего мира; все больше внутренних объектов предоставляют возможность идентификации и ассимиляции. Внутренний объект, идентифицированный с Эго, привносит с собой умения и свойства, с которыми Эго теперь может идентифицироваться и исполнять некую роль в реальном внешнем мире.

(5) Развитие Эго. Благодаря описанию параноидно-шизоидной позиции и работе с шизофрениками значительно возросло понимание форм расщепления, и стало ясно, что отщепленные части самости ослабляют личность. Развитие в анализе (как и на параноидно-шизоидной и депрессивной позициях) стали все больше рассматривать как собирание этих фрагментов в более интегрированное Эго [см. АННИГИЛЯЦИЯ; РАСЩЕПЛЕНИЕ]. Подобная интеграция означает не сведение различных частей самости к одному и тому же, но более гибкий выбор различных аспектов самости или более свободную и гибкую идентификацию с ассимилированными объектами, составляющими самость.

Структура Эго. Эго развивает свою структуру и свойства с помощью интроективного накопления и ассимиляции интроецированных объектов. В классической теории Фрейда Эго интроецирует исключительно Супер-Эго, которое становится отделенной частью Эго; это отличается от кляйнианских описаний множества внутренних объектов, находящихся в подвижных, изменчивых взаимоотношениях с Эго [см. 5. ВНУТРЕННИЕ ОБЪЕКТЫ].

(6) Последовательность ситуаций тревоги. Младенца осаждает великое множество существенных тревог, от которых ему приходится защищаться. В истории психоанализа они описывались по-разному. Принято считать, что основные тревоги вращаются вокруг Эдипова комплекса; однако работа кляйнианцев с очень ранними стадиями развития расширила перечень ран-

них ситуаций тревоги: аннигиляция, параноидный страх, утрата любимого объекта, невротические страхи [см. 8. РАННИЕ СИТУАЦИИ ТРЕВОГИ]. Развитие означает эволюцию этих ранних ситуаций тревоги в более позднее классические ситуации (Эдипов комплекс, кастрационная тревога и зависть к пенису) [см. 6. ФАЗА ЖЕНСТВЕННОСТИ].

ТОРМОЖЕНИЕ И ПРОГРЕСС В РАЗВИТИИ. Есть несколько факторов, влияющих на темп развития: внешние объекты, конституциональные факторы, связанные с развитием Эго, и, в частности, помехи, обусловленные действием мощных агрессивных импульсов. Эти факторы имеют различные последствия.

(a) Торможение развития. Кляйн продемонстрировала (Klein, 1930, 1931), что садистические импульсы могут значительно тормозить или останавливать когнитивное развитие. Она описала, каким образом страхи агрессии и возмездия препятствуют переходу к следующей фазе либидо [см. ЛИБИДО]. С ее точки зрения, торможение развития, которое она наблюдала у своих пациентов-детей, является прямым свидетельством в пользу ортодоксальной теории фиксации в детских фазах развития, описанной Фрейдом.

(b) Развитие, стимулируемое виной. Центральное место в кляйнианской теории занимает идея, что репарация, возникающая благодаря вине и любви, оказывается самым мощным творческим достижением (Klein, 1929). Когда ребенок уже способен восстанавливать свои объекты, важный компонент развития — это воссоздание его внутренней ситуации [см. 10. ДЕПРЕССИВНАЯ ПОЗИЦИЯ]. Внутри восстанавливается хороший объект, и внутренний мир становится более упорядоченным. Повторяющиеся цепочки репарации такого вида укрепляют ощущение прочного внутреннего объекта и тем самым — ощущение внутренней стабильности. Кроме того,

> «когда убежденность и вера ребенка в свою способность любить, свои репаративные возможности и в интегрированность и стабильность своего хорошего внутреннего мира возрастает, /.../ маниакальное всемогущество ослабевает и импульсы к репарации утрачивают обсессивный характер, а это в общем и целом означает, что инфантильный невроз миновал» (Klein, 1940, p. 353) [см. РЕПАРАЦИЯ].

(c) Поиск новых объектов. Частью отклика на конфликт и катастрофические внутренние ситуации становится поиск новых объектов, с которыми можно установить менее конфликтные взаимоотношения. Обычно при отлучении от груди ребенок обращается от (разочаровавшей его) матери к отцу. Эти процессы приводят к снижению интенсивности импульсов и к расширению объектных отношений. Таким образом, депрессивная тревога «обусловливает потребность в заместителях» (Klein, 1952, p. 97). Другая

форма бегства Эго от затрудненных объектных отношений подталкивает его движение от прегенитальных импульсов к генитальным, а они усилены импульсами любовными. В таком движении к новым объектам важен процесс замещения исходных объектов символами; это приводит к расширению символического мира цивилизации, дающего широчайшие возможности дальнейшего поиска [см. ФОРМИРОВАНИЕ СИМВОЛОВ].

Взаимодействие с внешним миром. Кляйн представляла тревогу как конфликт между инстинктами жизни и смерти, и поэтому ее упрекали в том, что она пренебрегает внешним миром, игнорирует и благотворные, и неблагоприятные факторы, действующие извне, и придерживается исключительно пессимистического взгляда на человеческую природу, а также считает невыполнимой терапевтическую задачу психоанализа [см. ВНЕШНИЙ МИР; КОНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ФАКТОР]. На самом же деле она никогда не отрицала значимости внешних факторов и не отказывала психоанализу в терапевтической действенности. В ее работах на каждом шагу мы встречаемся с поразительным эффектом интерпретаций тех внешних событий, которые модифицируют внутреннюю ситуацию пациентов.

Кляйн рассматривала внутренний мир [см. ВНУТРЕННЯЯ РЕАЛЬНОСТЬ] как драматическую ситуацию [см. ПОЗИЦИЯ], находящуюся в постоянном взаимодействии с внешним миром посредством интроекции и проекции [см. КОНТЕЙНИРОВАНИЕ]. Процесс взросления полностью зависит от прогрессивной модификации тревоги, обеспечиваемой окружением, которое функционирует как контейнер тревоги. Собственная тревога вызывает отчаяние у младенца. Мать встречает это отчаяние, прежде всего интерпретируя тревогу ребенка как потребность, которую она может удовлетворить [см. МЕЧТАНИЕ], или же, во вторую очередь, выдерживая тревогу — даже тогда, когда сам младенец выдерживать ее уже не может [см. КОНТЕЙНИРОВАНИЕ]. В результате у ребенка появляется возможность интроецировать объект, способный выдерживать тревогу и придавать ей смысл.

И наоборот, окружение, несостоятельное в смысле удовлетворения потребности или неспособное выдерживать тревогу младенца, оказывает на него вредное воздействие. В этом случае у него есть возможность интроецировать лишь такой объект, который не только не придает смысл, но и добавляет бессмысленности. В результате ребенок страдает от усугубившейся тревоги особого типа, которую Бион обозначил как «безымянный ужас» [см. БЕЗЫМЯННЫЙ УЖАС].

Bick, Esther (1968) 'The experience of the skin in early object relations', *Int.J. Psycho-Anal.* 49:484–6; republished (1987) in Martha Harris and Esther Bick, *The Collected Papers of Martha Harris and Esther Bick.* Perth: Clunie, pp. 114–18.

Klein, Melanie (1929) 'Infantile anxiety-situations reflected in a work of art and in the creative impulse'. *WMK* 1, pp. 210–18.

Klein, Melanie (1930) 'The importance of symbol-formation in the development of the ego'. *WMK* 1, pp. 219–32.

Klein, Melanie (1931) 'A contribution to the theory of intellectual development'. *WMK* l, pp. 236–47.

Klein, Melanie (1940) 'Mourning and its relation to manic-depressive states'. *WMK* 1, pp. 344–69.

Klein, Melanie (1945) 'The Oedipus complex in the light of early anxieties'. *WMK* 1, pp. 370–419.

Klein, Melanie (1952) 'On observing the behaviour of young infants'. *WMK* 3, pp. 94–121.

Расщепление
Splitting

Целостность человеческой психики была поставлена под вопрос фрейдовской теорией бессознательного. Но лишь гораздо позже Фрейд признал более тяжелые формы расщепления психики (Freud, 1940). Однако Кляйн, работая с детьми, очень рано столкнулась с огромной значимостью различных форм расщепления. Она показала, что расщепление играет центральную роль в самых первых защитных маневрах Эго [см. 9. ПРИМИТИВНЫЕ ЗАЩИТНЫЕ МЕХАНИЗМЫ].

Переживание распада Эго на куски при этом является манифестацией инстинкта смерти [см. 11. ПАРАНОИДНО-ШИЗОИДНАЯ ПОЗИЦИЯ].

Раннее применение. Понятие расщепления Фрейд вывел из уже существовавшего представления о диссоциации. Предполагалось, что психика существует в виде отдельных частей, что объясняло феномен множественной личности. Представления о диссоциации, взятые из философии восемнадцатого века, Блёйлер использовал при описании и именовании шизофрении.

Однако Фрейд отошел от психологии ассоциационизма, открыв бессознательное и разработав теорию вытеснения. С этого очень раннего времени психоанализ стал теорией психики, строящейся на представлении о конфликте. Большинство психических событий, по мнению Фрейда, можно теоретически объяснить при помощи понятия вытеснения, не прибегая ни к какой идее о расщеплении. Однако очень запоздало, в статье, написанной в 1938 году, он изложил свое понимание феномена расщепления Эго. В этой статье Фрейд ясно описал, как психика принимает две обособленные точки зрения. Он привел пример фетишиста, который одновременно верил и в то, что женщина утратила свой пенис, и в то, что женщина обладает пенисом (представленный объектом-фетишем). Этот механизм не является результатом вытеснения, хотя одна из точек зрения может быть вытесненной. Так же ребенок чувствует волнение в новогоднюю ночь и верит в Деда Мороза, хотя знает, что на самом деле это «всего лишь переодетый папа». Точно так же предвзятое суждение «Некоторые из моих друзей мне совершенно чужие» демонстрирует такую расщепленную установку.

Существуют две формы расщепления: (i) расщепление объекта и (ii) расщепление Эго.

(i) Расщепление объекта. Ранние работы Кляйн касались по преимуществу объектов и их судьбы. Она показала, что с самого начала жизни объекты не воспринимаются и не понимаются объективно: по существу им зачастую приписывают неестественно хорошие свойства или же неестественно плохие [см. ЧАСТИЧНЫЕ ОБЪЕКТЫ]. Дети расщепляют свои объекты, так что родительским имаго в детской игре воображения придаются или полностью хорошие и добрые качества и намерения или же целиком плохие. В результате термин «расщепление» стали использовать для описания того, как объекты оказываются разделенными на изолированные хорошие и плохие аспекты.

Итак, интроекция и проекция хорошей или плохой версии объекта начинает играть важную роль в развитии личности [см. ВНУТРЕННЯЯ РЕАЛЬНОСТЬ]. Интеграция таких расщеплений в объектах в реалистическую форму различения становится, согласно Кляйн, ключевой особенностью детского развития. Все более реалистическое восприятие объектов приносит с собой депрессивная позиция [см. 10. ДЕПРЕССИВНАЯ ПОЗИЦИЯ].

(ii) Расщепление Эго. Фрейд описал разделение Эго, когда указал на «степень дифференциации» (Freud, 1921, p. 130), возникающей вследствие идентификации Эго с утраченным объектом. Исходя из такого объяснения меланхолии, Фрейд впоследствии предложил концепцию разделения примитивного Эго на более поздние Эго и Супер-Эго (Freud, 1923). Абрахам, а за ним и Кляйн иначе использовали фрейдовские описания 1917 года: полагая интроекцию внешних объектов обычным аспектом восприятия как такового, они считали развитие Эго в целом основанным на изменениях («модификации Эго», как называл это Фрейд), возникающих вследствие интроекции, а затем — идентификации части Эго с новыми внутренними объектами [см. АССИМИЛЯЦИЯ].

После 1946 года Кляйн стала больше интересоваться *расщеплением Эго*. В частности, она описала отщепление аспектов самости, вызывающих страх в качестве плохих. Обычно этот процесс осуществляется с помощью проективного внедрения частей самости в объект [см. 13. ПРОЕКТИВНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ]. Еще она описала малое расщепление объектов, которое приводит к сопутствующей фрагментации Эго. Такой процесс расщепления, вызывающий страх аннигиляции [см. АННИГИЛЯЦИЯ], может отличаться свойством активности, то есть Эго может фрагментировать себя [см. БИОН], а может быть более пассивным и зависеть от присутствия или отсутствия интегрирующего объекта [см. КОЖА].

Фрагментация. В 1940-х годах Кляйн и ее сотрудники занимались изучением шизофреников, и это вернуло их к феноменам, заставившим Блёйлера изобрести термин для обозначения множественного расщепления мыслей.

Кляйн всегда больше интересовало расщепление эмоциональных состояний. Этот интерес шел от ее работы с расщепленными объектами, представлявшими отношения, где преобладали хорошие или плохие чувства: «Я считаю, что Эго неспособно к расщеплению объекта без соответствующего расщепления внутри Эго» (Klein, 1946, p. 6). Однако Бион (Bion, 1959) считал феномен такого типа нападением на связь мыслей.

Кляйн описывала шизофреническую фрагментацию как связанную с расщеплением объектов. В этом случае не происходит отчетливого разделения объекта на хороший и плохой, это множественное расщепление — производимая в фантазии попытка защиты с целью устранения объекта путем его фрагментации на части. Такой фрагментирующий тип нападения на объект приводит к распаду Эго на соответствующее число частей, каждая из которых соотносится с некой частью объекта. Кляйн считала это источником воспринимаемого психотиком *страха аннигиляции*.

Типы расщепления. Итак, существует множество сложных типов расщепления, которые можно систематизировать, объединив их в четыре группы с помощью двух оппозиций:

(a) расщепление объекта или же Эго;

(b) расщепление согласованное (coherent) (например, расщепление на хорошее и плохое) или же фрагментирующее.

Так мы получаем четыре возможных типа расщеплений: согласованное расщепление в объекте, согласованное расщепление в Эго, фрагментация объекта и фрагментация Эго. Несомненно, некоторые из них возникают совместно.

Расщепление и вытеснение. Кляйн считала, что открытые ею примитивные защитные механизмы не отменяют представления о невротических защитах, но оказываются в основании таких защит. Она описывала вертикальное и горизонтальное расщепление [см. ВЫТЕСНЕНИЕ]. Расщепление самости на части становится в ходе развития расщеплением между сознанием и бессознательным, т. е. вытеснением. С точки зрения Кляйн, более тяжелые формы расщепления в итоге приводят к особенно ригидным и непроницаемым формам вытеснения.

Bion, Wilfred (1959) 'Attacks on linking', *Int.J. Psycho-Anal.* 40:308–15; republished (1967) in W. R. Bion, *Second Thoughts*. Heinemann, pp. 93–109.

Freud, Sigmund (1917) 'Mourning and melancholia'. *S.E.* 14, pp. 237–60.

Freud, Sigmund (1921) *Group Psychology and the Analysis of the Ego*. *S.E.* 18, pp. 67–143.

Freud, Sigmund (1923) *The Ego ami the Id*. *S.E.* 19, pp. 3–66.

Freud, Sigmund (1940) 'Splitting of the ego in the process of defence'. *S.E.* 23, pp. 271–8.

Klein, Melanie (1946) 'Notes on some schizoid mechanisms'. *WMK* 3, pp. 1–24.

Реализация Realization

См. ПРЕКОНЦЕПЦИЯ; МЫШЛЕНИЕ

Ребенок Child

Психоанализ детей привлек внимание к «детским» желаниям и страхам как к живым переживаниям, актуальным в любом анализе [см. ДЕТСКИЙ АНАЛИЗ]. Отсюда возникло стремление видеть ребенка во взрослом пациенте. «Детская» часть личности зачастую ощущается чрезвычайно ценной, из-за своей живости и открытого выражения эмоций и чувств; в то же время она чрезвычайно уязвима, постыдна — и потому отвергается. На практике раскол между «детской» частью личности и взрослой очень важен. Строго говоря, кляйнианский анализ направлен именно на младенца в пациенте, в том числе — в пациенте-ребенке.

См. ДЕТИ

Ревность Jealousy

Понятие ревности служит краеугольным камнем классической фрейдовской теории Эдипова комплекса, но Кляйн, подхватив это понятие, наделила его новым значением. Вначале она показала, что самые первые переживания вражды представляют собой практически чистое насилие и преследование, а затем — каким образом из этого кристаллизуется ревность как более специфический аффект, позволяющий восхищаться тем, к кому человек чувствует ревность. Как и в случае вины [см. ВИНА], здесь существует целый спектр аффектов, начиная от преследования, через различные степени интенсивности ревности при достижении депрессивной позиции и ее проработке, и заканчивая здоровым соперничеством. В 1957 году картину дополнило описание первичной зависти, которую Кляйн определила как буйное вторжение в хороший объект и его порчу, а затем отнесла к персекуторной части спектра ревности [см. 12. ЗАВИСТЬ].

Репарация Reparation

Репарация — наиболее сильный элемент созидательных и творческих побуждений. С самого начала своей карьеры Кляйн видела страдание, которое причиняет детям их собственная агрессивность: «в фантазии, как и в играх, он выказывал желание отойти от собственной агрессивности, смятение перед нею» (Klein, 1920, p. 58n). Способность человека испытывать жалость и его желание все исправить были всегда очевидны для Кляйн: описывая оперу, которая замечательно

отображает типичную инфантильную ситуацию тревоги, она говорит: «когда мальчик чувствует жалость к раненой белке и приходит к ней на помощь, враждебный мир превращается в мир дружественный» (Klein, 1929, p. 214).

В работе 1940 года Кляйн показала, что существует несколько форм репарации: (i) маниакальная репарация, с оттенком триумфа, основанная на обращении отношения родитель–ребенок, которое для родителей унизительно [см. МАНИАКАЛЬНАЯ РЕПАРАЦИЯ]; (ii) обсессивная репарация, которая заключается в компульсивном повторении действий аннулирующего характера, лишенном действительно творческого элемента, чье предназначение — добиться умиротворения, зачастую магическим образом; (iii) форма репарации, основанная на любви и уважении к объекту и ведущая к творческим достижениям.

Раскаяние и любовь. Для Кляйн стало неожиданностью, важной и волнующей, когда она обнаружила, что самые юные ее пациенты испытывают разнообразные чувства к людям, игрушкам и объектам, с которыми они играют:

> «Меня волновало то, как совсем маленький ребенок сражается со своими антисоциальными побуждениями. /.../ Вслед за проявлением наиболее садистических импульсов мы столкнулись со сценами, показывающими величайшую способность к любви и желание пожертвовать всем, чем только можно, чтобы быть любимым. /.../ Во время анализа волновало и то, как эти деструктивные тенденции могут использоваться для сублимации, /.../ как могут освобождаться фантазии для художественного и конструктивного труда» (Klein, 1927, p. 176).

Это не подтверждало представления, что дети используют объекты, эксплуатируя их ради разрядки энергии инстинктов. Наоборот, выходило, что дети испытывают чувства к своим объектам, и их игра ясно показывает, что они чувствуют и почему [см. ЛЮБОВЬ].

Столь же удивительной и тревожной для Кляйн была высочайшая степень насилия и жестокости, характерная для обращения детей со своими объектами, что впоследствии вызывает в детях раскаяние и заботу:

> «... мы могли видеть, что мать готовят и поедают, и два брата делят это блюдо между собой. /.../ Но вслед за такой манифестацией примитивных тенденций всегда возникала тревога, и было видно, как ребенок пытается исправить и компенсировать то, что он сделал. Иногда он пытался починить те самые игрушки (людей, поезда и т. д.), которые только что поломал. Иногда рисунки, конструкции и т. д. выражали такие же реактивные тенденции» (Klein, 1927, p. 175).

Кляйн показала, что импульсы жестокости превращаются в жалость и раскаяние. Игра — это попытка восстановить поврежденный объект в фантазии, а часто — и в реальности, если игрушка небольшая:

> «... если раньше маленький мальчик только крошил деревяшки на кусочки, то теперь он будет пытаться изготовить из них карандаш. Кусочки графита, вынутые из разломанных карандашей, он будет помещать в трещину в древесине и обвязывать вокруг деревяшки лоскут ткани, чтобы она выглядела красивее. /.../ Этот самодельный карандаш представляет пенис его отца, который он разрушил в фантазии, а также его собственный пенис, разрушения которого он боится. /.../ Когда в ходе анализа ребенок начинает всячески выказывать более сильные созидательные тенденции в игре и сублимациях, он также обнаруживает изменения в своем отношении к отцу или матери, /.../ и эти изменения отмечают начало усовершенствованных объектных отношений в целом и рост социального чувства» (Klein, 1933, p. 255).

Обсессивные механизмы. Этот ребенок столь часто демонстрировал обсессивные ритуалы предохранения или восстановления, что Кляйн сначала считала, что обсессивные механизмы были развиты именно против манифестаций агрессивности. Такой взгляд согласовывался со взглядами Фрейда. Однако импульс восстановления выглядел чем-то гораздо большим, чем обсессивное предохранение или аннулирование. Он порождал значительную *заботу* и деятельность, направленную на исправление и на мобилизацию сильных творческих влечений. Кляйн стала рассматривать репарацию как важный источник всякой творческой деятельности: «... совершить репарацию, возместить ущерб, психологически нанесенный матери, а также восстановить саму себя — вот что было в основании непреодолимого желания [художницы] рисовать портреты родственников» (Klein, 1929, p. 218). В значительной мере концепция репарации в системе кляйнианских взглядов выросла из представления об обсессивных защитах.

Репарация и сублимация. Сублимация — это превращение либидинозных импульсов в усложненные и творческие навыки. Репарация же таким образом не рассматривается. Кляйн, что для нее характерно, интересовалась психологическим содержанием процесса превращения, на который указывал Фрейд. Репарация, безусловно, связана с этими импульсами, но заключается в фантазии исправления последствий действия агрессивных компонентов. Видно, что Кляйн рассматривала репарацию как фантазию, вызванную именно агрессией, тогда как в сублимации особенно значимы либидинозные или сексуальные компоненты. Но ей было важно отметить взаимодействие между агрессивными и либидинозными импульсами: «Таким образом, ход либиди-

нозного развития на каждом шагу стимулируется и укрепляется влечением к репарации, и в конечном итоге — чувством вины» (Klein, 1945, p. 410). Репарация — результат слияния противостоящих инстинктивных влечений, а не просто замещение импульса неким социально приемлемым его представителем, как при сублимации.

Позднее, когда Кляйн уже не так была предана классической теории, представление о сублимации потеряло для нее значение, а понятие репарации получило развитие и стало основой теории процессов созревания, обеспечивающих выход из депрессивной позиции.

Альтруизм, свойственный репарации, — это отведение инстинктивных импульсов [см. ИНСТИНКТЫ] в социальные каналы. Следовательно, это разновидность сублимации — процесс, который Фрейд считал способом перенаправления инстинктивных импульсов в социально конструктивные типы их использования: в данном случае вина перенаправляется в исправление, восстановление.

Депрессивная позиция. На депрессивной позиции репарация начинает играть центральную роль. Первоочередная ее цель — исправление повреждений внутреннего мира через исправление повреждений мира внешнего. Это источник зрелой энергии и творчества в реальном внешнем мире [см. ТВОРЧЕСТВО].

Репарация вызывается именно тревогами депрессивной позиции и (вместе с проверкой реальностью) составляет один из основных методов преодоления депрессивной позиции. На депрессивной позиции забота связана с судьбой «хорошего», любимого объекта и не только, чтобы гарантировать выживание ребенка с помощью сохранения матери, которая бы его поддерживала и ухаживала за ним (хотя это один из аспектов тревоги). Репарация происходит из реальной заботы об объекте, тоски по нем. Она может влечь за собой великое самопожертвование во внешнем мире, куда были спроецированы поврежденные объекты. Мощные репаративные побуждения часто ответственны за жизнь, посвященную гуманистическим целям и проживаемую в великих лишениях. Это фантазия, которая может отыгрываться с внешними объектами, — например, при выборе профессии, предполагающей оказание помощи другим.

Неудавшаяся репарация. Но и на пути репарации могут быть препятствия. Когда маниакальные защиты от депрессивных тревог функционируют с избыточной силой, возникают всемогущие фантазии, и тогда репарация будет восприниматься с сопоставимым всемогуществом. Это модель неудачи, поскольку для восстановления чрезвычайно поврежденных объектов затрачиваются грандиозные усилия. Возможно, состояния клинической депрессии возникают, когда поврежденный объект идентифицируется с друзьями, родственниками и оказывающими помощь инстанциями и в них же проецируется ощущение неудачи репарации.

Такие усилия могут приводить к существенному обесцениванию значимости объекта и отрицанию зависимости [см. МАНИАКАЛЬНАЯ РЕПАРАЦИЯ] или к обсессивному, силовому контролю и власти над объектами. При обесценивании или чрезмерном контроле может возникать чувство, что объекту нанесен дополнительный ущерб, и это вызывает дополнительную депрессивную тревогу относительно повреждения и деструктивных импульсов и затрудняет развитие ребенка.

Репарация и развитие. Репарация, хотя она касается в первую очередь состояния внутреннего мира и хорошего объекта, что составляет ядро личности, обычно выражается в действии, направленном на объекты во внешнем мире. Эти объекты представляют поврежденный внутренний объект или могут быть в фантазии интроецированы с целью поддержки внутреннего мира. Таким образом, это сила созидательного действия во внешнем мире. Она дополняет или замещает позитивные установки простого любовного взаимоотношения, поскольку связана с проблемами или затруднениями любимого объекта и характеризуется большим реализмом, чем простое любовное взаимоотношение с идеализированным, незагрязненным любимым объектом.

См. 10. ДЕПРЕССИВНАЯ ПОЗИЦИЯ

Klein, Melanie (1920) 'Inhibitions and difficulties at puberty'. *WMK* 1, pp. 54–8.

Klein, Melanie (1927) 'Criminal tendencies in normal children'. *WMK* 1, pp. 170–85.

Klein, Melanie (1929) 'Infantile anxiety-situations reflected in a work of art and in the creative impulse'. *WMK* 1, pp. 210–18.

Klein, Melanie (1933) 'The early development of conscience in the child". *WMK* 1, pp. 248–57.

Klein, Melanie (1940) 'Mourning and its relation to manic-depressive states'. *WMK* 1, pp. 344–69.

Klein, Melanie (1945) 'The Oedipus complex in the light of early anxieties'. *WMK* 1, pp. 370–419.

Герберт Розенфельд
Herbert Rosenfeld

Биография. Розенфельд родился в Германии в 1909 году, откуда бежал в Британию в 1935. Специализируясь в британских психиатрических лечебницах в лечении хронической шизофрении, он решил пройти анализ у Кляйн. Вскоре он стал одним из наиболее влиятельных сторонников Кляйн, особенно благодаря своей способности истолковывать состояние пациентов-психотиков в свете ее поздней теории. Содержание доклада Кляйн 1946 года, посвященного шизоидным механизмам, в большой мере обусловлено ее работой с учениками и анализируемыми, которые в то же время были

психиатрами, как Розенфельд. Он стал одним из наиболее авторитетных экспертов-кляйнианцев по проблеме шизофрении и вплоть до своей смерти в 1986 году занимался плодотворной научной деятельностью.

НАУЧНЫЕ ДОСТИЖЕНИЯ. В 1947 году Розенфельд опубликовал первый подробный отчет об анализе шизофреника, где показал значение кляйновских концепций расщепления Эго и проективной идентификации, а также шизоидной деперсонализации, которые Кляйн описала в 1946 году. Он исследовал состояния спутанности при шизофрении (Rosenfeld, 1950, 1965), что предшествовало разработке Кляйн концепции зависти. В 1952 году Розенфельд в общих чертах обрисовал терапевтическое действие психоанализа, основанное на проективной идентификации, и этот подход в дальнейшем развивали Мани-Кёрл (Money-Kyrle, 1956), Бион (Bion, 1959, 1962) и многие другие.

Нарциссизм. Начиная с 1960-х годов предметом внимания Розенфельда стала природа нарциссизма; в этом вопросе кляйнианская теория расходится с представлением Фрейда о нарциссизме как первичном состоянии, к которому Эго может регрессировать. С точки зрения Кляйн, безобъектного состояния не существует (Klein, 1925), а нарциссизм — это отступление к сосредоточенности на внутренних, а не внешних объектах. Позднее Розенфельд изучал клинические манифестации инстинкта смерти и возникающий в результате негативный нарциссизм [см. НАРЦИССИЗМ]. Его статья 1971 года стала откликом на существенную критику в адрес концепции инстинкта смерти (напр., Kernberg, 1969) на основании исходного представления Фрейда о «клинической немоте» инстинкта смерти. Эта важная статья Розенфельда посвящена *клиническому доказательству* существования инстинкта смерти [см. САДИЗМ]. Он описывает чрезвычайно важную структуру Эго, в которой часть личности организована так, что служит выражению импульсов инстинкта смерти и клинически проявляется как идеализация деструктивности и нападение на собственные хорошие части субъекта. В этом он следовал Мельтцеру (Meltzer, 1968), и ввел собственный термин *негативный нарциссизм.* Подобная зловещая организация Эго, извращающая перенос и все человеческие отношения (Rosenfeld, 1987), стала предметом последних клинических исследований кляйнианцев.

Долгие годы Розенфельд проводил супервизию аналитиков и психотерапевтов в Британии и за рубежом и выработал острую чувствительность к способности аналитика понимать пациента. Он разделял негативные реакции пациентов на интерпретации на два вида: одни возникают вследствие восприятия интерпретаций как непонимания, другие являются следствием деструктивных атак, зависти к *проявляющейся* в интерпретации способности аналитика понимать и выдерживать пациента (Rosenfeld, 1987).

Bion, Wilfred (1959) 'Attacks on linking', *Int.J. Psycho-Anal.* 30:308–15; republished (1967) in W.R. Bion, *Second Thoughts*. Heinemann, pp. 93–109.

Bion, Wilfred (1962) *Learning from Experience*. Heinemann.

Kernberg, Otto (1969) 'A contribution to the ego-psychological critique of the Kleinian school', *Int. J. Psycho-Anal.* 50:317–33.

Klein, Melanie (1925) 'A contribution to the psychogenesis of tics'. *WMK* 1, pp. 106–27.

Meltzer, Donald (1968) 'Terror, persecution, dread', *Int.J. Psycho-Anal.* 49:396–400; republished (1973) in Donald Meltzer, *Sexual States of Mind*. Perth: Clunie, pp. 99–106.

Money-Kyrle, Roger (1956) 'Normal counter-transference and some of its deviations', *Int. J. Psycho-Anal* 57:360–6; republished (1978) in *The Collected Papers of Roger Money-Kyrle*. Perth: Clunie, pp. 330–42.

Rosenfeld, Herbert (1947) 'Analysis of a schizophrenic state with depersonalization', *Int. J. Psycho-Anal* 28:130–9; republished (1965) in Herbert Rosenfeld, *Psychotic States*. Hogarth, pp. 13–33.

Rosenfeld, Herbert (1950) 'Notes on the psychopathology of confusional states in chronic schizophrenia', *Int.J. Psycho-Anal.* 31:132–7; republished (1965) in *Psychotic States,* pp. 52–62.

Rosenfeld, Herbert (1952) 'Notes on the analysis of the superego conflict in an acute catatonic patient', *Int. J. Psycho-Anal.* 33:11–131; republished (1965) in *Psychotic States,* pp. 63–103.

Rosenfeld, Herbert (1965) *Psychotic States*. Hogarth.

Rosenfeld, Herbert (1971) 'A clinical approach to the psycho-analytical theory of the life and death instincts: an investigation of the aggressive aspects of narcissism', *Int. J. Psycho-Anal.* 52:169–78.

Rosenfeld, Herbert (1987) *Impasse and Interpretation*. Tavistock.

Садизм
Sadism

В самых ранних работах Кляйн (Klein, 1922, 1923) есть множество указаний на садизм детей и младенцев. Кляйн была шокирована степенью насилия в детской игре. Подобно Фрейду, она всерьез воспринимала то, что выражали ее пациенты, и отметила, что за игрой, демонстрирующей чрезвычайно жестокие формы агрессии, часто следуют попытки возместить или исправить ущерб от насилия [см. РЕПАРАЦИЯ]. Кляйн объясняла насилие у маленьких детей в терминах психоаналитических теорий, принятых в то время, когда она начинала практиковать психоанализ. Особенно важными для нее были взгляды Абрахама, и потому она поселилась в Берлине, когда в 1919 году ей пришлось покинуть Венгрию. И Абрахам (Abraham, 1911), и Фрейд (Freud, 1917) показали преобладание агрессии в маниакально-депрессивных психозах и подчеркнули, что психодинамика пациентов-психотиков указывает на фазу в детстве, для которой характерна очень высокая степень насилия. Оба называли это насилие «садизмом» и связывали его разновидности с оральной, анальной и генитальной фазами развития [см. ЛИБИДО]. Кляйн следовала данной терминологии.

Хотя термин «садизм» предполагает патологически сильную выраженность агрессии, особенно сексуально окрашенной, ранние фазы садизма стали рассматриваться как часть нормального развития, и в использовании этого термина связь с тяжелой патологией постепенно утрачивалась. В кляйнианской системе взглядов крайняя жестокость характеризует инстинктивное достояние человека [см. 3. АГРЕССИЯ; ИНСТИНКТЫ]. Соответственно, считается, что такие импульсы жестокой агрессии распространены очень широко, и Кляйн (Klein, 1927) думала, что криминальное поведение — только верхушка айсберга: всего лишь часть агрессии человека, находящая себе выход в действии, в противоположность существующим у каждого агрессивным желаниям и фантазиям. Это представление было подкреплено в 1932 году признанием Кляйн инстинкта смерти как клинического феномена, и агрессия была лишена прямого отношения к сексуальности. Таким образом, термин «садизм» утратил патологический аспект и все больше начал использоваться во вне-техническом смысле — для подчеркивания размаха скрытой жестокости, на которую опирается более обычная агрессивность людских переживаний и поведения.

Abraham, Karl (1911) 'Notes on the psycho-analytic treatment of manic-depressive insanity and allied conditions', in Karl Abraham (1927) *Selected Papers in Psycho-Analysis.* Hogarth, pp. 137–56.

Freud, Sigmund (1917) 'Mourning and melancholia'. *S.E.* 14, pp. 237–60.

Klein, Melanie (1922) 'Inhibitions and difficulties at puberty'. *WMK* 1, pp. 54–8.

Klein, Melanie (1923) 'The role of the school in the libidinal development of the child'. *WMK* 1, pp. 59–76.

Klein, Melanie (1927) 'Criminal tendencies in normal children'. *WMK* 1, pp. 170–85.

Klein, Melanie (1932) *The Psycho-Analysis of Children. WMK* 2.

Самость
Self

После того как Фрейд описал структурную модель психики (Ид, Эго и Супер-Эго), в психоанализе появилась тенденция в большей мере изучать Эго (а не Ид) и то, как Эго относится к своим объектам и использует их. Кляйн подчеркивала значимость отношений с объектами, но она часто пользовалась терминами «самость», «Эго» и «субъект» без особой системы. Термин «Эго» (а также «субъект») использовался в качестве дополнения к термину «объект». В то же время слово «самость», как в дальнейшем утверждала Кляйн, «относится к личности в целом, включающей не только Эго, но и инстинктивную жизнь, которую Фрейд называл "Ид"» (Klein, 1959, p. 249), а Эго — это «организованная часть самости».

Эго-психологию, напротив, больше интересовала роль Эго в структуре, чем инстинктивная жизнь, дающая начало объектам [см. 2. БЕССОЗНАТЕЛЬНАЯ ФАНТАЗИЯ]. Отчетливое различие между «Эго» и «самостью» провел Хартманн (Hartmann, 1950), определив Эго как объективно

описанную психическую организацию, а самость — как репрезентацию, которая катектирована при нарциссизме. «Эго» — это технический термин, придуманный прагматичными английскими переводчиками Фрейда, которые стремились придать психоаналитической науке более объективное звучание; он искажает смысл немецкого слова «ich» («я»), которым пользовался Фрейд и которое обладает гораздо более личностным или субъективным значением (Bettelheim, 1983).

Bettelheim, Bruno (1983) *Freud and Man's Soul.* Hogarth.

Hartmann, Heinz (1950) 'Comments on the psycho-analytic theory of the ego', *Psychoanal. Study Child* 5:74–96.

Klein, Melanie (1959) 'Our adult world and its roots in infancy'. *WMK* 3, pp. 247–63.

Связь Linking

В своей теории шизофрении (Bion, 1959) Бион описывал нападения пациента на свое Эго. Эти атаки представляют собой переживания, которые Кляйн (Klein, 1946) считала последствиями внутреннего действия инстинкта смерти — ощущение распада на куски. В частности, Бион описывал нападение на осознание внутренней реальности [см. 11. ПАРАНОИДНО-ШИЗОИДНАЯ ПОЗИЦИЯ; АННИГИЛЯЦИЯ].

Разорванность (severance). Разорванность мыслей в психике характерна для шизофрении и была описана Розенфельдом (Rosenfeld, 1947) и Сигал (Segal, 1950):

> «Хотя сознание шизофреника многое допускает, мы не должны забывать о необходимости интерпретировать то, что вытесняется. Шизофреники больше других вытесняют связи между различными направлениями мысли. Они зачастую допускают в своем Эго мысли и фантазии, которые невротик бы, вероятно, вытеснил; но с другой стороны, они вытесняют связи между разнообразными фантазиями и между фантазией и реальностью» (Segal, 1950, p. 118).

Шизофреник имеет дело со *связями* между содержаниями психики. Фрейд описывал процесс такого типа, когда интересовался тяжелым обсессивным неврозом:

> «В этом расстройстве, как я уже отмечал, вытеснение достигается посредством не амнезии, но разорванности причинных связей, которая вызывается отведением аффекта. Эти вытесненные связи, по-видимому, сохраняются в некой смутной форме и при помощи процесса проекции переносятся во внешний мир, где указывают на то, что было вычеркнуто из сознания» (Freud, 1909, pp. 231–32).

Насилие. Тогда как Фрейд и Сигал описывали данный процесс в терминах вытеснения, Бион обратил внимание на его насильственный характер:

> «Следует ожидать, что проективная идентификация будет разворачиваться особенно интенсивно против мысли любого типа, обращенной на отношения между объектными впечатлениями, поскольку если эта связь будет разорвана, а лучше — так и не установится, тогда, по крайней мере, будет разрушено сознание реальности, хоть и не сама реальность» (Bion, 1957, p. 50).

В конечном итоге шизофреник оказывается живущим во фрагментированном мире насилия и примитивных идей, которыми не может воспользоваться его психика:

> «Все они теперь подвергаются атакам, пока наконец становится невозможно свести вместе два объекта так, чтобы каждый оставался невредимым со всеми присущими ему качествами, но при этом, путем их соединения, получался бы новый психический объект» (Bion, 1957, p. 50) [см. ПСИХОЗ].

Разрушение этих соединений и сочетаний приводит к тому, что пациент чувствует себя «окруженным мельчайшими связями, которые теперь наполнены жестокостью и жестоко связывают объекты» (Bion, 1957, p. 50) [см. ПРИЧУДЛИВЫЕ ОБЪЕКТЫ]. Бион назвал эти частицы «бета-элементами» [см. БЕТА-ЭЛЕМЕНТЫ]. Такая ситуация полным ходом ведет к тому, что Фрейд назвал «мировой катастрофой» (Freud, 1911, p. 70):

> «Это настоящее бедствие для психической жизни, которая затем уже не устанавливается в нормальном режиме. Вместо мышления, основанного на принципе реальности и символической коммуникации внутри самости и с другими объектами, возникает аномальное расширение Эго удовольствия, сопровождаемое чрезмерным использованием расщепления и проективной идентификации в ее конкретном способе отношения к ненавидимым и ненавидящим объектам. Всемогущество заменяет собой мышление, а всезнание заменяет научение из опыта в катастрофически спутанном, неразвитом и хрупком Эго» (O'Shaughnessy, 1981, p. 183) [см. МЫШЛЕНИЕ].

К представлению о нарциссическом отведении либидо от объектов в реальности, которое Фрейд описал как мировую катастрофу, добавилась идея о всемогущем расщеплении и проекции Эго. На Эго сосредоточивается не только либидинозная любовь [см. НАРЦИССИЗМ], но и агрессия.

Эдипальная связь. На этих наблюдениях Бион построил в итоге формальную теорию (Bion, 1959). Он предположил, что такая соединяющая пару деятельность основана на врожденной предрасположенности к пониманию связи между контейнером и его содержимым, типичный случай которой — сосок в груди или пенис в вагине. Нападение на связь между двумя внутренними психическими объектами — это нападение на внутреннюю родительскую пару [см. КОМБИНИРОВАННАЯ РОДИТЕЛЬСКАЯ ФИГУРА]. Вследствие такой коннотации с эдипальной парой, сочетание двух психических объектов может ощущаться не только как вызывающее зависть, но и как основание внутренней, психической креативности.

Контейнер и контейнируемое. Бион (Bion, 1962) понимает сочетание пениса и вагины или рта и соска как прототип способа соединения объектов, когда один находится внутри другого. Таким образом, помещение переживаний в мысли, а мыслей в слова порождает цепь однородных процессов связывания, смоделированных по образцу физического полового сношения двух телесных органов [см. КОНТЕЙНИРОВАНИЕ]. Опираясь на эту модель, Бион исследовал природу мысли как таковой и описал в качестве ее основания связывание мыслей друг с другом, сопряжение преконцепций (ожиданий) с реализациями [см. МЫШЛЕНИЕ]. Тот тип связей, из которых составляется мышление, обозначается буквой «K», наряду с другими типами связей, «L» и «H», которые представляют собой любовь (loving) и ненависть (hating) к объекту [см. ЭПИСТЕМОФИЛИЯ].

Bion, Wilfred (1957) ‘Differentiation of the psychotic from the non-psychotic personalities’, *Int. J. Psycho-Anal.* 38: 266–75; republished (1967) in W. R. Bion, *Second Thoughts*. Heinemann, pp. 43–64.

Bion, Wilfred (1959) ‘Attacks on linking’, *Int. J. Psycho-Anal.* 40:308-15; republished (1967) in *Second Thoughts,* pp. 93–109.

Bion, Wilfred (1962) *Learning from Experience*. Heinemann.

Freud, Sigmund (1909) ‘Notes upon a case of obsessional neurosis’. *S.E.* 10, pp. 153–320.

Freud, Sigmund (1911) ‘Psycho-analytic notes on an autobiographical account of a case of paranoia’. *S.E.* 12, pp. 3–82.

Klein, Melanie (1946) ‘Notes on some schizoid mechanisms’. *WMK* 3, pp. 1–240.

O’Shaughnessy, Edna (1981) ‘A commemorative essay on W. R. Bion’s theory of thinking’, *Journal of Child Psychotherapy* 7:181–92.

Rosenfeld, Herbert (1947) ‘Analysis of a schizophrenic state with depersonalization’, *Int. J. Psycho-Anal.* 28:130–9; republished (1965) in Herbert Rosenfeld, *Psychotic States*. Hogarth, pp. 13–33.

Segal, Hanna (1950) ‘Some aspects of an analysis of a schizophrenic’, in (1981) *The Work of Hanna Segal*. New York: Jason Aronson, pp. 101-20; previously published *Int. J. Psycho-Anal.* 31:268–78.

Сетка Grid

См. БИОН

Ханна Сигал Hanna Segal

Биография. Сигал родилась в Польше, в Британии получила медицинское образование, а затем и профессию психоаналитика и стала особенно влиятельным участником поздней Кляйнианской группы. Считается, что она первой провела анализ госпитализированного шизофреника, практически не внося изменений в стандартную психоаналитическую технику. Она много занималась организацией и укреплением Кляйнианской группы после смерти Кляйн и стремилась распространить кляйнианские идеи за пределы Кляйнианской группы и за пределы самого психоанализа.

НАУЧНЫЕ ДОСТИЖЕНИЯ. Сигал стала одной из первых (наряду со Скоттом, Розенфельдом и Бионом), кто практиковал психоанализ шизофреников в 1940-х и 1950-х годах. Особенно ее занимало нарушение образования символов у шизофреников (Segal, 1950) [см. СИМВОЛИЧЕСКОЕ РАВЕНСТВО], но ее исходные наблюдения оставались непроясненными до публикации в 1957 году одной важной работы. В ней Сигал показала, что способность использовать символы означает конструирование отношения между символом и символизируемым (по существу, частью тела), которое позволяет их разграничить. Она противопоставила этому *символическое равенство*, когда символ и символизируемое не различаются. Приравнивание символов тому, на что они указывают, существенно влияет на мышление и поведение, поскольку нарушает способность распознавать реальность. Символическое равенство — следствие использования патологической проективной идентификации, из-за которой объекты оказываются спутанными с частями самости. Нарушенное образование символов, патологическая проективная идентификация и поврежденное чувство реальности — все это характерные черты параноидно-шизоидной позиции. Соответствующие статьи Сигал (Segal, 1950, 1957) подтвердили рабочую гипотезу Кляйн о том, что точки фиксации при психозах находятся на параноидно-шизоидной позиции.

Изучение формирования символов оказалось связанным с изучением области эстетики (Segal, 1952). Сигал стала удачно различать параноидно-шизоидную и депрессивную позиции [см. ОБРАЗОВАНИЕ СИМВОЛОВ]. Художественное творчество требует относительно стабильного достижения депрессивной позиции, обеспечивающей мобилизацию влечения к репарации для созидательной деятельности. Этот подход был с энтузиазмом подхвачен и развит искусствоведом Адрианом Стоуксом (Stokes, 1963). Позднее Сигал написала ряд статей о различных аспектах творчества (Segal, 1974, 1977, 1981, 1984).

Сигал создала несколько исчерпывающих обзоров подхода Кляйн (Segal, 1964, 1979). В последние годы она интересуется темой ядерных вооружений и открыто обсуждает ее (Segal, 1987).

Segal, Hanna (1950) 'Some aspects of the analysis of a schizophrenic', *Int. J. Psycho-Anal* 31:268–78; republished (1981) in Hanna Segal, *The Work of Hanna Segal*. New York: Jason Aronson, pp. 101–20.

Segal, Hanna (1952) 'A psycho-analytic approach to aesthetics', *Int.J. Psycho-Anal.* 33:196–207; republished (1955) in Melanie Klein, Paula Heimann and Roger Money-Kyrle, eds *New Directions in Psycho-Analysis*. Hogarth, pp. 384–405; and (1981) in *The Work of Hanna Segal,* pp. 185–206.

Segal, Hanna (1957) 'Notes on symbol formation', *Int.J. Psycho-Anal.* 38:391–7; republished (1981) in *The Work of Hanna Segal,* pp. 49–65.

Segal, Hanna (1964) *Introduction to the Work ofMelanie Klein*. Heinemann; republished (1973) Hogarth.

Segal, Hanna (1974) 'Delusion and artistic creativity', *Int. J. Psycho-Anal.* 1:135–41; republished (1981) in *The Work ofHanna Segal,* pp. 207–16.

Segal, Hanna (1977) 'Psycho-analysis and freedom of thought'. H. K. Lewis; republished (1981) in *The Work ofHanna Segal,* pp. 217–27.

Segal, Hanna (1979) *Klein*. Fontana.

Segal, Hanna (1981) 'Manic reparation', in *The Work ofHanna Segal,* pp. 147–58.

Segal, Hanna (1984) 'Joseph Conrad and the mid-life crisis', *Int. Rev. Psycho-Anal.* 11:3–9.

Segal, Hanna (1987) 'Silence is the real crime', *Int. Rev. Psycho-Anal.* 14:3–12.

Stokes, Adrian (1963) *Painting and the Inner World*. Tavistock.

Символическое равенство
Symbolic equation

Джонс (Jones, 1916) и другие авторы (Ferenczi, 1912; Milner, 1953) выделили особую форму символизма [см. ОБРАЗОВАНИЕ СИМВОЛОВ], когда приравнивание символа к символизируемой вещи приводит к такому обращению с символом, как если бы он действительно был этой вещью. Живой пример приводит Сигал (Segal, 1950). Для одного ее пациента, страдавшего шизофренией,

> «не существовало различия между символом и символизируемой вещью. /.../ Он краснел, заикался, хихикал и извинялся вслед за тем, как принес парусиновый стул. Он вел себя так, как если бы действительно предложил мне фекальный стул. Это не было просто символическим выражением желания принести мне свой стул. Он чувствовал, что действительно его мне предложил» (Segal, 1950, p. 104).

> «Образовавшись, символ, тем не менее, не функционировал как символ, но стал во всех отношениях эквивалентным объекту» (p. 104).

Позже Сигал (Segal, 1957) привела изящные клинические примеры в качестве иллюстрации *символической репрезентации,* при которой символ замещает оригинал, но без потери действительных отличий символа от вещи, и *символического равенства*, при котором символ не отличается от символизируемого и безобидный объект считается символизируемой вещью:

> «Однажды врач спросил пациента А., /.../ почему он прекратил играть на скрипке, когда заболел. Тот ответил с долей негодования: “Почему? Вы думаете, что я буду мастурбировать прилюдно?” Другой пациент, В., однажды увидел во сне, что вместе с юной девушкой играет скрипичный дуэт. У него появились ассоциации с манипуляциями (fiddling — также «игра на скрипке».— *Примеч. пер.*), мастурбацией и т. д., из которых стало очевидно, что скрипка представляет его гениталии, а игра на скрипке представляет мастурбационную фантазию отношений с девушкой. Эти два пациента явно используют одни и те же символы в одной и той же ситуации: скрипка, представляющая мужские гениталии, и игра на скрипке, представляющая мастурбацию. Однако способы функционирования символов весьма различны. Для А. скрипка оказалась настолько эквивалентной его гениталиям, что прилюдное прикосновение к ней стало невозможным» (Segal, 1957, p. 49–50).

Пациент А. приравнивал объект к символизируемой вещи, и это было частью привычного нарушения его реальности, возникающего вследствие использования конкретной, патологической формы проективной идентификации [см. 13. ПРОЕКТИВНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ]. В результате символ утрачивал отличие от оригинала и притягивал те же самые конфликты и запреты, что и последний.

Сигал, как Кляйн и Ференци, признавала место идентификации в процессе образования символа. Когда становится невозможным провести различие между символизируемой вещью и символом, это

> «является частью нарушения отношения между Эго и объектом. Части Эго и внутренние объекты проецируются во [внешний] объект и идентифицируются с ним. Различение между самостью и объектом теряет отчетливость. Поскольку часть Эго затем путается с объектом, символ — который является порождением и функцией Эго — оказывается, в свою очередь, спутанным с символизируемым объектом» (Segal, 1957, p. 53).

Термин *«символическое равенство»* возникает из представления о защитном слиянии самости и объекта и объекта и символа — слиянии, вызванном патологической проективной идентификацией.

СИМВОЛЫ НА ДЕПРЕССИВНОЙ ПОЗИЦИИ. По мере того как депрессивная позиция сменяет параноидно-шизоидную, объекты становятся целостными объектами, более реалистично осознается их сущность. Таким образом, объект все более отличается от Эго, и прогрессирует различение внутреннего и внешнего миров, а также объектов. Это ведет к любопытному двойственному качеству символов, когда они распознаются в совокупности собственных свойств, но *в то же время* воспринимаются представляющими некий другой объект с совершенно другими свойствами и отличительными признаками.

Наиболее значимыми шагами в подобном движении к распознаванию отдельного существования символов являются:

(i) отказ от всемогущих форм идентификации, которые отрицают отдельность;

(ii) последующая скорбь об исчезнувших объектах, результатом чего должна стать переносимость их репрезентаций;

(iii) растущее понимание внутренней реальности и внешней реальности и действительной идентичности объектов.

Таким образом, появляется возможность отличать *репрезентирующий* нечто объект от объекта, с которым всемогущим образом установлена *идентификация*.

Интернализация таких подлинных символов, отмечала Сигал, — замечательная ценность депрессивной позиции, поскольку они способствуют воссозданию поврежденного внутреннего объекта и потому находятся в ключевом отношении к репарации, помогая восстановлению внутреннего мира, который в ходе депрессивной позиции радикально трансформируется во внутренний мир символов, а также вербального мышления и отношений. Теперь мы знаем, что на зрелый внутренний мир сильно влияет структура языка.

Символическое равенство и контейнирование. В 1978 году Сигал ясно показала, каким образом подлинные символы и символическое равенство соотносятся соответственно с нормальной и патологической проективной идентификацией, а также с успешным и несостоявшимся контейнированием: «символическое равенство используется в целях отрицания обособленности субъекта и объекта друг от друга. [В то время как подлинный] символ используется в целях преодоления *признанной* утраты» (Segal, 1978, p. 316). Защитная (патологическая) проективная идентификация используется в такой степени, что самость сплавляется с объектом, с последую-

щим приравниванием символа к символизируемому объекту (символическое равенство).

Сигал продолжала исследовать, как это затрагивает развитие вербальных символов:

> «Вербализацию можно рассматривать через призму отношения между контейнером и контейнируемым. В отличие от других форм символизма, речи нужно научиться. Ребенок начинает освоение речи со звукоподражания, но, чтобы превратиться в речь, звукоподражание должно быть воспринято окружающими, и затем от них же [младенцу] предстоит научиться словам. Младенец испытал переживание, а мать предлагает слово или фразу, соответствующие этому переживанию. Эта фраза контейнирует, охватывает и выражает значение. Младенец затем может интернализовать это слово или фразу, контейнирующую значение» (Segal, 1978, p. 318).

Таким образом, вербальное контейнирование, которому научаются от социального окружения (матери), требует проецирования в него же ситуации, подлежащей символизации [см. ОБРАЗОВАНИЕ СИМВОЛОВ].

Патологическая проективная идентификация в мать сплавляет младенца с нею, и ее ответы (протестные действия, звуки и т. д.) будут ре-интернализоваться как враждебные объекты, приравненные самой ситуации. Сигал сообщает об одной пациентке: «Нечто странное происходило с моими интерпретациями. Они могли становиться болью в ее животе или сексуальным возбуждением» (Segal, 1978, p. 318). Сбой контейнирующей функции матери лишил переживание значения, и переживание было сведено к телесному ощущению.

Психодинамически ситуация состоит в том, что отношение между символом и символизируемым объектом крайне насильственно, и это разрушает их раздельность и значение, заложенное в символе. Для пациента Сигал игра на скрипке была сведена к мастурбационному телесному ощущению, в котором сообщающее нечто звучание скрипки, значение этой музыки, были насильственно стерты, чтобы ликвидировать границу между Эго и внимающим музыке окружающим миром.

ПАЛЕОЛОГИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ. Такое отношение между конкретной репрезентацией и проективной идентификацией подверг сомнению Майснер (Meissner, 1980):

> «Данный пример [в работе Сигал (Segal, 1957) — пример пениса, *приравненного* к скрипке, поскольку можно играть и с пенисом, и на скрипке] может представлять собой случай проективной идентификации постольку, поскольку спроецированная часть (пенис) идентифицирована с объектом (скрипкой); но не обязательно все

> обстоит именно так. Может быть, мы просто имеем дело со случаем того, что Ариети (Arieti, 1974) описал как форму палеологического мышления, логику предикатов, следующую принципу фон Домаруса. Другими словами, пенис и скрипка приравнены друг другу лишь потому, что они имеют общий атрибут, а именно потому, что и с пенисом, и на скрипке можно играть. Следовательно, можно усомниться в том, что каждый пример символического равенства можно считать (если нет доказательств обратного) признаком проективной идентификации» (p. 60).

Это интересное замечание.

Фон Домарус (Von Domarus, 1944) описал шизофреническую логику как доаристотелевскую, при которой два субъекта с одинаковым предикатом расцениваются как идентичные: люди умирают, трава умирает, значит, люди — трава. Это отличается от нормально образуемых силлогизмов, описанных Аристотелем: живые организмы умирают, люди являются живыми организмами, значит, люди умирают.

Идентификация, проистекающая из так называемой палеологической (доаристотелевской) формы логики, очевидно, преобладает у шизофреников. Но доводы Майснера не вполне уместны, так как Сигал описывает *психодинамическое производство* данной формы мышления, а Майснер занят *формальной структурой* палеологического мышления. Как говорит Ариети, «принцип фон Домаруса и другие палеологические законы, которые будут указаны, не объясняют эти явления в их динамике, но только формально» (Arieti, 1974, p. 235). Утверждение Майснера, что проективная идентификация может не всегда быть психодинамическим объяснением ситуации, — просто софизм, поскольку он не приводит альтернативных случаев.

При обычных обстоятельствах принятая гипотеза считается верной, пока не находится ее опровержение.

Критика Майснера сталкивается еще с одним затруднением. Ариети, рассматривая такую примитивную разновидность логики, сравнивает ее с так называемым примитивным мышлением детей и первобытных культур и полагается на мнение антрополога Хайнца Вернера (Werner, 1940): «развитая форма мышления, характерная для западной цивилизации, является лишь одной формой среди многих, и /…/ более примитивным формам не так уж недостает логики, но они основываются на логике другого рода» (Werner, 1940, p. 15). Это не превращает всех представителей первобытных культур в шизофреников. Данный аргумент построен на стереотипных представлениях о «первобытных». Многие антропологи более позднего времени отмечают интересные формы логики в не-западных культурах (Radcliffe-Brown, 1952; Levi-Strauss, 1966), не считая эти культуры сообществами психотических личностей. Дело в том, что палеологическое мышление (подобно так называемому современному мышлению) само по себе

может быть двух типов: (a) шизофреническим или бредовым, (b) непсихотическим и мифическим; поэтому не лишено оснований утверждение, что бредовый тип мышления предполагает именно действие патологической проективной идентификации, как об этом и пишет Сигал.

Arieti, Silvano (1974) *Interpretation of Schizophrenia*. New York: Basic.

Ferenczi, Sander (1912) 'Symbolism', *Imago* 1:276–84.

Jones, Ernest (1916) 'The theory of symbolism', *British Journal of Psychology* 9:181–229.

Klein, Melanie (1930) 'The importance of symbol-formation in the development of the ego'. *WMK* 1, pp. 219–32.

Levi-Strauss, Claude (1966) *The Savage Mind*. Weidenfeld & Nicolson.

Meissner, W. W. (1980) 'A note on projective identification', *J. Amer. Psychoanal. Assn.* 28:43–68.

Milner, Marion (1953) 'The role of illusion in symbol-formation', *Int. J. Psycho-Anal.* 34:181–95; republished (1955) in Melanie Klein, Paula Heimann and Roger Money-Kyrle, eds *New Directions in Psycho-Analysis*.Tavistock, pp. 82–108.

Radcliffe-Brown, A.R. (1952) *Structure and Function in Primitive Society.* Cohen & West.

Segal, Hanna (1950) 'Some aspects of the analysis of a schizophrenic', *Int. J. Psycho-Anal.* 31:268–78; republished (1981) in *The Work of Hanna Segal.* New York: Jason Aronson, pp. 101–20

Segal, Hanna (1957) 'Notes on symbol formation", *Int.J. Psycho-Anal.* 38:391–7; republished (1981) in *The Work of Hanna Segal,* pp. 49–65.

Segal, Hanna (1978) 'On symbolism', *Int. J. Psycho-Anal.* 59:315–19.

Von Domarus, E. (1944) 'The specific laws of logic in schizophrenia', in Jacob Kasanin, ed. *Language and Thought in Schizophrenia*. Berkeley: University of California Press, pp. 104–14.

Werner, Heinz (1940) *Comparative Psychology of Mental Development.* New York: International Universities Press.

Симптом Symptom

Кляйн больше всего интересовала тревога, и, когда Фрейд написал работу «Торможения, симптомы и тревога» (Freud, 1926), она почувствовала, что верно выбрала среди других симптомов данный феномен как более непосредственно связанный с инстинктами человека. Кляйн анализировала своих пациентов и описывала свои находки в терминах объектных отношений Эго, которое борется и пытается справиться с тревогой. Поэтому другие симптомы отходят на второй план и интерпретируются в терминах объектных отношений [см. ТРЕВОГА].

Решающий момент наступил в 1925 году, когда Кляйн вступила в противоречие и с Ференци, и с Абрахамом в вопросе о природе такого симптома, как тик. Они считали тик первичным нарциссическим феноменом (Ferenczi, 1921; Abraham, 1921), а Кляйн спорила с ними, утверждая, что в основе тика лежат объектные отношения [см. МАСТУРБАЦИОННЫЕ ФАНТАЗИИ].

Когда Кляйн рассматривала симптомы, она обычно сосредоточивалась почти исключительно на тревоге. Она считала, что симптомы символизируют лежащие в их основании объектные отношения, которые тревогу вызывают, а интерпретация требует «раскрытия объектных отношений, на которых она основана» (Klein, 1925, p. 121). Соответственно, конкретный способ формирования симптома был менее интересен, чем его скрытое значение. Так и в психоаналитической практике интерпретировать следует латентное содержание сновидения, а не его результирующие символы.

Конверсионные симптомы, ипохондрия и психосоматическое заболевание. Ривьер (Riviere, 1952) и Хайманн (Heimann, 1952) рассматривали определенные телесные симптомы в контексте нарциссизма. Взаимоотношение с внутренним объектом может достигать уровня бреда, когда индивид выдумывает причудливые идеи относительно своего тела, основанные на бессознательных фантазиях о находящемся внутри злонамеренном объекте. Подобное развитие основывается на идентификации части тела с интроецированным «плохим» преследующим объектом. Мельтцер (Meltzer, 1987), различая психосоматическую болезнь (когда происходят реальные патологические изменения в самом теле) и два других состояния (ипохондрию и конверсионные симптомы), предположил (следуя Биону) существование связи между определенными психическими феноменами (накоплением непереработанных чувственных данных) и телесной патологией. Расстройство, считал он, происходит на уровне перевода телесного инстинкта в психическое представление, когда альфа-функция не срабатывает [см. АЛЬФА-ФУНКЦИЯ].

Abraham, Karl (1921) ‘Contribution to a discussion on tic’, in Karl Abraham (1927) *Selected Papers on Psycho-Analysis.* Hogarth.

Ferenczi, Sandor (1921) ‘Psycho-analytic observations on tic’, in *Further Contributions to the Theory and Technique of Psycho-Analysis.* Hogarth.

Freud, Sigmund (1926) *Inhibitions, Symptoms and Anxiety. S.E.* 20, pp. 77–175.

Heimann, Paula (1952) ‘Certain functions of introjection and projection in early infancy’, in Melanie Klein, Paula Heimann, Susan Isaacs and Joan Riviere, eds (1952) *Developments in Psycho-Analysis.* Hogarth, pp. 128–68.

Klein, Melanie (1925) ‘A contribution to the psychogenesis of tics’. *WMK* 1, pp. 106–27.

Meltzer, Donald (1987) *Studies in Extended Metapsychology.* Perth: Clunie.

Riviere, Joan (1952) ‘General introduction’, in Melanie Klein, Paula Heimann, Susan Isaacs and Joan Riviere, eds (1952) *Developments in Psycho-Analysis.* Hogarth, pp. 1–36.

Скорбь Mourning

См. 10. ДЕПРЕССИВНАЯ ПОЗИЦИЯ; УТРАТА

Сновидения
Dreams

В ходе развития понятия бессознательной фантазии неявным образом происходило переосмысление природы сновидений. В классической теории Фрейда сновидения рассматриваются как деятельность охваченной беспокойством души. Чтобы поддерживать состояние сна, спящий конструирует, в замаскированной форме, воображаемое решение доставляющего беспокойство конфликта. Таким образом, сновидения представляют собой исполнение желаний. Однако *тревожные сны*, которые пробуждают спящего, видимо, являются сбоем этого процесса, наступающим вследствие слишком интенсивного беспокойства.

Кляйнианское представление о *бессознательной фантазии* как вездесущем основании всех психических процессов позволяет по-новому взглянуть на природу сновидений. Кажется достаточно очевидным, что сновидение — это выражение (в замаскированной форме) бессознательной фантазии, а также защит от ее восприятия сознанием. С этой точки зрения, тревожные сны не выглядят большой проблемой для психоаналитической теории. Итак, сновидение представляет собой бессознательную фантазию объектных отношений, вызванную активными в данный момент импульсами (хорошими или плохими).

Мельтцер (Meltzer, 1983) считал сновидения и бессознательную фантазию синонимами и полагал, что сознательная жизнь, бодрствование — это проявление содержания сновидения. В этом он следовал Биону (Bion, 1962), который считал мысли сновидения первым психическим продуктом всего опыта, что выводится из необработанных чувственных данных в результате действия альфа-функции [см. АЛЬФА-ФУНКЦИЯ]. В этом смысле сновидения — это внутреннее пространство, «в котором порождается значение» (Meltzer, 1981, p. 178).

Bion, Wilfred (1962) *Learning from Experience*. Heinemann.

Meltzer, Donald (1981) 'The Kleinian expansion of Freudian meta-psychology', *Int. J. Psycho-Anal.* 62:177–85.

Meltzer, Donald (1983) *Dream-Life*. Perth: Clunie

Сопротивление
Resistance

Кляйн описывала сопротивление в анализе как манифестацию негативного переноса. В классическом же психоанализе сопротивление рассматривалось как вытеснение либидо. Это решающее расхождение во взглядах приводит к совершенно различным типам интерпретаций и представлениям о терапевтической эффективности. С точки зрения Кляйн, сопротивление проявляется как уклонение от отношений с нею или же уклонение от игры с игрушками:

«На опыте я убедилась, что если истолковываю неприязнь прежде всего как тревогу и как негативные переносные чувства и интерпретирую ее в этом духе в связи с материалом ребенка, а затем прослеживаю ее обратно к исходному объекту — матери, я тут же наблюдаю ослабление тревоги. Это проявляется в развитии более позитивного переноса и вместе с тем — более энергичной игры. /.../ Разрешая определенную часть негативного переноса, мы получаем, как и со взрослыми, увеличение позитивного переноса, и это, вследствие амбивалентности в детском возрасте, вскоре приводит к повторному возникновению негатива» (Klein, 1927, pp. 145–146).

Подобные интерпретации шли «вразрез с обычной практикой» (Klein, 1955, p. 124), и Кляйн вела дискуссию с Анной Фрейд о том, как поступать с сопротивлением и негативным переносом [см. ДЕТСКИЙ АНАЛИЗ].

Кляйн подробно исследовала торможения и поняла, сколь сильно влияние агрессивных чувств на развитие символизации и потому — на интеллектуальное функционирование в целом [см. ОБРАЗОВАНИЕ СИМВОЛОВ]. Когда Кляйн выяснила, что происходит персонификация внутренних объектов, и в конечном итоге — частей Эго [см. 13. ПРОЕКТИВНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ], она поняла, что имеет дело с типом защищенности, свойственным психотикам. Психотическое сопротивление — это нападение на способность психики мыслить и познавать (эпистемофилический инстинкт), которое Бион (Bion, 1959) называл «нападением на связь» [см. СВЯЗЬ; ЭПИСТЕМОФИЛИЯ].

Сопротивление, приравненное к негативному переносу, рассматривалось в качестве клинических манифестаций инстинкта смерти [см. 3. АГРЕССИЯ]. Эта концепция оказалась более-менее соединенной с представлением о негативной терапевтической реакции [см. НЕГАТИВНАЯ ТЕРАПЕВТИЧЕСКАЯ РЕАКЦИЯ].

Bion, Wilfred (1959) 'Attacks on linking', *Int.J. Psycho-Anal.* 30:308–15; republished (1967) in W.R. Bion, *Second Thoughts*. Heinemann, pp. 110–19.

Klein, Melanie (1923) 'The role of the school in the libidinal development of the child'. *WMK* 1, pp. 59–76.

Klein, Melanie (1927) 'Symposium on child analysis'. *WMK* 1, pp. 139–69.

Klein, Melanie (1955) 'The psycho-analytic play technique: its history and significance'. *WMK* 1, pp. 122–40.

Состояния спутанности
Confusional states

Состояния спутанности типичны для пациентов, страдающих от шизофрении; происхождение этих состоя-

ний описано Розенфельдом (Rosenfeld, 1965). Он показал, что может наблюдаться первичная *спутанность инстинктов*, чреватая прискорбными последствиями. Если инстинкт смерти преобладает над либидо, хороший объект возбуждает ненависть и уничтожается как бы по ошибке, что ведет к выраженному ощущению небезопасности и неспособности упорядочить внутренние состояния и импульсы. Эта спутанность инстинктов жизни и смерти — пагубный результат действия *зависти*, когда хороший объект ненавидят за то, что он хороший [см. 12. ЗАВИСТЬ].

Спутанность самости и объекта. Розенфельд описывал различные формы спутанности, которые образуют защиты от зависти; эту сложную ситуацию приходится разбирать в психоанализе больных шизофренией. Эго оказывается спутанным с объектами в результате действия всемогущих форм проекции и интроекции, направленных на отрицание отдельности и зависимости [см. НАРЦИССИЗМ]. В частности, значительные части самости помещаются в объект посредством массивного и насильственного функционирования механизма проективной идентификации.

Одна из форм слияния самости с внешним миром может достигаться в некоторых аутистических состояниях бегства в сосредоточенность исключительно на телесных ощущениях [см. АУТИЗМ].

Этот тип спутанности самости и объекта вторичен и служит целям защиты. Он отличается от первичного состояния слияния и регрессивной спутанности, которые описывают эго-психологи (см., например, Mahler *et al.*, 1975) в соответствии с ортодоксальной теорией первичного нарциссизма [см. НАРЦИССИЗМ]. *Первичный нарциссизм* — совершенно другая теоретическая конструкция, построенная на том, что не существует первичного переживания «я» и «не-я», врожденной границы Эго, и потому Эго нет с самого начала жизни. Кляйнианцы не признают такого подхода и считают, что Эго, эго-функции и граница Эго существуют и действуют с самого рождения. Поэтому для них спутанность Эго и объекта вторична и является результатом действия всемогущих примитивных защитных механизмов.

Mahler, Margaret, Pine, Fred and Bergman, Anni (1975) *The Psychological Birth of the Human Infant,* Hutchinson.

Rosenfeld, Herbert (1965) *Psychotic Slates.* Hogarth.

Социальные защитные системы
Social defence systems

В 1940-х годах, в ходе мобилизации британского общества перед лицом войны, возник значительный интерес к социальной психологии. Некоторые

аналитики заинтересовались тем, как проявляют себя открытые психоанализом феномены в поле социальной психологии. В их числе Бион, Бриджер, Фоулкс, Мейн и Рикман.

После войны развитие их идей привело к созданию *группового анализа* (Pines, 1983, 1985), подхода *терапевтического сообщества* (Main, 1946, 1977) и школы *исследований организаций*, базирующейся в Тэвистокской клинике (позднее — Тэвистокском институте) (Rice, 1963, 1965).

Проблема социальной психологии, основанной на понятиях психологии индивидуальной, обычно состоит в том, что социальная группа воспринимается как некий индивид. Например, в ранней модели Фрейда (Freud, 1913) общество понимается как объединение (aggregate) индивидов, некий сверх-индивид, сцепленный воедино фантазиями, типичными для индивидов; однако позднее Фрейд (Freud, 1921) стал видеть объединяющие связи (aggregating bonds) в индивидуальной психологии, которые дают начало социальным феноменам (Gabriel, 1983). Джейкс (Jaques, 1953) подхватил представления Фрейда об объединяющих связях: «одним из первичных элементов, которые связывают индивидов в институциализованные объединения, является защита от психотической тревоги» (Jaques, 1953, p. 4). Он показал, как это происходит на основании идентификаций интроективного и проективного типов:

> «Индивиды могут помещать свои внутренние конфликты в тех, кто находится во внешнем мире, могут бессознательно следовать течению конфликта с помощью проективной идентификации и могут ре-интернализовать ход и итог этого конфликта, воспринимаемого как внешний, с помощью идентификации интроективной» (Jaques, 1953, p. 21).

Труды Элиота Джейкса были очень важны для развития Тэвистокского института, так же, как труды Биона [см. БАЗОВЫЕ ДОПУЩЕНИЯ] и Изабель Мензиес. Эти авторы опирались на идеи Кляйн (Klein, 1946) о примитивных защитных механизмах проекции и интроекции в их связи с идентификацией.

Коллективные защиты. Джейкс (Jaques, 1953) описывал, каким образом индивиды могут использовать общественные институты для поддержки собственных психических защит, так что эти институциональные методы оказываются коллективными формами защиты, которую Джейкс назвал *социальной защитной системой*. Эти формы инкорпорируются в обыденную жизнь данного института. Таким образом, общественные институты обладают субкультурой, бессознательной в истинно фрейдовском смысле, которая решающим образом определяет, как данный институт выполняет свою функцию и насколько эффективно индивиды добиваются своих осознаваемых целей.

Мензиес (Menzies, 1960) применила представление о социальной защитной системе в «психоанализе» больничной системы и показала, как определенные механизмы были закреплены в процедурах ухода за пациентами, принятых в данной больнице (*защитных техниках*), которые должен был освоить каждый новый работник. Эти механизмы, защищающие от тревог в ходе работы, зачастую подрывают терапевтические задачи института, в данном случае — уход за пациентами. Идея коллективной защищенности оказалась плодотворным приложением кляйнианского подхода (Rice, 1963; Miller and Gwynne, 1973; de Board, 1979; Hinshelwood, 1987; Menzies Lyth, 1988, 1989). «Социальная защитная система» — это важное понятие, описывающее внедрение индивидуального бессознательного, бессознательной фантазии и защитных механизмов в социальные процессы без редуцирования этих процессов к индивидуальной психологии.

de Board, Robert (1979) *The Psycho-Analysis of Organizations*. Tavistock.

Freud, Sigmund (1913) *Totem and Taboo*. *S.E.* 13, pp. 1–162.

Freud, Sigmund (1921) *Group Psychology and the Analysis of the Ego*. *S.E.* 18, pp. 67–143.

Gabriel, Yannis (1983) *Freud and Society*. Routledge & Kegan Paul.

Hinshelwood, R.D. (1987) *What Happens in Groups*. Free Association Books.

Jaques, Elliott (1953) 'On the dynamics of social structure', *Human Relations* 6:3–23; republished (1955) as 'Social systems as a defence against persecutory and depressive anxiety', in Melanie Klein, Paula Heimann and Roger Money-Kyrle, eds *New Directions in Psycho-Analysis*. Tavistock, pp. 478–98.

Main, Thomas (1946) 'The hospital as a therapeutic institution', *Bulletin of the Menninger Clinic* 19:66–70.

Main, Thomas (1977) 'The concept of the therapeutic community: variations and vicissitudes', *Group-Analysis 10, Supplement;* republished (1983) in Malcolm Pines, ed. *The Evolution of Group-Analysis*. Routledge & Kegan Paul, pp. 197–217.

Menzies (Lyth), Isabel (1960) 'The functioning of a social system as a defence against anxiety', *Human Relations* 13:95–121; republished (1970) as Tavistock Pamphlet No. 3. Tavistock Institute of Human Relations.

Menzies (Lyth), Isabel (1988) *Containing Anxiety in Institutions*. Free Association Books.

Menzies (Lyth), Isabel (1989) *The Dynamics of the Social*. Free Association Books.

Miller, E. and Gwynne, G.V. (1973) *A Life Apart*. Tavistock.

Pines, Malcolm (1983) *The Evaluation of Group-Analysis*. Routledge & Kegan Paul.

Pines, Malcolm (1985) *Bion and Group Psychotherapy*. Routledge & Kegan Paul.

Rice, A. K. (1963) *The Enterprise and its Environment*. Tavistock.

Rice, A. K. (1965) *Learning for Leadership*. Tavistock.

Структура
Structure

Фрейд разработал несколько моделей структуры психики, из них наиболее важны две: (i) топографическая модель, включающая в себя бессознательное, предсознательное и сознание; (ii) структурная модель, вклю-

чающая в себя Ид, Эго и Супер-Эго. После создания Фрейдом структурной модели (Freud, 1923) эго-психологи сосредоточились на структуре защитных (Anna Freud, 1936) и адаптационных (Hartmann, 1939) механизмов Эго.

Кляйнианская структурная модель. В противоположность эго-психологам, Кляйн меньше использовала фрейдовскую структурную модель: Эго, Ид и Супер-Эго. Представление Кляйн о нормальной структуре личности касается популяции внутренних объектов, что слабо соотносится с отношениями между Эго и Супер-Эго, которые рассматривал Фрейд. Хайманн (Heimann, 1942, 1952) начала исследовать процесс структурирования этого внутреннего мира, отмечая степень ассимиляции — или недостаточной ассимиляции — объектов в Эго [см. АССИМИЛЯЦИЯ]. В норме личность имеет текучую структуру, в которой самость (Эго) вступает в отношение со своими внутренними объектами, идентифицируясь с ними на какое-то время как с наиболее подходящими в данный момент к реальным внешним обстоятельствам.

В 1946 году Кляйн обратила внимание на то, как структура Эго затронута расщеплением. Она может соответствовать разделению на объекты, с которыми происходит идентификация, а может быть другой разновидностью — расщепления и рассеивания во внешний мир через проективную идентификацию во внешние объекты.

Структура на параноидно-шизоидной и депрессивной позициях. На параноидно-шизоидной позиции внутренний мир (объекты и Эго) расщеплен и может быть фрагментированным, и Эго занято тем, что добивается интеграции как различных частичных объектов, так и частей самости.

С переходом на депрессивную позицию структура личности радикально меняется в сторону большей интегрированности, и хороший объект становится сердцевиной Эго. Этот хороший объект может оказаться поврежденным или мертвым, и он связан с полезными или вредными объектами во внутреннем и внешнем мирах. Такая более интегрированная структура (меньше зависящая от распространения внутреннего мира во внешние объекты, как это бывает на параноидно-шизоидной позиции) формирует более связную границу Эго и более реалистическое и потому более стабильное чувство идентичности и понимание содержания самости.

Мельтцер (Meltzer, 1973) описывал развитие структуры психики в ее движении от параноидно-шизоидной к депрессивной позиции в контексте возрастающего использования интроекции и установления *комбинированных родителей* как пары в сердцевине внутреннего мира [см. КОМБИНИРОВАННАЯ РОДИТЕЛЬСКАЯ ФИГУРА].

Внутренняя организация. Развитие личности стремится достичь вполне стабильных констелляций специфических объектных отношений, воплощающих импульсы, тревоги и защиты, типичные для личности.

В последние годы психоаналитики-кляйнианцы заинтересовались внутренней организацией аспектов инстинкта смерти (Segal, 1972; O'Shaughnessy, 1981; Riesenberg-Malcolm, 1981; Steiner, 1982; Brenman, 1985). Есть категории пациентов, состояние которых обычно обозначается как пограничное, особенно отчетливо демонстрирующие стабильные организации импульсов инстинкта смерти и защит от них [см. ПАТОЛОГИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ].

Плохая самость. Эти разработки стали результатом признания того, что Эго способно к организации *плохой самости*, наделенной импульсами инстинкта смерти в особенно больших количествах, и она может добиваться господства над «хорошей самостью» с помощью запугивания или соблазнения.

Мельтцер (Meltzer, 1968) описывал внутреннее соблазнение хорошей части самости, уводящее от признания внешней реальности в «сладострастное отчаяние». Это соблазнение исходит от плохой части самости, идеализирующей насилие. Затем Мани-Кёрл (Money-Kyrle, 1969) и Розенфельд (Rosenfeld, 1971) клинически подробно описали такую внутреннюю «мафиозную банду», запугивающую хорошие части личности настолько, что субъект идентифицируется с торжествующим насилием. Хорошие части личности, способные выдерживать зависимость и благодарность, любить и прощать, оказываются в заключении или начинают скрываться и зачастую исчезают из виду. Такой захват личности всемогущей нарциссической организацией, с точки зрения Розенфельда, типичен для пограничных и откровенно психотических случаев (Rosenfeld, 1987) [см. НАРЦИССИЗМ].

Спиллиус (Spillius, 1983) связала эту ситуацию с представлением Биона (Bion, 1959) об отторгающем проективную идентификацию объекте [см. КОНТЕЙНИРОВАНИЕ]. Бион описал инфантильные переживания, когда младенец, наполняемый интенсивной тревогой, пытается общаться с матерью посредством проективной идентификации. Часть материнской функции составляет принятие и контейнирование подобного смятения — душевное состояние, которое Бион назвал мечтанием [см. МЕЧТАНИЕ]. Но некоторые матери постоянно передают своим младенцам опыт отторжения сообщений, которые осуществляются посредством проективной идентификации. Младенец, говорит Бион, переживает состояние, когда его собственные спроецированные чувства лишены значения и заталкиваются обратно в него самого. Тогда мать оказывается интроецированной как внутренний объект [см. БЕЗЫМЯННЫЙ УЖАС]. При идентификации с этим объектом он становится «плохой самостью», которая торжествует, разрушая значение и подрывая способность к научению из опыта.

Перверсия характера. В работе, ставшей теперь классической, Джозеф (Joseph, 1975) описывает структуру психики «труднодоступных» пациентов. Они непрерывно сохраняют свою позицию наблюдателя по отношению к некоторым собственным переживаниям [см. ПСИХИЧЕСКОЕ РАВНО-

ВЕСИЕ]. Такая отстраненность от уязвимых, зависимых частей личности оказывается их стабильной, постоянной чертой. В данной и одной из последующих работ (Joseph, 1981) Джозеф указала на перверсивное возбуждение, возникающее при таких пресекающих и соблазняющих маневрах по отношению к аналитику и той части самости, которая стремится к сотрудничеству с аналитиком [см. ПЕРВЕРСИЯ].

Перверсивные внутренние отношения между частями личностями описал Стайнер (Steiner, 1982), показав, что плохие части личности могут использовать хорошие части как маски, за которыми они прячутся. Любовные отношения скрывают извращенный характер тайной жестокости, от которой получает удовольствие плохая или перверсивная часть личности.

Отщепленный психоз. Отделение плохих или психотических аспектов внутреннего мира в отдельный отсек Бион описал в 1957 году. Ранние психотические объекты и тревоги остаются глубоко отщепленными «ужасающими фигурами, /.../ относящимися к глубоким слоям бессознательного» (Klein, 1958, p. 241). Они никак не контактируют с непсихотической самостью, но всегда остается возможность их реактивации в определенных обстоятельствах.

Сидни Кляйн (Sidney Klein, 1980) описал появление объектов в твердой оболочке, содержащих отщепленные психотические части личности, в сновидениях даже невротических пациентов. Бик говорила о сохранении у младенцев внешнего жесткого «фасада» личности. Она описала «феномен второй кожи» [см. КОЖА], появляющейся, чтобы оградить ребенка от переживания катастрофического распада на куски или разложения (Symington, 1983, 1985) [см. АННИГИЛЯЦИЯ]. При нехватке удерживающего его объекта, на который можно было бы вполне положиться, младенец прибегает к приемам мускульной или вербальной активности, благодаря чему его внимание сосредоточено на интегрированном состоянии, что в норме должно достигаться при помощи материнского соска и груди.

Розенфельд показал, как инкапсулированные, заключенные в оболочку элементы психоза могут оказаться идентифицированными с физическими органами внутри тела, это «психотические острова» (Rosenfeld, 1978). Представление о такой ограниченной области психоза, по сути, не было новым, поскольку ее ясно описал Фрейд:

> «Резкое различие между неврозом и психозом ослабляется тем, что при неврозе нет недостатка в попытках заместить неприятную реальность более созвучной желаниям субъекта. Возможность этого обеспечивается существованием *мира фантазии*, области, которая оказывается отделенной от реального внешнего мира во время утверждения принципа реальности. И далее эта область остается свободной от требований, предъявляемых тяготами жизни» (Freud, 1924, p. 187).

BION, WILFRED (1957) 'Differentiation of the psychotic from the non-psychotic personalities', *Int. J. Psycho-Anal.* 38:266–75; republished (1967) in W. R. Bion, *Second Thoughts.* Heinemann, pp. 43–64.

BION, WILFRED (1959) 'Attacks on linking', *Int. J. Psycho-Anal.* 40:308–15; republished (1967) in *Second Thoughts,* pp. 93–109.

BRENMAN, ERIC (1985) 'Hysteria', *Int. J. Psycho-Anal.* 66:423–32.

FREUD, ANNA (1936) *The Ego and the Mechanisms of Defence.* Hogarth.

FREUD, SIGMUND (1923) *The Ego and the Id. S.E.* 19, pp. 3–66.

FREUD, SIGMUND (1924) 'The loss of reality in neurosis and psychosis'. *S.E.* 19, pp. 183–7.

HARTMANN, HEINZ (1939) *Ego Psychology and the Problem of Adaptation,* English translation, 1958. Imago.

HEIMANN, PAULA (1942) 'A contribution to the problem of sublimation and its relation to the process of internalization', *Int. J. Psycho-Anal.* 23:8–17.

HEIMANN, PAULA (1952) 'Preliminary notes on some defence mechanisms in paranoid states', *Int. J. Psycho-Anal* 33–208–13; republished (1955) as 'A combination of defence mechanisms in paranoid states', in Melanie Klein, Paula Heimann and Roger Money-Kyrle, eds *New Directions in Psycho-Analysis.* Tavistock, pp. 240–65.

JOSEPH, BETTY (1975) 'The patient who is difficult to reach', in Peter Giovacchini, ed. *Tactics and Techniques in Psycho-Analytic Therapy,* vol. 2. New York: Jason Aronson, pp. 205–16.

JOSEPH, BETTY (1981) 'Defence mechanisms and phantasy in the psycho-analytic process', *Bulletin of the European Psycho-Analytic Federation* 17:11–24.

KLEIN, MELANIE (1946) 'Notes on some schizoid mechanisms'. *WMK* 3, pp. 1–24.

KLEIN, MELANIE (1958) 'On the development of mental functioning'. *WMK* 3, pp. 236–46.

KLEIN, SIDNEY (1980) 'Autistic phenomena in neurotic patients', *Int. J. Psycho-Anal.* 61:395–402; republished (1981) in James Grotstein, ed. *Do 1 Dare Disturb the Universe?* Beverly Hills: Caesura, pp. 103–13.

MELTZER, DONALD (1968) 'Terror, persecution, dread', *Int. J. Psycho-Anal.* 49: 396–400; republished (1973) in Donald Meltzer, *Sexual States of Mind.* Perth: Clunie, pp. 99–106.

MELTZER, DONALD (1973) *Sexual States of Mind.* Perth: Clunie.

MONEY-KYRLE, ROGER (1969) 'On the fear of insanity', in (1978) *The Collected Papers of Roger Money-Kyrle.* Perth: Clunie, pp. 434–41.

O'SHAUGHNESSY, EDNA (1981) 'A clinical study of a defence organization', *Int. J. Psycho-Anal* 62:359–69.

RIESENBERG-MALCOLM, RUTH (1981) 'Technical problems in the analysis of a pseudo-compliant patient', *Int. J. Psycho-Anal.* 52:477–84.

ROSENFELD, HERBERT (1971) 'A clinical approach to the psycho-analytical theory of the life and death instincts: an investigation into the aggressive aspects of narcissism', *Int. J. Psycho-Anal.* 52:169–78.

ROSENFELD, HERBERT (1978) 'The relationship between psychosomatic symptoms and latent psychotic states' (unpublished).

ROSENFELD, HERBERT (1987) *Impasse and Interpretation.* Tavistock.

SEGAL, HANNA (1972) 'A delusional system as a defence against the re-emergence of a catastrophic situation', *Int. J. Psycho-Anal.* 53:393–403.

Spillius, Elizabeth Bott (1983) 'Some developments from the work of Melanie Klein', *Int. J. Psycho-Anal.* 64:321–2.

Steiner, John (1982) 'Perverse relationships between parts of the self: a clinical illustration', *Int. J. Psycho-Anal.* 63:241–53.

Symington, Joan (Cornwall) (1983) 'Crisis and survival in infancy', *Journal of Child Psychotherapy* 9:25–32.

Symington, Joan (Cornwall) (1985) 'The survival function of primitive omnipotence', *Int. J. Psycho-Anal.* 66:481–7.

Субъективность
Subjectivity

Для кляйнианского мышления характерно объединение точек зрения, позволяющих учитывать как объективный опыт аналитика, так и субъективное переживание пациента. Этот пункт вызывал обильную критику: возможно, никакой другой аспект работы Кляйн не отвергали столь часто. Брайерли (Brierly, 1942) подчеркивала: «Мы должны проводить различие между языком пациентов (описывающим их фантазии) и научным языком — между жизненным переживанием и нашими теоретическими умозаключениями» (p. 110) [см. ВНУТРЕННЯЯ РЕАЛЬНОСТЬ].

Отмечая смешение в кляйнианской теории бессознательных фантазий о хороших и плохих объектах с научными формулировками Фрейда, относящимися к структуре психики, Гловер (Glover, 1945) говорил об изобретении «новой религиозной биологии» (p. 31). Его суровый анти-кляйнианский трактат был посвящен защите ортодоксальной теории. В нем Гловер собрал многое из критики, которую он озвучил в ходе Дискуссий о противоречиях 1943–1944 годов [см. ДИСКУСИИ О ПРОТИВОРЕЧИЯХ].

Объективное и субъективное. Проблема душа – тело не дает психологам определенности в выборе объективного или субъективного подхода к человеческой душе. Изучать мозг можно путем объективного исследования содержимого головы человека и в некоторой степени — измеряя параметры его поведения. Но также можно изучать мозг, как бы проникая внутрь его и субъективно переживая свои собственные психические процессы. Эти два способа получения знания о нашей «самости» не сообразны друг другу, один из них невозможно свести к другому [см. ПРОБЛЕМА ДУША – ТЕЛО]. Рассматривая психологию личностного опыта, как это делает психоанализ, мы оказываемся перед дилеммой: (i) описывать феномены психики пациента, объективно его наблюдая, или (ii) фиксировать *его* переживание посредством *нашего* переживания, субъективно с ним идентифицируясь [см. ЭМПАТИЯ]. Первый подход называется метапсихологией и представляет собой следование структуре технических понятий, формирующей теорию человеческой психики. Это методология обычной науки, построенной по подобию таких естественных наук, как физика.

Второй подход, фиксация индивидуальных переживаний некоторой личности (феноменология), отличается в нескольких аспектах: (i) это психология данной конкретной личности, и она не всегда поддается обобщению (или количественному измерению); (ii) она открыта для интерпретаций наблюдателя, который вслушивается в изложение своих переживаний самим субъектом; (iii) если речь идет о психоанализе, интерес представляет не только осознанное переживание, о котором субъект сообщает, но и бессознательные переживания, которые мы предполагаем гипотетически. Поэтому в «науке о субъективном» возникают большие проблемы достоверности, обобщаемости и сообщаемости.

Фантазия и механизм. Кляйнианцы пользуются терминами «интроекция» и «проекция» для указания на субъективные переживания своих пациентов, но эти термины были исходно разработаны для психологических черт и процессов, объективно описываемых в научном ключе, то есть в рамках метапсихологии Фрейда. «Интроекция» — это объективно окрашенный термин, родственный понятию о субъективном переживании «инкорпорации» или «интернализации», примерно так же «проекция» связана с «исторжением» и «экстернализацией», а объективно описываемое «Эго» субъективно переживается как «самость».

Слияние объективного и субъективного сбивает с толку ученых, привыкших рассматривать объект в качестве отдельного от наблюдателя. «Мы теряем, — заявляла в пылу дискуссии Брайерли,— наше право называться учеными и возвращаемся к примитивному состоянию китайского крестьянина, который объясняет затмение тем, что Солнце проглотил дракон» (Brierly, 1943).

По-видимому, существуют два параллельных языка: (i) язык метапсихологических терминов, относящиеся к объективно познаваемым «фактам», и (ii) феноменологический язык личностных смыслов и фантазии пациента. Термин «интроекция» отсылает к объективному научному описанию психологического события, когда некий аспект внешнего объекта становится частью Эго; термин «инкорпорация» отсылает к фантазии индивида о вбирании чего-то, что принадлежало объекту.

Может показаться, что путаница между различными категориями языка устраняется строгим использованием терминов: метапсихологических — для объективного научного описания, феноменологических — для субъективного переживания. Однако это не приводит к желаемому результату.

Крах различения. Всякое отделение объективного описания Эго от субъективного переживания мира бессознательной фантазии приводит к парадоксальным вопросам наподобие такого:

> «... она [Кляйн] часто трактовала фантазию как то, что создает психическую реальность: в фантазии построено Супер-Эго и Эго, в

> фантазии существуют все эти части самости. Но с другой стороны, она пользовалась языком метапсихологии Фрейда и трактовала фантазию как одну из разновидностей деятельности Эго» (Mackay, 1981, p. 196).

То есть: является ли интроекция одной из функций Эго или же Эго является продуктом интроекции (фантазии инкорпорирования объекта)?

Когда мы говорим о психической реальности, какой язык нам следует использовать? Психическая реальность — это мир, который реален для пациента, но как может субъективный мир быть реальным для другого человека? Мельтцер писал, что открытия Кляйн означают, что «психическую реальность можно конкретным образом трактовать как место, /.../ в котором производится значение жизни для развертывания в окружающем мире» (Meltzer, 1981, p. 178); он выделял новый вид знания, подразумеваемый Кляйн:

> «Такая трансформация платонической точки зрения предполагается в самых ранних работах г-жи Кляйн, и с этого момента происходит превращение ее психоанализа из бэконианской науки, нацеленной на объяснение и стремящейся достичь абсолютных истин, законов, в науку дескриптивную, наблюдающую и описывающую феномены, бесконечные в своих разновидностях, поскольку они являются феноменами воображения» (p. 178).

Отделить один язык от другого становится трудно. «Эго» — это метапсихологический термин (язык [i]), но выводится он из актов персональной фантазии (язык [ii]). Следствием фантазии инкорпорирования объекта становится объективная «модификация Эго», переживаемая субъектом и видимая наблюдателю. Описание Эго, сформированного инкорпорированием объектов, звучит подобно объективному описанию происходящего — как «солнечная система сформирована вращающимися вихрями материи». Но описание формирования Эго путем инкорпорирования объектов — это также персональная фантазийная деятельность, касающаяся самого человека. Даже если мы будем отличать термин «Эго» (метапсихологический термин) от «самости» (персонализованный термин для субъективного переживания) и исправим нашу фразу на «самость сформирована инкорпорацией объектов», мы получим описание, неотличимое от «Эго сформировано интроекцией объектов». Различение языков, по-видимому, оказывается избыточным. Акт фантазии сам по себе является объективной теорией.

Крах различения фантазии и объективной науки возникает в ситуации, когда (a) фантазия, на данном уровне, всемогуща, так что (объективно) фантазирующее Эго является также самостью (субъективно), которая в этот момент создает себя; (b) фантазия является субъективным миром, где производится значение, и значения, закрепленные в объективных объяснениях,

оказываются в той же мере результатом деятельности фантазии, что и значения самой субъективной фантазии. В субъективном и объективном мирах значение одно и то же, даже если знание о субъективном и объективном мирах становится двумя различными видами знания и создает два различных языка.

Наука о субъективном. Проблема в том, что не существует психологического процесса или события, которые бы не переживались также субъективно и, по сути, не формировались бы и не образовывались субъективным переживанием и фантазией: «Фантазия — это и фикция, и функция» (Isaacs, 1943). Поэтому наука о субъективном оказывается довольно странной: она не способна описать свое поле исследования как отстраненное или отличимое от переживания исследуемого человека: «мы знаем, что в психоанализе существует органическое отношение между материалом и техникой, и в этом нас упрекают ученые, работающие в других сферах науки» (Segal, 1972, p. 159).

«Объективное»/«субъективное» — это упрощенческая дихотомия, если дело касается наук о человеке:

> «... когда объектом исследования является психика, область субъективного, мы все же должны оставаться объективными в своей установке по отношению к изучаемым нами феноменам; но мы должны понимать и помнить, что природа этого объекта безусловно “субъективна”» (Heimann, 1943).

Макей (Mackay, 1981) изучал возможность рассматривать метапсихологию Кляйн как метапсихологию феноменологическую, с особой сосредоточенностью на субъективных восприятиях и переживаниях индивида. Без сомнения, в этом корень кляйнианского подхода, но психологические переживания и телесные процессы теоретически не отделяются друг от друга. Нет необходимости настаивать, как это делает Макей, на том, что дихотомия «механизм/феноменология» неизбежна.

Контрперенос. Невозможность различать научный язык и субъективное переживание означает, что «интроекция» и «инкорпорация» — это одно и то же; но более того, искусственное выделение такого языка — это насилие в отношении субъекта, поскольку оно сообщает, что есть некий агент вне субъекта и его переживания, который оперирует с процессами, отличными от процессов исследуемого им субъекта. Психоаналитик использует субъективные методы (эмпатию и интуицию) для сбора своего материала. Согласно Биону (Bion, 1962) [см. МЫШЛЕНИЕ], мыслительная работа аналитика над субъективно собранными данными о его пациенте — тоже субъективно обусловленный процесс бессознательной фантазии.

Достоверность и надежность. Аналитик субъективно переживает своего пациента, и взаимодействие двух субъективных, внутрипсихических миров

приходится изучать, опираясь на взаимоотношения переноса и контрпереноса во всей их сложности [см. КОНТРПЕРЕНОС]. Характерные черты этой коммуникации между двумя людьми, касающейся их субъективных переживаний, отличаются чрезвычайной сложностью. Некоторому прояснению этой сложности способствовали концепция контейнирования [см. КОНТЕЙНИРОВАНИЕ] и понимание несимволической коммуникации, осуществляемой посредством проективной идентификации.

Но мы сталкиваемся с другой ситуацией, когда нам нужно подумать о передаче субъективных переживаний от одного аналитика другому. Естественно было бы предположить, что такие коммуникации будут производиться, как и в других науках, посредством профессионально адаптированного специального набора слов, с помощью метапсихологической терминологии. Возможно, однако, что в нашей науке о *субъективности* надо постараться эту субъективность сохранить, допуская сложность того самого типа, что возникает в коммуникациях между аналитиком и пациентом. В конце своей психоаналитической карьеры Бион (Bion, 1970) очень серьезно занимался проблемами коммуникации между аналитиками, передающей испытанные ими как аналитиками переживания бессознательных субъективных миров их пациентов [см. БИОН].

Надежность наблюдений и интерпретаций психоаналитика субъективно обусловлена его собственной личностью. Поэтому гарантия достоверности возлагается на его персональный анализ, который он прошел в ходе обучения или после обучения. Такой процесс обретения профессиональной пригодности носит частный характер, и профессиональная пригодность аналитика подтверждается лишь очень приблизительно путем его принятия в Психоаналитическое общество. Поэтому понятно, что достоверность и надежность при выходе за пределы частного гарантируются членством в Обществе или принадлежностью к родословной аналитиков, восходящей к конкретной фигуре основателя. Бион (Bion, 1963) пытался установить иные и объективные критерии обсуждения происходящего в психоанализе и выделил ряд «элементов» — сетку [см. БИОН], «L», «H» и «K» [см. ЭПИСТЕМОФИЛИЯ] и взаимоотношение контейнер – контейнируемое [см. КОНТЕЙНИРОВАНИЕ]. Но никто, похоже, не поддержал Биона и не стал развивать эти «элементы» в качестве способа коммуникации между психоаналитиками. Вместо этого введенные им понятия получили большее использование в клинической практике работы с пациентами.

Bion, Wilfred (1962) 'A theory of thinking', *Int. J. Psycho-Anal.* 43:306–10; republished (1967) in W.R. Bion, *Second Thoughts*. Heinemann, pp. 110–19.

Bion, Wilfred (1963) *Elements of Psycho-Analysis*. Heinemann.

Bion, Wilfred (1970) *Attention and Interpretation*. Tavistock.

Brierley, Marjorie (1942) 'Internal objects and theory', *Int.J. Psycho-Anal.* 23:107–20.

Brierley, Marjorie (1943) 'Contribution to the Controversial Discussions 1943–1944 of the British Psycho-Analytical Society' (unpublished).

Glover, Edvard (1945) 'An examination of the Klein system of child psychology', *Psychoanal. Study Child* 1:1–43.

Heimann, Paula (1943) 'Contribution to the Controversial Discussions 1943–1944 of the British Psycho-Analytical Society' (unpublished). Isaacs, Susan (1943) 'Contribution to the Controversial Discussions 1943–1944 of the British Psycho-Analytical Society' (unpublished).

Mackay, Nigel (1981) 'Melanie Klein's metapsychology: phenomenological and mechanistic perspective', *Int. J. Psycho-Anal.* 62:187–98.

Meltzer, Donald (1981) 'The Kleinian expansion of Freud's metapsychology', *Int.J. Psycho-Anal.* 62:177–85.

Segal, Hanna (1972) 'The role of child analysis in the psycho-analytic training', *Int. J. Psycho-Anal.* 53:157–61.

Segal, Hanna (1979) *Klein.* Fontana.

Творчество
Creativity

Творческие достижения людей, от рождения наделенных лишь базовыми инстинктами, всегда интересовали Фрейда. Он предложил термин «сублимация» для обозначения преобразования базового инстинкта биологического удовлетворения в высокоорганизованную форму поведения и цивилизованные достижения в «возвышенном» («sublime») и нематериальном мире символов. Согласно Кляйн, творчество — это гораздо более сложный процесс. Это не простое преобразование инстинкта; с творчеством кляйнианцы соотносят несколько феноменов.

(i) Репарация. В 1929 году Кляйн посвятила творческому процессу работу, в которой он описывался *в связи с* деструктивной атакой, в фантазии, направленной на преследователей или осуществляемой с их стороны. Творческое усилие — это последующая попытка возместить ущерб объектам, которые ощущаются как внешние или внутренние. В этой работе Кляйн первый раз использовала термин «репарация», и в дальнейшем в ее трудах творчество обычно рассматривалось как манифестация репарации. Значимость понятия репарации существенно возросла, когда Кляйн выступила с идеей депрессивной позиции [см. 10. ДЕПРЕССИВНАЯ ПОЗИЦИЯ; РЕПАРАЦИЯ]. В дальнейшем интерес кляйнианцев к эстетике (Segal, 1952, 1974; Stokes, 1955) сосредоточивался в основном на ключевой роли репарации [см. ОБРАЗОВАНИЕ СИМВОЛОВ].

Творчество представляет собой существенную часть взаимодействия, где либидинозные влечения начинают преобладать над деструктивными. В процессе исследования природы мышления и создания теорий Бион (Bion, 1962) с помощью собственной терминологии описал тип бессознательной деятельности, который он вычленил в концепции научного творчества Пуанкаре. Он состоит в ослаблении всех связей, соединяющих элементы в теорию, с последующей их перегруппировкой вокруг новой

центральной точки, для обозначения которой Бион позаимствовал у Пуанкаре термин «избранный факт». В этом Бион видел процесс и описывал его как движение к параноидно-шизоидной позиции (ослабление интеграции), за которым следует реорганизация вокруг нового узла, соска, вновь собирающего части вместе в движении обратно к депрессивной позиции. Он маркировал этот процесс символом Ps-D [Ps-D].

(ii) Игра. Однако существуют и другие важные аспекты творчества, нечасто упоминаемые напрямую. В ранних работах Кляйн много писала о природе игры как *экстернализации фантазийной деятельности*, особенно бессознательной фантазии. Бессознательная фантазия — базовый строительный блок психики как таковой [см. 2. БЕССОЗНАТЕЛЬНАЯ ФАНТАЗИЯ] и представляет собой не только развертывание инстинктивных импульсов в психическом поле, но также попытки преодолеть конфликты и боль, которые порождены инстинктивными влечениями. Процесс экстернализации — часть этой деятельности, направленной на создание более благоприятного психического мира. Таким образом, в акте игры ребенок — и играющий взрослый тоже — существенно воспроизводит открытым и символическим образом фундаментальную боль состояния человека и отыскивает новые способы ее разрешения. Акт игры сам по себе — это творческий процесс. Часть этого процесса заключается в поиске новых объектов, на которые можно перенаправить некоторые из импульсов, тем самым уменьшив внутреннее напряжение и конфликты.

Представление Кляйн об игре было сформировано в значительной мере работами Фрейда — историей Маленького Ганса (Freud, 1909), описанием игры “*fort-da*” в «По ту сторону принципа удовольствия» (Freud, 1920), но в особенности следующим пассажем из этой книги:

> «Когда ребенок переходит от пассивности переживания к активности игры, он передает неприятное переживание одному из своих товарищей по игре и таким образом мстит за себя заместителю» (Freud, 1920, p. 17).

Винникотт (Winnicott, 1971) подчеркивал значимость игры, отличая свой подход от акцента Кляйн на деструктивности. Винникотт пишет о внимании Кляйн к репарации: «На мой взгляд, в своих безусловно важных работах Кляйн не касается темы творчества как такового» (Winnicott, 1971, p. 70). Игра, с точки зрения Винникотта, — это доставляющая радость деятельность, относящаяся к категории промежуточных феноменов, тогда как Кляйн воспринимает ее в качестве серьезного занятия, при котором человека раздирают бессознательные болезненные и устрашающие фантазии.

(iii) Инстинкты жизни. Кроме того, когда Фрейд переработал свою теорию инстинктов, либидо (инстинкты жизни) приобрело характеристики, выходя-

щие за рамки сексуальности, в том числе синтетическую функцию сведения частей вместе — парадигму которой, безусловно, задает соединение родителей в совокуплении. Этому аспекту творчества больше внимания уделял Мельтцер (Meltzer, 1973), описывая структуру личности как задаваемую внутренними родителями в творящем взаимоотношении внутри индивида. Он описывал нечто, подобное божественному присутствию внутри каждого человека, что наделяет его ощущением творящей способности, вдохновляя на собственные созидательные и творческие усилия, и важным аспектом личности является взаимоотношение человека с его внутренней совокупляющейся родительской парой [см. КОМБИНИРОВАННАЯ РОДИТЕЛЬСКАЯ ФИГУРА].

Bion, Wilfred (1962) *Learning from Experience*. Heinemann.

Freud, Sigmund (1909) 'Analysis of a phobia in a five-year-old boy'. *S.E.* 10, pp. 1–149.

Freud, Sigmund (1920) *Beyond the Pleasure Principle*. *S.E.* 18, pp. 1–69.

Klein, Melanie (1929) 'Infantile anxiety-situations reflected in a work of art and in the creative impulse'. *WMK* 1, pp. 210–18.

Meltzer, Donald (1973) *Sexual States of Mind*. Perth: Clunie.

Segal, Hanna (1952) 'A psycho-analytic approach to aesthetics', *Int. J. Psycho-Anal.* 33:196–207; republished (1955) in Melanie Klein, Paula Heimann and Roger Money-Kyrle, eds *New Directions in Psycho-Analysis*. Tavistock, pp. 384–405; and (1981) in *The Work of Hanna Segal*. New York: Jason Aronson, pp. 185–206.

Segal, Hanna (1974) 'Delusion and artistic creativity', *Int. Rev. Psycho-Anal* 1:135-41; republished (1981) in *The Work of Hanna Segal,* pp. 207–16.

Stokes, Adrian (1955) 'Form in art', in Melanie Klein, Paula Heimann and Roger Money-Kyrle, eds (1955) *New Directions in Psycho-Analysis*. Tavistock, pp. 406–20.

Winnicott, D. W. (1971) *Playing and Reality.* Tavistock.

Торможение
Inhibition

Торможение — это важное понятие психоаналитической теории, описывающее блокировку естественного осуществления психической деятельности. Фрейд разработал (Freud, 1900) механистическую теорию преграждения течения психической энергии, Кляйн же, напротив, подчеркивала торможение символической деятельности и, особенно в ранних своих работах, игры ребенка. Торможение оказывается одним из наиболее широко распространенных симптомов у детей с нарушениями, и Кляйн считала его последствием садизма (или же возмездия, вызванного их садизмом), пугающего детей настолько, что они затормаживают некоторые сегменты своей психической деятельности. Иногда у детей-психотиков заторможена вообще вся психическая деятельность (Klein, 1930; Rodrigue, 1955).

Кляйн расширила это свое представление (Klein, 1932), отмечая, что садизм тормозит развитие в целом и нарушает естественное развертывание (эпигенез) либидинозных фаз [см. ЛИБИДО; РАЗВИТИЕ].

Freud, Sigmund (1900) *The Interpretation of Dreams. S.E.* 4, 5.

Klein, Melanie (1930) 'The importance of symbol-formation in the development of the ego'. *WMK* 1, pp. 219–32.

Klein, Melanie (1932) *The Psycho-Analysis of Children. WMK 2.*

Rodrigue, Emilio (1955) 'The analysis of a three-year-old mute schizophrenic, in Melanie Klein, Paula Heimann and Roger Money-Kyrle, eds (1955) *New Directions in Psycho-Analysis.* Tavistock, pp. 140–79.

Тревога
Anxiety

Психоаналитические теории тревоги развивались в течение многих лет. В основном они опирались на представление о конфликте.

(i) Сначала Фрейд описал конфликт между индивидом и требованием цивилизованного (десексуализованного) поведения.

(ii) Затем эта идея была модифицирована, и возникло представление о конфликте между либидо и инстинктами самосохранения, или «инстинктами Эго». Согласно данной теории, застой либидо преобразовывается в явным образом ощущаемую тревогу.

(iii) Далее, когда Фрейд изменил свою теорию инстинктов (приняв дуалистическую теорию либидо и инстинкта смерти), основным конфликтом стали считать (в том числе Кляйн) внутренний конфликт между инстинктами. Согласно Кляйн, такой конфликт обретает две формы: депрессивной тревоги и персекуторной тревоги [см. АННИГИЛЯЦИЯ; ПРЕСЛЕДОВАНИЕ; ДЕПРЕССИВНАЯ ТРЕВОГА].

(iv) В поздней статье о тревоге (Freud, 1926) Фрейд описал *сигнальную тревогу*: не непосредственное напряжение конфликтующих инстинктов, но возникающий в Эго сигнал *ожидаемого* (*anticipated*) напряжения. Фрейд описывал способность Эго воспринимать определенные ситуации, чреватые возникновением тревоги. Эти ситуации тревоги, следовательно, сами по себе не являются инстинктивными, но могут принадлежать исключительно функциям Эго, таким, как память.

(v) Кляйн часто напоминала, что фрейдовский термин «*ранние ситуации тревоги*» подтверждает правомочность ее рассмотрения фантазийного *содержания* тревоги, а не энергии, обусловливающей возникновение этой тревоги [см. 8. РАННИЕ СИТУАЦИИ ТРЕВОГИ].

Freud, Sigmund (1926) *Inhibitions, Symptoms and Anxiety. S.E.* 20, pp. 77–175.

Утрата
Loss

И Фрейда, и Абрахама интересовали переживания пациентов-психотиков, и они по десять лет занимались анализом маниакально-депрессивных пациентов. В конечном итоге Фрейд (Freud, 1917) описал сходство между депрессивными расстройствами и скорбью и центральную для данной проблемы роль утраты. Эти утраты он связывал со своими предшествующими идеями о значимости кастрации для детского развития. В 1926 году, исследуя природу тревоги, он выделил целый ряд ситуаций утраты: утрата при рождении, отлучении от груди, кастрации и так далее, в ходе всего цикла развития [см. 8. РАННИЕ СИТУАЦИИ ТРЕВОГИ].

Утрата внутреннего объекта. При описании этих утрат Кляйн отметила в них важное сходство: все они вызывали тревогу, создавая чувство небезопасности *интернализованного внутреннего объекта* (Klein, 1940) [см. 10. ДЕПРЕССИВНАЯ ПОЗИЦИЯ]. Это оказалось существенным добавлением к теории Фрейда, изложенной в работе 1917 года, в которой проявилось его удивление неадекватной реакцией скорби у меланхолика в случае, когда объект на самом деле утрачен не был. Это стало также развитием работы Абрахама, где он описывал пристальное внимание страдающего маниакально-депрессивным расстройством к утраченным объектам, представленным фекалиями.

Таким образом, Кляйн продвинулась в том направлении, которое обозначили в своих работах Абрахам и Фрейд. За это ее критиковал Фэйрберн, который обвинил всех троих исследователей в слишком большом увлечении депрессивной позицией. По мнению Фэйрберна, они игнорировали процессы расщепления, обнаруживающиеся при шизофрении (другой обширный класс психозов), — черты, имеющие сходство с истерией, с которой, несомненно, начинался психоанализ [см. ФЭЙРБЕРН; 11. ПАРАНОИДНО-ШИЗОИДНАЯ ПОЗИЦИЯ].

См. ДЕПРЕССИВНАЯ ТРЕВОГА

Freud, Sigmund (1917) ‘Mourning and melancholia’. *S.E.* 14, pp. 237–60.

Klein, Melanie (1940) ‘Mourning and its relation to manic-depressive states’. *WMK* 1, pp. 344–69.

Фекалии
Faeces

Абрахам (Abraham, 1924) считал, что фекалии — это прототип внутреннего объекта: конкретного, чувственно воспринимаемого, внутреннего и вместе с тем выталкиваемого. Фрейд (Freud, 1905) приравнивал фекалии к детям и пенису. Согласно идеям Кляйн о внутренних объектах, фекалии — один из возможных источников переживаний, относящихся к внутренним объектам (поскольку они вызывают анальные ощущения), а также к исторжению (проекции) чего-либо [см. 5. ВНУТРЕННИЕ ОБЪЕКТЫ].

Таким образом, фекалии представляют собой частичный объект, значимость которому придает действующая в настоящее время бессознательная фантазия, и они обеспечивают самое раннее защитное маневрирование младенца, возможно, не только после, но и до и во время рождения. Поэтому дефекация может служить для Эго исходным ресурсом при порождении фантазий изгнания враждебных внутренних объектов. Процесс физического исторжения вызывает анальные ощущения, которые затем представляются в психике как бессознательная фантазия исторжения плохого объекта [см. 2. БЕССОЗНАТЕЛЬНАЯ ФАНТАЗИЯ]. Дефекация в младенчестве происходит в столь регулярной связке с кормлением, что это явление получило медицинское наименование: гастроколитический рефлекс; переживание этих регулярных физиологических событий создает столь же регулярные сочетания в переживании: поглощение хорошего объекта и исторжение плохого.

Мельтцер (Meltzer, 1965) описывал инфантильное использование фекалий в анальной разновидности мастурбации, вызывающей бессознательные фантазии, которые поддерживают нарциссическое состояние [см. МАСТУРБАЦИОННЫЕ ФАНТАЗИИ; НАРЦИССИЗМ].

См. ЧАСТИЧНЫЙ ОБЪЕКТ.

Abraham, Karl (1924) ‘A short study of the development of the libido’, in Karl Abraham (1927) *Selected Papers on Psycho-Analysis*. Hogarth, pp. 418–501.

Freud, Sigmund (1905) *Three Essays on Sexuality. S.E.* 7, pp. 125–245.

Meltzer, Donald (1965) ‘The relation of anal masturbation to projective identification’, *Int. J. Psycho-Anal* 47:335–42.

Фрагментация
Fragmentation

Значительное расщепление Эго, возникающее, как правило, в связи с затруднениями на параноидно-шизоидной позиции, приводит к ощущению фрагментации, распада на части [см. 11. ПАРАНОИДНО-ШИЗОИДНАЯ ПОЗИЦИЯ]. Это нормальное переживание в ситуации стресса или истощения, но оно оказывается исключительно тяжелым и играет центральную роль при шизофрении [см. 8. РАННИЕ СИТУАЦИИ ТРЕВОГИ].

См. АННИГИЛЯЦИЯ; РАСЩЕПЛЕНИЕ

Анна Фрейд
Anna Freud

Биография. Младшая дочь Зигмунда Фрейда родилась в **1892** году в Вене и оставалась с основателем психоанализа до самой его смерти. Вместе с ним она уехала в Лондон в 1938 году и после смерти Фрейда всю свою жизнь, до **1982** года,

провела в том доме, где они некогда поселились. Она была не просто дочерью Фрейда, но самостоятельным ученым-психоаналитиком, высоко державшим знамя ортодоксальной лояльности фрейдовскому учению (Solnit, 1983; Yorke, 1983).

НАУЧНЫЕ ДОСТИЖЕНИЯ. Анна Фрейд появилась на психоаналитической сцене в 1926 году как поборник разновидности детского анализа, разработанной Хуг-Хельмут, и идейный противник Мелани Кляйн. Хотя ее противостояние Кляйн со временем претерпело изменения (Anna Freud, 1946; Geleerd, 1963), основанная Анной Фрейд в Лондоне в 1938 году школа детского анализа оставалась вполне обособленной [см. ДЕТСКИЙ АНАЛИЗ; ДИСКУССИИ О ПРОТИВОРЕЧИЯХ].

Через десять лет после начала полемики с Мелани Кляйн, в 1936 году, Анна Фрейд опубликовала самую известную свою книгу — «Эго и механизмы защиты», и это, наряду с работой Хартманна в Вене и США (Hartmann, 1939, 1964), привело к созданию отдельной линии в развитии психоанализа, возникшей из исследования в первую очередь Эго и его отношений с другими психическими инстанциями. Эго-психология остается главенствующей школой психоанализа в Соединенных Штатах [см. ЭГО-ПСИХОЛОГИЯ].

Freud, Anna (1936) *The Ego and the Mechanisms of Defence*. Hogarth.

Freud, Anna (1946) 'Preface' to *The Psycho-Analytic Treatment of Children*. Imago.

Geleerd, Elisabeth (1963) 'An evaluation of Melanie Klein's *Narrative of a Child Analysis'*, *Int. J. Psycho-Anal.* 44:493–506.

Hartmann, Heinz (1939) *Ego Psychology and the Problem of Adaptation*. Imago.

Hartmann, Heinz (1964) *Essays on Ego Psychology*. Hogarth.

Solnit, Albert (1983) 'Anna Freud's contribution to child and applied analysis', *Int. J. Psycho-Anal.* 64:379–90.

Yorke, Clifford (1983) 'Anna Freud and the psycho-analytic study and treatment of adults', *Int. J. Psycho-Anal.* 64:391–400.

Рональд Фэйрберн
Ronald Fairbairn

Биография. Фэйрберн всегда оставался чужаком среди британских психоаналитиков. Он родился в **1889** году и всю свою жизнь проработал в Эдинбурге, вдалеке от Лондона. Вначале он был университетским преподавателем (специализировался в классической филологии), но после Первой мировой войны обучился медицине, а затем психоанализу, который практиковал в полной изоляции в родном городе до самой своей смерти в **1964** году. Возможно, из-за такой отдаленности он был единственным человеком вне круга Кляйн, которому она позволила существенно на себя повлиять. Фэйрберн мало участвовал в жизни Британского психоаналитического общества, но оказал боль-

шое влияние на аналитиков в Британии (Sutherland, 1963; Guntrip, 1961; Padel, 1987) и в Америке, где стал одним из немногих признаваемых британских аналитиков школы объектных отношений. Возможно, это произошло потому, что он бесстрашней остальных выдвигал *систематические* возражения против фрейдовской теории инстинктов, придерживаясь при этом представления о трехчастной структуре психики, напоминающей ту, что описывается структурной моделью Фрейда.

НАУЧНЫЕ ДОСТИЖЕНИЯ. Кляйн оказала на Фэйрберна большое влияние. Он перенял ее термин «позиция», однако говорил о *шизоидной*, а не о параноидной позиции, как называла ее Кляйн в 1930-х годах [см. ПАРАНОЙЯ]. Работая с шизоидными пациентами, Фэйрберн глубоко исследовал первые, персекуторные стадии жизни, тогда как Кляйн в это время описывала депрессивную позицию, относящуюся к несколько более позднему периоду инфантильного развития. В итоге Фэйрберн обратил внимание на определенные вещи, которые затем рассмотрела и Кляйн, не желая уступить лидерство. Фактически, долгое время Кляйн занималась фрагментированными состояниями мышления детей-психотиков, но в начале 1940-х годов заинтересовалась взрослыми шизофрениками, пациентами с тяжелыми психиатрическими расстройствами. О них Кляйн узнала, в частности, при супервизии работы психиатров, которые в то время присоединились к Кляйнианской группе.

Противостояние понятию депрессивной позиции. Фэйрберн критиковал Кляйн за то, что она слишком много внимания уделяла депрессии, а также переняла у Абрахама чрезмерный интерес к обсессиям на «психотических» ранних фазах. Фэйрберн считал, что с 1912 года, когда Абрахам и Фрейд стали все больше интересоваться маниакально-депрессивными расстройствами, психоаналитики в некоторой степени игнорируют истерию. Фэйрберн связывал состояния диссоциации при истерии с фрагментацией шизоидной личности. Если бы Фрейд продолжил изучение Супер-Эго при истерии и шизофрении, утверждал Фэйрберн, его путь не привел бы к тому, что Кляйн позднее назвала «депрессивной позицией». Фэйрберн думал, что орально сформированная структура Супер-Эго является защитной организацией, ориентированной против того, что находится под ней. То, что вытесняется, включено в общую структуру; это показывают сны, будучи драматизацией «(i) отношений между структурами Эго и интернализованными объектами и (ii) взаимоотношений между самими структурами Эго» (Fairbairn, 1951, p. 170). В частности, интернализованный «плохой» объект расщеплен на возбуждающий и отторгающий объекты. Если Кляйн, занимаясь депрессивной позицией, сосредоточилась на тревоге относительно судьбы объекта — каким образом он поврежден, расщеплен и т. д., — то Фэйрберн уделял внимание структурным аспектам расщепления и фрагментации Эго.

Фэйрберн доказывал, что развитие при шизофрении (по сравнению с маниакально-депрессивным расстройством) отмечено некоторой анормальностью, которую Кляйн не заметила. Выдвигая на первый план состояния диссоциации при истерии и шизофрении, он ввел понятие шизоидной позиции, которая, по его мнению, предшествует депрессивной позиции и закладывает ее основание. Она объясняет и определяет будущую патологию личности, и Фэйрберн описал систематическую классификацию состояний, исходя из расщеплений внутри Эго и объекта.

Кляйн согласилась, что начало депрессивной позиции основывается на предшествующей проработке другого типа тревоги, не депрессивного характера. Она всегда описывала паранойю, обнаруженную у детей, а также их персекуторную тревогу и использовала термин «параноидная позиция». Она считала параноидную позицию не столь важной, как позиция депрессивная, но теперь согласилась с Фэйрберном, что предшествующая депрессивной позиция весьма значима и расщепление является ее решающим элементом, наряду с теми формами параноидной проекции (экстернализации), которые она описала. Она признала предложенный Фэйрберном термин «шизоидная позиция», соединив его со своим собственным, и получила точный, но несколько громоздкий термин «параноидно-шизоидная позиция». Тем не менее, Кляйн всячески подчеркивала свое несогласие с Фэйрберном в других пунктах (особенно в том, что касалось его отказа от какой бы то ни было теории инстинктов):

> «Вы увидите, что некоторые из моих выводов в этой работе согласуются с положениями Фэйрберна, а другие расходятся с ними принципиально. Его интересует главным образом развитие Эго по отношению к объектам, а меня — в основном тревоги и их чередование. /…/ Он особо подчеркивает внутреннюю связь между истерией и шизофренией, которая заслуживает пристального внимания. Предлагаемый им термин “шизоидный” вполне приемлем, если понимать его как охватывающий и страх преследования, и шизоидные механизмы» (Klein, 1946, p. 3).

Кляйн стала понимать, что существует целый класс примитивных защитных механизмов, направленных конкретно против садизма и инстинкта смерти, и теперь вместе с Фэйрберном признала, что они отличаются от обсессивных механизмов, которые она вначале склонна была считать специфическими защитами от садизма.

Интроецированные объекты. Фэйрберн признавал, что начальная стадия развития Эго завершается интроекцией объекта, но считал этот объект плохим. С его точки зрения, нет нужды интроецировать хороший объект, от плохого же нужно защититься, интроецировав его и затем расщепив. Здесь Фэйрберн расходится с Кляйн, которая считала, что с самого нача-

ла интроецируются как хороший, так и плохой объекты; хороший объект упрочивает стабильность сердцевины Эго и демонстрирует борьбу, в которой младенец охраняет себя и свой хороший объект от «плохих» объектов (Klein, 1946).

Необходимо признать, что Кляйн и Фэйрберн сосредоточивались на совершенно разных вещах. Фэйрберн считал, что Эго закреплено во внешней реальности и располагает интроецированными и внутренними объектами, установленными для защиты от внешнего плохого объекта (как он утверждал, для его вытеснения). Кляйн же рассматривала внутренний мир и развитие Эго, которое, по крайней мере вначале, приводит к конструированию внешнего мира (в результате действий, призванных укрепить безопасность мира внутреннего).

Эндопсихические структуры. Подходы Фэйрберна и Кляйн к феноменам расщепления и фрагментации самости различались радикальным образом. Характерным для описаний Кляйн был охват широкой и многомерной панорамы разнообразных и переменчивых фантазий, переживаемых человеком в отношении состояния его «самости». Фэйрберн, наоборот, явно стремился свести эти феномены к сегментам строгой классификации. Он описывал два типа базового расщепления, отделяющих две эндопсихических структуры от центрального Эго. Каждая структура состоит из (i) части Эго, (ii) интернализованного объекта, с которым идентифицирована часть Эго, и (iii) внутреннего отношения между частью Эго и внутренним объектом. Каждая эндопсихическая структура задается такой трехчастной «системой объектного отношения». Одна из структур содержит либидинозный аспект Эго (*либидинозное Эго*) с его либидинозным (*возбуждающим*) объектом; вторая эндопсихическая структура содержит анти-либидинозное Эго (*внутреннего диверсанта*, напоминающего Супер-Эго) с его анти-либидинозным объектом (*отторгающим объектом*). Вдобавок после отщепления этих двух частей остается *центральное Эго*.

Этот внутренний мир трех эндопсихических структур выглядит неизменным, и его очевидно легко соотнести с трехчастной структурной моделью Фрейда: Эго, Ид (либидинозное Эго) и Супер-Эго (анти-либидинозное Эго). Но если Фрейд был убежден, что различные структуры психики прямо или косвенно вырастают из Ид, Фэйрберн это оспаривал и доказывал, что они развиваются из примитивного, изначально единого Эго. Представление о том, что Эго существует с самого начала, абсолютно согласуется с позицией Кляйн и противоречит позиции Фрейда. Однако Фэйрберн спорил с Кляйн, поскольку она слепо придерживалась «фрейдовской теории гедонистического либидо» (Fairbairn, 1949, p. 154). По сути, Кляйн не следовала фрейдовской теории либидо, ищущего удовлетворения [см. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ], но Фэйрберн считал именно так, и, возможно, она и сама так считала, не отдавая себе отчета, насколько модифицировала модели Фрейда.

Теория инстинктов. Фэйрберн не принимал теорию инстинктов. Согласно Гантрипу (Guntrip, 1961), верному ученику и пропагандисту его учения, Фэйрберн считал эту теорию механистической и стремился к более гуманистической теории. Поэтому он говорил только об объектах. Например, он оспаривал термин «оральная фаза», утверждая, что ее также можно называть «фаза груди», поскольку для ребенка весьма значима грудь (объект). Он считал, что рот выражает специфическую *стратегию* отношения к объекту. В таком случае рот — это всего лишь данный от рождения инструмент этой стратегии (и инстинкт тут ни при чем).

Рассуждая таким образом, Фэйрберн полагал, что он отверг теорию инстинктов и энергетическую модель психики — краеугольные камни классической психоаналитической теории. С другой стороны, Кляйн действительно отошла от теории инстинктов, но совершенно иным образом. Гантрип, а за ним и другие (Sutherland, 1963; Kernberg, 1980; Greenberg and Mitchell, 1983) считали, что теория Кляйн — всего лишь промежуточная станция на полпути к полноценному подходу с точки зрения объектных отношений, а завершил этот путь Фэйрберн. По существу, это не так: их пути вели в разных направлениях. Кляйн сохранила теорию инстинктов, лишь переопределив понятие инстинкта (хотя она утверждала, что этого не делала) и введя в нее представление о бессознательной фантазии — гибкий и подвижный подход к внутренней структуре. С другой стороны, Фэйрберн предложил монолитную и, по-видимому, жесткую систему эндопсихических структур (систем объектного отношения) в качестве оригинальной, выстроенной с точки зрения объектных отношений версии ортодоксальной структуры Ид/Эго/Супер-Эго.

Можно сказать, что Кляйн пересмотрела понятие инстинкта, придав ему значение «данного» в телесных ощущениях переживания объекта, в то время как Фэйрберн заново определил инстинкт как «энергию», которая ищет объект.

Расщепление. Открытие значимости расщеплений в системе «часть Эго/отношение/объект» принадлежит и Фэйрберну, и Кляйн: наблюдения одного служили стимулом для другой, и наоборот. Кляйн, безусловно, продолжала размышлять над этой проблемой и опробовала идею, подобную фэйрберновским (хотя этого сходства не признавала) — идею об особом типе расщепления, которое оставляет незатронутой примитивную систему объектного отношения в «глубоко бессознательной» части психики (Klein, 1958, p. 241) [см. СТРУКТУРА].

Любовь. Фэйрберн особо подчеркивал значимость объектных отношений в человеческом опыте. Он показывал, с бóльшим критическим рвением, чем Кляйн, что классические теории удовлетворения инстинктов (ослабления влечений) рассматривают объекты как второстепенные по сравнению с субъектом, служащие исключительно для снятия напряжений. Сам же

Фэйрберн подчеркивал наличие подлинного чувства *к* объектам. Именно это стремление установить связь между человеческой любовью и заботой, с одной стороны, и научным пониманием — с другой, так привлекало к Фэйрберну христианского священника Гантрипа [см. ЛЮБОВЬ].

Дальнейшие разработки. Идеи Фэйрберна выдержали испытание временем. Наиболее влиятельные его последователи — Гантрип (Guntrip, 1961) и Сазерленд (Sutherland, 1963); он завоевал горячее признание и среди многих американских авторов (напр., Ogden, 1983). Но приверженцы Фэйрберна не развили сколько-нибудь значительно его сложный метод теоретического исследования.

Fairbairn, Ronald (1949) 'Steps in the development of an object-relations theory of the personality', *Br. J. Med. Psychol.* 22:26–31; republished (1952) in Ronald Fairbairn, *Psycho-Analytic Studies of the Personality.* Routledge & Kegan Paul, pp. 152–61.

Fairbairn, Ronald (1951) 'A synopsis of the development of the author's views regarding the structure of the personality', republished (1952) in *Psycho-Analytic Studies of the Personality,* pp. 162–79.

Greenberg, Jay and Mitchell, Stephen (1983) *Object Relations in Psychoanalyti Theory.* Cambridge, MA: Harvard.

Guntrip, Harry (1961) *Personality Structure and Human Interaction.* Hogarth.

Kernberg, Otto (1980) *Internal World and External Reality.* New York: Jason Aronson.

Klein, Melanie (1946) 'Notes on some schizoid mechanisms'. *WMK* 3, pp. 1–24.

Klein, Melanie (1958) 'On the development of mental functioning'. *WMK* 3, pp. 236–40.

Ogden, Thomas (1983) 'The concept of internal object relations', *Int. J. Psycho-Anal.* 64:227–41.

Padel, John (1987) 'Positions, stages, attitudes or modes of being', *Bulletin of the European Psycho-Analytical Federation* 12:26–31.

Sutherland, J. D. (1963) 'Object relations theory and the conceptual model of psychoanalysis', *Br. J. Med. Psychol.* 36:109–24.

Паула Хайманн
Paula Heimann

Биография. Паула Хайманн родилась в Данциге (Гданьске) в **1899** году; ее родители были русского происхождения. Она обучилась медицине и затем психоанализу в Берлине. Хайманн покинула страну после поджога Рейхстага, побывав под временным арестом, и уехала в Лондон, а ее муж еще раньше бежал в Швейцарию. В Лондоне она повторно прошла обучение психоанализу у Мелани Кляйн и оставалась (наравне со Сюзен Айзекс) самой верной ее сторонницей в трудные 1940 годы, когда Кляйнианская группа подверглась нападению со стороны аналитиков, эмигрировавших из Вены. Непостижимым образом между нею и Кляйн возникли разногласия, о которых никому не было известно, и наконец в 1956 году Хайманн вышла из состава Кляйнианской группы, к вящему изумле-

нию всех остальных членов Британского психоаналитического общества. Впоследствии она играла важную роль в Независимой группе аналитиков Британского общества вплоть до своей смерти в **1982** году.

НАУЧНЫЕ ДОСТИЖЕНИЯ. Хайманн была одним из самых важных действующих лиц Дискуссий о противоречиях в 1943–1944 годах, она прочла доклад, где подробно излагалось кляйнианское представление о внутренних объектах, а также совместный со Сюзен Айзекс доклад о регрессии (оба были опубликованы в 1952 году). В этот период ее работа была направлена на разъяснение — и на клиническом, и на теоретическом уровне — введенных Кляйн понятий, особенно после формулировки концепции депрессивной позиции и представления о конкретных внутренних объектах. Это стало предметом ее исследования в ходе обучения у Кляйн (Heimann, 1942).

Ассимиляция. Позднее Хайманн снова обратилась к одному важному аспекту этого исследования, связанному с судьбой внутреннего объекта. Он касался вопроса о том, интроецируется ли объект в Эго или же в Супер-Эго. Хайманн описывала процесс ассимиляции объекта, когда он становится частью Эго или оказывается потенциально доступным для интроективной идентификации, в отличие от процесса, при котором объекты остаются не подлежащими ассимиляции и становятся враждебными внутренними преследователями (Heimann, 1942) [см. АССИМИЛЯЦИЯ]. В работе Хайманн внутренний мир представал ареной внутренних объектных отношений различных типов, что положило начало систематическому кляйнианскому подходу к структуре личности. Кляйн использовала понятие ассимиляции в своей более поздней статье о шизоидных механизмах (Klein, 1946).

Контрперенос. Самая известная и глубокая работа Хайманн посвящена использованию контрпереноса, который оказывает психоаналитику существенную поддержку, но также чреват многими опасностями. Ее статья 1950 года — это первая подробно описанная возможность использования контрпереноса, и в ней оспаривается представление об аналитике как о чистом экране. Более ранняя работа Ракера (Racker, 1948), в которой излагаются сходные взгляды, была опубликована только в 1953 году и, вероятно, была неизвестна Хайманн, когда она готовила свой доклад. В то время возник значительный интерес к пересмотру природы и возможного использования контрпереноса [см. КОНТРПЕРЕНОС].

Хайманн весьма критически относилась к попыткам аналитиков сохранять холодную бесстрастность, подобно хирургу, делающему операцию (см. Freud, 1912). Она, напротив, доказывала, что чувства аналитика вполне могут соотноситься с переносными чувствами пациента и таким образом служить ключом к переносу или к его скрытым аспектам [см. 1. ТЕХНИКА; КОНТРПЕРЕНОС].

Однако в этом кроется и определенный риск, поскольку аналитик может получить полную свободу «обвинять» пациента в своих собственных душевных состояниях. Проблема отличения чувств аналитика, которые вызваны позицией, отведенной ему переносом пациента, от тех, что служат защитой от пациента и его переноса, позднее стала предметом оживленного обсуждения (Money-Kyrle, 1956; Brenman Pick, 1985; Rosenfeld, 1987). Во многом оно воспроизводит спор относительно «активной техники» Ференци (Balint, 1968). На самом деле некоторые аналитики заинтересовались контрпереносом как способом оправдать активное взаимодействие с пациентом — физическое касание, угощение чаем и т. д. (Little, 1951; Gitelson, 1952; Winnicott, 1971). Впоследствии Хайманн выступила с критикой таких неортодоксальных шагов (Heimann, 1960).

Разногласия с Кляйн. По-видимому (King, 1983), в 1950 году Кляйн попросила Хайманн отозвать ее работу о контрпереносе. Наверное, это произошло потому, что, подобно Фрейду, Кляйн опасалась возможности злоупотребления контрпереносом: существуют апокрифические истории о ее супервизиях, на которых Кляйн с большим юмором критиковала своих учеников за использование контрпереноса. Однако Хайманн отказалась забрать статью, и все лавры за важное новшество, которое в то время обдумывали и другие аналитики, достались ей (см. Little and Langs, 1981; Racker, 1948). Подобное неприятие со стороны Кляйн могло стать серьезным ударом для Хайманн и привести к их разрыву. Тем не менее, возможно, что Хайманн в некоторой мере вызывала раздражение Кляйн. Несложно заметить, что, хотя в 1940-х годах Хайманн выступала рьяным толкователем теории депрессивной позиции, она никогда не упоминала параноидно-шизоидную позицию или проективную идентификацию — дальнейшие теоретические разработки Кляйн этого десятилетия. Возможно, эти позднейшие разработки стали результатом сотрудничества Кляйн с аналитиками следующего поколения — Гербертом Розенфельдом, Ханной Сигал, Уилфредом Бионом, — но не с Хайманн.

Статья Хайманн 1950 года могла рассердить Кляйн, поскольку в этой статье она не упоминалась. Это одна из тех ситуаций лавинообразного нарастания мести, о которых Кляйн написала столь много. Последней проблемой для Хайманн стала кляйновская теория зависти (Klein, 1957 — ранее изложенная в работе 1955 года), которую Хайманн принять не смогла, даже несмотря на то, что признавала инстинкт смерти (King, 1983). В конечном итоге в своих поздних работах Хайманн отреклась от кляйнианских взглядов на инстинкт смерти (Heimann and Valenstein, 1972).

Balint, Michael (1968) *The Basic Fault*. Tavistock.

Brenman Pick, Irma (1985) 'Working through in the counter-transference', *Int. J. Psycho-Anal.* 66:157–66.

Freud, Sigmund (1912) 'Recommendations to physicians practising psychoanalysis'. *S.E.* 12, pp. 109–20.

Gitelson, M. (1952) 'The emotional position of the analyst', *Int. J. Psycho-Anal.* 33:1–10.

Heimann, Paula (1942) 'A contribution to the problem of sublimation and its relation to processes of internalization', *Int. J. Psycho-Anal.* 23:8–17.

Heimann, Paula (1950) 'On counter-transference', *Int. J. Psycho-Anal.* 31:81–4.

Heimann, Paula (1952) 'Certain functions of introjection and projection in early infancy', in Melanie Klein, Paula Heimann, Susan Isaacs and Joan Riviere, eds (1952) *Developments in Psycho-Analysis.* Hogarth, pp. 122–67.

Heimann, Paula (1960) 'Counter-transference', *Br. J. Med. Psychol.* 33:9–15.

Heimann, Paula and Isaacs, Susan (1952) 'Regression', in Melanie Klein, Paula Heimann, Susan Isaacs and Joan Riviere, eds (1952) *Developments in Psycho-Analysis.* Hogarth, pp. 169–97.

Heimann, Paula and Valenstein, Arthur (1972) 'The psycho-analytic concept of aggression', *Int. J. Psycho-Anal.* 53:31–5.

King, Pearl (1983) unpublished communication.

Klein, Melanie (1946) 'Notes on some schizoid mechanisms'. *WMK* 3, pp. 1–24.

Klein, Melanie (1957) *Envy and Gratitude. WMK* 3, pp. 176–235.

Little, Margaret (1951) 'Counter-transference and the patient's response to it', *Int. J. Psycho-Anal.* 32:32–40.

Little, Margaret and Langs, Robert (1981) 'Dialogue: Margaret Little/Robert Langs', in Little, *Transference Neurosis and Transference Psychosis.* New York: Jason Aronson, pp. 269–306.

Money-Kyrle, Roger (1956) 'Normal counter-transference and some of its deviations', *Int. J. Psycho-Anal.* 57:360–6; republished (1978) in *The Collected Papers of Roger Money-Kyrle.* Perth: Clunie, pp. 330–42.

Racker, Heinrich (1948) 'A contribution to the problem of counter-transference', published (1953) *Int. J. Psycho-Anal.* 34:313–24; republished (1968) as 'The counter-transference neurosis', in Heinrich Racker, *Transference and Counter-Transference.* Hogarth.

Rosenfeld, Herbert (1987) *Impasse and Interpretation.* Tavistock.

Winnicott, D. W. (1971) *Playing and Reality:* Tavistock.

Хороший объект
Good object

Этот термин обозначает частичный объект (воспринимаемый в бессознательной фантазии), который служит психическим представителем ощущения удовлетворенной потребности. Может существовать ряд «хороших» объектов, каждый из которых связан с ощущением конкретного типа удовлетворения [см. также ПЛОХОЙ ОБЪЕКТ], и точно так же — ряд «плохих» объектов: «В сущности, в жизни младенца очень мало людей, но он ощущает их как множество объектов, поскольку они предстают перед ним в разных аспектах» (Klein, 1952, p. 54). На самых ранних фазах хороший объект, который ощущается как единственный в каждый момент времени, обладает особой значимостью, поскольку надежная его интроекция создает основу стабильности Эго. Поскольку он является серд-

цевиной Эго, его утрата приводит к ситуации крайней ненадежности на параноидно-шизоидной позиции. Позднее, на депрессивной позиции, утрата внешнего объекта угрожает утратой хорошего внутреннего объекта, что вызывает скорбь, вину и стремление к репарации [см. ДЕПРЕССИВНАЯ ТРЕВОГА; 10. ДЕПРЕССИВНАЯ ПОЗИЦИЯ; РЕПАРАЦИЯ].

На депрессивной позиции хороший объект может поддерживаться с помощью процессов расщепления. Они постоянно обеспечивают отсутствие у хорошего объекта плохих характеристик, которые в противном случае могли бы притягивать импульсы ненависти, что означало бы риск утраты объекта. Такой объект, полученный путем расщепления, оказывается совершенным и называется «идеальным» (или «идеализированным») объектом. Он способствует нестабильности ситуации, поскольку его совершенство крайне нереалистично. Реальные объекты никогда не соответствуют ожиданиям, что на параноидно-шизоидной позиции ведет к катастрофическому разочарованию (де-идеализации), переживаемому как внезапное появление преследующего «плохого» объекта. Таким образом, «идеальный» объект следует отличать от «хорошего» [см. ИДЕАЛЬНЫЙ ОБЪЕКТ].

Klein, Melanie (1952) 'The origins of transference'. *WMK* 3, pp. 48–56.

Целостный объект
Whole object

Этот термин подразумевается в работе Абрахама о судьбе объекта и его связи с развитием либидо (Abraham, 1924). Абрахамовской теории частичных объектов и «частичной любви» Кляйн придала совершенно новое значение [см. ЧАСТИЧНЫЕ ОБЪЕКТЫ].

Депрессивная позиция. Способность воспринимать человека «таким, каким он является в действительности», — это достижение, требующее чего-то большего, чем созревание аппарата восприятия. «Хороший» объект, удовлетворяющий нужды младенца, и «плохой» объект, заставляющий его ждать, начинают распознаваться как один и тот же человек, *целостный объект* (Klein, 1935) [см. 10. ДЕПРЕССИВНАЯ ПОЗИЦИЯ]. Начинает распознаваться не только его физическое присутствие, но и *эмоциональная реальность*. Целостный объект (i) обладает собственным набором чрезвычайно смешанных чувств и мотивов, (ii) кроме того, объект распознается как *способный страдать*, подобно субъекту. Объекты больше не определяются собственными чувствами и потребностями субъекта.

Любовь и забота. Абрахам описывал частичные объекты как такие, которые всего лишь приносят удовлетворение субъекту, утоляя его нужды, а «подлинная объектная любовь» возникает только тогда, когда объект оце-

нивается как целое. Но Кляйн считала, что любовь и благодарность встречаются с самого начала. Всякий объект, приносящий удовлетворение, укрепляет благодарность и любовь, а всякий фрустрирующий — провоцирует ненависть и паранойю. В случае частичных объектов происходит резкое переключение между любовью и ненавистью соответственно состоянию младенца — чувству потребности или удовлетворенности, но на депрессивной позиции чувства к объекту обретают устойчивость и новое измерение *заботы* об объекте. Развитие способности к заботе — это значительное достижение, поскольку она для субъекта болезненна: боль объекта оказывается болью субъекта.

См. ЛЮБОВЬ; 10. ДЕПРЕССИВНАЯ ПОЗИЦИЯ; ЧАСТИЧНЫЕ ОБЪЕКТЫ

Abraham, Karl (1924) 'A short study of the development of the libido', in Karl Abraham (1927) *Selected Papers in Psycho-Analysis*. Hogarth, pp. 418–501.

Klein, Melanie (1935) 'A contribution to the psychogenesis of manic-depressive states'. *WMK* 1, pp. 262–89

Частичные объекты
Part-objects

Представление о частичных объектах впервые появилось у Абрахама. Он писал о пациентах с маниакально-депрессивными расстройствами:

> «... у одного из пациентов очень часто появлялась фантазия об откусывании носа или мочки уха у девушки, которую он обожал. Иногда он воображал, что откусывает своему отцу палец. /.../ Таким образом, мы можем говорить о *частичной инкорпорации* объекта» (Abraham, 1924, p. 487).

Абрахам рассматривал кусание и инкорпорацию части объекта как манифестацию самой ранней — оральной — разновидности любовных отношений с объектом. Он полагал, что кусание, сопровождающее любовное отношение, является амбивалентным. Согласно теории Абрахама, частичные объекты относятся к стадии амбивалентности перед обретением постамбивалентной подлинной объектной любви (целостные объекты).

Кляйн двигалась в другом направлении. В непосредственном анализе детей она показала, что установленная Абрахамом очередность фаз, которые, не перекрываясь, следуют одна за другой [см. ЛИБИДО], не вполне точна. В 1935 году она описала, как обретение целостно-объектного отношения приводит к болезненным затруднениям амбивалентности, а вовсе не к ее разрешению; частично-объектные же отношения влекли за собой ос-

вобождение Эго от амбивалентности [см. ОБЪЕКТЫ]. Поэтому для нее фантазия откусывания пальца или другого частичного объекта имела смысл инкорпорирования хорошего объекта, «хорошего» пениса.

Эмоциональный объект. Хотя в фантазиях детей и пациентов-психотиков частичные объекты представлены в виде частей тела, они лишь в минимальной степени материальны и обладают весьма немногими физическими качествами:

> «... сначала объект всех этих фантазий — грудь матери. Может показаться странным, что интерес маленького ребенка — не человек в целом, а лишь часть человека, но нужно помнить, что у ребенка чрезвычайно мало развита способность к восприятию, физическому и психическому, и потому /.../ маленький ребенок заботится лишь о немедленном удовлетворении» (Klein, 1936, p. 290).

Частичный объект — это в первую очередь объект эмоциональный, имеющий некую функцию, а не материальное существование: «частично-объектные отношения затрагивают не анатомические структуры, но только функцию, не анатомию, но физиологию, не грудь, но кормление, отравление, течение жизни, переживание ненависти» (Bion, 1959, p. 102).

Поскольку младенец не способен воспринимать истинную природу и причину своих ощущений, они интерпретируются согласно врожденным переживаниям (и знанию) [см. 2. БЕССОЗНАТЕЛЬНАЯ ФАНТАЗИЯ; ВРОЖДЕННОЕ ЗНАНИЕ]. В частности, предполагается, что объект находится в некоем эмоциональном состоянии — хорошем или плохом — и у него есть намерения или мотивы по отношению к младенцу. С самого начала объект имеет чувственные, эмоциональные и мотивационные, но не физические характеристики. Поэтому «грудь» не может вызывать все те разнообразные образы или нюансы опосредованных ею смыслов, что ассоциируются с ней позднее. Этот объект находится в более простом отношении к ребенку. Он касается щеки ребенка, внедряет сосок в его рот с хорошими или плохими намерениями. Несмотря на то, что у него есть лишь эти эфемерные качества, для младенца он совершенно реален. Подобные объекты называются «частичными объектами», хотя, с точки зрения младенца, эта часть и есть весь объект.

Всемогущество. На параноидно-шизоидной позиции частичный объект существует в связи с телесными ощущениями субъекта. Посредством проекции в объект происходит нарциссическое расширение собственных переживаний Эго, и отдельность хорошего объекта не признается. Только когда объект начинает распознаваться как целое, он обретает должное отдельное от субъекта существование, что вызывает гневный нарциссический отклик, усиливающий страхи депрессивной позиции, на которой младенец пытается оградить хороший объект от ущерба.

Способность младенца воспринимать людей как *целостные объекты* постепенно развивается, когда он начинает использовать зрение. Эта способность видеть другого человека как нечто целое является не только способностью аппарата восприятия, но и эмоциональным достижением. Обособленные объекты определяются для ребенка в основном с точки зрения их добрых или враждебных чувств и намерений по отношению к нему. Поэтому собирание частей в нечто более интегрированное или целое означает слияние обособленных объектов, представляющих отдельные чувства и намерения, в единый объект со смесью чувств и намерений. Это приближение к смешанным чувствам ставит младенца в совершенно новую и очень болезненную эмоциональную ситуацию [см. 10. ДЕПРЕССИВНАЯ ПОЗИЦИЯ]. Он вынужден отказаться от взгляда на мир с позиции всемогущества, которая создана его интерпретацией своих телесных ощущений.

Частичные объекты и синтез. Части личности могут отделяться и исторгаться во внешний мир: «В фантазиях Джорджа роли исполняли помогающие фигуры, и это отличало его тип персонификаций от типа, характерного для игры Эрны. В его играх были представлены три основных роли» (Klein, 1929a, p. 201). Таким образом, внутренний мир описывался в терминах ролей, которые могли исполняться отдельно и взаимодействовать, как при постановке на сцене. Фактически, Кляйн сравнивала драмы в фантазийном мире внутренних объектов с представлением на сцене (см. Klein, 1929b):

> «Я считаю эти механизмы (расщепление и проекцию) принципиальными факторами, влияющими на тенденцию персонификации в игре. С их помощью синтез Супер-Эго, который поддерживается ценой больших или меньших усилий, может быть на время прекращен» (Klein, 1929a, p. 205).

> «Но Супер-Эго как целое составлено из различных идентификаций, принятых на различных уровнях развития, чьи отпечатки они несут на себе. /.../ Уже в ходе процесса его построения Эго использует свою тенденцию к синтезу, пытаясь сформировать целое из этих различных идентификаций» (Klein, 1929a, p. 204).

В 1935 году Кляйн совершенно новым теоретическим способом описала реалистическое объединение некоторых из этих идентификаий как *депрессивную позицию.*

Депрессивная позиция. Это новое отношение к матери, когда чрезвычайно и исключительно хорошая и целиком дружелюбно настроенная мать (частичный объект) становится неоднозначной — и даже испорченной — фигурой и более не является источником совершенства, которого жаждет ре-

бенок. Это новое отношение к матери и есть ядро депрессивной позиции: «только когда Эго интроецировало объект как целое, /.../ оно способно постичь катастрофу, причиненную его садизмом» (Klein, 1935, p. 269). Младенец вынужден противостоять тому, что он ненавидит с самой необузданной и параноидной силой мать, которая теперь любима, заботится о нем, кормит и любит его. Подобное слияние эмоций имеет чрезвычайно дестабилизирующее действие и может встречать сопротивление. Наблюдения привели Кляйн к выводу, что младенец колеблется между параноидными отношениями и депрессивной позицией. Повторяющиеся попытки приближения к депрессивной позиции позволяют постепенно совладать с эмоциональной сумятицей [см. 10. ДЕПРЕССИВНАЯ ПОЗИЦИЯ].

В перечень частичных объектов могут входить такие: «грудь», «дети», «комбинированная родительская фигура», «матка», «мать», «мать-с-пенисом», «молоко», «отец», «пенис», «плохой объект», «ребенок», «фекалии», «хороший объект», «ягодицы».

См. ОТЕЦ; ПЛОХОЙ ОБЪЕКТ; КОМБИНИРОВАННАЯ РОДИТЕЛЬСКАЯ ФИГУРА

Abraham, Karl (1924) 'A short history of the development of the libido', in Karl Abraham (1927) *Selected Papers on Psycho-Analysis*. Hogarth, pp. 418–501.

Bion, Wilfred (1959) 'Attacks on linking', *Int.J. Psycho-Anal.* 40:308–15; republished (1967) in W. R. Bion *Second Thoughts*. Heinemann, pp. 93–109.

Klein, Melanie (1927) 'Criminal tendencies in normal children'. *WMK* 1, pp. 170–85.

Klein, Melanie (1929a) 'Personification in the play of children'. *WMK* 1, pp. 199–209.

Klein, Melanie (1929b) 'Infantile anxiety-situations reflected in a work of art and in the creative impulse'. *WMK* 1, pp. 210–18.

Klein, Melanie (1935) 'A contribution to the psychogenesis of manic-depressive states'. *WMK* 1, pp. 262–89.

Klein, Melanie (1936) 'Weaning'. *WMK* 1, pp. 290–305.

Эго
Ego

Кляйн не использовала термин «Эго» с такой строгостью, как Фрейд в своей структурной модели, включающей в себя Эго, Ид и Супер-Эго. Зачастую она вместо «Эго» писала «самость» («self»), и наоборот. По мнению Кляйн, Эго существует с рождения, обладает границей и опознает объекты. Оно выполняет определенные функции чрезвычайно примитивного характера: (i) отделения «я» от «не-я»; (ii) отличения хорошего (приятных ощущений) от плохого; (iii) формирования фантазий об инкорпорации и выталкивании (интроекции и проекции); (iv) формирования фантазии о соединении преконцепций и реализаций. Такое понимание противоположно пониманию в эго-психологии и психологии самости, где происхождение Эго датируется несколькими месяцами после рождения [см. ЭГО-ПСИХОЛОГИЯ].

Аналитики много спорят о применении термина «Эго», который является латинизмом, возникшим в ходе перевода фрейдовских трудов на английский язык. Начиная с описания в структурной модели инстанций Ид, Эго и Супер-Эго, в классической аналитической теории и эго-психологии существует тенденция описывать Эго в терминах механизмов.

Подобная механистическая позиция, видимо, согласуется с исходными намерениями Фрейда, изложенными в его раннем «проекте» (Freud, 1895), но противоречит более гуманитарной окрашенности его интереса к литературе и классической культуре, его языка и общего тяготения в ходе всей работы к человеческому переживанию (Freud, 1925). В итоге Фрейд оставил попытки выстроить систему неврологического детерминизма (Schafer, 1976; Bettelheim, 1983; Steiner, 1987). Кляйн никогда не была близка та «научная» структура, к которой, по-видимому, стремился Фрейд [см. 7. СУПЕР-ЭГО]. Во всяком случае, ее гораздо более интересовало понимание *содержания* тревоги, чем энергия, ее вызывающая: «Я исходила из некоторых уже установленных правил, интерпретируя то, что мне казалось наиболее неотложным в материале ребенка, и обнаружила, что мой интерес сосредоточен на его тревогах и защитах от них» (Klein, 1955, p. 123).

Самость. Термин «самость», который Кляйн часто использовала как синоним «Эго», по-видимому, относится к переживанию субъекта, его фантазиям о себе. Если «Эго» означает часть структуры психики, описываемой объективно, «самость» скорее означает субъекта *в его собственных фантазиях*, описываемых с субъективной точки зрения. Таким образом, «самость» скорее всего выражает аспект кляйнианских теорий, связанный с отношениями, как и термин «субъект», который лучше согласуется с использованием термина «объект». Однако совершенно справедливо, что в своих работах Кляйн не делает различия между «Эго», «самостью» и «субъектом» [см. САМОСТЬ]. В рамках эго-психологии, напротив, «самость» является репрезентацией, которую Эго катектировало (инвестировало психической энергией) (Hartmann, 1950; Sandler and Rosenblatt, 1962). Это различение, предложенное Хартманном, позднее привело к развитию направления эго-психологии, известного как *психология самости* (Kohut, 1971) [см. ЭГО-ПСИХОЛОГИЯ].

Ранее Эго. Вначале состояния интеграции Эго чередуются с состояниями дезинтеграции: «раннее Эго испытывает сильную нехватку связности, и тенденция к интеграции чередуется с тенденцией к дезинтеграции, распаду на части» (Klein, 1946, p. 4). Это позднее описывала Бик (Bick, 1968) у младенцев в первые недели жизни [см. БИК]. Тогда как классический психоанализ концентрируется на Эго как органе, стремящемся к разрядке инстинктивных напряжений под давлением Ид, Супер-Эго и реальности, и который можно описать в терминах его структуры и функций, Кляйн рас-

сматривает Эго под другим углом: как функцию, посредством которой субъект осознает свои собственные состояния и процессы[1]. Кляйн описывает это осознание в терминах фантазий Эго о борьбе с тревогами, переживаемыми в ходе его отношений с объектами. Объекты хотя и воспринимаются через призму инстинктов, но создают мир переживаний, тревог, любви, ненависти и страхов, а не состояний разрядки. Эго борется за поддержание своей интегрированности перед лицом своих болезненных переживаний объектов, угрожающих аннигиляцией [см. РАЗВИТИЕ].

Однако вначале Эго крайне нестабильно, и его первые функции — это отчаянные попытки добиться стабильности. На разных стадиях своего теоретического развития Кляйн по-разному представляла себе первое действие Эго:

(i) в 1932 году она считала первичной функцией Эго отклонение инстинкта смерти на внешний объект, который затем вызывал страх как преследователь: механизм проекции [см. 7. СУПЕР-ЭГО];

(ii) в 1935 году Кляйн стала рассматривать интроекцию хорошего объекта в качестве основания Эго [см. 10. ДЕПРЕССИВНАЯ ПОЗИЦИЯ; 11. ПАРАНОИДНО-ШИЗОИДНАЯ ПОЗИЦИЯ];

(iii) в 1957 году она описала первую функцию Эго как разновидность расщепления, фундамент способности суждения (Freud, 1925), хотя исходно чрезвычайно нарциссического характера [см. 12. ЗАВИСТЬ; СОСТОЯНИЯ СПУТАННОСТИ].

Bettelheim, Bruno (1983) *Freud and Man's Soul*. Hogarth.

Bick, Esther (1968) 'The experience of the skin in early object relations', *Int.J. Psycho-Anal.* 49:484–6; republished (1987) in Martha Harris and Esther Bick, *The Collected Papers of Martha Harris and Esther Bick*. Perth: Clunie, pp. 114–18.

Freud, Sigmund (1895) 'Project for a scientific psychology'. *S.E.* 1, pp. 283–397.

Freud, Sigmund (1925) 'Negation'. *S.E.* 19, pp. 235–9.

Hartmann, Heinz (1950) 'Comments on the psycho-analytic theory of the ego', *Psychoanal. Study Child* 5:74–96.

Klein, Melanie (1932) *The Psycho-Analysis of Children. WMK 2*.

Klein, Melanie (1935) 'A contribution to the psychogenesis of manic-depressive states'. *WMK* 1, pp. 262–89.

Klein, Melanie (1946) 'Notes on some schizoid mechanisms'. *WMK* 3, pp. 1–24.

Klein, Melanie (1955) 'The psycho-analytic play technique: its history and significance'. *WMK* 3, pp. 122–40.

Klein, Melanie (1957) *Envy and Gratitude. WMK* 3, pp. 176–235.

Kohut, Heinz (1971) *The Analysis of the Self*. New York: International Universities Press.

Sandler, Joseph and Rosenblatt, B. (1962) 'The concept of the representational world', *Psychoanal. Study Child* 17:128–45.

[1] См. примечание в главе 11, с. 191.

SCHAFER, ROY (1976) *A New Language for Psycho-Analysis*. New Haven: Yale.
STEINER, RICCARDO (1987) 'A world wide international trade mark of genuineness?', *Int. Rev. Psycho-Anal.* 14:33–102.

Эго-психология (Классический психоанализ Ego-psychology (Classical Psychoanalysis)

Классический психоанализ, в его виде к моменту смерти Фрейда в 1939 году, был продолжен в форме исследовательского направления, специально посвященного Эго, что привело к возникновению главенствующей школы психоанализа, *эго-психологии*. Несмотря на радикальные отклонения от фрейдистской традиции, эго-психология заняла положение наследницы этой традиции в чистой ее форме. Это произошло частично по причинам количественного характера. Венцы эмигрировали по большей части в Америку, и поскольку в Соединенных Штатах начиная с 1940-х годов и заканчивая серединой 1970-х происходил бурный рост интереса к психоанализу, количество психоаналитиков, обученных в данной главенствующей традиции, превзошло численность любой другой группы.

Эго-психология — это исследование развития и структуры Эго в рамках структурной модели Фрейда (Freud, 1923). Это модель психики, состоящей из трех взаимосвязанных инстанций: Ид, Эго и Супер-Эго. Внутренний конфликт между инстинктивным Ид и цивилизованным Супер-Эго помещает Эго в ключевую позицию посредника между ними и в конечном счете выражает борьбу между индивидом и обществом. Поэтому функционирование Эго стало предметом особого психоаналитического интереса, и флагманом этого направления выступила Анна Фрейд с книгой «Эго и механизмы защиты» (Anna Freud, 1936). Данное направление оформилось в школу психоаналитической мысли и практики, когда Хартманн привнес в него явно выраженную адаптивную точку зрения, изложенную в его работе «Психология Эго и проблема адаптации» (Hartmann, 1939).

Этот теоретический подход был вынесен за пределы Вены в результате оккупации Австрии фашистской Германией. Консолидация школы произошла в Соединенных Штатах, хотя ее глава, Анна Фрейд, оставалась в Лондоне (без медицинской степени ей было бы запрещено практиковать психоанализ в Соединенных Штатах, а в Британии такого ограничения не существовало). В Соединенных Штатах венская традиция подверглась влиянию еще с двух сторон. Во-первых, в Америке очень сильна была социальная психология. В психиатрии это выражалось ориентацией на куль-

туру, в частности, у Салливана, для которого социальный, культурный и семейный контекст представлял собой важнейшее измерение развития и психопатологии. Такой подход гармонировал с адаптивной направленностью венского психоанализа и содействовал укреплению интерперсональной направленности американского психоанализа. Во-вторых, свое влияние оказала доминирующая в Соединенных Штатах бихевиористская психология, что, возможно, привело к более механистическому стилю эго-психологической школы.

Эго-психология вышла на первый план преимущественно в середине 1950-х и с тех пор удерживает главенствующую позицию в Соединенных Штатах. Она концептуально согласуется с определенными выводами психологии развития, особенно с работами Харлоу (Harlow and Zimmermann, 1959; Harlow, 1961) о важных изменениях в развитии обезьян, выращенных с использованием механических заместителей матери. На данные работы ссылался Боулби (Bowlby, 1969), находя в них свидетельство значимости любящей привязанности (affectionate bonding), инстинктивной, но при этом отличной от классических оральных инстинктов (голода) [см. ЛЮБОВЬ]. Эго-психология опиралась не на эти экспериментальные труды, а на психоанализ, однако пришла к похожим выводам: существуют такие аспекты Эго и его развития, которые выходят за пределы классической психоаналитической теории ослабления влечений (drive-reduction). Согласно теории влечений [см. ЛИБИДО], организм всегда ведет себя так, чтобы минимизировать фрустрацию первичных телесных инстинктов: инстинкта выживания и полового инстинкта. Помимо ослабления влечений, утверждает эго-психология, существует целая область развития, которое Эго проходит самостоятельно (т. е. независимо от инстинктов), — это сфера психического развития, происходящего вне инстинктов. Было постулировано наличие особого источника психической энергии внутри Эго, отдельного от инстинктивной энергии Ид, потенциально с ним конфликтующей.

Однако начиная с 1960-х годов возникло понимание ограниченности эго-психологии, особенно в области объектных отношений, и появился интерес к некоторым британским аналитикам школы объектных отношений — более всего к Фэйрберну и Розенфельду (к последнему — благодаря его работе с шизофрениками) [см. ФЭЙРБЕРН; РОЗЕНФЕЛЬД]. По-видимому, расцвет эго-психологической школы психоанализа уже миновал. В последнее время в Соединенных Штатах все более слышна умеренная ее критика, связанная с отсутствием в эго-психологии полноценной теории объектных отношений [см. ниже].

Наряду с Анной Фрейд и Хартманном, основными представителями эго-психологии являются Крис, Левенштайн и Рапапорт. Рапапорт (Rapaport, 1958) сделал краткий исторический очерк эго-психологии, Бланк и Бланк (Blanck and Blanck, 1974) предложили более основательный обзор.

Теория адаптации. Центральной частью эго-психологии является теория адаптации. Представление об автономных функциях Эго (в частности, функциях синтеза), начиная с фрейдовской теории тревоги (Freud, 1926), развивалось в описаниях определенных черт Эго (подвижности, восприятия, памяти и т. д.), никак не обусловленных ни Ид, ни действием инстинктов, ни конфликтами, которые порождены Ид. Эго выполняет функцию, независимую от Ид, — функцию адаптации к окружению. В принципе, эго-психология предполагает, что нормальное Эго с рождения наделено постепенно развертывающимися способностями к адекватному контакту со *среднеожидаемым окружением (the average exactable environment)*. Поэтому контакт индивида с социальным окружением (посредничество Эго между Ид и Супер-Эго) гармоничен, если его не нарушает окружение, не соответствующее ожиданиям. Такой эпигенез Эго, адаптирующегося к контакту с обществом, вполне обособлен от развертывания фаз либидо. Особое внимание этому уделил Эриксон (Erikson, 1951), определивший последовательные стадии типичного развития Эго.

Эта теория

> «посвящена Эго и социальному аспекту объектных отношений. Она рассматривает заботящихся о ребенке людей как представителей общества, как носителей его институциональных, воспитательных и традиционно-культурных моделей и тем самым показывает, что каждое общество встречает каждую фазу развития своих членов специально предназначенными для этого институциями (родительский уход, школы, учителя, профессии и т. д.), которые обеспечивают жизнеспособность индивида. /.../ Данная теория не предполагает, что социальные нормы пересаживаются генетически асоциальному индивиду путем “дисциплинирования” и “социализации”; здесь говорится, что общество превращает индивида в своего члена путем воздействия на способ решения задач, которые ставит каждая фаза его эпигенетического развития» (Rapaport, 1958, p. 753).

Предложенное описание радикально расходится с представлением о существенно динамическом обретении индивидом членства в группе на основе проективных и интроективных идентификаций.

Таким образом, эго-психология считает предметом психоанализа нормативный процесс, когда общество мягко содействует индивиду, который хочет к нему приспособиться; цель психоанализа — коррекция этого процесса (если адаптация происходит неправильно) посредством поддержки механизмов, позволяющих индивиду приспособиться к обществу и к способу, каким, с точки зрения данного общества, он должен решать свои проблемы.

Вопросы, занимающие эго-психологов, таковы: (i) происхождение Эго из симбиотического первичного нарциссизма; (ii) особые функции Эго, включая те, что относятся к его свободным от конфликта областям (дви-

жение, восприятие, память и т. д.); (iii) механизмы адаптации и защиты Эго; (iv) развитие точной техники интерпретации предсознательного (противопоставляемого бессознательному); (v) приверженность духу ранних фрейдовских поисков научной (детерминистской) психологии (Freud, 1895).

КРИТИКА ЭГО-ПСИХОЛОГИИ. Есть ряд существенных разногласий между влиятельными американскими концепциями и кляйнианскими разработками.

Первый год жизни и отсутствие границ. Это вопрос выбора между понятием о первичном нарциссизме и представлением о существовании объектных отношений с самого рождения. Преданность эго-психологов фредовской теории нарциссизма привела к возникновению особо труднопреодолимых расхождений с кляйнианцами. Шпиц (Spitz, 1950) и Малер (Mahler *et al.*, 1975) интересовались очень ранним развитием Эго, когда после начального периода первичного нарциссизма формируется психика. Шпиц признавал существование истинной тревоги в возрасте не моложе шести месяцев. Малер датировала «психологическое рождение младенца» возрастом девяти месяцев или около того.

Эго-психологи отрицают способность младенца распознавать границы Эго и различать хорошие и плохие объекты, на которых настаивает Кляйн; также, с точки зрения эго-психологов, младенец не способен фантазировать до шести-девяти месяцев [см. 2. БЕССОЗНАТЕЛЬНАЯ ФАНТАЗИЯ]. Это очень важное различие во взглядах, поскольку кляйновская концепция примитивных защитных механизмов, действующих в первые шесть месяцев жизни, просто не принимается эго-психологами, которые считают, что Эго на этой стадии не существует [см. 2. БЕССОЗНАТЕЛЬНАЯ ФАНТАЗИЯ; ГЕНЕТИЧЕСКАЯ НЕПРЕРЫВНОСТЬ].

Первичный нарциссизм. Мнение Эго-психологов, что объектные отношения существуют не с самого рождения, основано на высказываниях самого Фрейда, особенно из его статьи о нарциссизме (Freud, 1914). Эта точка зрения нашла поддержку в экспериментальных работах Шпица (Spitz, 1950) и Малер (Mahler *et al.*, 1975). Однако в последнее время у некоторых эго-психологов возникают серьезные сомнения относительно данной позиции. Например, Хоффер (Hoffer, 1981) отмечал: «Если в моем предположении, что здесь мы наблюдали галлюцинаторное исполнение желаний, есть хотя бы доля истины, невозможно далее считать, что безобъектное состояние младенчества длится сколько-нибудь значительное время» (цит. по: Britton, 1982). Стерн, опираясь на результаты исследований в области психологии развития, пересмотрел взгляды на субъективный опыт младенца в первые месяцы после рождения и пришел к выводу о существовании сложного Эго, способного к познанию, аффектам и социальным взаимодействиям в том возрасте, который раньше относили к периоду первичного нарциссизма.

Место деструктивности. Эго-психологи категорически возражают против понятия об инстинкте смерти, считая его клинически бесполезным (Kernberg, 1969; Dorpat, 1983) [см. ИНСТИНКТ СМЕРТИ].

Различные точки зрения (субъективная и объективная). Кляйнианскую метапсихологию, которая определяет типичные переживания и фантазии пациента и утверждает, что они оказывают постоянное структурирующее воздействие на личность, критикуют за (i) овеществление феноменов и (ii) спутывание уровня описания переживания пациента с уровнем психоаналитической теории. Эту проблему нельзя назвать незначительной или просто отмахнуться от нее, объяснив спутанностью мышления. Наука о субъективности должна принимать во внимание то, что объект исследования субъективен и наблюдатель пользуется собственной субъективностью в форме эмпатии и интуиции для достижения научного понимания. Мы обсуждаем это в другом месте [см. СУБЪЕКТИВНОСТЬ], но вкратце укажем, что спор сосредоточен на том, какой статус следует придавать собственным теориям пациента (включая теории бессознательные) относительно работы его психики — например, сон о поглощении некоего объекта, представленного аналитиком, может свидетельствовать о бессознательной фантазии пациента об инкорпорации, и эта картина точно совпадает с концепцией аналитика об интроекции аналитика. Фантазии пациента и теории аналитика с трудом поддаются разделению.

Адаптация или интеграция. Сама цель психоаналитической терапии понимается в эго-психологии и кляйнианском психоанализе совершенно поразному. Кляйнианцы считают своей целью интеграцию тех аспектов личности, которые либо отщеплены друг от друга, либо находятся друг с другом в постоянном конфликте [см. РАЗВИТИЕ]. Это довольно ощутимо расходится с целью эго-психологов — разблокировать следующее врожденному порядку развертывание нормативной адаптации к социальному миру посредством зрелого и свободного от конфликтов альянса с пациентом.

Сигал настаивала на том, что Эго всегда развивается в отношении к своим объектам и в контексте своих импульсов в этих отношениях:

> «Я не могу согласиться с тем, что мы игнорируем автономные функции Эго, такие, как речь. Сказанное мною о моей работе по символизму и о теориях Биона должно было показать, как много внимания мы уделяем этим процессам. Дело в том, что мы рассматриваем их не как *автономные* функции Эго, но как функции, развившиеся в тесной связи с объектными отношениями» (Segal, 1977, pp. 380–381).

Бион разработал теорию мышления, основанную на двух предложенных Фрейдом принципах функционирования психики, согласно которой мыс-

ли и мыслящий аппарат порождаются Эго в эмоциональном беспорядке и богатой конфликтами борьбе за управление своими объектами (внутренними и внешними) [см. МЫШЛЕНИЕ].

В Соединенных Штатах бытует радикальное мнение, что «функция психоанализа в культуре нашего времени изменилась» (Marcuse, 1969, p. 190). Развитие адаптивного подхода выражает собой конформистский компонент американской культуры, вероятно, особенно свойственный иммигрантским ее пластам. Адаптивный подход, подчеркивая нормализованное и неконфликтное вхождение индивида в общество, как в концепции Эриксона, стремится умалить врожденные «негативные» аспекты человека, препятствующие послушанию социальным стандартам, о которых подробно писал Фрейд (Freud, 1930; Jacoby, 1975). Защитные механизмы, направленные против сексуальности, выводятся из центра внимания анализа, а их место занимают механизмы адаптивные.

Лечебный альянс. Эго-психолог рассматривает Эго пациента как призванное управлять импульсами Ид. Эго и вместе с ним аналитик находятся как бы над водоворотом инстинктов Ид. Считается, что Эго, наделенное автономными функциями, имеет свободные от конфликтов зоны, которые психоаналитик стремится обнаружить, тем самым устанавливая «лечебный альянс» (Zetzel, 1956).

Кляйн же, напротив, считала, что все виды деятельности Эго прочно смешаны с конфликтами между любовью и ненавистью. Позитивный альянс с аналитиком существует безусловно, но он не свободен от вмешательств агрессивных, деструктивных и завистливых частей самости. Ведь та часть Эго, которая вовлечена в альянс с аналитиком, может быть зависимой самостью младенца — то есть частью самости, которая способна принимать зависимость.

Это различие приводит к серьезным расхождениям в технике [см. 1. ТЕХНИКА]. Эго-психолог призывает пациента осознанно признать определенные содержания его предсознательного, производные влечений, которые ближе всего подходят к поверхности психики пациента. Таким образом аналитик примыкает к Эго пациента в его борьбе с импульсами Ид. Кляйн же считала, что для того, чтобы установить и поддерживать аналитическую ситуацию, аналитику следует предоставлять глубокие интерпретации, соответствующие уровню тревоги пациента.

Репрезентации. Эго-психологи уделяют много внимания фрейдовским описаниям интроекции и «модификации Эго». Однако существует радикальное различие в терминологии, ведущее к значительному взаимному непониманию. Кляйн считала, что восприятие объекта сопровождается фантазией его инкорпорации, и это приводит к возникновению внутреннего объекта: конкретного, реального, внутреннего, наделенного намерениями, антропоморфным образом расцениваемыми субъектом. Он существует

наряду с усложненной памятью, где есть репрезентации объекта — распознаваемые как отдельные от объекта. Представление объекта в памяти и в сознании — нечто совершенно иное, чем внутренний объект, который *не* отличаем от объекта внешнего. Важно не толковать «внутренний объект» как «репрезентацию объекта» (object representation) [см. 5. ВНУТРЕННИЕ ОБЪЕКТЫ].

Механистический психоанализ. Для эго-психологии характерна чрезвычайно объективистская механистическая терминология. По-видимому, в Соединенных Штатах она испытала влияние бихевиористской психологии, с ее вниманием к Эго, которое обеспечивает адаптацию к обществу. Развитие гуманистической психологии, вероятно, было обусловлено реакцией на то, что ощущалось как механистический взгляд на человека (Hinshelwood and Rowan, 1988). Некоторые психоаналитики также устояли против очевидно дегуманизирующего подхода, принятого в американском психоанализе (Bettelheim, 1960; Fromm, 1971; Schafer, 1976):

> «Безусловно, в Соединенных Штатах “лечение душевной болезни” принято считать главной задачей психоанализа, так же, как лечение телесной болезни — главной задачей медицины. Ожидается, что всякий, кто проходит психоанализ, достигнет не столько более глубокого понимания себя и лучшего контроля над своей жизнью, сколько осязаемых результатов — такого же типа , каких добивается врач, занимающийся телом. В Соединенных Штатах из всего багажа теории Фрейда наиболее востребованной оказалась концепция механизмов приспособления. Это раскрывает характер признания психоанализа в Америке, в частности, потому, что Фрейд мало обращал внимание на “приспособление” и не считал его особо значимым. На самом деле /.../ концепция приспособления была внедрена во фрейдистскую систему взглядов вследствие ее первостепенной важности в системе ценностей американских психоаналитиков, и это изменение объясняет повсеместное признание психоанализа в Америке» (Bettelheim, 1983, p. 40).

Реакция на критику. Эго-психология, похоже, откликнулась только на последнюю из перечисленных выше претензий, касающуюся механистического отзвука в ее терминологии. Произошло смещение интереса от механизмов Эго к объектным отношениям и репрезентации самости:

> «Суть этих претензий [к эго-психологии] заключается в том, что некоторые решающе важные моменты и черты развития личности и психопатологии, связанные с объектными отношениями и самостью, нелегко вписываются в базовую модель традиционной теории, модель Ид – Эго. Например, описания психологического раз-

вития, наиболее значимые для многих современных клиницистов и теоретиков, не касаются психосексульного развития, но выделяют такие измерения, как различение самости и другого, движение от сепарации–индивидуации и степень связности самости (self-cohesiveness)» (Eagle, 1984, p. 18).

Очевидно, многие из этих клинических проблем исследованы Кляйн и ее коллегами при описании параноидно-шизоидной позиции и проективной идентификации [см. 11. ПАРАНОИДНО-ШИЗОИДНАЯ ПОЗИЦИЯ; 13. ПРОЕКТИВНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ], но здесь они сформулированы в чужой терминологии.

Ряд аналитиков в Соединенных Штатах признали это и пытались укрепить эго-психологию заимствованиями из теории объектных отношений [см. 13. ПРОЕКТИВНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ]. Игл (Eagle, 1984) описывает четыре основных тенденции:

(i) Комбинированный подход. Малер (Mahler *et al.*, 1975) и в некоторой степени Джейкобсон (Jacobson, 1964) продолжают придерживаться традиционной теории инстинктов, пытаясь в то же время осуществить ее синтез с теорией объектных отношений, — см., например, работы Кёрнберга (Kernberg, 1980) и Гротстайна (Grotstein, 1981). Лэнгс (Langs, 1978) и Огден (Ogden, 1982) стали уделять пристальное внимание объектным отношениям, но тем не менее их работа все еще связана с интерперсональным адаптивным подходом. Они особым образом использовали концепцию проективной идентификации, стремясь достичь понимания межличностного аспекта психоаналитического сеттинга.

(ii) Двухфакторная теория. Кохут (Kohut, 1971) и Моделл (Modell, 1975) работают как с теорией инстинктов, так и с теорией объектных отношений, применяя каждую там, где это уместно для определенных пациентов или на определенных стадиях анализа пациента.

(iii) Отказ от теории инстинктов. Дж. С. Клейн (G. S. Klein, 1976) — представитель тех психоаналитиков Соединенных Штатов, которые следуют подходу Фэйрберна и полностью отбросили теорию инстинктов.

(iv) Психология самости. Работа Кохута (Kohut, 1971) с пограничными и нарциссическими пациентами привела к развитию психологии отношений с самостью. Исходя из того, что чувство самости — это первая психологическая борьба младенца (когда первичный нарциссизм уступает знанию о существовании объекта и отношению к нему), Кохут сосредоточился не столько на отношении к объекту, сколько на самости, которая осуществляет данное отношение. Эта точка зрения во многом напоминает подход Кляйн и Винникотта, согласно которому первое, чем вынужден занимать-

ся младенец, — поддержание чувства самости, а ему противостоит страх аннигиляции. Кохут обязан Винникотту описанием значимости объекта как зеркала, при помощи которого развивается образ самости.

Bettelheim, Bruno (1960) *The Informed Heart*. Hogarth.

Bettelheim, Bruno (1983) *Freud and Man's Soul*. Hogarth.

Bick, Esther (1964) 'Notes on infant observation during psycho-analytic training', *Int. J. Psycho-Anal.* 45:558–66; republished (1987) in Martha Harris and Esther Bick, *The Collected Papers of Martha Harris and Esther Bick*. Perth: Clunie, pp. 240–56.

Blanck, Gertrude and Blanck, Rubin (1974) *Ego-Psychology: Theory and Practice*. New York: Columbia University Press.

Bowlby, John (1969) *Attachment and Loss*. Hogarth.

Britton, Ronald (1982) 'Review of Hoffer's *Early Development of the Child', Int. J. Psycho-Anal.* 63:389–91.

Dorpat, T. L. (1983) 'Book review of Grotstein's *Splitting and Projective Identification', Int. J. Psycho-Anal.* 64:116–19.

Eagle, Morris (1984) *Recent Developments in Psycho-Analysis*. New York: McGraw-Hill.

Erikson, Erik (1951) *Childhood and Society*. Imago.

Freud, Anna (1936) *The Ego and the Mechanisms of Defence*. Hogarth.

Freud, Sigmund (1895) 'Project for a scientific psychology'. *S.E.* 1, pp. 283–397.

Freud, Sigmund (1914) 'On narcissism'. *S.E.* 14, pp. 67–102.

Freud, Sigmund (1923) *The Ego and the Id*. *S.E.* 19, pp. 3–66.

Freud, Sigmund (1926) *Inhibitions, Symptoms and Anxiety*. *S.E.* 20, pp. 77–175.

Freud, Sigmund (1930) *Civilization and its Discontents*. *S.E.* 21, pp. 59–145.

Fromm, Erich (1971) *The Crisis of Psycho-Analysis. Jonaihan* Cape.

Grotstein, James (1981) *Splitting and Projective Identification*. New York: Jason

Aronson. Harlow, H. F. (1961) 'The development of affectional patterns in infant monkeys', in Brian Foss, ed. *The Determinants of Infant Behaviour,* vol. 1. Methuen, pp.75–88.

Harlow, H. F. and Zimmermann, R. R. (1959) 'Affectional responses in the infant monkey', *Science* 130: 421–32.

Hartmann, Heinz (1939) *Ego Psychology and the Problem of Adaptation,* published in English (1958). New York: International Universities Press.

Hinshelwood, R. D. and Rowan, John (1988) 'Is psycho-analysis humanistic?', *Br. J. Psychother.* 4: 142–7.

Hoffer, Willi (1981) *Early Development and Education of the Child*. Hogarth.

Isaacs, Susan (1948) 'The nature and function of phantasy', *Int. J. Psycho-Anal.* 29:73–97; republished (1952) in Melanie Klein, Paula Heimann, Susan Isaacs and Joan Riviere, eds *Developments in Psycho-Analysis*. Hogarth, pp. 67–121.

Jacobson, Edith (1964) *The Self and the Object World.* New York: International Universities Press.

Jacoby, Russell (1975) *Social Amnesia*. Boston: Beacon Press.

Kernberg, Otto (1969) 'A contribution to the ego-psychological critique of the Kleinian school', *Int. J. Psycho-Anal.* 50:317–33.

Kernberg, Otto (1980) *Internal World and External Reality.* New York: Jason Aronson.

Klein, G. S. (1976) *Psycho-Analytic Theory: An Exploration of Essentials*. New York: International Universities Press.

Kohut, Heinz (1971) *The Analysis of the Self*. New York: International Universities Press.

Langs, Robert (1978) *The Listening Process*. New York: Jason Aronson.

Mahler, Margaret, Pine, Fred and Bergman, Anni (1975) *The Psychological Birth of the Human Infant*. Hutchinson.

Marcuse, Herbert (1969) *Eros and Civilization*. Sphere.

Modell, Arthur (1975) 'The ego and the id: 59 years later', *Int. J. Psycho-Anal* 56:57–68.

Money-Kyrle, Roger (1958) 'On the process of psycho-analytic inference', *Int. J. Psycho-Anal.* 59:129-33; republished (1978) in *The Collected Papers of Roger Money-Kyrle*. Perth: Clunie, pp. 343–52.

Ogden, Thomas (1982) *Projective Identification and Psychotherapeutic Technique*. New York: Jason Aronson.

Rapaport, David (1951) 'The conceptual model of psycho-analysis', *Journal of Personality* 20:56–81.

Rapaport, David (1958) 'A historical survey of psychoanalytic ego psychology', *Bulletin of the Philadelphia Assn. for Psychoanalysis* 8:105–20; republished in *The Collected Papers of David Rapaport*. New York: Basic, pp. 745–57.

Schafer, Roy (1976) *A New Language for Psycho-Analysis*. New Haven: Yale.

Segal, Hanna (1977) 'Discussion on "Kleinian theory today"', *J. Amer. Psychoanal. Assn* 25:363-85.

Spitz, Rene (1950) 'Anxiety in infancy, a study of its manifestations in the first year of life', *Int. J. Psycho-Anal.* 31:138–43.

Stern, Daniel (1985) *The Interpersonal World of the Infant*. New York: Basic.

Waelder, Robert (1937) 'The problem of the genesis of psychical conflict in earliest infancy', *Int. J. Psycho-Anal.* 18:406–73.

Zetzel, Elisabeth (1956) 'Current concepts of transference', *Int. J. Psycho-Anal.* 37:367–76.

Экономическая модель
Economic model

Сводная психоаналитическая теория Фрейда, известная под названием метапсихологии, содержит в себе ряд различных рабочих моделей психики: топографическую, динамическую, модель развития, модель структурную и экономическую. Как правило, Кляйн не стремилась менять всеобъемлющие модели, но в некоторых случаях могла заниматься конкретизацией их содержания: например, изменяла порядок этапов инфантильного развития или показывала сложность внутренней структуры психики в рамках структурной модели. В принципе, она вообще была склонна отрицать, что сколько-нибудь существенно видоизменяет теории Фрейда.

Однако ясно, хотя и не все это признают, что взгляды Кляйн радикально отличаются от представления о психике как об энергетической системе,

действующей по замкнутым экономическим линиям. Идеи Фрейда развивались, следуя физической науке девятнадцатого века, основанной на принципе сохранения энергии. Он внедрил этот принцип в психоаналитическую психологию в качестве *закона сохранения психической энергии* и в своей ранней работе рассматривал возможные преобразования гипотетической психической энергии и ее количественное распределение (Freud, 1895) [см. ИНСТИНКТЫ]. Кляйн же начала работать, когда цельность науки девятнадцатого века разрушалась. Возможно также, что научная подготовка Кляйн была слишком слабой, чтобы как-то на нее влиять; таким образом она была более свободна от того научного багажа, со всей его строгостью, который Фрейд принес в психологию. Понимание инстинктов у Кляйн было определенно нефрейдистским. Она не придерживалась принципа сохранения энергии и постоянно развивала свои идеи — как если бы определенная форма любовного импульса была способна распространяться, как бы умножаясь, аналогично импульсам агрессивным. Поэтому у нее импульсы, направленные на внешние объекты, всегда «распространяются» на внутренние объекты, и наоборот. Как проницательно отмечают Гринберг и Митчелл, согласно Кляйн «любовь к одному объекту не ограничивает, но усиливает любовь к другим. В любви взрослого, например, любимого любят не вместо исходных эдипальных объектов, но вдобавок к ним» (Greenberg and Mitchell, 1983, p. 144). Нет никакого закона сохранения любви.

Некоторые авторы — например Йорк (Yorke, 1971) — утверждают, что Кляйн вместо количественного распределения либидо стала интересоваться количественным соотношением инстинктов жизни и смерти. Строго говоря, это неверно, и причина такого заблуждения кроется, вероятно, в ошибочном мнении, что, согласно Кляйн, всякое развитие обусловлено предопределенной (врожденной) схемой. На самом деле она показала, как агрессивные импульсы могут инициировать борьбу за развитие любовных импульсов или становиться толчком к продвижению (возможно, преждевременному) на генитальную позицию. Подвижность импульсов, их умножение, очевидно намеренная манипуляция ими ради укрепления любви в противовес агрессии совершенно выходят за рамки фрейдовской экономической модели количественного сохранения.

Подобные идеи возникли из представления Кляйн о природе инстинктов и бессознательной фантазии. Как ясно подытожила Айзекс, «фантазия, в первую очередь, есть ментальное следствие, психический представитель инстинкта. Нет влечения, нет инстинктивной потребности или реакции, которые бы не переживались в виде бессознательной фантазии» (Isaacs, 1952, p. 83) [см. 2. БЕССОЗНАТЕЛЬНАЯ ФАНТАЗИЯ]. Поэтому психика содержит «репрезентацию», а не физическое количество или качество. Это кажется предвосхищением современного интереса к теории коммуникации, посвященной распространению информации. Подобно информации, фантазии о взаимоотношениях с объектами не подчиняются закону сохранения.

Такой неявный отказ от экономической модели является следствием внимания к объектным отношениям. Согласно Фрейду, целью принципа удовольствия является разрядка психической энергии, а боль (неудовольствие) — это накопление неразряженной энергии:

> «Мелани Кляйн описывала нечто подобное принципу удовольствия, но с другой точки зрения. Это ранний механизм защиты, который она назвала проективной идентификацией. По ее представлению, младенец защищает свое Эго от невыносимой тревоги, отщепляя и проецируя нежелательные импульсы, чувства и т. д. в свой объект. Это взгляд с позиции объектных отношений на разрядку доставляющих неудовольствие напряжений и раздражителей» (O'Shaughnessy, 1981, p. 182).

В рамках экономической модели Фрейда влечение, не достигающее цели, порождает фрустрацию, тогда как в кляйнианской системе взглядов эта ситуация вызывает скорбь по объекту (на него было направлено влечение), которого невозможно достичь. Эвакуация переживаемой тревоги посредством проективной идентификации в объект весьма отличается от разрядки гипотетической психической энергии, не достигшей цели.

Freud, Sigmund (1895) 'Project for a scientific psychology'. *S.E.* 1, pp. 283–397.

Greenberg, Jay and Mitchell, Stephen (1983) *Object Relations in Psycho-Analytic Theory.* Cambridge, MA: Harvard.

Isaacs, Susan (1952) 'The nature and function of phantasy', in Melanie Klein, Paula Heimann, Susan Isaacs and Joan Riviere, eds (1952) *Developments in Psycho-Analysis.* Hogarth, pp. 67–121.

O'Shaughnessy, Edna (1981) 'A commemorative essay on W. R. Bion's theory of thinking', *Journal of Child Psychotherapy* 7:181–92.

Yorke, Clifford (1971) 'Some suggestions for a critique of Kleinian psychology', *Psychoanal. Study Child* 26:129–55.

Экстернализация
Externalization

Кляйн охотно пользовалась термином «экстернализация» в своих ранних попытках понять механизмы формирования игры. Позднее его место занял термин «*проекция*», практически синонимичный по значению.

См. 1. ТЕХНИКА; ТВОРЧЕСТВО; ИГРА

Эмпатия
Empathy

Эмпатия является одной из незаметных форм проективной идентификации, которые можно отнести к «нормальной проективной идентификации» [см. 3. ПРОЕКТИВНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ].

Когда мы говорим «влезть в чужую шкуру», «встать на место другого», «войти в положение другого»,— это описание эмпатии, но также и описание процесса помещения части себя, некой способности к самовосприятию, в положение кого-то другого: в частности, испытывающей переживания части себя самого, перемещенной ради получения в фантазии переживаний другого человека. Это вполне нормально для людей восприимчивых, и данный процесс легко поддается включению в группу фантазий проективной идентификации (Klein, 1939).

Один из важных аспектов такого внедрения в другого человека заключается в сохранении чувства реальности и своей идентичности. Для всемогущества же *патологической* проективной идентификации [см. 13. ПРОЕКТИВНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ] характерно как раз разрушение границ между самостью и объектом. Этим она отличается от эмпатии, при которой остается незатронутым адекватное, реалистическое понимание того, кто и где находится в момент проецирования.

Майсснер (Meissner, 1980) считал неверным относить эмпатию и другие непсихотические феномены к разряду проективной идентификации. Он настаивал, что расширение понятия проективной идентификации за рамки представления о нарушенных границах Эго при шизофрении ведет к путанице.

См. ЗАБОТА; 13. ПРОЕКТИВНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ

Klein, Melanie (1959) ‘Our adult world and its roots in infancy’. *WMK* 3, pp. 247–63.
Meissner, W. W. (1980) ‘A note on projective identification’, *J. Amer. Psychoanal. Assn* 28:43–67.

Эпистемофилия
Epistemophilia

Потребность в знании о сексуальной стороне жизни для ребенка является особо значимым переживанием, поскольку, вследствие неравномерного хода развития человека, он получает доступ к инстинктивной жизни в своем опыте до того, как достигнет физической или социальной зрелости, достаточной для получения сексуального удовлетворения. Первые психоаналитические работы Кляйн продемонстрировали связь между садизмом и желанием знания. Ее первый доклад был посвящен торможению, возникавшему вследствие вопросов о сексуальности, и раскрепощению фантазийной жизни, следовавшему за ответами на эти вопросы. Кляйн показала, что такой значительный всплеск выражаемой фантазии порождается, в частности, ответами на незаданные бессознательные вопро-

сы [см. ДЕТСКИЙ АНАЛИЗ]. Кляйн и далее продолжала интересоваться эпистемофилическим компонентом либидо, и для нее было вполне естественным приступить к исследованию нарушений способности к обучению (напр., Klein, 1923) и затем — интеллектуальных проблем при психотических расстройствах (Klein, 1930a, 1931). Фрустрации и последующие садистические импульсы, задействованные в детских сексуальных теориях, стали наиболее ярким клиническим материалом, открывшимся Кляйн, когда она занялась своими первыми пациентами-детьми. Она смогла связать сексуальные фрустрации, садизм и подавление сексуальных вопросов и импульсов в причинно-следственную цепочку [см. 3. АГРЕССИЯ].

Стремление знать как основная черта фрустрации побудила Кляйн уделить особое внимание утверждению Фрейда (Freud, 1917), что эпистемофилия является составляющим инстинктом либидо, связанным со скопофилией (вуайеризм/эксгибиционизм). В то же время она заметила, что серьезные проблемы в обучении могут порождаться торможениями эпистемофилии, которая оказывается слишком насыщенной садистическими импульсами. Эти наблюдения легли в основу теории интеллектуального развития и символизации Кляйн — или, скорее, теории нарушения этих процессов (Klein, 1930a, 1931). Изучение этих проблем у детей привело к двум важным результатам:

(i) были заложены основы понимания психотических нарушений интеллекта,

(ii) была выдвинута гипотеза, что данные психотические нарушения на самом деле встречаются у детей гораздо чаще, чем было принято думать (Klein, 1930b), — гипотеза, впоследствии подтвердившаяся [см. ПСИХОЗ].

Развитие этих теорий вызвало масштабные изменения во взглядах Кляйн на любопытство и знание. Поскольку она осознала, что когнитивное развитие на очень ранних фазах гораздо значительнее, чем ожидалось (например, способность отличать самость от другого, а также различать «хорошие» и «плохие» состояния и объекты), представлялось все более возможным существование врожденного знания и *различения* (*discriminations*) достаточно сложного характера [см. ВРОЖДЕННОЕ ЗНАНИЕ]. В частности, знание о пенисе, вагине, встрече и отношениях этих двух органов выглядело врожденным, а не вытекающим из реального наблюдения первичной сцены [см. КОМБИНИРОВАННАЯ РОДИТЕЛЬСКАЯ ФИГУРА].

Одна из проблем принятия идеи о врожденном знании заключается в том, что такое знание как будто бы не позволяет совершать открытия. На самых примитивных стадиях это может быть действительно так. Однако знание — это «эмоциональное» познание, распознание намерений объекта, добрых или злых, и эти состояния объекта вызывают состояния любви или ненависти Эго. Нарушения в этих состояниях приводят к манипулятивной

установке по отношению к миру объектов, всемогуществу, добивающемуся его соответствия более удобному «знакомому» миру [см. 2. БЕССОЗНАТЕЛЬНАЯ ФАНТАЗИЯ]. Кроме того, возникающее на депрессивной позиции признание смешанного характера этих «знакомых» объектов, признание, что эмоциональную жизнь Эго пронизывают истощающие потоки чувств, приводит к растущему ощущению необходимости знать больше.

Эпистемофилическая связь. Бион (Bion, 1956, 1962a) исследовал проблему интеллектуальной недостаточности при шизофрении в ряде статей, а затем принялся за разработку теории мышления, основанной на представлении, что мысли порождаются *контейнированием* восприятия в ожидании (реализация, сочетающаяся с преконцепцией). Он много раз подробно обсуждал природу этого «контейнирующего» взаимоотношения [см. КОНТЕЙНИРОВАНИЕ].

Контейнирующая связь. Бион возвысил эпистемофилическое желание знания до статуса любви и ненависти [см. МЫШЛЕНИЕ]. Он описал (Bion, 1962b) три возможных вида связи между контейнирующей психикой и ее содержимым: «L», «H», и «K» — то есть любовь, ненависть и желание знать это содержимое. Эти связи эмоциональны. Из них первостепенной важностью для роста и развития психики и личности обладает «K». Время от времени мать обязательно обнаруживает, что пытается понять переживания и чувства младенца [см. МЕЧТАНИЕ]. Такая связь матери с младенцем развивает способность ребенка мыслить через интроекцию понимающего объекта. Однако «K»-связь может оказаться нарушенной — завистью и тем, что внешний объект не способен обеспечить эту функцию.

О'Шонесси (O'Shaughnessy, 1981) описала клинические примеры трех важных типов К-связи, предложенных Бионом:

(i) попытка познать объект и самость путем проективной идентификации («K»): например, познание матерью душевного состояния ее ребенка;

(ii) спроецированное переживание объекта лишается значения, что приводит к обнаженному и бессмысленному переживанию, порождающему у ребенка чувство постоянной внутренней угрозы со стороны интроецированного объекта, который устраняет значение всех переживаний (что обозначается как «минус-K» («–K»)) [см. БЕЗЫМЯННЫЙ УЖАС]; и

(iii) состояние отсутствия «K» («нет K»), когда способность к познанию разрушена. Это приводит к психотическому положению: Эго чрезвычайно ослаблено расщеплением и проекцией своей способности к «K» и сталкивается с враждебными объектами, внутрь которых в фантазии насильственно были втиснуты фрагменты Эго.

(i) «K»-связь. Способность познавать посредством научения из своего опыта — это необходимая функция, и она происходит от интроецирования внешнего объекта (матери), который способен понимать для ребенка его пе-

реживания и затем постепенно знакомить его с самим собой [см. АЛЬФА-ФУНКЦИЯ]. Как правило, «К»-связь представлена сочетанием преконцепции с реализацией [см. СВЯЗЫВАНИЕ; МЫШЛЕНИЕ]. Развитие этой функции окружено проблемами эмоциональной природы. Мысль и рациональность зависят от эмоциональной жизни самого примитивного типа — и по сути из нее возникают.

(ii) Минус «К»-связь. Внутренние источники могут наполнять ребенка завистью, которая оказывает разрушающее действие на понимание и научение. Это весьма отличается от «К»-связи:

> «... младенец испытывает страх — он чувствует, что умирает. /.../ Грудь в К умеряла бы тот компонент страха в страхе умирания, который спроецирован в нее, и младенец со временем реинтроецировал бы теперь выносимую и стимулирующую рост часть личности. В –К грудь завистливо ощущается как забирающая хороший или ценный элемент из страха умирания и заталкивающая не представляющий ценности остаток обратно в младенца. Младенец, вначале испытывающий страх умирания, заканчивает тем, что контейнирует безымянный ужас» (Bion, 1962b, p. 96).

Следствием этого становится крайнее истощение Эго и интернализация объекта, который лишает значения, оголяет его; это одна из версий чрезвычайно жесткого Супер-Эго: «Это завистливая претензия на моральное превосходство без всякой морали» (Bion, 1962b, p. 97). Клинические примеры оголяющего, морализующего и порочащего объекта такого типа были приведены Бренманом (Brenman, 1985).

(iii) Нет «К». Ребенок может не получить от *внешних* источников никакого реального объекта, готового принять его проективные идентификации и возвратить их в модифицированной, выносимой форме. Следствием этого становятся непрерывные проективные идентификации все возрастающей силы, приводящие ко все большему истощению Эго и утрате его функции. При этом во внешнем мире накапливаются объекты, все более насильственно атакуемые посредством всемогущих проективных идентификаций в них. Будучи утраченными частями души, эти объекты оказываются причудливыми [см. ПРИЧУДЛИВЫЕ ОБЪЕКТЫ] и персонально связанными с объектом отношениями враждебности, ненависти или зависти к нему. Психика более не способна развивать мысли или аппарат для использования их в мышлении. Вместо этого она становится «аппаратом избавления психики от накоплений плохих внутренних объектов» (Bion, 1962a, p. 112). Сочетание описанных внутренних и внешних источников (минус-К и нет-К) приводит к психозу.

Эпистемофилия и терапевтические усилия. Фрейд установил, что понимание играет ключевую роль в психоаналитической терапии; он представлял ее себе как осознанное постижение хаотического бессознательного, или «где находится Ид, там будет Эго». В терминах Биона это означает, что главным в терапии является «K» — *понимание* пациента аналитиком для терапии гораздо важнее, чем любовь (память и желание) аналитика [см. БИОН], его ненависть или выстраиваемые им защиты («–K»). Способность принять проекции пациента и превратить их в понимаемые и выносимые составляет сущность современной кляйнианской техники [см. 1. ТЕХНИКА].

Bion, Wilfred (1956) 'The development of schizophrenic thought', *Int. J. Psycho-Anal.* 37:344-6; republished (1967) in W.R. Bion, *Second Thoughts.* Heinemann, pp. 36–42.

Bion, Wilfred (1962a) 'A theory of thinking', *Int. J. Psycho-Anal.* 43:306–10; republished (1967) in *Second Thoughts,* pp. 110–19.

Bion, Wilfred (1962b) *Learning from Experience*. Heinemann.

Brenman, Eric (1985) 'Cruelty and narrow-mindedness', *Int. J. Psycho-Anal.* 66:273–81.

Freud, Sigmund (1916-17) *Introductory Lectures. S.E.* 15, 16.

Klein, Melanie (1923) 'The role of the school in the libidinal development of the child'. *WMK* 1, pp. 59–76.

Klein, Melanie (1930a) 'The importance of symbol-formation in the development of the ego'. *WMK* 1, pp. 219–32.

Klein, Melanie (1930b) 'The psychotherapy of the psychoses'. *WMK* 1, pp. 233–5.

Klein, Melanie (1931) 'A contribution to the theory of intellectual development'. *WMK* 1, pp. 236–47.

O'Shaughnessy, Edna (1981) 'A commemorative essay on W. R. Bion's theory of thinking', *Journal of Child Psychotherapy* 7:181–92.

Ps-D

Следуя представлениям Кляйн (Klein, 1923, 1931) о сильной зависимости интеллектуального развития от развития эмоционального, Бион (Bion, 1963) создал теорию мышления, основанную на понятии связывания мыслей, которое для субъекта обладает значением связи родителей и их органов в первичной сцене [см. КОМБИНИРОВАННАЯ РОДИТЕЛЬСКАЯ ФИГУРА]. Он разработал модель контейнера [см. КОНТЕЙНИРОВАНИЕ]. Соединение психических содержаний формирует сеть, служащую контейнером.

В творческом процессе мышление включает в себя демонтаж предшествующих взглядов и теорий и развитие новых взглядов. При изменении образа мыслей, прежде чем переформировать контейнер, необходимо добиться его разрушения (dissolve). Бион полагал, что усилие разрушения обладает свойством небольшой психической катастрофы, распада на куски. Следовательно, это возврат на параноидно-шизоидную позицию (Ps). Формирование затем нового набора взглядов и теорий — это синтезирую-

щий ход, напоминающий депрессивную позицию (D). Поэтому творческое усилие можно рассматривать как происходящий в малом масштабе процесс переходов назад и вперед между параноидно-шизоидной и депрессивной позициями. Бион обозначил этот возвратно-поступательный процесс символом Ps-D.

При этом, полагал Бион, возникает интенсивное эмоциональное переживание — интенсивное настолько, что для определения психического события обретения новой мысли он использовал термин *катастрофа*. В своих воззрениях он опирался на данное Пуанкаре объяснение научного творчества, одним из элементов которого является поиск *избранного факта*, и вокруг него может произойти организация облака пока еще не организованных фактов. Бион считал, что это превосходное описание перехода на депрессивную позицию, сопровождающегося интернализацией груди (соска), вокруг которой может состояться организация личности младенца.

Кляйн описала переходы с депрессивной позиции на параноидно-шизоидную как параноидную защиту от депрессивной тревоги [см. ПАРАНОИДНАЯ ЗАЩИТА ОТ ДЕПРЕССИВНОЙ ТРЕВОГИ]. Считая, что проективная идентификация может быть как патологической, так и нормальной, Бион допустил возможность не-патологического движения к параноидно-шизоидной позиции. Терпимость к некоторой дезинтеграции без обращения к всемогущим примитивным защитным механизмам очень важна для творческого мышления.

Позднее аналитики-кляйнианцы в работе с тяжелыми пограничными расстройствами личности гораздо подробнее исследовали переключения между параноидно-шизоидной и депрессивной позициями (Joseph, 1978, 1989) [см. ПСИХИЧЕСКОЕ РАВНОВЕСИЕ; ПСИХИЧЕСКОЕ ИЗМЕНЕНИЕ]. Между этими двумя позициями есть равновесие, которое постоянно сдвигается в ту или иную сторону; такие сдвиги не нужно считать стадиями развития, сквозь которые личность прогрессирует к зрелости или регрессирует к точкам фиксации. Это постоянные колебания между двумя позициями в ходе всего развития; колебания Ps-D происходят на каждой стадии развития. Поэтому развитие и созревание относятся к другому измерению.

Это измерение — отход от всемогущества и признание реальности внешнего и внутреннего. Хотя такие шаги в развитии обычно связывают с депрессивной позицией, здесь возникают моменты параноидно-шизоидного функционирования, когда всемогущество не играет значительной роли и патологическую форму проективной идентификации заменяет, например, ее нормальная форма (эмпатия) [см. 13. ПРОЕКТИВНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ]. На протяжении всей жизни могут возникать реалистические тревоги относительно выживания самости (персекуторная тревога, типичная для параноидно-шизоидной позиции), и с ними человек может справляться, не прибегая к всемогуществу, — этот аспект личности известен как *нормальный нарциссизм*. Точно так же возникают ситуации, в которых де-

прессивная позиция может возвращаться к всемогущему функционированию, например, в патологических состояниях скорби [см. ДЕПРЕССИВНАЯ ТРЕВОГА]. Можно считать, что колебание Ps-D в целом продвигается в ходе развития вперед или временами назад, к всемогуществу и нереалистической утрате чувства отдельности.

См. СВЯЗЬ

Bion, Wilfred (1963) *Elements of Psycho-Analysis*. Heinemann.

Joseph, Betty (1978) 'Different types of anxiety and their handling in the analytic situation', *Int. J. Psycho-Anal*. 59:223–8.

Joseph, Betty (1989) *Psychic Change and Psychic Equilibrium*. Routledge.

Klein, Melanie (1923) 'The role of the school in the libidinal development of the child'. *WMK* 1, pp. 59–76.

Klein, Melanie (1931) 'A contribution to the theory of intellectual development'. *WMK* 1, pp. 236–47.

Библиография кляйнианских публикаций

1920

Klein, Melanie ‘Der Familienroman in Statu Nascendi’, *Internationale Zeitschrift für Psychoanalyse* 6: 151–5.

Riviere, Joan ‘Three notes’, *IJPA* 1: 200–3; republished (1991) in Hughes, ed. *The Inner World and Joan Riviere: Collected Papers 1920–1958*. London: Karnac Books, pp. 46–49.

1921

Klein, Melani ‘Eine Kinderentwicklung’, *Imago* 7: 251–309; (1923) ‘The development of a child’, *IJPA* 4: 419–74.

Rickman, John ‘An unanalysed case: anal erotism, occupation and illness’, *IJPA* 2: 424–6.

1922

Klein, Melanie ‘Hemniungen und Schwierigkeiten im Pubertätsalter’, in *Die Neue Erziehung*, vol. 4; (1975) ‘Inhibitions and difficulties at puberty’, in *The Writings of Melanie Klein*, vol. 1. London: Hogarth, pp. 54–58.

1923

Isaacs, Susan, ‘A note on sex differences from a psycho-analytic point of view’, *British Journal of Medical Psychology* 3: 288–308.

Klein, Melanie ‘Die Rolle der Schule für die libidinöse Entwicklung des Kindes’, *Internationale Zeitschrift für Psychoanalyse* 9: 323–44; (1924) ‘The role of the school in the libidinal development of the child’, *IJPA* 5: 312–31.

Klein, Melanie ‘Zur Frühanalyse’, *Imago* 9: 222–59; (1926) ‘Infant Analysis’, *IJPA* 7: 31–63.

1924

Riviere, Joan ‘A castration symbol’, *IJPA* 5: 85; republished (1991) in Hughes, ed. *The Inner World and Joan Riviere: Collected Papers 1920–1958*. London: Karnac Books, pp. 51–52.

Riviere, Joan ‘Phallic Symbolism’, *IJPA* 5: 85; republished (1991) in Hughes, ed. *The Inner World and Joan Riviere: Collected Papers 1920–1958*. London: Karnac Books, p. 52.

Riviere, Joan ‘The castration complex in a child’, *Journal of Psycho-Analysis* 5: 467–468; republished (1991) in Hughes, ed. *The Inner World and Joan Riviere: Collected Papers 1920–1958*. London: Karnac Books, pp. 49–51.

1925

Klein, Melanie, 'Zur Genese des Tics', *Internationale Zeitschrift für Psychoanalyse* 11: 332–49; (1948) 'A contribution to the psychogenesis of tics', in *Contributions to Psycho-Analysis*. London: Hogarth, pp. 117–39.

1926

Klein, Melanie 'Die Psychologischen Grundlagen der Frühanalyse', *Imago* 12: 365–76; (1926) 'The psychological principles of early analysis', *IJPA* 8: 25–37.

Rickman, John 'A psychological factor in the aetiology of descensus uteri, laceration of the perineum and vaginismus', *IJPA* 7: 363–5; (1926) *Internationale Zeitschrift für Psychoanalyse* 12: 513–16.

Rickman, John (1926–7) 'A survey: the development of the psycho-analytical theory of the psychoses', *British Journal of Medical Psychology* 6: 270–94; 7: 321–74.

1927

Klein, Melanie 'Criminal tendencies in normal children', *British Journal of Medical Psychology* 7: 177–92.

Klein, Melanie 'Symposium on child analysis', *IJPA* 8: 339–70.

Riviere, Joan 'Symposium on lay analysis', *IJPA* 8: 377–378; republished (1991) in Hughes, ed. *The Inner World and Joan Riviere: Collected Papers 1920–1958*. London: Karnac Books, pp. 80–87.

Searl, N.M. 'Symposium on lay analysis', *IJPA* 8: 377–80.

1928

Isaacs, Susan 'The mental hygiene of pre-school children', *British Journal of Medical Psychology* 8: 186–93; republished (1948) in Isaacs, *Childhood and After*. London: Routledge and Kegan Paul, pp. 1–9.

Klein, Melanie 'Frühstadien des Ödipuskonfliktes', *Internationale Zeitschrift für Psychoanalyse* 14: 65–77; (1928) 'Early stages of the Oedipus conflict', *IJPA* 9: 167–80.

Klein, Melanie 'Notes on "A dream of forensic interest" by D. Bryan', *IJPA* 9: 255–8.

Money-Kyrle, Roger 'The psycho-physical apparatus', *British Journal of Medical Psychology* 8: 132–42; republished (1978) in *The Collected Papers of Roger Money-Kyrle*. Perth: Clunie, pp. 16–27.

Money-Kyrle, Roger 'Morals and super-men', *British Journal of Medical Psychology* 8: 277–84; republished (1978) in *The Collected Papers of Roger Money-Kyrle*. Perth: Clunie, pp. 28–37.

Rickman, John *Index Psycho-Analyticus 1893–1926*. London: Hogarth.

Rickman, John *The Development of the Psycho-Analytical Theory of the Psychoses 1893–1926*. London: Baillière, Tindall and Cox.

1929

Isaacs, Susan 'Privation and guilt', *IJPA* 10: 335–47; republished (1948) in Isaacs, *Childhood and After*. London: Routledge and Kegan Paul, pp. 10–22.

Klein, Melanie 'Personification in the play of children', *IJPA* 10: 193–204; (1929) *Internationale Zeitschtift für Psychoanalyse* 15: 171–82.

Klein, Melanie ‘Infantile anxiety-situations reflected in a work of art and in the creative impulse’, *IJPA* 10: 436–435 (1931) ‘Frühe Angstsituationen im Spiegel Künstlerischer Darstellungen’, *Internationale Zeitschrift für Psychoanalyse* 17: 497–506.

Riviere, Joan ‘Womanliness as a masquerade’, *IJPA* 10: 303–313; republished (1991) in Hughes, ed. *The Inner World and Joan Riviere: Collected Papers 1920–1958*. London: Karnac Books, pp. 90–101.

Searl, N.M. ‘The flight to reality’, *IJPA* 10: 280–91.

Searl, N.M. ‘Danger situations of the immature ego’, *IJPA* 10: 423–35.

1930

Klein, Melanie ‘The importance of symbol-formation in the development of the ego’, *IJPA* 11: 24–39; (1930) ‘Die Bedeutung der Symbolbildung für die Ichentwicklung’, *Internationale Zeitschrift für Psychoanalyse* 16: 56–72.

Klein, Melanie ‘The psychotherapy of the psychoses’, *British Journal of Medical Psychology* 10: 242–4.

Schmideberg, Melitta ‘The role of psychotic mechanisms in cultural development’, *IJPA* 11: 387–418.

Riviere, Joan ‘Magical regeneration by dancing’, *IJPA* 11: 340; republished (1991) in Hughes, ed. *The Inner World and Joan Riviere: Collected Papers 1920–1958*. London: Karnac Books, pp. 53–54.

Searl, N.M. ‘The role of ego and libido in development’, *IJPA* 11: 125–49.

Sharpe, Ella Freeman ‘Certain aspects of sublimation and delusion’, *IJPA* 11: 12–23.

Sharpe, Ella Freeman ‘The technique of psycho-analysis’, *IJPA* 11: 251–77, 361–86; republished (1950) in Sharpe, *Collected Papers in Psycho-Analysis*. London: Hogarth, pp. 9–106.

Strachey, James ‘Some unconscious factors in reading’, *IJPA* 11: 322–31.

1931

Klein, Melanie ‘A contribution to the theory of intellectual inhibition’, *IJPA* 12: 206–18.

Money-Kyrle, Roger ‘The remote consequences of psycho-analysis on individual, social and instinctive behaviour’, *British Journal of Medical Psychology* 11: 173–93; republished (1978) in *The Collected Papers of Roger Money-Kyrle*. Perth: Clunie, pp. 57–81.

Schmideberg, Melitta ‘A contribution to the psychology of persecutory ideas and delusions’, *IJPA* 12: 331–67.

Schmideberg, Melitta ‘The role of psychotic mechanisms in cultural development’, *IJPA* 12: 387–418.

1932

Isaacs, Susan ‘Some notes on the incidence of neurotic difficulties in young children’, *British Journal of Educational Psychology* 2: 71–91, 184–95.

Klein, Melanie *The Psycho-Analysis of Children*. London: Hogarth; (1930) *Die Psycho-Analyse des Kindes*. Vienna: Internationaler Psychoanalytischer Verlag.

Rickman, John ‘The psychology of crime’, *British Journal of Medical Psychology* 12: 264–9.

Riviere, Joan ‘Jealousy as a mechanism of defence’, *IJPA* 13: 414–424; republished (1991) in Hughes, ed. *The Inner World and Joan Riviere: Collected Papers 1920–1958*. London: Karnac Books, pp. 104–115.

Searl, N.M. ‘A note on depersonalization’, *IJPA* 13: 329–47.

1933

Isaacs, Susan *Social Development in Young Children*. London: Routledge and Kegan Paul.

Klein, Melanie 'The early development of conscience in the child', in Sandor Lorand, ed. *Psycho-Analysis Today*. New York: Covici-Friede, pp. 149–62.

Money-Kyrle, Roger 'A psycho-analytic study of the voices of Joan of Arc', *British Journal of Medical Psychology* 13: 63–81; republished (1978) in *The Collected Papers of Roger Money-Kyrle*. Perth: Clunie, pp. 109–30.

Schmideberg, Melitta 'Some unconscious mechanisms in pathological sexuality and their relation to normal sexuality', *IJPA* 14: 225–60.

Searl, N.M. 'The psychology of screaming', *IJPA* 14: 193–205.

Searl, N.M. 'Play, reality and aggression', *IJPA* 14: 310–20.

Searl, N.M. 'A note on symbols and early intellectual development', *IJPA* 14: 391–7.

1934

Isaacs, Susan 'Rebellious and defiant children', in Isaacs (1948) *Childhood and After*. London: Routledge and Kegan Paul, pp. 23–35.

Klein, Melanie 'On criminality'. *British Journal of Medical Psychology* 14: 312–15.

Middlemore, Merrell 'The treatment of bewitchment in a puritan community', *IJPA* 15: 41–58.

Money-Kyrle, Roger 'A psychological analysis of the causes of war', *The Listener*; republished (1978) in *The Collected Papers of Roger Money-Kyrle*. Perth: Clunie, pp. 131–7.

Schmideberg, Melitta 'The play analysis of a three-year-old girl', *IJPA* 15: 245–64.

Stephen, Karin 'Introjection and projection: guilt and rage', *British Journal of Medical Psychology* 14: 316–31.

Strachey, James 'The nature of the therapeutic action of psycho-analysis', *IJPA* 15: 127–59; republished (1969) *IJPA* 50: 275–92.

1935

Isaacs, Susan 'Bad habits', *IJPA* 16: 446–54.

Isaacs, Susan *The Psychological Aspects of Child Development*. London: Evans Bros.

Isaacs, Susan 'Property and possessiveness', *British Journal of Medical Psychology* 15: 69–78; republished (1948) in Isaacs, *Childhood and After*. London: Routledge and Kegan Paul, pp. 36–46.

Klein, Melanie 'A contribution to the psychogenesis of manic-depressive states', *IJPA* 16: 145–74.

Schmideberg, Melitta 'The psycho-analysis of asocial children', *IJPA* 16: 22–48; previously published (1932) *Internationale Zeitschtift für Psychoanalyse* 18: 474–527.

Schmideberg, Melitta 'Zum Verständnis massenpsychologischer Erscheinungen', *Imago* 21: 445–57.

Schmideberg, Melitta 'The psychological care of the baby', *Mother and Child* 6: 304–8.

Sharpe, Ella Freeman 'Similar and divergent unconscious determinants underlying the sublimation of pure art and pure science', *IJPA* 16: 186–202; republished (1950) in Sharpe, *Collected Papers on Psycho-Analysis*. London: Hogarth, pp. 137–54.

1936

Isaacs, Susan 'Personal freedom and family life', *New Era* 17: 238–43.

Isaacs, Susan, Klein, Melanie, Middlemore, Merrell, Searl, Mina and Sharpe, Ella (ed. John Rickman) *On the Bringing up of Children*. London: Kegan Paul.

Klein, Melanie 'Weaning', in Rickman, ed. *On the Bringing up of Children*. London: Kegan Paul, pp. 31–6.

Rickman, John, ed. *On the Bringing up of Children*. London: Kegan Paul.

Riviere, Joan 'A contribution to the analysis of the negative therapeutic reaction', *IJPA* 17: 304–320; republished (1991) in Hughes, ed. *The Inner World and Joan Riviere: Collected Papers 1920–1958*. London: Karnac Books, pp. 134–153.

Riviere, Joan 'On the genesis of psychical conflict in earliest infancy', *IJPA* 17: 395–422; republished (1952) in Klein, Heimann, Isaacs and Riviere, *Developments in Psycho-Analysis*. London: Hogarth, pp. 37–66; and (1991) in Hughes, ed. *The Inner World and Joan Riviere: Collected Papers 1920–1958*. London: Karnac Books, pp. 272–300.

1937

Isaacs, Susan *The Educational Value of the Nursery School*. The Nursery School Association; republished (1948) in Isaacs, *Childhood and After*. London: Routledge and Kegan Paul, pp. 47–73.

Klein, Melanie 'Love, guilt and reparation', in Melanie Klein and Joan Riviere, *Love, Hate and Reparation*. London: Hogarth, pp. 57–91.

Money-Kyrle, Roger 'The development of war', *British Journal of Medical Psychology* 17: 219–36; republished (1978) in *The Collected Papers of Roger Money-Kyrle*. Perth: Clunie, pp. 138–59.

Rickman, John 'On "unbearable" ideas and impulses', *American Journal of Psychology* 50: 248–53.

Riviere, Joan 'Hate, greed and aggression', in Melanie Klein and Joan Riviere, *Love, Hate and Reparation*. London: Hogarth, pp. 3–56; republished (1991) in Hughes, ed. *The Inner World and Joan Riviere: Collected Papers 1920–1958*. London: Karnac Books, pp. 168–205.

Strachey, James 'Contribution to a symposium on the theory of the therapeutic results of psycho-analysis', *IJPA* 18: 139–45.

1938

Isaacs, Susan 'Psychology and the school', *New Era* 19: 18–20.

Schmideberg, Melitta 'Intellectual inhibition and disturbances in eating', *IJPA* 19: 17–22.

Thomer, Hans A. 'The mode of suicide as a manifestation of phantasy', *British Journal of Medical Psychology* 17: 197–200.

1939

Isaacs, Susan 'Modifications of the ego through the work of analysis', in Isaacs (1948) *Childhood and After*. London: Routledge and Kegan Paul, pp. 89–108.

Isaacs, Susan 'Criteria for interpretation', *IJPA* 20: 148–60; republished (1948) in Isaacs, *Childhood and After*. London: Routledge and Kegan Paul, pp. 109–21.

Isaacs, Susan 'A special mechanism in a schizoid boy', *IJPA* 20: 333–9; republished (1948) in Isaacs, *Childhood and After*. London: Routledge and Kegan Paul, pp. 122–8.

Money-Kyrle, Roger *Superstition and Society*. London: Hogarth.

Riviere, Joan 'An intimate impression', *The Lancet*, 30/9/39; republished (1973) in Hendrik Ruitenbeek, ed. *Freud as We Knew Him*. Detroit: Wayne State University Press; and (1991) in Hughes, ed. *The Inner World and Joan Riviere: Collected Papers 1920–1958*. London: Karnac Books, pp. 208–212.

Strachey, James 'Preliminary notes upon the problem of Akhnaton', *IJPA* 20: 33–42.

1940

Isaacs, Susan 'Temper tantrums in early childhood in their relation to internal objects', *IJPA* 21: 280–93; republished (1948) in Isaacs, *Childhood and After*. London: Routledge and Kegan Paul, pp. 129–42.

Klein, Melanie 'Mourning and its relation to manic-depressive states', *IJPA* 21: 125–53.

Rickman, John 'On the nature of ugliness and the creative impulse', *IJPA* 21: 294–313.

1941

Middlemore, Merrell *The Nursing Couple*. London: Hamish Hamilton.

Strachey, Alix 'A note on the use of the word "internal"', *IJPA* 22: 37–43.

Winnicott, D.W. 'The observation of infants in a set situation', *IJPA* 22: 229–49.

1942

Heimann, Paula 'A contribution to the problem of sublimation and its relation to processes of internalisation', *IJPA* 23: 8–17; republished (1989) in Heimann, *About Children and Children-No-Longer*. London: Routledge, pp. 26–45.

Klein, Melanie 'Some psychological considerations', in Waddington et al. *Science and Ethics*. London: Allen and Unwin.

Money-Kyrle, Roger 'The psychology of propaganda', *British Journal of Medical Psychology* 42: 82–94; republished (1978) in *The Collected Papers of Roger Money-Kyrle*. Perth: Clunie, pp. 160–75.

1943

Bion, Wilfred and Rickman, John 'Intra-group tensions in therapy: their study as a task of the group', *The Lancet* (ii) 27.11.43: 678–81; republished (1961) in W.R. Bion, *Experiences in Groups*. London: Tavistock, pp. 11–26.

Isaacs, Susan 'An acute psychotic anxiety occurring in a boy of four years', *IJPA* 24: 13–32; republished (1948) in Isaacs, *Childhood and After*. London: Routledge and Kegan Paul, pp. 143–85.

1944

Milner, Marion 'A suicidal symptom in a child of three', *IJPA* 25: 53–61.

Money-Kyrle, Roger 'Towards a common aim: a psycho–analytical contribution to ethics', *British Journal of Medical Psychology* 20: 105–17; republished (1978) in *The Collected Papers of Roger Money-Kyrle*. Perth: Clunie, pp. 176–97.

Money-Kyrle, Roger 'Some aspects of political ethics from the psycho-analytic point of view', *IJPA* 25: 166–71.

1945

Isaacs, Susan 'Notes on metapsychology as process theory', *IJPA* 26: 58–62.

Isaacs, Susan 'Fatherless children', in Peggy Volkov, ed. *Fatherless Children.* NEF Monograph No. 2; republished (1948) in Isaacs, *Childhood and After.* London: Routledge and Kegan Paul, pp. 186–207.

Isaacs, Susan 'Children in institutions', in Isaacs (1948) *Childhood and After*. London: Routledge and Kegan Paul, pp. 208–36.

Klein, Melanie 'The Oedipus complex in the light of early anxieties', *IJPA* 26: 11–33.

Milner, Marion 'Some aspects of phantasy in relation to general psychology', *IJPA* 26: 143–52.

Riviere, Joan 'The bereaved wife', in Peggy Volkov, ed. *Fatherless Children*. NEF Monograph No. 2; republished (1991) in Hughes, ed. *The Inner World and Joan Riviere: Collected Papers 1920–1958*. London: Karnac Books, pp. 214–226.

Winnicott, D.W. 'Primitive emotional development', *IJPA* 26: 137–42.

1946

Bion, Wilfred 'The leaderless group project', *Bulletin of the Menninger Clinic* 10: 77–81.

Klein, Melanie 'Notes on some schizoid mechanisms', *IJPA* 27: 99–110; republished (1952) in Klein, Heimann, Isaacs and Riviere, *Developments in Psycho-Analysis*. London: Hogarth, pp. 292–320.

Scott, W. Clifford M. 'A note on the psychopathology of convulsive phenomena in manic-depressive states', *IJPA* 27: 152–5.

1947

Money-Kyrle, Roger 'Social conflict and the challenge to psychology', *British Journal of Medical Psychology* 27: 215–21; republished (1978) in *The Collected Papers of Roger Money-Kyrle*. Perth: Clunie, pp. 198–209.

Rosenfeld, Herbert 'Analysis of a schizophrenic state with depersonalization', *IJPA* 28: 130–9; republished (1965) in Rosenfeld, *Psychotic States.* London: Hogarth, pp. 13–33.

Scott, W. Clifford M. 'On the intense affects encountered in treating a severe manic-depressive disorder', *IJPA* 28: 139–45.

Stephen, Adrian 'The superego and other internal objects', *IJPA* 28: 114–17.

Thorner, Hans A. 'The treatment of psychoneurosis in the British Army', *IJPA* 27: 52–9.

1948

Bion, Wilfred 'Psychiatry in a time of crisis', *British Journal of Medical Psychology* 21: 81–9.

Isaacs, Susan 'On the nature and function of phantasy', *IJPA* 29: 73–97; republished (1952) in Klein, Heimann, Isaacs and Riviere, *Developments in Psycho-Analysis*. London: Hogarth, pp. 67–121.

Isaacs, Susan *Childhood and After*. London: Routledge and Kegan Paul.

Joseph, Betty 'A technical problem in the treatment of the infant patient', *IJPA* 29: 58–9.

Klein, Melanie *Contributions to Psycho-Analysis*. London: Hogarth.

Klein, Melanie 'A contribution to the theory of anxiety and guilt', *IJPA* 29: 114–23.

Munro, Lois 'Analysis of a cartoon in a case of hypochondria', *IJPA* 29: 53–7.

Scott, W. Clifford M. 'Some embryological, neurological, psychiatric and psycho-analytic implications of the body schema', *IJPA* 29: 141–55.

Scott, W. Clifford M. 'Notes on the psychopathology of anorexia nervosa', *British Journal of Medical Psychology* 21: 741–7.

Scott, W. Clifford M. 'Some psychodynamic aspects of disturbed perception of time', *British Journal of Medical Psychology* 21: 111–20.

Scott, W. Clifford M. 'A psycho-analytic concept of the origin of depression', *British Medical Journal*, vol. I: 538; republished (1955) in Klein, Heimann and Money-Kyrle, eds. *New Directions in Psycho-Analysis*. London: Tavistock, pp. 39–47.

1949

Heimann, Paula 'Some notes on the psycho-analytic concept of introjected objects', *British Journal of Medical Psychology* 22: 8–17; republished (1989) in Heimann, *About Children and Children-No-Longer*. London: Routledge, pp. 61–72.

Rosenfeld, Herbert 'Remarks on the relation of male homosexuality to paranoia, paranoid anxiety and narcissism', *IJPA* 30: 36–47; republished (1965) in Rosenfeld, *Psychotic States*. London: Hogarth, pp. 34–51.

Scott, W. Clifford M. 'The "body scheme" in psycho-therapy', *British Journal of Medical Psychology* 22: 139–50.

Thorner, Hans A. 'Notes on a case of male homosexuality', *IJPA* 30: 31–5.

1950

Bion, Wilfred 'The imaginary twin', in W.R. Bion (1967) *Second Thoughts*. London: Heinemann, pp. 3–22.

Heimann, Paula 'On counter-transference', *IJPA* 31: 81–84; republished (1989) in Heimann, *About Children and Children-No-Longer*. London: Routledge, pp. 73–79.

Klein, Melanie 'On the criteria for the termination of a psycho-analysis', *IJPA* 31: 78–80, 204.

Money-Kyrle, Roger 'Varieties of group formation', *Psychoanalysis and the Social Sciences 2*: 313–30; republished (1978) in *The Collected Papers of Roger Money-Kyrle*. Perth: Clunie, pp. 210–28.

Rosenfeld, Herbert 'Note on the psychopathology of confusional states in chronic schizophrenia', *IJPA* 31: 132–7; republished (1965) in Rosenfeld, *Psychotic States*. London: Hogarth, pp. 52–62.

Segal, Hanna 'Some aspects of the analysis of a schizophrenic', *IJPA* 30: 268–78; republished (1981) in *The Work of Hanna Segal*. New York: Jason Aronson, pp. 101–20.

Winnicott, D.W. 'Hate in the counter-transference', *IJPA* 30: 69–74.

1951

Jacques, Elliott *The Changing Culture of a Factory*. London: Routledge and Kegan Paul.

Klein, Sidney 'Contribution to a symposium on group therapy', *British Journal of Medical Psychology* 24: 223–8.

Langer, Marie *Maternidad y Sexo*. Buenos Aires: Editorial Nova.

Money-Kyrle, Roger *Psycho-Analysis and Politics*. London: Duckworth.

Money-Kyrle, Roger 'Some aspects of state and character in Germany', in George Wilbur and Warner Munsterberger, eds. *Psycho-Analysis and Culture*. New York: International Universities Press, pp. 280–92.

1952

Bion, Wilfred 'Group dynamics: a review', *IJPA* 33: 235–47; republished (1955) in Klein, Heimann and Money-Kyrle, eds. *New Directions in Psycho-Analysis*. London: Tavistock, pp. 440–77; and (1961) in W.R. Bion, *Experinces in Groups*. London: Tavistock, pp. 141–91.

Evans, Gwen 'Early anxiety situations in the analysis of a boy in the latency period', *IJPA* 33: 93–110; republished (1955) in Klein, Heimann and Money-Kyrle, eds. *New Directions in Psycho-Analysis*, pp. 48–81.

Heimann, Paula 'Certain functions of projection and introjection in early infancy', in Klein, Heimann, Isaacs and Riviere, *Developments in Psycho-Analysis*. London: Hogarth, pp. 122–68.

Heimann, Paula 'Certain functions of projection and introjection in early infancy', in Klein, Heimann, Isaacs and Riviere, *Developments in Psycho-Analysis*. London: Hogarth, pp. 122–168; republished in its original (1943) form (1991) in Pearl King and Riccardo Steiner, eds. *The Freud-Klein Controversies 1941–1945*. London: Hogarth Press, pp. 502–530.

Heimann, Paula 'Notes on the theory of the life and death instinct', in Klein, Heimann, Isaacs and Riviere, *Developments in Psycho-Analysis*. London: Hogarth, pp. 321–337; republished (1989) in Heiman, *About Children and Children-No-Longer*. London: Routledge, pp. 46–60.

Heimann, Paula 'A contribution to the re-evaluation of the Oedipus complex – the early stages', in Melanie Klein, Paula Heimann, and Roger Money-Kyrle, eds. *New Directions in Psycho-Analysis*. London: Tavistock, pp. 23–38; and in (1989) Heimann, *About Children and Childre-No-Longer*. London: Routledge, pp. 80–96.

Heimann, Paula 'Preliminary notes on some defence mechanisms in paranoid states', *IJPA* 33: 208–213; republished (1955) in Klein, Heimann, and Money-Kyrle, eds. *New Directions in Psycho-Analysis*. London: Tavistock, pp. 240–265; and in (1989) Heimann, *About Children and Children-No-Longer*. London: Routledge, pp. 80–96.

Heimann, Paula and Isaacs, Susan 'Regression', in Klein, Heimann, Isaacs and Riviere, *Developments in Psycho-Analysis*. London: Hogarth, pp. 169–97.

Klein, Melanie 'Some theoretical conclusions regarding the emotional life of the infant', in Klein, Heimann, Isaacs and Riviere, *Developments in Psycho-Analysis*. London: Hogarth, pp. 198–236.

Klein, Melanie 'On observing the behaviour of young infants', in Klein, Heimann, Isaacs and Riviere, *Developments in Psycho-Analysis*. London: Hogarth, pp. 237–70.

Klein, Melanie 'The origins of transference', *IJPA* 33: 433–8.

Klein, Melanie 'The mutual influences in the development of the ego and the id', *Psycho-Analytic Study Child* 7: 51–3.

Klein, Melanie, Heimann, Paula, Isaacs, Susan and Riviere, Joan *Developments in Psycho-Analysis*. London: Hogarth.

Milner, Marion 'Aspects of symbolism in comprehension of the not-self', *IJPA* 34: 181–95; republished (1955) as 'The role of illusion in symbol formation', in Klein, Heimann and Money-Kyrle, ed. *New Directions in Psycho-Analysis*. London: Tavistock, pp. 82–108.

Money-Kyrle, Roger 'Psycho-analysis and ethics', *IJPA* 33: 225–34; republished (1955) in Klein, Heimann and Money-Kyrle, eds. *New Directions in Psycho-Analysis*. London: Tavistock, pp. 421–40; and (1978) in *The Collected Papers of Roger Money-Kyrle*. Perth: Clunie, pp. 264–84.

Munro, Lois 'Clinical notes on internalization and identification', *IJPA* 33: 132–43.

Riviere, Joan 'General introduction' to Klein, Heimann, Isaacs and Riviere, *Developments in Psycho-Analysis*. London: Hogarth, pp. 1–36; republished (1991) in Hughes, ed. *The Inner World and Joan Riviere: Collected Papers 1920–1958*. London: Karnac Books, pp. 233–269.

Riviere, Joan 'The unconscious phantasy of an inner world reflected in examples from English literature', *IJPA* 33: 160–172; republished (1955) in Klein, Heimann and Money-Kyrle, eds. *New Directions in Psycho-Analysis*. London: Tavistock, pp. 346–369; and (1991) in Hughes, ed. *The Inner World and Joan Riviere: Collected Papers 1920–1958*. London: Karnac Books, pp. 302–330.

Riviere, Joan 'The inner world in Ibsen's *Master-Builder*', *IJPA* 33: 173–180; republished (1955) in Klein, Heimann and Money-Kyrle, eds. *New Directions in Psycho-Analysis*. London: Tavistock, pp. 370–383; and (1991) in Hughes, ed. *The Inner World and Joan Riviere: Collected Papers 1920–1958*. London: Karnac Books, pp. 332–347.

Rosenfeld, Herbert 'Notes on the psycho-analysis of the superego conflict in an acute catatonic patient', *IJPA* 33: 111–31; republished (1955) in Klein, Heimann and Money-Kyrle, eds. *New Directions in Psycho-Analysis*. London: Tavistock, pp. 180–219; and (1965) in Rosenfeld, *Psychotic States*. London: Hogarth, pp. 63–103.

Rosenfeld, Herbert 'Transference-phenomena and transference-analysis in an acute catatonic schizophrenic patient', *IJPA* 33: 457–64; republished (1965) in Rosenfeld, *Psychotic States*, pp. 104–16.

Sandford, Beryl 'An obsessional man's need to be kept', *IJPA* 33: 144–52; republished (1955) in Klein, Heimann and Money-Kyrle, eds. *New Directions in Psycho-Analysis*. London: Tavistock, pp. 266–81.

Sandford, Beryl 'Some psychotherapeutic work in maternity and child welfare clinics', *British Journal of Medical Psychology* 25: 2–15.

Segal, Hanna 'A psycho-analytic approach to aesthetics', *IJPA* 33: 196–207; republished (1955) in Klein, Heimann and Money-Kyrle, eds. *New Directions in Psycho-Analysis*. London: Tavistock, pp. 384–407; and (1981) in *The Work of Hanna Segal*. New York: Jason Aronson, pp. 185–206.

Thorner, Hans A. 'Examination anxiety without examination', *IJPA* 33: 153–9; republished (1955) as 'Three defences against inner persecution', in Klein, Heimann and Money-Kyrle, eds. *New Directions in Psycho-Analysis*. London: Tavistock, pp. 384–407.

Thorner, Hans A. 'The criteria for progress in a patient during analysis', *IJPA* 33: 479–84.

1953

Davidson, Audrey and Fay, Judith *Phantasy in Childhood*. London: Routledge and Kegan Paul.

Garma, Angel 'The internalized mother as harmful food in peptic ulcer patients', *IJPA* 34: 102–10.

Jaques, Elliott 'On the dynamics of social structure', *Human Relations* 6: 10–23; republished (1955) as 'The social system as a defence against persecutory and depressive anxiety',

in Klein, Heimann and Money-Kyrle, eds. *New Directions in Psycho-Analysis*. London: Tavistock, pp. 478–98.

Money-Kyrle, Roger *Toward a Rational Attitude to Crime*. London: The Howard League; republished (1978) in *The Collected Papers of Roger Money-Kyrle*. Perth: Clunie, pp. 245–52.

Racker, Heinrich 'A contribution to the problem of counter-transference', *IJPA* 34: 313–24; republished (1968) as 'The counter-transference neurosis', in Racker, *Transference and Counter-Transference*. London: Hogarth, pp. 105–26.

Segal, Hanna 'A necrophilic phantasy', *IJPA* 34: 98–101; republished (1981) in *The Work of Hanna Segal*. New York: Jason Aronson, pp. 165–71.

1954

Bion, Wilfred 'Notes on the theory of schizophrenia', *IJPA* 35: 1 13–18; expanded (1955) as 'Language and the schizophrenic', in Klein, Heimann and Money-Kyrle, eds. *New Developments in Psycho-Analysis*. London: Tavistock, pp. 220–39; republished (1967) in W.R. Bion, *Second Thoughts*. London: Heinemann, pp. 23–35.

Heimann, Paula 'Problems of the training analysis', *IJPA* 35: 163–8.

Hunter, Dugmore 'Object relation changes in the analysis of fetishism', *IJPA* 35: 302–12.

Munro, Lois 'Steps in ego-integration observed in play analysis', *IJPA* 35: 202–5; republished (1955) in Klein, Heimann and Money-Kyrle, eds. *New Directions in Psycho-Analysis*. London: Tavistock, pp. 109–39.

Racker, Heinrich 'Notes on the theory of transference', *Psycho-Analytic Quarterly* 23: 78–86; republished (1968) in Racker, *Transference and Counter-Transference*. London: Hogarth, pp. 71–8.

Racker, Heinrich 'On the confusion between mania and health', *Samiska* 8: 42–6; republished (1968) as 'Psycho-analytic technique and the analyst's unconscious mania', in Racker, *Transference and Counter-Transference*, pp. 181–5.

Rosenfeld, Herbert 'Considerations regarding the psycho-analytic approach to acute and chronic schizophrenia', *IJPA* 35: 138–40; republished (1965) in Rosenfeld, *Psychotic States*. London: Hogarth, pp. 117–27.

Segal, Hanna 'A note on schizoid mechanisms underlying phobia formation', *IJPA* 35: 238–41; republished (1981) in *The Work of Hanna Segal*. New York: Jason Aronson, pp. 137–44.

1955

Bion, Wilfred 'Language and the schizophrenic', in Klein, Heimann and Money-Kyrle, eds. *New Directions in Psycho-Analysis*. London: Tavistock, pp. 220–39.

Klein, Melanie 'The psycho-analytic play technique: its history and significance', in Klein, Heimann and Money-Kyrle, eds. *New Directions in Psycho-Analysis*. London: Tavistock, pp. 3–22.

Klein, Melanie 'On identification', in Klein, Heimann and Money-Kyrle, eds. *New Directions in Psycho-Analysis*. London: Tavistock, pp. 309–45.

Klein, Melanie, Heimann, Paula and Money-Kyrle, Roger, eds. *New Directions in Psycho-Analysis*. London: Tavistock.

Money-Kyrle, Roger 'An inconclusive contribution to the theory of the death instinct', in Klein, Heimann and Money-Kyrle, eds. *New Directions in Psycho-Analysis*. London: Tavistock, pp. 409–59.

Rodrigue, Emilio 'The Analysis of a three-year-old mute schizophrenic', in Klein, Heimann and Money-Kyrle, eds. *New Directions in Psycho-Analysis*. London: Tavistock, pp. 140–79.

Rodrigue, Emilio 'Notes on menstruation', *IJPA* 36: 328–34.

Stokes, Adrian 'Form in art', in Klein, Heimann and Money-Kyrle, eds. *New Directions in Psycho-Analysis*. London: Tavistock, pp. 406–20.

1956

Bion, Wilfred 'Development of schizophrenic thought', *IJPA* 37: 344–6; republished (1967) in W.R. Bion, *Second Thoughts*. London: Heinemann, pp. 36–43.

Heimann, Paula 'Dynamics of transference interpretations', *IJPA* 37: 303–310; republished (1989) in Heimann, *About Children and Children-No-Longer*. London: Routledge, pp. 108–121.

Jacques, Elliott *Measurement of Responsibility*. London: Tavistock.

Money-Kyrle, Roger 'The world of the unconscious and the world of common sense', *British Journal of the Philosophy of Science* 7: 86–96; republished (1978) in *The Collected Papers of Roger Money-Kyrle*. Perth: Clunie, pp. 318–29.

Money-Kyrle, Roger 'Normal counter-transference and some of its deviations', *IJPA* 37: 360–6; republished (1978) in *The Collected Papers of Roger Money-Kyrle*, pp. 330–42.

Rodrigue, Emilio 'Notes on symbolism', *IJPA* 37: 147–58.

Segal, Hanna 'Depression in the schizophrenic', *IJPA* 37: 339–43; republished (1981) in *The Work of Hanna Segal*. New York: Jason Aronson, pp. 121–30.

1957

Bion, Wilfred 'Differentiation of the psychotic from the non-psychotic personalities', *IJPA* 38: 266–75; republished (1967) in W.R. Bion, *Second Thoughts*. London: Heinemann, pp. 43–64.

Klein, Melanie *Envy and Gratitude*. London: Tavistock.

Racker, Heinrich 'A contribution to the problem of psychopathological stratification', *IJPA* 38: 223–39; republished (1968) as 'The meanings and uses of counter-transference' in Racker, *Transference and Counter-Transference*. London: Hogarth, pp. 127–73.

Racker, Heinrich 'Analysis of transference through the patient's relations with the interpretation', in Racker (1968) *Transference and Counter-Transference*. London: Hogarth, pp. 79–104.

Segal, Hanna 'Notes on symbol formation', *IJPA* 38: 391–7; republished (1981) in *The Work of Hanna Segal*. New York: Jason Aronson, pp. 49–64.

Strachey, Alix *The Unconscious Motives of War*. London: George Allen and Unwin.

1958

Bion, Wilfred 'On hallucination', *IJPA* 39: 144–6; republished (1967) in W.R. Bion, *Second Thoughts*. London: Heinemann, pp. 65–85.

Bion, Wilfred 'On arrogance', *IJPA* 39: 341–9; republished (1967) in W.R. Bion, *Second Thoughts*. London: Heinemann, pp. 86–93.

Garma, Angel 'Peptic ulcer and pseudo-peptic ulcer', *IJPA* 39: 104–7.

Jacques, Elliott 'Psycho-analysis and the current economic crisis', in John Sutherland, ed. *Psycho-Analysis and Contemporary Thought*. London: Hogarth, pp. 125–44.

Klein, Melanie 'On the development of mental functioning', *IJPA* 39: 84–90.

Langer, Marie 'Sterility and envy', *IJPA* 39: 139–43.

Money-Kyrle, Roger 'Psycho-analysis and philosophy', in John Sutherland, ed. *Psycho-Analysis and Contemporary Thought*, pp. 102–24; republished (1978) in *The Collected Papers of Roger Money-Kyrle*. Perth: Clunie, pp. 297–317.

Money-Kyrle, Roger 'On the process of psycho-analytical inference', *IJPA* 59: 129–33; republished (1978) in *The Collected Papers of Roger Money-Kyrle*, pp. 343–52.

Pichon-Riviere, Arminda 'Dentition, walking and speech in relation to the depressive position', *IJPA* 39: 167–71.

Racker, Heinrich 'Psycho-analytic technique', in Racker (1968) *Transference and Counter-Transference*. London: Hogarth, pp. 6–22.

Racker, Heinrich 'Classical and present techniques in psycho-analysis', in Racker (1968) *Transference and Counter-Transference*. London: Hogarth, pp. 23–70.

Racker, Heinrich 'Psycho-analytic technique and the analyst's unconscious masochism', *Psycho-Analytic Quarterly* 27: 555–62; republished (1968) in *Racker, Transference and Counter-Transference*. London: Hogarth, pp. 174–80.

Racker, Heinrich 'Counterresistance and interpretation', *Journal of the American Psychoanalytic Association* 6: 215–21; republished (1968) in Racker, *Transference and Counter-Transference*. London: Hogarth, pp. 186–92.

Riviere, Joan 'A character trait of Freud's', in John Sutherland, ed. *Psycho-Analysis and Contemporary Thought*, pp. 145–9; republished in Hendrik Ruitenbeek, ed. *Freud as We Knew Him*. Detroit: Wayne State University Press; and (1991) in Hughes, ed. *The Inner World and Joan Riviere: Collected Papers 1920–1958*. London: Karnac Books, pp. 350–354.

Rosenfeld, Herbert 'Some observations on the psychopathology of hypochondriacal states', *IJPA* 39: 121–8.

Rosenfeld, Herbert 'Contribution to the discussion on variations in classical technique', *IJPA* 39: 238–9.

Rosenfeld, Herbert 'Discussion on ego distortion', *IJPA* 39: 274–5.

Segal, Hanna 'Fear of death: notes on the analysis of an old man', *IJPA* 39: 187–91; republished (1981) in *The Work of Hanna Segal*. New York: Jason Aronson, pp. 173–82.

1959

Bion, Wilfred 'Attacks on linking', *IJPA* 40: 308–15; republished (1967) in W.R. Bion, *Second Thoughts*. London: Heinemann, pp. 93–109.

Heimann, Paula 'Bemerkungen zur Sublimierung', *Psyche* 13: 397–414.

Joseph, Betty 'An aspect of the repetition compulsion', *IJPA* 40: 213–22.

Klein, Melanie 'Our adult world and its roots in infancy', *Human Relations* 12: 291–303; republished (1963) in Klein, *Our Adult World and Other Essays*. London: Heinemann.

Rosenfeld, Herbert 'An investigation into the psycho-analytic theory of depression', *IJPA* 40: 105–29.

Taylor, James N. 'A note on the splitting of interpretations', *IJPA* 40: 295–6.

1960

Jacques, Elliott 'Disturbances in the capacity to work', *IJPA* 41: 357–67.

Joseph, Betty 'Some characteristics of the psychopathic personality', *IJPA* 41: 526–31.

Klein, Melanie 'On mental health', *British Journal of Medical Psychology* 40: 237–41.

Klein, Melanie (published 1961) *Narrative of a Child Analysis*. London: Hogarth.

Klein, Melanie (published 1963) *Our Adult World and Other Essays*. London: Heinemann.

Klein, Melanie 'Some reflections on the Oresteia', in Klein (1963) *Our Adult World and Other Essays*.

Klein, Melanie 'On the sense of loneliness', in Klein (1963) *Our Adult World and Other Essays*.

Menzies (Lyth), Isabel 'The functioning of a social system as a defence against anxiety', *Human Relations* 11: 95–121; republished (1970) as Tavistock Pamphlet No. 3. London: Tavistock Institute of Human Relations.

Money-Kyrle, Roger 'On prejudice – a psycho-analytical approach', *British Journal of Medical Psychology* 33: 205–9; republished (1978) in *The Collected Papers of Roger Money-Kyrle*. Perth: Clunie, pp. 353–60.

Racker, Heinrich 'A study of some early conflicts through their return in the patient's relation with the interpretation', *IJPA* 41: 47–58.

Rosenfeld, Herbert 'A note on the precipitating factor in depressive illness', *IJPA* 41: 512–13.

Rosenfeld, Herbert 'On drug addiction', *IJPA* 41: 467–75.

Soares de Souza, D. 'Annihilation and reconstruction of object-relationship in a schizophrenic girl', *IJPA* 41: 554–8.

Stokes, Adrian 'A game that must be lost', *IJPA* 41: 70–6.

Williams, Hyatt W. 'A psycho-analytic approach to the treatment of the murderer', *IJPA* 41: 532–9.

1961

Bion, Wilfred *Experiences in Groups*. London: Tavistock.

Bion, Wilfred, Segal, Hanna and Rosenfeld, Herbert 'Melanie Klein', *IJPA* 42: 4–8.

Klein, Melanie *Narrative of a Child Analysis*. London: Hogarth.

Money-Kyrle, Roger *Man's Picture of his World*. London: Duckworth.

1962

Bick, Esther 'Child analysis today', *IJPA* 43: 328–32; republished (1987) in *The Collected Papers of Martha Harris and Esther Bick*. Perth: Clunie, pp. 104–13.

Bion, Wilfred *Leaming from Experience*. London: Heinemann.

Bion, Wilfred 'A theory of thinking', *IJPA* 43: 306–10; republished (1967) in W.R. Bion, *Second Thoughts*. London: Heinemann, pp. 110–19.

Grinberg, Leon 'On a specific aspect of countertransference due to the patient's projective identification', *IJPA* 43: 436–40.

Langer, Marie 'Selection criteria for the training of psycho-analytic students', *IJPA* 43: 272–6.

Rosenfeld, Herbert 'The superego and the ego-ideal', *IJPA* 43: 258–63.

Segal, Hanna 'The curative factors in psycho-analysis', *IJPA* 43: 212–17; republished (1981) in *The Work of Hanna Segal*. New York: Jason Aronson, pp. 69–80.

Stokes, Adrian 'On resignation', *IJPA* 43: 175–81.

1963

Bion, Wilfred *Elements of Psycho-Analysis*. London: Heinemann.

Grinberg, Leon 'Relations between psycho-analysts', *IJPA* 44: 363–7.

Meltzer, Donald 'A contribution to the metapsychology of cyclothymic states', *IJPA* 44: 83–97.

Meltzer, Donald 'Concerning the social basis of art', in Adrian Stokes, ed. *Painting and the Inner World*. London: Tavistock.

Money-Kyrle, Roger 'A note on migraine', *IJPA* 44: 490–2; republished (1978) in *The Collected Papers of Roger Money-Kyrle*. Perth: Clunie, pp. 361–5.

Rosenfeld, Herbert 'Notes on the psychopathology and psycho-analytic treatment of depressive and manic-depressive patients', in *Psychiatric Research Report* No. 17. Washington: The American Psychiatric Association.

Rosenfeld, Herbert 'Notes on the psychopathology and psycho-analytic treatment of schizophrenia', in *Psychiatric Research Report* No. 17. Washington: The American Psychiatric Association.

Segal, Hanna and Meltzer, Donald 'Narrative of a child analysis', *IJPA* 44: 507–13.

1964

Bick, Esther 'Notes on infant observation in psycho-analytic training', *IJPA* 45: 558–66; republished (1987) in *The Collected Papers of Martha Harris and Esther Bick*. Perth: Clunie, pp. 240–56.

Bicudo, Virginia Leone 'Persecuting guilt and ego restriction', *IJPA* 45: 358–63.

Grinberg, Leon 'On two kinds of guilt: their relation with normal and pathological aspects of mourning', *IJPA* 45: 366–71.

Hoxter, Shirley 'The experience of puberty', *Journal of Child Psychotherapy* 1(2): 13–26.

Langer, Maric, Puget, Janine and Teper, Eduardo 'A methodological approach to the teaching of psycho-analysis', *IJPA* 45: 567–74.

Meltzer, Donald 'The differentiation of somatic delusions from hypochondria', *IJPA* 45: 246–50.

O'Shaughnessy, Edna 'The absent object', *Journal of Child Psychotherapy* 1(2): 134–43.

Rosenfeld, Herbert 'On the psychopathology of narcissism: a clinical approach', *IJPA* 45: 332–7; republished (1965) in Rosenfeld, *Psychotic States*. London: Hogarth, pp. 169–79.

Rosenfeld, Herbert 'The psychopathology of hypochondriasis', in Rosenfeld (1965) *Psychotic States*. London: Hogarth, pp. 180–99.

Rosenfeld, Herbert 'An investigation into the need of neurotic and psychotic patients to act out during analysis', in Rosenfeld (1965) *Psychotic States*. London: Hogarth, pp. 200–16.

Rosenfeld, Herbert 'The psychopathology of drug addiction and alcoholism', in Rosenfeld (1965) *Psychotic States*. London: Hogarth, pp. 217–42.

Rosenfeld, Herbert 'Object relations of the acute schizophrenic patient in the transference situation', in P. Solomon and B.C. Glueck, eds. *Recent Research on Schizophrenia*. Washington: American Psychiatric Association.

Segal, Hanna *Introduction to the Work of Melanie Klein*. London: Heinemann; republished (1973) London: Hogarth.

Segal, Hanna 'Phantasy and other mental processes', *IJPA* 45: 191–4; republished (1981) in *The Work of Hanna Segal*. New York: Jason Aronson, pp. 41–8.

Williams, Arthur Hyatt 'The psychopathology and treatment of sexual murderers', in Ismond Rosen, ed. *The Pathology and Treatment of Sexual Deviation*. Oxford: Oxford University Press, pp. 351–77.

1965

Bion, Wilfred *Transformations*. London: Heinemann.

Harris, Martha 'Depression and the depressive position in an adolescent boy', *Journal of Child Psychotherapy* 1(3): 33–40; republished (1987) in *The Collected Papers of Martha Harris and Esther Bick*. Perth: Clunie, pp. 53–63.

Jaques, Elliott 'Death and the mid-life crisis', *IJPA* 46: 502–14.

Klein, Sidney 'Notes on a case of ulcerative colitis', *IJPA* 46: 342–51.

Lush, Dora 'Treatment of depression in an adolescent', *Journal of Child Psychotherapy* 1(3): 26–32.

Money-Kyrle, Roger 'Success and failure in mental maturations', in (1978) *The Collected Papers of Roger Money-Kyrle*. Perth: Clunie, pp. 397–406.

Rosenbluth, Dina 'The Kleinian theory of depression', *Journal of Child Psychotherapy* 1(3): 20–5.

Rosenfeld, Herbert *Psychotic States*. London: Hogarth.

Stokes, Adrian *The Invitation to Art*. London: Tavistock.

1966

Grinberg, Leon 'The relation between obsessive mechanisms and states of self-disturbance: depersonalization', *IJPA* 46: 177—-83.

Harris, Martha, and Carr, Helen 'Therapeutic consultations', *Journal of Child Psychotherapy* 1(4): 13–31; republished (1987) in *The Collected Papers of Martha Harris and Esther Bick*. Perth: Clunie, pp. 38–52.

Joseph, Betty 'Persecutory anxiety in a four-year-old boy', *IJPA* 47: 184–8.

Malin, Arthur S. and Grotstein, James S. 'Projective identification in the therapeutic process', *IJPA* 47: 26–31.

Meltzer, Donald 'The relation of anal masturbation to projective identification', *IJPA* 47: 335–42.

Money-Kyrle, Roger 'A note on the three caskets', in (1978) *The Collected Papers of Roger Money-Kyrle*. Perth: Clunie, p. 407.

Money-Kyrle, Roger 'British schools of psycho-analysis', in Silvano Arieti, *American Handbook of Psychiatry*; republished (1978) in *The Collected Papers of Roger Money-Kyrle*, pp. 408–25.

Racker, Heinrich 'Ethics and psycho-analysis and the psycho-analysis of ethics', *IJPA* 47: 63–80.

Rodrigue, Emilio 'Transference and a-transference phenomena', *IJPA* 47: 342–8.

Stokes, Adrian 'On being taken out of one's self', *IJPA* 47: 523–30.

1967

Bion, Wilfred 'Notes on memory and desire', *Psycho-Analytic Forum* 2: 272–3, 279–80.

Bion, Wilfred *Second Thoughts*. London: Heinemann.

Bleger, J. 'Psycho-analysis of the psycho-analytic frame', *IJPA* 48: 511–19.

Bleger, J. *Simbiosis y Ambiguedad*. Buenos Aires: Paidos.

Boston, Mary 'Some effects of external circumstances on the inner experience of two child patients', *Journal of Child Psychotherapy* 2(1): 20–32.

Grinberg, Leon, Langer, Marie, Liberman, David and de Rodrigue, Emilio and Genevieve 'The psycho-analytic process', *IJPA* 48: 496–503.

Meltzer, Donald *The Psycho-Analytic Process.* London: Heinemann.

Pick, Irma 'On stealing', *Journal of Child Psychotherapy* 2(1): 67–79.

Rodrigue, Emilio 'Severe bodily illness in childhood', *IJPA* 48: 290–3.

Segal, Hanna 'Melanie Klein's technique', in Benjamin Wolman, ed. *Psycho-Analytic Techniques*. New York: Basic, pp. 188–90; republished (1981) in *The Work of Hanna Segal*. New York: Jason Aronson, pp. 3–24.

1968

Bick, Esther 'The experience of the skin in early object relations', *IJPA* 49: 484–6; republished (1987) in *The Collected Papers of Martha Harris and Esther Bick*. Perth: Clunie, pp. 114–18.

Gosling, Robert 'What is transference?', in John Sutherland, ed. *The Psycho-Analytic Approach*. London: Baillière, Tindall and Cassell, pp. 1–10.

Grinberg, Leon 'On acting-out and its role in the psycho-analytic process', *IJPA* 49: 171–8.

Harris, Martha 'The child psychotherapist and the patient's family', *Journal of Child Psychotherapy* 2(2): 50–63; republished (1987) in *The Collected Papers of Martha Harris and Esther Bick*. Perth: Clunie, pp. 18–37.

Jaques, Elliott 'Guilt, conscience and social behaviour', in John Sutherland, ed. *The Psycho-Analytic Approach*. London: Baillière, Tindall and Cassell, pp. 31–43.

Meltzer, Donald 'Terror, persecution, dread', *IJPA* 49: 396–400; republished (1973) in Meltzer, *Sexual States of Mind*. Perth: Clunie, pp. 99–106.

Money-Kyrle, Roger 'Cognitive development', *IJPA* 49: 691–8; republished (1978) in *The Collected Papers of Roger Money-Kyrle*. Perth: Clunie, pp. 416–33; and in (1981) Grotstein, ed. *Do I Dare Disturb the Universe*? Beverly Hills: Caesura, pp. 537–50.

Munro, Lois 'Comment on the paper by Alexander and Isaacs on the psychology of the fool', *IJPA* 49: 424–5.

Racker, Heinrich *Transference and Counter-Transference*. London: Hogarth.

Rodrigue, Emilio 'The fifty thousand hour patient', *IJPA* 50: 603–13.

Rosenbluth, Dina 'Insight as an aim of treatment', *Journal of Child Psychotherapy* 2(2): 5–19.

Spillius, Elizabeth Bott 'Psycho-analysis and ceremony', in John Sutherland, ed. *The Psycho-Analytic Approach*. London: Baillière, Tindall and Cassell, pp. 52–77.

1969

Brenman, Eric 'The psycho-analytic point of view', in Sidney Klein, ed. *Sexuality and Aggression in Maturation: New Facets.* London: Ballière, Tindall and Cassell, pp. 1–13.

Grinberg, Leon 'New ideas: conflict and evolution', *IJPA* 50: 517–28.

Meltzer, Donald 'The relation of aims to methodology in the treatment of children', *Journal of Child Psychotherapy* 2(3): 57–61.

Menzies (Lyth), Isabel E.P. 'The motor-cycle: growing up on two wheels', in Sidney Klein, ed. *Sexuality and Aggression in Maturation: New Facets*, pp. 37–49.

Money-Kyrle, Roger 'On the fear of insanity', in (1978) *The Collected Papers of Roger Money-Kyrle*. Perth: Clunie, pp. 434–41.

Rosenfeld, Herbert 'On the treatment of psychotic states by psycho-analysis: an historical approach', *IJPA* 50: 615–31.

Williams, Arthur Hyatt 'Murderousness', in Louis Blom-Cooper, ed. *The Hanging Question*. London: Duckworth.

1970

Bion, Wilfred *Attention and Interpretation*. London: Tavistock.

Brenner, John 'Some factors affecting the placement of a child in treatment', *Journal of Child Psychotherapy* 2(4): 63–7.

Grinberg, Leon 'The problem of supervision in psycho-analytic education', *IJPA* 51: 371–83.

Jackson, Judith 'Child psychotherapy in a day school for maladjusted children', *Journal of Child Psychotherapy* 2(4): 54–62.

Jaques, Elliott *Work, Creativity and Social Justice*. London: Heinemann.

Menzies (Lyth), Isabel E.P. 'Psychosocial aspects of eating', *Journal of Psychosomatic Research* 14: 223–7.

Riesenberg-Malcolm, Ruth 'The mirror: a perverse sexual phantasy in a woman seen as a defence against psychotic breakdown', *Revista de Psycho-Analisis* 27: 793–826.

Rioch, Margaret J. 'The work of Wilfred Bion on groups', *Psychiatry* 33: 56–66.

Rosenbluth, Dina 'Transference in child psychotherapy', *Journal of Child Psychotherapy* 2(4): 72–87.

Szur, Ruth 'Acting-out', *Journal of Child Psychotherapy* 2(4): 23–38.

Thorner, Hans A. 'On compulsive eating', *Journal of Psychosomatic Research* 14: 321–5.

Wittenberg, Isca *Psycho-Analytic Insight and Relationships: A Kleinian Approach*. London: Routledge and Kegan Paul.

1971

Harris, Martha 'The place of once weekly treatment in the work of an analytically trained child psychotherapist', *Journal of Child Psychotherapy* 3(l): 31–9.

Joseph, Betty 'A clinical contribution to the analysis of a perversion', *IJPA* 52: 441–9.

Money-Kyrle, Roger 'The aim of psycho-analysis', *IJPA* 52: 103–6; republished (1978) in *The Collected Papers of Roger Money-Kyrle*. Perth: Clunie, pp. 442–9.

Rosenfeld, Herbert 'A clinical approach to the psycho-analytic theory of the life and death instincts: an investigation into the aggressive aspects of narcissism', *IJPA* 52: 169–78.

Rosenfeld, Herbert 'Contribution to the psychopathology of psychotic states: the importance of projective identification in the ego structure and the object relations of the psychotic patient', in Pierre Doucet and Camille Laurin, eds. *Problems in Psychosis*. Amsterdam: Excerpta Medica, pp. 115–28.

Rustin, Margaret 'Psychotherapy with a seven-and-a-half-year-old girl in the care of a local authority children's department', *Journal of Child Psychotherapy* 3(1): 49–61.

Wittenberg, Isca 'Extending fields of work', *Journal of Child Psychotherapy* 3(1): 22–30.

1972

Boston, Mary 'Psychotherapy with a boy from a children's home', *Journal of Child Psychotherapy* 3(2): 53–67.

Hoxter, Shirley 'A study of a residual autistic condition and its effects upon learning', *Journal of Child Psychotherapy* 3(2): 21–39.

Rosenfeld, Herbert 'A critical appreciation of James Strachey's paper on the nature of the therapeutic action of psycho-analysis', *IJPA* 53: 455–61.

Segal, Hanna 'The role of child analysis in the general psycho-analytic training', *IJPA* 53: 147–61.

Segal, Hanna 'A delusional system as a defence against the re-emergence of a catastrophic situation', *IJPA* 53: 393–401; republished in Segal, *Psychoanalysis, Literature and War: Papers 1972–1995*. London: Routledge.

Segal, Hanna 'Melanie Klein's technique of child analysis', in Benjamin Wolman, ed. *Handbook of Child Psycho-Analysis*. New York: Van Nostrand Rheinhold; republished (1981) in *The Work of Hanna Segal*. New York: Jason Aronson, pp. 25–37.

Segal, Hanna 'A note on internal objects' (published as 'A propos des objets internes', *Nouvelle Revue de Psychanalyse* 10: 153–7).

1973

Etchegoyen, Horatio 'A note on ideology and technique', *IJPA* 54: 485–6.

Harris, Martha 'The complexity of mental pain seen in a six-year-old child following sudden bereavement', *Journal of Child Psychotherapy* 3(3): 35–45; republished (1987) in *The Collected Papers of Martha Harris and Esther Bick*. Perth: Clunie, pp. 89–103.

Meltzer, Donald *Sexual States of Mind*. Perth: Clunie.

1974

Bion, Wilfred *Bion's Brazilian Lectures 1*. Rio de Janeiro: Imago Editora Ltda.

Grinberg, Leon and Grinberg, R. 'The problem of identity and the psycho-analytic process', *International Review of Psycho-Analysis* 1: 499–507.

Henry, Gianna 'Doubt deprived', *Journal of Child Psychotherapy* 3(4): 15–28.

Klein, Sidney 'Transference and defence in manic states', *IJPA* 55: 261–8.

Meltzer, Donald 'Mutism in infantile autism, schizophrenia and manic-depressive states: the correlation of clinical psychopathology and linguistics', *IJPA* 55: 397–404.

Rosenfeld, Herbert 'Discussion on the paper by Greenson on transference: Freud or Klein?', *IJPA* 55: 49–51.

Segal, Hanna 'Delusion and artistic creativity', *International Review of Psychoanalysis* 1: 135–41; republished (1981) in *The Work of Hanna Segal*. New York: Jason Aronson, pp. 207–16.

1975

Bion, Wilfred *Bion's Brazilian Lectures 2*. Rio de Janeiro: Imago Editora Ltda.

Bion, Wilfred *A Memoir of the Future: 1. The Dream*. Rio de Janeiro: Imago Editora Ltda.

Grinberg, Leon, Sor, Dario and Tabak de Bianchedi, Elizabeth *Introduction to the Work of Bion*. Perth: Clunie.

Harris, Martha 'Some notes on maternal containment in "good enough" mothering', Journal of Child Psychotherapy 4: 35–51; republished (1987) in *The Collected Papers of Martha Harris and Esther Bick*. Perth: Clunie, pp. 141–63.

Joseph, Betty 'The patient who is hard to reach', in Peter Giovacchini, ed. *Tactics and Techniques in Psycho-Analytic Therapy*, vol. 2. New York: Jason Aronson, pp. 205–16.

Meltzer, Donald ‘Adhesive identification’, *Contemporary Psycho-Analysis* 11: 289–310.

Meltzer, Donald, Bremner, John, Hoxter, Shirley, Weddell, Doreen and Wittenberg, Isca *Explorations in Autism*. Perth: Clunie.

Menzies (Lyth), Isabel E.P. ‘Thoughts on the maternal role in contemporary society’, *Journal of Child Psychotherapy* 4: 5–14.

Rey, Henri ‘Intra-psychic object-relations: the individual and the group’, in Lewis Wolberg and Marvin Aronson, eds. *Group Therapy: An Overview*. New York: Stratton, pp. 84–101.

Rosenfeld, Herbert ‘The negative therapeutic reaction’, in Peter Giovacchini, ed. *Tactics and Techniques in Psycho-Analytic Therapy*, vol. 2, pp. 217–28.

Segal, Hanna ‘A psycho-analytic approach to the treatment of schizophrenia’, in Malcolm Lader, ed. *Studies of Schizophrenia*. Ashford: Headley Bros, pp. 94–7.

Turquet, Pierre ‘Threats to identity in the large group’, in Lionel Kreeger, ed. *The Large Group*. London: Constable, pp. 87–144.

1976

Harris, Martha ‘Infantile elements and adult strivings in adolescent sexuality’, *Journal of Child Psychotherapy* 4(2): 29–44; republished (1987) in *The Collected Papers of Martha Harris and Esther Bick*. Perth: Clunie, pp. 121–40.

Jaques, Elliott *A General Theory of Bureaucracy*. London: Heinemann.

Meltzer, Donald ‘The delusion of clarity of insight’, *IJPA* 57: 141–6.

Orford, Eileen ‘Some effects of the absence of his father on an eight-year-old boy’, *Journal of Child Psychotherapy* 4(2): 53–74.

Spillius Elizabeth Bott ‘Hospital and society’, *British Journal of Medical Psychology* 49: 97–140; republished (in modified form) as ‘Asylum and society’ in (1990) Eric Trist and Hugh Murray eds. *The Social Engagement of Social Science, Volume 1. The Socio-Psychological Perspective*, pp. 586–612. London: Free Association Books.

1977

Alvarez, Anne ‘Problems of dependence and development in an excessively passive autistic boy’, *Journal of Child Psychotherapy* 4(3): 25–46.

Bion, Wilfred *A Memoir of the Future. 2. The Past Presented*. Rio de Janeiro: Imago Editora Ltda.

Bion, Wilfred *Seven Servants*. New York: Jason Aronson.

Bion, Wilfred ‘Emotional disturbance’, in Peter Hartocollis, ed. *Borderline Personality Disorders*. New York: International Universities Press; republished (1977) in W.R. Bion, *Two Papers: The Grid and Caesura*. Rio de Janeiro: Imago Editora Ltda.

Bion, Wilfred ‘On a quotation from Freud’, in Peter Hartocollis, ed. *Borderline Personality Disorders*; republished (1977) in W.R. Bion, *Two Papers: The Grid and Caesura*. Rio de Janeiro: Imago Editora Ltda.

Bion, Wilfred *Two Papers: The Grid and Caesura*. Rio de Janeiro: Imago Editora Ltda.

Grinberg, Leon ‘An approach to the understanding of borderline patients’, in Pete Hartocollis, ed. *Borderline Personality Disorders*.

Grotstein, James S. ‘The psycho-analytic concept of schizophrenia’, *IJPA* 58: 403–52.

Harris, Martha ‘The Tavistock training and philosophy’, in Dilys Daws and Mary Boston, eds. *The Child Psychotherapist*. Aldershot: Wildwood; republished (1987) in *The Collected Papers of Martha Harris and Esther Bick*. Perth: Clunie, pp. 259–82.

Segal, Hanna 'Counter-transference', *International Journal of Psycho-Analytic Psychotherapy* 6: 31–7; republished (1981) in *The Work of Hanna Segal*. New York: Jason Aronson, pp. 81–8.

Segal, Hanna 'Psycho-analysis and freedom of thought', Inaugural Lecture, Freud Memorial Professor, University College, London, H.K. Lewis; republished (1981) in *The Work of Hanna Segal*. New York: Jason Aronson, pp. 217–27.

Segal, Hanna and Fürer, Manuel 'Psycho-analytic dialogue: Kleinian theory today', *The Journal of the American Psychoanalytic Association* 25: 363–85.

1978

Bion, Wilfred *Four Discussions with W.R. Bion*. Perth: Clunie.

Elmhurst, Susanna Isaacs 'Time and the pre-verbal transference', *IJPA* 59: 173–80.

Etchegoyen, R. Horatio 'Some thoughts on transference perversion', *IJPA* 59: 45–53.

Grinberg, Leon 'The razor's edge in depression and mourning', *IJPA* 59: 245–54.

Grotstein, James S. 'Inner space: its dimensions and its co-ordinates', *IJPA* 59: 55–61.

Jacques, Elliott, ed. *Health Services*. London: Heinemann.

Joseph, Betty 'Different types of anxiety and their handling in the analytic situation', *IJPA* 59: 223–8.

Meltzer, Donald *The Kleinian Development*. Perth: Clunie.

Meltzer, Donald 'A note on Bion's concept "reversal of alpha-function"', in Meltzer (1978) *The Kleinian Development*. Perth: Clunie, pp. 119–26; republished (1981) in Grotstein, ed. *Do I Dare Disturb the Universe?* Beverly Hills: Caesura, pp. 529–35.

Meltzer, Donald 'Routine and inspired interpretations', *Contemporary Psycho-Analysis* 14: 210–25.

Money-Kyrle, Roger *The Collected Papers of Roger Money-Kyrle*. Perth: Clunie.

Money-Kyrle, Roger 'On being a psycho-analyst'; republished (1978) in *The Collected Papers of Roger Money-Kyrle*. Perth: Clunie, pp. 457–65.

Rosenfeld, Herbert 'Notes on the psychopathology and psycho-analytic treatment of some borderline states', *IJPA* 59: 215–21.

Saunders, Kenneth 'Shakespeare's "The Winter's Tale", and some notes on the analysis of a present-day Leontes", *International Review of Psycho-Analysis* 5: 175–8.

Segal, Hanna 'On symbolism', *IJPA* 55: 315–319; republished in Segal, *Psychoanalysis, Literature and War: Papers 1972–1995*. London: Routledge.

Tustin, Frances 'Psychotic elements in the neurotic disorders of children', *Journal of Child Psychotherapy* 4(4): 5–17.

Williams, Arthur Hyatt 'Depression, deviation and acting-out', *Journal of Adolescence* 1: 309–17.

Wittenberg, Isca Salzberger 'The use of "here and now" experiences in a teaching conference on psychotherapy', *Journal of Child Psychotherapy* 4(4): 33–50.

1979

Bion, Wilfred *A Memoir of the Future: 3. The Dawn of Oblivion*. Perth: Clunie.

Gallwey, P.L.G. 'Symbolic dysfunction in the perversions: some related clinical problems', *International Review of Psycho-Analysis* 6: 155–61.

Grinberg, Leon 'Counter-transference and projective counter-identification', *Contemporary Psycho-Analysis* 15: 226–47.

Grotstein, James S. *Who is the dreamer who dreams the dream and who is the dreamer who understands it?*, *Contemporary Psycho-Analysis* 15: 110–69; republished (1981) in Grotstein, ed. *Do I Dare Disturb the Universe?* Beverly Hills: Caesura, pp. 357–416.

Harris, Martha 'L'apport de l'observation de l'interaction mère-enfant', *Nouvelle Revue de Psychanalyse* 19: 99–112; republished (1987) in *The Collected Papers of Martha Harris and Esther Bick*. Perth: Clunie, pp. 225–239.

Hinshelwood, R.D. 'The community as analyst', in R.D. Hinshelwood and Nick Manning, eds. *Therapeutic Communities: Reflections and Progress*. London: Routledge and Kegan Paul, pp. 103–12.

Menzies (Lyth), Isabel E.P. 'Staff support systems: task and anti-task in adolescent institutions', in Hinshelwood and Manning, eds. *Therapeutic Communities: Reflections and Progress*, pp. 197–207.

Money-Kyrle, Roger 'Looking backwards – and forwards', *International Review of Psycho-Analysis* 60: 265–72.

Rey, Henri 'Schizoid phenomena in the borderline', in Joseph LeBoit and Attilio Capponi, eds. *Advances in Psychotherapy of the Borderline Patient*. New York: Jason Aronson, pp. 449–84.

Rhode, Maria 'One life between two people', *Journal of Child Psychotherapy*, 5: 57–68.

Rosenfeld, Herbert 'Difficulties in the psycho-analytic treatment of the borderline patient', in Joseph LeBoit and Attilio Capponi, eds. *Advances in Psychotherapy of the Borderline Patient*. New York: Jason Aronson, pp. 187–206.

Rosenfeld, Herbert 'Transference psychosis in the borderline patient', in LeBoit and Capponi, eds. *Advances in Psychotherapy of the Borderline Patient*. New York: Jason Aronson, pp. 485–510.

Segal, Hanna *Klein*. Fontana.

Steiner, John 'The border between the paranoid-schizoid and the depressive positions in the borderline patient', *British Journal of Medical Psychology* 52: 385–91.

1980

Alvarez, Anne 'Two regenerative situations in autism: reclamation and becoming vertebrate', *Journal of Child Psychotherapy* 6: 69–80.

Bion, Wilfred *Bion in São Paulo and New York*. Perth: Clunie.

Brenman, Eric 'The value of reconstruction in adult psycho-analysis', *IJPA* 61: 53–60.

Elmhirst, Susanna Isaacs 'Bion and babies', *The Annual of Psycho-Analysis* 8: 155–67 (New York: International Universities Press); republished (1981) in Grotstein, ed. *Do I Dare Disturb the Universe?* Beverly Hills: Caesura, pp. 83–91.

Elmhirst, Susanna Isaacs 'Transitional objects and transition', *IJPA* 61: 367–73.

Gammil, James 'Some reflections on analytic listening and the dream screen', *IJPA* 61: 375–81.

Grinberg, Leon 'The closing phase of the psycho-analytic treatment of adults and the goals of psycho-analysis', *IJPA* 61: 25–37.

Grotstein, James S. 'A proposed revision of the psycho-analytic concept of primitive mental states', *Contemporary Psycho-Analysis* 16: 479–546.

Grotstein, James S. 'The significance of the Kleinian contribution to psycho-analysis', *International Journal of Psycho-Analytic Psychotherapy* 8: 375–498.

Klein, Sidney 'Autistic phenomena in neurotic patients', *IJPA* 61: 395–402; republished (1981) in Grotstein, ed. *Do I Dare Disturb the Universe?* Beverly Hills: Caesura, pp. 103–14.

Wilson, Stephen 'Hans Andersen's nightingale', *International Review of Psycho-Analysis* 7: 483–6

1981

Etchegoyen, R. Horatio 'Instances and alternatives of the interpretative work', *International Review of Psychoanalysis* 8: 401–21.

Gosling, Robert 'A study of very small groups', in Grotstein, ed. *Do I Dare Disturb the Universe?* Beverly Hills: Caesura, pp. 633–45.

Grinberg, Leon 'The "Oedipus" as a resistance against the "Oedipus" in psycho-analytic practice', in Grotstein, ed. *Do I Dare Disturb the Universe?* Beverly Hills: Caesura, pp. 341–55.

Grotstein, James S., ed. *Do I Dare Disturb the Universe?* Beverly Hills: Caesura

Grotstein, James S. *Splitting and Projective Identification*. New York: Jason Aronson.

Grotstein, James S. 'Wilfred R. Bion: the man, the psycho-analyst, the mystic', in Grotstein, ed. *Do I Dare Disturb the Universe?* Beverly Hills: Caesura, pp. 1–35.

Harris, Martha 'The individual in the group: on learning to work with the psycho-analytic method', in Grotstein, ed. *Do I Dare Disturb the Universe?* Beverly Hills: Caesura, pp. 647–60; republished (1987) in *The Collected Papers of Martha Harris and Esther Bick*. Perth: Clunie, pp. 332–9.

Jaques, Elliott 'The aims of psycho-analytic treatment', in Grotstein, ed. *Do I Dare Disturb the Universe?* Beverly Hills: Caesura, pp. 417–25.

Joseph, Betty 'Toward the experiencing of psychic pain', in Grotstein, ed. *Do I Dare Disturb the Universe?* Beverly Hills: Caesura, pp. 93–102.

Mancia, Mauro 'On the beginning of mental life in the foetus', *IJPA* 62: 351–7.

Mancia, Mauro and Meltzer, Donald 'Ego-ideal functions and the psycho-analytic process', *IJPA* 62: 243–9.

Mason, Albert 'The suffocating superego: phobia', in Grotstein, ed. *Do I Dare Dare Disturb the Universe?*, Beverly Hills: Caesura, pp 139–66.

Meltzer, Donald 'The relation of splitting of attention to the splitting of objects', *Contemporary Psycho-Analysis* 17: 232–8.

Meltzer, Donald 'The Kleinian expansion of Freudian metapsychology'. *IJPA* 62: 177–85.

Menzies (Lyth), Isabel E.P. 'Bion's contribution to thinking about groups', in Grotstein, ed. *Do I Dare Disturb the Universe?* Beverly Hills: Caesura, pp 661–6.

O'Shaughnessy, Edna 'A clinical study of a defensive organisation', *IJPA* 62: 359–69.

Riesenberg-Malcolm, Ruth 'Expiation as a defence', *International Journal of Psychoanalytic Psychotherapy* 8: 549–570; republished in (1997) David Bell, ed. *Reason and Passion*. London: Duckworth.

Riesenberg-Malcolm, Ruth 'Technical problems in the analysis of a pseudo-compliant patient', *IJPA* 62: 477–84.

Rosenfeld, Herbert 'On the psychopathology and treatment of psychotic patients', in James Grotstein, ed. *Do I Dare Disturb the Universe?* Beverly Hills: Caesura, pp. 167–79.

Segal, Hanna *The Work of Hanna Segal*. New York: Jason Aronson.

Segal, Hanna 'The function of dreams', in Grotstein, ed. *Do I Dare Disturb the Universe?* Beverly Hills: Caesura, pp. 579–87; republished in *The Work of Hanna Segal*. New York: Jason Aronson, pp. 89–97.

Segal, Hanna 'Manic reparation', in *The Work of Hanna Segal*. New York: Jason Aronson, pp. 147–58; republished (1997) in Roy Schafer, ed. *The Contemporary Kleinians of London*. New York: International Universities Press.

Thorner, Hans A. 'Notes on the desire for knowledge', in Grotstein, ed. *Do I Dare Disturb the Universe?* Beverly Hills: Caesura, pp. 589–99.

Thorner, Hans A. 'Either/or: a contribution to the problem of symbolisation and sublimation', *IJPA* 62: 455–6.

Tustin, Frances *Autistic States in Children*. Routledge and Kegan Paul.

Tustin, Frances 'Psychological birth and psychological catastrophe', in Grotstein, ed. *Do I Dare Disturb the Universe?* Beverly Hills: Caesura, pp. 181–196.

1982

Bion, Wilfred *The Long Weekend, 1897–1919*. Abingdon: Fleetwood.

Brenman, Eric 'Separation: a clinical problem', *IJPA* 63: 303–10.

Etchegoyen, R. Horatio 'The relevance of the "here and now" transference interpretation for the reconstruction of early development', *IJPA* 63: 65–75.

Harris, Martha 'Growing points in psycho-analysis inspired by the work of Melanie Klein', *Journal of Child Psychotherapy* 8: 165–84.

Jaques, Elliott *The Form of Time*. London: Heinemann.

Joseph, Betty 'On addiction to near death', *IJPA* 63: 449–56.

Meltzer, Donald, Milana, Giuliana, Maiello, Susanna and Petrelli, Diomine 'The conceptual distinction between projective identification (Klein) and container-contained (Bion)', *Journal of Child Psychotherapy* 8: 185–202.

Rustin, Margaret 'Finding a way to the child', *Journal of Child Psychotherapy* 8: 145–50.

Segal, Hanna 'Early infantile development as reflected in the psychoanalytical process: steps in integration', *IJPA* 63: 15–22; republished in Segal, *Psychoanalysis, Literature and War: Papers 1972–1995*. London: Routledge.

Steiner, John 'Perverse relationships between parts of the self: a clinical illustration', IJPA 63: 241–52.

Williams, Arthur Hyatt 'Adolescence, violence and crime', *Journal of Adolescence* 5: 125–34.

Wittenberg, Isca 'On assessment', *Journal of Child Psychotherapy* 8: 131–44.

1983

Alvarez, Anne 'Problems in the use of the counter-transference: getting it across', *Journal of Child Psychotherapy* 9: 7–23.

Boston, Mary and Szur, Rolene, eds. *Psychotherapy with Severely Deprived Children*. Roudedge and Kegan Paul.

Cornwall, Joan (Symington) 'Crisis and survival in infancy', *Journal of Child Psychotherapy* 9: 25–32.

Dale, Francis 'The body as bondage', *Journal of Child Psychotherapy* 9: 33–45.

Etchegoyen, R. Horatio 'Fifty years after the mutative interpretation', *IJPA* 64: 445–59.

Folch, Terttu Eskelinen de 'We – versus I and you', *IJPA* 64: 309–20.

Hinshelwood, R.D. 'Projective identification and Marx's concept of man', *International Review of Psycho-Analysis* 10: 221–6.

Joseph, Betty 'On understanding and not understanding', *IJPA* 64: 291–298; republished (1989) in *Psychic Equilibrium and Psychic Change*. London: Routledge; and (1997) in Roy Schafer, ed. *The Contemporary Kleinians of London*. New York: International Universities Press.

Mancia, Mauro 'Archaeology of Freudian thought and the history of neurophysiology', *International Review of Psycho-Analysis* 10: 185–92.

O'Shaughnessy, Edna 'On words and working through', *IJPA* 64: 281–9.

Rosenfeld, Herbert 'Primitive object relations and mechanisms', *IJPA* 64: 261–7.

Segal, Hanna 'Some implications of Melanie Klein's work. Emergence from narcissism', *IJPA* 64: 269–276; republished in Segal, *Psychoanalysis, Literature and War: Papers 1972–1995*. London: Routledge.

Sohn, Leslie 'Nostalgia', *IJPA* 64: 203–11.

Spillius, Elizabeth Bott 'Some developments from the work of Melanie Klein', *IJPA* 64: 321–32.

Taylor, David 'Some observations on hallucinations: clinical applications of some developments of Melanie Klein's work', *IJPA* 64: 299–308.

Williams, Meg Harris '"Underlying pattern" in Bion's *Memoir of the Future*', *International Review of Psychoanalysis* 10: 75–86.

Wilson, Stephen '*Experiences in Groups*: Bion's debt to Freud',*Group Analysis* 16: 152–7.

Wittenberg, Isca, Henri, Gianna and Osbourne, Elsie, *The Emotional Experience of Learning and Teaching*. Routledge and Kegan Paul.

1984

Barrows, Kate 'A child's difficulties in using his gifts and imagination', *Journal of Child Psychotherapy* 10: 15–26.

Bianchedi, Elizabeth, Antar, Riccardo, Femandez Bravo de Podetti, M. Ruth, Grassano de Piccolo, Eisa, Miravent, Irene, Pistiner de Cortinas, Lia, T. Scalozub de Boschan, Lidia and Waserman, Mario 'Beyond Freudian metapsychology: the metapsychological points of view of the Kleinian School', *IJPA* 65: 389–98.

Grinberg, Leon and Rodriguez, Juan Francisco 'The influence of Cervantes on the future creator of psycho-analysis', *IJPA* 65: 155–68.

Klein, Sidney 'Delinquent perversion: problems in assimilation: a clinical study', *IJPA* 64: 307–14.

Meltzer, Donald *Dream Life*. Perth: Clunie.

Meltzer, Donald 'A one-year-old goes to nursery',*Journal of Child Psychotherapy* 19: 89–104.

Segal, Hanna 'Joseph Conrad and the mid-life crisis', *International Review of Psychoanalysis* 11: 3–9; republished in Segal, *Psychoanalysis, Literature and War: Papers 1972–1995*. London: Routledge.

Tustin, Frances 'Autistic shapes', *International Review of Psychoanalysis* 11: 279–90.

Wilson, Stephen 'Character development in *Daniel Deronda*: a psycho-analytic view', *International Review of Psycho-Analysis* 11: 199–206.

Wollheim, Richard *The Thread of Life*. Cambridge: Cambridge University Press.

1985

Alvarez, Anne 'The problem of neutrality: some reflections on the psycho-analytic attitude in the treatment of borderline and psychotic children', *Journal of Child Psychotherapy* 11: 87–103.

Bion, Wilfred *All My Sins Remembered and The Other Side of Genius*. Abingdon: Fleetwood.

Brenman, Eric 'Cruelty and narrow-mindedness', *IJPA 66*: 273–281; republished (1988) in Bott Spillius, ed. *Melanie Klein Today, Volume 1*. London: Routledge; and (1997) in Roy Schafer, ed. *The Contemporary Kleinians of London*. New York: International Universities Press.

Brenman, Eric 'Hysteria', *IJPA* 66: 423–32.

Brenman Pick, Irma 'Working through in the counter-transference', *IJPA* 66: 157–166; republished (1988) in Bott Spillius, ed. *Melanie Klein Today, Volume 2*. London: Routledge; and (1997) in Roy Schafer, ed. *The Contemporary Kleinians of London*. New York: International Universities Press.

Brenman Pick, Irma 'Development of the concepts of transference and counter-transference', *Psycho-Analytic Psychotherapy* 1: 13–23.

Brenman Pick, Irma 'Breakdown in communication: on finding the child in the analysis of an adult', *Psycho-Analytic Psychotherapy* 1: 57–62.

Brenman Pick, Irma 'Male sexuality: a clinical study of forces that impede development', *IJPA* 66: 415–22.

Britton, Ronald 'The Oedipus complex and the depressive position', *Sigmund Freud House Bulletin*, Vienna 9: 7–12.

Dresser, Iain 'The use of transference and counter-transference in assessing emotional disturbance in children', *Psychoanalytic Psychotherapy* 1: 95–106.

Etchegoyen, R. Horatio 'Identification and its vicissitudes', *IJPA* 66: 3–18.

Gallwey, Patrick 'The psychodynamics of borderline personality', in D.E. Farrington and J. Gunn, eds. *Aggression and Dangerousness*. Chichester: Wiley.

Goldie, Lawrence 'Psycho-Analysis in the National Health Service general hospital', *Psycho-Analytic Psychotherapy* 1: 23–34.

Grinberg, Leon 'Bion's contribution to the understanding of the individual and the group', in Malcolm Pines, ed. *Bion and Group Psychotherapy*. London: Routledge and Kegan Paul.

Herman, Nini *My Kleinian Home*. London: Quartet.

Hinshelwood, R.D. Questions of training, *Free Associations* 2: 7–18.

Hughes, Athol, Furgiuele, Piera and Bianco, Margherita 'Aspects of anorexia nervosa in the therapy of two adolescents', *Journal of Child Psychotherapy* 11: 17–33.

Jackson, Judith 'An adolescent's difficulties in using his mind: some technical problems', *Journal of Child Psychotherapy* 11: 105–19.

Jackson, Murray 'A psycho-analytical approach to the assessment of a psychotic patient', *Psycho-Analytic Psychotherapy* 1: 11–22.

Joseph, Betty 'Transference: the total situation', *IJPA* 66: 447–54.

Klein, Sidney 'The self in childhood: a Kleinian point of view', *Journal of Child Psychotherapy* 11: 31–47.

Lueas, Richard 'On the contribution of psycho-analysis to the management of psychotic patients in the National Health Service', *Psycho-Analytic Psychotherapy* 1: 2–17.

Menzies (Lyth), Isabel E.P. 'The development of the self in children in institutions', *Journal of Child Psychotherapy* 11: 49–64.

Segal, Julia *Phantasy in Everyday Life*. London: Penguin.

Sohn, Leslie 'Narcissistic organization, projective identification and the formation of the identificate', *IJPA* 66: 201–13.

Sohn, Leslie 'Anorexic and bulimic states of mind in the psycho-analytic treatment of anorexic/bulimic patients and psychotic patients', *Psycho-Analytic Psychotherapy* 1: 49–55.

Steiner, John 'Turning a blind eye: the cover-up for Oedipus', *International Review of Psycho-Analysis* 12: 161–72.

Steiner, John 'The training of psychotherapists', *Psycho-Analytic Psychotherapy* 1: 56–63.

Steiner, Riccardo 'Some thoughts about tradition and change arising from an examination of the British Psycho-Analytical Society's Controversial Discussions 1943–1944', *International Review of Psycho-Analysis* 12: 27–71.

Symington, Joan (Cornwall) 'The establishment of female genital sexuality', *Free Associations* 1: 57–75.

Symington, Joan (Cornwall) 'The survival function of primitive omnipotence', *IJPA* 66: 481–7.

Thorner, Hans A. 'On repetition: its relationship to the depressive position', *IJPA* 66: 231–6.

Williams, Meg Harris 'The tiger and "O": a reading of Bion's *Memoir* and autobiography', *Free Associations* 1: 33–56.

1986

Bick, Esther 'Further considerations of the function of the skin in early object relations: findings from infant observation integrated into child and adult analysis', *British Journal of Psychotherapy* 2: 292–9.

Britton, Ronald 'The infant in the adult', *Psycho-Analytic Psychotherapy* 2: 31–44.

Grosskurth, Phyllis *Melanie Klein: Her World and her Work*. London: Hodder and Stoughton.

Hinshelwood, R.D. 'A "dual" materialism', *Free Associations* 4: 36–50.

Hinshelwood, R.D. 'Eclecticism: the impossible project', *Free Associations* 5: 23–7.

Joseph, Betty 'Envy in everyday life', *Psycho-Analytic Psychotherapy* 2: 23–30.

Meltzer, Donald *Studies in Extended Metapsychology*. Perth: Clunie.

Meltzer, Donald 'On first impressions', *Contemporary Psycho-Analysis* 22: 467–70.

Menzies (Lyth), Isabel E.P. 'Psycho-analysis in non-clinical contexts: on the art of captaincy', *Free Associations* 5: 65–78.

O'Shaughnessy, Edna 'A three-and-a-half-year-old boy's melancholic identification with an original object', *IJPA* 67: 173–9.

Piontelli, Alessandra *Backwards in Time*. Perth: Clunie.

Riesenberg-Malcolm, Ruth 'Interpretations: the past in the present', *International Review of Psycho-Analysis* 13: 433–43.

Steiner, Riccardo 'Responsibility as a way of hope in the nuclear era: some notes on F. Fomari's *Psycho-Analysis of War*', *Psycho-Analytic Psychotherapy* 2: 75–82.

Tustin, Frances *Autistic Barriers in Neurotic Patients*. London: Karnac.

Williams, Arthur Hyatt 'The ancient mariner: opium, the saboteur of self therapy', *Free Associations* 6: 123–44.

1987

Etchegoyen, Horatio, Lopez, Benito and Rabih, Moses 'Envy and how to interpret it', *IJPA* 68: 49–61.

Harris, Martha 'Depressive paranoid and narcissistic features in the analysis of a woman following the birth of her first child and the death of her own mother', in *The Collected Papers of Martha Harris and Esther Bick*. Perth: Clunie, pp. 53–63.

Harris, Martha 'Towards learning from experience in infancy and childhood', in *The Collected Papers of Martha Harris and Esther Bick*. Perth: Clunie, pp. 164–78.

Harris, Martha 'The early basis of adult female sexuality and motherliness', in *The Collected Papers of Martha Harris and Esther Bick*. Perth: Clunie, pp. 185–200.

Harris, Martha 'A baby observation: the absent mother', in *The Collected Papers of Martha Harris and Esther Bick*. Perth: Clunie, pp. 219–24.

Harris, Martha 'Bion's conception of a psycho-analytic attitude', in *The Collected Papers of Martha Harris and Esther Bick*. Perth: Clunie, pp. 340–4.

Herman, Nini *Why Psychotherapy?* London: Free Association Books.

Hinshelwood, R.D. 'The psychotherapist's role in a large psychiatric institution', *Psycho-Analytic Psychotherapy* 2: 207–15.

Hinshelwood, R.D. What Happens in Groups. London: Free Association Books.

Joseph, Betty 'Projective identification: some clinical aspects', in Joseph Sandler, *Projection, Identification, Projective Identification*. New York: International Universities Press; republished (1988) in Bott Spillius, *Melanie Klein Today, Volume 1*. London: Routledge; and (1989) in *Psychic Equilibrium and Psychic Change*. London: Routledge; and (1997) in Roy Schafer, ed. *The Contemporary Kleinians of London*. New York: International Universities Press.

Obholzer, Anton 'Institutional dynamics and resistance to change', *Psycho-Analytic Psychotherapy* 2: 201–6.

Pasquali, Gabrielle 'Some notes on humour in psycho-analysis', *International Review of Psycho-Analysis* 14: 231–6.

Piontelli, Alessandra 'Infant observation from before birth', *IJPA* 68: 453–63.

Rhode, Eric *Birth and Madness*. London: Duckworth.

Rosenfeld, Herbert *Impasse and Interpretation*. London: Tavistock.

Segal, Hanna 'Silence is the real crime', *International Review of Psychoanalysis* 14: 3–12; republished in Segal, *Psychoanalysis, Literature and War: Papers 1972–1995*. London: Routledge.

Steiner, John 'The interplay between pathological organisations and the paranoid-schizoid and depressive positions', *IJPA* 68: 69–80; republished (1988) in Bott Spillius, ed. *Melanie Klein Today, Volume 1*. London: Routledge; and (1993) in *Psychic Retreats*. London: Routledge; and (1997) in Roy Schafer, ed. *The Contemporary Kleinians of London*. New York: International Universities Press.

Steiner, Riccardo 'A world wide trade mark of genuineness', *International Review of Psycho-Analysis* 14, 33–102.

Tognoli Pasquali, Laura 'Reflections on Oedipus in Sophocles' tragedy and in clinical practice', *International Review of Psycho-Analysis* 14: 475–82.

1988

Caper, Robert *Immaterial Facts: Freud's Discovery of the Unconscious and Melanie Klein's Development of this Work*. New York: Jason Aronson.

de Bianchedi, Elizabeth T., Scalozub de Boschan, Lidia, de Cortinas, Lia P. and de Piccolo, Eisa G. 'Theories on anxiety in Freud and Melanie Klein: their metapsychological status', *IJPA* 69: 359–68.

Britton, Ronald 'The missing link: parental sexuality in the Oedipus complex', in Britton, Ronald, Feldman, Michael and O'Shaugnessy, Edna, *The Oedipus Complex Today: Clinical Implications*; republished (1997) in Roy Schafer, ed. *The Contemporary Kleinians of London*. New York: International Universities Press.

Dresser, Iain 'An adopted child in analysis', *Psychoanalytic Psychotherapy* 3: 235–46.

Elmhirst, Susanna Isaacs 'The Kleinian setting for child analysis', *International Review of Psycho-Analysis* 15: 5–12.

Etchegoyen, R. Horatio 'The analysis of Little Hans and the theory of sexuality', *International Review of Psycho-Analysis* 15: 37–43.

Folch, Terttu Eskelinen de 'Communication and containing in child analysis: towards terminability', *IJPA* 69: 105–12; republished (1988) in Bott Spillius, ed. *Melanie Klein Today: Developments in Theory and Practice, Volume 1, Mainly Theory.* London: Routledge, pp. 206–17.

Folch, Terttu Eskelinen de 'Guilt bearable and unbearable: a problem for the child in analysis', *International Review of Psycho-Analysis* 15: 13–24.

Hughes, Athol 'The use of manic defence in the psycho-analysis of a ten year-old girl', *International Review of Psycho-Analysis* 15: 157–64.

Joseph, Betty 'Projection and projective identification: clinical aspects', in Bott Spillius, ed. *Melanie Klein Today: Developments in Theory and Practice, Volume 1, Mainly Theory.* London: Routledge, pp. 138–150; republished (1988) in Sandler, ed. *Projection, Identification, Projective Identification*. London: Karnac, pp. 65–76; and (1989) in Joseph, *Psychic Equilibrium and Psychic Change*. London: Routledge, pp. 168–80.

Joseph, Betty 'Object relations and clinical practice', *Psychoanalytic Quarterly* 57: 626–42; republished (1989) in Joseph, *Psychic Equilibrium and Psychic Change*. London: Routledge, pp. 203–15.

Mancia, Mauro 'The dream as religion of the mind', *IJPA* 69: 419–26.

Meltzer, Donald and Williams, Meg Harris *The Apprehension of Beauty*. Perth: Clunie.

Menzies Lyth, Isabel *Containing Anxiety in Institutions: Selected Essays, Volume 1*. Free Association Books.

Menzies Lyth, Isabel 'A psychoanalytic perspective on social institutions', in Bott Spillius, ed. *Melanie Klein Today: Developments in Theory and Practice, Volume 2, Mainly Practice*. London: Routledge, pp. 284–99.

Pick, Irma Brenman 'Adolescence: its impact on patient and analyst', *International Review of Psycho-Analysis* 15: 187–94.

Piontelli, Alessandro 'Pre-natal life and birth as reflected in the analysis of a two-year-old psychotic girl', *International Review of Psycho-Analysis* 15: 73–81.

Rey, Henri 'That which patients bring to analysis', *IJPA* 69: 457–70.

Riesenberg-Malcolm, Ruth 'The constitution and operation of the super-ego', *Psychoanalytic Psychotherapy* 3: 149–59.

Riesenberg-Malcolm, Ruth ‘Construction as reliving history’, *Bulletin of the European Psycho-Analytical Federation* 31: 3–12.

Rustin, Margaret ‘Encountering primitive anxieties: some aspects of infant observation as a preparation for clinical work with children and families’, *Journal of Child Psychotherapy* 14(2): 15–28.

Sanders, Kenneth *A Matter of Interest*. Perth: Clunie.

Segal, Hanna ‘Sweating it out’, *Psychoanalytic Study of the Child* 43: 167–175; republished in Segal, *Psychoanalysis, Literature and War: Papers 1972–1995*. London: Routledge.

Spillius, Elizabeth Bott *Melanie Klein Today: Developments in Theory and Practice, Volume 1, Mainly Theory; Volume 2, Mainly Practice*. London: Routledge.

Steiner, Riccardo ‘“Paths to Xanadu…” Some notes on the development of dream displacement and condensation in Sigmund Freud’s *Interpretation of Dreams*’, *International Review of Psycho-Analysis* 15: 415–54.

Symington, Joan ‘The analysis of a mentally handicapped youth’, *International Review of Psycho-Analysis* 15: 243–50.

Tustin, Francis ‘The “black hole” – a significant element in autism’, *Free Associations* 11: 35–50.

Tustin, Francis ‘Psychotherapy with children who cannot play’, *International Review of Psycho-Analysis* 15: 93–106.

Waddell, Margot ‘Infantile development: Kleinian and post-Kleinian theory, infant observation practice’, *British Journal of Psychotherapy* 4: 313–28.

1989

Berke, Joseph *The Tyranny of Malice*. New York: Simon & Schuster.

Britton, Ronald ‘The missing link: parental sexuality and the Oedipus complex’, in Britton, Feldman and O’Shaughnessy, *The Oedipus Complex Today: Clinical Implications*. London: Karnac, pp. 83–101.

Britton, Ronald, Feldman, Michael and O’Shaughnessy, Edna *The Oedipus Complex Today: Clinical Implications*. London: Karnac.

Etchegoyen, R. Horatio ‘On interpretation and its testing’, in H.P. Blum, ed. *The Psychoanalytic Core: Essays in Honour of Leo Rangell*. New York: International Universities Press.

Feldman, Michael ‘The Oedipus complex: manifestations in the inner world and the therapeutic situation’, in Britton, Feldman and O’Shaughnessy, *The Oedipus Complex Today: Clinical Implications*. London: Karnac, pp. 103–28.

Grinberg, Leon and Rebeca *Psycho-analytic Perspectives on Migration and Exile*. New Haven: Yale University Press.

Heimann, Paula *About Children and Children no Longer*. London: Tavistock/Routledge.

Herman, Nini *Too Long a Child*. London: Free Association Books.

Hinshelwood, R.D. ‘Little Hans’s transference’, *Journal of Child Psychotherapy* 15(1): 63–78.

Hinshelwood, R.D. ‘Social possession of identity’, in B. Richards, ed. *Crises of the Self*. London: Free Association Books, pp. 75–83.

Jackson, Murray ‘Treatment of the hospitalized borderline patient: A Kleinian perspective’, *Psycho-Analytic Inquiry* 9: 554–69.

Jackson, Murray and Tarnopolsky, Alex 'The borderline personality', in Blueglass and Bowden, eds. *The Principles and Practice of Forensic Psychiatry*. London: Churchill Livingston.

Joseph, Betty 'Passivity and aggression: their interrelationship', in Joseph, *Psychic Equilibrium and Psychic Change*. London: Routledge, pp. 67–74.

Joseph, Betty 'Psychic change and the psychoanalytic process', in *Psychic Equilibrium and Psychic Change*. London: Routledge, pp. 192–202; republished (1997) in Roy Schafer, *The Contemporary Kleinians of London*. New York: International Universities Press.

Joseph, Betty *Psychic Equilibrium and Psychic Change*. London: Routledge.

Meltzer, Donald 'Concerning the stupidity of evil', *Melanie Klein and Object Relations* 7(1): 19–21.

Menzies Lyth, Isabel 'A psycho-analytic perspective on social institutions', in Menzies Lyth *The Dynamics of the Social*, pp. 26–44; republished (1990) in Trist and Murray, eds. *The Social Engagement of Social Science, Volume 1, The Socio-Psychological Perspective*. London: Free Association Books, pp. 463–475.

Menzies Lyth, Isabel *The Dynamics of the Social. Selected Essays, Volume 2*. London: Free Association Books.

Miller, Lisa, Margaret Rustin, Michael Rustin and Judy Shuttleworth *Closely Observed Infants*. London: Duckworth.

Obholzer, Anton 'Psycho-analysis and the political process', *Psychoanalytic Psychotherapy* 4: 55–66.

O'Shaughnessy, Edna 'The invisible Oedipus complex', in Britton, Feldman and O'Shaughnessy, *The Oedipus Complex Today: Clinical Implications*. London: Karnac, pp. 129–50.

O'Shaughnessy, Edna 'Seeing with meaning and emotion', *Journal of Child Psychotherapy* 15(2): 27–31.

Piontelli, Alessandro 'A study on twins before birth', *International Review of Psycho-Analysis* 16: 413–26.

Sandler, Joseph, ed. *Dimensions of Psychoanalysis*. London: Karnac.

Sayers, Janet 'Melanie Klein and mothering', *International Review of Psycho-Analysis* 16: 363–376.

Steiner, Deborah 'The internal family and the facts of life', *Psychoanalytic Psychotherapy* 4: 31–42.

Steiner, John 'The aim of psycho-analysis', *Psychoanalytic Psychotherapy* 4: 109–20.

Steiner, John 'The psycho-analytic contribution of Herbert Rosenfeld', *IJPA* 70: 611–17.

Steiner, Piccardo '"It's a new kind of diaspora..."', *International Review of Psycho-Analysis* 16: 35–78.

Temperley, Jane 'Psychoanalysis and the threat of nuclear war', in B. Richards, ed. *Crises of the Self*. London: Free Association Books, pp. 259–67.

Waddell, Margot 'Living in two worlds: psychodynamic theory and social work practice', *Free Associations* 15: 11–35.

Waddell, Margot 'Experience and identification in George Eliot's novels', *Free Associations* 17: 7–27.

Waddell, Margot 'Growing up', *Free Associations* 17: 90–105.

Weininger, Otto *Children's Phantasies: The Shaping of Relationships*. London: Karnac.

1990

Bion, Wilfred *Brazillian Lectures*. London: Karnac.

Elmhirst, Susan Isaacs 'The value of grandparents', *Psychoanalytic Psychotherapy* 5: 11–19.

Feldman, Michael 'Common ground: the centrality of the Oedipus complex', *IJPA* 71: 37–48.

Grinberg, Leon *The Goals of Psycho-Analysis: Identification, Identity and Supervision*. London: Karnac.

Jackson, Murray and Tarnopolosky, Alex 'The borderline personality', in R. Bluglass and P. Bowden, eds. *The Principles and Practices of Forensic Psychiatry*. London: Churchill-Livingstone.

O'Shaugnessy, Edna 'Can a liar be psycho-analysed?', *IJPA* 71: 187–95.

Pèrez-Sanchez, Manuel *Baby Observation: Emotional Relationships during the First Year of Life*. Perth: Clunie.

Riesenberg-Malcolm, Ruth 'As if: the phenomenon of not learning', *IJPA* 71: 385–92; republished (1992) in Anderson, ed. *Clinical Lectures on Klein and Bion*. London: Tavistock/Routledge, pp. 114–25.

Roth, Priscilla and Segal, Hanna 'Self-psychology: a Kleinian view', *Psycho-Analytic Inquiry* 10: 541–549.

Segal, Hanna 'Some comments on the Alexander technique', *Psycho-Analytic Inquiry* 10: 409–414.

Spillius, Elizabeth Bott 'On Kleinian Langauge', *Free Associations* 18: 90–110.

Steiner, John 'Pathological organisations as obstacles to mourning', *IJPA* 71: 87–94.

Steiner, John 'The retreat from truth to omnipotence in Sophocles' Oedipus at Colonus', *International Review of Psycho-Analysis* 17: 227–37.

Tustin, Frances *The Protective Shell in Children and Adults*. London: Karnac.

1991

Eychegoyen, Horatio *The Fundamentals of Psychoanalytic Technique*. London: Karnac.

Grinberg, Leon and Paniagua, Cecilio 'The attraction of Leonardo da Vinci', *International Review of Psycho-Analysis* 18: 1–10.

Hinshelwood, R.D. 'Psychodynamic formulation in assessment for psychotherapy', *British Journal of Psychotherapy* 8: 166–74.

Hughes, Atholl 'Joan Riviere: her life and work', in *The Inner World and Joan Riviere: Collected Papers 1920–1958*. London: Karnac Books, pp. 1–43.

Jackson, Murray 'Psychotic disorders', in Holmes, ed. *A Textbook of Psychotherapy in Psychiatric Disorders*. Edinburgh: Churchill Livingstone.

Riviere, Joan *The Inner World and Joan Riviere: Collected Papers 1920–1958*. London: Karnac Books.

Rustin, Michael *The Good Society and the Inner World*. London: Verso.

Segal, Hanna *Dream, Phantasy and Art*. London: Tavistock/Routledge.

Segal, Hanna and Bell, David 'The theory of narcissism in the work of Freud and Klein', in Sandler, Person and Fonagy, eds. *Freud's "On Narcissism: An Introduction"*. New Haven: Yale University Press, pp. 149–74.

Steiner, John 'A psychotic organisation of the personality', *IJPA* 72: 201–7.

Steiner, Riccardo 'To explain our point of view, to English readers in English words', *International Review of Psycho-Analysis* 18: 351–92.

Tustin, Frances 'Revised understandings of psychogenic autism', *IJPA* 72: 585–91.

Wadell, Margot and Williams, Gianna 'Reflections on perverse states of mind', *Free Associations* 22(2): 203–13.

Wadell, Margot 'The vale of soul-making: Psychotherapy and the growth of the mind', *British Journal of Psychotherapy* 7: 392–405.

Williams, Gianna 'Reflections on the process of internalisation', *Journal of Child Psychotherapy* 17: 3–14.

Williams, Meg Harris and Waddell, Margot *The Chamber of Maiden Thought*. London: Routledge.

1992

Alvarez, Anne *Live Company: Psychoanalytic Psychotherapy with Autistic, Borderline, Deprived and Abused Children*. London: Routledge.

Anderson, Robin, ed. *Clinical Lectures on Klein and Bion*. London: Tavistock/Routledge.

Anderson, Maxine 'The need of the patient to be emotionally known: the search to understand a counter-transference dilemma', *British Journal of Psychotherapy* 8: 2247–52.

Bell, David 'Hysteria – a contemporary Kleinian perspective', *British Journal of Psychotherapy* 9: 169–180.

Blomfield, O.H.D. 'Bleger's extension of Kleinian theory: some developmental and transferential implications', *Melanie Klein and Object Relations* 10: 62–88.

Britton, Ronald 'The Oedipus situation and the depressive position', in (1992) Anderson, ed. *Clinical Lectures on Klein and Bion*. London: Tavistock/Routledge, pp. 34–45.

Britton, Ronald 'Keeping things in mind', in (1992) Anderson, ed. *Clinical Lectures on Klein and Bion*. London: Tavistock/Routledge, pp. 102–113.

Bion, Wilfred *Cogitations*. London: Karnac.

Brenman Pick, Irma 'The emergence of early object relations in the psycho-analytic setting', in (1992) Anderson, ed. *Clinical Lectures on Klein and Bion*. London: Tavistock/Routledge, pp. 24–33.

Daniel, Patricia 'Child analysis and the concept of unconscious phantasy', in (1992) Anderson, ed. *Clinical Lectures on Klein and Bion*. London: Tavistock/Routledge, pp. 14–23.

Feldman, Michael 'Splitting and projective identification', in (1992) Anderson, ed. *Clinical Lectures on Klein and Bion*. London: Tavistock/Routledge, pp. 74–88; republished in *IJPA* 75: 409–432; republished (1997) in Roy Schafer, ed. *The Contemporary Kleinians of London*. New York: International Universities Press.

Feldman, Michael 'The manifestation of the object in the transference', in *Psychoanalysis in Europe*, Bulletin 39, pp. 69–85.

Hughes, Athol 'Letters of Sigmund Freud to Joan Riviere (1921–1939)', *International Review of Psycho-Analysis* 19: 265–84.

Jackson, Murray 'Psychodynamics and psychotherapy on an acute psychiatric ward: an experimental unit', *British Journal of Psychiatry* 160: 41–50.

Jackson, Murray *Learning to think about schizoid thinking*, *Psycho-Analytic Psychotherapy* 6: 191–203.

Joseph, Betty ‘Psychic change: some perspectives’, *IJPA* 73: 237–43.

Lucas, Richard ‘The psychotic personality: a psycho-analytic theory and its application in clinical practice’, *Psychoanalytic Psychotherapy* 6: 73–79.

Meltzer, Donald *The Claustrum*. Perth: Clunie Press.

O’Shaugnessy, Edna ‘Psychosis: not thinking in a bizarre world’, in (1992) Anderson, ed. *Clinical Lectures on Klein and Bion*. London: Tavistock/Routledge, pp. 89–101.

O’Shaugnessy, Edna ‘Enclaves and excursions’, *IJPA* 73: 603–11; republished (1997) in Bell, ed. *Reason and Passion*. London: Duckworth.

Rey, J. Henri ‘Awake, going to sleep, asleep, dreaming, awaking, awake: comments on W. Clifford M. Scott’, *Free Associations* 3: 439–455.

Segal, Hanna ‘Acting on phantasy and acting on desire’, in Hopkins and Saville, eds. *Psycho-Analysis, Mind and Art: Perspectives on Richard Wollheim*. Oxford: Blackwell.

Scott, Clifford ‘Making the best of a sad job’, *Melanie Klein and Object Relations* 10: 1–18.

Segal, Hanna ‘The achievement of ambivalence’, *Common Knowledge* 1: 92–104; republished in Segal, *Psychoanalysis, Literature and War: Papers 1972–1995*. London: Routledge.

Segal, Julia *Melanie Klein*. London: Sage.

Spillius, Elizabeth Bott ‘Clinical experiences of projective identification’, in (1992) Anderson, ed. *Clinical Lectures on Klein and Bion*. London: Tavistock/Routledge, pp. 59–73.

Steiner, John ‘The equilibrium between the paranoid-schizoid and the depressive positions’, in (1992) Anderson, ed. *Clinical Lectures on Klein and Bion*. London: Tavistock/ Routledge, pp. 46–58.

Weininger, Otto *Melanie Klein: From Theory to Reality*. London: Karnac.

1993

Alvarez, Anne ‘Making the thought thinkable’, *Psychoanalytic Inquiry* 13: 103–122.

Britton, Ronald ‘External and internal reality in training analysis’, *Bulletin of the European Psycho-Analytical Federation* 40: 42–44.

Chiesa, Marco ‘At the border between institutionalization community psychiatry: psychodynamic observations of a hospital admission ward’, *Free Associations* 4: 241–263.

Etchegoyen, Alicia ‘The analyst’s pregnancy and its consequences on her work’, *IJPA* 74: 141–149.

Etchegoyen, Alicia ‘Latency – a reappraisal’, *IJPA* 74: 347–357.

Etchegoyen, Horatio ‘Psycho-analysis today and tommorrow’, *IJPA* 74: 1109–1115.

Feldman, Michael ‘Aspects of reality and the focus of interpretation’, *Psychoanalytic Inquiry* 13: 274–295.

Feldman, Michael ‘The dynamics of reassurance’, *IJPA 74*: 275–285; republished (1997) in Roy Schafer, ed. *The Contemporary Kleinians of London*. New York: International Universities Press.

Gardner, Sebastian *Irrationality and the Philosophy of Psychoanalysis*. Cambridge: Cambridge University Press.

Hill, John ‘Am I a Kleinian? Is Anyone?’, *British Journal of Psychotherapy* 9: 463–475.

Jackson, Murray ‘Psychoanalysis, psychiatry, psychodynamics: training for integration’, *Psychoanalytic Psychotherapy* 7: 1–14.

Jackson, Murray ‘Manic-depressive psychosis: psychopathology and individual psychotherapy within a psychodynamic milieu’, *Psychoanalytic Psychotherapy* 7: 103–133.

Joseph, Betty 'On transference love: some current observations', in Person, Hagelin and Fonagy *On Freud's 'Observations on Transference-Love'*. New Haven: Yale University Press.

Joseph, Betty 'Hearing and experiencing in the treatment of child and adult patients', *Bulletin of the European Psycho-Analytical Federation* 40: 14–17.

Lopez-Corvo, Raphael 'A Kleinian understanding of addiction', *Melanie Klein and Object Relations* 11: 5–94.

Lucas, Richard 'The psychotic wavelength', *Psychoanalytic Psychotherapy* 7: 15–24.

Likierman, Meira 'Primitive object love in Melanie Klein's thinking: early theoretical influences', *IJPA* 74: 241–253.

Pasquali, Gabrielle 'On separateness', *Psychoanalytic Psychotherapy* 7: 181–191.

Segal, Hanna 'On the clinical usefulness of the concept of the death instinct', *IJPA* 74: 55–61; republished in Segal, *Psychoanalysis, Literature and War: Papers 1972–1995*. London: Routledge.

Spillius, Elizabeth Bott 'Varieties of envious experience', *IJPA* 74: 409–432; republished (1997) in Roy Schafer, ed. *The Contemporary Kleinians of London*. New York: International Universities Press.

Steiner, John 'Problems of psychoanalytic technique: patient-centred and analyst centred interpretations', in *Psychic Retreats: Pathological Organisation in Psychotic, Neurotic and Borderline Patients*. London: Routledge; republished (1997) in Roy Schafer, ed. *The Contemporary Kleinians of London*. New York: International Universities Press.

Steiner, John *Psychic Retreats: Pathological Organisation in Psychotic, Neurotic and Borderline Patients*. London: Routledge.

1994

Blèandonu, Gèrard *Wilfred Bion*. London: Free Association Books.

Britton, Ronald 'Publication anxiety: conflict between communication and affiliation', *IJPA* 75: 1213–1224.

Britton, Ronald and John Steiner 'Interpretation: selected fact or overvalued idea', *IJPA* 75: 1069–1078.

Chiesa, Marco 'Some thoughts on erotic transference', *Psychoanalytic Psychotherapy* 8: 37–48.

Hinshelwood, R.D. *Clinical Klein*. London: Free Association Books.

Hinshelwood, R.D. 'The relelvance of psychotherapy', *Psychoanalytic Psychotherapy* 8: 283–294.

Jackson, Murray and Williams, Paul *Unimaginable Storms: A Search for Meaning in Psychosis*. London: Karnac.

Lucas, Richard 'Puerperal psychosis: vulnerability and aftermath', *Psychoanalytic Psychotherapy* 8: 257–272.

Meltzer, Donald *Sincerity and Other Works: Collected Papers of Donald Meltzer*. London: Karnac.

Milton, Jane 'Abuser and abused: perverse solutions following childhood abuse', *Psychoanalytic Psychotherapy* 8: 243–255.

Obholzer, Anton 'Authority, power and leadership: contributions from group relations training', in Obholzer and Roberts, eds. *The Unconscious at Work: Individual and Organizational Stress in the Human Services*. London: Routledge, pp. 39–47.

Obholzer, Anton 'Fragmentation and integration in a school for physically handicapped children', in Obholzer and Roberts, eds. *The Unconscious at Work: Individual and Organizational Stress in the Human Services*. London: Routledge, pp. 84–93.

Obholzer, Anton and Roberts, Vega 'The troublesome individual and the troubled institution', in Obholzer and Roberts, eds. *The Unconscious at Work: Individual and Organizational Stress in the Human Services*. London: Routledge, pp. 129–138.

Obholzer, Anton 'Managing social anxiety in public sector oerganizations', in Obholzer and Roberts, eds. *The Unconscious at Work: Individual and Organizational Stress in the Human Services*. London: Routledge, pp. 169–178.

O'Shaugnessy, Edna 'What is a clinical fact?' *IJPA* 75: 409–432; republished (1997) in Roy Schafer, ed. *The Contemporary Kleinians of London*. New York: International Universities Press.

Rey, Henri 'Further thoughts on that which patients bring to analysis', *British Journal of Psychotherapy* 11: 185–197.

Rey, Henri *Universals of Psycho-Analysis in the Treatment of Psychotic and Borderline States*. London: Free Association Books.

Rhode, Eric *Psychotic Metaphysics*. London: Karnac Books/The Clunie Press.

Rhode, Maria 'Autistic breathing', *Journal of Child Psychotherapy* 20: 25–41.

Riesenberg-Malcolm, Ruth 'Conceptualisation of a clinical fact', *IJPA* 75: 1031–1040; republished (1997) in Roy Schafer, ed. *The Contemporary Kleinians of London*. New York: International Universities Press.

Rustin, Margaret and Rustin, Michael 'Coups d'etat and catastrophic change', *British Journal of Psychotherapy* 11: 242–259.

Segal, Hanna 'Phantasy and reality', *IJPA* 75: 359–401; republished (1997) in Segal *Psychoanalysis, Literature and War. London: Routledge*; and (1997) in Roy Schafer, ed. *The Contemporary Kleinians of London*. New York: International Universities Press.

Segal, Hanna 'Salman Rushdie and the Sea of Stories', *IJPA* 75: 611–618.

Sodre, Ignes 'Deciphering, discovering and imagining', *Bulletin of the European Psycho-Analytical Federation* 43: 30–34.

Sodrè, Ignés 'Obsessional certainty versus obsessional doubt: from 2 to 3', *Psychoanalytic Inquiry* 14: 379–392; republished (1997) in Roy Schafer, ed. *The Contemporary Kleinians of London*. New York: International Universities Press.

Spillius, Elizabeth 'On formulating clinical fact to the patient', *IJPA* 75: 1121–1132.

Steiner, Riccardo 'In Vienna veritas...', *IJPA* 75: 511–583.

Steiner, Riccardo «"The tower of Babel" or "After babel in contemporary psycho-analysis"?» *IJPA* 75: 883–913.

Tustin, Frances 'The perpetuation of an error', *Journal of Child Psychotherapy* 20: 3–23.

Tustin, Frances 'Autistic children who are assessed as not brain-damaged', *Journal of Child Psychotherapy* 20: 103–131.

Williams, Meg Harris 'A man of achievement – Sophocles' Oedipus', *British Journal of Psychotherapy* 11: 232–241.

Young, Robert *Mental Space*. London: Process Press.

1995

Alvarez, Anne 'Motiveless malignity: problems in the psychotherapy of psychopathic patients', *Journal of Child Psychotherapy* 21: 167–182.

Bion, Francesca 'The days if our years', *Melanie Klein and Object Relations* 13: 1–29.

Brenman Pick, Irma 'Concern: spurious or real', *IJPA* 76: 257–270.

Britton, Ronald 'Psychic reality and unconscious belief', *IJPA* 76: 19–24.

Bronstein, Catalina 'Female homosexuality in adolescence: a clinical presentation', *Bulletin of the European Psychoanalytical Federation* 44: 30–50.

Chiesa, Marco 'Biological and psychic domain: clinical and institutional aspects', *Psychoanalytic Psychotherapy* 9: 121–131.

Eskelinen de Folch, Terttu 'Psychic reality and external reality in the analysis of children', *Bulletin of the European Psychoanalytical Federation* 44: 5–21.

Hinshelwood, R.D. 'Psychoanalysis in Britain: points of cultural access, 1893–1918', *IJPA* 76: 135–152.

Likierman, Meira 'The debate between Anna Freud and Melanie Klein: an historical survey', *Journal of Child Psychotherapy* 21: 313–325.

Rhode, Maria 'Links between Henri Rey's thinking and psychoanalytic work with autistic children', *Psychoanalytic Psychotherapy* 9: 149–155.

Riesenberg-Malcolm, Ruth 'The three 'W's: what, where and when: the rationale of interpretation', *IJPA* 76: 447–456.

Sohn, Leslie 'Unprovoked assaults: making sense of apparently random violence', *IJPA* 76: 565–575; republished (1997) in Bell, ed. *Reason and Passion*. London: Duckworth.

Steiner, John 'The influence of Henri Rey's work', *Psychoanalytic Psychotherapy* 9: 145–148.

Steiner, Riccardo 'Hermeneutics or Hermes-mess?' *IJPA* 76: 435–446.

Steiner, Riccardo '"Et in Arcadia Ego…?" Some notes on methodological issues in the use of psychoanalytic documents and archives', *IJPA* 76: 739–758.

Tarnopoloski, Alex 'Understanding countertransference', *Psychoanalytic Psychotherapy* 9: 185–194.

Научное издание

Серия
«Библиотека психоанализа»

Роберт Д. Хиншелвуд

СЛОВАРЬ КЛЯЙНИАНСКОГО ПСИХОАНАЛИЗА

Обложка — *П.П. Ефремов*
Компьютерная верстка — *А. Пожарский*

ИД № 05006 от 07.06.01

Сдано в набор 26.09.06. Подписано в печать 18.10.06.
Формат 70x100/16. Бумага офсетная № 1. Гарнитура Peterburg.
Печать офсетная. Усл.-печ.л. 45,9. Уч.-изд. л 34,9.
Тираж 2000 экз. Заказ № .

Издательство «Когито-Центр»
129366, Москва, ул. Ярославская, 13
тел./факс: (495) 682-6102
E-mail: visu@psychol.ras.ru http: // www.cogito-centre.com

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Можайский полиграфический комбинат». 143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.